

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2020 № 4 (18)

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LITERATURNYI FAKT
LITERARY FACT

Academic journal

No. 4 (18). 2020

Published since 2016

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2020. № 4 (18)

Издается с 2016 г.

Редакция

Главный редактор

Вадим Владимирович Полонский (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

Сергей Игоревич Панов (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакторы

Владислав Александрович Резвый (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Зоя Сергеевна Закружная (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

Алена Эдвартовна Исаханян (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

К.М. Азадовский (Германская академия языка и литературы, Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург, Россия), *А.Ю. Балакин* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *Н.А. Богомолов* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Н.В. Корниенко* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.В. Лавров* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *И.Е. Лоцилов* (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия), *Д.С. Московская* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *Ф.Б. Поляков* (Институт славистики Венского университета, Вена, Австрия), *О.А. Проскурин* (Университет Эмори, Атланта, Джорджия, США), *А.И. Рейтблат* (ИД «Новое литературное обозрение», Москва, Россия), *М.В. Строганов* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Л. Топорков* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *М.И. Щербакова* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Международный редакционный совет

С. Гардзонио (Пизанский университет, Пиза, Италия), *А.Л. Зорин* (Оксфордский университет, Великобритания / Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия), *Д.П. Ивинский* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *П.М. Лавринец* (Вильнюсский университет, Вильнюс, Литва), *Дж. Малмстад* (Гарвардский университет, Бостон, США), *Г.В. Обатнин* (Университет Хельсинки, Финляндия), *Л.Л. Пильд* (Тартуский университет, Тарту, Эстония), *Д. Рицци* (Университет Са' Фоскари, Венеция, Италия), *А.Ф. Строев* (Университет Новая Сорбонна – Париж 3, Париж, Франция), *Р.Д. Тименчик* (Еврейский университет, Иерусалим, Израиль), *Л.С. Флейшман* (Стэнфордский университет, Пало-Алто, США), *М. Шруба* (Миланский университет, Милан, Италия)

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Поварская 25 а

Тел: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

Сайт: <http://litfact.ru/>

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

he journal is registered in The Federal Service for
Supervision of Communications, Information Technology,
and Mass Media.
Registration Certificate ПИ № ФС77-67296,
September 30, 2016

Editors

Editor-in-Chief

Vadim V. Polonsky (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Sergei I. Panov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editors

Vladislav A. Rezvy (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), Zoya S. Zakruzhnaya (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor

Alena E. Isakhanyan (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editorial Board

Konstantin M. Azadovsky (German Academy for Language and Literature, Darmstadt, Germany / St. Petersburg, Russia), *Alexei Yu. Balakin* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Nikolay A. Bogomolov* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *Natalia V. Kornienko* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexander V. Lavrov* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Igor E. Loshchilov* (Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia), *Darya S. Moskovskaya* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Fyodor B. Polyakov* (Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna, Austria), *Oleg A. Proskurin* (Emory University, Atlanta, GA, USA), *Abram I. Reitblat* ("Novoe Literaturnoe Obozrenie" Publishing House, Moscow, Russia), *Mikhail V. Stroganov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Andrei L. Toporkov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Marina I. Shcherbakova* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia),

International Editorial Council

Stefano Garzonio (University of Pisa, Pisa, Italy), *Andrei L. Zorin* (Oxford University, Great Britain / Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia), *Dmitry P. Ivinsky* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *Pavel M. Lavrinets* (Vilnius University, Vilnius, Lithuania), *John Malmstad* (Harvard University, Boston, MA, USA), *Gennady V. Obatnin* (University of Helsinki, Finland), *Lea L. Pild* (University of Tartu, Tartu, Estonia), *Daniela Rizzi* (University Ca' Foscari, Venice, Italy), *Alexander F. Stroev* (New Sorbonne University – Paris 3, Paris, France), *Roman D. Timenchik* (The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel), *Lazar S. Fleishman* (Stanford University, Palo Alto, CA, USA), *Manfred Schrubba* (Milan University, Milan, Italy)

Address: Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia

Phone: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

www.litfact.ru

Содержание

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

<i>Е.Р. Обатнина.</i> Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть вторая: Были и небыли парижских будней.....	8
<i>А.М. Ремизов.</i> «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1926–1927. Комментарии <i>Е.Р. Обатниной</i> ; Подготовка текста <i>Е.Р. Обатниной</i> и <i>А.С. Урюпиной</i>	40

ВОКРУГ БЛОКА

<i>С.В. Федотова.</i> «Мошеником меня еще никто не считал...»: письма С.М. Алянского к Л.Д. Блок (1922–1924).....	109
<i>Б.Н. Романов.</i> Из писем М.А. Бекетовой к Е.Ф. Книпович (1922–1926).....	152

ПИСАТЕЛИ, ИЗДАТЕЛИ, ЧИТАТЕЛИ

<i>М.А. Фролов.</i> И.А. Бунин и «Книгоиздательство писателей в Москве». <i>Материалы к теме и комментарии</i>	198
<i>М.М. Аболина.</i> И.А. Бунин, В.Н. Бунина и «Издательство имени Чехова».....	235

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

<i>И.Ю. Виницкий.</i> HERR PANZERBITTER. Из истории русской коллективной поэзии конца XVIII – первой трети XIX века.....	260
<i>А.Ю. Балакин.</i> «Злодей Алаев». (Из комментариев к переписке <i>И. А. Гончарова</i>).....	300
<i>М.В. Строганов.</i> Памяти Герцена. На полях журнала «Русское богатство».....	312
<i>Ю.А. Рыкунина.</i> Владимир Гиппиус о Мандельштаме, Ахматовой и литературных поколениях.....	326
<i>И.В. Мотеюнайте.</i> С.Н. Дурылин о Валерии Брюсове.....	341
<i>Р.Д. Тименчик.</i> Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Г. Ягода.....	355
<i>С.И. Панов.</i> Сергей Дурылин и «Литературное наследство».....	365

ДОПОЛНЕНИЯ. ОТКЛИКИ. ОБЗОРЫ

<i>А.В. Романова.</i> Дополнения о службе И.А. Гончарова в Департаменте внешней торговли.....	384
<i>А.И. Федута.</i> Воскрешение одной ошибки. (К истории изучения исчезнувшего текста <i>Н.А. Некрасова</i>).....	393
<i>А.Г. Мец.</i> Возвращаясь к напечатанному.....	403
<i>О.А. Лекманов.</i> «На берегах Невы» Ирины Одоевцевой: шесть комментариев к комментарию.....	408

IN MEMORIAM

Николай Алексеевич Богомолов (1950–2020).....	414
---	-----

Contents

FROM LITERARY HERITAGE

<i>Elena R. Obatnina</i> . Studies on A.M. Remizov's Creative Biography: 1926–1927. Part 2. Facts and Fables of Parisian Everyday Life.....	8
Remizov Alexey. "At the Evening Dawn". A Chapter from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1926–1927. Commentaries by <i>Elena R. Obatnina</i> . Text prepared by <i>Elena R. Obatnina</i> and <i>Anna S. Uryupina</i>	40

AROUND BLOK

<i>Svetlana V. Fedotova</i> . "Nobody Considered Me a Fraudster Yet...": S.M. Alyansky Letters to L.D. Blok (1922–1924).....	109
<i>Boris N. Romanov</i> . From M.A. Beketova's Letters to E.F. Knipovich (1922–1926).....	152

WRITERS, PUBLISHERS, READERS

<i>Maksim A. Frolov</i> . I.A. Bunin and 'Book Publishing of Writers in Moscow'. Materials and Comments	198
<i>Margarita M. Abolina</i> . I.A. Bunin, V.N. Bunina and the Chekhov Publishing House	235

ARTICLES. NOTES. MATERIALS

<i>Ilya Yu. Vinitsky</i> . Herr Panzerbitter: An Episode From the History of Russian Collaborative Poetry From the Late 18th Through the First Third of the 19th Century	260
<i>Alexey Yu. Balakin</i> . "Villain Adaev". (From commentaries to I.A. Goncharov's' correspondence)	300
<i>Mikhail V. Stroganov</i> . <i>In Memory of Herzen</i> . On the Margins of the Magazine "Russkoye Bogatstvo".....	312
<i>Yulia A. Rykunina</i> . Vladimir Gippius on Mandelstam, Akhmatova and Literary Generations.....	326
<i>Ilona V. Moteyunaite</i> . Sergey Durylin on Valery Bryusov.....	341
<i>Roman D. Timenchik</i> . From the Index to Akhmatova's Notebooks: Genrikh Yagoda.....	355
<i>Sergey I. Panov</i> . Sergey Durylin and "Literary Heritage".....	365

SUPPLEMENTS. RESPONSES. REVIEWS

<i>Aleksandra V. Romanova</i> . Additions on I.A. Goncharov's Service in the Foreign Trade Department	384
<i>Alexander I. Feduta</i> . Reappearance of a Mistake. (On the history of a disappeared text by N.A. Nekrasov).....	393
<i>Alexander G. Mets</i> . Revisiting the Printed	403
<i>Oleg A. Lekmanov</i> . <i>On the Banks of the Neva</i> by Irina Odoevtseva: Six Comments to Commentary	408

IN MEMORIAM

Nikolay A. Bogomolov (1950–2020).....	414
---------------------------------------	-----

Литературный факт.
2020. № 4 (18)

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-8-39>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (18), 2020

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть вторая: Были и небыли парижских будней

© 2020, Е.Р. Обатнина

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье дано описание нескольких сюжетов биографии А.М. Ремизова 1926–1927 гг., неизвестных по его автобиографической прозе. В эпистолярном наследии, а также в хронике литературной жизни эмиграции обнаружены отдельные события, которые потребовали дополнительной верификации. Предметом исследования стали не только реальные, но и мифические случаи из жизни писателя. В статье впервые рассмотрен эпизод, связанный со встречей Ремизова и Вс.Э. Мейерхольда в период с 1926 по 1930 г., который до сих пор не имел временной фиксации; обнаружено участие К.А. Сомова в издании романа «Взвихренная Русь»; исследованы мотивы литературного поведения Ремизова на страницах эмигрантской прессы; представлены яркие события творческой жизни писателя, который в 1927 г. вслед за другими своими литературными сверстниками мог бы отпраздновать 50-летие со дня рождения и 25 лет творческой жизни, однако чувство литературного одиночества заставило его отказаться от юбилея.

Ключевые слова: эмиграция; литературная критика; литературное поведение; верификация биографических событий.

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lana.eo@mail.ru

Для цитирования: Обатнина Е.Р. Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть вторая: Были и небыли парижских будней // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 8–39.
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-8-39>

Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-012-00035.

Простое сведение событий творческой и личной жизни Ремизова в 1926–1927 гг. в упорядоченный список Хроники прекрасно иллюстрирует, в каком ритме проходили дни и труды писателя. В этом подчас вихревом потоке обнаружился ряд неизвестных по автобиографической прозе сюжетов, подтверждающихся эпистолярными документами или сообщениями в печати. Однако свершились ли они на самом деле, остается загадкой. О таких, на первый взгляд, маловероятных, иногда намеренно скрытых под мифической оболочкой, а также неverified историях и пойдет речь.

Два эпизода 1926 г. прошли для Ремизова под знаком возвращения к давнему прошлому. Первый был связан с годами пензенской ссылки (1897–1898). Во всяком случае, о возможности в реальном времени воскресить годы юности писатель узнал из письма Валентина Парнаха. В 1922 г. этот человек синтезированного дарования (поэт, переводчик, пропагандист джаза, хореограф) вернулся в Москву¹, а с октября 1925 г. работал в Париже как сотрудник драматической лаборатории ГосТИМа и помощник Вс.Э. Мейерхольда, подготавливая приезд режиссера-новатора в столицу Франции [5, с. 822–833; 11; 12]. Исполнение прямых обязанностей подвигло Парнаха к письменному сообщению 20 мая 1926 г.:

Многоуважаемый и дорогой Алексей Михайлович,
Приехавшие из Москвы Вс. Э. Мейерхольд и З.Н. Мейерхольд-Райх очень хотели бы повидать Вас и Серафиму Павловну.

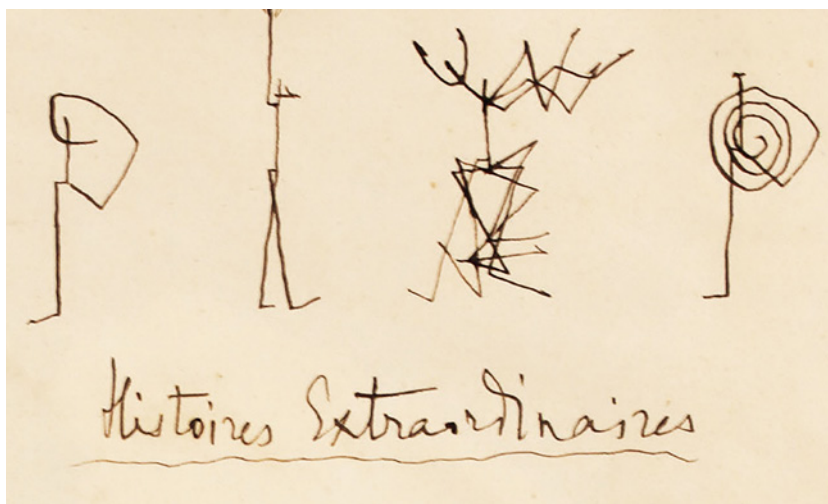
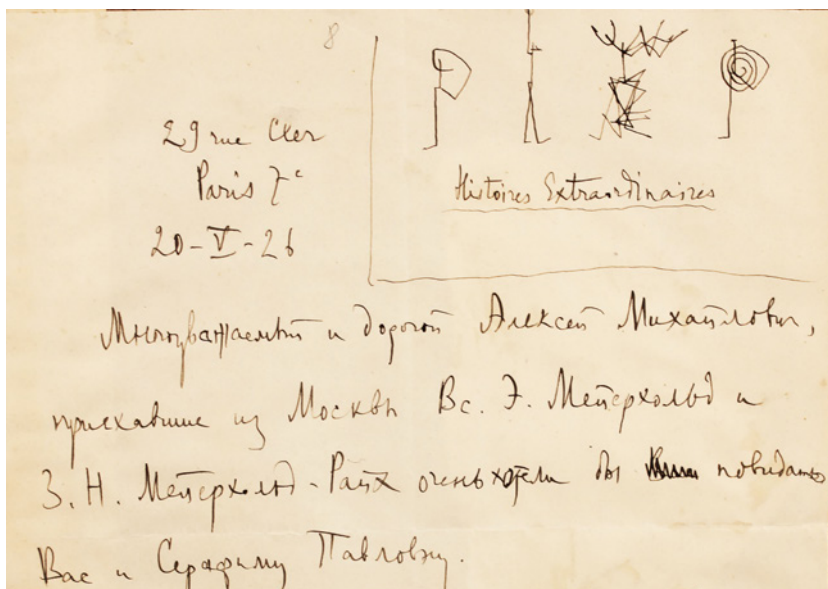
Прошу Вас сообщить мне, когда и где они могли бы встретиться с Вами.

Пользуюсь случаем сказать Вам, что соскучился по Вас и не заезжал к Вам из боязни потревожить Вас. Всеволод Эмильевич, конечно, завален делами и просил меня написать за него целый ряд писем. Мой сердечный привет Вам и Серафиме Павловне.

Ваш Валентин Парнах (Matheus-Müller-Sec)²

¹ Об отъезде Парнаха в Москву в 1922 г. и его письмах Ремизову см.: [16]. См. также упоминание о встречах Ремизова с Парнахом, в частности о его хореографическом этюде «Дохлый танец»: [21, с. 12, 46].

² Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series I. B. 4. F. 4 (далее: Amherst, с указанием шифра).

Фрагмент письма В. Парнаха А.М. Ремизову. 20 мая 1926. Amherst
Fragment of V. Parnakh's letter to A.M. Remizov. May 20, 1926. Amherst

Парнах, по-видимому, посвященный в историю дружбы режиссера и писателя, явно предвосхищал одну из уникальных мейерхольдовских «мизансцен», постановка которой должна была осуществиться не на подмостках, а в реальной жизни. В начале послания он, используя собственную систему записи, схематически

изобразил некий хореографический этюд³, а нижеследующий текст эффектно озаглавил “*Histoires Extraordinaires*”. И правда, свидание на Елисейских полях могло бы стать событием незабываемым, поскольку со времени знакомства героев летом 1897 г. к моменту предполагаемой встречи минуло 29 лет. В ту пору Ремизов, недавний студент-вольнослушатель Московского университета, отбывал ссылку в Пензе и продолжал подпольную марксистскую пропаганду. Мейерхольд, студент Музыкально-драматического училища при Московском филармоническом обществе, сокурсник старшего брата Ремизова — Сергея, приехал в родной город на каникулы. Пензенский Народный театр стал для них местом взаимного обмена знаниями. В 1913 г. уже состоявшийся режиссер, формируя такой «безличностный» документ, как собственное краткое жизнеописание для Биобиблиографического словаря С.А. Венгерова, в ряду важных событий начального периода своего профессионального пути остановился на следующем факте биографии:

...<осенью 1906 г.> поступает на драматические курсы при Московском Филармоническом Обществе <...>. В дни пребывания на драматических курсах знакомится с писателем А.М. Ремизовым, под умственным влиянием которого он продолжает свое самообразование. Под влиянием А.М. Ремизова М. принимается за изучение теории Карла Маркса и увлекается рабочим вопросом⁴.

Однако вскоре политико-экономическое самообразование для обоих друзей было вытеснено страстью к театру. Поэтика символистской драматургии стала предметом тщательного исследования Ремизова, который увлекся идеей создания сценического языка, соответствующего мировоззрению человека культуры нового времени. По признанию Мейерхольда, «умственное влияние» друга сказалось прежде всего на становлении его концепции «новой драмы». Первые опыты сценического воплощения эстетических принципов были осуществлены в плодотворном сотрудничестве двух единомышленников, когда начинающий писатель после освобождения из ссылки в 1903 г. по приглашению молодого режиссера занял место заведующего репертуаром в образованном театре [18].

Известные нам источники, раскрывающие хронологическую канву событий, произошедших со времени получения письма Пар-

³ Парнах создал систему танцевальной записи для собственных хореографических этюдов, которую применял для постановок в ГосТИМе. Подробнее см.: [5, с. 821].

⁴ ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2363. Л. 9.

наха⁵, не предоставляют сведений, указывающих на то, что весной 1926 г. «экстраординарная история» состоялась.

Среди запланированных Мейерхольдом дел, связанных в первую очередь с организацией гастролей ГостИМа в Париже, действительно, было трудно найти паузу для дружеской встречи⁶. По нашим предположениям, если таковая и могла иметь место, то буквально «на ходу» 29 июня — во время репетиции труппой С.П. Дягилева премьерного балета Ж. Орика «Пастораль» в постановке Ж. Баланчина, на которую тогда сошелся весь цвет французского и эмигрантского театрально-художественного бомонда. Однако С.С. Прокофьев, встречавшийся в эти дни с Мейерхольдом на званных приемах, а также на упомянутой репетиции дягилевской антрепризы, подробно описал оказавшиеся в его поле зрения контакты режиссера, ни разу не упомянув хорошо знакомого ему Ремизова [19, с. 407]. Из письма Ремизова к Серафиме Павловне следует, что 29 июня он был занят срочной работой, явно не планируя театральной вылазки⁷.

В течение последующих десяти лет Мейерхольд подолгу оставался в Париже, так что возможность повидаться в 1926 г. для старинных друзей была далеко не единственной [12, с. 760–773]. Тем не менее в личной биографии режиссера был памятен приезд 1930 г., когда в нарушение запретов Наркомпроса он привез труппу в Париж [12, с. 762–763]. В театре Монпарнас сыграли два спектакля — «Ревизор» и «Лес» (с 16 по 24 июня; прошло всего 10 представлений, включая генеральную репетицию гоголевской пьесы) [12, с. 763]. «Ревизор» был давней творческой задачей Мейерхольда, к решению которой он готовился с 1908 г., найдя для себя «ключ» к созданию инсценировки в статье Д.С. Мережковского «Гоголь и черт» (1906) [6, с. 298–302]. Июньские гастроли оказались последним выездом Мейерхольда во Францию для демонстрации собственных режиссерских достижений⁸.

⁵ Речь идет о кратком временном отрезке с 20 мая по 5 июня, когда, по всей вероятности, Мейерхольд выехал из Парижа, чтобы прибыть в Москву 7 июня. Уточнение этих дат см.: [12, с. 744].

⁶ В прессе приезд Мейерхольда не афишировался. Только промелькнула заметка «Мейерхольд в Париже»: «Всеволод Мейерхольд находится в настоящее время в Париже. Цель его приезда — желание познакомиться с французскими театрами» (Последние новости. 1926. № 1897, 2 июня. С. 3). Режиссер был уже в Москве, когда на страницах той же газеты напечатали мемуарный очерк П.П. Потемкина «Доктор Дапертутто (Из театральных воспоминаний)» (1926. № 1908, 13 июня. С. 3).

⁷ См. оригинал письма: [15, с. 63].

⁸ В 1933 и 1936 г. режиссер приезжал в Париж как частное лицо, ограничив свои контакты с эмигрантским окружением. См.: [12, с. 771–772].

Такого рода «эпохальное» событие парижской культурной жизни наверняка могло выманить Ремизова из-за рабочего стола. К этому времени уже проявился его творческий интерес к феномену Гоголя, впоследствии в полной мере раскрывшийся в книге «Огонь вещей» (1954). Первые подступы к этой теме обозначились осенью 1929 г., когда в журнале «Воля России» был напечатан очерк «Тайна Гоголя» (№ 8/9). Предположительно именно репетиция «Ревизора» в 1930 г. послужила импульсом к написанию эссе под названием «Ревизор», полный текст которого так и остался в рабочих тетрадях писателя⁹. Здесь, не упоминая имени Мейерхольда, Ремизов впервые высказался категорически против сценического воплощения комедии, театральные постановки которой, как известно, не удовлетворили и ее автора:

«Ревизор» — скучнее пьесы я не знаю, и пусть комические положения, которыми сверкает каждая сцена, скуку ничем не возьмешь.

Это мое чувство с детства, когда нас гоняли на «Ревизора», как гоняли на «Недоросль», по скуке не уступающей «Ревизору».

Я читаю и перечитываю «Ревизора», из строки в строку выговариваю каждое слово и всегда, как новое. Часами готов читать вслух, никогда не соскучусь, но смотреть, как играют на театре...

«Ревизор»! Гоголь от «классической» постановки «Ревизора» покинул Россию — в чужих краях «разгулять свою тоску», а на современную постановку, чем бы он ответил?

«Ревизор» словесно выражен совершенно: не прибавить, не убавить и свой особенный «ревизорный» ритм.

<...> я отвечу за Гоголя: «классическая» постановка или современная — но уж на земле нет больше места, где бы «разгулять тоску».

Трагедия Гоголя, о чем он не догадывался, обвиняя актеров и Россию, эта трагедия в том, что «Ревизор» не воплощается: «Ревизора» можно только читать или слушать, но не смотреть¹⁰.

В автобиографической прозе писателя не запечатлелась ни одна из возможных встреч с Мейерхольдом. И всё же зацепка к интересующему нас латентному сюжету биографии двух друзей нашлась в романе «Учитель музыки», начатом в 1930 г., когда Ремизовы уже

⁹ Опубл.: [22, с. 73]. См. также фрагмент этого очерка, включенный в главу «Ревизор» книги «Учитель музыки» (впервые: Последние новости. 1935. № 5267, 25 авг. С. 3).

¹⁰ Цит. по: [22, с. 73]. Пунктуация оригинала сохранена.

несколько лет как переехали с авеню Моцарт на окраину Булонского леса (3 bis av. J.B. Clément, Boulogne s<ur> Seine)¹¹. Главка «Акробат» повествует о появлении в ремизовском окружении артиста ГосГИМа Зосимы Павловича Злобина (1901–1965). Время и место повествования прямо указывает на начало лета 1930 г. и новое место жительства Ремизовых:

Зосима Злобин весной появился в Париже из Москвы с театром Мейерхольда. И до глубокой осени не оставлял нас, дня и ночуя в нашем Булонском вертепе: наша квартира — под боком лес, из Парижа нарочно приезжают, а нам за дверь и попал [23, т. 9, с. 340].

О парижской же встрече со своим старинным другом Ремизов упомянул лишь однажды и значительно позднее — в переписке с биографом режиссера. В 1952 г. он сообщил:

Про себя скажу, всю мою жизнь я встречал от Мейерхольда участие. Так мы и простились в Париже *за кулисами* <курсив — Е.О.> [6, с. 416].

С учетом другого фрагмента воспоминаний Ремизова, адресованных Елагину, напрашивается вывод, что письмо Парнаха, полученное писателем 20 мая 1926 г., по ряду обстоятельств стало лишь «анонсом» произошедших в последующие годы встреч¹². Однако самая запомнившаяся из них оказалась последней и относится к лету 1930 г., когда Ремизов, вероятнее всего, присутствовал на генеральной репетиции «Ревизора» в театре Монпарнас. В переписке с Елагиным он, зная, что прославленный режиссер расценивал их знакомство в Пензе едва ли не как перст судьбы¹³, и памятью о его

¹¹ В этой квартире Ремизовы жили в 1930–1933 гг.

¹² Единственное подтверждение парижских встреч Ремизова с Мейерхольдом встречается в книге Н. Кодрянской. Однако ее рассказ носит слишком обобщающий характер, поскольку, описывая лето 1955 г., биограф писателя перечислила «знатных гостей» Ремизова в разные годы его жизни в Париже, явно делая акцент на громкости имен. Ср.: «Каких только знатных гостей тут не бывало! Писатели, художники, музыканты — французы и русские: Лев Шестов, Бунин, Шмелев, Замятин, Рерих, Святополк-Мирский, Мочульский, Мейерхольд, Михаил Чехов, Прокофьев, Рахманинов, Цветаева» [9, с. 29].

¹³ Ср. опубликованное в 1929 г. письмо Мейерхольда к его первой жене О. Мунт, также знакомой с Ремизовым: «Его <Ремизова — Е.О.> энергия, его идеи одухотворяют меня, его терпение не дает мне малодушничать. Я чувствую, что если я поведу с ним, снова запасусь энергией, по крайней мере, на год. Да не одной энергией! Вспомни, какой запас знаний дал он нам. Целую зиму мы провели в интересных чтениях, давших нам столько хороших минут. А взгляды на общество,

обращении из лютеранства в православие, предложил лаконичную версию жизненного «сценария» своего друга, в котором ему принадлежала роль первооткрывателя и «миссионера»:

Наша встреча ему новое крещение: в его Гаршиновское мой революционный «максимализм» в «политике», в литературе и театре. С этого всё пошло: и его разрыв с Худож. Театром, и его провинциальные опыты и над Коммиссаржевской, и вступление в партию в 1918 г., и «Ревизор», и — венец — его смерть¹⁴ [б, с. 417].

Обращаясь к описанию второй встречи Ремизова с гостем из прошлого, заметим, что майские дни 1926 г. были наполнены важными и неотложными событиями не только для посетившего Париж Мейерхоolda. Литературная работа не допускала промедлений, ведь именно в мае совершилось настоящее «чудо» — нашелся «самоотверженный»¹⁵ издатель для романа «Взвихренная Русь». В Париж приехал основатель нового издательства — композитор Сергей Васильевич Рахманинов. Благодаря его деятельности в окружении Ремизовых, как прежде в петербургские годы, появился художник Константин Андреевич Сомов.

В начале декабря 1923 г. Сомов эмигрировал в США, а в феврале 1925 г. переехал во Францию, где до 1929 г. жил в Верхней Нормандии (Гранвиль), бывая в Париже наездами. Его дореволюционные контакты с Ремизовым были связаны с издательскими планами, касающимися иллюстрирования «заветных» сказок писателя. Издание первой из них — «Что есть табак» в 1908 г. стало раритетным и повлекло за собой создание по заказу В.Н. Рябушинского — представителя династии Рябушинских, банкира, старообрядца — специального списка «Тобака», в исполнении которого объединились талант писателя и каллиграфа с искусством признанного графика¹⁶. С тех пор между ними установились теплые отношения, запечатлевшиеся

а смысл жизни, существования, а любовь к тем, которые так искусно выведены дорогим моему сердцу Гауптманом в его гениальном произведении “Ткачи”. Да, он переродил меня» [2, с. 109–110].

¹⁴ Подразумевается расстрел Мейерхоolda 2 февраля 1940 г. в застенках Лубянки.

¹⁵ В издании романа, приводя в конце книги список своих сочинений, Ремизов назвал и неопубликованные «книги, ожидающие самоотверженного издателя» (*Ремизов А. Взвихренная Русь. Париж: ТАИР, 1927. С. [533]*).

¹⁶ См. об этом: [13, с. 68–70].

в переписке петербургских лет жизни. Последний раз они виделись, вероятнее всего, в начале 1921 г. в Петрограде: 20 февраля Сомов был посвящен в «кавалеры обезьяньего знака» и награжден «обезьяньей грамотой», подписанной Е.И. Замятиным и Вяч.Я. Шишковым¹⁷.

В эмиграции давние знакомые впервые столкнулись почти случайно — 19 июня 1925 г. в театре La Gaîté Lyrique, где в тот вечер шел гастрольный спектакль «Русского балета Дягилева». В антракте появился Ремизов, изменившийся образ которого произвел неприятное впечатление на эстета Сомова. В дневнике он со светской двойственностью, позволявшей при личном общении вселять в своих собеседников полную уверенность во взаимной симпатии, записал: «...боже какой урод, весь бритый» [24, с. 486]. Казалось бы, причин для нового сближения не предвиделось, но уже в мае 1926 г. Рахманинов после заказа собственного портрета предложил Сомову оформление марки для инициированного им издательского дела, руководство которым возлагалось на дочерей композитора. Издательство, по своему основному направлению предназначенное под нужды музыкантов-профессионалов, фактически было убыточным предприятием и, скорее, осуществляло меценатскую поддержку деятелей русской культуры в эмиграции. Не случайно владельцы расширили музыкальную спецификацию, сделав в 1926–1935 гг. исключение для девяти произведений художественной литературы [10]¹⁸. Беллетристическим почином Рахманиновых стало издание ремизовского романа «Взвихренная Русь».

Творческая работа над книгой заняла семь лет жизни писателя¹⁹, вобравших фатальные события исторического и личного хронотопа. После романа «Пруд» это было его второе масштабное произведение, начальные главы которого под названием «Временник Алексея Ремизова» появились в печати еще в канун Октябрьского переворота и продолжали публиковаться в петроградских газетах в 1918 г., а затем в берлинском журнале «Эпопея» (1922–1923). Идея летописания грандиозного исторического слома была вложена

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 869. Оп. 1. № 87.

¹⁸ Н. Кузнецова полагает, что воспоминания Н. Плевницкой «Дёжкин карагод» с вступлением Ремизова (Берлин: тип. Бр. Гиршбаум, 1925) были первой беллетристической книгой, выпущенной издательством «ГАИР», не имевшим собственной типографии. Однако известно, что издание состоялось благодаря финансовому обеспечению М. Эйтингона. Участие Рахманинова в этом книжном предприятии не имеет документальных подтверждений. См., в частности, переписку, в которой Плевницкой и изданию ее воспоминаний уделено значительное внимание: [8, с. 16–21].

¹⁹ В конце текста в издании 1927 г. Ремизов проставил датировку: 1917–1924, тем не менее еще в 1925 г. он занимался доработкой романа.

в тщательно выверенный и своеобразный конструкт композиции романа, подобный оркестровой партитуре и вызвавший в восприятии сверстников Ремизова однозначное определение жанра этого произведения — «эпопея»²⁰. Однако уникальность ремизовской композиции состояла в сведении полифонического звучания к лирическому голосу авторского «Я», сохранявшего идентичность реального образа писателя и его основной философской темы — человек перед лицом Судьбы. Философическое сопряжение мизерабельности человеческой воли и ошеломительного размаха катастрофы вызвало самые противоречивые мнения о художественных приемах Ремизова в профессиональных кругах. Неизвестно, оценил ли Рахманинов музыкальность новаторского по своей форме произведения, но 28 мая 1926 г. состоялась встреча издателей с автором и приглашенным для создания книжной марки художником. Между тем Сомова заказ не привлекал, не чувствовал он и внутренней необходимости к возобновлению старых творческих связей. Вечером того же дня Сомов записал впечатления:

Сераф<иму> Павловну еще больше раздуло. А<лексей> Мих<а-
лович> чрезвычайно уродлив, до невозможного, и такой же кривля-
ка. Не видал их лет 10 <sic!>, им не обрадовался. Издательство будет
называть <sic!> «ТАИР» = Татьяна и Ирина. Надо сделать виньетку,
нехотя <sic!> [25, с. 165].

2 июля художник снова приехал в Париж с намерением обсудить с Ремизовым оформление будущей книги. Однако визит был сорван непредвиденными обстоятельствами, о которых Сомов, вероятнее всего, так и не узнал. В тот же день ему пришлось письменно адресовать свои вопросы по оформлению книги:

Дорогой Алексей Михайлович, очень жаль, что в этот мой приезд в Париж не удалось повидаться с Вами обоими. Буду опять здесь около 15-го и тогда, надеюсь, наше свидание состоится. А пока о виньетке: как решили писать «Таир», с твердым знаком, или без него? Какой окончательный размер печатной страницы и какая будет надпись (т. е. заглавие книги и все прочее) на титульном листе. Это чтобы знать, сколько места оставить на странице для книжной марки. Т. к. я просил Вас и С<ергея> Вас<ильевича> держать мое участие в секрете, хочу просить еще Вас, позвольте мне обращаться

²⁰ Кульман Н.К. Новая эпопея // Возрождение. 1927. № 779, 21 июля. С. 5.

и впредь только к Вам, а не к <М.А.> Струве²¹. Я был всё это время чрезвычайно занят спешной работой, потому до сих пор не мог начать работу для Таира. Напишите окончательный срок, когда надо было бы сдать виньетку. Я ее Вам пошлю. <...>

Искренне Ваш К. Сомов²².

Причастность Сомова к оформлению издательского знака для Рахманиновых, похоже, действительно, сохранялась в глубокой тайне, так что эта биографическая подробность, которой сам художник мало дорожил, считая знак «проходным» заказом, оставалась до недавнего времени надежно спрятана в его неопубликованных дневниковых записях. Выполнив заказ, 26 июля он записал, досаждая сам на себя:

Сегодня сделал книжную марку «ТАИР». Делал ее с омерзением, и вышла она мерзкая. Но делать вновь не стану. Ни Ремизов, ни Рахманинов ничего не понимают и будут, вероятно, довольны. Поидет она совершенно незаметно, без имени моего даже [25, с. 206]²³.

*Марка издательства «ТАИР» работы К.А. Сомова (1927)
TAIR publisher's mark by K.A. Somov (1927)*

Причина, по которой отложилась важная встреча, представляет собой отдельный эпизод биографии писателя. В разгар душевного парижского лета 1926 г. случилось чрезвычайное событие: 1 июля Ремизов попал под автомобиль. Серафима Павловна в это время находилась на курортном лечении в Виши. Тем острее потерпевший воспринял событие, напомнившее о всевластии судьбы, в одно мгновение способной непоправимо изменить ход и без того неустроенного человеческого существования. В тот же день в письме Серафиме Павловне он, ни словом не выдав свое тяжелое состояние, сообщил о срочных делах:

²¹ Издательство ТАИР не имело собственной типографии, набор и печать книги осуществлялась в парижской типографии под руководством М.А. Струве.

²² Amherst. Series. 1. В. 4. Ф. 9.

²³ Ср. также запись от 5 августа, где упоминается получение письма от Ремизова, который остался «доволен книжной маркой» [25, с. 211]. Встречи с Сомовым продолжились и в 1927 г. [25, с. 377–378].

...книга «Взв<ихренная> Русь» набрана вся. Теперь как-то в машину. И пришлют корректуру. Большая работа!²⁴

Через несколько дней перед приемом у доктора было составлено подробное описание «аксидана»²⁵:

Показание безвинно пострадавшего — доктору А.О. Маршаку

“J’ai eu bien peur l’autre jour.

Je vous ai vu sous l’auto et je vous croyais mort sur le coup!”²⁶

(Трамвайная билетчица № 25).

1 Июля в 3 часа дня я ждал трамвая № 25 ехать к St. Sulpice, я стоял на остановке — на углу Rue d’Auteuil и Rue Michel Ange. Когда трамвай подходил к остановке, автомобили, догонявшие трамвай, замедляя ход, приостанавливались и я, глядя влево, на эти автомобили, пошел с тротуара к трамваю —

(какой-то автомобиль ехал по неуказанному направлению на остановившиеся автомобили справа от меня и не сигнализировал, я не слышал и его не видел!)

всё глядя влево, я подходил к трамваю и совсем неожиданно ударило меня в правое плечо, я оглянулся и увидел огромный движущийся вперед автомобиля <sic!> и подумал: «как же это автомобиль с этой стороны?» — и в то же мгновенье почувствовал, как много огромных (серых) рук «неодолимых» меня валят и с ощущением «неизбежности», досадуя, я упал на спину и увидел перед собой, около самого носа, стальную перекладину между колес — «конец!» подумал и слышу со всех сторон крики —

(автомобиль остановился)

Я выпростал ноги и поднялся. Мне сразу же больно было и тут в спине, и правую руку. Я подошел к автомобилю: там господин и дама. Господин сконфуженно: “Excusez-moi...” (и еще что-то). Я ему по-русски: «чего Ты не кричал?» Тут какой-то сует мне бандероль с адресом: “Mr. Julliard, 38 Rue des Perchamps” — он — хозяин автомобиля, и чтобы я шел в аптеку! Подошел ажан. И этот Жуйяр и ему, что хозяин автомобиля он. Я пытался сказать ажану,

²⁴ См. оригинал письма: Наст. изд. С. 80.

²⁵ От “accident” (*франц.*) — происшествие, несчастный случай. Ср. название главы в рукописи «На вечерней заре»: Наст. изд. С. 41.

²⁶ Я тогда страшно испугалась. Я увидела вас под автомобилем и подумала, что вы мгновенно погибли! (*франц.*).

но у меня пропал голос и слов не было: кроме русских, немецкое “ausgeschlossen” и испанское «Примо де Ривера»! — а кругом крик и, мне показалось, (невероятно!) аплодисменты, как на представлении уличного Петрушки. Трамвай тронулся. Видел, как Жуйяр и с ним другой черный, чего-то кричавший, вскочили в трамвай. Автомобиль — тот господин с дамой — поехал. Я пошел домой²⁷.

Потрясение, пережитое в день автомобильного наезда, Ремизов в скором времени вписал в канву повести «По карнизам» как доказательство хрупкости жизни, управляемой тайными силами «неодолимой неизбежности», с которыми противоборствуют «чудесные» помощники, в меру своих сил ограждающие человека от бедствий (главка «Конец»). Копия объяснительной записки была дополнена вклейкой художественного фрагмента с описанием параллельных событий, происходивших в мире «четвертого измерения»: в тот самый момент, когда писатель упал от удара наехавшего на него автомобиля, невидимые герои бросились на помощь своему другу:

А за мной гномы и цверги, эспри и гешпенсты:
они помогли идти мне, подпирая своими
лапочками и хвостиками. Их никто не видел.
Я слышал, как они перекались друг с другом.
«Почему, — говорил один в колпачке другому,
— хвоста тебе что ли жалко: подсунь ты ему хвост под спину,
и не было бы больно!» Да я ж под голову лапы подсунул, —
оправдывался колпачку семипалый карлик,
— хвост у меня был занят шляпой» и т. д.)²⁸

Через две недели уличное происшествие, о котором знал очень узкий круг друзей (Л.И. Шестов, П.П. Сувчинский, С.В. Познер, Л.И. Львов, Н.В. Резникова-Чернова), вдруг стало склоняться на страницах эмигрантской прессы. 14 или 15 июля в парижской газете «Дни» появилась заметка, впоследствии подклеенная Ремизовым к сохранившемуся тексту письма Серафиме Павловне от 1 июля, в которой этот случай получил неожиданную интерпретацию²⁹.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 4. № 13. Л. 13–14.

²⁸ Там же. Ср. текст главки «Конец»: [23, т. 11, с. 554–555].

²⁹ См. публикацию оригинала письма: Наст. изд. С. 80–81. Выходные данные газеты не уточнены по недостатку комплекта «Дней» в библиотеках Санкт-Петербурга. Ср. недатированную открытку переводчика И. Руоффа: «Дорогой Алексей Михайлович, в “Днях” прочитал, что Вас “придавили”, но что, к счастью,

А.М. Ремизов. Июль 1926, Париж. С надписью рукой Ремизова: «После “аксидана” Из-под автомобиля», с ошибочной датировкой: Paris 1927. ИРЛИ
А.М. Remizov. July 1926, Paris. With an inscription by Rremizov: “After the ‘accident’ From under the car”, erroneously dated: Paris 1927. Pushkin House

Берлинский «Руль» дословно воспроизвел информацию парижской хроники:

Писатель А. Ремизов написал новый рассказ «Покажу вам дьявола». В этом рассказе есть строки: «И когда после страдных дней (очень странных) в дождик упаду где-нибудь под забор (или автомобилем раздавит)».

На следующий день после сдачи рассказа в редакцию «Воли России» А. Ремизов попал в Париже под такси, к счастью, отделавшись легкими ушибами³⁰.

Заметка ревельской газеты «Последние новости», помещенная в рубрике «Мировая жизнь» в тот же день, преподносила события с небольшими вариациями:

— С писателем А. Ремизовым, живущим, как известно, в Париже, произошел на днях <sic!> необыкновенный случай несколько мистического свойства. А. Ремизов приготовил к печати сборник своих рассказов, в одном из которых есть такие строки: «И когда после страдных дней (очень странных!) в дождик упаду где-нибудь под забором (или автомобилем раздавит!)»... и т.д. На следующий же день после сдачи рукописи в редакцию «Воля России» А. Ремизов действительно попал на улице под автомобиль, по счастью отделавшись легкими ушибами³¹.

Отсрочку сообщений в две недели мы можем объяснить только вольным или невольным участием самого Ремизова. Дело в том, что не позднее 12 июля С.В. Познер порекомендовал писателю обратиться к адвокату П.М. Тагеру для оформления денежной компенсации, необходимой для лечения полученных в аварии травм³². По-видимому, не лишним показалось и оповещение о событии в газетной хронике. Однако для весьма устаревшей информации потребовалась литературная оболочка, которую даже выдумывать не пришлось, нужно было лишь сместить последовательность событий. Такой прием указывает на стиль опытного мифотворца. Как можно убедиться по содержанию письма Ремизова Серафиме Павловне,

всё обошлось без опасных повреждений. Надеюсь, всё обойдется благополучно» (Amherst. Series 1. B. 4. F. 6; открытое письмо со стертým п.ш.).

³⁰ Руль. 1926. № 1707, 16 июля. С. 4.

³¹ Последние известия. 1926. № 155 (1878), 16 июля. С. 3.

³² Amherst. Series 1. B. 4. F. 5.

окончательная авторская редактура цикла из пяти миниатюр под названием «Покажу вам дьявола», созданная на основании редакции этих же текстов в 1913 г.³³, была завершена 29 июня, кстати, в тот самый день, когда по нашим предположениям, Ремизов мог бы повидаться с Мейерхольдом. Примечательно, что, сообщая о текущих делах, писатель упомянул не только о срочной работе для пражского журнала, набор и печать которого осуществлялись с 1926 г. в Париже, но и о договоренности, по которой сотрудники редакции (В.И. Лебедев или Л.В. Россель) должны были забрать рукопись 2 июля³⁴. Таким образом, без излишних сомнений можно утверждать, что Ремизов еще вечером злополучного 1 июля, страдая от полученных травм, внес в концовку заключительной «молитвы», в редакции 1913 г. называвшейся «Прекрасная пустыня», отголосок пережитого, вписав совсем маленькое дополнение в скобках: *или автомобиль раздавит!* В контексте лета 1926 г. пассаж, очевидно, воспринимался самим писателем как суммирующий всю череду предшествующих огорчительных событий весны — лета, связанных с журналами «Благонамеренный» и «Версты» и с началом «похода» против него З. Гиппиус³⁵. Именно этот период он назвал «страдными днями» и расценил дорожно-транспортный инцидент как злополучное разрешение нагнетающихся угроз судьбы. В середине месяца, когда появились заметки о ремизовском мистическом предчувствии, сдвоенный номер «Воли России» еще не вышел из печати, так что о содержании ремизовской публикации репортеры могли узнать либо из редакции газеты, либо от самого автора. Когда же цикл «Покажу вам дьявола» дошел до читателя, неожиданный для контекста «автомобильный» пассаж уже приобрел звучание авторских предчувствий:

— — в мире есть много несчастных — оскорбленных, неутешных — несчастных! Горек мир — горяча тоска! Если утешу — твой свет! — свет во мне — свет от тебя. — И когда после страдных дней (очень странных!) в дождик упаду где-нибудь под забором (или автомобиль раздавит!), ты придешь — ты примешь на свои руки — ты — ты и меня не покинешь. И твои глаза будут близко — и я уйду

³³ Печатная история текста без упоминания исследуемых нами разночтений расписана в комментариях: [23, т. 14, с. 559].

³⁴ См. оригинал письма: [15].

³⁵ Подробнее см.: [15, с. 23-50]

за тобой (легко мне!) всем сердцем желая — (благословляю мир!) — прекрасная пустыня, любимая мати!³⁶

Между тем газетная хроника, действительно, встревожила друзей, разъехавшихся на лето из Парижа. С Лигурийского побережья Италии отозвался Михаил Осоргин, который реагировал на распространявшиеся слухи в своей манере легкого подтрунивания:

Дорогой Алексей Михайлович,

Мне пишут из Парижа, что Вас угораздило попасть под автомобиль и что Вас все поздравляют. С чем? С тем, что Вы попали, или Вы премию получите? Желая вам получить одновременно и нобелевскую. Раз все — поздравляю и я. <...> Примите мой привет. Я, право, напугался, получив письмо о вашем приключении; газет не получаю, — может быть в них описано. Цел ли автомобиль?³⁷

Вполне вероятно, что писатель мог использовать газетную хронику, например, для практических задач, возникших с попыткой оформить страховку на лечение³⁸, или для управления механизмами рекламы собственных произведений, стремясь оставаться на пике читательского внимания. Единственное, что могло его остановить, — это опасение за покой и здоровье жены³⁹, однако газет она не читала, а контакты с парижскими друзьями, которые могли выразить ей сочувствие, на время поездки были приостановлены, потому что Ремизовы, как обычно, вынужденные время от времени обращаться за поддержкой в Комитет помощи писателям и журналистам, избегая пересудов недоброжелателей, скрывали лечение Серафимы Павловны на дорогах курортах. Примечательно, что из

³⁶ Ремизов А. Покажу вам дьявола // Воля России. 1926. № 6/7. С. 52.

³⁷ Amherst. Series 1. В. 4. Ф. 6. Шутку Осоргина Ремизов оценил и даже воспроизвел в письме Л. Шестова [17, с. 161].

³⁸ Ср. письмо Шестова от 21 сентября 1926 г.: «Видел сегодня Ремизова. Бедолага до сих пор не оправился после истории с автомобилем: боится на улицу выходить. Он надеялся, что ему, по крайней мере, заплатит страховое общество, и можно будет отдохнуть и подлечиться. Но его расчеты не оправдались: он не получит ничего, и опять ему придется мучиться, как прошлую зиму» [8, с. 127].

³⁹ Ср. письмо Ремизова П.П. Сувчинскому от 4 июля, в котором он, описывая собственное состояние, реагировал на естественные предложения уведомить о случившемся супругу писателя: «Серафиме Павловне *не надо писать* <выделенные курсивом слова подчеркнуты трижды. — Е.О.>, она вернется 15-го. И к этому времени я буду в своем виде. Хотя на месяц, по крайней мере, я выбит (или отбит). На мне нет живого места: все в ссадинах, синяках и кровоподтеках. Но я жожу, и лицо не тронуто. Писать мне трудно: очень рука ушиблена» (Bibliothèque nationale de France. 39609744).

последующих редакций молитвенного текста, обращенного к матери Прекрасной пустыне, «автомобильный» фрагмент бесследно исчез.

Заметка о провидческих предчувствиях вполне вписывалась в образ литературного поведения Ремизова, который именно в 1926 г. стал использовать сугубо в своих интересах широкий спектр возможностей периодической печати. Весной и летом в журналах «Благонамеренный» и «Воля России» впервые появились его рецензии на современную книжную продукцию. В ряду откликов, посвященных изданиям на русском и иностранных языках, он также разместил заметки о своих книгах и выступлениях в печати, что было отмечено ироническими обозревателями новых изданий⁴⁰. Так, буквально взяв в руки создание литературной репутации, писатель нашел путь для рекламы собственных произведений и оригинальный способ выражения личной рецепции текущего литературного процесса.

Апогея эта тенденция достигала в пражском молодежном журнале «Своими путями», где по инициативе писателя был открыт раздел критических реплик под названием «Цапля»⁴¹, недвусмысленно критически обращенный к эмигрантскому литературному дискурсу. Само по себе название рубрики выдавало колорит, присущий исключительно ремизовской лексической выразительности. Мишенью писателя, печатавшегося анонимно, стали высказывания известных литераторов в эмигрантской прессе, в которых отмечались и выправлялись фактические неточности, спорные случаи словоупотреблений и стилистические погрешности. В полемику с безвестным критиком вступил И.А. Бунин, отслеживавший любые новые и опасные явления в эмигрантском ландшафте, способные нарушить монолит непримиримости эмигрантского общества к советской России. В газете «Возрождение», защищая высмеянный автором «Цапли» псевдонародный стиль воззваний великого князя Николая Николаевича⁴², авторитетный прозаик, признанный мастер художественного

⁴⁰ См. рубрику «Выступления в печати» в списке публикаций Ремизова за 1926 г. [1], а также статью с иронической оценкой ремизовского авторецензирования: *Осоргин Мих.* Дядя и тетя. [Рец. на:] «Благонамеренный». Книга 2-я. Брюссель, 1926 // Последние новости. 1926. № 1863, 29 апр. С. 2–3.

⁴¹ Своими путями. 1926. № 12/13. С. 48–49. Значение заголовка рубрики восходит к словарю В.И. Даля, где указывается тверское употребление этого слова для обозначения «придирчивого и привязчивого человека».

⁴² Там же. С. 49.

литературного языка, адресовал свою отповедь всей редакции, зараженной, по его мнению, советской идеологией, назвав сотрудников журнала «комсомольцами»⁴³. Эта пикировка позабавила редактора М. Слонима. В ответной статье, изобличающей политические мотивы критики Бунина, он намекнул на далеко не «комсомольский» возраст автора «Цапли», который в противовес «мертвому» дидактизму непререкаемых авторитетов внес в журнал живую творческую энергию, нашедшую отклик среди молодежи⁴⁴.

В исследовательской литературе анонимные печатные выступления Ремизова, как правило, интерпретируются его склонностью к «мистификациям» и всякого рода «безобразиям» [4; 26]. Однако, если снять случаи, мотивированные весьма скромными гонорарами «за строчку», истинные интенции писателя затрагивали болевые точки эмигрантской литературной ситуации вообще и его личного творческого пространства, в частности. Эпатирующие печатные «выходки» являлись своего рода раздражителями распространенной инертности, вследствие которой новые тенденции оставались незамеченными на фоне усредненного художественного повествования и благообразного литературного поведения. Именно таким, на первый взгляд, бессмысленным эпатажем стала заметка Ремизова о самом себе, опубликованная без подписи в рубрике «Календарь писателей», выпуском которой в газете «Последние новости» заведовал молодой журналист Я.С. Цвибак, печатавший собственные литературные труды под псевдонимом Андрей Седых.

Утром 4 июля читатель, развернувший очередной номер «Последних новостей», мог вполне безразлично пробежать глазами анкетные заметки известных писателей на заданную тему «Как я проведу лето». Однако в ряду ответов Бунина, Зайцева, Шмелева, Минцлова, Ходасевича, Осоргина и Тэффи, упоминавших свои летние пристрастия к отдыху на Лазурном берегу Приморских Альп или на Атлантике в Бретани, внимание навряд ли прошло мимо довольно обширной реплики Ремизова. Не скрывая, а даже демонстративно заявляя о сотрудничестве с «евразийскими» друзьями, связи с которыми, как мы помним, уже были подвергнуты остракизму в критике Гиппиус, писатель поделился разнообразными планами путешествий и творческими замыслами:

⁴³ Бунин Ив. «Своими путями» // Возрождение. 1926. № 415, 22 июля. С. 3.

⁴⁴ Слоним М. Литературные отклики. Бунин-критик. Антон Крайний и Зинаида Гиппиус. О «Верстах» [№ 1]. [Рец.] // Воля России. 1926. № 8/9. С. 89–90.

...Мало бы что думается, да не всё скажется, а того меньше сбудется. Говорят: В Софию! — бугомильские <sic> апокрифы по рукописям. А другие: из Амстердама прямой путь в Ригу, а из Риги под Псков, русское лето, по-русски, как возвращаться, морошка поспеет. А небезызвестные Федор Грешищев и Алексей Очкасов организуют поездку «в летние туры»: П.П. Сувчинский об Евразии «Смысл, понятие, и история», кн. Д.П. Святополк-Мирский «Вступительное слово», а мне отрывки читать: «Житие протопопа Аввакума», «Балду» Пушкина, «Полунощников» Лескова да «Цыганское» Сельвинского. А пропало дело, залетую в Париже!⁴⁵

Всё содержание публикации было построено на игре реалиями и выдумкой: подлинные имена современников создавали эффект достоверности, так же как и упоминание «небезызвестных» лиц, этих фантомных героев ремизовского художественного мира, поскольку имена лученина Федора Очкасова и московского подьячего Федора Грешищева писатель извлек из древнерусских грамот XVI–XVII вв.⁴⁶ Сдается, что основной эпатажирующий расчет заключался в объявлении о мифической поездке через Латвию в псковскую область — западное порубежье России. Как ни странно, шутка вскоре получила наивный отклик журналиста одного из русскоязычных изданий латвийской периодической печати. Подписавшийся криптонимом И. Б–в. в статье «Про политику, культуру и этнографию: Письмо из Латвии» уделил значительное внимание плану писателя, совершенно серьезно напомнив всем, собравшимся вслед за Ремизовым, что «русских путей» в бывшую Латгалию нет: требуется «здесьний» паспорт⁴⁷.

Как видим, ремизовский творческий настрой в 1926 г. приобрел тенденцию отнюдь не к самообороне, а, скорее, к наступательной тактике. Несмотря на общественную индифферентность, его литературное поведение выдавало в нем стойкого сопротивленца, не зависящего от критики и разного рода редакционных регламентаций, руководствующихся идеологическими и эстетическими критериями. Задачей лета 1926 г. Ремизов поставил пробить стену непонимания и запретов по отношению к специфическому документализму его автобиографической прозы, героями которой наряду с вымышленными персонажами становились реальные представители современного окружения писателя. Не менее запретным стал и активно эксплуа-

⁴⁵ Последние новости. 1926. № 1855, 31 мая. С. 3

⁴⁶ См. также наш комментарий к рукописи «На вечерней заре»: Наст. изд. С. 66, примеч. 55.

⁴⁷ Последние новости. 1926. № 1920, 4 июля. С. 3.

тируемый им жанр «снов», нередко «выставлявший» известных писателей в самых абсурдных ситуациях. Снежный ком накопившихся негативных суждений в адрес экспериментальной практики Ремизова уже к весне 1926 г. стал настолько весомым, что в некоторых вполне дружественных редакциях, во избежание протеста невольных героев ремизовских фантазий, к рукописям писателя даже начали применять инструменты цензурирования⁴⁸. «Трибуной» для защиты жанра «снов» послужил новый сатирический журнал под равноценным «Цапле» названием «Ухват». Первый номер этого издания, образованного Дмитрием Кобяковым, непризнанным в Париже поэтом и прирожденным возмутителем литературного спокойствия, вышел в апреле 1926 г. Причастность Ремизова к формированию «Ухвата» заподозрила Гиппиус, которая после расправы над журналом князя Д.А. Шаховского «Благонамеренный», готовя афронт «Верстам», ожидала от «тишайшего» Алексея Михайловича новых кунштюков, идущих вразрез с признанными правилами литературной нормы и политической благонадежности. В письме к Н. Берберовой от 13 июля она настороженно пыталась прозондировать идеологические «корни» нового «Сатирикона»⁴⁹: «Не понимаю закулисной стороны “Ухвата”. Не можете ли меня информировать?» [3, р. 3]

Ремизов предчувствий Гиппиус не обманул: уже 20 июля на страницах упомянутого журнала он от своего имени опубликовал «послание» под красноречивым заголовком «Книжники и фарисеи», в котором, облекая в ироническую форму право на самовыражение авторского «Я», обращался к профессиональному цеху:

Гонение на употребление знакомых мне совершенно непонятно. Вы только подумайте! Д.С. Мережковский с начала революции (вот уже десять лет на носу!) Тутанкамоном упражняется⁵⁰; М.А. Алданов на князьях и графах собаку съел, треплет всяких Зубовых и в ус не дует, — и ничего, пропускают! А мне — нельзя помянуть С.В. Познера! А чем виноват Познер, что он не «фараон» и не «граф» и никакая придворная птица?⁵¹

Алексей Ремизов

⁴⁸ Подробнее о подобном рода случаях см.: [14].

⁴⁹ Литературно-художественный журнал сатиры и юмора (СПб., 1908–1914; ред. А.А. Радаков, А.Т. Аверченко).

⁵⁰ Речь идет о романе Мережковского «Рождение богов. Тутанкамон на Крите» (1924).

⁵¹ Ухват. 1926. № 6, 20 июля. С. 11. Подробнее о ремизовском противостоянии критике см.: *Обатнина Е.Р.* Ремизов в борьбе за «сон»: материалы к творческой биографии // Русская литература. 2021. № 1 (в печати).

Тактика писателя приобретала особую актуальность в преддверии выхода в свет романа «Взвихренная Русь», в архитектонике которого «сном» была отведена конструктивная функция повествования.

Заканчивался 1926 год. В декабре неожиданно наметилась возможность выпустить в свет книгу «Оля». Этому произведению писатель придавал значение важного творческого итога. Повесть образовала вторую часть жизнеописания героини Оли Ильмёновой, начатого рассказами о ее детстве в книге «В поле блакитном». Теперь юная курсистка — личность, наделенная глубоким нравственным чувством и непосредственной детской религиозностью, — выбирает путь революционной борьбы. В отличие от последних творческих экспериментов Ремизова, прозрачный художественный стиль новой книги был встречен критикой весьма благосклонно, а в отдельных случаях восторженно. Внешне создалось впечатление, что писатель, наконец, отказался от своих новаций, ориентируясь на примеры классического повествования. Автор одной из рецензий даже заметил: Оля — «смелая и сильная, такая непохожая на Ремизовских героинь»⁵². В действительности все события повести, как и ее центральный персонаж, создавались по дневникам С.П. Ремизовой-Довгелло. Оля Ильмёнева, в сущности, являлась литературным отражением не только натуры, но и речевой манеры жены писателя, а само произведение было своего рода опытом «соавторства» супругов⁵³.

Печатная судьба повести устроилась как будто сама собой: издать книгу на собственные средства вызвался молодой друг Ремизовых, поэт Владимир Диксон, искренность и природная одухотворенность которого была чрезвычайно близка Серафиме Павловне [20, с. 49]. Тогда же было придумано название издательства — «Вол», а Серафима Павловна предложила символическое изображение для книжной марки. Ее наивный рисунок, как и дневниковые записи, послужившие прототекстом повести, Ремизов мастерски перевел в художественную форму. Отправляя получившийся логотип издателю, 15 декабря он писал:

⁵² В.Б. <Вл. Бранд>. Алексей Ремизов. Оля. Изд. Вол. Париж. 1927. [Рец.] // За свободу! 1928. № 137 (2469), 17 июня. С. 6.

⁵³ Подробнее историю текста см. в комментариях В.Н. Быстрова: [23, т. 15, с. 655–663].

Дорогой Владимир Васильевич.

Посылаю Вам «вола»: узнаете? Чья работа?

Хороший вол вышел. Покажу Пуни⁵⁴.

М<ожет быть>, буквы над черным. Зачернил. Да, лучше.

В<оля> Р<оссии> № 11 уже лежит у меня. <...> Было чествование Зайцева, на котором, как прочитал в газетах, всё лакейство было представлено. И всё ничего.

Пишу Вам на бумаге из “Die Drei”⁵⁵ и «вол» нарисован» на их же письме. Хорошая бумага.

<подпись-монограмма>⁵⁶

Уже через два месяца (27 февраля 1927 г.) из типографии пришло сообщение о готовности набора к печати, однако дело по неизвестным, вероятнее всего, финансовым причинам встало; тираж получили только на первой неделе июня. Серафима Павловна осталась верна своему правилу — не вторгаться в литературное творчество мужа даже в качестве автора эскиза издательской марки; в результате имена оформителей обложки были скрыты под общим псевдонимом *В.Н. Скоропадский*. На форзаце свежееотпечатанной книги Ремизов написал посвящение, как он считал, истинному автору «Оле»:

В этой книге всё: содержание, отдельные слова и целые фразы — твоё, деточка <...> Во всем моя только обрисовка. А м<ожет> б<ыть> если бы ты сама писала, вышло бы всё вразумительнее <...>. Хоть что-нибудь сохрани в этой книге из твоей жизни⁵⁷.

В самом конце 1926 г. был отпечатан тираж романа «Взвихренная Русь», часть авторских экземпляров тут же разослали по списку избранных получателей. В первый день нового года В.В. Руднев, редактор литературного отдела журнала «Современные записки», спешил выразить свои впечатления:

1 января 1927

Дорогой Алексей Михайлович!

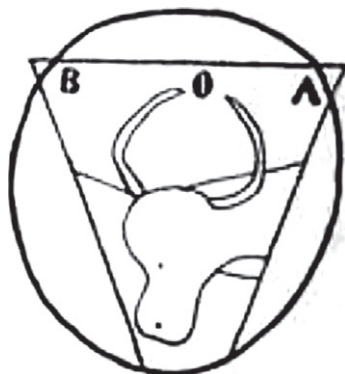
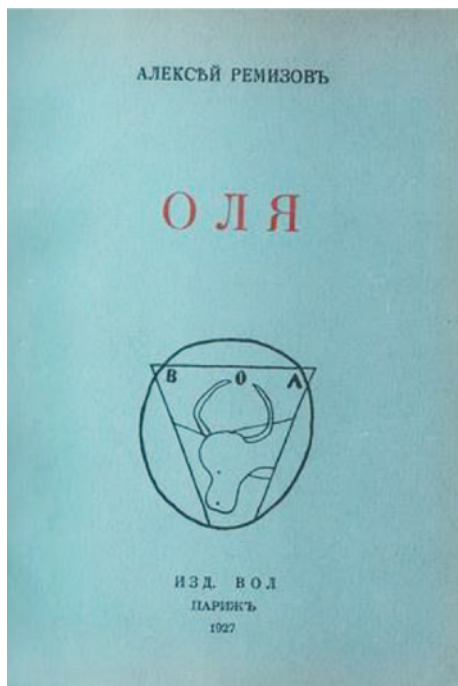
Очень Вы нас обрадовали, Веру Ивановну и меня, своим подарком. И милое внимание Ваше очень нам дорого, и книга сама по

⁵⁴ Художник Иван Альбертович Пуни в 1924 г. переехал из Берлина в Париж.

⁵⁵ Журнал “Die Drei” издавался в Штутгарте в 1921–1931 гг.

⁵⁶ Amherst. Series. 1. B. 11. F. 3.

⁵⁷ ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 119.

*Обложка повести «Оля»
(Париж: Вол, 1927)
с издательской маркой работы
С.П. Ремизовой-Довгелло
и А.М. Ремизова
The cover of the book Olya
(Paris, Vol, 1927) with the
publisher's mark by S.P. Remizova-
Dovgello and A.M. Remizov*

себе совершенная удивительная. Радуюсь за читателей тому «чуду», которое помогло ей выйти в свет.

Не знаю даже, что удивительнее, — изумительная ли художественная форма Вашей «Руси», или проникающий ее редчайший в наше душное время пафос духовный особого рода, — поднимающий душу *над* Злом мира сего, — и потому освобождавший ее от Злобы в самой себе. <...>. Вспоминаю недавний разговор с Вами в тихий вечерний час на ту же тему, и радуюсь. Хочется поскорее Вас повидать <...>.

Душевно преданный и любящий Вас

Вадим Руднев

P.S. Как вы думаете, кому бы поручить отзыв о «Взв<ихренной> Руси» в «Совр<еменных> Зап<исках>»? Осоргину?

P.P.S. Особенно меня потрясла «Вечная Память»⁵⁸, — я ее раньше не читал. До чего всё это идет от души к душе, — и как адекватно нашей русской трагедии!⁵⁹

⁵⁸ Речь идет о главке «К звездам: памяти А.А. Блока».

⁵⁹ Amherst. Series. 1. В. 4. F. 10.

Роман не оставил равнодушными литературных оппонентов Ремизова. В ряду критических откликов, признавших его несомненный творческий успех, нередко были голоса ревнителей устойчивых литературных традиций, не признававших ни полифонического композиционного построения, ни высокого драматизма лирического переживания, выраженного в разнообразии жанров — от снов и личного дневника до поэмы «в духе» Гераклита и народного плача. Очевидно, многих не удовлетворила позиция автора, отказавшегося от суда и проклятий, обращенных к большевистской России; неубедительной показалась им и концовка романа, оставляющая надежду на будущее разрушенной страны.

Упомянутое Ремизовым в декабрьском письме Диксону чествование 25-летия творческой деятельности Б.К. Зайцева отмечалось с размахом: банкет, собравший литературный русский Париж за праздничным столом, торжественные поздравления в газетах⁶⁰ — всё принесло радость юбиляру, который заблаговременно позаботился о публикациях, посвященных его творческому пути, прибегнув и к литературной поддержке Ремизова⁶¹.

В богатый на «круглые даты» год Ремизов, не принимая участия в официальных празднествах, создал собственный альтернативный «комитет» по организации юбилеев известных литераторов. Его стараниями были опубликованы поздравительные очерки Л. Шестова, Вяч. Иванову, Д.С. Мережковскому и Б.К. Зайцеву. Все они оказались «увекоченными» в портретной галерее Ремизовых, отдельные шедевры которой попали на страницы немецкой, французской и русской периодической печати⁶². Самых близких — Шестова и Зайцева —

⁶⁰ Подробное описание торжественного заседания 13 декабря в парижском клубе «Очаг друзей русской культуры», с перечислением всех именитых гостей юбиляра и кратким конспектом их выступлений, представлено в статье Н.В. Вакара (Н.П.В. Чествование Б.К. Зайцева) // Последние новости. 1926. № 2092, 14 дек. С. 2). Из текста отчета следует, что среди заочных поздравлений Зайцева была прочитана поздравительная телеграмма от Ремизова, не присутствовавшего на этом литературном празднике.

⁶¹ При непосредственном участии юбиляра для немецкоязычной пражской газеты был написан биографический очерк: *Remisov A. Boris Saïzev / übers. V. Kositschek-Bronneck // Prager Presse (Dichtung und Welt, № 51). 1926. № 340, 12. Dez. S. II.*

⁶² Портреты Л. Шестова, Вяч. Иванова, Д.С. Мережковского, изображенные Серафимой Павловной (в «обрисовке» Ремизова), сопровождали публикацию очерка «Три юбиляра» на немецком языке: *Remisow A. Die Drei Jubilare (1866–1926) / übers. H. Ruoff // Die Literarische Welt. 1926. № 19, 7 Mai. S. 151.*

писатель почтил поздравительными грамотами Обезвельволпала⁶³, оставаясь при убеждении, что это фантомное общество сохраняло в условиях распространенной в эмиграции враждебности и лицемерия идеалы дружбы и творческой свободы.

Графика Ремизова и раньше пользовалась успехом в узком кругу друзей, но в 1927 г. его ждала встреча с широкой публикой. В берлинской галерее известного пропагандиста немецкого авангарда Х. Вальдена “Der Sturm”, одноименной его журналу, была организована первая персональная выставка рисунков писателя. Ровно за месяц до открытия экспозиции Вальден получил из Парижа более 100 графических работ. Художник Николай Зарецкий, дольше многих из соотечественников остававшийся жить в Берлине, искренний поклонник и пропагандист ремизовского таланта рисовальщика⁶⁴, посетив экспозицию еще до ее открытия, рассказал писателю, что галерист отвел под его графику «целую стену»⁶⁵. Вскоре берлинский корреспондент вспомнил о надвигающейся праздничной дате. В письме от 24 мая Зарецкий сообщил Ремизову, что собирается отметить его «юбилей этого года» поздравительными статьями для журналов “Der Sturm”, “Die Lessestunde” и «Жар-Птица» в сопровождении красочных иллюстраций, демонстрирующих уникальный диапазон его творчества⁶⁶.

На самом деле в ближайшей перспективе намечалось сразу два события, достойных торжеств: 6 июля Ремизову исполнялось 50 лет, а 8 сентября можно было бы отметить и 25 лет его литературного пути, начавшегося с публикации в 1902 г. стихотворения «Плач девушки перед замужеством» под псевдонимом Н. Молдаванов. Однако в ответном письме юбиляр категорически пресек доброжелательные намерения берлинского друга, объясняя отказ чувством изгоя, не нашедшего в парижской жизни ни признания, ни дружеской поддержки:

⁶³ См. описание юбилейной грамоты Л. Шестова: [17, с. 147–148]. Грамота Б.К. Зайцева была своевременно опубликована в рижском журнале: *Ремизов А. К предстоящему юбилею Б.К. Зайцева* // Новая нива. 1926. № 47, 4 дек. См. также републикацию шуточного документа: [7, с. 318].

⁶⁴ Предположительно, Зарецкий и художница О. Бродская написали заметку о сказочной поэтике ремизовской графики, экспонировавшейся в галерее “Der Sturm”: *Н.Б. Рисунки Алексея Ремизова в «Sturm’е»* // Руль. 1927. № 1987, 15 июня. С. 5.

⁶⁵ Amherst. Series. 1. B. 2. F. 8.

⁶⁶ Ibid.

26.5 <19>27

Paris

Дорогой Николай Васильевич.

Прошу Вас и умоляю: *не отмечайте никаких юбилеев!*⁶⁷ У меня вся душа против и мне всегда смешно, когда это делают другие. Если есть у вас желание сделать мне настоящее добро (а я верю), поговорите с Walden'ом (*не о юбилее*), а о самой Обезвельволпал'е и как это необходимо сохранить на страницах Sturm'a.

Точно также и Алекс<андру> Эдуар<довичу>⁶⁸ прошу Вас *не поминайте «юбилея»*; а опять-таки, как и с Walden'ом, о закреплении Обезвельволпал'a.

Николай Васильевич, Вы понимаете, что это хорошо, только НЕ ТУТ. У меня создались совсем другие отношения и ТАК соприкасаться я не имею никакого желания. <...> я живу здесь совсем отдельно: «изолировано», мои книги бойкотируются («Взвихренную Русь» боятся даже произносить)⁶⁹ и для меня имеет большое значение, когда закрепляют мое бытие на свете через мои книги иностранцы...⁷⁰

Таким образом, 1927 год можно было бы считать годом «забытого» юбилея писателя, оставленного вниманием друзей. Круг друзей и истинных ценителей его творчества, действительно, был невелик. На проверку о юбилее вспомнил только берлинский товарищ писателя Зарецкий. Однако численность окружения, разумеется, не является показателем подлинности. В истории критической рецепции вершинного произведения 1927 г. — романа «Взвихренная Русь» — автором едва ли не самого глубокого и предельно объективного литературоведческого исследования стал М.А. Осоргин, который, хотя и выполнял, как мы помним, редакционный заказ «Современных записок», написал и по совести, по велению сердца, и профессионально точно, раскрыв не только особенности художественной документальности новой прозы писателя, но и уникальный в своей творческой природе феномен автора. А начал критик статью с простой констатации, которая вносит поправку в субъективное ремизовское восприятие своего литератур-

⁶⁷ Выделенные курсивом слова подчеркнуты двойной чертой.

⁶⁸ А.Э. Коган — редактор-издатель журнала «Жар-Птица» (Берлин; Париж, 1921–1926).

⁶⁹ Ср. также письмо П.П. Сувчинскому с просьбой о публикации в журнале «Версть»: «Нельзя сделать объявление о выходе “Взвихр<енной> Руси”: книга бойкотируется и под запретом: в Последн<их> Новост<ях> Демидов, слушаая З<инаиду> Н<иколаевну> Гиппиус»; в Возрождении Ходосевич <sic!>. Потому и прошу» (Bibliothèque nationale de France. 39609744; письмо от 26 июня 1927 г.).

⁷⁰ Литературный архив музея национальной литературы (Прага). Фонд Н.В. Зарецкого.

ного статуса. Писатель, живший, по его словам, «в затворе», был склонен воспринимать внешний мир как агрессивную и даже враждебную среду вынужденного существования, однако результат его литературного труда был очевидным:

Алексей Ремизов издал за границей (по-русски, не считая переводов) двадцать шесть книг. До этого, в России, он издал тридцать. <...> Это, конечно, рекорд писательской плодовитости нашего времени⁷¹.

Список литературы

1. Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2020) / авт.-сост. Е. Обатнина, Е. Вахненко. URL: <http://pushkinskiydom.ru/remizov/Bibliografiay/index.html> (дата обращения 20.12.2020)
2. *Волков Н.* Мейерхольд: в 2 т. М.; Л.: Academia, 1929. Т. 1: 1874–1908. XI, 403 с.
3. *Гунтиус З.* Письма к Берберовой и Ходасевичу / ed. by E. Freiburger Sheikholelami. Ann Arbor: Ardis, 1978. 120 p.
4. *Грачева А.М.* Литературные мистификации А.М. Ремизова 1940-х годов // Русская литература. 2019. № 4. С. 191–199.
5. Джаз-банд и «левый театр»: Письма В.Я. Парнаха Вс.Э. Мейерхольду (1922–1930) / публ., вступ. ст. и коммент. О.Н. Купцовой // Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М.: Индрик, 2009. Вып. 4. С. 819–840.
6. *Елагин Ю.Б.* Темный гений: (Всеволод Мейерхольд). London: Overseas Publication Interchange Ltd., 1982. 453 с.
7. *Зайцев Б.* На Афон / вступ. ст. А.К. Клементьева. М.: Индрик, 2013. 414 с.
8. Исцеление для неизлечимых: Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйтингона / сост. и подгот. текста В. Хазана и Е. Ильиной; вступ. ст. В. Хазана. М.: Водолей, 2014. 278 с.
9. *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, 1959. 334 с.
10. *Кузнецова Е.* «Издательское дело» Рахманинова в эмиграции // Музыкальная академия. 2018. № 1 (761). С. 22–31.
11. *Купцова О.Н.* Валентин Парнах в театре Мейерхольда: К истории театральных контактов Советской России и Запада 1920-х гг. // Новые российские гуманитарные исследования. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/303/> (дата обращения 12.10.2020).
12. Мейерхольд и Франция / публ., вступ. статья и коммент. О.Н. Купцовой // Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М.: Индрик, 2009. Вып. 4. С. 741–818.

⁷¹ *Мих. Ос.* Алексей Ремизов. Взвихренная Русь. Изд. «Таир». 1927 // Современные записки. 1927. Кн. XXXI, апр. С. 453–456.

13. На вечерней заре: письма А.М. Ремизова к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1910 год / вступ. статья и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста А.С. Урюпиной // Русская литература. 2017. № 2. С. 56–94.
14. *Обатнина Е.Р.* Избранные страницы из альбома А.М. Ремизова «Зарубежная цензура»: политика и этика // Русская литература. 2020. № 3. С. 208–217.
15. *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая: «Эстето-разложенец» // Литературный факт. 2020. № (3) 17. С. 8–53.
16. *Парнах В.Я.* Пансион Мобер: Воспоминания / вступ. ст. П. Нерлера; публ. и коммент. П. Нерлера и А. Парнаха; подгот. текста П. Нерлера, Н. Поболя и О. Шамфаровой // Диаспора: Новые материалы. VII. Париж; СПб.: Athanaeum; Феникс, 2005. С. 7–91.
17. Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым (окончание) / подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 2. С. 136–185.
18. Письма А.М. Ремизова к П.Е. Щеголеву. Ч. 2: Одесса. Херсон. Одесса. Киев (1903–1904) / публ. А.М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 153–205.
19. *Прокофьев С.* Дневник. Paris: SPRKFV, 2002. Т. 2: 1919–1933. 891 с.
20. *Резникова Н.В.* Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1980. 160 с.
21. *Ремизов А.М.* «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание) / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 8. С. 8–67.
22. *Ремизов А.* Огонь вещей: Сны и предсонье / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 368 с.
23. *Ремизов А.М.* Собр. соч. М.; СПб.: Русская книга; Росток, 2000–2003, 2015–.
24. *Сомов К.* Дневник: 1923–1925 / вступ. ст., подгот. текста, коммент. П.С. Голубева. М.: Дмитрий Сечин, 2018. 716 с.
25. *Сомов К.* Дневник: 1926–1927 / предисл., подгот. текста, коммент., сост. приложения П.С. Голубева. М.: Дмитрий Сечин, 2019. 744 с.
26. *Флейшман Л.* В кругу ремизовских мистификаций: «Конклав» Саркофагского // Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski. Stanford: Dept. of Slavic Languages and Literatures, Stanford University, 1999. P. 145–176.

Статья поступила в редакцию: 21.01.2020

Одобрена после рецензирования: 19.03.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Research Article

Studies on A.M. Remizov's Creative Biography: 1926–1927. Part 2. Facts and Fables of Parisian Everyday Life

© 2020, Elena R. Obatnina

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Acknowledgements: The publication was financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no 18-012-00035.

Abstract: The paper contains a description of several subjects from A.M. Remizov's biography of 1926–1927, non present in his autobiographical prose. Individual events that required additional verification were found in the epistolary heritage, as well as in the chronicle of the literary life abroad. Not only real, but also mythical cases from the writer's life are the subject of research. An episode related to the meeting between Remizov and Vsevolod Meyerhold in the period from 1926 to 1930, which still had no exact time reference, is considered for the first time; the participation of K.A. Somov in the publication of the novel *Vzvikhrennaya Rus'* (*Swirling Russia*) is discovered; the motives of Remizov's literary behavior on the pages of the émigré press are examined. The paper also presents vivid events of the writer's creative life, who in 1927, following his other literary peers, could have celebrated the 50th anniversary of his birth and 25 years of his literary life, but the feeling of literary loneliness forced him to abandon the anniversary.

Keywords: emigration; literary criticism; literary behavior; verification of biographical events.

Information about the author: Elena R. Obatnina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Embankment, 4, 199034 St. Petersburg, Russia. E-mail: lena.eo@mail.ru

For citation: Obatnina, E.R. "Studies on A.M. Remizov's Creative Biography: 1926–1927. Part 2. Facts and Fables of Parisian Everyday Life." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 8–39. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-8-39>

References

1. Aleksei Mikhailovich Remizov: *Bibliografiia (1902–2020)* [Alexei Mikhaylovich Remizov: *Bibliography (1902–2020)*], comp. by E. Obatnina, E. Vakhnenko. Available at: <http://pushkinskiydom.ru/remizov/Bibliografiay/index.html> (Accessed 20 December 2020). (In Russ.)
2. Volkov, N. *Meierkhol'd: v 2 t.* [Meyerhold: in 2 vols.], vol. 1: 1874–1908. Moscow, Leningrad, Academia Publ, 1929. XI, 403 p. (In Russ.)
3. Gippius, Z. *Pis'ma k Berberovoi i Khodasevichu* [Letters to Berberova and Khodasevich], ed. by E. Freiberger Shekholelami. Ann Arbor, Ardis Publ., 1978. 120 p. (In Russ.)

4. Gracheva, A.M. "Literaturnye mistifikatsii A.M. Remizova 1940-kh godov" ["A.M. Remizov's Literary Hoaxes of the 1940s"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2019, pp. 191–199. (In Russ.)
5. "Dzhaz-band i 'levyi teatr': Pis'ma V.Ia. Parnakha Vs.E. Meierkhol'du (1922–1930)" ["Jazz band and 'left-wing theatre': V.Ya. Parnakh's Letters to Meyerhold (1922–1930)"], publ., introd. and comm. by O.N. Kuptsova. *Mnemosina: Dokumenty i fakty iz istorii otechestvennogo teatra XX veka* [Mnemosyne: Documents and facts from the history of the Russian theater of the 20th century], issue 4. Moscow, Indrik Publ., 2009, pp. 819–840. (In Russ.)
6. Elagin, Iu.B. *Temnyi genii: (Vsevolod Meierkhol'd) [Dark Genius (Vsevolod Meyerhold)]*. London, Overseas Publication Interchange Ltd., 1982. 453 p. (In Russ.)
7. Zaitsev, B. *Na Afon [Up the Mount Athos]*, introd. by A.K. Klement'ev. Moscow, Indrik Publ., 2013. 414 p. (In Russ.)
8. *Istselenie dia neistselimykh: Epistoliarnyi dialog L'va Shestova i Maksa Eitingona [Healing for the Unhealable: An Epistolary Dialogue Between Lev Shestov and Max Eitingon]*, comp. and text prep. by V. Khazan and E. Ilyina, introd. by V. Khazan. Moscow, Vodolei Publ., 2014. 278 p. (In Russ.)
9. Kodrianskaia, N. *Aleksei Remizov [Alexei Remizov]*. Paris, 1959. 334 p. (In Russ.)
10. Kuznetsova, E. "'Izdatel'skoe delo' Rakhmaninova v emigratsii" ["Rachmaninoff's 'publishing business' abroad"]. *Muzykal'naiia akademiia*, no. 1 (761), 2018, pp. 22–31. (In Russ.)
11. Kuptsova, O.N. "Valentin Parnakh v teatre Meierkhol'da: K istorii teatral'nykh kontaktov Sovetskoï Rossii i Zapada 1920-kh gg." ["Valentin Parnakh at Meyerhold's Theater: On the History of Theater Contacts between Soviet Russia and the West in the 1920s"]. *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia*. Available at: <http://www.nrgumis.ru/articles/303/> (Accessed 12 October 2020). (In Russ.)
12. "Meierkhol'd i Frantsiia" ["Meyerhold and France"], publ., introd. and comm. by O.N. Kuptsova. *Mnemosina: Dokumenty i fakty iz istorii otechestvennogo teatra XX veka* [Mnemosyne: Documents and facts from the history of the Russian theater of the 20th century], issue 4. Moscow, Indrik Publ., 2009, pp. 741–818. (In Russ.)
13. "Na vechernei zare: pis'ma A.M. Remizova k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1910 god" ["At the Evening Dawn: A.M. Remizov's letters to S.P. Remizova-Dovgello"], introd. and comm. by E.R. Obatnina, text prep. by A.S. Uriupina. *Russkaia literatura*, no. 2, 2017, pp. 56–94. (In Russ.)
14. Obatnina, E.R. "Izbrannye stranitsy iz al'boma A.M. Remizova 'Zarubezhnaia tsenzura': politika i etika" ["Selected Pages from A.M. Remizov's Album 'Foreign Censorship': Politics and Ethics"]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2020, pp. 208–217. (In Russ.)
15. Obatnina, E.R. "Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: 1926–1927 gg. Chast' pervaiia: 'Esteto-razlozhenets'." ["Studies on A.M. Remizov's Creative Biography: 1926–1927. Part 1. 'Aesthete-Degenerate'."]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 8–53. (In Russ.)
16. Parnakh, V.Ia. "Pansion Mober: Vospominaniia" ["The Maubert Boarding House: Memoirs"], introd. by P. Nerler, publ. and comm. by P. Nerler and A. Parnakh, text prep. by P. Nerler, N. Pobol and O. Shamfarova. *Diaspora: Novye materialy [Diaspora: New Materials]*, issue 7. Paris, St. Petersburg, Athenaeum Publ., Feniks Publ., 2005, pp. 7–91. (In Russ.)
17. "Perepiska L.I. Shestova s A.M. Remizovym" (okonchanie) ["Correspondence Between L.I. Shestov and A.M. Remizov" (conclusion)], text prep. and notes by I.F. Danilova and A.A. Danilevsky. *Russkaia literatura*, no. 2, 1994, pp. 136–185. (In Russ.)
18. "Pis'ma A.M. Remizova k P.E. Shchegolevu. Ch. 2: Odessa. Kherson. Odessa. Kiev (1903–1904)" ["A.M. Remizov's Letters to P.E. Shchegolev. Part 2: Odessa. Kherson. Odessa. Kiev (1903–1904)"] ["A.M. Remizov's Letters to P.E. Shchegolev. Part 2: Odessa. Kherson. Odessa. Kiev (1903–1904)"]

Kiev (1903–1904)”, publ. by A.M. Gracheva. *Ezhгодnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1997 god* [*Pushkin House Manuscript Department Annual for 1997*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002, pp. 153–205. (In Russ.)

19. Prokof'ev, S. *Dnevnik* [*Diary*], vol. 2: 1919–1933. Paris, SPRKFV Publ., 2002. 891 p. (In Russ.)

20. Reznikova, N.V. *Ognennaiia pamiat': Vospominaniia o Aleksee Remizove* [*Fiery memory: Memoirs of Alexei Remizov*]. Berkeley, Berkeley Slavic Specialties, 1980. 160 p. (In Russ.)

21. Remizov, A.M. “‘Na vechernei zare’. Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1921–1922 gg.” (okonchanie) [“‘At the Evening Dawn’. Chapters from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1921–1922” (conclusion)], comm. by E.R. Obatnina, text prep. by E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, no. 8, 2018, pp. 8–67. (In Russ.)

22. Remizov, A. *Ogon' veshchei: Sny i predson'e* [*Fire of Things: Sleep and Pre-sleep*], comp., text prep., introd. and comm. by E.R. Obatnina. St. Petersburg, Izd-vo Ivana Limbakha Publ., 2005. 368 p. (In Russ.)

23. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*]. Moscow, St. Petersburg, Russkaia kniga Publ., Rostok Publ., 2000–2003, 2015–. (In Russ.)

24. Somov, K. *Dnevnik: 1923–1925* [*Diary: 1923–1925*], introd., text prep., comm. by P.S. Golubev. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2018. 716 p. (In Russ.)

25. Somov, K. *Dnevnik: 1926–1927* [*Diary: 1926–1927*], introd., text prep., comm., appendix by P.S. Golubev. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2019. 744 p. (In Russ.)

26. Fleishman, L. “‘V krugu remizovskikh mistifikatsii: ‘Konklav’ Sarkofagskogo” [“‘Among Remizov’s Hoaxes: Sarkofagsky’s ‘Conclave.’”]. *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski*. Stanford, Dept. of Slavic Languages and Literatures, Stanford University, 1999, pp. 145–176. (In Russ.)

The article was submitted: 21.01.2020

Approved after reviewing: 19.03.2020

Date of publication: 25.12.2020

А.М. Ремизов

«На вечерней заре». Глава из рукописи. Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1926–1927

Комментарии *Е.Р. Обатниной*

Подготовка текста *Е.Р. Обатниной* и *А.С. Урюпиной*

Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук,
Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля,
Санкт-Петербург, Москва, Россия

Аннотация: Очередная глава из рукописи А.М. Ремизова «На вечерней заре», дополненная корпусом оригинальных писем писателя к жене — С.П. Ремизовой-Довгелло, представляет собой авторскую версию биографии, отраженной в эпистолярных документах. Настоящий фрагмент посвящен эпизодам творческой жизни 1926–1927 гг. Эпистолярные документы и поздние авторские комментарии содержат малоизвестные сведения, дополняющие историю русской эмиграции.

Ключевые слова: эмиграция; литературная критика; А.М. Ремизов; С.П. Ремизова-Довгелло.

Информация об авторах: Елена Рудольфовна Обатнина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lena.eo@mail.ru.

Анна Сергеевна Урюпина — кандидат филологических наук, хранитель, Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля (Гослитмузей), Трубниковский пер., д. 17, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: urana1409@gmail.com.

Для цитирования: *Ремизов А.М.* «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1926–1927 / коммент. *Е.Р. Обатниной*; подгот. текста *Е.Р. Обатниной* и *А.С. Урюпиной* // *Литературный факт.* 2020. № 4 (18). С. 40–108. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-40-108>

Продолжение рукописи А.М. Ремизова «На вечерней заре» публикуется по беловому автографу (Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея. Ф. 156. Оп. 2. № 299). Приложение содержит тексты оригинальных писем Ремизова к С.П. Ремизовой-Довгелло (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 340), которые писатель в процессе организации личного архива дополнил несколькими газетными вырезками. Эти печатные фрагменты воспроизводятся нами соответственно их расположению. Фамилии лиц, обозначенных в оригиналах только инициалами, раскрыты в угловых скобках; авторские подчеркивания выделены курсивом.

Все публикуемые тексты воспроизводятся с преимущественным сохранением авторской пунктуации и некоторых особенностей авторской или дореволюционной орфографии. Без дополнительных конъектур исправлены случаи описок и грамматических ошибок в словах и фамилиях. Отдельные слова, названия, топонимы на французском языке приведены в соответствие с нормами правописания.

Публикаторы выражают сердечную благодарность коллеге доктору Жервез Тассис (Женевский университет), оказавшей нам помощь в работе с французскими источниками и переводе отдельных фраз.

Paris 1926
1 июля
четверг
№ 92

“ACCIDENT”¹

[Днем на остановке № 12 на Rue d’Auteuil наскочил на меня автомобиль и я упал на спину]².

Из «Воли России» 500 frs. Напиши, сейчас же вышлю.

Ездил на St. Michel и получил у Amicie³. Боюсь судить: серое.

Жарко. Даже я чувствовал.

Заходил Лоллий-Балдабол⁴: «Взвихренная Русь» набрана вся⁵, теперь в машину. И пришлют корректуру. Большая работа.

В «Последних новостях»: в Виши есть православная церковь – Rue de Terme, всенощная в 9 ч<асов> в<ечера>, обедня в 10,45 утра.

Во сне: Бирюлька (Эмилия Моис<еевна> Каплун-Вальден)⁶ – необыкновенно ярко.

Я подумал, сны бывают ясные, яркие и смутные; страшны – очень глубокие, и невыносимые человеку, но не страшные, когда не просыпаться, а только во сне же переходишь в другую комнату.

* См. предшествующие главы:[22; 23; 24; 25; 26]

Amicie долго пришлось ждать. Дорогой, когда возвращался, думал: вот что привязывает к жизни – «интересно, любопытно смотреть на мир».

Из газет: декларация нового министерства – «сокращение потребления и увеличение производства». Доллар держится 173 frs.

А Диксон опять не пришел.

Завтра Лебедев, я все приготовил.

Ничего не писал. Поездка измучила. Рерих в Москве. Про него хорошо сказал А.Н. Бенуа: «умеет делать сенсации и взбивать пену вокруг себя». И Далай-Лама понадобился только для «пены»⁷. Не лежит у меня к нему сердце. Представляю себе, как он в Москве разговаривает. И этот манускрипт; его будто бы только что нашли и он попал чудесным образом в руки Рериха, – «о пребывании Иисуса Христа в Тибете», все это тоже ерунда. Я допускаю, все возможно – «для Бога все возможно», но манускрипта-то никакого нет и не было⁸. И мне это тоже не нравится. Для славы? Я понимаю славу только как месть. Я понял это через Пришвина: случай его с Розановым: из-за Розанова («Козел») его выгнали из гимназии и вот он пришел через много лет к Розанову, как известный писатель Пришвин⁹. Да, для этого стоило добиваться славы. А Рериху? Из зависти? Но Тагором он все равно не будет – для такой, Тагоровской славы, надо подвиг; вот этого Рерих и не знает, что деньгами подвиг не заменить¹⁰.

Мне сегодняшний день так ясно: с у д ь б а¹¹.

И очень волнует, не могу успокоиться, как это можно – и все насчет денег. Напиши, я сейчас же вышлю. Понемногу буду вкладывать в письма.

[Потом клеил. Образок из St. Sulpice – 27 июля, воскресенье: St. Ange, soyez mon guide!¹² («По карнизам»)].

Случай с А. Ремизовым: «А. Ремизов попал под такси, к счастью, отделавшись легкими ушибами». Из какой-то газеты¹³.

А С<ерафима> П<авловна> рассказывала, что сидя на скамейке – именно в 3 ч<аса> – она вздрогнула, как от толчка и перекрестилась]¹⁴.

Paris 1926

2 июля

№ 93

Во сне ты смутно, и очень ясно Диксон. Точно чистая капля воды, так ясно его лицо и вокруг лица чистый свет. Он неподвижно, а ты движешься.

Был В.И. Лебедев, отдал ему рукопись. «В<оля> Р<оссии>» будет тут печататься, пришлют корректуру¹⁵.

Пробовал писать – плохо что-то выходит, не могу сосредоточиться. Исправляю «Плачужную канаву» («Ров львиный»)¹⁶.

Пришел «Караим» (К.В. Мочульский. Через неделю уезжает. Будет жить в Savoie на уроке. Туда просит прислать книгу [«Ров львиный»]¹⁷.

Стало быть, кстати я принялся поправлять. Он обещает написать. А больше никто не напишет! Балмес <sic>-Лоллий¹⁸ не хочет. Я ему показывал приготовленную книгу.

Добился, наконец, получил от Милюкова «Они самые»: они когда-то были посланы по Познеровскому научению для однодневной газеты: «День русской культуры»¹⁹.

Весь день ждал денег. Написал Шестову.

Когда шел на почту, встретил J. Goll'я²⁰ – на улице он говорит по-французски: ответа еще все нет о «Рве львином» [Не помню, Голь, должно быть, хотел устроить по-французски].

Открытка о G. Hahn (Швейцария)²¹. Она виделась с редактором “Individualität”: деньги – ½ гонорара мне пришлют²². От Schol<tz>a (Berlin) – Diederichs не берет мои сказки²³, об этом хлопотал, помнишь, приходил мальчик Maugas.

Winterfeld'y²⁴ не написал. Лучше, когда с тобой. Или только ответить пока, чтобы не забыл?

Сколько мне приходится тратить на то, чтобы «добиваться»: гонорара, непринятой рукописи и напечатанного.

Поправляю, и в голове пусто. И клонит. Жду от тебя уведомления.

Письмо от Райгородского²⁵: деньги посланы тебе в пятницу 25. VI. И пошлет в пятницу 9-го VII. А Д., о котором писал Шестов, не Добрый²⁶, а Добрынин [?] ²⁷.

Paris 1926

3 июля

суббота

1 ч<ас> д<ня>

№ 94

Сейчас получил 500 frs. Вот и купон. Посылаю тебе, чтобы ты не беспокоилась. Значит, могут. Я тебе еще пришлю.

Paris 1926

3 июля

суббота

№ 95

Очень болит голова. Перед грозой? И вот загремело и рассветилось. Закрыв окно.

Зарецкий²⁸ прислал «Die Funk Stunde» № 23, 6. VI. – концерты и литературные вечера по радио²⁹. Картинка “Die Feuerbrunst” («Пожар») и портрет актрисы, которая читает: Rose Lichtenstein³⁰. И что странно, есть что-то от меня в ее глазах. А может, глаза на фотографии у всех одинаковые? Напишу Зарецкому, узнать, не полагается ли мне чего получить? Видишь, и я научился «ногой лягаться».

После грозы снял с головы повязку – кутал в полотенце.

Наташа (Чернова-Резникова)³¹, а за ней Диксон. Окно снова раскрыто. На кухне чай пили. «Старица» вымыла полотенца, Наташа и Диксон. Пичкал Диксона простоквашей. И, хотя «велено», больше одного горшочка не одолел. Правда, простокваша стояла крепкая, ведь я не ем.

Говорили о цвергах (гномах)³² и о ангелах и какие у цвергунов мягкие лапочки, а ангелы, как вихри. Хорошо, что некому было подслушивать, а повар-китаец в окне и прислушивается, да понять ничего не может и говорим тихо, у Диксона в природе, а я после головы.

Решение Шаховского произвело впечатление на Диксона³³. Шаховской ему написал. А я ко всеобщей так и не пошел. Только размечтался. Писал из здешнего – продолжаю рассказы «Без хвоста» [«По карнизам»]. Осталось немного и в исправлении «Плачужной канавы» («Ров львиный»).

Думал о Диксоне. В его суждениях столько твоих слов: «нехорошо быть богатым», «стыдно в Банке деньги держать», «нельзя служить», должно быть, в смысле «угождать». Конечно, говорили о Рерихе. Только он преувеличивает, нет, от креста такие не «исчезают» (расточаются), потому что Рерих – это нигилизм.

От Сомова о рисунке к «Таиру» (Изд. Рахманиновых: Татьяна и Ирина). Вернется 15-го, хочет повидаться³⁴.

От Шестова: он говорил по телефону с Райгородским: деньги пошлют 9-го VII. А я все-таки в свою очередь напишу и поблагодарю.

Слава Богу, дошли до тебя мои деньги – 300 frs., а то я уж беспокоился.

Paris 1926

4 июля

№ 96

Сегодня воскресенье. Опять жара. И грозно. И поправляю «Ров львиный» («Плачужную канаву»).

Исправления мои вот в чем: вычеркиваю книжные обороты и заменяю живой речью, захватанные определения – своим глазом, это трудно, выделяю кавычками не авторское – рассказчика, а действующего лица.

1) Канавы (Корьё) 27 стр.

- 2) Мыслитель (Биография Будылина) 18
- 3) Брандмауэр (философия) 24
- 4) Плетеница (роман) 49
- 5) Со креста (Тимофеев) 12
- 6) Ровно и гладко (Биография Тимофеева) 20
- 7) Про любовь 24
- 8) И Богу (а может, по-другому как) 8
- 9) Абракзас 6³⁵

Остается исправить 5 и 6-ое. Во вторник и в среду придет «Караим» (К.В. Мочульский). Я ему отдам.

Поднялся в 11 ч<асов> у<тра>.

Посылаю из «Последних Новостей». Помнишь, как собираюсь ехать под Псков – это для Я.М. Цвибака (Андрей Седых) «ложная информация» – так на это ответ, и до чего глупо, не придумашь³⁶. В «Днях» Ходасевич упражняется, сохранным³⁷. А в «Звене» – Ю.С. (Юлия Леонидовна Сазонова-Слонимская) кукольным театром занимается³⁸: есть места восхитительные, но в общем не определено, нет ясного представления, о чем говорит.

Не выдавай: вчера Диксон принес Словарь Срезневского. Это I-ое издание, у нас. В Петербурге, было 2-ое с дополнением, а это 4 тома. Есть и «эпакт» и «вруцелето»³⁹. На столе у тебя лежит. Он хочет, чтобы, когда ты вернешься, увидела и обрадовалась.

В твою комнату ни шагу никому.

[Я невнимательно взглянул, а только потом, словарь это вовсе не Срезневского и никакое I-е издание, а Академический⁴⁰. Срезневский не был переиздан, и у нас, в Петербурге, было I-ое и единственное]⁴¹.

На Рериха надо проще смотреть – это я Диксону – и относиться с тем же «цинизмом», по его. «Хотите, чтобы в моей книге было приложение о ваших картинах, это удовольствие стоит столько-то и деньги вперед!»⁴²

Социалистам, как и большевикам, никакого нет дела, где был Христос (Христос, как «миф», конечно). Но для агитации можно использовать, что найден манускрипт о пребывании Христа не в Иудее, а в Тибете: евангелие-то можно и смазать!

И какое совпадение: вернулся в Россию с находкой⁴³. А про эту находку, помню, его рассказ еще в 1924-м.

Заходила Наташа (Чернова-Резникова). Никак не могу получить «Своими путями» (Прага)⁴⁴. А когда выходил, Лоллий с «Возрождением»⁴⁵. Забегала П.И. Терещенко-Чайковская⁴⁶: ушел от них Павел. [Павел – лакей М.И. Терещенки⁴⁷, с Петербурга, на его глазах память о Блоке, Лядове, 1911 – 1917]⁴⁸.

Сон твой – «стирать пыль» – der Staub в Соннике нет⁴⁹.

Так жарко. Вчера ветчину ел, а сегодня рисовую кашу. Так и молоко не пропадет. На квартиру отложил 1000 frs.

Получила ли ты фотографию Шаховского⁵⁰?

Твоя рука с кольцом хорошо вышла. К ней я положил образок: «St. Ange soyez mon guide»⁵¹.

Paris 1926

5 июля

№ 97

Как лучше, пообсуди: ехать мне встречать тебя на вокзал или не ездить; помнишь, случай, когда ты вернулась из Bernerie⁵²? А ждать дома? Я приготовлю, все будет: и ветчина, и суп, если захочешь, йогурт и баранки.

И если Диксон вызовется встречать – или *никому не надо*?

15-го VII, последний день праздника, это ничего, толкучка пройдет. Это будет в четверг. «Старлица» может только в субботу, в пятницу она у Сеземанов⁵³. Но это ничего, без нее обойдемся.

Если все сговорено будет и нам к Винтерфельду, со «старницей» порывать не следует. Дорого это, но что делать: за час – 3.50 frs., за 2-а, как у нас, 7 frs., да на мэтро – 90 с., я даю – 8 frs. Но тщательность изумительная: мою клетушку около часу трет, и еще не кончила. Конечно, старый человек без натуга и с передышкой.

Принесли белье – 32 frs. Кончил «Канаву» («Ров львиный») и натрудил руку.

Мои о себе «апокрифические сведения»: под Псков ехать⁵⁴ – а был<о> б любопытно! – перепечатываются в других газетах (Рига, Варшава), как и «Грещицев и Очкасов». З.Н. Гиппиус убеждена, что эти дьяки XVII в. подосланы «большевиками» – «разлагать эмиграцию»⁵⁵.

Дождик пошел. И стало совсем прохладно. Сижу с открытым окном, но в теплом.

Наверное, от твоего «пыльного» сна видел запыленного П.Е. Щеголева. Или потому что начал о Вологде («Северные Афины»)⁵⁶.

А какое сегодня было утро после вчерашнего дождя. Мне напоминало: когда мы уезжали в Швейцарию из Парижа⁵⁷ – пасмурно и тихо – пасмурная тишина.

Псылаю из «Иллюстрированной России» – «Где вы проводите лето» упражняется Лери (Клопотовский)⁵⁸. Ну, какой бездарный болван! А ведь в разговоре ничего не заметно.

Paris 1926

6 июля

№ 98

Твое письмо от 5.VII. с описанием «безобразий».

Больше всего возмущает, когда *ты совсем не причем*, а все дело в чьем-то легкомыслии (чаще всего) или злая воля, что реже, или нам неведомая сила (а это уж судьбинное). А валится все на тебя: тебя винят и спрашивают.

Но чаще, повторяю, виной легкомыслие: эти самые Жанны, не приходящие вóвремя и заставляющие сидеть в ванне вместо 10-и тридцать минут⁵⁹.

У тебя кружку украли, а у меня упала кастрюлька и кокнула мою чашку, и только блюдце пощадило. Купи мне красную с белыми кружочками, у нас на Rue Poussin около аптеки выставлена. Какое совпадение: какая-то сила отняла и у тебя и у меня: тебе обидно, а мне – подосадовал.

И еще совпадение. Вчера очень сердце забилося, я уж и чай жидкий пил, и не курю. А было очень жарко на воле, и у меня 36, 5 °R. После дождя сразу холодно и у меня упало до 36°R – а забилося сердце.

Сегодня, как всегда 36,3 °R и сердца не чувствую: прошло.

Дело не в 2-х днях – 15-го или 17-го, а в трех – 6,7,8, когда тебе нечего делать. Если даже ты проедешь в «Евтиазару» <sic!>⁶⁰ посмотреть, все равно, на это не так много уйдет. Хочешь, я тебе пришлю «Версты», а потом «Современные записки»? Как-нибудь дни и скоротаешь. Если же чувствуешь, что от дальнейшего нет проку или не такой, чтобы терпеть, то, конечно, свертывайся.

К Проскураковой не переезжай. Бабы будут всякие завитки <sic!>⁶¹, каждое слово надо взвешивать. А это и так надоело.

Больна (печень) Вера Алек<сандровна> (Сувчинская-Гучкова)⁶². Приходил Сувчинский, очень озабочен. Рассказал ему твое ванное происшествие.

Надо сообразить, как с посылкой 500 frs.?

17-го VII. – St. Alexis⁶³.

Paris 1926

6 июля

№ 99

Посылаю «Вёрсты» № 2⁶⁴, пускай развлекут тебя.

Я знаю, как каждый час, не только день, может стать невыносимым. Повторяю, если видишь прок, хоть небольшой, то дня два не велик срок (еще как велик!), если же чувствуешь, что это так – как полагается 3 недели леченья, то, конечно, оставаться в Виши не стоит.

О деньгах Райгородского, пошлет 9-го, надо что-то придумать. А придумается само-собой, когда решишь: ехать или оставаться.

Только чтобы я знал. Я выдумую.

В «Верстах» в «Николе» в одном месте испортили пропуском, увидишь⁶⁵. В «Современных записках» большая статья о Владимире Соловьеве, опять поминается Ек<атерина> Вл<адимировна> Селевина-Романова («невеста» Вл. Соловьева)⁶⁶.

Прилагаю из «Дней» из России («Красная газета»): до чего это по-русски! В «Днях» перепечатывают повесть Бабеля⁶⁷.

Я беспокоюсь о сердце: или ванны так действуют? Надо осторожнее. Я представляю, как ты одна и ночь – одна, когда душно, и обидно, что одна. Все представляю. И потому говорю: если – – то возвращайся. В Карлсбаде, там уверенно, но в Карлсбаде бывают и водятся Жанны.

7 июля

Во сне: Маковская (Познер)⁶⁸ устрицы ест. И я подумал: а вот мне не предложит. И едем мы с тобой в III-ьем классе, как в России. В вагоне, кроме нас, никого. Входит кондуктор.

11 ч<асов> жду монтёра: должен переменить у нас электрический счетчик.

Paris 1926

7 июля

среда

№ 100

Весь день ждал: принесут деньги. Да нету, стало быть, завтра.

Заходил «Караим» (К.В. Мочульский), уезжает в Н<au>te Savoie. Туда ему и пошло «Канаву» («Ров львиный»). Ты взглянешь и тогда. Хочет написать. Взял книгу, где Норе Mirelis об «Оле»⁶⁹ для Г.Л. Лозинского. Надо отметить. А то ни в каких журнал<ах> не хотят ее упоминать⁷⁰.

За Мочульским А.Г. Вишняк: дает сроку еще месяц.

От Мих<аила> А<лександровича> Струве – он занес корректуру: начало «Взвих<ренной> Руси», а еще принесет в субботу⁷¹. Но ты знаешь, он вроде Ю.Н. Верховского: у Верховского падучая⁷², а Струве – контужен в голову.

Хорошо, что стало холодно, а то бы беда.

Приходила Наташа (Чернова-Резникова) штаны чинить. На кухне сидели. Все привела в порядок, теперь, как новые. Черновы все уезжают 11-го.

Письмо от С.В. Познера⁷³: они знают, что ты уехала. О подходящем «налоге» надо будет поговорить с Познером – он «все знает» по словам Эсфирь Соломоновны (Познер).

О налоге я и П<елажее> Ив<ановне> Терещенко (Чайковской) рассказывал и М.А. Струве, говорят, что и у них тоже было: вызвали к контролеру. Конечно, надо заявлять. Если бы я знал, я непременно заявил, а теперь отдувайся: возьмут за три года со штрафом⁷⁴.

Как-то все в житейском и разговор один: “femme de ménages”, “impôt”, “revenue”⁷⁵.

Немного писал.

Нет, тебе одной нельзя ездить. Можно к кому-нибудь, ну, как тогда к Лисевне (Ольга Елисеевна Чернова)⁷⁶ или на краткий срок в Kerbelles к Fleury⁷⁷.

Я все мечтаю, как ты приедешь. Хочется мне денег собрать. И по «человечески» тебе что-нибудь сделать, чтобы не беспокоиться – У меня, как никогда еще, горькое чувство перед такой «случайностью», как было у тебя с Жанинами <sic!>⁷⁸.

Для Сомова все узнал: и о размере, и о бумаге. После 15-го вернется в Париж, надо его пригласить⁷⁹.

Притерпи, если можешь: может, польза какая будет.

А сколько теперь будет стоить у Винтерфельда?

Заплатил за газ – май-июнь – 98, 50. За прошлые месяцы март-апрель было больше – 113 frs.

Поговорю с Познером – Соломона все знают, – о Розанове [Письма Розанова, оригиналы]. Может быть, у него найдутся любители купить⁸⁰. И о докторе Розанове в Виши⁸¹.

В разговоре с Розановым завтра 9-го, помани, что тебе задерживаться в Виши никак нельзя: тебя ждет экстренная работа в Institute d’Etudes slaves у A. Mazon⁸². И в правду, ты не получила, но будет о Тургенева⁸³.

А я как-то о своем рожденьи и не думал, одно только цифры: 7. 7. 1877⁸⁴. Мне 49 лет.

Сердечный припадок – отголосок «accident’a»⁸⁵.

Paris 1926

8 июля

№ 101

Прокорректировал всю I ч<асть> «Взвихренной Руси». Осталось еще много. Сговорился с С.В. Познером на завтра: попрошу написать Розанову, тебя б не задерживал, всякие дела ждут тебя в Париже; что-нибудь придумаем. Все это, конечно, очень деликатно будет сделано, а не срыву: «не задерживай!».

Во сне Даманская⁸⁶. Не какой-нибудь, но все-таки сон надоедливый: рассказывала мне «своими словами» еще ненаписанный роман.

Опять у меня что-то с сердцем завилось. Я так представляю, как у тебя было после 30° ванн.

Имей в виду, если чего (говорю, как у Слепцова⁸⁷), просто скажи, что ты не можешь больше оставаться в Виши. Такая мода: «задерживать» – «дамам» это даже нравится.

Заходил А.Г. Вишняк. Душный день. Вишняк за доктора: пульс считает. Воображаешь, какой счет!

Письма: от Диксона, Святополк-Мирского (Лондон) и Шестова.

Святополк приезжает 14-го. Диксон придет днем в субботу. Шестов – Châtelguyon, Villa Florence. Р<u> d<e> D<ôme>⁸⁸. Деньги от Райгородского высланы будут. Он не понял моего письма.

Какая ты неосторожная. Я тебе вложу еще денег [в конверт с письмом, что не полагается].

Хотел тебе подробно написать, как во сне снился еще и Мазон – к душной погоде, но думаю, уж сегодня – –

Paris 1926

9 июля

№ 102

Thiers, это в Puy de Dôme на юге-востоке⁸⁹, а Châtelguyon – Шестов на юго-западе. Ты бы проехала посмотреть. Я ему напишу.

Хочется мне, чтобы ты получила эти канительные 500 frs. И закончилось бы. Тогда через три руки путного не жди: Мирра Яков<левна> Эйтингон⁹⁰ – Райгородский (велел послать 26.VI.) – Добрынин (послал 29.VI)⁹¹. Деньги в дороге, да дороги-то они в руке, и надо, если хочешь, из рук в руки.

У меня и сердечные перебои от «добиваться» [А на самом деле от потрясения]. Гуляю и меньше курю и кофе на 2 дня обычная заварка (ящичек с верхом).

Встретил Mazon'a. Он знает о Виши. Есть у него дальше о Тургеневе. На неделе он придет. А когда ты вернешься, сделаешь; посылать в Виши рукописи не надо.

[С.П. проверяла транскрипцию Мазона дневника Тургенева и другие рукописи – книга вышла по-французски⁹²].

Прислать ли тебе «Современные записки»⁹³?

Черновы уезжают 13-го в понедельник. Наташа (Чернова-Резникова) исполнила все. И Оля (Чернова-Андреева)⁹⁴. Остаются Вишняки.

Приходили Познеры⁹⁵.

Парижские новости: Н.Л. Слонимскому исправляли его кривой нос – теперь смотрит прямо; такую же операцию будут делать и над Слонимом⁹⁶. Но оказывается, нос долго держаться не будет и повернется

в свое природное направление. А операция очень мучительная; Мочульский – «Караим» поехал к Высоцким⁹⁷.

Расспрашивал Познера о подоходном налоге: как поступить и о чем разговаривать с Контролером. Розанову напишет от Комитета писателей⁹⁸, чтобы с тебя меньше взял, и обо мне для «сведения».

В.Л. Вишнячка⁹⁹ принесла ветчины – добрая душа! Лоллий-Балда-лон «Возрождение»¹⁰⁰.

Рассказываю о твоём происшествии с ванной.

Стало быть, деньги от Райгородского посланы 8-го VII, если извещение 9-го. Значит, подействовали мои письма.

Paris 1926

10 июля

№ 103

Весь день корректировал «Взвих<ренную> Русь». Надоело. А вечером М.А. Струве за корректурой.

Приходил Диксон. Показал ему, где о нем в «Совр<еменных> Записках», – не знаю, должно быть, доволен, очень покраснел¹⁰¹. А принес он мне перушков, не писчих, а птичьих.

В ящиках так и нет полок, пил нет. Хоть бы догадался принести доски. Вызову А.В. Оболенского, он сделает¹⁰².

Диксон уезжает в Лилль, хочет отыскать попа Соболева¹⁰³. Я его предупреждаю: поп талантливый, но пьющий. Вернется в пятницу. Когда ему прийти? В воскресенье? С дороги ты усталая, а он сидит до утра, – в субботу не стоит.

Пасмурно. Возят уголь. Не пройти, не проскочить. У входа в дом, все завалено и размазано (после дождя).

Хочу сегодня все письма написать, какие есть над душой.

Понедельник не 13-ое, а 12-ое, я вчера ошибся, когда написал об отъезде Черновых.

Paris 1926

10 июля

№ 104

Забегала Вишнячка, принесла 4 персика и лимон. И от Богуславской¹⁰⁴ какая-то – «долг». М.А. Струве обманул, ну, это так и надо было ждать. А корректуру я всю сделал: бери в обе лапы¹⁰⁵.

А как мало дней, когда на календарь смотришь. Какая, значит, короткая наша жизнь. 17-ое VII по старому 4-ое – твоё рождение.

Тихий вечер – тихий, как после дождя. Уж полночь, а на воле шумно и гудки, и звонки – но вокруг тишина, душа ночи тихая.

Прибрался: много всяких бумажек накопилось. Навел порядок. А всех писем за раз не написать. Есть старые долги: Scholz, Hahn¹⁰⁶.

Получила ли Версты № 2?

Напиши, чего приготовить: масло, ветчины, не надо ли какой воды?

Объявление: Домострой. Изд. Кожанчикова. 1 доллар¹⁰⁷.

Познера известил, что тебя Розанов не задерживает и не надо писать от Комитета¹⁰⁸. Да он еще, наверное, и не написал.

Надо будет Гавронскому¹⁰⁹ заплатить: счет сохраняю.

Paris 1926
11 июля
воскресенье
№ 105

Такая пасмурь, решил дома посидеть. Хотя в воскресенье так и полагается из-за звонков.

Диксон винограду принес. Поил его чаем. Но ничего не было «веле-но» и он съел свой виноград.

Перцов женился на очень богатой (Нью-Йорк)¹¹⁰. Мне чего-то жалко не Перцова, а Диксона. Разговор без значения о журналах и изданиях.

Ходил с ним гулять до станции “Murette”¹¹¹, а когда возвращались, у дверей – звонит Балтамол-Лоллий¹¹². Диксона я представил: «сын André Gide’a»¹¹³. И говорил с ним по-французски. Лоллию он очень понравился: «какой красивый мальчик и, должно быть, очень богатый».

После Лоллия, которому я отдал корректуру – 113 стр. – пришел М.А. Струве. Спрашивал у него, сколько стоит издать «Канаву» («Ров львиный»)? На его глаз – 6000 frs. и это все: и бумага, и типография. [До сих пор не издан – 1948].

Заходили проститься Черновы¹¹⁴. Бр<онислав> Сосинский не уезжает¹¹⁵.

А когда мы ходили с Диксоном к “Murette”, была Мар<рия>. М<оисеевна>Гуревич¹¹⁶ и с ней Шрейбера¹¹⁷.

Какая-то принесла слоёнку, и записки, посылаю тебе. Я разрезал, но есть не решился, так промаслено и все жирится.

Не знаю, что делать. Очень мне не хочется «кричать». [М.М. Гуревич глухая]. На 14-ое условлено со Святополком¹¹⁸, я ему напишу, чтобы три звонка.

Тебе одной никуда нельзя. И повторяю, гляжу на календарь – как мало дней!

Дал Диксону 30 frs. купить «Домострой».

Написал много писем. Остаются в Германию: Scholz’у и Ruoff’у¹¹⁹.

Твоя карточка очень хорошая. Мое сердце утихло, не беспокойся. Курю 10 – 12 папирос в день, а кофий не такой, как ты пьешь, а покрепче, да скоро все пойдет по-старому.

О Диксоне пишет Степун в статье о «Благонамеренном»¹²⁰.

Не беспокойся. Бога ради. Познеру о Розанове, что не надо, я написал, и еще напишу¹²¹.

Paris 1926
12 июля
понедельник
№ 106

Представь себе, позабыл дома ключи. Вернулся с почты – а ключей нет, выйти не могу. К счастью, консьержка подобрала. Лежат на столе и с каким-то упреком: «забыл!» В житиях такое называется «искушением».

Лоллий¹²²: Нина Григорьевна (La Nonne vierge et martyre)¹²³ едет к Борманам (сын Ар<иадны> Вл<адимировны> Тырковой-Вильямс)¹²⁴, Лоллий рыщет достать 100 frs. на дорогу ей.

От Нины Григорьевны у меня тяжелое впечатление: на вокзале, когда она тебя провожала, я заметил, какие это были ревнующие глаза. Не ко мне же, а, конечно, к Диксону¹²⁵.

Наташа (Чернова-Резникова) не уехала, хочет тебя дождаться. Проводила Вадима (Андреева)¹²⁶ и Олю. Я ей отдал слоёнку.

Не понимаю, как так, зная, что тебе нельзя, приносить такое – масло!

Для твоего успокоения ходил к В.Д. Аитову¹²⁷, чтобы выслушал сердце. Он нашел, что это временное – невроз, а так все и давление и пульс – «хорошие». И к твоему приезду восстановится.

А все это оттого, что я сержусь. А я сердился все эти дни без тебя, «добиваясь».

Получил «Юного читателя» (Рига)¹²⁸. Два месяца писал открытки, и хоть бы что. Наконец, написал Белоцветову¹²⁹. И вот и этот «Юный читатель» и 5 экз<емпляров> «Слова» с «Болибошкой»¹³⁰ и «Перезвонь». А ведь, кажется, как бы просто: напечатали и присылай, нет, изволь, письма писать, да и то не сразу ответят. У сербов такой обычай: не отвечать, но русские-то, хоть и в Риге, а осербиться не должны были.

Мне надо меньше ходить. Но я совсем мало выхожу! А говоря, не поднимать голос. Точно я ору!

Карточка твоя хорошая, но я не показываю до тебя.

Думаю, написать Mazon'у, что ты вернешься на этой неделе. И возьмешься за Тургенева¹³¹.

Очень жарко. Тяжело тебе будет в Париже без воздуха. Я разговаривал с Диксоном, чтобы ты в Шартр проехала. Он привез оттуда гравюру: Рождество – Пастухи. Стоит у тебя на столе.

Помер Аким Львович Волынский (Флексер) (1863–1926) – вот «сшибли» человека в свое время – в Северный Вестник¹³².

Помер О.В. Аптекман. Помнишь, Вологда – Кувшиново¹³³.

Paris 1926

13 июля

№ 107

11 часов ночи. Какой барабанный бой с каким-то, как из пушки, после нескольких палочных дробей залпом. И Марсельеза. Мароканцы идут по Av. Mozart. Завтра на Елисейских полях смотр. В Марокко кончилась война¹³⁴.

Султан приехал и испанский король и диктатор Примо де Ривера¹³⁵. Вот бы посмотреть на эти рожи, да куда мне – затолкают!

Расклеены огромные плакаты – полиция срывает – как достойно встретить в Париже убийцу.

А ты бы пошла взглянуть, я уверен. Одно: жара – 25 °R. Пью чай с лимоном. На пол лимона капля чаю.

Музыка затихла. А наш дом оживился и соседний. Разговаривают и свистят, но тихонечко.

Тебе открытка из Сербии от Гребеншиковой¹³⁶, спрашивает о Бельгии. Из «Слова» за «Болибошку» – 104 frs., добился-таки!¹³⁷

От Диксона: на прошлой неделе Сборник Бартенева, «Осемнадцатый век» (I, II, III) проданы Н.Н. Черепнину¹³⁸. Можно через Сувчинского достать. Я напишу.

Перебирал газеты, ищу о Вас. Баршове – молодой писатель, верно, сын Алексея Сергеевича, моего спутника по Вологодскому кочевью (1897 – 1900)¹³⁹.

Сердцу легче. Очень меня беспокоит, что жара и тебе будет тяжело. И не знаю, что придумать. Куда бы тебе проехать до Винтерфельда, в Шартр?

Взял бланков на почте. Гавронскому просто написать, что по счету 230 frs.¹⁴⁰ А к нему – очень жарко.

Я все мечтаю, хоть откуда-нибудь получить деньги и тебе проехать безо всяких посредников и советчиков.

Когда назначить «Старице»? Она придет в четверг, может, и в субботу? Я ей предложу, в понедельник.

Долго ночью шумели и визжали – как могли. Ведь это Auteuil, много не спрашивай. И поднялся я рано – очень жарко.

Paris 1926

14 июля

среда

№ 108

Степун не хвалит статью Диксона за его одобрительный отзыв о книге Святополк-Мирского «Русская литература»¹⁴¹, а о стихах Диксона ничего. А обо мне: «когда-нибудь исследователи напишут о творчестве Ремизова»¹⁴².

Уг<о>рь Платоныч Демидов – «Негус» и есть самый мой гонитель – «фараонова колесница» в «Последних новостях», но, говорят, он глубоко-верующий православный, и если бы ты с таким поговорила, может быть, нашла бы действительно человека, а не хрю-хрю, не Угря, не Негуса¹⁴³.

Диксон не уехал и не едет. Можно ему прийти в субботу часов в 9-ть? Чего мне ему «велеть»? А какая досада, «Домострой» продан. Утром я подумал, тоже читал объявление, продается «Стоглав»¹⁴⁴. А Диксон и приносит. Я ему еще 10 frs. – стоит 40. Напоил его чаем и он пошел: пройдет взглянуть плясовое гульбище.

А вчера барабан – это мне Диксон рассказал – шли по Av. Mozart марокканцы, черные в белых одеждах.

Постучал Оболенский.

Рассказывал, как Шульгин ухитрился побывать в России. Пишет книгу о своем путешествии – о кипучей деятельности в России и упоре против всяких восстаний¹⁴⁵. Это против и Николая Николаевича (такой есть царственный великий князь)¹⁴⁶ и против П.Б. Струве¹⁴⁷.

«Восставать надоело, надо жизнь устраивать!» – вот голос из России.

Был Сувчинский и Святополк-Мирский. О «Верстах»¹⁴⁸. Вер<a> Ал<ександровна> Сувчинская уезжает туда, где Цветаева¹⁴⁹. Завязывается дружба: «Воля России» и «Версты». Назначено свидание. Действует В.И. Лебедев. Приехал из Праги М.Л. Слоним¹⁵⁰. Кстати, и нос выправлять. Я думаю, дело не в «Верстах», а против «Современных записок»¹⁵¹.

Очень Святополк-Мирский огорчен статьей Резникова о Андрее Белом¹⁵². Но сами виноваты, нельзя было так близко подпускать С.Я. Эфрона к «Верстам»¹⁵³. А теперь и стыдно, – ничего!

На воле шум и ракеты – танцуют! Не люблю я праздников¹⁵⁴.

Paris 1926

15 июля

№ 109

Письмо получишь вечером 16-го – канун твоего рожденья.

Хоть ты это и не любишь, а все-таки поздравляю. Ничего не поделаешь – «все мы по естественным законам на свет родились» (К чему эта фраза я и сам хорошенько не знаю, а выговаривалась и написалась!)

К твоему рожденью тебе удача: получил из Варшавы пьесы, изд. Театр и Искусство, переводы: Андре Жид, Рашильд, Штейбух¹⁵⁵. А прислал книгу, помнишь, такой приходил – соломинка, розовый нос.

Завалили меня корректурой («Взвихренная Русь»). Горе – пропуски и надо вписывать.

Заходил Лоллий: Нину Григорьевну (La Nonne vierge et martyre) он отправил на месяц.

Душный день – + 25° R. Собиралась гроза. А сейчас прохладно.

Тебе письмо от Лисевны (О.Е. Чернова).

Все мне хочется для тебя чего-нибудь такое сделать к твоему приезду, чтобы удивить. Я буду тебя караулить.

[Так оно и произошло. Вышел я караулить и стал на углу справа. И стоял дураком ½ часа. А С<ерафима> П<авловна> подъехала слева, мне незаметно, и не знала, что и думать – не открываю. ½-а у дверей прождала. Ну и попало ж мне! Удивил!]¹⁵⁶

Слава Богу. Прошли эти дурацкие праздники. Это то нутро, те кишки жизни – физиология. Должно быть наружу выставлять не годится, а беречь под смоковничьим поясом прародителей Адама и Евы.

16 июля

Поздно проснулся. А в час придет Диксон, полки в ящики поставим.

Paris 1926

16 июля

№ 110

Красные чернила высохли. Диксон принес красные розы. Еще два пакетика сушек и черный хлеб. Хлеб я попробовал: много солода. А доски для полок забыл. И нарочно ездил за ними. Я их выкрасил красным. Высохло. Поставил книги. Надо шторы – и тогда будет чисто.

Заходил Ал<ексей> Ал <ксеевич> Архангельский¹⁵⁷. Живет на Rue de la Tour. Померла его жена, здесь он с дочерью. От Гали Ремизовой (она дочь Архангельского)¹⁵⁸ есть письма, а от Иды (Ида Федоровна Ремизова – Рюккерт) нет¹⁵⁹.

Заходил Киреев¹⁶⁰ и Лоллий. Оставил адрес Нины Григорьевны (La Nonne vierge et martyre).

«Выспался, говорит, за много месяцев!»

Очень болит голова. Сижу с повязкой (полотенце). Это от корректуры: кончил только сегодня.

17/4 июля 1926

3 ч<аса> д<ня>

Только-только что успел все сделать. И цветы, и йогурт, и цветная капуста, и розовое варенье –

это тебе

п о з д р а в л я ю!¹⁶¹

Chartres¹⁶²

Paris 1926

2 – 3 октября

№ 111

Подвел часы – полночь. А спать хочется, будто уж час «меблированные» часы спешат на 2 часа. Привыкнув в этот час слышать шелковый звук, ясно чувствую, что ты в Шартре.

Подставил «самовар», пью чай и со мной Feuermänchen¹⁶³. Когда я переписывал «Тябня»¹⁶⁴, он не раз падал и засыпал. Только всего я и сделал, что переписал. Это вокзал: всегда устаешь.

Вышел я благополучно. Никто билета не спрашивал. И к моему счастью без перехода на другую сторону мэтро; № 5. Домой я попал ½ 2-го. Все подготовил для консьержки, но она не пришла. И писем не было.

Около 5-и звонок. Я думал, опять почтальон. Нет, это из Берлина от R. Kayser'a¹⁶⁵ молодой писатель Herbert Schlüter: его роман начнется печататься в Neue Rundschau (Берлин)¹⁶⁶. Просил назначить ему вечером. Тоненький, говорит похоже на Klaus Mann'a¹⁶⁷, но не развязный, а весь собранный.

И Klaus'a Mann'a и Süßkind'a¹⁶⁸ он знает.

«Молодые», по его словам, – их “Großvater”¹⁶⁹ – Герман Бар, венский писатель¹⁷⁰, а не Tomas Mann, ни Гауптман, ни Келлерман¹⁷¹. Начитанный, как Süßkind.

Я говорил с ним по-французски, признаюсь, мне легче, чем по-немецки.

После Шлютера взялся за «Тябня». Холодно было. Закрыл ставни. Ветер сюда. В 9-ь ч<асов> кто-то ломился. Записка – Я. Шрейбер. Если бы я отворил, «Как проводили лето?» – и от моего «Тябня», так бы и лежал неоконченный.

Когда затворял ставни, посмотрел в окно: небо без звезд, зарево от фонарей. И так почувствовал я, как это жутко – а ведь нужно быть всегда готовому – как не хочется отрываться [от «Тябня»?] и лететь в это

беззвездное небо и в этом зареве от фонарей. Если в этой жизни человек не умел сам-за-себя, самостоятельно жить, какая это жуть очутиться одному.

За неимением других писем, я тебе вклеил записку Шрейбера¹⁷².
Как-то тебе там? Самый холодный час.

Paris 1926

3 октября

№ 112

Сон: Вдруг погасло электричество. Я в прихожую зажечь. Ищу выключатель (штемпель *<sic!>*), а он спустился к полу. Потронул *<sic!>* и чувствую: раскололся. Стал я на колени и хочу соединить расколотые половинки. И чувствую, как в темноте меня прикрывают и за руки держат и за ноги тянут. И я понимаю, что эти существа или это напавшее на меня существо «злая сила». И выдираясь, говорю:

«Разве вы злые?»

Они ничего не отвечают, а по-прежнему тянут.

А я чувствую, что мой голос их обессиливает. Когда я заговариваю, они отскакивают.

Я проснулся с чувством: соединить половинки мешают, а стало быть, зажечь электричество нельзя. И с этим я должен помириться.

Было 3 ночи. Я закрыл дверь. Я заметил, что «страшные» сны мне снятся, когда в ту комнату открыта дверь.

И заснул. И вижу тебя: летаешь на кровати.

Консьержка, как всегда, уехала в воскресенье. Внизу я взял газету и письмо от «вонючего мальчишки-предателя» [Не помню]. Может быть, что-нибудь и выйдет – с деньгами.

Пришел Меламед с баранками. Я позарился и купил 12-ь по 50 су. И досадую: баранки другие, сладковатые, сдобные и совсем не «баранки»¹⁷³.

½ 6-го кто-то ломился.

Подсчитал «Тябня»– 16000 знаков – 300 frs. или около.

1927

Carnac 25.VIII.1927

Er lun

Er merh

Hag er merher¹⁷⁴

¼ 2-го II 1.I.1927

№ 113 a

Bonne Année¹⁷⁵!

Трудовой – благословенный год: начало, как и конец. Все дни. Дух мудрости от веры: не из пуста, а по вере. И многое просветится.

В прошлом году шум был еще пуше, и мне тогда было очень больно, что никто ничего не чувствует (наше).

12.VIII – 29.VIII. Kerbellec

Carnac¹⁷⁶

Paris 1927

1 апреля

№ 113 b

Когда ты уйдешь *так*, рассердившись на свою няньку и повариху, я совсем *обезручусь*. А разве можно *так* – и причин не нахожу для такого?

Как же я тебя мог отпугнуть? Ты это на няньку-то и повариху такое.

А это неверно. Нянька-то другой раз с поварихой сидят на кухне и не знают, что и придумать – какой же там отпуг может в голову прийти?

Пишет это письмо

Анисья старуха да Аграфена¹⁷⁷.

Виши (Vichy)

Paris 1927

3 сентября

№ 114

Все сделал: расписку вклеил. Писем никаких не дал. О своем участии в журналах объяснил. Все вышло вразумительно.

На меня произвел он другое впечатление: вчера он безусловно охмелел после невиннейшего вина, как хмелеют только отчаянные пьяницы [О Товстолеесе¹⁷⁸].

Поручение он исполнил [в изд<ательстве> Plon]. Хочет тебе сам подробно написать. Через 10 дней в сверстанном виде 2 экземпляра со старой корректурой. Посвящение сделают на отдельной странице. Книга выйдет в половине октября¹⁷⁹. Кобяковскую карточку – в каталог [Sur champ d'azur]¹⁸⁰.

Напоил его чаем. И там подрёбки были варенья и «петровская» баранка. Завтра принесут свежих. «Петровские», а все-таки лучше, чем хлеб.

Писем нет. День прошел сонно. Принимался спать – такая усталость и оттого еще, что после 10-и дней глухоты («пробка») слышу.

[Эта напасть случилась в Kerbellec'е, где надо мной мудрили – Mme Fleury¹⁸¹ и Mme Denise: чтобы выгнать из уха пробку они вливали мне

в ухо кувшины. И как я не оглох и на самом деле или крепкие уши? А вернувшись в Париж, еще несколько дней мучился: все доктора разъехались, спросить не у кого, к кому обратиться. Наконец, напал в газетах на «Клинику», С.К. Серов¹⁸² меня освободил].

Писал письма. Ответил И.С. Лукашу (Рига). Заняло очень много времени. Но одного не мог объяснить ему – ну, и дурак! – «Взвихренная Русь» – фальшивое заглавие: «взвихрать» – выдуманный глагол!» Я только и мог ответить, что все русские слово «взвихренный» понимают. Целый ряд дурацких замечаний в его рецензии зачеркнул красным карандашом, как «фактическую неправду»¹⁸³. Я еще никогда в жизни такой глупости не читал, «Африканский доктор» (В.Н. Унковский)¹⁸⁴ перед ним мастер».

«Фактическую» ставлю в кавычки, вспоминая портного Никиту Петровича Фомина, который, по его словам, «живет фактически на 20 Rue Berthollet, V».

Еще написал «Шляпе» (Диксону)¹⁸⁵, Мирке Претнеру¹⁸⁶, Шестову. Шестову – о его статье в “Individualität’e”¹⁸⁷.

Г.Н. [Григорий Николаевич Товстолес] принес «Новый корабль»¹⁸⁸, в понедельник пришло тебе. С Н. [Наташа Резникова] – проводила до самого дому – я условился: пускай зайдет в субботу. Г<ригорий> Н<иколаевич> оставил мне свой адрес: 3 Place de Passy.

Как же ты доехала? Как устроилась?

Адрес Шестова на случай: Villa Florence, Châtelguyon (P<u>y d<e> D<ôme>).

Хорошо, что ты взяла платок, мне очень холодно.

Paris 1927
4 сентября
Воскресенье
№ 115

Такой грустный день – весь день с полдня дождь, тихий, а к полночи громкий. Писем нет. И никто не звонил. Весь день дома.

Прибрался. Я заметил, с приборки у меня всегда начинается жизнь: и это не человеческое и не демонское, а звериное или птичье. Все чищу. И чища, представь себе, в твоём бисерном кошельке на пианино – лежит вместе с Залшупинским¹⁸⁹ и старым – нахожу 20 франков (10-ь и 10-ь). Находка!

Собрал газеты, отложенные для тебя, я из них вырежу – Алданова, Зайцева и тебе в Виши. Представляю, какая скука. Вот и дома – грустный день, а сидя в Lisbonne’e¹⁹⁰ не грустно, а тяжело. А только еще второй день.

Смотрел I том материалов Nagios Nikolaos¹⁹¹. Горе мое: все по-гречески, кое-что латинское, и очень мало чего по-немецки. Если бы был здесь Перемилловский! (Прага)¹⁹². Кого бы попросить разобрать? Часть материалов есть по-русски в Трудах Киевской Духовной Академии¹⁹³. Может быть, достанет Евграф Ковалевский¹⁹⁴?

Прибираясь, думал о рассказе-чуде – мальчик Basilio. С него и начну Николины сказы¹⁹⁵.

Еще надо придумать, кого попросить или самому вкратце биобиблиографию. Для французского каталога (Pion)¹⁹⁶. Как пример, Бердяевское описание – ты получила от Г.Н. [Григорий Николаевич Товстолес].

Замечай сны. Воскресенье не в счет. С понедельника. А старую (с Пасхи лежит) муку я выброшу: раскрыл мешок, а она полна жуков. Выставил пока на кухню, а завтра в пакет и в «ордюр»¹⁹⁷. А какие жуки! И откуда? Буфет не огород. Не иначе на ногах занесли личинку, вот и развелись. То-то и по ночам слышу: жужжит, и где, невдомёк.

Мысль идет этажами и в первом – о деньгах.

Дождик сон нагоняет. Потерпи уж. И не ешь много тяжелых, как сливы.

5 сентября

Твое письмо от 3. IX.

Видел во сне Аронсбергов¹⁹⁸. Вот видишь, это к Bride-les-Bains.

Открытка от Познера¹⁹⁹: Villa la Plage, Ste. Maxime s/m. Var.

Paris 1927

5 сентября

Понедельник

№ 116

Очень я взволновался, получив твоё письмо. Все себе представил. И как в 6-ть вставать и ехать. И там опять доктор и встречи, и «Бабища» [Полисадова К.М.. дочь Е.Вл. Селевиной²⁰⁰]. И самое тяжелое: голоданье, когда ни читать, ни писать, а только мориться. Жду, что напишешь.

Весы – в первую голову. Купить здесь, плохо я верю, чтобы наши берлинские переехали в Париж²⁰¹. Из «Москвы» все нет расчета²⁰². А вот бы деньгигодились. «Олины» деньги все тебе по «всем правам»²⁰³. Я бы только немного налог отделил.

Взбаламученный письмом, очень рассеянно занимался – «Чудо с мальчиком Василием»²⁰⁴.

От Перцова.²⁰⁵ Отвечаю: в четверг в 9-ть или в 9-ь. Живет он в St. Germain-en-Laye²⁰⁶. Это дальше Святополка-Мирского – Courbevoie²⁰⁷.

Утром прачешник.

Кроме Аронсбергов видел Пуни Ив<ана> Ал<льбертовича>²⁰⁸. Пуни повторял: «веки-веки!» – и рукой так по глазам себе, а глаза закрыты. Не случилось ли чего с ним?

Чувствую, пальто тебе, наверно, надо послать. Какой осенний холод в поздний час. А там горы – еще холодней.

Что б такое на счет денег устроить?

Жду, жду твоего письма. Тогда и газеты и «Новый Корабль» пошлю. А то мне все кажется, когда подымается лифт, что это ты – вернулась.

6 сентября

Только от Лукаша (Рига): он исправил свою статью по моим замечаниям²⁰⁹.

¹ Происшествие (фр.).

² Позднейший комментарий к обстоятельствам, произошедшим 1 июля 1926 г. Ср. оригинал письма: Наст. изд. С. 80. Ср. также письмо Л.И. Шестову, отправленное на следующий день, 2 июля:

...еще скажу тебе (об этом не пишу С<ерафиме> П<авловне>). Сегодня иду к Алексинскому (доктору: вчера я попал под автомобиль и очень крепко ударился: весь в ссадинах и в крес<т>це больно (не в хвосте, выше). Надо меня освидетельствовать. Ударился правой стороной. И правая рука. Но это пустяки. С рукой. После я для испытания ходил 3 часа по улицам.

Алексей Ремизов.

Если могу подписывать, значит рука ничего [11, с. 157].

³ Возможно, имя портнихи.

⁴ Лоллий Иванович Львов; см. о нем: [25, с. 68–69].

⁵ Речь идет о подготовке к печати в издательстве «ТАИР», учрежденном С.В. Рахманиновым для своих дочерей Татьяны и Ирины, рукописи романа «Взвихренная Русь». Т.С. Рахманинова как глава нового издательского дела 4 июня 1926 г. выслала Ремизову Соглашение о правах и обязанностях двух сторон предстоящего коммерческого договора (Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 1. В. 4. F. 5; далее: Amherst, с указанием шифра). Книга вышла из печати в декабре 1926 г. См. также примеч. 71.

⁶ См. о ней: [22, с. 70–71].

⁷ По-видимому, реакция на очередную газетную публикацию о миссии Рериха в Москве, основная идея которой состояла в объединении буддистского мира с Советской Россией. В подтверждение намерений духовных учителей Тибета Рерих передал советскому правительству «Послание Махатм» с приветствием новому государству как провозвестнику объединенной «Новой страны». См. также примеч. 10.

⁸ Подразумеваются появившиеся в эмигрантской печати сведения о сенсационных результатах Центрально-Азиатской экспедиции Рериха, в частности о том, что в сентябре 1925 г. художник-путешественник побывал в буддистском монастыре, где, по косвенным сведениям, хранилось так называемое «Тибетское евангелие». О существовании этого древнего манускрипта было известно благодаря книге журналиста Н. Нотовича «Неизвестная жизнь Иисуса Христа», в которой был описан тибетский апокриф под названием «Жизнь св. Иссy» (*Notovitch N.*

La Vie inconnue de Jésus-Christ. Huitième édition. Paris: Paul Ollendorff, 1894). Как свидетельствуют дневники Рериха, им был обнаружен тибетский перевод сказания, получивший название «Тибетское евангелие», в котором речь шла о жизни Иисуса Христа в возрасте с 13 до 29 лет, т. е. в годы, оставшиеся неосвященными в канонических источниках. См. также статью от лондонского корреспондента под заголовком «Христос в Индии: открытие Н. Рериха» (Последние новости. 1926. № 1903, 8 июня. С. 3). Подробный анализ дневниковых записей художника см.: [16].

⁹ См. описание биографического сюжета: [18, т. 2, с. 66–69; 19, с. 43, 46–47, 176–178; 33, с. 35].

¹⁰ Сопоставление имен Тагора и Рериха появилось в тексте рукописи в результате редактирования писем во второй половине 1940-х гг. (ср. текст оригинала письма: Наст изд. С. 80). Однако в 1926 г. Ремизов, следивший за газетными репортажами о поездке Рериха в СССР, сохранил в альбоме с коллекцией писем художника публикацию из газеты «Дни» под названием «Рерих», в которой анализируется статья «Красной газетью», посвященная масштабам его личности и оперирующая высказываниями Тагора о нем как о «величайшем человеке наших дней» (1926. № 1110, 9 сент.). Творчество Тагора открылось русским читателям в 1914 г., когда поэтическая книга нобелевского лауреата под названием «Гитанджали» была издана благодаря переводу Ю.К. Балтрушайтиса.

¹¹ Как и в тексте оригинала письма (Наст. изд. С. 80), эта фраза несет в себе подтекст случившегося дорожного инцидента с наездом автомобиля. См. примеч. 2.

¹² Букв.: Святой Ангел, будь моим провожатым! (фр.).

¹³ Цитата из заметки, опубликованной в газете «Руль» (1926. № 1707, 16 июля. С. 4). Подробнее см. в нашей статье: Наст. изд. С. 21–22.

¹⁴ Комментарий, внесенный в контекст оригинальных писем во второй половине 1940-х гг.

¹⁵ Подразумевается переезд редакции пражского журнала «Воля России» в Париж и подготовка к печати цикла легенд «Покажу вам дьявола» (Воля Росси. 1926. № 6/7. С. 52).

¹⁶ Неопубликованный при жизни писателя роман. См. историю текста и публикаций в периодической печати: [27, т. 4, с. 526–527].

¹⁷ О прозвище Мочульского см.: [1, с. 70].

¹⁸ Л.И. Львов.

¹⁹ В недатированном письме Соломона Владимировича Познера (см. о нем: [24, с. 72]) сообщалось о готовящемся пушкинском номере «газеты-однодневки» «День русской культуры» (Amherst. Series. 1. В. 4. F. 5), издававшейся в 1926–1927 гг. парижскими эмигрантскими институциями: Союзом русских писателей и журналистов в Париже, Комитетом помощи писателям и ученым, Русским академическим союзом и Народным университетом (редакционный комитет: М.А. Алданов, З.Н. Гиппиус, И.Н. Ефремов, В.М. Зензинов, П.Н. Милоков, С.В. Познер, А.А. Яблоновский). Предположительно, Ремизов отправил в газету текст, не соответствующий заявленной тематике — новеллу «О нем самом» из повести «По карнизам». 8 июня 1926 г. вышел номер газеты, посвященный дню рождения А.С. Пушкина. Участие Ремизова в газете состоялось на следующий год: Ремизов А. Путь чист: Россия в письменах // День русской культуры. 1927, 8 июня. С. 2.

²⁰ Иван Голль (нем. Ivan Goll, Iwan Goll, Ivan Goll, настоящее имя *Исаак Ланг*; 1891–1950) — немецко-французский поэт-экспрессионист. По всей вероятности, Ремизовы посетили Голля в его парижской квартире, поскольку 15 июня писатель получил от него приглашение в гости вместе с приехавшей в это время в Париж переводчицей Ф. Фриш (Amherst. Series. 1. В. 4. F. 5). В американском архиве Ремизова зафиксирована также одна визитная карточка с именем «J. <sic> Goll» (Amherst. Series. 1. В. 7. F. 8).

²¹ Переводчица Гертруда Ган (G. Hahn). См. о ней: [24, с. 70]. Ее почтовая открытка от 1 июля была послана из Мюнхена (Amherst. Series. 1. B. 4. F. 5). Упоминание Швейцарии возникло в поздней редакции рукописи Ремизова в связи контекстом письма, в котором упоминается поездка Ган в Базель и встреча с издателем журнала “Individualität” (Ibid.)

²² “Individualität” — журнал, издававшийся в Дорнахе (1926/27–1930; ред. Fr. Politzer). Подразумеваются публикации рассказов Ремизова «Христов Крестник» (Das Patenkind Christi // Individualität. 1926, 13. Feb) и «Рождество Христово» (Christi Geburt // Individualität. 1926, 13. Apr.) в переводе Г. Ган.

²³ Рудольф фон Шольц (см. о нем: [24, с. 79]). В результате редактирования оригинального письма (Наст. изд. С. 81) произошла подмена источников сведений. В действительности об отказе издавать книгу «Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым» (1923) в Eugen Diederichs Verlag — лейпцигской издательской фирме Ойгена Дидерихса (Eugen Diederichs; 1867–1930) — Ремизову сообщила Г. Ган в открытке от 1 июля (см. примеч. 21).

²⁴ В.Г. Винтерфельд; см. о нем: [1, с. 68]. Речь идет о планировании летнего отдыха.

²⁵ Леонид Николаевич *Райгородский* (в оригинальных письмах Ремизова ср. устойчивое написание Рейгородский) до революции занимал должность товарища городского головы в Екатеринодаре; в Париже работал директором-распорядителем фабрики по производству мыла и парфюмерии; был женат на Елизавете Яковлевне Буровской — родной сестре Мирры Яковлевны Эйтингон, супруги М. Эйтингона.

²⁶ Меценат Абрам Юрьевич Добрый; см. о нем: [26, с. 79].

²⁷ *Добрынин* — по всей вероятности, один из представителей купеческой династии Добрыниных. С. Добрынин упоминался в письме Ремизова к Л.И. Шестову от 4 июля, написанном в связи с получением денежного перевода [11, с. 158].

²⁸ Николай Васильевич *Зарецкий* (1876–1959) — художник, книжный иллюстратор; в 1907–1908 гг. сотрудничал в журналах «Весь» и «Золотое руно»; эмигрировал в 1920 г.; с 1922 г. жил в Берлине; в 1923–1924 гг. сотрудник литературного приложения газеты «Накануне», издательства З.И. Гржебина и «Эпоха»; в 1925–1931 гг. председатель берлинского Союза русских живописцев, ваятелей и зодчих. Многолетний корреспондент и поклонник Ремизова, Зарецкий был популяризатором его графического таланта: при его содействии рисунки Ремизова экспонировались в галерее журнала «Штурм» (Берлин, 1927), а также на выставках «Рисунки французских и русских писателей» в Париже (1932) и Праге (1933/1934). Подробнее о нем: [17].

²⁹ Программа берлинской радиостанции “Die Funk Stunde”.

³⁰ Rose *Lichtenstein* (1887–1955) — киноактриса; участвовала в записи литературного вечера с чтением ремизовского рассказа «Пожар» на немецком языке.

³¹ Н.В. Чернова (см. о ней: [1, с. 67]).

³² Цверг — в германской мифологии природный дух, воплощенный в образе карлика, который живет в камнях и в земле, избегая солнечного света. Мир мифологических персонажей невидимого мира — одна из тем книги «По карнизам», главы которой создавались в 1926 г.

³³ Подразумевается решение Д.А. Шаховского принять монашеский постриг (подробнее см.: [1, с. 67]).

³⁴ Речь идет о письме Константина Андреевича *Сомова* (1869–1939). Содержание письма состояло в обсуждении нюансов, связанных с созданием книжной марки для издательства С.В. Рахманинова «ТАИР», в ближайших планах которого был намечен выпуск романа «Взвихренная Русь». Текст письма и обстоятельства предшествующей ему деловой встречи давних петербургских знакомых см. в нашей статье: Наст. изд. С. 16–18.

³⁵ Первоначальные названия глав романа «Ров львиный» («Плачужная канава») с именами персонажей и количеством страниц. Ср. этот список в оригинальном письме: Наст. изд. С. 83.

³⁶ Речь идет о публикации ответа Ремизова на анкету газеты «Последние новости» (1926. № 1855, 31 мая. С. 3), в котором был представлен вымышленный план поездки в Псков. Подробнее см. в нашей статье: Наст изд. С. 26–27.

³⁷ Подразумевается статья В.Ф. Ходасевича «Парижский альбом. V» (Дни. 1926. № 1045, 4 июля), в которой критик собрал коллекцию разного рода неточностей и ошибок в современной журналистике и публицистике, касающихся биографии и творчества А.С. Пушкина. Здесь же в качестве курьеза упоминался аналогичный по критическим интенциям «кондуит» М. Цветаевой под названием «Цветник», в котором она, упрекая, в свою очередь, Г. Адамовича в его литературных погрешностях, сама ошиблась с подсчетом времени, истекшего после смерти Пушкина (Благонамеренный. 1926. № 2. С. 132).

³⁸ Юлия Леонидовна *Сазонова-Слонимская* (урожд. Слонимская; 1887–1957) — писательница, вместе с мужем П.П. Сазоновым стала режиссером первого в России «Кукольного театра для взрослых» (премьерный спектакль по пьесе Тирсо де Молина «Сила любви и волшебства» состоялся в Петрограде в 1916 г.); историк театра и балета; в эмиграции с 1920 г.; сестра музыковеда, дирижера, композитора Н.Л. Слонимского. В Париже продолжила работать над кукольными спектаклями. Первый из них под названием “Un Moment Espagnol avec un Lion” с костюмами и декорациями Н. Гончаровой вошел в праздничную программу благотворительного «Олимпийского бала» (“Bal Olympique. Vrai Bal Sportif”) и состоялся в “Taverne de Olimpia” в честь открытия Олимпийских игр в июле 1924 г. О кукольном «Театре маленьких деревянных комедиантов», воссозданном в Париже Ю. Сазоновой и ее мужем, см. статьи К. Мочульского (Звено. 1924. № 99, 22 дек. С. 3. подп.: К.В.) и Б. Шлецера (Звено. 1925. № 101, 6 янв. С. 2–3). Библиографию избранных статей Сазоновой см.: [28, р. 432–433]. Статью Слонимской в «Звене» от 4 июля 1926 г. в доступных нам библиотеках обнаружить не удалось.

³⁹ Слова из терминологии древнерусской книжности: эпакт или эпакта (от греч. ἐλάκτης, лат. epactae, ἐλακτὰ ἡμέραι — добавочные дни) — возраст Луны на определенную дату солнечного календаря; врузелето — начальная буква в церковных месяцесловах.

⁴⁰ Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук, выходил в форме выпусков (иногда переизданных готовыми томами) в 1891–1937 гг. под редакцией Я.К. Грота, А.А. Шахматова, В.И. Чернышева, Л.В. Щербы и др.

⁴¹ Позднейший комментарий Ремизова. Речь идет о «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» — лексикографическом труде И.И. Срезневского (1812–1880), издававшемся вторым отделением Императорской Академии наук отдельными выпусками в течение 22 лет (с 1890 по 1912 г.).

⁴² Реплика относится к истории издания книги Ремизова «Звенигород окликанный: Николины притчи» (Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин: Алатас, 1924), в котором специальный раздел был составлен из миниатюр, написанных по мотивам живописных полотен Н. Рериха. Однако репродукции в издании предусмотрены не были. См. также: [10, с. 15–18].

⁴³ См. примеч. 8.

⁴⁴ Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал «Своими путями» издавался в Праге в 1924–1926 гг. В последний год издания редколлегию составляли: Н.А. Антипов, Д.И. Мейснер, Е.Л. Недзельский, Б.К. Семенов, С.Я. Эфрон. Ремизова интересовал № 12/13, вышедший в июне и ставший последним в истории этого издания. В этом номере был опубликован юбилейный очерк «Лев Шестов: 1866–1926 (шестидесятилетие)» (С. 32) с ремизовским портретом философа. Эта публикация представляла собой вариант текста-рецен-

зии Ремизова «По поводу книги Л. Шестова “Апофеоз Беспочвенности”» (впервые: Вопросы жизни. 1905. № 7. Отд. I. С. 204), которая положила начало долгой дружбе и определила общность мировоззренческих позиций.

⁴⁵ Парижская ежедневная газета «Возрождение» в 1925–1927 гг. выходила под редакцией П.Б. Струве.

⁴⁶ Пелагея Ивановна Чайковская-Терещенко; см. о ней: [25, с. 72].

⁴⁷ Михаил Иванович Терещенко; см. о нем: [25, с. 72].

⁴⁸ В своем комментарии Ремизов обращается к истории дружеских взаимоотношений и сотрудничества с меценатом М.И. Терещенко, в 1911 г. служившим чиновником особых поручений при Императорских театрах, и А.А. Блоком, который так же, как и Ремизов, был вовлечен в создание новых спектаклей для Императорского Марининского театра. В 1911–1912 гг. шла работа над постановкой «русалии» Ремизова «Алайлей и Лейла» на музыку Анатолия Константиновича Лядова (1855–1914). Подробнее см. в коммент.: [27, т. 12, с. 888–898].

⁴⁹ *Der Staub* (нем.) — пыль. Подразумевается издание сонника на немецком языке (подробнее см.: [1, с. 67-68]).

⁵⁰ Д.А. Шаховской; см. о нем.: [26, с. 170].

⁵¹ См. примеч. 12.

⁵² Курортный город La Bernerie-en-Retz в регионе Атлантическая Луара.

⁵³ Семья Н.Н. Сеземан; см. о ней: [26, с. 78].

⁵⁴ См. примеч. 36.

⁵⁵ Позднейшая редакция оригинального письма (ср.: Наст. изд. С. 85), связанная с резкими высказываниями Гиппиус (Антон Крайний [Гиппиус З.Н.]. Мертвый дух // Голос минувшего на чужой стороне: Журнал истории и истории литературы / под ред. С.П. Мельгунова и Т.И. Полнера. 1926. № 4. С. 257–266) по поводу вторжения в эмигрантскую литературу евразийского влияния в виде таких новых издательских проектов, как журнал «Благонамеренный». Особую ответственность за политико-идеологический дисбаланс в среде эмигрантской молодежи критик возложила на Ремизова, которого обвинила в сообщничестве с «евразийцами» (подробнее см.: [9, с. 23-25]). В «Благонамеренном» Ремизов публиковал документы XVI–XVII вв. В данном случае писатель иронически упоминает имена исторических лиц — лученина Федора Очкасова и московского подьячего Федора Грешищева, которые были им названы в «ложной информации» для анкеты газеты «Последние новости» (см. примеч. 36; Наст. изд. С. 27), а также внесены в список современных кавалеров и князей Обезвельволпала юбилейной «обезьяньей» грамоты Л.И. Шестова (см. воспроизведение текста грамоты и комментарии И.Ф. Даниловой: [11, с. 148–149]).

⁵⁶ Павел Елисеевич *Щеголев* (1877–1931) — литературовед, историк освободительного движения; близкий товарищ Ремизовых со времен их жизни в городе политических ссыльных Вологде (1901–1903). Подробнее об истории взаимоотношений Ремизова и Щеголева см. во вступительных статьях А.М. Грачевой: [13; 14]. Вологодское окружение Ремизова способствовало становлению его литературного таланта и самообразованию. В автобиографическом романе «Иверень», над первыми главами которого писатель начал работать летом 1926 г., Вологда получила метафорическое название «Северные Афины».

⁵⁷ Воспоминания о заграничном путешествии весной 1913 г., когда Ремизовы останавливались на две недели в Париже, а затем направились в Швейцарию, выбрав для отдыха местечко Фунэ, расположенное неподалеку от Коппе, где жил в то время Л. Шестов с семьей. Роспись поездов и адресов за 1913 г. Ремизов сохранил в своем альбоме с документами 1913–1919 гг. (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 1).

⁵⁸ Владимир Владимирович *Клоповский* (псевд. Лери; 1883–1944) — фельетонист, писатель и поэт, журналист. Речь идет о юмореске, напечатанной

в авторском разделе «Бумеранг: независимый еженедельник сатиры и юмора», которую Лери вел на страницах парижского журнала «Иллюстрированная Россия». В ряду миниатюр, пародирующих ответы литераторов-парижан на тему предстоящего летнего отдыха, Ремизову был отведен персональный фрагмент, название которого («Где Вы проведете лето? (Наши заботы)») корреспондировалось с тематикой анкеты, проведенной «среди писателей» в газете «Последние новости» (Лери [Клопотовский В.В.]. Летняя газетка // Иллюстрированная Россия. 1926. № 27 (60), июль. С. 11). Вырезку с текстом юморески Ремизов приложил к тексту оригинала письма от 5 июля (Наст. изд. С. 85-86).

⁵⁹ Подразумевается Жанна — одна из сотрудниц бальнеологического пансионата, в котором С.П. Ремизова проходила санаторный курс лечения. Ср. письмо к Л. Шестову от 10 июля: «Я уж писал, кажется, с ней там беда случилась: заставили сидеть 30' в ванне» [11, с. 160].

⁶⁰ А.Е. Березовская-Шестова (см. о ней. Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 79, прим. 121).

⁶¹ От слова «зависть». Другое написание: завидки.

⁶² Вера Александровна *Сувчинская* (урожд. Гучкова, во втором браке Трейл; 1906–1987) — дочь А.И. Гучкова; жена П.П. Сувчинского.

⁶³ День памяти святого Алексея, человека Божия католической церковью отмечается 17 июля; в православной традиции — 30 (17) марта.

⁶⁴ Ошибка, возникшая при редактировании письма в 1940-х гг. Речь могла идти только о первом номере журнал «Версты», издание которого в Париже было инициировано евразийцами Д.С. Святополком-Мирским и П.П. Сувчинским, возглавившими редакцию; журнал вышел из печати в первых числах июля. К составлению журнала были привлечены Ремизов, М. Цветаева и Л. Шестов. Содержание первого и последующих номеров вызвало шквал полемических статей в эмигрантской критике. См. подробнее: [29], а также: [9, с. 27-50].

⁶⁵ Речь идет о публикации авторских рассказов и легенд «Из книги “Николай Чудотворец”» (Версты. 1926. № 1. С. 37–51); согласно авторской помете в конце текста, рукопись была завершена 11 апреля 1926 г. Публикация сопровождалась уведомлением о том, что сама книга появится в издательстве «УМСА Presse». Пропущенный фрагмент на с. 37 Ремизов воспроизвел в письме Л. Шестову от 10 июля 1926 г. [11, с. 160].

⁶⁶ Статья К. Ельцовой «Сны нездешние (к 25-летию кончины В.С. Соловьева)» (Современные записки. 1926. Кн. XXVIII. С. 225–275). О Е.В. Селевиной см. также: [23, с. 31].

⁶⁷ Подразумевается киносценарий И. Бабеля «Беня Крик», напечатанной в шести номерах газеты «Дни» (с 6 по 10 июля и 13 июля 1926 г.). В указании источника перепечатки Ремизов ошибся: не «Красная газета», а журнал «Красная Новь» (1926. № 6. С. 3–42). Появление этой публикации конкурировало с публикацией рассказа Бабеля «История моей голубятни» в первом номере журнала «Версты», вышедшем из печати практически одновременно. Ср. также письмо Святополк-Мирского, написанное накануне выхода из печати первого номера «Верст», в котором отправитель благодарит Ремизова за «открытие» для журнала имени Бабеля. [29, с. 378]. О ремизовском внимании к творчеству советского писателя см. также: [21, с. 124].

⁶⁸ Елизавета *Маковская* (1904–1979) — живописец и фотограф; с 1917 жила в Берлине, с 1925 в Париже; супруга В.С. Познера.

⁶⁹ Речь идет о XXIII книге журнала “Journal de psychologie normale et pathologique” (Paris, 1904–1986), в которой была напечатана статья Хелен Хоуп Миррлиз (Helen Hope Mirrlees; см. о ней: [25, с. 68]) под названием «Некоторые аспекты творчества Алексея Михайловича Ремизова» (*Mirrlees H. Quelques aspects de l'art d'Alexis Mikhailovich Rémizov / Trad. J. Heurgon // Journal de psychologie normale et pathologique. 1926, 15 jan. — 15 mars. P. 148–159*). Миррлиз предоставила

филологическое исследование, посвященное разбору психологии главной героини повести Ремизова «В поле блакитном» — Оле Ильменевой.

⁷⁰ Подразумевается статья Х. Миррлиз (см. примеч. 69). Ср. контекст оригинала письма (Наст. изд. С. 88), из которого следует, что сама книга принадлежала редактору литературного отдела и библиографии в журнале «Звено» Лозинскому (см. о нем: [23, с. 35]).

⁷¹ Михаил Александрович *Струве* (1890–1949) — поэт, прозаик, литературный критик; племянник П.Б. Струве; в 1926 г. сотрудничал в издательстве «ТАИР». Предваряя свой визит к Ремизову для передачи гранок романа «Взвихренная Русь», он писал о степени готовности набора: «...уже 4/5 набрано. Большая часть набранного (это на монолите) отлита и читается нашим корректором» (Amherst. Series. 1. B. 4. F. 5).

⁷² Юрий Никандрович *Верховский* (1878–1956) — поэт, историк литературы, специалист по русской поэзии начала XIX в., переводчик; страдал эпилепсией. Сближение Верховского с супругами Ремизовыми относится ко времени 1906–1909 гг., когда они встречались на средах Вяч. Иванова. В альбоме Серафимы Павловны сохранился автограф стихотворения Верховского «Сон» («Я не видел тебя никогда...»; 17 января 1909 г.) с посвящением ей (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 1278). См. также описание петербургских встреч с Верховским, получившим в дружеском кругу прозвище «Слон Слонович», — по месту жительства на Слоновой улице, которая только в июле 1900 г. была переименована в Суворовский проспект [27, т. 8, с. 96, 97].

⁷³ Речь идет о составлении налоговой декларации. На следующий день С.В. Познер в очередном письме разъяснял: «В ведомости об обложении <налогом — Е.О.> на 1926 год надо показать доходы не за 3 или 5 месяцев текущего года, а фактические доходы за прошлый 1925 год. <...> так и сделайте и покажите только свои заработки» (Amherst. Series. 1. B. 4. F. 5).

⁷⁴ Повестку из налоговой инспекции, предписывающей отчет по доходам не позднее 1 июля, Ремизов получил в начале июня. Визит к контролеру принес неутешительную информацию о том, что в декларацию о доходах должны быть вписаны не только фактические заработки, но и денежные поступления на личный счет от других лиц, т. е. средства, которые писатель получал как «вспомоществования», например, от меценатов. В начале сентября Ремизов узнал сумму взысканного налога; подробную роспись этого документа он направил Шестову [11, с. 155, 172].

⁷⁵ уборщица, налог, доход (*франц.*).

⁷⁶ См. о ней: [23, с. 40].

⁷⁷ Деревня, в которой Ремизовы жили во время летних поездок в Бретань с 1924 по 1939 гг., останавливаясь в доме m-me Jeanne Huguenet-Fleury. Почтовый адрес: Villa Kerbellec, Le Clion (Loire Inferieure).

⁷⁸ См. примеч. 59.

⁷⁹ Судя по дневнику Сомова, его визит к Ремизовым состоялся только 16 марта 1927 г. [31, с. 376–377].

⁸⁰ Подлинные письма философа В.В. Розанова (1856–1919), адресованные Ремизову и Серафиме Павловне, легли в основу книги «Кукха. Розановы письма» (Берлин, 1923). О судьбе оригиналов, которые Ремизов с 1926 г. ввиду финансовых проблем неоднократно пытался продать и, наконец, продал в составе альбома «Письма Василия Васильевича Розанова † II 1919 г.», см.: [8].

⁸¹ Доктор Розанов работал в бальнеологическом пансионате, расположенном в Виши. Письмо к нему касалось оплаты лечения С.П. Ремизовой-Довгелло за счет Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, секретарем которого в 1924–1933 гг. являлся С.В. Познер. В письме от 8 июля Познер, написал о выполнении просьбы Ремизова: «Розанову написано» (Amherst. Series. 1. B. 4. F. 5). См. также [5].

⁸² Андре Мазон (Андрей Альбинович; Andre Mazon; 1881–1967) — французский славист, профессор Collège de France (1924–1952), один из основателей журнала «Revue des études Slaves» (1921–1928), руководитель Института славяноведения в Париже (с 1937 г.). Знакомство Ремизовых с ним относится к 1913 г., когда супруги второй раз посетили Париж. Ср. материалы к роману «В розовом блеске», посвященные пути С.П. Ремизовой-Довгелло: «...она применила свои ученые [палеографические] познания в Париже. Принятая профессорами Буайе и Мазоном в качестве лектора в Школу Восточных языков, она впервые открыла курс славяно-русской палеографии и читала лекции с 1924 г. сначала как “cours libre” при курсе Буайе, потом при Паскале» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1336. Л. 118).

⁸³ Речь идет об участии Серафимы Павловны в работе Мазона над книгой, посвященной парижскому архиву И.С. Тургенева: *Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits par André Mazon*. Paris, 1930. Начало исследования творчества Тургенева было положено в статье Мазона, основанной на рукописных источниках романа «Новь» — “L'élaboration d'un roman de Turguénev: ‘Terres vierges’” (*Revue des études slaves*. 1925. Т. V, fasc. 1–2). Одновременно шла подготовка цикла лекций «Метод творчества Тургенева по неизданным рукописям», прочитанного ученым в Collège de France в 1925 г. См. также рецензию Ремизова на публикацию Мазона в «Revue des études slaves», помещенную в составе других библиографических заметок писателя под криптонимом «А.Р.» (Благонамеренный. 1926. № 1. С. 162–163), а также подробную статью о научной работе Мазона: *Лозинский Г.* История Нови // *Звено*. 1925. № 140, 16 нояб. С. 2–3.

⁸⁴ Ср. оригинал письма: *Наст. изд.* С. 88. День рождения Ремизова 24 июня (6 июля 1877); согласно автомифологии в ночь на Ивана Купала.

⁸⁵ См. примеч. 1 и 2.

⁸⁶ А.Ф. Даманская; см. о ней: [26, с. 83].

⁸⁷ Подразумевается народный стиль очерков и прозы Василия Андреевича *Слепцова* (1836–1878).

⁸⁸ Шатель-Гийон — курортный городок на юге центральной части Франции (департамент Пюи-де-Дом), где в пансионе «Кремер» супруга Л. Шестова — Анна Елеазаровна Березовская открыла массажный кабинет. Здесь философ проводил летние месяцы, начиная с 1924 г.

⁸⁹ Тьер — городок в департаменте Пюи-де-Дом.

⁹⁰ Супруга М. Эйтингона. См. о ней: [24, с. 70]. См. также примеч. 25.

⁹¹ См. примеч. 25, 27.

⁹² См. примеч. 83.

⁹³ Речь идет о XXVIII книге журнала, вышедшей из печати 8 июля.

⁹⁴ Ольга Викторовна (Митрофановна) Чернова; см. о ней: [25, с. 79]. В 1925 г. она вышла замуж за поэта, прозаика Вадима Леонидовича Андреева (1902–1976), сына Л.Н. Андреева.

⁹⁵ С.В. Познер и его сын В.С. Познер.

⁹⁶ Николай Леонидович Слонимский; см. о нем: [26, с. 82]. Марк Львович Слоним; см. о нем: [26, с. 80]. Об операции Слонима добавлено в редакцию оригинальных писем во второй половине 1940-х гг. Ср. оригинал письма: *Наст. изд.* С. 90.

⁹⁷ Неустановленные лица. Ср. написание фамилии в оригинале письма: *Наст. изд.* С. 90.

⁹⁸ См. примеч. 81.

⁹⁹ Вера Лазаревна *Вишняк*; см. о ней: [22, с. 73].

¹⁰⁰ Л.И. Львов был постоянным автором газеты «Возрождение (1925–1940), Вероятно, из принесенного Львовым № 402 от 8 июля Ремизов вырезал заметку о Рерихе (см. приложение к оригиналу письма: Наст. изд. С. 91).

¹⁰¹ Описание реакции В.В. Диксона («доволен, очень покраснел») является позднейшим дополнением к тексту оригинала п. от 11 июля (Наст. изд. С. 92), поскольку молодой друг Ремизова, скорее всего, огорчился, прочитав в отклике Ф. Степуна на содержание второго номера журнала «Благонамеренный», критику его собственной рецензии, посвященной американскому изданию «Истории современной русской литературы» Д.П. Святополка-Мирского (New York, 1926). Внимание рецензента привлек фрагмент, касающийся аудиторки, к которой было адресовано издание на английском языке: «Книга Кн. Святополк-Мирского обращена именно к англо-саксонским интеллигентам, для которых, как бы они ни старались, Россия — страна непонятных и ненужных диких. Россия вызывает вечное недоумение в мыслях американца; <...> вечно цитируются стихи Киплинга о России; — «не доверяйте медведю, ходящему на задних лапах, как человек». Мне кажется, что книга Кн. Святополк-Мирского еще более усилит эти понятия о России — и в этом одна из великих заслуг этой книги. Самодовольный, самообольщенный американец будет обеспокоен, (поскольку <sic!> возможно), даже потрясен развитием таких личностей, как Леонтьев, Белый, Ремизов» (Благонамеренный. 1926. № 2. С. 167). Этот, как выразился Степун, «ребус» он сопроводил ремаркой: «Право, я не могу понять, почему Вл. Диксон хвалит Святополк-Мирского за то, что он своей английской книгой усилил в Англии впечатление о России, как о медведе, ходящем на задних лапах...» (Современные записки. 1926. Кн. XXVIII. С. 486). Мирский, в свою очередь, после рецензии Диксона окончательно и бесповоротно записал его в литературные бездарности. Ср.; «... Диксон совершеннейший дурак, и я ему не прошу его рецензию на мою английскую книгу в Благонамеренном» [38, p. 75].

¹⁰² Андрей Владимирович Оболенский; см. о нем.: [26, с. 77]. Обустройство книжных полок в кабинете Ремизова началось еще в феврале. С этой задачей Ремизову помогал умелец на все руки Оболенский. Ср. письмо Ремизова к нему от 12 февраля 1926 г., содержащее приглашение: «Дорогой к<ня>з<ь> Андрей Владимирович в любой вечер, кроме вторника жду с пилой с молотком. Ящичи есть, гвозди берегу...» (Дом-музей Марины Цветаевой. КП-31/5).

¹⁰³ Дмитрий Николаевич *Соболев*, протоиерей (1888 (по другим сведениям, 1890) — 1961) — автор повести «Москва», опубликованной во втором номере журнала «Благонамеренный» (С. 58–83). Ср. письмо Д.А. Шаховского Д.П. Святополку-Мирскому от 21 февраля 1926 г.: «Кроме Ремизова, Ефрона и Еленева будет прекрасная повесть автора совершенно неизвестного — Соболева (священника, недавно посвященного). Повесть эта явится несомненно гвоздем молодой эмигрантской беллетристики... Вообще любопытный и интересный характер принимает Благонамеренный: например революционное настроение и церковная установка...» [4, с. 209]. В 1922 г. Соболев был рукоположен в священники еп. Вениамином (Федченковым). В 1924–1925 служил в сербских приходах; в первой половине 1925 г. переехал во Францию, в июне был принят в юрисдикцию митрополита Евлогия (Георгиевского). С 30 июня стал настоятелем Свято-Николаевской церкви в г. Лилль (Lille). Первого марта 1926 г. был назначен первым настоятелем Свято-Николаевской церкви в г. Южин (Ugine; Верхняя Савойя).

¹⁰⁴ Ксения Леонидовна *Богуславская* (в замужестве Пуни; 1892–1972) — график, художник театра и прикладного искусства, жена художника И.А. Пуни. В эмиграции с 1919 г. Знакомство Богуславской и ее мужа с Ремизовым укрепилось в Берлине в 1922 г. См. об этом круге художников и литераторов: [37, с. 163–165].

¹⁰⁵ См. примеч. 71.

¹⁰⁶ Речь идет об оставленных без ответа письмах переводчиков Рудольфа фон Шольца (см. примеч. 23) и Гертруды Ган (см. примеч. 21).

¹⁰⁷ Подразумевается: Домострой. По рукописям Императорской публичной библиотеки / Под ред. В. Яковлева. СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1867.

¹⁰⁸ См. примеч. 81.

¹⁰⁹ Лазарь Осипович (Лейзер-Хаим Ошерович) *Гавронский* (1870–?) — издатель первого русского научного одонтологического журнала «Зубоврачебный вестник» (первый номер вышел 1884 или 1885 г.), уже в 1910 г. освещавшего научные исследования в области имплантации. В Париже Гавронский имел практику стоматолога. Адрес кабинета «врача из Москвы», как сообщалось в печатных объявлениях, располагался «против музея Лувра» (186, rue de Rivoli) (Последние новости. 1926. № 2258, 25 мая. С. 6). Врач принадлежал к большой семье, члены которой были известными медиками, философами, литераторами; наиболее близкими к Ремизовым оказались родная сестра Гавронского Амалия Осиповна (жена И.И. Фондаминского) и М.О. Цетлин.

¹¹⁰ Владимир Алексеевич *Перцов* (1898?–?) — поэт, прозаик, товарищ В.В. Диксона по Гарвардскому университету; участник Кембриджского кружка, организованного Юрием Рерихом — страшим сыном известного художника. См., в частности, о деятельности Перцова в начале 1930-х гг.: [3]. Впоследствии занялся наукой, руководил университетской химической лабораторией в Гарварде.

¹¹¹ La Muette — станция метро в XVI округе Парижа.

¹¹² Л.И. Львов.

¹¹³ Андре *Жид* (André Paul Guillaume Gide; 1869–1951) — как один из учредителей журнала “La Nouvelle Revue française” и основатель издательства «Галлимар» (Éditions Gallimard), был одним из влиятельных персон в литературных кругах Парижа. Несомненно, отклики о нем Ремизов слышал от Шестова. Однако впервые с творчеством Жида он познакомился в 1904 г., когда в начале своей литературной карьеры перевел его пьесу «Филоктет, или Трактат о трех добродетелях», опубликованную в третьей книге «Вопросов жизни» за 1905 г. (см. также примеч. 155). Известна также абсурдистская миниатюра Ремизова в жанре «сна» под названием «Андре Жид», впервые опубликованная в книге «Мартын Задека: Сонник» (Париж, 1954). См.: [27, т. 7, с. 378].

¹¹⁴ Сестры Черновы — сестры-близнецы Наталья и Ольга (см. примеч. 31, 94).

¹¹⁵ Бронислав (Владимир) Брониславович *Сосинский* (Сосинский-Семихат; 1900–1987) — прозаик, поэт, критик, журналист, художник; в 1929 г. женился младшей из троих сестер Черновых — Ариадне Викторовне (1908–1974).

¹¹⁶ См. о ней: [1, с. 69].

¹¹⁷ Фрида Лазаревна Шрейбер и ее муж — инженер Яков Самойлович Шрейбер; см. о них: [24, с. 65].

¹¹⁸ Д.П. Святополк-Мирский (см. о нем: [25, с. 76]) 9 июля приехал в Париж из Лондона. Предваряя свой визит, он в письме от 7 июня наметил несколько тем для будущего разговора, связанного с работой над французским переводом его «Истории русской литературы», в частности литературоведа интересовала фигура такого литературно-исторического персонажа, как Ванька Каин. Об этом герое в творчестве Ремизова см.: [1, с. 71].

¹¹⁹ Переводчики Р. Шольц (см. примеч. 23) и Ханс Руофф (см. о нем: [26, с. 84]).

¹²⁰ Федор Августович Степун; см. о нем: [26, с. 70]. См. также: [2]. В оригинале письма Ремизов приводит также немецкое написание фамилии — Steppuhn (Наст. изд. С. 93). и имеет в виду заметку Степуна о втором номере журнала «Благонамеренный» (см. примеч. 101).

¹²¹ См. примеч. 81.

¹²² Л.И. Львов.

¹²³ Монахия — девственница и мученица (*фр.*) — одно из прозвищ Нины Григорьевны Львовой; см. о ней: [25, с. 68–69].

¹²⁴ Речь идет о семье Аркадия Альфредовича Бормана; см. о нем: [23, с. 35]. А.В. Тыркова-Вильямс (урожд. Борман); см. о ней: [23, с. 26].

¹²⁵ Подразумевается Нина Григорьевна Львова. Воспоминание о ситуации 22 июня на вокзале, во время проводов Серафимы Павловны в Виши (см.: Наст. изд. С. 93).

¹²⁶ См. примеч. 94.

¹²⁷ Владимир Давидович Антов — доктор медицины; см. о нем: [25, с. 67].

¹²⁸ Речь идет о публикации в 11-м номере рижского журнала «Юный Читатель» (1925–1926) трех новелл из книги «Посолонь» — «Скриплик», «Ладушки», «Ведьма коша» (С. 170–171), опубликованных под общим названием «Чудища» вместе с рисунком Ремизова. Об отправке трех номеров журнала и гонорара редактор журнала Леонард Юлианович Кормчий (наст. фам. Пирагис) сообщил Ремизову письмом от 16 июля (Amherst. Series. 1. B. 4. F. 6). См. также примеч. 129.

¹²⁹ Сергей Алексеевич *Белоцветов* (1873–1938) — редактор журнала «Перезвоны» (Рига; 1926–1929); в переписке с Ремизовым координировал контакты писателя с другими рижскими изданиями — газетой «Слово» (ред. литературного отдела И.С. Лукаш) и журналом «Юный читатель» (ред. Л.Ю. Кормчий), спонсируемых акционерным обществом «Саламандра», руководство которым осуществлял его брат Н.А. Белоцветов, также организовавший при обществе типографию. Полученные Ремизовым публикации появились в результате «дележа» между редакторами трех рижских периодических изданий. Ср. письмо Л. Кормчего от 19 мая, написанное по получении рукописи Ремизова: «Чудища Ваши долетели, но, к сожалению, не все. Созонтович <И.С. Лукаш, ред. газ. «Слово». — *Е.О.*> присвоил часть (он жаден до таких зверюшек), еще часть перехватили “Перезвоны”. Я отвоевал то что смог, а всего-то отвоевал три сказки (“Скриплик”, “Куринас” да “Ладушки”») (Amherst. Series. 1. B. 4. F. 6). См. также примеч. 130.

¹³⁰ Речь идет о трех новеллах (Духи и сила. А–у–ка. Болибошка) с рис. и факсимиле подписи Ремизова, под общим заголовком «Образы России: крылатые, рогатые, хвостатые» (Слово. 1926. № 158, 28 мая. С. 2).

¹³¹ См. примеч. 83.

¹³² Аким Львович *Вольнский* (Флексер; 1861–1926) — критик, литературовед, автор монографического исследования «Леонардо-да-Винчи» (1899) и «Н.С. Лесков»; искусствовед; в 1920-е гг. — теоретик классического танца. С его приходом в 1892 г. в редакцию «Северного вестника» (СПб., 1985–1898) народнический по идеологической платформе журнал был преобразован в один из основных печатных органов старших символистов. См. подробнее: [6]. Газета «Руль» спустя месяц после кончины Вольнского (6 июля) опубликовала фотографию «Писатель А. Вольнский в гробу» (1926. № 1727, 8 ав г. С. 6). Мысли о Вольнском корреспондируются также с памятной Ремизову рецензией Шестова «Литературный сесссион («Вопросы Жизни», январь–июнь)», в которой была высказана одобрительная оценка его романа «Пруд» (впервые: Наша жизнь. 1905. № 160, 15 (28) июля. С. 2–3). Рецензия начиналась с упоминания о литературном вкладе Вольнского: «Еще в конце 80-х годов “Северный Вестник”, под редакцией тогда еще молодого писателя А.Л. Вольнского, рискнул выступить против упрочившихся у нас позитивно-материалистических традиций. Но опыт Вольнского потерпел, как известно, полное крушение. Никто почти ни из публики, ни из представителей литературы не хотел принимать серьезно статей Вольнского и его товарищей по изданию. Их сначала высмеивали, потом, когда надоело высмеивать, стали замалчивать. “Северный Вестник” закрылся, но начатая им борьба не окончилась. Самому Вольнскому, правда, не удалось реабилитировать себя в глазах публики. Спросите любого читателя: всякий, не колеблясь, вам скажет, что Вольнский — реакционер и декадент, стало быть, с ним нечего и считаться, нечего даже в его книги заглядывать. Эта легенда о Вольнском прочно держится, несмотря на то, что она лишена всякого основания. Но такова судьба первых пионеров: хорошо ли, плохо ли делают они свое дело, им на долю, кроме трудностей и опасностей, связанных со всякого рода начинаниями, не достается ничего» (С. 3).

¹³³ О кончине Осипа Васильевича *Аптекмана* (р. 1849) 8 июля 1926 г. в Москве Ремизов прочел в одной из перепечаток парижской прессы. С этим видным деятелем революционного движения, социал-демократом, одним из основателей организации «Черный передел» и кружка «Земля и воля», получившим после Якутской ссылки (1880–1885) медицинское образование в Германии, писатель встретился в годы своей северной ссылки. В 1901 г. Ремизов добивался разрешения полиции перебраться из Усть-Сысольска — места полицейского надзора с 1900 г., в Вологду, где сформировалась колония ссыльных интеллигентов, с которыми у него установились дружеские отношения (среди них П.Е. Щеголев, Н.А. Бердяев, Б.В. Савинков и др). Для осуществления этого плана был придуман мотив необходимости психиатрического наблюдения. В конце 1901 г. Ремизов прошел медицинское освидетельствование в вологодской психиатрической лечебнице, располагавшейся на территории имения «Кувшиново». Заключение о его состоянии вынес доктор О.А. Аптекман, который, по воспоминаниям писателя, отметил «угрожающие признаки» [27, т. 8, с. 450]. Как справедливо отмечают историки вологодского края, благодаря эпикризам докторов из числа бывших поднадзорных, в том числе и главврача больницы в Кувшиново Аптекмана, «десятки политических ссыльных облегчили в больнице свою участь» (*Штиленская Г.В.* Вологодская областная психиатрическая больница // Социальная и клиническая психиатрия. 2012. Т. 22. № 4. С. 101). Случай Ремизова свидетельствовал именно о такой практике, в результате которой он смог добиться от полиции более благоприятных для здоровья условий жизни.

¹³⁴ Испано-франко-марокканская война (1921–1926) — колониальная война Испании и (Франции), начатая в 1925 г. против берберского эмирата Риф (Северный Марокко).

¹³⁵ Мигель *Примо де Ривера* (1870–1930) — испанский военный и политический деятель, в 1923–1930 гг. — диктатор, председатель правительства при короле Альфонсо XIII.

¹³⁶ Е. Гребенщикова — корреспондентка С.П. Ремизовой-Довгелло.

¹³⁷ См. прим. 130.

¹³⁸ Николай Николаевич *Черепнин* (1873–1945) — композитор, педагог, дирижер. В 1906–1909 гг. работал в Мариинском театре; с 1921 г. в эмиграции; в 1925 году основал и возглавил Русскую консерваторию в Париже.

¹³⁹ Алексей Сергеевич *Баршев* — близкий товарищ Ремизова в годы пензенской ссылки (1897–1898). Указанные Ремизовым годы охватывают также время тюремного заключения и ожидания обвинительного приговора (1898, март — 1900, май), по которому Ремизов был осужден на три года ссылки в Усть-Сысольске и Вологде. См. о А.С. Баршеве в книге «Иверень» (по именному указателю). В семейном архиве Ремизовых-Соколовых сохранилась фотография А.С. Баршева с подписью, датированной «12. VIII 1897». См. описание: [30, с. 392]. Коннотация фамилии молодого писателя Баршева с пензенским однофамильцем возникла, по всей вероятности, при редактировании оригинальных писем в конце 1940-х гг. См. оригинал письма (Наст. изд. С. 94), где упоминается неправильно воспроизведенная фамилия молодого писателя *Барышева*, кандидатуру которого для печати в журнале «Версты» Ремизов обсуждал в переписке с Святополком-Мирским в июне 1926 г. Речь шла о ленинградском беллетристе Николае Валериановиче Баршеве (1888–1938), в 1926 г. выступившем в печати с двумя сборниками прозы. См. о нем в коммент. Р. Хьюза [29, с. 379]. Ср. письмо Мирского, написанное по поводу очередной ремизовской рекомендации предоставить страницы журнала «Версты» для публикации произведений неизвестных писателей из советской России: «Василия Андреева и Баршева все-таки, конечно, уже нельзя поместить в 1-*<й>* №, но для второго, если Бог даст доживем, мы будем Вам очень благодарны за это указание» [29, с. 378].

¹⁴⁰ См. примеч. 109.

¹⁴¹ См. примеч. 101.

¹⁴² Пересказ фрагмента из заметки Ф.А. Степуна, посвященной второму номеру журнала «Благонамеренный», в котором была опубликована апокрифическая легенда по рукописи XVII в. в переложении Ремизова под названием «Страды Богородицы: Из книги “Страды мира”» (1926. Март–Апрель. С. 47–57). Ср.: «В отделе прозы помещены “Страды Богородицы” Алексея Ремизова, говорить о которых вскользь не приходится (мистическая иероглифика и синтаксическая каллиграфия этого трудного художника и замысловатого искусника слова еще ждут своего специального исследователя)» (Современные записки. 1926. Кн. XXVIII. С. 484).

¹⁴³ Игорь Платонович Демидов; см. о нем: [26, с. 71]. Прозвища в тексте рукописи являются позднейшим привнесением в текст оригинала письма (ср.: Наст. изд. С. 95). Несмотря на ремизовское субъективное чувство притеснения со стороны Демидова как «правой руки» П.Н. Милюкова в «Последних новостях», в августе газета опубликовала значительный по объему корпус ремизовских рассказов, представлявших главу будущей книги «По карнизам» (*Ремизов А. С дыркой // Последние новости. 1926. № 1964, 8 ав г. С. 2–3*). Однако отправленное в редакцию осенью следующее произведение, название которого не отразилось в переписке, было категорически отклонено Демидовым, сославшись на редакционную политику, установленную главным редактором издания — П.Н. Милюковым:

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович!

Я принужден вернуть Вашу рукопись, т. к. она не подходит «Посл<едним> Нов<остям>». — Вообще считаю долгом сказать, что редактор «П.Н. Милюков» «Посл<едних> Нов<остей>» всегда очень критически относится ко всякой «чертовщине». Это — не тот круг тем, которые ему близки. Иногда он пропускает и нечистую силу, но если она в рассказе «эпизод», но сплошь помещенная всегда терпит неудачу.

Прошу принять уверение в моем глубоком уважении, готовый к услугам

И. Демидов

(Amherst. Series. 1. B. 4. F. 7).

¹⁴⁴ Стоглав — сборник документов русского права XVI в. Первое изд.: Лондон, 1860.

¹⁴⁵ Василий Витальевич *Шульгин* (1878–1976) — политический деятель, публицист; член правого крыла II–IV Государственной Думы; монархист; как член Временного комитета Государственной Думы в соответствии с протоколом принял отречение от престола Императора Николая II. После революции 1917 г. Шульгин стал одним из организаторов борьбы против советской власти, участвовал в создании Добровольческой армии. В эмиграции Шульгин стал одним из видных представителей антибольшевистского движения; член русского совета, соратник А.И. Деникина и П.Н. Врангеля. По заданию Российского общевоинского союза с 23 декабря 1925 по 6 февраля 1926 г. под фальшивым паспортом совершил поездку в Россию для объединения с подпольной антисоветской организацией «Трест». Деятельность «Треста» впоследствии оказалась частью операции ГПУ. Благополучно вернувшись во Францию, Шульгин, по-прежнему не подозревая о своем невольном сотрудничестве с советской разведкой, выполнил задание фиктивного «Треста» — написал книгу о советском НЭПе. Таким образом возник роман о советской жизни, впечатления о которой были в значительной степени инспирированы его «заказчиками». Книга «Три столицы: путешествие в красную Россию», рассказывающая о посещении Киева, Москвы и Ленинграда, вышла в свет в 1927 г. ([Берлин]: Медный всадник). Подробнее см.: [34].

¹⁴⁶ *Николай Николаевич* (Младший), великий князь (1856–1929) — внук Николая I; генерал-адъютант (1896), генерал от кавалерии (1900); во время Гражданской войны находился в Крыму, откуда в конце марта 1919 г. вместе с императрицей Марией Федоровной и другими членами императорского дома отбыл в Италию. В 1923 г. поселился под Парижем в замке Шуаньи; 16 ноября 1924 г. принял общее руководство Русским Общевоинским Союзом. Ср. высказывание одного из героев романа

Шульгина «Три столицы», который рассуждал о единственно возможной власти в России образца 1926 г. и кандидатуре руководителя временного правительства для перехода от дискредитировавшей себя власти большевиков к монархии: «Нет самой бедной хаты в России, где бы не знали имени Великого Князя Николая Николаевича. Это имя занесли солдаты пятнадцатимиллионной армии, которой он был водителем. Его знает и помнит вся Россия. Из этого, я думаю, вы сделаете сами вывод, на ком можно сконцентрировать народное внимание, любовь и пиетет в переходную эпоху...» (*Шульгин В.В.* Три столицы. С. 363). В 1926 г. Ремизов анонимно выступил с критической репликой по поводу псевдорусского стиля печатных выступлений великого князя (Своими Путиами. 1926. № 11/12. С. 49, рубрика «Цапля»; см. также: [27, т. 14, с. 223].

¹⁴⁷ Трансформация политических взглядов и идеологических траекторий Шульгина и Петра Бернгардовича *Струве* (1870–1944), одного из последовательных борцов с большевизмом в эмиграции, прослежены в статье: [36].

¹⁴⁸ Первый номер журнала вышел в самом начале июля. Основная полемика редакторов «Верст» с идеологическими оппонентами на пространстве литературно-художественного творчества была перенесена в раздел «Библиография», который открывался обзором Святополк-Мирского, сопоставившим содержания за минувшие пять лет двух близких по революционному партийному прошлому периодических изданий — органа парижских правых эсеров и либералов «Современные записки» и левоэсеровского пражского журнала «Воля России». Критик в категорической форме доказывал консерватизм «Современных записок», выражавшийся не только в политических воззрениях редакции, но и в художественно-эстетической программе. В противовес «правому собрату» Мирский охарактеризовал «Волю России» как самый «живой» из эмигрантских журналов и выделил наиболее существенные качества этого журнала, обеспечивающие ему превосходство над консервативными «Современными записками»: «интерес к мировой жизни; отсутствие “курса на религиозное преобразование”, столь несовместимое с духом интеллигентской революционности; большая чуткость ко всему, что делается в России; и предоставление слова инакомыслящим...» (Версты. 1926. № 1. С. 210). Очевидно, что Мирский ожидал ответного удара, который и воспоследовал в статьях З.Н. Гиппиус «“О Верстах” и о прочем» (Последние новости. 1926. № 1970, 14 авг. С. 2–3) и Вл. Ходасевича «О “Верстах”» (Современные записки. 1926. Кн. XXIX. С. 434–441). О закулисных дебатах в связи с печатными выступлениями Мирского см.: *Вишняк М.В.* Современные Записки: воспоминания редактора. Indiana University Publications Graduate School, 1957. С. 140–142. Для Ремизова, предпочитавшего оставаться «над схваткой», ситуация приобрела отягчающие обстоятельства, которые осложняли его взаимоотношения с редакцией журнала «Современные записки».

¹⁴⁹ С 24 апреля по 1 октября М.И. Цветаева с детьми отдыхала в Вандее (Vendée), в городке Saint-Gilles-sur-Vie (совр. название: Saint-Gilles-Croix-de-Vie), расположенном на берегу Атлантического океана. См. также письма П.П. Сувчинскому: [35, с. 314–333].

¹⁵⁰ Альянс вскоре был подтвержден публикацией в «Воле России» статьи М. Слонима «Литературные отклики. Бунин-критик. Антон Крайний и Зинаида Гиппиус. О “Верстах” [№ 1] » (1926. № 8/9. С. 87–103), в которой критик и редактор этого журнала продемонстрировал солидарность редакции «Верст» в их противостоянии писателям, выступившим с тенденциозной и консервативной критикой литературной молодежи, привлеченной на страницы обоих журналов; отдельно он осудил грубые нападки на Ремизова, прозвучавшие в критических эскападах основных оппонентов «Верст». Встреча Слонима с Мирским в этот приезд в Париж не состоялась, поскольку в своей статье, написанной, по всей вероятности, в августе, критик заметил: «Большинство читателей этих строк, подобно мне, никогда г. Святополк-Мирского в глаза не видало...» (С. 102).

¹⁵¹ См. прим. 148.

¹⁵² Даниил Георгиевич *Резников* (1904–1970) — поэт, журналист; типограф. В 1919 эмигрировал с родителями в Константинополь, затем переехал в Болгарию. В 1923 г. окончил Русскую гимназию в Шумене. Во Франции жил в Клараме (под Парижем). Член Союза молодых поэтов и писателей; в 1924 вышел в свет сборник его стихов «Створы» (Париж); в 1926 г. он стал лауреатом литературного конкурса журнала «Звено». Подразумеваются пассажи из рецензии Резникова на пятую книгу альманаха «Круг» (М.; Л.), в котором был опубликован фрагмент романа Андрея Белого «Москва». Ср. о последствиях неудачной рецензии в письме Мирского Ремизову, отправленном по прочтении первого номера «Верст»: «А молодежью нашей, которых не читал до выхода, я не очень доволен, особенно Резниковым» [29, с. 384–385].

¹⁵³ Сергей Яковлевич *Эфрон* (1893–1941) с 1926 по 1928 г. выполнял обязанности соредактора журнала «Версты» в Париже. Недовольства его деятельностью встречаются в переписке редакторов журнала, в частности в связи с задержкой выхода в свет первого номера Святополк-Мирский писал П.П. Сувчинскому 11 июня: «С Эфроном что-нибудь надо сделать. М.б. Арапов (или Зайцев) мог бы прискаты наемного убийцу?» [38, р. 56].

¹⁵⁴ 14 июля — Национальный праздник Франции День взятия Бастилии.

¹⁵⁵ Речь идет о книге переводов Ремизова, выпущенной издательством журнала «Театр и искусство» в 1908 г. (СПб.). В издание были включены драматические произведения западноевропейских писателей: *Штеенбух А.* Любовь. С. 5–24; *Рашильд* [Эймери М.]. Продавец солнца. С. 25–44; *Жид А.* Филоктет, или Трактат о трех добродетелях. С. 45–76. Осенью 1927 г. Ремизов через Л. Шестова безуспешно пытался предложить свой перевод из А. Жида для издательства «Плон». Ср. письмо Шестова от 28 октября о результатах переговоров: «А с Жидом — неудача. Обиделся, что он (с ним Шлецер говорил), на то, что ты “Филоктета” выбрал: сказал, что “Фил<октет>” для него не показательное произведение». С “Плон” он сам и разговаривал» (Amherst. Series 2. В. 21. F. 5). См. также примеч. 113.

¹⁵⁶ Ремизов к приезду Серафимы Павловны еще не оправился от ушибов, полученных при наезде автомобиля, однако старался скрыть последствия этого происшествия (см. примеч. 2). См. о его подготовке к приезду: «В день ее возвращения А.М. просил меня купить на базаре ярких цветов, абрикосы, салатник с петухом — такое, что сразу бы привлекло внимание С. П., чтобы она, войдя в квартиру, не почувствовала сразу, что с А. М. что-то случилось» [21, с. 47].

¹⁵⁷ Алексей Алексеевич *Архангельский* (1881–1941) — композитор, дирижер; автор популярных романсов на стихи русских поэтов, в том числе и Ремизова; в начале 1900-х заведующий музыкальной частью в Театре Корша в Москве; в 1908 г. работал в театре миниатюр Н. Балиева «Летучая мышь»; в 1920-м эмигрировал в Париж; знакомство с ним Ремизова произошло благодаря брату Сергею. С 1902 г. Архангельский принимал деятельное участие в литературных делах начинающего писателя. См. упоминание об этом в письмах Ремизова к жене за 1903 г.: [7, с. 177].

¹⁵⁸ Галина Николаевна *Ремизова* — племянница Ремизова, дочь Николая Михайловича Ремизова.

¹⁵⁹ Ида Федоровна *Рюккерт* (1873–1958) — жена Виктора Михайловича Ремизова.

¹⁶⁰ Григорий Сильвестрович Киреев; см. о нем: [26, с. 69].

¹⁶¹ 17 июля (4 июля по ст. ст.) — день рождения Серафимы Павловны.

¹⁶² Шартр (*франц.*) — город на реке Эр (Eure), расположен в 96 км. от Парижа.

¹⁶³ Фейерменхен (*нем.*) — огненный человек; тряпичная кукла, появившаяся в коллекции игрушек Ремизова в Берлине, один из персонажей книги «По карнизам». См. портрет Ремизова с Фейерменхеном: [23, с. 61].

¹⁶⁴ Речь идет о сказке «Тябень: Якутская. Из легенд о построении храма». (Воля России. 1927. № 8/9. С. 3–11).

¹⁶⁵ Rudolf Kayser (Рудольф Кайзер; 1889–1964) — немецкий писатель, критик, редактор берлинского журнала «Die Neue Rundschau» (основан в 1890 г., изд.-во «S. Fischer Verlag»), представитель московского журнала «Новая Россия» / «Россия» в Германии.

¹⁶⁶ Herbert Schlüter (Херберт Шлютер; 1906–2004) — немецкий писатель.

¹⁶⁷ Klaus Mann (Клаус Манн; 1906–1949) — немецкий писатель, старший сын Т. Манна; вместе с другими детьми Т. Манна навестил писателя 14 мая 1926 г. [11, с. 153]. Этому визиту предшествовал обмен письмами, начатый молодым Манном 14 сентября 1925 (Amherst. Series 1. B. 1. F. 10).

¹⁶⁸ Вильгельм Эмануэль Зюскинд (Wilhelm Emanuel Süskind; 1901–1970) — отец писателя Патрика Зюскинда, начинал литературную деятельность как переводчик; в 1926 г. вышла его книга “Das Morgenlicht. Erzählung” (Stuttgart 1926).

¹⁶⁹ Дедушка (нем.).

¹⁷⁰ Герман Бар (Hermann Bahr; 1863–1934) — австрийский писатель, драматург, режиссер и критик.

¹⁷¹ Томас Манн (Paul Thomas Mann; 1875–1955). Герхарт Гаунтман (Gerhart Johann Robert Hauptmann; 1862–1946). Бернгард Келлерман (Bernhard Kellermann; 1879–1951).

¹⁷² Речь идет о составлении альбома с корреспонденцией 1926 г.

¹⁷³ Меламед (ивр. «учащий»; меламмед) — в еврейской школе преподаватель закона Божьего иудаистской веры. Из незначительного бытового события впоследствии родился рассказ «Пять бубликов от старого Моисея», включенный в повесть «По карнизам» (1929).

¹⁷⁴ Букв.: в понедельник, во вторник, в среду (бретонск.) — слова песни из легенды, имевшей хождение в ареале бретонского Карнака, о карликах Керionaх, с магическими обрядами которых в народных поверьях связывалось происхождение необычных кругов на местных полях и огромных дольменов. Источником для Ремизова послужило издание, подготовленное в 1909 г. всемирно известным специалистом по мегалитам Закари ле Рузик, который собрал фольклорные предания Карнака (см. примеч. 176): Carnac. Légendes, traditions, coutumes et contes du pays par Le Rouzic Zacharie / avec une lettre-préface de M. Anatole Le Braz. Nantes: Imprimerie A. Dugas, 1912 (изд. 2-е). См. упомянутую легенду в 5-м издании книги (Vannes, 1934) на с. 32–34.

¹⁷⁵ Счастливого года (франц.).

¹⁷⁶ Карнак (Carnac) — деревня в Бретани, в окрестностях которой сохранилось крупнейшее в мире скопление кельтских менгиров и дольменов.

¹⁷⁷ Образы воображаемой прислуги, помогающей по дому, которые Ремизов иронически примерял на себя.

¹⁷⁸ Григорий Николаевич Товстолец (1887–1957) — издатель, евразиец, земляк Серафимы Павловны, до революции занимавший должность Председателя Борзенской уездной земской управы; с 1925 жил в Париже.

¹⁷⁹ “Plon” — французская книжная издательская компания, основанная в 1852 г. Анри Плоном и его двумя братьями. Речь идет об издании повести «В поле блакитном» в переводе Ж. Фонтенуа: Remizov A. Sur champ d’azur / trad. J. Fonteno. Paris: Librairie Plon-Nourit, [1927]. 248 p. (Collection “Feux croisés: Ames et terres étrangères”). Книга вышла из печати 25 октября.

¹⁸⁰ Подразумевается фотопортрет для каталога издательства «Plon», снятый Д.Ю. Кобяковым (см. о нем: [26, с. 75–76]). О намерении произвести фотосъемку Кобяков написал в меру своих грамматических способностей Ремизову 1 мая 1927: «Дорогой Алексей Михайлович! Разрешите придти к Вам с фотоаппаратом и знять <sic!> Вас. Мне хочется; всю голову на пластинку (13x18), сидящем <sic!> за столом» (Amherst. Series 1. B. 4. F. 11). Когда Ремизов предложил встретиться

в июне, Кобяков ответил: «В июне — так в июне. Конечно, как у Шумова — у меня не выйдет — но все-таки попробую. Покажу образцы своих работ. Я стал теперь профессиональным фотографом» (Ibid.).

¹⁸¹ Хозяйка дома в Бретани, в котором Ремизовы останавливались на летний отдых.

¹⁸² Предположительно имеется в виду терапевт и отоларинголог Сергей Михеевич *Серов* (1884–1960), в России состоявший на военной службе в лейб-гвардии 1-й артбригады; общественный и церковный деятель; в Париже работал в госпитале Ляонек; также заведовал амбулаторией им. Св. Патриарха Тихона при Сергиевском подворье, где нередко безвозмездно пользовал круг известных литераторов. См. о нем: [15].

¹⁸³ Подразумевается первая редакция критической статьи И.С. Лукаша «Мышиная Россия. О книге А.М. Ремизова “Взвихренная Русь”», опубликованной с исправлениями Ремизова в рижской газете «Слово» (1927. № 619, 10 сент. С. 3). Фрагмент этого печатного негативного отклика на роман приводится в статье: [32].

¹⁸⁴ В.Н. Унковский; см. о нем: [26, с. 81].

¹⁸⁵ В.В. Диксон; см. о нем: [25, с. 74–75].

¹⁸⁶ Словенский поэт Мирко *Претнар* (1898–1962) впервые предстал перед Ремизовым в апреле 1927 г. с письмом от Г.Г. Шклявера, рекомендовавшего гостя как «большого друга России», очень интересующегося произведениями писателя.

¹⁸⁷ См. примеч. 22. Ремизов приложил старание к размещению публикации Шестова в этом «периодическом издании, адресованного, по выражению, Ремизова «для большой публики» (см. его письмо от 11 июля: [11, с. 171]. 30 июля философ сообщал Ремизову, упоминая переводчика R. von Walter’a: «От Fr. Politzer получил письмо. Она мне всего 7 страниц дает. Значит, Спиноза не годится. Я написал Вальтеру, чтобы он из “Апофеоза беспочвенности” (который уже переведен им на немецкий) собрал несколько афоризмов. Авось сойдет — а не сойдет, ничего не поделает» (Amherst. Series 1. B. 4. F. 12). Три афоризма из его книги «Апофеоз беспочвенности» в немецком переводе Р. Вальтера были напечатаны в № 5/6 журнала за 1927 г. в одном номере с легендой Ремизова «Семиклей» (перевод Г. Ган).

¹⁸⁸ «Новый корабль» — литературный журнал (Париж, 1927–1928. № 1–4), вышедший под редакцией В. Злобина, Ю. Терапиано и Л. Энгельгардта. Первый номер журнала поступил в продажу первого сентября 1927 г.

¹⁸⁹ По всей вероятности, бисерный кошелек, подарок художника С.А. Залшупина (см. о нем: [22, с. 77–78]); экземпляр из коллекции Серафимы Павловны (см. об этом: [21, с. 37]).

¹⁹⁰ Hôtel de Lisbonne в Виши.

¹⁹¹ Речь идет о двухтомном исследовании и собрании текстов, посвященных Святому Николаю: “Hagios Nicolaos”: Der heilige Nicolaos in der Griechischen Kirche. Texte und Untersuchungen von Gustav Anrich. Band I: Die Texte (S. XIII — 464). Leipzig, 1913, Band II: Prolegomena. Untersuchungen. Indices (S. XII—592). Berlin, 1917. Это издание стало опорным для Ремизова в процессе его работы над книгой «Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры» (Paris: YMCA-Press, 1931), работу над которой писатель начал в 1925 г. См. также: [20].

¹⁹² Владимир Владимирович *Перемилловский* (1880 — не ранее 1950-х) — педагог, переводчик; его знакомство с Ремизовым относится к 1906 г., когда они встречались на средах Вяч. Иванова. В книге Ремизова «Лимонарь сиречь: Луг духовный» (СПб.: Оры, 1907) Перемилловскому посвящена легенда «О безумии Иродиادیном, как на земле зародился вихорь» (1906). В 1920-е гг. Перемилловский — преподаватель латинского языка в русской гимназии г. Моравска Тшебова (Чехословакия), после — профессор Министерства информации в Праге. Судя по переписке 1927 г., 7 сентября Ремизов отправил своему корреспонденту текст для перевода с латинского (Amherst. Series 1. B. 4. F. 13). Ср. также письмо Ремизова от 26 июля 1927 г.: «Если бы Вы

сейчас были тут, я сказал бы вам: Владимир Владимирович, садитесь сюда — и давайте переведем некоторые латинские тексты и вот эти греческие, а потом чай пить» [12, с. 203].

¹⁹³ Речь идет об исследованиях византолога архимандрита Антонина (Капустина), который выявил в агиографической традиции смешение сведений о св. Николае Мирликийском с событиями, описанными в житии св. Николая Пинарского. См. примечания Ремизова к книге «Образ Николая чудотворца» [27, т. 6, с. 645].

¹⁹⁴ Ошибка при переписывании оригинала письма: подразумевается Петр Евграфович *Ковалевский* (1901–1978) — историк; церковный деятель, старший иподиакон митрополита Евлогия (Георгиевского); преподаватель латинского языка в Свято-Сергиевском богословском институте (1925–1949).

¹⁹⁵ Речь идет о легенде, известной Ремизову по латинскому источнику «*Thauma de Basilio*» — легенда о Василии многострадальном (*лат.*), пересказ которой под названием «Чудо о Василии» впервые был опубликован в журнале «Воля России» (1927. № 11/12. С. 14–31). Впоследствии легенда была включена в состав второго тома книги «Три серпа: Московские любимые легенды (Париж: Таир, 1929).

¹⁹⁶ См. примеч. 179.

¹⁹⁷ *Ordures (франц.)* — мусор.

¹⁹⁸ Семья Александра Иосифовича (Осиповича) *Аронсберга* (1878–1948) — адвоката, общественного деятеля.

¹⁹⁹ С.В. Познер.

²⁰⁰ См. о ней: [23, с. 68].

²⁰¹ Речь идет о вещах, оставшихся в берлинской квартире Ремизовых, которую после их отъезда занял С.О. Осипов с женой.

²⁰² Подразумевается книжный магазин «Москва» (9, rue Dupuytren, Paris).

²⁰³ Имеется в виду гонорар за издание повести «Оля», рассказы которой были написаны на основании дневников и воспоминаний С.П. Ремизовой-Довгелло. Подробнее о истории текста см. коммент. В.Н. Быстрова [27, т. 15, с. 655–663].

²⁰⁴ См. примеч. 195.

²⁰⁵ В.А. Перцов (см. примеч. 110).

²⁰⁶ Город в предместье Парижа (департамент Yvelines)

²⁰⁷ Департамент на левом берегу Сены; в настоящее время включает в себя известный район La Défense.

²⁰⁸ Иван Альбертович *Пуни* (1894–1956) — живописец; в 1919 уехал в Финляндию, с 1923 вместе с женой художницей К.Л. Богуславской жил в Париже.

²⁰⁹ См. примеч. 183.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 10
1. 7. 26
Paris
четверг
№ 92

<Приписка синим карандашом, добавлена, при редактировании писем:> Наскочил на меня авто. И я упал, ударился спиной.

Деточка, из В<оли> Р<оссии> 500 frs. Напиши же, сейчас же вышлю.

Ездил, получил у Amicie. Посмотришь: боюсь судить. Серое.

Очень сегодня жарко. Даже я чувствовал. Заходил Лоллий <Л.И. Львов>: книга «Взв<ихренная> Русь» набрана вся. Теперь как-то в машину. И пришлют корректуру. Большая работа!

Сегодня прочитал в «П<оследних> Н<овостях>», что в Vichy есть православ<ная> церковь Rue de Terme.

Всенощ<ная> в 8 ч<асов> в<ечера>

Обедня – 10.45.

Видел во сне Бирюльку <Э.М. Каплун-Вальден>. Необыкновенно ясно. Я подумал: сны: ясные, яркие и смутные.

Долго пришлось ждать. Дорогой, когда ехал, думал: вот что привязывает к жизни – «интересно!» – интересно «смотреть на мир». Прочитал сегодня: декларация нов<ого> министерства – «сокращение потребления и увеличение производства». Все держится 1 доллар = 173 frs.

A Dixon <В.В. Диксон> опять не пришел.

Завтра должен придти Лебедев. Я все приготовил.

Сегодня не писал. – Поездка меня измучила. – В газетах ничего нет: только о Рерихе, что в Москве. Про него хорошо сказал А.Н. Бенуа: умеет делать сенсации и «взбивать пену» вокруг себя. И Далай-лама понадобился только для этого. Не лежит у меня сердце. Представляю себе, как он там разговаривает. И этот манускрипт, который будто нашли, о пребывании Иисуса Христа в Тибете, все это ерунда. Я допускаю все возможно, и «для Бога все возможно», но манускрипта-то никакого нет. И мне это тоже не нравится. Боже мой, и зачем слава?

Мне сегодня как-то ясно: судьба.

И, конечно, очень волнует (не могу успокоиться): как это можно насчет денег! Лапусичек, напиши, я сейчас же вышлю.

А. Ремизов.

Понемногу буду вкладывать.

И этот образок St. Ange, soyez mon guide! 27.6.26. Paris.

<Газетная вырезка:>

«Случай с А. Ремизовым»

В имеющей выйти в свет книжке «Воли России» появится рассказ А. Ремизова: «Покажу вам дьявола!» В этом рассказе есть такие строки:

«И когда после странных дней (очень странных!) в дождик упаду где-нибудь под забором (или автомобилем раздавит)».

На следующий день после сдачи рассказа в редакцию «Воли России», А. Ремизов попал в Париже под такси, к счастью, отделавшись легкими ушибами.

№ 11

2. 7. 26

Paris

№ 93

Деточка, видел во сне тебя смутно и очень ясно Dixon'a, точно капля воды – так ясно лицо и вокруг него: он неподвижно, а ты движешься.

Был Лебедев, отдал ему рукопись. Теперь «В<оля> Р<оссии>» тут будет печататься. И мне корректуру дадут.

Пробовал писать – плохо что-то выходит. Стал исправлять «Ров львиный». Пришел Мочульский: через неделю уезжает. А книгу просит послать ему; будет жить он в Savoie на уроке <sic!>. Стало быть, кстати я принялся за поправку. Он напишет – а больше никто не напишет! Лоллий не хочет. Я не говорил с ним, но показывал ему. Добился, наконец, получил от Милюкова «Они самые» (что было тогда послано по Познеровскому научению для газ<еты>: «День рус<ской> культуры»).

Весь день ждал денег – нет, не принесли! Шестову написал.

Утром, когда шел на почту, встретил Goll'я – на улице он говорит по-французски – ответа еще все нет о «Рв<е> лъв<ином>». Получил открытку от Hahn. Она виделась с редак<тором> Individualität и говорила: деньги ½ гонор<ара> мне пришлют. Еще письмо от R. Schol<t>z'a. (Ничего там нет). Да, Diederichs не берется издать сказки (это тот мальчик Moras все хотел сделать). Заходил еще Лоллий.

Winterfeld’у <В.Г. Винтерфельд> я еще не написал. Может, лучше, когда с тобой. Или только *ответить* пока. (Чтобы не забыл). Сколько мне приходится тратить на то, чтобы «добиться» (гонорара, рукописи, напечатанного).

Все время поправляю. И в голове пусто. А еще и 12-и нет, а клонит. Жду от тебя уведомления.

Алексей Ремизов

Получил письмо от Рейгородского <Л.Н. Райгородский>, который пишет, что деньги посланы в *пятницу 25. 6.* и что пошлем в пятницу 9-го.

А это не Добрый, а *Добрынин*.

№ 12

3. 7. 26

Paris

суббота

1 ч<ас> дня

№ 94

Деточка, сейчас получил 500 frs. Вот и купон. Посылаю тебе, чтобы ты не беспокоилась. Значит, могут и 3-и принести.

AP

Сохрани этот купон. (Я тебе *еще пришло*).

№ 12 bis

3. 7. 26

Paris

суббота

№ 95

Деточка, очень болит голова. Это перед грозой. Началась гроза. Пришлось затворить окно. Зарецкий прислал журнал “Die Funk Stunde”. Концерты по радио. № 23. 6.6.26. Там изображен “Die Feuerbrunst”. Моего портрета нет, а есть та актриса, которая читает: Rose Lichtenstein и что странно: есть что-то от меня в глазах. (А может глаза на фотографии у всех одинаковые?). Я напишу Зарецкому: нельзя ли узнать, не полагается ли мне чего получить?

Гроза прошла. Снял с головы повязку (полотенце). Окно открыто. После Наташи <Н.В. Чернова-Резникова> пришел Диксон. Сидели в кухне чай пили. Простоквашей я его пичкал. Но больше одной банки он съесть не мог. (Старлица сегодня вытирала полотенца, развешаны – и уж высохли).

Говорили о цвергах (гномах) и о ангелах и какие у цвергов мягкие лапочки, а ангелы, как вихри. Ничего разговорчик, если б кто подслушал!

Решение Шаховского произвело впечатление на Dixon'a. Шаховской ему написал. Жду твоего уведомления. Это письмо придет только в понедельник. Так ко всеобщей и не пошел. Писал сегодня (из здешнего), и исправляю «Ров львиный». Немного осталось.

Все думал о Dixon'е. В разговорах столько твоих слов. И нехорошо быть богатым, и стыдно в банке держать, и нельзя служить». И о Рерихе, конечно. Только он преувеличивает: от креста такие не уничтожаются, п<отому> ч<то> Рёрих – это «нигилизм».

Да от Сомова письмо: как насчет его рисунка – о сроке. Он вернется 15-го и хочет повидаться.

Ну, слава Богу, дошли до тебя деньги (300 frs.), а то я уж беспокоился.

Получил от Шестова, он говорил по телефону с Рейгородским: деньги пошлют 9-го. А я все-таки Рейгородскому в свою очередь напишу, поблагодарю за хлопоты, и помяну.

АР

№ 13

4. 7. 26

Paris

№ 96

Деточка,

Сегодня воскресенье. Опять с утра жара. И теперь грозно – но грозы нет. Вот я все поправляю. Что ты думаешь, если сделать больше названий главам:

- 1) Канава 11 – 37 стр. = 27 стр. (описание)
- 2) Мыслитель 37 – 55 = 18 стр. (Бузылина биография)
- 3) Брандмауэр 55 – 78 = 24 стр. (философия)
- 4) Плетеница 79 – 127 = 49 самый роман
- 5) Со креста 128 – 139 = 12 стр. Тимофеев
- 6) Ровно и гладко 140 – 159 = 20 стр. (Биография Тимофеева)
- 7) Про любовь 160 – 183 = 24 стр. роман.
- 8) К Богу 184 – 191 = 8 стр. (а может по-другому)
- 9) Абракзас 192 – 197 = 6 стр.

Исправление мое заключается в вычеркивании книжных оборотов и в выделении кавычками того, что принадлежит не автору, а действующему лицу.

Мне осталось 5) и 6). Во вторник или в среду придет Мочульский. И знаешь, деточка, я сегодня поднялся в 11 ч<асов> дня. Посылаю тебе вырезку из Пос<ледних> Новост<ей>. Помнишь я писал, как собираюсь ехать под Псков (это для Цвибака, ложная информация). Так на это *ответ* сохрани. В «Днях» Ходасевич упражняется. Я сохранию. А в Звене (сохраняю неприкосновенно) – несколько строчек. Ю.С. (я спрошу у Мочульского) (кажется, Слонимская) <Ю.Л. Слонимская-Сафонова>, такая есть, кукольн<ым> театром занимается. Так пишет, что есть места восхитительные, но в общем неопределенно.

Деточка, не выдавай, он хочет, чтобы, когда ты вернешься, увидела: вчера принес Диксон Словарь Срезневского. Это I издание – у меня было 2-ое, у которого приложение (дополнение), а это в 4 томах. Есть и эпакт и вруцелето.

На столе у тебя лежит.

В эту комнату ни шагу никому.

Да, о насчет Рёриха надо проще смотреть (и от креста такой ничего не исчезнет) и надо относиться со всем цинизмом: т.е. хотите, чтобы была книга с приложением, как у меня о его картинах, это стоит удовольствие *столько-то денег*, и деньги вперед.

Социалистам (как и большевикам) никакого нет дела, где был Христос («Христа никакого не было, один миё »).

Но для агитационных целей сведения о том, что где-то найден манускрипт о пребывании Христа в Тибете, это годится.

Все это мне так не нравится. Именно совпадения:

Возвращение в Россию и нахождение манускрипта (а ведь про него он говорил еще прошлый приезд!)

Заходила Наташа. Никак не могу получить «Своими путями». Когда я выходил – Лоллий Львов, оставил «Возрожд<ение>» и Палагея <sic!> <П.И. Чайковская-Терещенко> забежала: ушел от них Павел.

AP

Сон твой: «стирать пыль» – (der Staub) – нету в Соннике.

Деточка, *так жарко*, вчера ветчину ел, а сегодня рисовую кашу и это легче. И молоко не пропадает. На квартиру *отложил* – 1000 frs.

Получила ли ты фотографию Шаховского? (Твоя рука с кольцом – хорошо вышла). Там я положил образец St. Ange soyer mon guide!

№ 14
5. 7. 26
Paris
№ 97

Деточка, как устроить, пообсуди: ехать мне встречать тебя – или этого в виду, помнишь, случая из Bernerie – а ждать дома, приготовлю тебе: ветчины, супу, если хочешь сделаю йогурту, баранок (если есть).

(А если Диксон вызовется встречать – *или никому не надо?*).

15-го это ничего, самая толкучка пройдет. Это последний день праздника. Это будет в четверг. «Старица» может ведь только в субботу (в пятницу у Сеземана).

Если все сговорено будет и ехать нам к Винтерфельду, со «старницей» *не следует порывать*, хотя это очень дорого: 3.50 час. 2 ч. = 7 и на мэтро = 90, ну, я даю просто 8 frs. «Старица» тщательная, тщательность изумительная: мою комнату делает *около часу*, ну, это, конечно, с мастикой.

Принесли белье (32 frs.). Кончил поправку «Рва Львиного». И натрудил руку.

Да, вот я пускаю о себе всякие апокрифические сведения, – это я насчет «под Псков ехать». А ведь это перепечатываются в других газетах (и Грешищев и Очкасов). Конечно, туда проехать очень любопытно.

Пошел дождик. И стало совсем прохладно. Сижу с открытым окном, но в теплом. Наверное, от твоего сна видел тоже Павла Елисеевича <Щеголев>. Или потому что начал о Вологде писать.

Какое сегодня изумительное утро после дождя. Мне напомнило: когда мы уезжали в Швейцарию из Парижа – пасмурно и очень тихо.

Посылаю из «Иллюстр<ированной> России» – это Лери (Клопотовский упряняется).

А<лексей> Р<емизов>

<Газетная Вырезка:> Лери [Клопотовский В.В.]. Летняя газетка // Иллюстрированная Россия. 1926. Июль. № 27(60). С. 11):

ГДЕ ВЫ ПРОВЕДЕТЕ ЛЕТО?

(Наши заботы)

А.М. Ремизов. Хвостик у меня украли – парижский сказ, а без хвостика консьержка, баба-яга, костяная нога, руки в боки – смеется. На Ивана-Купала чур-чура, брекекес, пойду на Фуркруасский переулок к М.Л. Гольдштейну, ходателю парижскому, обергофмейстеру Обезвозлапской палаты вольной. Обязан папоротник, жар цвет, быть у Гольдштейна. А под папоротником Пилсудский не знает, по-лягушечьи на конституцию ква-ква – хвостик мой. У Алжирского бея под

носом шишка. А в русских журналах за такой сказ – гонорар. А за гонорар – лето. Вот вам и хвостик.

<Приписка рукой Ремизова>: Лери. Ну, и дурак!

№ 15

6. 7. 26

Paris

№ 98

Деточка, сейчас получил твое письмо от 5.7. С описанием безобразий:

больше всего возмущает, когда – *ну ты совсем ни причем* – а чьето *легкомыслие* (чаще всего) или злая воля (это реже) или сила нам неведомая (это уж судьбинное).

Далеко ходить не надо и причина чаще *в легкомыслии* – вот эти самые Жанны, не приходящие вовремя и заставившие сидеть 30' в ванне.

У тебя деточка кружку украли, а у меня упала кастрюлька и трахнула мою чашку, только блюдце осталось. (Ты моя деточка купи красную с белыми кружочками, тут у нас около аптеки выставлена). Но странно *это совпадение*: какая-то сила отняла, тебе обидно, мне досадовал <sic!>.

И еще *совпадение*: вчера у меня очень сердце билось, я уж и чай жидкий пил и не курил, потом прошло. А было это там: было очень жарко на воле и у меня 36,5 R и это все время, а после дождя на воле стало холодно – и у темп<ература> упала до 36.00 и забилося сердце. (Наверно, это атмосферн<ое> давление).

Сегодня нормально 36,3.

Надо так рассуждать: дело не 2-х днях – 15-го или 17-го, а в 3х – 6,7,8, когда тебе нечего делать. (Если даже ты проедешь к Лезаровне <А.Е. Баранова-Шестова>, так посмотреть, все равно на это не так много уйдет). Хочешь, деточка, я тебе пришлю «Вёрсты» (вышли сегодня), а потом «Совр<еменные> Записки» (получил)? Может, как-нибудь эти дни и скоротаешь.

Если же чувствуешь, что вообще от дальнейшего нет проку (или не такой большой, чтобы *терпеть*), то, конечно, свертывайся.

К Проскуражковой НЕ переезжай. Это бабьи будут всякие завитки: каждое слово надо взвешивать, а это и так надоело.

(17-го суббота – St. Alexis).

Больна – печень – Вера Алекс<андровна> <Сувчинская> – сейчас приходил Сувчинский. Очень он озабочен. Я ему рассказал твое происшествие.

Алексей Ремизов.

Опущу сейчас это письмо, а вечером еще напишу и утром отправлю. (Надо сообразить, как с посылкой денег 500 frs. – поступить).

№ 15 bis

6. 7. 26

Paris

№ 99

Деточка, посылаю тебе «Вёрсты», потом пошлю «Совр<еменные> Запис<ки>», может, развлекут тебя.

Я все рассуждаю: (знаю, как каждый час не только день может быть невыносим). Если видишь прок, хоть небольшой, то два дня не велик срок, если же чувствуешь, что это так (так «полагается» 3 недели леченья), то, конечно, оставаться не стоит.

О деньгах, которые должен послать 9-го, надо что-нибудь придумать. А придумается это само-собой, когда решишь. Только чтобы я знал. Я выдумаю.

Просматривал «Версты»; в «Николе» увидишь, как в одном месте испортили пропуском, в самом начале. А в «Совр<еменных> Запис<ках>» – большая статья о Вл. Соловьеве (опять поминается Ек<атерина> Вл<адимировна> <Селевина>). Автор тот же.

Прилагаю вырезку из Дней, из России (из Кр<асной> газ<еты>), до чего это по-русски. (Да, в «Днях» перепечатывают повесть Бабеля).

Я беспокоюсь о сердце – может быть, ванны так действуют. И тут надо осторожнее. Я все представляю, как ты одна и ночь – одна – когда душно – одна – и обидно – одна – все представляю. И потому говорю: если и т. д

Насчет Карлсбада, там уверенно. Но бывает тоже, эти Жанны.

7. 7. 26

Видел во сне Маковскую, теперь Познер, ела устрицы и я подумал: а вот мне не предложит. Потом едем мы с тобой по железной дороге в поезде 3 класса, как в России. Вагон пустой, кроме нас, ни души. Вошел кондуктор. Больше пока не могу восстановить.

11-ый час – сегодня должен был придти в 10 ч<асов> монтер менять у нас электрический счетчик – и нету.

АР

№ 16
7. 7. 26
серeda
Paris
№ 100

Деточка, весь день ждал, что принесут деньги. Нет, стало быть, завтра. Заходил Мочульский: уезжает. В Н<au>te Savoie. Я ему туда пошлю «Ров львиный»: ты, деточка, взглянешь и в окончательном виде пошлю: он хочет написать. Взял книгу, где Мирлес <sic!> <Хелен Хоуп Миррлиз / Helen Hope Mirrlees>, Лозинского. Надо отметить ее статью. А то ни в каких хрониках ее не хотят и упомянуть. Потом зашел Вишняк. Дает сроку еще месяц. Ну, Слава Богу. Получил рпеи от М. Струве <М.А. Струве>. Он занес корректуру начало В<звихренной> Р<уси>. А еще принесет в субботу. (Но ты знаешь, он больной человек, вроде Верховского). Хорошо, что стало холодно, а то бы беда. На кухне сидели. Приходила Наташа штаны чинить. Теперь в порядке. Они все уезжают д<олжно> б<ыть> 11-го. Познер прислал письмо, они знают, что ты уехала. О «подоходн<ом> налоге» надо будет поговорить с Познером. Я рассказывал Палагее <П.И. Чайковская-Терещенко> тогда, она говорит, что у них тоже было. И у Струве тоже. Надо заявить. Если бы я знал, я бы непременно это сделал. Вот как-то все в «житейском» и разговоры (не femme de ménages), а impôt и revenue. Писал немного. Нет, деточка, тебе одной нельзя ездить – вот так, как теперь. Можно к кому-нибудь, ну как тогда к Лисевне <О.Е. Чернова-Колбасина> или на *краткий срок* в Bernerie. Вообще 3 недели я все мечтаю, как ты приедешь. Хочется мне денег собрать. У меня (как никогда еще) бывает горькое чувство перед такой «случайностью», как ты описывала с Жаннами.

(Да, для Сомова все узнал, что он спрашивал и о размере, и о бумаге). (После 15-го Сомов приедет в Париж и когда ты вернешься, пригласить его надо).

Деточка, притерпи, если можешь: может, польза какая будет. Но вот меня что занимает, сколько теперь будет стоить у Winterfeld'a?

Заплатил по счету за газ 98. 50 (май-июнь – 6 недель).

(прошлый раз счет был больше 113.00).

Поговорю с Познером насчет Розанова <доктор>. М<ожет> б<ыть>, у него есть знакомые.

АР

А я как-то насчет вчерашнего и не думал, только одно, очень уж цифры 7. 7. 1877.

М<ожет> б<ыть>, «К Богу» можно совсем не писать, *не называть* эту главу.

В разговоре с Розановым завтра (9-го), помани, что тебе задерживаться никак нельзя: т<ак> к<ак> тебя ждет экстренная работа – из Сорбонны (от проф. Мазона). В действительности ты не получила, но будет – это о Тургеневе опять *напишу подробно*.

№ 17

8. 7. 26

Paris

№ 101

Сердечный припадок

Деточка, прокорректировал всю первую часть. И осталось еще много. Завтра договорился с Познером: попрошу его написать о тебе Розанову, чтобы не задерживал, что тебя ждут всякие дела в Сорбонне. Что-нибудь придумаем. (Все это, конечно, деликатно будет сделано).

Видел *во сне Даманскую* – это нехорошо.

Опять у меня что-то сердце забилося. Я так представляю, как у тебя там было после ванны.

И имей в виду, если чего, просто скажи, что ты не можешь дольше оставаться. Ведь это еще такая мода: «задерживать» (наверно, «дамам» это даже нравится).

Заходили Вишняки. Опять душный день. Вишняк за доктора: пульс считает. (Воображаешь, какой счет!)

Столько писем сегодня: и от Dixon'а, и от Святополка-Мирского и от Шестова.

Кн. С<вятополк>-М<ирский> – приезжает 14-го.

Шестов – Châtelguyon, Villa Florence. (Puy-de-Dôme) (опять насчет денег, что высланы будут; я ему туда напишу все-таки он не понял моего письма с отрывным купоном).

Dixon – зайдет днем в субботу.

Деточка, какая ты неосторожная. Я тебе, деточка, 100 frs. вложу еще денег.

Видел во сне Мазона. (хотел тебе подробно написать, но думаю уж сегодня).

AP

№ 18

9. 7. 26

Paris

№ 102

Деточка, нашел я этот город –Thiers – это уж в департ<аменте> (Puy de Dôme) на юге-востоке, а Шестов – на юго-западе, Châtelguyon, Villa Florence.

Может быть, ты бы проехала посмотреть:

Я сегодня ему напишу. Мне хочется, чтобы ты получила 500 frs. И кончить эту канитель: когда через три руки идет дело, никогда путевого не бывает. 1) Мирра Яковлевна <Эйтингон> 2) Райгородский – велел послать 26-го 3) Добрынин, послал 29-го.

Наверно, у меня сердечные перебои. От всех этих: все надо добиваться и тысячу раз писать.

Я, деточка, гуляю и меньше курю и кофе пью – на 2 дня и больше, заварка обыкновенная.

Я встретил Mazon'a, он знает, что ты в Vichy. И очень одобряет. У него есть дальше о Тургенева. Как-нибудь на неделе он напишет и принесет. А когда ты вернешься, сделаешь (Посылать в Виши не надо). Прислать ли тебе *Совр<еменные> Записки? Версты* я тебе послал.

Черновы все уезжают 13-го в понедельник. Остаются Вишняки. Наташа исполнила все аккуратно. И Оля <О.В. Чернова-Андреева>.

Были Познеры. Поздно пришли. Так сидели. Из новостей узнал: 1) вчера делали операцию Слонимскому: исправляли кривой нос – теперь прямо смотрит 2) Мочульский едет к Высотским.

Расспрашивал подробно о «подходном налоге», а насчет Розанова, чтобы взял меньше и узнал, кто я, Познер напишет от Комитета Писателей. До Познеров заходила Вишнячка <В.Л. Вишняк>, принесла ветчины и Лоллий Львов газету. Я рассказывал о твоём происшествии с ванной. Корректуру еще не кончил.

Стало быть, деньги посланы 8-го, если извещение 9-го. Д<олжно> б<ыть> подействовали письма.

AP

№ 19
10. 7. 26
Paris
суббота
№ 103

Деточка, весь день корректировал. Надоело ужасно.

Должен зайти вечером М.А. Струве и взять корректуру. Приходил Диксон: я ему показал ему, где в «С<овременных> З<аписках>» о нем. Принес мне перышков. Завтра придет днем. До сих пор в ящиках не сделано полок: пилы у него нет. Хоть бы доски-то принес. Я вызову Оболенского и он сделает.

Dixon уезжает в Lille, хочет разыскать Соболева священника. А вернется в пятницу. Когда ему прийти? Я думаю, в воскресенье? А то ты с дороги и усталая, а он будет сидеть долго.

Сегодня пасмурно. Возят уголь. Не пройти, не проскочить. Около входа все завалено и размазано (от дождя).

Хочу сегодня все письма написать, какие над душой. Я тебе, деточка, сегодня еще напишу. Но опущу завтра. (Да, понед<ельник> 12-ое, я вчера ошибся, когда писал, что Черновы уедут 13-го).

AP

<Внизу приклеена газетная вырезка – Возрождение. 1926. 8 июля. № 401. С. 3 (рубрика «В мире литературы»):

«Прибывший в Москву художник Рерих выразил согласие взять на себя одну из постановок в Академическом театре».

№ 19 bis
10. 7. 26
Paris
№ 104

Деточка, забегала Вишнячка в 7-м часу, принесла 4 персика и лимон, и 200 frs. от Богуславской – «ея <sic> долг». Струве обманул: корректуру я ему всю сделал – д<олжно> б<ыть> завтра зайдет. Ведь, в сущности, как мало дней, когда на календарь смотришь. 17-ое по ст<арому> ст<иллю> 4-ое июля.

Необыкновенно тихий вечер, как после дождя. Сейчас 1ый час, на воле довольно шумно. И гудки, и звонки, но вокруг – душа этой ночи тихая. Прибрался: много накопилось бумажек, все порядок делал. А всех писем за раз д<олжно> б<ыть> не написать. Есть старинные долги, как Scholz и Hahn.

Получила ли «Версты»?

Напиши мне, деточка, чего приготовить: масло, ветчины, не надо ли воды?

Сегодня объявление Домострой. Изд. Кожанчикова. 1 доллар.

Познеру написал, что тебя Розанов не задерживает, что не надо этого писать.

Я думаю, он еще и не писал.

AP

Надо будет Гавронскому заплатить.

№ 20

11. 7. 26

Paris

воскресенье

№ 105

Деточка, с утра такая пасмурь, решил дома посидеть. (Хотя в воскресенье сидеть не полагается из-за звонков). Пришел Dixon, поил его чаем (виноград принес). Перцов женился на очень богатой. Мне чего-то жалко Dixon'a. Ну, конечно, всякие разговоры были о журналах (я не придаю значения) и о изданиях. Потом пошли с ним к Muette. И когда возвращались, у двери звонил Лоллий. Dixon'a я представил: сын André Gide'a. Говорил с ним по-французски. Лоллию он понравился: «какой красивый мальчик и д<олжно> б<ыть> очень богатый».

После Лол<лия>, которому я отдал корректуру 113 стр. пришел Струве за корректурой. Спрашивал его, сколько теперь стоит издать «Ров львиный» – 6000 frs. (это все и бумага, и типография).

После Струве зашли прощаться Черновы. Бронислав <Б.В. Со-синский> не уезжает. Чаем никого не поил. Если бы один кто-нибудь, то в кухне. Как с Диксоном. Но самое-то главное, когда мы ходили с Dixon'ом приходила М<ария> Моис<еевна> <Гуревич > и Шрейбер. Какая-то женщина принесла хлеб (слоёнку). <Поздняя приписка:> [Я разрезал, но есть не решаюсь, вся пропитана маслом]. А записку, которую прилагаю.

И не знаю, что делать. Очень мне не хочется «кричать». У меня условлено на 14-ое со Святополком. Я ему, пожалуй, напишу, чтобы три звонка дал.

Да, деточка, тебе одной нельзя. И опять повторяю, глядя на календарь, как в сущности мало дней.

Дал Dixon'у 30 frs., чтобы он купил «Домострой».

Написал сегодня много писем: остаются Scholz и Ruoff, и еще в Палестину.

Карточка твоя очень хорошая. Диксон не может сказать, вернется ли он в пятницу. На счет моего сердца не беспокойся. Все понемногу утихло. Курю 10–12 папирос в день, так и откладываю и кофе не такой, как ты пьешь. Это утомление. О Диксоне пишет Степун (Stepuhn) в статье о Благонамеренном.

Еще напишу сейчас рпсн Познеру. Не беспокойся, деточка, Бога ради. Я уж писал Познеру.

АР

№ 21

12. 7. 26

Paris

понедель<ник>

№ 106

Деточка, представь себе, позабыл дома ключи. Вернулся с почты, а ключей нет. Консьержка подобрала, вместе вошли: лежат на столе. Вот это называется «искушение».

Нина Григ<орьевна> <Львова> (рассказывал Лоллий) на днях едет к Борманам. Лоллий добывает 100 frs. на дорогу ей. У меня такое тяжелое впечатление осталось от Н<ины> Григ<орьевны>, когда она провожала, эти ревнующие <sic!> глаза. Заходила Наташа. Она не уехала, хочет тебя дождаться. Проводила Вадима <В.Л. Андреев> и Олю <О.В. Чернова-Андреева>. Я ей отдал этот самый ужасный пирог. (Я все думаю, ну как так, зная, что тебе надо все осторожно, приносить такое, я не решился есть – это одни слои масла!) Для твоего успокоения ходил к Аитову, чтобы выслушал сердце. Сердце у меня хорошее, хорошее давление – это временное – невроз. К твоему приезду все восстановится.

Это оттого, что я сержусь. А я очень сердился это время. Я добиваюсь. Представь себе, получил сегодня «Юного читателя», два месяца писал открытки – и ничего. Я написал Белоцветову и вот получил. И 5 экз. «Слова», где «Болибошка» и «Перезвоны». Тоже просил сколько времени зря. Мне надо *меньше* ходить (Деточка, я совсем мало хожу), *тише* говорить. Я боюсь, что с 1 августа не стоит ехать, не поспеть. А лучше с 9-го. Это я сужу по получениям.

Карточка твоя очень хороша, но я не показывал до тебя. Я думаю, написать письмо Мазон'у, что ты вернешься на этой неделе. И на той неделе возьмешься за Тургенева. «Разобрать некоторые места». Помнишь, он говорил когда-то.

Опять очень жарко. Тяжело тебе будет в Париже без воздуха. Я разговаривал с Dixon'ом, чтобы ты в Шартр проехала. Он привез оттуда гравюру (Рождество – Пастухи). У тебя на столе стоит.

Помер А.Л. Волынский (1863 г.) – вот «сшибли» человека в свое время и

О.В. Аптекман (это который в Кувшинове доктор).

АР

№ 21

13. 7. 26

Paris

№ 107

Деточка, сейчас 11 ч<асов> ночи. Какой барабанный бой с каким-то, как из пушки, после нескольких тактов, а потом «Марсельеза», это идут по Ав. Mozart какие-то полки – завтра на Елисейских полях смотр (ведь в Марокко кончилась война). Султан приехал и король испанский и главный министр диктатор Примо де Ревера. Вот бы посмотреть. Да куда уж мне, затолкают.

Расклеены огромные плакаты – полиция срывает – как «достойно должны встречать в Париже убийц!».

А ты бы пошла взглянут. Одно только жара – больше 20 °R. Я все пью чай с лимоном. Чаю совсем немножко, а главное лимон.

Теперь музыка прошла. А дом и соседний оживился, все разговаривают и свистят, но тихонечко. Тебе есть открытка из Сербии от той Гребенщиковой, спрашивает о Бельгии. Из «Слова» за Болибошку получил 104 frs. (Добился-таки). От Диксона письмо: сообщает, что на прошлой неделе Бартенева 18 век продан композитору Черепнину. Ну, это можно через Сувчинского достать. Я письмо напишу.

Перебирал газеты. Надо найти. И не нашел. Это я все о Барышеве <Н.В. Баршев>.

Сердцу моему гораздо лучше.

Очень меня беспокоит, что жара, как тебе будет тяжело. И не знаю, что придумать: куда бы тебе проехать до Винтерфельда. В Шартр. И еще куда-нибудь. Взял бланков на почте: Гавронскому думаю просто послать на пнев<матическую почту –?>, что по счету 230 frs. Ходить очень туда жарко. Я все мечтаю откуда-нибудь получить деньги.

Деточка, когда назначить «старице». Она придет в четверг, может, и в субботу. Я ей предложу, в *понедельник*? (Напиши мне).

Долго ночью шумели и визжали, ну как могли (ведь это Auteuil, много не спрашивай!) И поднялся я рано: д<олжно> б<ыть> очень жарко.

АР

№ 23

14. 7. 26

Paris

среда

№ 108

Деточка, очень мало написана Steppuhn <Ф.А. Степун> не хвалит статью Dixon'a за то, что он одобряет С<вятополка-> Мирс<кого> – его книгу о Рус<ской> Лит<ературе>. А о стихах ничего не пишет. Обо мне два слова: когда-нибудь исследователи напишут о моем творчестве. И больше ничего.

Демидов Игорь Платонович и есть самый мой гонитель в «П<оследних> Н<овостях>», но, говорят, он глубоко верующий православный человек. И м<ожет> б<ыть> если бы ты с таким поговорила, нашла бы действительно человека, а не хрю-хрю.

Приходит Dixon'ъ <sic!>, он не уехал и не уедет. Можно ему прийти в субботу часов в 9-ть? Какая досада, «Домострой» продан. Утром я подумал, читал, когда-то писали: продает «Стоглав». А Dixon и приносит «Стоглав». Я ему еще 10 frs. Стоит 40 frs. Напоил его чаем, он пошел посмотреть на гулянье. А вчера – барабан – это черные шли по Av. Mozart: черные в белых одеждах. Постучал Оболенский. Ну скоро и ушел. Рассказывал, что Шульгин ухитрился побывать в России, пишет книгу сейчас, пишет о «кипучей деятельности» и упоре *против* всяких восстаний. (Все это против Н<иколая> Н<иколаевича> <Н.Н. Романов, вел. кн.> и Струве).

«Восставить надоело, надо жизнь устраивать».

Был Сувчинский и С<вятополк>-Мирский. Разговаривали о «Верстах». И тот, и другой зайдут еще. В<ера> А<лександровна> <Сувчинская> скоро уезжает – туда, где Цветаева, так я понял. Св<ятополк>-Мир<ский> скажет адрес Harrison. Завязывается какая-то дружба. «Воля России» с «Верстами». Свидания назначаются. Действует Лебедев. Приехал Слоним. Не пойму я, в чем дело. Д<олжно> б<ыть> это Лебедев и др<угие> против «Совр<еменных> Зап<исок>». Очень Св<ятополк-> М<ирский> огорчен статьей. Это Резникова о Андрее Белом. Но сами виноваты. Нельзя было так подпускать Эфрона. Теперь и стыдно, что наляпали. Приходили они около 10-и. На воле шум и ракеты. «Танцуют». Не люблю «праздники».

АР

№ 24

15. 7. 26

Paris

№ 109

Деточка, это письмо придет к тебе вечером 16-го, в канун твоего рожденья. Хотя ты это и не любишь, все-таки, поздравляю, ничего не поделаешь, все мы по естественным законам на свет родились. (К чему эта фраза, я и сам хорошенько не знаю).

К твоему рожденью тебе, деточка, удача – получил свой перевод пьес (из Варшавы присланы, помнишь, такой приходил, на соломинку похож, с розовым носом!).

Завалили меня корректурой (горе, что пропуски есть и надо переписывать!). Заходил Лоллий: отправил Н<ину> Г<ригорьевну> на месяц.

Сегодня был душнейший день – 25° R. Собиралась гроза. А сейчас прохладно. Тебе письмо от Лисевны. Не пересылаю.

Все мне хочется для тебя чего-нибудь сделать, к твоему приезду. Я буду караулить.

Слава Богу, пришли эти праздники. Это то нутро – те кишки жизни – от которых я ушел – это физиология.

AP

№ 25

Не отошло

Поздно очень проснулся. В 1 ч<ас> придет Dixon полки кончать.

№ 25

16. 7. 26

Paris

№ 110

Деточка, красные чернила высыхают, писать трудно. Был Диксон, принес розы, два пакетика сушек и черный хлеб, я попробовал, не знаю, очень солода много. А доски забыл. Нарочно ездил за ними. Выкрасил я их. И поставил книги, надо сделать шторы и тогда будет хорошо.

Заходил Архангельский, он живет на Rue de la Tour. Померла его жена и он здесь с дочерью. От Гали <Г.В. Ремизова> есть письма, а от Иды <И.Ф. Ремизова-Рюккерт> нет, но она все такая же. Потом Киреев приехал. Это все на одну минуту. И Лоллий. «Выспался, говорит, за много месяцев». Оставил адрес Нины Григорьевны. Очень болит голова. Сижу с повязкой. Это от корректуры. Кончил только сегодня.

17. 7. 26 / 4. 7.

3 ч<аса> дня только-только что успел все сделать – и цветы, и йогурт, и цвет<ная> капуста, и розовое варенье – это тебе на твоё рождение.

П О З Д Р А В Л Я Ю.

АР

№ 1

2 на 3. 10. 26

№ 111

Деточка, подвел часы – теперь 12-ь – (а спать хочется, будто час!). Меблированные часы спешат на 2 часа. Привыкнув в этот час слышать определенный шелковый звук, ясно чувствую, что ты в Chartres. Подставил самовар, пью чай и со мной сидит Feuermännchen. Несколько раз, когда я переписывал «Тябня», он падал и засыпал. Только всего сегодня я и сделал, что переписал. (Хочется спать). Это вокзал. Всегда устаешь. Вышел я благополучно, никто меня билета не спрашивал. И к моему счастью сейчас же (без перехода) мэтро № 5. Дома я был ½ 2-го. Все подготовил для консьержки, но она не пришла. И писем не было. Около 5-и был звонок, я думал: опять почтальон. Нет, это из Берлина молодой писатель Herbert Schlüter (от R. Kayser'a): его роман начнется печататься в N<eue> Rundschau. Просил назначить вечером. Тоненький, говорит похоже на Klaus Mann'a, но не развязный (он знает и K<laus'a> Mann'a и Süßkind'a). Говорит, что все они (молодые) – их “Großuater” – Герман Бар (венский писатель), а не Tomas Mann, ни Гауптман, ни Kellermann'a). Видно, начитанный, как Süßkind. Я говорил и по-франц<узски> (представь себе, мне стало легче говорить) и по-немецки (меньше). После него сел переписывать. Сначала было очень холодно. Я закрыл ставни. Да, ветер сюда. И вот только что кончил. (В 9-ь кто-то ломился; только недавно я посмотрел: записка – Яшка <Я.С. Шрейбер>. Представь себе, если бы я отворил: «Как проводили лето?»). Когда затворял шторы, посмотрел в окно: небо без звезд с заревом от фонарей и так почувствовал, как это жутко, как еще не хочется (а ведь должно быть такое состояние, чтобы быть готову), как не хочется отрываться и лететь в это и в этом небе. Если в жизни человек не умел сам-за-себя самостоятельно жить, какая жуть очутиться одному.

Яшкину записку я к тебе вклею – за неимением других писем.

АР

Как-то тебе там: сейчас – самый холодный час.

№ 2

3. 10. 26

№ 112

Деточка,

Видел страшный сон: я сижу, как сидел вечер и вдруг погасло электричество. Я вышел в прихожую, чтобы зажечь, шупаю по стене, а выключатель спустился совсем к полу. Трогаю его и чувствую: он расцепился, я стал на колени и все хочу соединить половинки. И чувствую, как в темноте меня прикрывают и за руки держат и ноги тянут, и понял, что это злая сила. И говорю, выдираясь от них, «разве вы злые?» Но они ничего не отвечают, а тянут.

Но я чувствую, что мой голос их обессиливает. Всякий раз они отскакивают.

И я проснулся с чувством: ничего не поделать – соединить половинки мешают и, стало быть, зажечь электричество нельзя. Было 3 часа ночи. Я закрыл дверь: я заметил, что страшные сны мне снятся, когда в ту комнату открыта дверь.

Потом видел тебя, будто летишь на кровати. Но ничего особенно.

Проснулся около 10-и. Консьержка уехала, как всегда в воскресенье. И я внизу взял газеты (Дни сохраняю) и письмо от вонючего мальчишки-предателя. (Может быть, что-нибудь и выйдет, это я про деньги).

Пришел с баранками. Я позарился: купил 12-ь à 50 cu (6 frs.) и подосадовал: баранки другие, сладковатые, сдобные и совсем «не баранки».

Варю рисовую кашу.

½ 6-го кто-то ломился. Я подсчитал «Тябня» – 16000 букв – 300 frs. или около.

1927

3. 9. – 13. 9.

Vichy

Brides-les-bains

1 апреля 1927

113

Когда ты, деточка, уйдешь так, рассердившись на свою няньку и повариху, я совсем беззручусь: разве можно так – и причин не нахожу для такого.

Как же я тебя мог отпугнуть? Ты это на няньку-то и повариху такое.

Это неверно:
нянька-то другой раз с поварихой
сидят на кухне и не знают,
что и придумать: какой же там
отпуг может в голову прийти?
Пишет это письмо
Анисья и Аграфена.

Виши (Vichy)

№ 1
3. 9. 27
суббота
114

Ну что же, деточка, все сделал: расписку вклеил; писем никаких не дал; о своем участии в журналах объяснил. Мне кажется, все вышло вразумительно. (На меня произвел он другое впечатление: вчера он безусловно охмелел после того невиннейшего вина, как пьяница).

Поручение исполнил (хочет тебе сам подробно написать). Через 10 дней в сверст<анном> виде 2 экз<емпляра> со старой корректуры, посвящение сделают на отдел<ьной> стр<анице>, а книга выйдет в 1/2 октября, кобяковскую карточку – в каталог. Напоил его чаем и там подскрёбки были варенья (оставалось) и оставшиеся петровские баранки. Завтра принесут свежих. (Все-таки петровские, а лучше, чем хлеб).

Писем не было. День прошел сонно. Принимался спать: такая усталость, д<олжно> б<ыть> оттого еще, что после 10 дней глухоты, слышу.

Писал письма: ответил Лукашу (ну, и дурак!) – это заняло очень много времени, п<отому> ч<то> дурак. Но одного не мог объяснить ему: «В<звихренная> Русь» – фальшивое заглавие: «взвихрять» выдуманный глагол». Я мог только ответить, что все русские понимают. И целый ряд мест в его рецензии зачеркнул красн<ым> карандашом, как фактическую неправду. Я еще никогда в жизни такой глупости не читал, Унковский – (кажется) мастером.

Еще написал Шляпе <В.В. Диксон>, Мирке <М. Претнар> и Шестову (надо было о его статье в “Individualität’e”).

Г<ригорий> Н<иколаевич> <Товстолес> принес «Новый корабль». Я его тебе в понедельник пошлю.

С Н<аташей> я условился: пускай зайдет в субботу. А с Г<ригорием> Н<иколаевичем> – он оставил мне свой адрес: 3, Place de Passy.

Еще только 11 ч<асов>, а думаю лечь: все равно заниматься не могу от усталости. Как-то ты доехала? Как устроилась?

Адрес Шестова на случай. Leon Chéstov, Villa Florence, Châtelguyon (Puy-de-Dôme).

AP

Хорошо, что ты взяла платок: мне очень сейчас холодно.

4. 9 (воскресенье)

10 ч<асов> у<тра>. Писем нет.

№ 2

4. 9. 27

воскресенье

Paris

№ 115

Сегодня, деточка, такой грустный день – весь день с полдня дождь: сначала тихий, а вот сейчас – к полночи – совсем громко. Писем не было. И никто не звонил. И я просидел весь день. Прибрался – я заметил с приборки у меня всегда начинается жизнь; это не человеческое и не демонское, а настоящее звериное или птичье. Все чищу. И чистя, представь себе, в твоём бисерном кошельке на пианино лежит вместе с Залшупинским и старым – 20 франков (2 бумажки по 10 frs.). находка! Собрал газеты, отложенные для тебя, я из них вырежу – Алданова, Зайцева и тебе пошлю. Представляю, какая скука. Вот и дома сегодня грустный день, а, сидя в Lisbonne'e, совсем тяжко. А сегодня только еще второй день.

Смотрел I т<ом> материалов Nagios Nikolaos. Горе мое: все по-гречески, кое-что по латыни, и очень мало по-немецки. Если бы был здесь Перемиловский. Все думаю, кого бы попросить разобрать. Это «для очищения совести» надо прочитать. Часть материалов есть по-русски в Трудах Киев<ской> Дух<овной> Акад<емии>. М<о-жет> б<ыть>, достанет Ковалевский, который у нас был. Надо его попросить.

Прибираясь, думал о одном рассказе-чуде (о мальчике Basilio). С него и начну. Еще надо придумать, кого попросить или самому сделать: надо вкратце рассказать биобиблиографию, это для французского каталога, как пример, Бердяевск<ое> описание (Ты получила от Г<ригория> Н<иколаевича>).

Замечай, деточка, сны. Воскресенье не в счет. С понедельника. А старую муку я решил выбросить: раскрыл, а она полна жуков. Выставил пока на кухню, а завтра в пакет и выброшу.

Мысль идет этажами, и в первом этаже о деньгах.

Дождик сон нагоняет. Лягу я опять рано. Потерпи уж, деточка, не ешь много тяжелых, как сливы.

АР

5. 9. 27

понедельник

Сейчас получил твое письмо (от 3. 9.)
(Видел во сне Аронсбергов – вот видишь, это к Bride-les-bains!).
Открытка от Познеров. Их адрес: Mr. Pozner, Villa la Plage, Ste. Maxime s/m. (Var).

Адрес “Les cahiers du Sud”
Monsieur Gabriel d’Aubarède
Ridacteur en chef
10. Quai du Canal Marseilles

Не лучше ли сделать так: я напишу письмо (*мне его надо по-французски*).

Обращаюсь к Вам Cher Monsieur с покорнейшей просьбой, сделайте распоряжение о высылке гонорара за напечатанные рассказы Le Cot calamiteux (Le cahier du Sud) Juliet 1924 № 92) переводчице R. Larina и 1 экз<емпляр> № 92.

<2 сл. нрзб.>

А. Ремизов.

№ 3

5. 9. 27

понедельник

№ 116

Очень я, деточка, взволновался, получив твое письмо. Все себе представил. И потом, как в 6-ть вставать и ехать и там опять доктор и встречи, и бабища. И самое тяжелое – д<олжно> б<ыть> голоданье (когда ни читать, ни писать, а только мориться). Жду, что напишешь.

Весы – в первую голову. (Надо здесь купить здесь; плохо я верю, чтобы те весы берлинские переехали к нам!). Из «Москвы» все нет расчета. А вот бы деньги пригодились. Олины деньги все тебе по всем правам. (Я бы только немного налог отделил).

Взбаламученный письмом очень рассеянно занимался «Чудом с мальчиком Василием». Вечером открытка от Перцова. Пишу, что в четверг в 9 ч<асов> или в 8. Живет он в St. Germain-en-Laye. Это дальше Courbevoie, где С<вятополк>-Мирский.

Утром приходил прачешник.

Кроме Аронсбергов (это к Brides-les-Bains) видел Пуни, который повторял: «веки-веки!» – и рукой так к глазам, а глаза закрыты. (Не случилось ли чего с ним?)

Чувствую, пальто тебе, наверно, надо послать. Какой холод (осенний) в поздний час, а там еще холодней – горы!

Что бы такое на счет денег устроить?

Жду, жду твоего письма. Тогда и газеты и книгу (Нов<ый> Кораб<ль>) пошлю. А то мне все кажется, когда подымается лифт, что это ты – вернулась.

Сегодня поздно сижу.

АР

6. 9. 27

вторник

Только от Лукаша письмо, что он исправил свою статью по моим замечаниям.

Список литературы

1. Алексей Ремизов. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1926 / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 54–87.
2. Гергилов Р.Е. Первые годы Ф.А. Степуна в эмиграции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8. № 2. С. 215–230.
3. Избранные места из переписки Ю.Н. Рериха и В.А. Перцова / вступ. ст. О.А. Лавренова // Культура и время. 2011. № 1. С. 57–77.
4. Иоанн (Шаховской), архиеп. Биография юности: Установление единства. Париж: YMCA-PRESS, [1977]. 420 с.
5. Кельнер В.Е., Познер В. Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции (Из архива Соломона Познера) // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. Vol. I. № 1. СПб., 1994. С. 269–313.
6. Куприяновский П.В. «Отглядываюсь на прошлое...»: журнал «Северный Вестник» 1890-х годов и его литературная позиция / предисл. Н. Молчанова. Воронеж, 2009. 200 с.
7. На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1985. IV. P. 149–190.
8. Обатнина Е.Р. Вариации памяти (творческая история «Кукки» и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове) // Ремизов А.М. Кукка. Розановы письма / изд. подгот. Е.Р. Обатнина. СПб.: Наука, 2011. С. 231–319. (Лит. памятники)
9. Обатнина Е.Р. Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая: «Эстето-разложенец» // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 8–53.
10. Обатнина Е.Р. Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: “La vie”, или жизнь «чудесным образом». Париж, 1924–1925 // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 8–44.

11. Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым (окончание) / подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 2. С. 136–185.

12. Письма А.М. Ремизова к В.В. Перемилловскому / вступ. ст. и коммент. А.М. Грачевой; подгот. текстов Т.С. Царьковой // Русская литература. 1990. № 2. С. 197–235.

13. Письма А.М. Ремизова к П.Е. Щеголеву. Ч. 1: Вологда. (1902–1903) / публ. А.М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 121–177.

14. Письма А.М. Ремизова к П.Е. Щеголеву. Ч. 2: Одесса. Херсон. Одесса. Киев (1903–1904) / публ. А.М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 153–205.

15. Письма И.С. Шмелева доктору С.М. Серову — прототипу врача в романе «Иностранец» / предисл., сост. и подгот. текста Н.П. Белевцевой // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2010. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. С. 385–476.

16. *Погасий А.К.* «Тибетское евангелие» — историко-культурный памятник тибетского буддизма или все же подделка конца XIX века? // Религиоведение. 2017. № 1. С. 117–125.

17. *Поляков Ф.* Автобиографические письма Николая Зарецкого // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2018. Vol. 6. S. 236–265.

18. *Пришвин М.М.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982–1986.

19. *Пришвина В.Д.* Путь к слову. М.: Молодая гвардия, 1984. 262 с.

20. *Раевская-Хьюз О.П.* Никола Угодник в творчестве А.М. Ремизова // Русская литература. 2007. № 4. С. 61–69.

21. *Резникова Н.А.* Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове / подгот. текста, сопров. ст. А.М. Грачевой. СПб.: Пушкинский Дом, 2012. 271 с.

22. *Ремизов А.М.* «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. / вступ. заметка и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 7. С. 46–81.

23. *Ремизов А.М.* «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание) / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 8. С. 8–67.

24. *Ремизов А.М.* «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1923 г. / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2019. № 11. С. 36–91.

25. *Ремизов А.М.* «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1924 / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 45–108.

26. *Ремизов А.М.* «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1925 / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 42–114.

27. *Ремизов А.М.* Собр. соч. М.; СПб.: Русская книга; Росток, 2000–2003, 2015–.

28. Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке, 1920–1980. Сводный указатель статей. Paris: Institut d'études Slaves, 1988. 347 с.

29. «...с Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополк-Мирского к Ремизову (1922–1929) / публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. V. Париж: Athenaeum; СПб.: Феникс, 2003. С. 335–401.

30. *Соколов-Ремизов С.Н.* Из семейного архива // Алексей Ремизов: Исследования и материалы: Сб. науч. ст. / отв. ред. А.М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно: Пушкинский Дом; Europa Orientalis, 2003. С. 373–405. (Collana di Europa Orientalis; Вып. 4).
31. *Сомов К.* Дневник: 1926–1927 / предисл., подгот. текста, коммент., сост. приложения П.С. Голубева. М.: Дмитрий Сечин, 2019. 744 с.
32. *Спроге Л.* Гонение на ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ: А.М. Ремизов в русских изданиях Риги (1922–1922) // Slavica — 2015: filoloģijas pētījumi. Zinātnisku materiālu un rakstu krājums. Rīga: Latvijas Universitātes Akadēmiskais apgāds, 2015. С. 49–61. (Rusistica Latviensis 5).
33. *Фатеев В.А.* В.В. Розанов. Жизнь. Творчество, Личность. Л.: Худож. лит., 1991. 365 с.
34. *Флейшман Л.* В тисках провокации: Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 328 с.
35. *Цветаева М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6: Письма / вступ. ст. А. Саакянц; сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. 800 с.
36. *Чемакин А.* П.Б. Струве и В.В. Шульгин: история взаимоотношений и сотрудничества // Тетради по русскому консерватизму. 2017. № 4. С. 186–196
37. *Шкловский В.* Жили-были: Воспоминания, мемуарные записи, повести о времени: с конца XIX в. по 1962 г. М.: Сов. писатель, 1964. 482 с.
38. *Smith G.S.* The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. Birmingham, 1995. 238 p. (Birmingham Slavonic Monographs. No. 26)

Статья поступила в редакцию: 21.01.2020

Одобрена после рецензирования: 19.03.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Scientific Publication of Archival Materials

Alexey Remizov

**“At the Evening Dawn”. A Chapter from the Manuscript;
Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1926–1927**

Commentaries by Elena R. Obatnina.

Text prepared by Elena R. Obatnina and Anna S. Uryupina.

Abstract: The authors continue to introduce into scientific circulation chapters from A.M. Remizov's manuscript “At the Evening Dawn”, which form a series of publications devoted to the émigré period of the writer's life and work. The main part contains Remizov's letters to S.P. Remizova-Dovgello for 1926–1927, which in 1945–1948 were edited by the author and included in the planned book. The Appendix contains original letters of the same period. Such a juxtaposition of a particular chapter with its primary sources opens up the prospect of exploring motivations that guided the writer in creating autobiographical works in the late 1940s and early 1950s. The corps of epistolary documents for 1926–1927 contains information related to Remizov's position in the literary environment of Parisian emigration, his friendly and professional contacts and also reveals unknown facts of the creative and publishing history of his works. The publication is accompanied by detailed comments based on previously unknown archival materials which supplement the history of the Russian Diaspora. Historical and literary surveys of the authors made it possible to introduce significant refinements into the biographical data, and into the chronology of the writer's life and work as a whole.

Keywords: Russia Abroad; literary critique, Alexey Remizov; Serafima Remizova-Dovgello.

Information about the authors: Elena R. Obatnina, DSc in Philology, Leading Research Associate, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Embankment, 4, 199034 St. Petersburg, Russia. E-mail: lena.eo@mail.ru.

Anna S. Uryupina, PhD in Philology, curator, Vladimir Dahl State Museum for the History of Russian Literature (State Literary Museum), Trubnikovskiy Alley, 17, 121069 Moscow, Russia. E-mail: urana1409@gmail.com.

For citation: Remizov Alexey. “At the Evening Dawn”. A Chapter from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1926–1927”, comm. by E.R. Obatnina, text prep. by E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 40–108. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-40-108>

Acknowledgements: The publication was financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no 18-012-00035.

Reference

1. “Alekssei Remizov. ‘Na večernei zare’. Glava iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1926 [“Alexey Remizov. ‘At the Evening Dawn’. A Chapter from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1926”], comm. by E.R. Obatnina, text prep. by E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 54–87. (In Russ.)
2. Gergilov, R.E. “Pervye gody F.A. Stepuna v emigratsii” [F.A. Stepun’s First Years Abroad]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 8, no. 2, 2007, pp. 215–230. (In Russ.)
3. “Izbrannye mesta iz perepiski Iu.N. Rerikha i V.A. Pertsova” [“Selected Passages from the Correspondence Between Yu.N. Roerich and V.A. Pertsov”], introd. by O.A. Lavrenov. *Kul'tura i vremia*, no. 1, 2011, pp. 57–77. (In Russ.)
4. Ioann (Shakhovskoi), archbishop. *Biografiia iunosti: Ustanovlenie edinstva* [Biography of Youth: Establishing Unity]. Paris, YMCA-PRESS, [1977]. 420 p. (In Russ.)
5. Kel'ner, V.E., Pozner, V. “Komitet pomoshchi russkim pisateliam i uchenym vo Frantsii (Iz arkhiva Solomona Poznera)” [“Committee for Assistance to Russian Writers and Scientists in France (From Solomon Posner Papers)”]. *Russian Studies. Ezhekvartal'nik russkoi filologii i kul'tury*, vol. I, no. 1, 1994, pp. 269–313. (In Russ.)
6. Kupriianovskii, P.V. “Ogliadyvaius' na proshloe...”: zhurnal “Severnii Vestnik” 1890-kh godov i ego literaturnaia pozitsiia [“Looking Back at the Past...”: the magazine “Severnii Vestnik” in the 1890s and Its Literary Position], introd. by N. Molchanov. Voronezh, 2009. 200 p. (In Russ.)
7. “Na večernei zare: Perepiska A. Remizova s S. Remizovoi-Dovgello” [“At the Evening Dawn: Correspondence Between A. Remizov and S. Remizova-Dovgello”], text prep. and comm. by A. d’Amelia. *Europa Orientalis*, IV, 1985, pp. 149–190. (In Russ.)
8. Obatnina, E.R. “Variatsii pamiati (tvorcheskaiia istoriia ‘Kukkhii’ i drugihk memuarnykh svidetel'stv Remizova o Rozanove)” [“Variations of Memory (Creative History of ‘Kukkhia’ and Other Remizov’s Memorial Records About Rozanov)”]. *Remizov A.M. Kukkhia. Rozanovy pis'ma* [Kukha. Rozanov’s Letters], prep. by E.R. Obatnina. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 231–319. (In Russ.)
9. Obatnina, E.R. “Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: 1926–1927 gg. Chast' pervaiia: ‘Esteto-razlozhenets’.” [“Studies on A.M. Remizov’s Creative Biography: 1926–1927. Part 1. ‘Aesthete-Degenerate’.”]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 8–53. (In Russ.)
10. Obatnina, E.R. “Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: ‘La vie’, ili zhizn' ‘chudesnym obrazom’. Parizh, 1924–1925” [“Studies on Alexey Remizov’s Creative Biography: ‘La vie’, or Living ‘Miraculously’. Paris, 1924–1925”]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (14), 2019, pp. 8–44. (In Russ.)
11. “Perepiska L.I. Shestova s A.M. Remizovym” (okonchanie) [“Correspondence Between L.I. Shestov and A.M. Remizov” (conclusion)], text prep. and notes by I.F. Danilova and A.A. Danilevsky. *Russkaia literatura*, no. 2, 1994, pp. 136–185. (In Russ.)
12. “Pis'ma A.M. Remizova k V.V. Peremilovskomu” [“A.M. Remizov’s Letters to V.V. Peremilovskiy”], introd. and comm. by A.M. Gracheva, text prep. by T.S. Tsarkova. *Russkaia literatura*, no. 2, 1990, pp. 197–235. (In Russ.)
13. “Pis'ma A.M. Remizova k P.E. Shchegolevu. Ch. I: Vologda. (1902–1903)” [“A.M. Remizov’s Letters to P.E. Shchegolev. Part 1: Vologda (1902–1903)”], publ. by A.M. Gracheva. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1995 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1995]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999, pp. 121–177. (In Russ.)

14. “Pis'ma A.M. Remizova k P.E. Shchegolevu. Ch. 2: Odessa. Kherson. Odessa. Kiev (1903–1904)” [“A.M. Remizov’s Letters to P.E. Shchegolev. Part 2: Odessa. Kherson. Odess. Kiev (1903–1904)”], publ. by A.M. Gracheva. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1997 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1997]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002, pp. 153–205. (In Russ.)

15. “Pis'ma I.S. Shmeleva doktoru S.M. Serovu — prototipu vracha v romane ‘Inostranets’.” [“I.S. Shmelev’s Letters to Doctor S.M. Serov, the Prototype of the Doctor in the novel ‘The Foreigner’.”], introd., comp. and text prep. by N.P. Belevtseva. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna. 2010* [Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Annual. 2010]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna Publ., 2010, pp. 385–476. (In Russ.)

16. Pogasii, A.K. “‘Tibetskoe evangelie’ — istoriko-kul'turnyi pamiatnik tibetskogo buddizma ili vse zhe poddelka kontsa XIX veka?” [“‘Tibetan Gospel’ — a Historical and Cultural Monument of Tibetan Buddhism or a Forgery of the Late 19th Century?”]. *Religiovedenie*, no. 1, 2017, pp. 117–125. (In Russ.)

17. Poliakov, F. “Avtobiograficheskie pis'ma Nikolaia Zaretskogo” [“Autobiographic Letters of Nikolay Zaretsky”]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, Vol. 6, 2018, S. 236–265. (In Russ.)

18. Prishvin, M.M. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1982–1986. (In Russ.)

19. Prishvina, V.D. *Put' k slovu* [The Path to the Word]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1984. 262 p. (In Russ.)

20. Raevskaia-Kh'iuz, O.P. “Nikola Ugodnik v tvorchestve A.M. Remizova” [“Nikolaos the Wonderworker in A.M. Remizov’s Works”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2007, pp. 61–69. (In Russ.)

21. Reznikova, N.A. *Ognennaia pamiat': Vospominaniia ob Aleksee Remizove* [Fiery Memory: Memoirs of Alexei Remizov], text prep., accomp. art. by A.M. Gracheva. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2012. 271 p. (In Russ.)

22. Remizov, A.M. “‘Na vechernei zare’. Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1921–1922 gg.” [“‘At the Evening Dawn’. Chapters from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1921–1922”], introd. and comm. by E.R. Obatnina, text prep. by E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, no. 7, 2018, pp. 46–81. (In Russ.)

23. Remizov, A.M. “‘Na vechernei zare’. Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1921–1922 gg.” (okonchanie) [“‘At the Evening Dawn’. Chapters from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1921–1922” (conclusion)], comm. by E.R. Obatnina, text prep. by E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, no. 8, 2018, pp. 8–67. (In Russ.)

24. Remizov, A.M. “‘Na vechernei zare’. Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1923 g.” [“‘At the Evening Dawn’. Chapters from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1923”], comm. by E.R. Obatnina, text prep. by E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, no. 11, 2019, pp. 36–91. (In Russ.)

25. Remizov, A.M. “‘Na vechernei zare’. Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1924” [“‘At the Evening Dawn’. Chapters from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1924”], comm. by E.R. Obatnina, text prep. by E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (14), 2019, pp. 45–108. (In Russ.)

26. Remizov, A.M. “‘Na vechernei zare’. Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1925” [“‘At the Evening Dawn’. Chapters from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1925”], comm. by E.R. Obatnina, text prep. by E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (15), 2020, pp. 42–114. (In Russ.)

27. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow, St. Petersburg, Russkaia kniga Publ., Rostok Publ., 2000–2003, 2015–. (In Russ.)
28. *Russkaia emigratsiia. Zhurnaly i sborniki na russkom iazyke, 1920–1980. Svodnyi ukazatel' statei* [The Russian Emigration. Journals and Miscellanea, 1920–1980. General Index of Articles]. Paris, Institut d'études Slaves, 1988. 347 p. (In Russ.)
29. "...s Vami beda — ne perevesti": Pis'ma D.P. Sviatopolk-Mirskogo k Remizovu (1922–1929)" ["...You Are the Awkward One — Untranslatable": D.P. Sviatopolk-Mirski's Letters to A.M. Remizov (1922–1929)"], publ. by R. Hughes. *Diaspora: Novye materialy* [Diaspora. New Materials], issue 5. Paris, St. Petersburg, Athenaeum Publ., Feniks Publ., 2003, pp. 335–401. (In Russ.)
30. Sokolov-Remizov, S.N. "Iz semeinogo arkhiva" ["From the Family Archive"]. *Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy: Sbornik nauchnykh statei* [Alexei Remizov: Studies and Materials: A Collection of Essays], ex. ed. A.M. Gracheva and A. d'Amelia. St. Petersburg, Salerno, Pushkinskii Dom Publ., Europa Orientalis Publ., 2003, pp. 373–405. (In Russ.)
31. Somov, K. *Dnevnik: 1926–1927* [Diary: 1926–1927], introd., text prep., comm., appendix by P.S. Golubev. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2019. 744 p. (In Russ.)
32. Sproge, L. "Gonienie na OBEZVELVOLPAL: A.M. Remizov v russkikh izdaniiax Rigi (1922–1922)" ["The Persecution of the Obezvelvolpal: A.M. Remizov in the Russian Print of Riga (1922–1922)"]. *Slavica — 2015: filologijas pētījumi. Zinātnisku materiālu un rakstu krājums*. Rīga, Latvijas Universitātes Akadēmiskais apgāds, 2015, pp. 49–61. (In Russ.)
33. Fateev, V.A. *V.V. Rozanov. Zhizn'. Tvorchestvo, Lichnost'* [V.V. Rozanov. Life. Works. Personality]. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1991. 365 p. (In Russ.)
34. Fleishman, L. *V tiskakh provokatsii: Operatsiia "Trest" i russkaia zarubezhnaia pechat'* [In the Grip of Provocation: Operation "Trest" and Russian Émigré Press]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 328 p. (In Russ.)
35. Tsvetaeva, M. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.], vol. 6: Pis'ma [Letters], introd. by A. Saakiant, comp., text prep. and comm. by L. Mnukhin. Moscow, Ellis Lak Publ., 1995. 800 p. (In Russ.)
36. Chemakin, A. "P.B. Struve i V.V. Shul'gin: istoriia vzaimootnoshenii i sotrudnichestva" ["P.B. Struve and V.V. Shulgin: the History of Relationships and Cooperation"]. *Tetradī po russkomu konservatizmu*, no. 4, 2017, pp. 186–196. (In Russ.)
37. Shklovskii, V. *Zhili-byli: Vospominaniia, memuarnye zapisi, povesti o vremeni: s kontsa XIX v. po 1962 g.* [Once Upon a Time: Memoirs, Memorial Records, Stories About the Epoch: From the Late 19th century to 1962]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1964. 482 p. (In Russ.)
38. Smith, G.S. *The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931*. Birmingham, 1995. 238 p. (Birmingham Slavonic Monographs. No. 26) (In English)

The article was submitted: 21.01.2020

Approved after reviewing: 19.03.2020

Date of publication: 25.12.2020

ВОКРУГ БЛОКА

Литературный факт.
2020. № 4 (18)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (18), 2020

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-109-151>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Мошенником меня еще никто не считал...»: письма С.М. Алянского к Л.Д. Блок (1922–1924)

© 2020, С.В. Федотова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье на основе публикации писем С.М. Алянского к Л.Д. Блок (1922, 1924 гг.) реконструируется история отношений между владельцем «Алконоста» и вдовой поэта, передавшей Алянскому исключительные права на все произведения А.А. Блока. Выясняются детали и обстоятельства деловых переговоров Алянского с представителями берлинского издательства «Слово», выпустившего в 1922 г. блоковское собрание сочинений (три тома стихотворений и «Театр»), а также финансовые условия издания десяти томного собрания сочинений Блока под маркой «Алконоста» в издательстве «Эпоха» (Берлин, 1923). Основным предметом рассмотрения является неизвестный в блоковедении факт — обвинение Алянского в мошенничестве со стороны Л.Д. Блок. Публикуемые архивные материалы не только проливают свет на этот инцидент, но и выступают доказательством несостоятельности инсинуаций, выдвинутых в адрес владельца «Алконоста», издательская и гонорарная политика которого отличалась профессиональной предприимчивостью и высокими — «рыцарскими» — моральными качествами.

Ключевые слова: А.А. Блок; Л.Д. Блок; С.М. Алянский; издательства «Алконост», «Слово», «Эпоха»; собрание сочинений; авторское право; гонорарная политика.

Информация об авторе: Светлана Владимировна Федотова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: 0000-0002-9991-4966. E-mail: lucia-th@yandex.ru.

Для цитирования: Федотова С.В. «Мошенником меня еще никто не считал...»: письма С.М. Алянского к Л.Д. Блок (1922–1924) // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 109–151. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-109-151>

Статья подготовлена в рамках научного проекта «Финансирование советской культуры (1917–1941)», выполняемого по гранту РФФИ № 18-52-15031 НЦНИ_a.

История небольшого частного издательства «Алконост» и личность его владельца, Самуила Мироновича Алянского (1891–1974), давно привлекает внимание исследователей. Успешность издательства, нацеленного на объединение символистов, на книжном рынке в первые годы советской власти удивительна. Оно просуществовало всего пять лет (1918–1923), но это не такой уж малый срок по меркам того бурного времени. Программа «Алконоста» была ориентирована на традиции символистского книгоиздания (см.: [30; 32]), однако возникло оно не то что бы случайно (для символистки мыслящих людей ничего случайного не бывает), но неожиданно для всех и прежде всего — для его основателя.

В мемуарах С.М. Алянского [2] история возникновения «Алконоста» и роль Александра Блока в судьбе издательства и самого издателя описаны ярко и живо, но с отдельными неточностями¹ и умолчаниями. Перед исследователями, обращающимися к этим воспоминаниям, часто встает проблема реконструкции деталей, опущенных — то ли из исключительной скромности автора (см. об этом: [9]), то ли из осторожности, обусловленной временем и местом издания книги². И все-таки, думается, характер мемуаров полностью соответствует их названию — «Встречи с Александром Блоком». Блок все время остается в фокусе внимания повествователя, вся история их дружбы дается сквозь призму почтительности и благоговейной любви. Многие факты отступают на задний план или вовсе не упоминаются именно ввиду установки мемуариста, стремившегося умалиться перед памятью Блока, а не выпячивать ту роль, которую ему довелось сыграть в последние годы жизни поэта.

Эту скромность и тактичность автора воспоминаний отмечали очень многие. «Он никогда не любил как-нибудь “представляться”, не мнил себя благодетелем поэтов», — заметил К. Федин в предисловии к книге [2, с. 3]. В этих словах приоткрывается тема взаимодействия издателя с авторами — не только с Блоком, но и с другими участниками «Алконоста» и «Записок мечтателей», которым Алянский в самые тяжелые послереволюционные годы исправно платил гонорары. В этом, пожалуй, и состояла парадоксальность сложившейся ситуа-

¹ О содержащихся неточностях Алянского, например, о расхождении в датировке первых переговоров молодого издателя с Вяч. Ивановым и Андреем Белым в воспоминаниях, с одной стороны, и в данных каталога издательства — с другой, см.: [17, с. 15].

² По мнению М.Л. Спивак, многие важные детали в истории «Алконоста» были «утаены» Алянским из тактической «осторожности» (см. разветвленную аргументацию этого тезиса в главе «Андрей Белый в издательском проекте “Алконост”» в: [31, с. 123–227]).

ции — совершенно безденежный молодой издатель каким-то образом умудрялся строго выдерживать линию материальной поддержки своих авторов. Как ему это удавалось? Из мемуаров можно извлечь кое-какие сведения на этот счет, но лишь самого общего характера. Гораздо большей информативностью обладает переписка Алянского с писателями, основной массив которой уже введен в научный оборот (см., например: [4; 27]). В настоящей работе публикуются неизвестные письма Алянского к Л.Д. Блок, которые проливают свет не только на личностные и профессиональные качества владельца «Алконоста», но и на финансовые условия издания двух блоковских собраний сочинений в берлинских издательствах «Слово» (1922) и «Эпоха» (1923–1924).

Начнем с хорошо известного описания первого посещения Алянским Блока, которое состоялось 14 июня 1918 г. Уже здесь отчетливо просматриваются черты характера повествователя: его трепетное отношение к поэзии Блока, душевная импульсивность и своего рода «прожекторство». Цель визита была вполне прагматичной — получить книги поэта³, которые можно было бы продать в книжной лавке на Колокольной улице. Это предприятие было организовано Алянским и его приятелем Василием Васильевым при поддержке известного в Петербурге собирателя-библиофила Левкия Ивановича Жевержеева, у которого они, еще гимназистами, работали над составлением карточного каталога его коллекции. Как следует из воспоминаний Алянского, во время увлекательного разговора с Блоком он «неожиданно выпалил свое сожаление, что группа символистов распалась»: «... я безудержно понесся развивать свою идею-импровизацию, над которой, признаюсь, до того и не думал. Продолжая фантазировать, я заговорил о том, что символистам хорошо бы объединиться вокруг своего журнала, организовать свое издательство». Однако подчеркиваемая автором спонтанность фантастической идеи создания символистского издательства тут же переходит в конструктивно-деловой регистр. «Мои практические предложения вызвали в Блоке еще большее удивление и интерес; он задавал мне все новые и новые вопросы, желая поглубже проникнуть в мой замысел, добраться до его корней. Я говорил долго, говорил горячо, будто делился своими заветными мыслями с Васильевым» [2, с. 33–34].

³ В записной книжке Блока в этот день отмечено: «Пришел молодой человек и купил моих книг — 20 за 200 рублей (Алянский)» [11, с. 412].

Неожиданно высказанная идея, таким образом, вдохновила самого Алянского. При этом он сразу же начал креативно генерировать «практические предложения», демонстрируя такие важные в деловой сфере личностные качества, которые сегодня назвали бы *soft skills*. Блок же увидел в них признаки «человека деятельного, “американца”», почему и писал Белому: «Думаю, у нас с ним выйдут дела» (письмо от 5 сентября 1918 г.) [3, с. 517]. Далеко не случайно поэт поверил в потенциальную успешность проекта и по существу санкционировал «запуск» издательской деятельности Алянского, предложив ему напечатать отдельной книгой «Соловьиный сад».

Нельзя не обратить внимания и на рассуждения Алянского, получившего в руки несколько листочков блоковской поэмы. «Смущенный, взволнованный и тронутый расположением Блока, я отправился домой. По дороге я вспомнил все резонные соображения Васильева о предстоящих трудностях. Но могу ли я обмануть доверие Блока? Нет, я твердо решил, что эту книжечку обязательно издам. Как это будет сделано, я еще не знал. <...> Меня мучил один вопрос: где я могу прочесть или у кого узнать, как издаются книги?» [2, с. 43]. Опять перед нами — характерная для Алянского решительность приступить к делу, механизмы реализации которого ему неизвестны. Именно эта черта — отчаянная смелость и готовность научиться всему необходимому, чтобы осуществить задуманное (каких бы усилий это не потребовало) — и в дальнейшем будет определять деловой стиль владельца «Алконоста». Сам он называл ее «склонностью к авантюризму» [2, с. 62], в высшей степени ему свойственной. Однако «авантюризм» Алянского по типу далек от авантюризма, скажем, Остапа Бендера, *идейного борца за денежные знаки*. Энергичная предприимчивость молодого книгоиздателя была направлена не на личное обогащение, а на воплощение в жизнь издательских проектов, т. е. на добывание бумаги и средств для финансирования типографских работ, а также выплаты гонораров авторам. Заметим в скобках, что целеустремленность и волевой напор Алянского в достижении поставленных задач проявляются и в других ситуациях, напрямую не связанных с издательской деятельностью. Так, рассказывая о посещении Политехнического музея, где должен был выступать Маяковский, мемуарист мимоходом замечает: «Мне захотелось во что бы то ни стало попасть на эту встречу с поэтом. Это было трудно, но я все же попал» [2, с. 104]. Слегка изменив это высказывание, можно сформулировать жизненную установку Алянского: *трудно, но делаю*.

Все названные качества проявились уже в первом, довольно рискованном проекте — издании «Соловьиного сада». Поскольку у новоиспеченного издателя не было никаких капиталов (ни в начале пути, ни впоследствии, когда он имел авторитетное имя в советском книгоиздательском деле), поэма Блока издавалась в кредит. Работник типографии, к которому Алянский обратился по совету Васильева, подсчитал, сколько надо денег, и назвал приличную сумму, которой у Алянского, разумеется, не было. Типографщик предложил кредит на две недели, отсрочку оплаты бумаги и типографских расходов, а также дал своеобразный наказ: «Сумеете за этот срок обернуться, продать книги — тогда начинайте» [2, с. 44–45]. Алянский «обернулся». Через несколько дней (11 июля)⁴ он принес Блоку корректуру, типографские украшения, шрифт для набора поэмы, показал марку издательства, и поэт все это одобрил. А через две недели, 6 / 19 июля 1918 г., три тысячи экземпляров поэмы «Соловьиный сад» были готовы⁵. Издатель и экспедитор в одном лице, нагрузив мешок книгами, на велосипеде развез их по книжным магазинам Литейного проспекта. 24 июля было продано уже 500 экземпляров (см.: [11, с. 418]), а еще через неделю Алянский расплатился с типографией. Чистая прибыль оказалась небольшой, но она была поделена поровну между издателем и автором [2, с. 45–46].

Судя по всему, своевременно погасить кредит Алянскому помог Л.И. Жевержеев, хотя в мемуарах об этом ничего не говорится. Библиофил и меценат, по-видимому, сразу поверил в успех будущего предприятия и предложил книгоиздателю-неофиту материальную помощь. По крайней мере первая корректура «Соловьиного сада» была подарена именно ему, с благодарственной надписью: «Дорогому Левкию Ивановичу Жевержееву — одному из главных виновников появления на свет Изд. “Алконост” — первая корректура первого издания. С. Алянский. 17 / XII. 1918 г.» (цит. по: [9, с. 17]).

С самого начала Блок поддерживал новоиспеченного издателя, помогал ему осваивать корректорские знаки, азы наборного и печатного дела; способствовал привлечению к изданию Андрея Белого и Вяч. Иванова; принимал участие в составлении издательских планов и совещаниях редакции, держал корректуру⁶. Но в целом

⁴ «Алянский у меня (корректура “Соловьиного сада”»)» [11, с. 416].

⁵ См. запись Блока от 19 июля: «Алянский (принес 50 экземпляров «Соловьиного сада»)» [11, с. 417].

⁶ См., например, чудом сохранившийся в архиве Алянского протокол заседания от 13 октября 1919 г. «По вопросам, поставленным А.М. Ремизовым и В.В. Бакрыловым в связи с выпуском изд-вом “Алконост” “Царя Максимилиана”»,

1

По вопросам, поставленным А. М. Ремизовым и В. В. Бахряновым в связи с выходом изданий «Алконост» "Царя Максимилиана", совещаемся: Александр Блок, Р. В. Иванов-Разумник и Конст. Эрберг и нашим члн:

- 1) работы В. В. Бахрянова и А. М. Ремизова представляются, каждая в отдельности, самостоятельную творческую ценность, с уклонением у первого в сторону научную и объективно-популярную, а у второго в художественную, свойственный тем
- 2) на типичном месте "Царя Максимилиана" в издании "Алконоста" следует печатать: "Царь Максимилиан. Театр. Александр Ремизов по слову В. В. Бахрянова".
- 3) Вследствие сделанного председателем изданий "Алконост" заявления о готовности со стороны изд-ва приобрести работы В. В. Бахрянова за особое вознаграждение независимо от авторского гонорара А. М. Ремизова, председателю ^{Ремизов} ^{Александр} детальное разрешение ^{Ремизов} ^{Александр} согласия В. В. Бахрянова с изд-вом, и тем самым гонорарный вопрос считать решенным.

12 октября 1919. Петербург.

А. Блок.
 Р. В. Иванов-Разумник
 Конст. Эрберг
 Секретарь А. Блок

Протокол совещания редакции издательства «Алконост». 13 окт. 1919. (РГАЛИ)
 Meeting protocol of the *Alkonost* editorial board. 13 October 1919. Russian State Archive of Arts and Literature (RGALI).

Алянский один выполнял всю издательскую работу: искал и находил авторов, художников-оформителей, договаривался о печатании рукописей с типографиями, вел учет, производил финансовые операции и т. п. По сути, все издания были осуществлены его героическими

подписанный А. Блоком, Р. В. Ивановым-Разумником, Конст. Эрбергом и секретарем С. М. Алянским [28, с. 850].

усилиями. Даже на фоне практики частных издательств того времени, в которых штат был сокращен до минимума (2–3 человека), предприятие Алянского выглядит как уникальный случай издательской инициативы, подогреваемой любовью к высокой литературе, и прежде всего, конечно, к творчеству Блока, а также «рыцарской» верностью поэту и членам его семьи.

За все время существования издательства Алянским было издано 58 книг и один табель-календарь, из них произведения А.А. Блока, идейного вдохновителя всего этого начинания, составили 23 книги, включавшие в себя почти все послереволюционные произведения поэта, в том числе и знаменитую поэму «Двенадцать» (четыре издания). Вместе с переводом его матери А.А. Кублицкой-Пиоттух «Легенды о прекрасном Пекопене и о прекрасной Больдур» В. Гюго и написанным его теткой М.А. Бекетовой биографическим очерком «Александр Блок», произведения А. Блока и его родных составили более 40% продукции издательства. Кроме того, «Алконостом» были изданы шесть книг Андрея Белого, шесть книг А. Ахматовой, четыре книги А.М. Ремизова, три книги Вяч. Иванова (включая «Переписку из двух углов», в соавторстве с М.О. Гершензоном), три книги К. Эрберга (К.А. Сюннерберга) и по одной книжке Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, Г.Ф. Кнорре, Иванова-Разумника, К.Ф. Майера и А.Д. Радловой, а также коллективный сборник «Серапионовы братья» (М. Зошенко, Л. Лунц, Всев. Иванов, М. Слонимский, Н. Никитин, Конст. Федин, В. Каверин) и альманах «Записки мечтателей» [17, с. 30].

Журнал-альманах «Записки мечтателей» — интереснейший издательский проект — выходил в 1919–1922 гг. (№№ 1–6) по инициативе Алянского и при ближайшем участии Андрея Белого⁷. Здесь увидели свет произведения Белого, Блока, Вяч. Иванова, А. Ремизова, Евг. Замятина, А. Ахматовой, В. Зоргенфрея, Ф. Сологуба, М. Гершензона, Ю. Верховского, Н. Павлович, М. Шагинян, Вл. Ходасевича. Последний номер «Записок мечтателей», полностью посвященный памяти покойного поэта, включал в себя «Воспоминания об Александре Блоке» Андрея Белого, «Александр Александрович Блок (По памяти за 15 лет, 1906–1921 годы)» В.А. Зоргенфрея и «Последние годы Блока» К. Чуковского.

⁷ В письме Белому от 19 февраля 1919 г. Алянский писал: «Это вполне естественно, что Вы будете доминировать в журнале, ибо другие сотрудники еще не заразились Вашим желанием писать. <...> Вам же я, Борис Николаевич, бесконечно благодарен. Вы открываете новую страницу в литературе, и я всеми силами буду помогать Вам эту страницу разворачивать» [4, с. 80]. О роли Белого в проектах Алянского см.: [13, с. 480]; детально рассмотрению этого вопроса посвящена отдельная глава диссертации М.Л. Спивак [31].

Издательская программа Алянского, изначально нацеленная на объединение писателей-символистов вокруг «Алконоста» и «Записок мечтателей» и ориентированная на продолжение символистских традиций, хорошо изучена (см.: [31; 33]). По мнению М.Л. Спивак, Алянский целенаправленно унаследовал программу дореволюционного издательства «Сирин». Из целого ряда аргументов, приводимых исследовательницей в подтверждение этого тезиса, остановимся только на двух, наиболее важных для понимания контекста публикуемых ниже писем. Первый касается гонорарной политики Алянского, второй — стратегии издания собраний сочинений поэтов-символистов, значимой как для владельца «Сирина», так и для владельца «Алконоста».

Действительно, хотя Алянский, в отличие от М.И. Терещенко, был беден, он также платил своим авторам хоть и скромные, но «живые» деньги, которые были «для голодающих писателей благом» [31, с. 139]. Уже в самом начале издательского проекта дело было поставлено в этом отношении строго. Алянский считал своим долгом не только соблюдать абсолютную точность в финансовых делах, но и решать их в пользу авторов, сотрудничавших с «Алконостом». Так, в письме Андрею Белому от 6 июля 1918 г. содержатся четкие инструкции и финансовые обязательства молодого издателя, выполнять которые ему помогал давний друг Г.Ф. Кнорре, проживавший в Москве:

Вы выдадите рукопись Вашей статьи из книги “Кризис сознания”, получив с него аванс в размере руб. 250–300. Дело в том, что в настоящую минуту, пока не приступлено к печати, невозможно определить стоимость всего издания, а таким образом, невозможно установить и 10% с номинальной цены всего издания — Ваш гонорар. Таким образом, цифра указанного аванса является произвольной. Но как только будет приступлено к печати, а приступить можно немедленно по получении рукописи, я немедленно пришлю Вам точный расчет Вашего гонорара [4, с. 69].

Г.Ф. Кнорре зафиксировал в дневнике свои размышления о взаимоотношениях московских авторов (А. Белого, Вяч. Иванова) и владельца «Алконоста», в домашнем обиходе — Мули. В записи от 9 ноября 1918 г. читаем:

Андрей Белый — витает в теориях, планах, увлекается строительством нового искусства в общегосударственном масштабе <...> вдруг — восплечет о бедственном своем положении, о жене, сидящей без денег в Швейцарии. Но ничего не просит.

Вячеслав Иванов — нигде не витает. Он — выматывает, обессиливает человека, если тот связан с ним денежными расчетами. Десять раз переспросит, не может ли тот его «выручить, так как совершенно неизвестно, как удастся обернуться в эту неделю». Но это, впрочем, только система, хоть и ужасная система. Он Мулей явно доволен за его аккуратные платежи.

Вот они ухватились за возможный удачный поворот в Мулиных делах. Выхлопываемый или увеличенный гонорар весьма щекочет. Впечатление все же такое, что Муля хлопочет, бьется, а они ждут только момента, когда же его можно будет, наконец, побольше высосать. Муленька хорохорится, но, как всегда, хлопочет о других много более чем о себе. Дай Бог успехов ему и — Алконосту [24, с. 670–676].

Однако эти — довольно нелицеприятные — характеристики поэтов-символистов не подтверждаются их перепиской с Алянским, где они ведут себя ровным счетом наоборот. Белый почти в каждом письме умоляет прислать денег, а Иванов обходит этот вопрос стороной, хотя при личных встречах, надо думать, вел себя иначе. По крайней мере, по ответам Алянского можно заключить, что, идя навстречу обоим авторам, он чаще оправдывался перед вторым. Так, в письме от 15 ноября 1918 г. он объясняет Иванову причину несвоевременной выплаты гонорара — задержку поступления субсидии от Комиссариата Народного просвещения и преодоление бесчисленных канцелярских формальностей, сопровождающих получение денег частным издателем. Приведем очень показательный фрагмент, подтверждающий слова Кнорре о том, что Алянский, который часто нуждался не меньше своих авторов, «хлопочет о других много более чем о себе»:

Пока же, чтобы окончательно не оставить Вас без денег, посылаю 300 руб. из моего жалования, полученного сегодня.

Из последней нашей беседы у меня создалось впечатление, что Вы не доверяете мне в денежном вопросе. Правда, Вы имели к тому основание: я второй раз оказываюсь неточным в платеже. К несчастью, не могу себя винить в этом. И если бы Вы знали, какими усилиями мне приходится устраивать денежные дела, Вы не винули бы меня.

Надеюсь в дальнейшем быть более точным, хотя, должен сказать, что по отношению к Вам был более исполнительным, чем к другим (А. Белому за «Кризис жизни» дал до сих пор только 300 руб.) [27, с. 101].

На следующий день Алянский пишет Белому в ответ на его мольбу прислать в счет гонорара от 300 до 500 руб.: «... спешу переслать Вам имеющиеся у меня уже несколько дней 500 руб<лей>, которые зачтите за что хотите» [4, с. 75]. Очевидно, что и эти деньги — из того же источника — из собственного жалования издателя: иных средств у него не было. «До сих пор еще не удалось продать Комисс<ариату> Народ<ного> Просв<ещения> 1500 экз<эмпляров> “Кризиса жизни”, — объясняет Алянский и тут же обнадеживает сильно нуждавшегося писателя, — как только удастся, немедленно вышлю Вам еще денег» [4, с. 75]. Из письма от 19 ноября 1918 г. тому же Белому, где Алянский упоминает о том, что за «Кризисы» «от Комиссариата денег еще не получил», а потому и выслать не может [4, с. 76], вытекает, что сам книгоиздатель предпочитал жить впроголодь, но во что бы то ни стало выплачивать авторские гонорары, хотя бы из личных средств и по частям. Позднее в автобиографии Алянский признается: «Работа в издательстве “Алконост” давала мне одно духовное удовлетворение, мне пришлось для заработка одновременно работать еще в двух издательствах: в Издательстве Театрального отдела Наркомпроса и в Издательстве Отдела изобразительных искусств того же Наркомпроса» (цит. по: [9, с. 45]).

Авторы «Алконоста» ценили не только деловые качества Алянского, но и его заботливое отношение к ним, искреннюю, неафишируемую готовность помочь. Но особенно глубоким доверием и любовью Алянский пользовался у Блока и его семьи. В мемуарах современников и самого издателя «Алконоста», а также в научной литературе неоднократно освещался феномен этой исключительной дружбы, согревшей последние годы жизни поэта. В письме к первому биографу Алянского С.В. Белову суть этих дружеских и творческих взаимоотношений очень точно охарактеризовал поздний К.И. Чуковский: «Мало я знал в своей жизни людей, способных так горячо ненавидеть всякое лицемерие, ханжество, всякую пошлость, безвкусицу, фальшь. Недаром к нему так прилепился душой непреклонно суровый Блок. Нужно было слышать, каким уважительным голосом произносил его имя великий поэт. “Самуил Миронович сказал”, “Я слышал от Самуила Мироновича”»⁸.

А.А. Кублицкая-Пиоттук в письме к М.А. Бекетовой от 19 мая 1920 г. по поводу поездки сына в Москву писала о том, что Алянский «буквально всю несносную часть хлопот взял на себя»

⁸ См.: [7, с. 718]. Отметим, что дата письма указана автором неверно — 13 апреля 1976 г. Чуковский умер в 1969 г. Вероятно, следует читать — 1966 или 1967 г.

Вз Провление 2-ого Телера М.О.К.О.
(С. Кезеловичу).
Прошу умяти доверенность, сит по доверенности от 10 мая с.г. Делка за 1 рубль и 1 рубль 10 копеек (всего - две тысячи рублей) - Сахару Мухомову Александру. А.А. Блок
2 июля 1921г.

Доверенность А.А. Блока на имя С.М. Алянского. 2 июля 1921. (РГАЛИ)

A.A. Blok's Letter of authorization given to S.M. Aliankii. 2 July 1921.

Russian State Archive of Arts and Literature (RGALI).

(см.: [13, с. 498]). По существу, это формула деятельной любви и заботы издателя о Блоке, которая проявлялась и на протяжении трехлетней дружбы, и в период предсмертной болезни поэта. В это тяжелое время Алянский помогал чем только мог: получал по доверенности гонорары Блока; навещал поэта и его жену ежедневно, а иногда и по два раза в день, бегал по аптекам, на собственные деньги добывал по баснословным ценам продукты, прописанные доктором Пекелисом — сахар, белую муку, рис, лимоны — которые почти невозможно было найти в Петрограде⁹. Л.Д. Блок допускала к больному только Алянского¹⁰. Ему же первому она позвонила, когда Блок скончался (см.: [2, с. 155]). Добавим к этому поразитель-

⁹ В мемуарах об этом говорится со свойственной автору скромностью: «4 и 5 августа я бегал в Губздравотдел. На рецепте получил резолюцию зам. зав. Губздравотделом, адресованную в Петрогубкоммуну. В субботу 6 августа заведующего не застал. Пошел на рынок и купил часть из того, что записал. Рецепт остался у меня» [2, с. 155].

¹⁰ О том, что Алянский был единственным человеком, не считая жены поэта, кого Блок хотел видеть в последние дни своей жизни, вспоминала и тетка поэта М.А. Бекетова: «Один С.М. Алянский имел счастливое свойство действовать на Ал[ександра] Ал[ександровича] успокоительно, и потому доктор позволял ему иногда навещать больного» [6, с. 296].

ное замечание Н. Павлович о том, что лицо покойного «приобрело странное сходство с лицом его друга и издателя С.М. Алянского» [26, с. 496]. Приводить еще какие-то факты, подтверждающие удивительную душевную близость Блока и Алянского, совершенно излишне — никто в ней не сомневается. Точно так же ни у кого не возникает сомнений в искренней благорасположенности к последнему жены и матери поэта, казалось бы, сохранившейся и после его смерти.

Однако это справедливо лишь по отношению к А.А. Кублицкой-Пиоттух. Она продолжала дружески общаться с Алянским до самой своей смерти в 1923 г., которая странным образом совпала с годом ликвидации «Алконоста». По свидетельству К.Г. Паустовского, Алянский взял на себя негласное обязательство материально помогать матери Блока и выполнил его честно (см.: [9, с. 52]). Можно предположить, что эта помощь оказывалась с душевным тактом и скромностью, под предлогом ее сотрудничества в «Алконосте» и «Записках мечтателей». Это следует из письма Кублицкой-Пиоттух к Алянскому, бережно хранимого последним и вывезенного из блокадного Ленинграда вместе с самыми дорогими реликвиями — книгами с инскриптами Блока, уникальными алкностовскими альбомами (см.: [8; 1; 20]), а также письмами Блока, Белого, Вяч. Иванова, Гершензона, Ремизова, Замятина¹¹. Остальной архив Алянского 1920–1930-х гг., по-видимому, безвозвратно утерян. Приведем это письмо, в котором упоминается биографический очерк о Блоке тетки поэта и корректура последнего номера «Записок мечтателей», включающего, как уже говорилось, «Воспоминания об Александре Блоке» Андрея Белого:

4 марта 1922 г.

Милый Самуил Миронович,

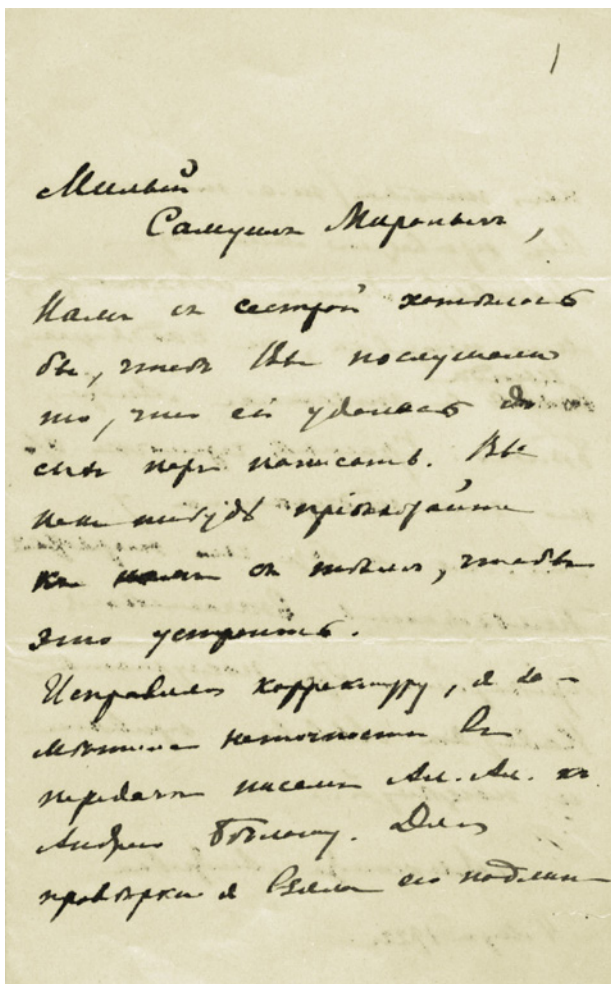
нам с сестрой хотелось бы, чтобы Вы послушали то, что ей удалось до сих пор написать. Вы как-нибудь приезжайте к нам с тем, чтобы это устроить.

Исправляя корректуру, я заметила неточности в передаче писем Ал<ександра> <Александровича> [к] Андрею Белому. Для проверки я взяла его недлинные письма (т.е. те, что Вы привезли мне из Москвы). Этим объясняются мои поправки, не сходящиеся [всегда] иногда с текстами Андрея Белого: красные черточки — это то, что подчеркнуто у Ал<ександра> Ал<ександровича> и без чего теряется рельефность впечатления.

¹¹ Указанные письма хранятся в личном фонде С.М. Алянского в РГАЛИ (Ф. 20).

Приезжайте же послушать.
Надежде Львовне¹² привет и поцелуй.

Александра Андреевна¹³.

Письмо А.А. Кублицкой-Пиотух С.М. Алянскому, 4 марта 1922. (РГАЛИ)
A.A. Kublijskaia-Piottukh to S.M. Alianskii.
4 March 1922. Russian State Archive of Arts and Literature (RGALI).

¹² Упоминается жена Алянского. Ср. записи Блока от 24 ноября 1920 г.: «Вечером — С.М. Алянский. Он женится. Мне грустно. Невеста его — Надежда Львовна Гинзбург» [11, с. 508]; и в дневнике от 4 января 1921 г.: «С.М. Алянский звонил: он обвенчался в синагоге; в синагоге, как следует, торжественно» [12, с. 390].

¹³ РГАЛИ. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 8.

Иначе сложились отношения Алянского с вдовой поэта и наследницей авторских прав, о чем известно не так много. Публикуемые письма могут заполнить эту лакуну: они содержат интереснейший материал, раскрывающий в деталях историю посмертных изданий собрания сочинений Блока в Берлине¹⁴.

Обратимся ко второму аргументу М.Л. Спивак, выдвинутому в доказательство преемственности стратегий владельца «Алконоста» по отношению к стратегии владельца «Сирина». Речь идет об общей нацеленности Терещенко и Алянского на издание полных собраний сочинений поэтов-символистов, при всех серьезных различиях в масштабах их предприятий — как по уровню финансирования, так и по доле участия на книгоиздательском рынке, радикально изменившемся в послереволюционное время. Утверждение исследовательницы о том, что «Алянский изначально мыслил многотомными собраниями сочинений» [31, с. 139–140], выглядит на первый взгляд несколько преувеличенным, но ведь и в самом деле владелец «Алконоста» имел прямое отношение к четырем проектам издания собраний сочинений Блока в советское время.

Первый из них — III том «Стихотворений», подготовленный Блоком для издательства «Земля» еще в августе 1918 г., но вышедший в свет через три недели после смерти поэта, в августе 1921 г. в «Алконосте». Не будем задерживаться на судьбе этой многострадальной книги, которая основательно изучена (см.: [19; 7]). Имеет смысл привести только фрагмент из мемуарных набросков Алянского о посещении заведующего Петроградским отделением Госиздата И.И. Ионова, самовольному решению которого издать набранный в «Земле» том противился Блок. В живо описанной мемуаристом сценке ярко проявляются те черты его личности, о которых говорилось выше — отчаянная смелость и решительность. Эти воспоминания важны еще и тем, что они проясняют характеристику мытарств с III томом как «трагикомической истории приключенческого жанра, где есть погоня с пистолетом, битым стеклом и прочими атрибутами», которая содержится в письме Алянского к Д.Е. Максимову от 23 апреля 1970 г.¹⁵:

¹⁴ Отметим, что эти письма упоминаются, но не приводятся в первопреходческой работе об Алянском: [34, с. 537].

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 1136. Ед. хр. 5.

Я очень хорошо помню этот мой визит к Ионову, который чуть не кончился для меня трагически.

Прочтя письмо Блока, Ионов сначала спокойно, а потом распалаясь все больше и больше, начал уже кричать на меня, что я восстанавливаю Блока против Госиздательства и его, что он сейчас арестует меня и, наконец, выхватив пистолет, закричал, что застрелит меня сейчас же, на месте.

От неожиданности, должно быть, я не успел испугаться Иопова, а очень рассердился, схватил огромную, хрустальную чернильницу с его стола и с силой бросил ее на большое стекло, лежавшее на его столе.

Грохот и осколки стекла с брызгами чернил и мой неистовый крик [о том, что он сошел с ума] сразу отрезвили Иопова. Он выронил пистолет и, как мешок с картофелем, рухнул на свое кресло и, с изумлением вытаращив на меня глаза, спросил: «Что вы разволновались?»¹⁶

В 1922 г. была предпринята первая попытка выпустить в издательстве «Алконост» собрание сочинений Александра Блока, работу над которым поэт начал еще в 1918 г.¹⁷ Однако вышли только две книги: пятое издание первого тома «Стихотворения, книга первая (1898–1904). Antelucem. Стихи о Прекрасной Даме. Распутья» («Алконост», Петербург, 1922) и «Стихотворения, книга вторая (1904–1908). Пузыри земли. Ночная Фиалка. Разные стихотворения. Город. Снежная Маска. Фаина. Вольные мысли» («Алконост», Петербург, 1922) (второй том являлся простой перепечаткой четвертого издания II книги «Стихотворений» («Земля», 1919)). Вместе с появившимся раньше третьим томом «Стихотворений» они составили «каноническую» трилогию лирики поэта, изданную Алянским. Очевидно, первый том был сдан в издательство довольно давно, но по разным причинам не мог сразу выйти в свет. По крайней мере, в письме Алянскому от 12 августа 1919 г. поэт интересовался: «Нет ли движения с I томом?»¹⁸.

¹⁶ Цит. по: [31, с. 143–144]. Ср. также дневниковую запись Андрея Белого от 18 августа 1921 г.: «Ионов, заведующий «Гос<ударственным> изд<ательством>» завез Блоку в ночь похорон огромный *куст роз* с трогательной надписью. Он был очень задет смертью Блока. Одно время в издательских делах по поводу «Алконоста» он его притеснял. Ионов ужасно любил поэзию Блока; но он — шалый». 20 августа Белый возвращается к этой теме: «Между прочим: Л.Д. говорила, что Ионов оскорблял Блока и что потом лишь изменил отношение к нему» [5, с. 801–802].

¹⁷ Работа над пятым изданием первого тома и — точнее — второго отмечена Блоком в августе и сентябре 1918 г., январе и июне 1919 г., апреле 1920 г. [11, с. 424, 426, 445, 462, 464, 490].

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 2 об.

12 VIII 1919.

Дорогой
Семён Михайлович.

На безмелесовых прики-
дате писат-о букв
отлажь: 1) Маховые
просить возбудител
руководит Лунагармо-
К. Фр. Мейер. 2) Намя
разговор и Третьяков,
о котором и говорил Вит,

(Я не возобновляю ее,
и Третьяков должен не
быть) конечно нет,
что Третьяков сказал: Я
предлагалась совсем
издать, или купит
у А. Фило книги
(на 10-15000); пусть
они сделают предложение
Медв издательству
Этап Бориса Нарошкин,

2

адреса которую и не
знаю, сообщит ему, что
Третьяков предлагает наше
куче плату и использов
тается (лет он вво-
рал: и не все не
кому не платит, лет тут
для друзей, а т.д., - предде-
на лет 10-15% за рец.)
Б. Мейер оне даёт платит,
и тут вату. Думая, что

Адреса которую, емко
М. Фил Б. Мейер сообщ
те себя, сколько спра-
шивать, и не могу
себя предложить.

Ваше А. А. Блок.

Мне ли об этом и Т. Мейер?
Я хочу оном предложить Вам
Фило и собственном предде-
вию, издательство для рец.
подписать. Это М. Фил
думаете?

Письмо А.А. Блока С.М. Алянскому. 12 авг. 1919. (РГАЛИ).

A.A. Blok to S.M. Alianskii. 12 August 1919. Russian State Archive of Arts and Literature (RGALI).

В послесловии «От издательства» сообщалось: «Собрание сочинений А. Блока выпускается нами по плану, выработанному им самим для предполагавшегося издания, которое не удалось осуществить при жизни поэта. Три тома стихотворений и том театра А.А. Блок подготовил к печати в окончательной форме. Для остальных томов им составлен план. Они заключают: том поэм, том переводов, том драматических переводов; несколько циклов статей займут пять томов»¹⁹.

План, которому следовали составители, вчерне был набросан Блоком 25 декабря 1917 г. Естественно, принципиально важные статьи поэта, написанные в 1918–1921 гг., в него войти не могли. Проблема преобразования плана прижизненного собрания сочинений в посмертное, более масштабное по охвату произведений, решалась Комитетом имени А.А. Блока, в который входили А.А. Кублицкая-Пиотух, Л.Д. Блок, Андрей Белый, Иванов-Разумник, П.Е. Щеголев, С.М. Алянский. Решающее слово в выборе материала принадлежало вдове поэта²⁰. В дневниковых записях Андрея Белого отмечен ряд встреч членов Комитета в течение первого месяца после кончины Блока. 1 сентября 1921 г. Белый записывает, что на заседании Комитета имени А.А. Блока «обсуждались вопросы, связанные со сборником, и план издания полного собрания сочинений...» [5, с. 811].

Незадолго до этого, 20 августа 1921 г., Л.Д. Блок отклонила предложение Госиздата выпустить собрание сочинений мужа, мотивируя свой отказ тем, что «собрание сочинений принадлежит “Алконосту”» [5, с. 802]. Тем не менее известно, что договор между Любовью Дмитриевной и Алянским на издание всех произведений Блока — «как на всем протяжении Р.С.Ф.С.Р. и союзных с нею и дружественных республик, так и за границей» — будет заключен только через год, в июле 1922 г.²¹. Вплоть до этого момента исключительное право «Алконоста» на издание полного собрания сочинений Блока, очевидно,

¹⁹ Подробнее о подготовке этого собрания сочинения Блока см.: [24, с. 532–534; 36].

²⁰ См. запись Белого от 20 августа 1921 г.: «Сегодня вечером были с Разумником Васильевичем у Л.Д. Блок, вызвавшей нас; ее сомнения заключаются в том, что учрежденный Комитет памяти Блока может измениться в своем составе и тогда он, владея материалом, неопубликованным, о Блоке, может вопреки желанию Л.Д. распоряжаться материалом, тем более, что Щеголев, великодушный исследователь, привыкший оперировать со всеми материалами и досконально докапываться до фактов биографии, может сообщить в биографии нечто преждевременное, касающееся других (например Л.Д.) и т. д. Обсуждали этот пункт и пришли к заключению, что Комитет должен утвердить компетенцию Л.Д. в вопросе о выборе материала» [5, с. 802].

²¹ Фрагментарное цитирование договора см. в: [9, с. 52; 15, с. 291]. Полный текст дается в *Приложении*.

основывалось на воле покойного поэта и устной договоренности, но не было официально оформлено. Этот нюанс сыграет свою роль при тяжбе Алянского с берлинским издательством «Слово», подробности которой излагаются в его письмах 1922 г. к Л.Д. Блок.

Сразу после смерти мужа Любовь Дмитриевна заключила договор с Ф. Россом, молодым и энергичным коммерческим директором «Слова», женатым на дочери одного из братьев Ульштейнов, владельцев крупнейшего берлинского печатно-издательского концерна. И.В. Гессен, содиректор издательства со стороны русских учредителей, вспоминал, что Росс впервые попал в Петербург за несколько дней до кончины Блока, присутствовал на его похоронах, а затем «приобрел от вдовы поэта авторские права на издание полного собрания его произведений» [16, с. 107–108]. Мемуарист не вполне точен. Хотя характер этого соглашения не вполне ясен, можно предположить, что «Слово» выкупило права на четырехтомник (три тома лирики и «Театр»), подготовленный самим Блоком при жизни. По крайней мере, в 1922 г. издательством был выпущен именно этот корпус сочинений, который по составу точно повторял предыдущие издания (четвертые издания I и II томов «Стихотворений» — 1918–1919 гг., третье издание III тома «Стихотворений» — 1921 г. и второе издание сборника «Театр» — 1918 г.) (см.: [25, с. 536]).

Весной 1922 г. Алянский получил заграничный паспорт²². В Берлине, переживавшем в это время книжный Ренессанс за счет притока русской эмигрантской печати, у него было как минимум два важных «дела». Первое — переговоры со «Словом», представителям которого он должен был передать письмо вдовы поэта. Очевидно, в нем сообщалось о том, что «право на издание всех без исключения сочинений» ее покойного мужа А.А. Блока, «как напечатанных до настоящего времени, так еще и не появившихся в печати», Л.Д. Блок переуступила «Алконосту». Помимо этого, как можно заключить из письма Алянского, он должен был от имени Л.Д. Блок предъявить финансовые претензии к издательству. Второе и важнейшее дело — подготовка издания десяти томного собрания сочинений, план которого был выработан Комитетом им. А.А. Блока, а также биографического очерка М.А. Бекетовой.

В публикуемых письмах Алянского подробнейшим образом излагаются детали многочасовых «разговоров со “Словом”», кото-

²² Ср. в воспоминаниях Н. Берберовой: «С мая 1922 года началась выдача в Москве заграничных паспортов — одно из последствий общей политики нэпа. И у нас в руках появились паспорта на выезд: номера 16 и 17. Любопытно бы знать, кто получил паспорт номер 1? Может быть, Эренбург? Может быть, Алянский?..» [10, с. 178].

рые продолжались несколько дней подряд. К моменту появления издателя в Берлине «Слово» уже выпустило лирическую трилогию. Более того, «I и II тт. почти разошлись, а III-го осталось немного, “Театр” скоро выходит в свет (уже отпечатан), и что замечательнее всего, что к концу августа они намерены выпустить новое издание первых трех томов», как сообщает ошеломленный этим известием Алянский. С самого начала владелец «Алконоста», правообладатель всех сочинений Блока, был настроен категорически против издательских действий и планов «Слова», имевшего право, как был уверен Алянский, только на разовое воспроизведение четырехтомника поэта на основе предварительного договора с Л.Д. Блок. «Если после этих переговоров я выйду победителем — это будет не зря, и им обойдется это не дешево, если же побежденным окажусь, то тем более их прижму», — решительно заявляет он своей корреспондентке. Победа в данном случае означала получение требуемой от «Слова» компенсации за нарушение авторских прав «Алконоста», а также принуждение «Слова» к полному отказу от переиздания сочинений Блока, несмотря на проделанную подготовительную работу. В случае поражения — невыполнения предъявленных требований — Алянский намеревался подать судебный иск, для чего просил Л.Д. Блок срочно прислать ему копию договора со «Словом», а также договор с «Алконостом», «который хорошо бы пометить числом более ранним, чем помечен договор со Словом (как он фактически и был заключен)».

В этом любопытном замечании заключается тот самый юридический казус, о котором говорилось выше. Столкнулись, с одной стороны, подписанный договор с Россом о передаче «Слову» авторских прав на четырехтомник Блока; с другой — устная договоренность вдовы с Алянским о том, что к нему бессрочно переходят исключительные права на все сочинения ее покойного мужа, юридически оформленная в виде договора только задним числом. Именно из-за этой тонкости дело Алянского в общем-то было проигрышным, тем более что он не владел юридической казуистикой («я не знаю, что такое опсионное право, мне казалось, что это преимущественное право»). По смыслу договора, заключенного с Л.Д. Блок, который расценивался представителями «Слова» как опционный, берлинское издательство имело «полное право печатать сколько угодно изданий, на прежних условиях и без дополнительного разрешения наследницы поэта». Тем не менее Алянский как официальный правопреемник всех сочинений Блока отчаянно отстаивал свою позицию и защищал интересы Любови Дмитриевны, проявляя при этом как чисто дело-

вую смекалку и предприимчивость, так и приемы эмоциональной атаки скандального типа. Впрочем, он готов был урегулировать проблему и «мирным путем», поделив авторские права поровну на все последующие издания: «Я разрешаю им напечатать 10 томов сочинений» Блока по 10.000 экз. каждого тома под маркой «Слово» в том виде, в каком его печатать собирался я, причем с этого же набора они печатают 5.000 экз. «эмпляров» для меня с маркой «Алконоста». Я везу свое издание в Россию и не продаю его за границей, а они наоборот. Они должны выплачивать 15% авторского гонорара Вам, а мне за переуступку заграничного издания они должны заплатить 10% с номинала в следующем виде: 4% наличными, а 6% работой и бумагой». Однако и этот вариант оказался неприемлемым: «Слово» соглашалось печатать собрание сочинений в течение 20 месяцев, в то время как издатель «Алконоста» был уверен в том, что даже в худшем случае, если ему «придется вертеться и крутиться, как приходилось до сих пор», он выпустит 10 томов «не больше как в 10–12 месяцев». В конце концов Алянский назвал представителей «Слова» «самыми предпоследними жуликами», договориться с которыми невозможно, поэтому он намеревался затеять судебное разбирательство, сообщая Л.Д. Блок о том, что ему «обещали дать такого большого юриста, от которого у них глаза на лоб выскочут и который поведет это дело не из материальных соображений, а исключительно принципиально». Дошло ли дело до суда, неизвестно. Однако буквально через несколько дней после последних прений со «Словом» Алянским была достигнута договоренность об издании десяти томного собрания сочинений в берлинском отделении издательства «Эпоха», которое возглавлялось давним почитателем Блока С.Г. Каплуном.

В последнем письме из Берлина от 2 сентября 1922 г. Алянский констатировал, что его поездка полностью оправдалась: ему удалось устроить собрание сочинений Блока, придумать оформление обложки и отпечатать биографию поэта. «Но вот уже месяц, — добавляет он, — как выпустил биографию и договорился о собрании сочинений». Сижу без дела, а между тем необходимо спешить, т. к. условия работы сильно ухудшаются». Жуткая инфляция, охватившая Германию в это время, сказалась на резком удорожании жизни в целом и книгопроизводства в частности. Но нетерпение издателя было связано еще и с общим невеселым настроением, одиночеством, тоской по жене, несвойственной ему бездеятельностью в незнакомой обстановке. В последних строках письма Алянский признается Л.Д. Блок: «Я не писал Вам, так как нытьем своим не хотел ронять себя в Ваших глазах. А то, глядишь, и доверие Ваше, которое мне очень ценно, потеряю».

Однако отношения между вдовой поэта и его издателем все же претерпели радикальные изменения, хотя и не сразу, а через два года. Об этом свидетельствует исполненное драматизма письмо, датированное 22 июня 1924 г., отправленное по городской почте. Обращает на себя внимание, что, сохраняя верность символистской традиции, Алянский по-прежнему называет город Петербургом, а не Ленинградом. Но не это самое удивительное в публикуемом ниже большом письме, скорее всего последнем, подводящем непредвиденные итоги дружески-доверительным отношениям с женой Блока, верность которому Алянский сохранял до конца жизни. И даже не знаковые различия в эпистолярных формулах приветствия и прощания: в корреспонденции из Берлина были неизменными обращение («Дорогая Любовь Дмитриевна») и подпись («Преданный Вам С. Алянский»), а здесь адресат приобретает официально-прохладный статус «многоуважаемой», а адресант становится «уважающим Вас». Письмо поражает прежде всего совершенно новым тоном — тоном человека, оскорбленного в своих лучших чувствах:

Я никогда не представлял себе, что разговор, происходивший между нами, возможен между знакомыми людьми, тем более не представлял такого разговора с Вами в силу сложившихся за 6 лет отношений, носивших характер несколько отличный от обычного знакомства. На своем, хотя и не очень большом веку, мне приходилось встречаться и иметь дело со многими людьми. С некоторыми из них мне приходилось ссориться (но не на денежной почве), и таких чудовищных обвинений, которые пришлось услышать от Вас, мне до сих пор слышать не приходилось. Мошенником меня еще никто не считал, и как с таковым никто не говорил.

Содержание письма исключительно важно для реконструкции тех обстоятельств, при которых десяти томное собрание сочинений Блока было запланировано и выпущено в «Эпохе» (в неполном объеме: в 1923–1924 гг. вышло в свет семь томов). Почему так и не появились VI, VIII и X тома, до сих пор оставалось не вполне ясным. Обычно называют объективные причины незавершенности издания — ужесточение цензурной политики и запрет ввоза русских книг, напечатанных в эмиграции; они способствовали разорению большинства берлинских книгоиздателей, ориентированных в своей работе на возможный книжный рынок в России, в частности С.Г. Каплуна (см.: [14, с. 56–59]). Письмо же раскрывает еще один аспект, не менее важный — субъективный, связанный с конфликтом Л.Д. Блок

и Алянского из-за тех обвинений, которые *Прекрасная Дама* выдвинула против издателя. Правда, к тому времени частные издательства были уже ликвидированы, часть тиража собрания сочинений Блока в связи с закрытием «Алконоста» была напечатана под маркой «Эпохи», а сам Алянский перешел работать в издательство «Книга».

По-видимому, невыплаты гонорара именно за эту часть — по независящим от Алянского причинам — и стали поводом для инсинуаций вдовы поэта. Несправедливые обвинения не только повергли Алянского в состояние искреннего негодования, но и подтолкнули его к подробному ретроспективному изложению деловых отношений с Л.Д. Блок. Автор письма утверждает, что Любови Дмитриевне «по совести» были известны условия, на которых был заключен договор с «Эпохой». А именно: значительная часть авторского гонорара за издание «Эпохи» должна была пойти на покрытие расходов по печатанию книг с маркой «Алконоста», которые предназначались для реализации в России, «с тем, чтобы эта часть гонорара за изд<ание> Эпохи будет Вам выплачена уже мною от реализации в России из Алконост». Более того, защищаясь от незаслуженного оскорбления, Алянский, вопреки своему обыкновению, вынужден артикулировать свой кодекс чести издателя, за который его высоко ценили все издаваемые им авторы:

Вы знали также, что за уступку части авторских прав другому изд<ательст>ву я противно издательским обычаям не взял в свою пользу ни одной копейки. Этим я не хочу сказать, что принес какие-то жертвы. Я продолжаю считать, как и раньше считал, такое мое поведение в порядке вещей и вполне естественным, несмотря на сложившиеся у издателей обычаи. Я говорю сейчас об этом для того, чтобы подтвердить, что считал и считаю себя защитником максимальных авторских прав и гонораров.

Равным образом Л.Д. Блок не могла не знать о том, что книги из Берлина поступали в Россию с большим трудом, и, конечно, не по вине Алянского. Для него подозрения в мошенничестве были тяжелым ударом не только с профессиональной точки зрения; он был оскорблен как человек, по праву считавший себя верным другом Блока и его семейного окружения. О глубоком потрясении Алянского свидетельствует его намерение призвать Л.Д. Блок на «суд чести» в Союзе Писателей, если дело не удастся уладить миром. Какая горькая ирония: *рыцарь* Блока и его *Прекрасная Дама* на «суде чести». Но, по-видимому, до этого дело не дошло.

Как следует из письма, растерявшийся от потрясения Алянский опрометчиво пообещал Л.Д. Блок погасить долг в течение двух недель. Нельзя не отметить уже знакомую нам спонтанность поведения издателя, идущую рука об руку с вполне рациональными решениями. Показательно в этом отношении признание: «... у меня явилось роковое желание покончить сразу с денежными расчетами, и тогда уже наговорить Вам горьких слов. Желание вполне естественное, и если бы мне удалось его выполнить, я считал бы себя счастливым». Однако все попытки выполнить обещание оказались безуспешными (он хотел продать свое имущество и даже занять деньги под ростовщический процент). Тогда Алянский предложил не менее самоотверженное, но деловое решение проблемы: выплачивать наследнице блоковских сочинений в совокупности 65% от суммы, причитающейся ему от «Книги» за проданные в предыдущем месяце экземпляры до тех пор, пока не будет покрыт долг за издание «Эпохи». «После чего Вы будете получать только 33 1/3% до продажи последнего тома сочинений» Блока (т. е. 6, 8 и 10-ый), имеющих выйти через три месяца со дня представления рукописей». Условием получения уже вышедших томов Алянский называет отправление рукописи 8 тома в Берлин до 1 июля 1924 г. Поскольку не появились именно перечисленные тома, очевидно, что это условие Л.Д. Блок не выполнила.

Однако предложение Алянского она приняла. Об этом свидетельствуют справки и письма из «Международной книги», сохранившиеся в блоковском архиве. Так, например, в справке от 15 декабря 1924 г., помимо расчетов (до копейки) о продаже книг Блока, сообщается: «По просьбе С.М. Алянского Вам посылается все 10% причитающихся Алконосту сумм на I/XII»²³.

Надо сказать, что берлинское собрание сочинений Блока подверглось основательной критике. Так, Вл. Орлов, не называя фамилий, но явно целя в Алянского, довольно жестко подчеркивал несерьезность и торопливость издателей, «дилетантщину» плохо продуманного и еще хуже организованного издания, которое признавал «безусловно неудачей» [25, с. 505, 539–540]. В этом есть доля истины, но такая оценка не учитывает всех сложностей и обстоятельств проекта Алянского, которые раскрываются в публикуемых письмах. Вместе с тем Орлов отмечал, что, несмотря на все недочеты этого издания, оно сыграло «известную положительную роль в деле популяризации литературного наследия Блока». И вплоть до 1932 г., когда начался выпуск нового «Собрания сочинений Александра Блока», — неза-

²³ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. VIII. № 87. Л. 6.

вершенное издание «Алконоста» — «Эпохи» оставалось все же наиболее полным и наиболее распространенным. Именно по этому изданию широкие читательские круги знакомы с творчеством Блока [25, с. 542].

К этому следует добавить один важный факт: к упоминаемому собранию сочинений Блока в 12 томах, которое издавалось в «Издательстве писателей в Ленинграде» в 1932–1936 гг.²⁴, Алянский имел самое прямое отношение. На первом этапе подготовки и «запуска» издания он занимал должность заведующего этим кооперативным издательством, являвшимся одним из центров ленинградских писателей-попутчиков. Но в конце 1932 г., после ряда событий политического характера, ему было предложено уйти в отставку под классическим для того времени предлогом — во главе издательского аппарата «должен стоять партийный руководитель» [21, с. 476]²⁵. Таким образом, это был четвертый по счету проект издания собрания сочинений Блока, инициированный Алянским.

«Через всю сознательную жизнь я пронес дружбу Блока, как самый высокий и ценный подарок», — признавался Алянский через сорок лет после смерти поэта²⁶. В своих мемуарах — в память об этой высокой дружбе — он по-рыцарски не допустил ни малейшего намека на оскорбление, нанесенное ему Л.Д. Блок, не бросил и тончайшей тени на ее имя.

Публикуемые письма хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Ф. 654. Оп. VIII. № 39. Ответы Л.Д. Блок утрачены или до настоящего времени не обнаружены.

Мелкие, главным образом пунктуационные, погрешности вытекают без оговорок в соответствии с современными нормами.

²⁴ О подготовке этого издания см.: [23, с. 125–131].

²⁵ Из письма Лаврухина Алянскому от 25 июля 1932 г. Подробнее см.: [22].

²⁶ Из письма К.И. Чуковскому от 11 декабря 1960 г. Цит. по: [9, с. 41–42].

1.

Berlin 22 / VII. <19>22 г.

Дорогая Любовь Дмитриевна!

Только теперь пришел немного в себя и могу написать Вам. Начну с парохода. Поездка по морю была изумительная. Я так отдохнул за три дня жизни на пароходе, как не отдохнул бы нигде за целый месяц. Погода стояла на редкость удачная, и я не только не узнал морской болезни, но даже мечтал о небольшой качке (хотелось узнать, какая она). Загорел за эти три дня настолько, что на лбу сошла кожа. Кормили на пароходе отлично (хорошо и обильно). Соседи мои: по каюте — англичанин, по столу — с одной стороны итальянец, с другой — эстонец, а визави — немец. Несмотря на абсолютное незнание языков, кое-как объяснялись, а под конец и подружились. В Берлин приехал в воскресенье поздно вечером, около 12 ч. Остановился в гостинице на Mittelstr. угол Friedrichstr. (гостиница так себе, но жить можно, плачу 100 мар. в сутки). На следующее утро я ходил по городу, как ошалелый, ничего не понимал; ошеломляет движение и необычайная роскошь магазинных выставок. Довольно скоро нашел своего Голуба¹, который меня и по сей день просвещает. Первые дни, да и сейчас еще чувствую себя здесь не столько русским, сколько англичанином или американцем. Это надо объяснить. Дело в том, что англичане или американцы приезжают сюда со своей валютой: фунтами и долларами, и покупают на них в пять и десять раз больше того, чем на эти фунты и доллары могут купить в своей стране. Их называют иностранцами с высокой валютой. Им все кажется дешевым. Но что естественно для них, то диким кажется для нас. Оказалась и Россия — страна с высокой валютой, и по отношению к германской марке на рубль... тоже монета. Приведу несколько примеров: 1) на наши 1½ миллиона можно весь Берлин изъездить на таксомоторе, 2) чудные шевровые мужские ботинки стоят здесь 6–7 милл. 3) Лучшие дамские чулки (не шелковые) от 1 до 2 милл. 4) Книга, такая как «Записки Мечтателей» [№ 6], должна стоить здесь максимум 1 милл. Я со своими грошами (по-нашему) чувствую себя здесь богачом. Немцы соображают, как им проехать дешевле в другой конец города, по железной дороге стоит 3 марки, по трамваю 4 марки, на автобусе 5 марок, по Untergrund ban — 3 марки, а я, не долго рассуждая, подхожу к ряду таксомоторов, выбираю наилучший (да упаси Боже не электрический), называю ему улицу, дом, и он мчит как угорелый по немного сдавшим асфальтовым мостовым. Кроме быстроты и отсутствию сигарного дыма, который не выношу, есть еще одно существенное удобство, не нужно рас-

спрашивать словоохотливых немцев, как туда-то проехать или пройти. Я несколько раз пробовал прибегать к расспросам и всякий раз проклинал себя, т.к. те так охотно и так подробно рассказывают, причем говорят очень быстро (я, конечно, ничего не понимаю, мотаю головой и при первом перерыве вставляю «danke schön», но не тут-то было, они еще больше воодушевляются и лопочут такое, что отчаяние берет), а с таксами совсем другое — назвал адрес и через несколько минут достигаешь цели. Теперь я немного освоился с другими способами передвижения и в места знакомые езжу автобусами (очень быстро). Но все это было бы очень хорошо, если бы не было так тоскливо. Несмотря на большие знакомства мне так тяжело здесь одному, как не мог себе представить в Питере. Если Надежда Львовна² скоро сюда не приедет, боюсь не выдержу, брошу все и уеду обратно. А дела ведь складываются не блестяще, за исключением биографии³, которую набрали не больше не меньше как в три дня, и я думаю, удастся выпустить ее здесь числу к 1–5 августа, таким образом в Питер попадет только к 8–13 августа. Правда пришлось наречься, корректорша сидит в типографии чуть ли не круглые сутки, но зато и результаты видны, не обидно. Другое дело — разговоры со «Словом». Если после этих переговоров я выйду победителем — это будет не зря, и им обойдется это не дешево, если же побежденным окажусь, то тем более их прижму. Теперь должен рассказать о разговорах с ними подробнее. Явившись к ним пока намеренно без Вашего письма, я собирался узнать, как у них расходятся сочинения Блока (не хотел их сразу ошарашивать). Но почти с места в карьер они меня ошарашили. На мой вопрос они с гордостью заявили, что I и II т.т. почти разошлись, а III-го осталось немного, «Театр» скоро выходит в свет (уже отпечатан), и что замечательнее всего, что к концу августа они намерены выпустить новое издание первых трех томов. Я так и сел. Придя в себя (Вы должны понять мое волнение), я начал почти кричать. Немного они испугались сначала и стали успокаивать меня, что все можно уладить, и уверять, что нет такого положения, из которого нельзя было бы выйти, и предложили зайти с Вашим письмом на следующий день. Я аккуратно явился с Голубом и предложил на основании Вашего письма уничтожить сделанную работу по II-му изданию, пустить на макулатуру, т.к. во-первых, издание это в редакционном отношении устарело, а в технически-художественном отношении ниже всякой критики, заметив кроме того, что так с авторскими правами не поступают порядочные издатели. Волнение предыдущего дня еще не прошло и поэтому невольно передавалось на тон моих заявлений. Когда они немного пришли в себя, то

заявили мне, что по смыслу договора, заключенного с Вами, по которому им представляется какое-то опционное право⁴, они имеют полное право печатать сколько им угодно изданий, что же касается авторского гонорара, то в этом вопросе можно договориться. Обстановка создалась самая безотрадная. Мои собеседники Росс, который почти не принимает участия в переговорах, и Б.И. Элькин⁵, прис<язный> повер<енный>, который крутит, крутит и сбивает с толку. К его неудовольствию я довольно быстро пришел в себя, и тогда веселее стало. Он начал мне грозить, что судом не позволят мне печатать моего издания, которое может с их изданием конкурировать, ссылаясь на германский суд, но, к счастью, я не испугался и заявил, что без всякого суда взыщу с них все убытки, в том числе и судебные, если они его затеют, пользуясь тем, что Вами не закреплён размер авторского гонорара, а поэтому он может простираться до 90% с номинала. После этих взаимных угроз они предложили мне подумать, как они могут мне компенсировать и нельзя ли их издание усовершенствовать, т. е. нельзя ли поделить как-нибудь авторские права между Алконостом и «Словом», и что я за это хочу. Начинала создаваться приличная конъюнктура, благодаря которой помимо моего предложения определилась возможность приступить к печатанию собрания сочинений Блока в том виде, в котором в Питере установили. Я вместе с Голубом два дня и почти ночь ломали голову над тем, при каких условиях мы могли бы договориться. Было много гениальных и негениальных планов, о которых писать совсем невозможно, приеду расскажу лучше, и в результате решили вот на чем. Я разрешаю им напечатать 10 томов соч<инений> Блока по 10.000 экз<емпляров> каждого тома под маркой «Слово» в том виде, в каком его печатать собирался я, причем с этого же набора они печатают 5.000 экз<емпляров> для меня с маркой «Алконоста». Я везу свое издание в Россию и не продаю его за границей, а они наоборот. Они должны выплачивать 15% авторск<ого> гонорара Вам, а мне за переуступку заграничного издания они должны заплатить 10% с номинала в следующем виде: 4% наличными, а 6% работой и бумагой. Я предложил 6% работой, т. к. считал, что для них это выгодно, т. к. работа им стоит дешевле и бумага у них старых запасов, так что на этом они зарабатывают, и фактически эти 6% сведутся для них к 1–2%. Началось обсуждение, длившееся три дня по 4 часа каждый день. В результате моего предложения они сделали другое, которое сводится к следующему. Печатается X экземпляров соч<инений> Блока, из коих Y — с маркой «Алконост», а Z — с маркой «Слово». Каждый из нас — одинаковый владелец половины всех авторских прав и всех

последующих изданий. Вам выплачивается 15% авт<орского>гоно-рара. Мне же за то, что я им уступаю половину авторских прав, они дают кредит до выхода в свет издания, т. е. они печатают книги без аванса, но когда книги готовы, я обязан внести всю сумму. На мой вопрос, где же компенсация, он неуверенно стал объяснять мне, что кредит здесь в Германии не шутка и стоит больше денег. Кроме того они дают бесплатно весь свой технический аппарат. Первое обстоя-тельство для меня, конечно, облегчение, но далеко не такое, которое может реализоваться, ведь для того чтобы выкупить у них хотя бы I том, мне нужно внести им минимум 300.000 марок. При таких усло-виях зачем они нужны мне, я все равно должен искать денег, и в результате окажется, что для того чтобы получить у них готовую книгу в кредит, я им вынужден буду отдать вторую половину своих прав на соч<инения> Блока. Кроме этого они заявляют, что все изда-ние может быть осуществлено — при их-то аппарате и возможностях с готовой бумагой — не раньше как в 20 месяцев (двадцать месяцев). Я думаю, что в худшем случае, если мне придется вертеться и кру-титься, как приходилось до сих пор, я выпущу 10 томов не больше как в 10-12 месяцев.

Разговоры я еще не прервал, хочется убедиться окончательно в невыгоде их предложения и с чистой совестью идти дальше. Должен сказать только, что сил и нервов мне эти разговоры стоили больших, и если я с ними разойдусь, что вероятней всего, они запла-тят мне за это. Крупный разговор был еще относительно аванса за «Театр». Они ссылаются на то, что не имели случая Вам переслать деньги, т. к. Вы просили сделать это обязательно с оказией, а оказии у них не было, кроме того они считают, что должны Вам в качестве аванса всего-навсего 10.000 марок. И по этому вопросу скандалить пришлось, и в результате они согласились со мною. Об окончатель-ных результатах, как и об расчетах неправильных, сообщу Вам, как только все выяснится. Обидно, что не могу подробнее делиться с Вами всеми возникающими вопросами и не могу получать Вашей частой поддержки, без которой часто теряюсь. Не откажите написать мне Ваше мнение по поводу моих соображений и действий. По по-воду же просьбы для Блоковского музея — этот мерзавец (простите за выражение) вытаскил мне две газеты и «Двенадцать» в издании «Скифы», заявив, что это все что ему удалось собрать здесь. В то же время Ремизов по собств<енной> инициативе собрал обширный материал, который привезу или пришлю⁶.

Простите мне мою болтливость, вызвана она желанием как можно подробнее обо всем рассказать. Очень прошу Вас написать

мне по адресу: Berlin — Grunewald, Orberstr., 18, Herrn N. Golub для меня. Напишите, пожалуйста, как здоровье Александры Андреевны. Передайте ей и Марье Андреевне мой привет, горячую любовь и желание здоровья и благополучия. Если увидите Надежду Львовну, покажите ей это письмо, ей пишу только о тоске своей, а интересуют ее и дела мои. Уговорите ее приехать. А не то мне не высидеть здесь. Здесь нужна выдержка, а какая же выдержка, когда с тоски готов на стену лезть. Если же Н<адежда> Л<ьвовна> приедет, совсем другое дело будет. Постарайтесь уговорить. Крепко жму Вашу руку и жду Вашей поддержки.

Преданный Вам С. Алянский.

¹ О приятеле Алянского никакой информации найти не удалось.

² Речь идет о жене Алянского.

³ Имеется в виду издание: [6].

⁴ Поскольку «Слов» выкупило у Л.Д. Блок авторские права, очевидно, что в договоре был прописан срок реализации издательского проекта и определенные условия (качество издания и его единичность). Отсюда понятна реакция Алянского на сообщения о готовящемся втором издании, а также его упреки в том, что издание «Слова» «в редакционном отношении устарело, а в технически-художественном отношении ниже всякой критики», особенно его замечание — «так с авторскими правами не поступают порядочные издатели». Алянский неверно понимает смысл опционного права, смешивая его с преимущественным правом, вполне вероятно, по той причине, что после революции в России опционы были отменены, см.: [35].

⁵ Борис Исаакович Элькин (1887–1972), один из ближайших соратников И.В. Гессена, под руководством которого в 1910 г. начал карьеру адвоката; он же привлек Элькина к редакторской деятельности. Придерживаясь крайне правых взглядов, после революции уехал в Германию. По некоторым сведениям, именно он подал идею немецкой издательской фирме Ульштейна организовать нечто вроде русского филиала. Занимал достаточно видное место среди берлинской эмиграции (был членом правления Союза русской присяжной адвокатуры в Германии, работал в Комитете помощи русским ученым и писателям), подробнее см.: [29].

⁶ А.М. Ремизов, уехав из советской России, сразу же начал собирать материалы русской эмигрантской и иностранной печати — отклики на смерть Блока, воспоминания о нем, публикации его текстов. В течение двух лет (1921–1922 гг.) он составил четыре альбома газетных вырезок о поэте, общим объемом около 140 листов. Эти материалы были предназначены для создания мемориального музея Блока в Петрограде, который планировался Комитетом памяти Блока. О первом заседании Комитета 18 августа А. Белый сделал дневниковую запись: «Сегодня состоялось первое организ<ационное> собрание Комитета кружка имени Блока, могущего развернуться и в Музей имени Блока, и в Литер<атурное> о<бщест>во имени Блока. Присутствовали: Л.Д. Блок, А.А. Кублицкая-Пиотгух, П.Е. Щеголев, Р.В. Иванов, я, Алянский» [5, с. 800]. Алянскому Ремизов пересылал собранные материалы, а также рукопись своей статьи «Из огненной России. Памяти Блока» (1921, опублик. 1922). В письме к Алянскому, написанном 18 декабря 1921 г., но полученном адресатом только 26 января 1922 г., Ремизов сообщал: «Дорогой Самуил Миронович! Ваше письмо, как видите, дошло до меня с большим запозданием; рукопись мою — память о Блоке посылаю. <...> надо хорошо обдумать — это я о письмах Алек<андра> Алек<андровича>. Все, что попадет о А<лександре> А<лександровиче>, все собираю: прощу и парижан, и латвийцев <...> библиограф<ия> о Блоке понемногу будет печататься в бюллетенях дома Искус<ств>, из статей здесь написанных сделаю альбом и вам перешлю». 3 февраля 1922 г. Ремизов писал тому же адресату: «Понемногу собираю все, что о Блоке, уж ĩт<ом> есть и в переплете — как в драгоценных камнях. Это я все думаю, хорошо бы в музей — в комнату Блока» [18, с. 87].

2.

Berlin 29/ VII 22 года

Дорогая Любовь Дмитриевна!

Постепенно начинаю входить в норму. Последние дни проводил в типографии, где следил за работой над биографией. Я все-таки добился того, чтобы к 1-му августу иметь 500 экз<емпляров> готовыми, чем удивил даже немцев. Эти первые экземпляры пошло в Питер. По соображениям экономического свойства некоторое количество экземпляров пошло на имя Госиздата — Ионова для передачи Вам как авторский гонорар. Не откажите зайти к нему по получении этого письма и попросите его сообщить Вам о получении книг. Необходимые экземпляры возьмите себе, а остальное передайте нашей конторе (т. е. просто скажите, а Сережа их заберет). Такая спешка, конечно, не могла не отразиться на внешности книги, в особенности на обложке (ни один художник не успел сделать обложку, а приличных шрифтов в этих очень приличных типографиях никаких нет, поэтому пришлось делать наборную, да еще и неудачную). Впрочем, думаю, что может быть что-нибудь удастся сделать.

<А я придумал обложку для Собр<ания> Сочинений Блока. На белой обложке — автограф подписи Александра Александр. и больше ничего, то же можно на корешке. Напишите Ваш ответ. Никакой художник такой простоты не добьется>¹.

Цена книги здесь 180 марок. Нужно сказать, что это первая книга, которая выходит в Берлине по новым шрифтам после двухнедельной забастовки рабочих, которую еще застал.

Теперь о «Слове». Еще три раза, часа по три каждый раз беседовал с ними и удивился, что они самые предпоследние жулики. Вероятнее всего, что с ними никак не договорюсь, тем более что у них и средств нет поднять такое издание как — Блок, и поэтому они предлагают растянуть его на 20 месяцев. Кроме того Б.И. Элькин, которого хорошо знает Яков Максимов, в последней беседе со мною уверял меня, что по существу договора с Вами они имеют право печатать без Вашего разр<ешения> и на прежних условиях, и раз они уже предложили Вам 15%, то они их и заплатят Вам. На мой вопрос, в чем в сущности разница между тем, что если бы Вы продали им авторское право навсегда и на неогран<иченное> количество экземпляров, и тем договором, который заключен у Вас со Словом, он ответил, что разницы в сущности нет никакой. Тогда мне пришлось заявить, что в таком случае я утверждаю, что Росс ввел Блок в заблуждение, что свидет<ельскими> показаниями можно установить, и если договор действительно имеет такую силу (я не знаю, что такое опсионное право, мне казалось, что это преимущественное право), мне очень легко разрушить его по существу. На этом разговор наш кончился.

Я занялся выяснением Ваших с ними счетов. Оказалось, что копия расчета, который Вам выслан и в котором, по Вашим расчетам, разница на 17½ т. не в Вашу пользу, после первого визита моего, когда я его видел, видите ли, у них уже утерян, и они клянутся, что новый расчет, который они мне дали теперь, совсем верный и разница с первым расчетом всего на 300 с чем-то марок. Очень прошу Вас выслать мне с первой почтой копию того расчета², в котором допущены ошибки. Кроме того прошу выслать копию договора Вашего со Словом. Если затею дело, он необходим, а от них вряд ли его получу. Так же пришлите и договор с Алконостом, который хорошо бы пометить числом более ранним, чем помечен договор со Словом (как он фактически и был заключен). Вот, кажется, все документы, необходимые для иска. Должен сказать, что мне обещали дать такого большого юриста, от которого у них глаза на лоб выскачут и который поведет это дело не из материальных соображений, а исключительно принципиально. Т. к. «Театр» у них уже отпечатан, я вырвал у них 20.000 м. авансу (больше 10.000 не хотели давать). При первом случае деньги эти вышлю Вам.

Т. к. из-за этих переговоров со Словом ни с кем еще не говорил, потерял много времени. Сегодня видался с денежными людьми. Начинаю действовать в этом направлении. Но до Вашего письма не хочу предпринимать окончательных решений, хотя и не сомневаюсь, что Вы со мною согласитесь. Во всяком случае я сделал все, чтобы договориться. Теперь пусть пеняют на себя. Посторонний человек Н.С. Голуб возмущен не меньше меня, т. к. он присутствовал при всех моих с ними переговорах. Итак, жду Ваших сообщений. Мне известно, что Евг<ения> Фед<оровна?> задержалась с деньг<ами>. Если нету денег, займите. Пришлю книги, деньги будут.

Пришлите, пожалуйста, выверенный экземпляр тома статей. Нужно иметь его на случай, если будет какая-нибудь возможность. А эта возможность может встретиться ежедневно.

Привет и любовь Александре Андреевне и Марье Андреевне. Крепко жму Вашу руку. Преданный С. Алянский.

Если бы не тоска, которая гнетет, здесь можно очень много сделать. Жду не дождусь Надежду Львовну. Помогите ей, пожалуйста, уехать³.

Еще крепко жму Вашу руку. С.А.

¹ Приписка на полях по смыслу относится к этому месту.

² Здесь и далее подчеркнуто красным карандашом.

³ Приписка на полях.

3.

Berlin. 2 / IX 22 г.

Дорогая Любовь Дмитриевна!

Никак не могу понять, почему до сих пор не получаю рукописей (переписанных) тома статей. Не пропали ли они в пути? Если так, очень прошу выслать второй экземпляр, так как положение мое здесь сейчас самое глупое. Во-первых сижу без дела, а между тем сидеть собираюсь здесь еще недолго. Единственная работа, которую мне необходимо здесь проделать, это выпустить один том прозы, дабы выработать тип такого тома. Стихи пойдут в таком же виде, как в Питере. Зап<иски> Мечт<ателей> печатать здесь не буду по многим соображениям; расскажу по приезде.

Конечно, моя поездка оправдалась, т. е. мне удалось устроить Собр<ание> Сочин<инений> Блока и отпечатать биографию, но вот уже месяц, как выпустил биографию и договорился о собр<ании> соч<инений>. Сижу без дела, а между тем необходимо спешить, т. к. условия работы сильно ухудшаются. Работа и бумага растут в цене не по дням, а по часам; так, например: биография продавалась здесь месяц назад по 200 м., через две недели 400 м., а с 5 сент<ября> 500 или 600 м., причем если бы я захотел воспроизвести ее сейчас с такой же быстротой, она обошлась бы дороже 500–600. Объясняется это тем, что марка на моих глазах здесь упала с 350 м. за доллар до 2400 мар. за доллар. Все, конечно, страшно вздорожало, поэтому немного обидно, что Над<ежда> Львовна продала первые экз<емпляры> биографии несоответственно дешево, слишком они дорого стоили. Впрочем, при такой медленной почте очень трудно там следить за курсом марки здесь.

Настроение мое поправилось с тех пор, как узнал, что Н<адежда> Л<ьвовна> едет сюда, а то было решил ехать обратно. Глупо сидеть и ничего не делать; этим делом и в Питере могу заняться, начатые работы с Зап<исками> Мечт<ателей> пришлось прервать по независящим от меня причинам.

Ради Бога Любовь Дмитриевна, пришлите по возможности 2 экземпл<яра> рукописей и исправленные экземпл<яры> первых трех томов (стихотв<орений>).

Как здоровье Александры Андреевны и Марии Андреевны — мой привет им и пожелания лучшие. Почему ничего не пишете? Я не писал Вам, так как нытьем своим не хотел ронять себя в Ваших глазах. А то, глядишь, и доверие Ваше, которое мне очень ценно, потеряю. Крепко жму руку и умоляю о рукописях.

Преданный Вам Алянский.

4.

Петербург, 22 июня 1924

Многоуважаемая Любовь Дмитриевна!

Я никогда не представлял себе, что разговор, происходивший между нами, возможен между знакомыми людьми, тем более не представлял такого разговора с Вами в силу сложившихся за 6 лет отношений, носивших характер несколько отличный от обычного знакомства. На своем, хотя и не очень большом веку, мне приходилось встречаться и иметь дело со многими людьми. С некоторыми из них мне приходилось ссориться (но не на денежной почве), и таких чудовищных обвинений, которые пришлось услышать от Вас, мне до сих пор слышать не приходилось. Мошенником меня еще никто не считал, и как с таковым никто не говорил.

До сих пор я не могу еще придти в себя от всего слышанного от Вас.

Я хочу здесь припомнить, как сложились наши деловые взаимоотношения по напечатанию собр<ания> соч<инений> А<лександра> А<лександровича>. И дают ли они повод Вам бросать мне с легкостью такие обвинения. Когда летом 22-года я уезжал в Берлин печатать собр<ания> соч<инений> А<лександра> А<лександровича>, Вы прекрасно знали, что средств на печатание у меня не было и быть не могло, да и вообще Вы знали все мои финансовые возможности. Вы знали, что в Алконосте средств нет, и если я вертелся и жил с этого дела, то только потому, что работал как вол, не зная покоя и отдыха. Вы также знаете, ибо я не мог Вам этого не говорить, на каких условиях я договорился с Эпохой в 22-году. Я по совести утверждаю, что Вы знали, что значительная часть авторского гонорара за издание Эпохи идет на покрытие расходов по печатанию книг с маркой Алконост, предназначенные для России, с тем, чтобы эта часть гонорара за изд<ание> Эпоха будет Вам выплачена уже мною от реализации в России из Алконост. Вы знали также, что за уступку части авторских прав другому изд<ательств>ву я противно издательским обычаям не взял в свою пользу ни одной копейки. Этим я не хочу сказать, что принес какие-то жертвы. Я продолжаю считать, как и раньше считал, такое мое поведение в порядке вещей и вполне естественным, несмотря на сложившиеся у издателей обычаи. Я говорю сейчас об этом для того, чтобы подтвердить, что считал и считаю себя защитником максимальных авторских прав и гонораров. И если это последнее обстоятельство не было известно Вам, то оно было известно многим нашим писателям и издателям, в среде которых я не пользуюсь репутацией мошенника. Я был бы неправильно понят Вами, если бы Вы

сочли эти слова мои как попытку оправдаться. Я по совести не знаю никакой вины перед Вами.

Мне кажется, что если бы сочинения А.А. Блока попали в Россию сразу по напечатанию их, как это предполагалось, я уверен, мне не пришлось бы Вам ничего объяснять, т. к. гонорар был бы давно уже Вам выплачен, и не пришлось бы выслушивать таких тяжелых оскорблений. Но разве Вам не известно, что задержка в получении книг из Берлина произошла на 99% не по моей вине?¹

Я многое мог бы сказать Вам, Любовь Дмитриевна, при других условиях, сейчас не могу.

Я хочу надеяться, что Вы не желали меня так жестоко и незаслуженно обижать и оскорблять, я хочу надеяться, что Вы уже пожалели о словах, и я готов забыть этот разговор, тем более что ни один человек от меня не знает о происшедшем между нами. Если же Вы продолжаете настаивать на Ваших обвинениях, я надеюсь Вы не откажетесь повторить их суду, назначенному по моей просьбе Союзом Писателей, куда я думаю обратиться за защитой своей чести в случае, если мы не поладим с Вами миром. Я надеюсь, что решение такого суда Вы признаете достаточно авторитетным, т. к. права писателей им достаточно близки.

Теперь о расчетах. Я получил их вчера из Берлина. Гонорар за сочинения Блока печатного издательства «Эпоха» выражается в следующих цифрах.

За I том	Долларов	163.10
= II =	=	178.90
= III =	=	152.30
= IV =	=	156. –
= V =	=	261.50
= VI =	=	274. –
= IX =	=	303.10
<hr/>		
Итого	Долл.	1.489.70

Итак, мой долг за берлинское издание равняется сумме 1489 долларов 70 центов, что в переводе на золотые рубли (по курсу 1 р. 93 к. за доллар) составляет руб. 2.875. 12 коп. В счет этой суммы Вы уже кое-что получили (к сожалению, не могу отыскать моих записей, у Вас они имеются). Полученную сумму вычитайте из общей суммы долга, и получится сумма, которую я Вам должен. При нашем последнем разговоре я так растерялся, что имел неосторожность обе-

щать Вам выплатить сумму долга за берл<инское> издание в течение 2 недель. Я помню, у меня явилось роковое желание покончить сразу с денежными расчетами, и тогда уже наговорить Вам горьких слов. Желание вполне естественное, и если бы мне удалось его выполнить, я считал бы себя счастливым. Я даже имел определенный расчет; думал, продам свою личную библиотеку и все картинки, и таким путем деньги соберу. Но эти расчеты и оказались легкомысленными; я переоценил свое имущество ровно в 7 раз. Таким образом, из этого ничего не вышло. Других источников раздобыть нужные деньги у меня не оказалось, несмотря на то, что я принял все меры, вплоть до попытки занять деньги под ростовщический процент, но для этой операции необходимо представить обеспечение в виде драгоценностей на сумму, превышающую сумму кредита в 2–3 раза, т. е. на 500–600 черв<онцев>. К сожалению, драгоценностей у меня не имеется, и от этого кредита пришлось отказаться. Вся эта неудача меня крайне удручает, но ничего поделать не могу. Теперь остается один выход. По договору с «Книгой» за каждый проданный комплект соч<инений> А.А. Блока я получаю по 4 р. зол<отом>. По личному соглашению с Вами, 33 1/3% этой суммы я обязан выплачивать Вам в качестве авторского гонорара за издание под маркой «Алконост».

Для того чтобы покрыть долг за издание под маркой Эпохи, я предлагаю Вам выплачивать из того же источника еще 31 2/3%. Таким образом, Вы будете получать каждое 10-ое число 65% с суммы, причитающейся мне от «Книги» за проданные в предыдущем месяце экземпляры, т. е. за каждый проданный экземпляр Вы получите 2 р. 60 коп. Эти последние 31 2/3% Вы будете получать до тех пор, пока не покроется долг за изд<ание> «Эпохи», после чего Вы будете получать только 33 1/3% до продажи последнего тома соч<инений> Блока (т. е. 6, 8 и 10-ый), имеющих выйти через три месяца со дня представления рукописей. Кроме того сообщаю, что если 8-ой том полностью не будет отправлен мною в Берлин до 1-го Июля с<его> г<ода>, «Эпоха» прекращает выдачу мне вышедших 7 томов.

Таким образом, все эти условия действительны в том случае, если 8-ой том целиком будет представлен Вами не позднее 30 Июня с<его> г<ода> для отправки его в Берлин. Вы просили гарантий, что суммы моего долга будут Вам своевременно выплачены. Повторяю, что за неимением драгоценностей я их представить в качестве залога не могу, но можно устроить так, что суммы Вы будете получать непосредственно в «Книге» вместе с отчетами о продаже. Об этом я могу передать Вам официальное письмо на имя «Книги» с указанием, что 65% причитающихся мне платежей должны выплачиваться Вам. Это

вполне деловое решение вопроса, гарантирующее Вам аккуратную выплату.

Я очень надеюсь, что Вы не задержите ответа на это письмо, коснувшись в нем как первой его части, так и части о расчетах.

Уважающий Вас С. Алянский.

P.S. Очень прошу Вас также сообщить мне сумму, полученную Вами в счет моего долга. С. А.

На бланке «Алконоста».

¹ В 1924 г. обмен книгами между издательствами русского зарубежья и советской Россией становится невозможным по причине жесткого цензурного контроля.

Приложение

<ЧЕРНОВИК ДОГОВОРА Л.Д. БЛОК С «АЛКОНОСТОМ»>²⁷

Петроград Тысяча девятьсот двадцать второго года июля ___ дня мы нижеподписавшиеся, Любовь Дмитриевна Блок, урожденная Менделеева с одной стороны и издательство Алконост в лице Самуила Мироновича Алянского, и ниже краткости ради именуемого Издательство, с другой стороны заключили настоящий договор в нижеследующем:

1) Я, Любовь Дмитриевна Блок, передаю Издательству право на издание всех без исключения сочинений моего покойного мужа писателя Александра Александровича Блока, как напечатанных до настоящего времени, так еще и не появившихся в печати. [Буде я среди бумаг моего покойного мужа найду какие-либо рукописи, я обязана передавать их Издательству и не имею права помимо Издательства печатать их или уступать право издания их третьим лицам без согласия на то Издательства].

2) Издательство вправе издавать сочинения моего мужа так, как оно признает это нужным, то есть в виде ли полного собрания сочинений или в виде отдельных сборников, составленных Издательством по тому или иному признаку.

Издательство вправе издавать сочинения моего мужа как на всем протяжении РСФСР и союзных с нею и дружественных республик, так и за границею, при чем Издательство вправе издавать эти сочинения на любом иностранном языке. Издательству же как приобретающему по сему договору право издания всех сочинений покойного мужа моего должно принадлежать исключительное право разрешения перевода означенных сочинений на иностранные языки, и потому оно вправе в случае нарушения его исключительного права на издание сочинений А.А. Блока отыскивать причиненные самовольным переводом на иностранные языки убытки и возбуждать уголовное преследование против виновных по законам и в порядке, установленным в месте учинения недозволенного деяния. Издательству же и только ему одному будет принадлежать право постановки на театральной сцене всех драматических произведений покойного А.А. Блока, как на русском, так и на иностранном языке.

3) Издательству одному должно принадлежать право определения количества экземпляров, выпускаемых в свет в том или ином виде сочинений покойного А.А. Блока; формы книг, места издания,

²⁷ Машинопись с правкой, 2 л. (РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. VIII. № 88).

способа тиснения и установление продажной цены выпускаемых из печати и пускаемых в продажу сочинений А.А. Блока.

4) В вознаграждение за переуступку Издательству принадлежащих мне прав на сочинения покойного А.А. Блока во всем на основаниях, вышеизложенных в настоящем моем договоре с Издательством, я имею получать от Издательства пятнадцать процентов с номинальной цены всех выпущенных в свет сочинений А.А. Блока, причем ныне же в счет могущих причесться мне от Издательства сумм я при подписании сего договора имею получить _____ остальные же платежи Издательство имеет производить периодически каждые _____ представляя мне выписки своих торговых книг, из коих должно явствовать, сколько экземпляров сочинений моего покойного мужа А.А. Блока выпущено в свет и на какую общую номинальную сумму. При этом вознаграждение за сочинения, выпущенные на иностранных языках или на русском языке, но проданные за границу должно проводиться мне в соответствующей иностранной валюте.

Из полученного Издательством авторского вознаграждения за [разрешение поставить на сцене] театральные постановки, 75% поступают в пользу мою, Л.Д. Блок, а 25% в пользу Издательства¹.

Содержание настоящего договора мне известно. Я со своей стороны никаких притязаний на авторские права покойного моего сына не заявляю².

Машинопись с правкой, 2 л. (РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. VIII. № 88).

¹ Приписка простым карандашом рукой Л.Д. Блок.

² Последний абзац — приписка матери Блока, А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Список литературы

1. Альбомы из архива С.М. Алянского // Шахматовский вестник: К 75-летию со дня смерти А.А. Блока: из фондов музея-заповедника А.А. Блока: Каталог. Солнечногорск, 1996. № 6. Вып. 1. С. 44–71.
2. *Алянский С.М.* Встречи с Александром Блоком. М.: Детгиз, 1972. 159 с.
3. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.
4. Андрей Белый и С. Алянский: переписка / предисл. и публ. Дж. Малмстада // Лица: Биографический альманах. СПб.: Феникс, 2002. Вып. 9. С. 67–115.
5. Андрей Белый. Дневниковые записи / предисл. и публ. С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова // Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 788–830.
6. *Бекетова М.А.* Александр Блок. Биографический очерк. Пб.: Алконост, 1922. 306 с.

7. Белов С.В. Блок и первые послереволюционные издательства («М. и С. Сабашниковы», «Алконост») // Литературное наследство. М.: Наука, 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 713–724.
8. Белов С.В. К проблеме: А. Блок и С.М. Алянский // Блоковский сборник. Тарту, 1986. Вып. VII. С. 91–98.
9. Белов С.В. Мастер книги: Очерк жизни и деятельности С.М. Алянского. Л.: Наука, 1979. 112 с.
10. Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография. М.: Согласие, 1996. 734 с.
11. Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920. М.: ИХЛ, 1965. 663 с.
12. Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. М.–Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 7. Автобиография. Дневники. 1901–1921. 522 с.
13. Блок в неизданной переписке и дневниках современников // Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 153–539.
14. Быстрова О.В. Берлинские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). М.: ИНИОН, 1996. Т. 2. Ч. 1. С. 37–60.
15. Галанина Ю.Г. Любовь Дмитриевна Блок. Судьба и сцена. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. 432 с.
16. Гессен И.В. Годы изгнания. Париж: YMCA-Press, 1979. 268 с.
17. Глейзер М.М. Издательство «Алконост». 1918–1923. СПб.: Реноме, 2015. 157 с.
18. Грачева А.М. Посмертная жизнь Александра Блока в творчестве Алексея Ремизова // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2011. С. 84–101.
19. Е.Д. [Динерштейн Е.А.] Луначарский, Блок и «Алконост» // Вопросы литературы. 1969. № 6. С. 248–250.
20. Книги с дарственными надписями: из архива С.М. Алянского // Шахматовский вестник: к 75-летию со дня смерти А.А. Блока: из фондов музея-заповедника А.А. Блока: Каталог. Солнечногорск, 1996. № 6. Вып. 1. С. 72–97.
21. Константин Федин и его современники. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Кн. 2. 768 с.
22. Кукушкина Т.А. К истории «Издательства писателей в Ленинграде» (1927–1934): неизвестные эпизоды // Русская литература. 2020. № 2. С. 171–182.
23. Лавров А.В. Блок и Иванов-Разумник // Лавров А.В. Этюды о Блоке. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. С. 80–135.
24. Лекманов О.А. Андрей Белый и Вячеслав Иванов в дневнике Георгия Кнорре 1918–1919 годов // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. Вып. 1. С. 670–676.
25. Орлов Вл. Литературное наследство Александра Блока // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. Т. 27–28. С. 505–574.
26. Павлович Н. Воспоминания об Александре Блоке // Блоковский сборник. Тарту, 1964. [Вып. I]. С. 449–506.
27. Переписка Вячеслава Иванова с С.М. Алянским (1918–1923) / вступ. ст., подгот. текста и комм. А.С. Александрова // Русская литература. 2011. № 4. С. 92–105.
28. Ремизов А.М. Собрание сочинений. СПб.: Росток, 2016. Т. 12. Русалия. 991 с.
29. Рогачевский А. Борис Элькин и его оксфордский архив // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1996. Т. 5. С. 222–226.
30. Спивак М.Л. Издательство «Алконост»: к вопросу о традициях символистского книгоиздания // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67. № 5. С. 16–28.

31. *Спивак М.Л.* Публицистика Андрея Белого в биографическом и историко-культурном контексте: 1916–1934: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 632 с.
32. *Таран Е.Г.* Вокруг «Алконоста». М.: Аграф, 2011. 240 с.
33. *Таран Е.Г.* От «Дневника писателя» к «Запискам мечтателей»: эволюция символистского «Журнала для своих» // Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты. М.: РГГУ, 2014. С. 156–165.
34. *Чернов И.А.* А. Блок и книгоиздательство «Алконост» // Блоковский сборник. Тарту, 1964. [Вып. I]. С. 530–538.
35. *Юнусова А.Н.* Становление правового института опционного договора в России: историко-правовой аспект // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3 (69). № 2. С. 179–189.
36. *Яцунюк Е.И.* Из истории прижизненных изданий А.А. Блока // Книга: Исследования и материалы. М.: Книга, 1980. Сб. 41. С. 73–88.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2020

Одобрена после рецензирования: 14.07.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Research Article

“Nobody considered me a fraudster yet...”: S.M. Alyansky’s Letters to L.D. Blok (1922–1924)

© 2020. Svetlana V. Fedotova

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article, based on publication of S.M. Alyansky’s letters to L.D. Blok (1922, 1924), reconstructs the history of relations between the owner of “Alkonost” and the poet’s widow, who transferred the exclusive rights to all of Blok’s works to Alyansky. The article clarifies the details and circumstances of business negotiations between Alyansky and representatives of the “Slovo” publishing house in Berlin, which published Blok’s collected works (three volumes of poems and “The Theater”) in 1922, as well as the financial conditions for publishing a ten-volume collection of Blok’s works under the “Alkonost” brand in the publishing house “Epokha” (Berlin, 1923). The main subject of consideration is a fact unknown in Blok studies — the fraud allegations made against Alyansky by L.D. Blok. The introduced archival materials do not only shed light on this incident, but also prove the unsoundness of the insinuations put forward against the owner of “Alkonost”, whose publishing and royalty policies were determined by professional enterprise and high — “knightly” — moral qualities.

Keywords: A.A. Blok; L.D. Blok; M.S. Alyansky; Publishing Houses “Alkonost”, “Slovo”, “Epoch”; collected works; copyright; honorarium policy.

Information about the author: Svetlana V. Fedotova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy

of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: 0000-0002-9991-4966. E-mail: lucia-th@yandex.ru.

For citation: Fedotova, S.V. “‘Nobody Considered Me a Fraudster Yet...’: S.M. Alyansky Letters to L.D. Blok (1922–1924).” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 109–151. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-109-151>

Acknowledgements: The publication was financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no 18-52-15031 NTsNI_a “Financing of Soviet Culture (1917–1941)”.

References

1 “Al'bomy iz arkhiva S.M. Alianskogo” [“Albums from S.M. Alyansky Collection”]. *Shakhmatovskii vestnik: K 75-letiiu so dnia smerti A.A. Bloka: iz fondov muzeia-zapovednika A.A. Bloka: Katalog [Shakhmatovo Herald: To the 75th Anniversary of A.A. Blok's Death: From the Collections of the A.A. Blok Museum-Reserve: Catalogue]*, no. 6, issue 1. Solnechnogorsk, 1996, pp. 44–71. (In Russ.)

2 Alianskii, S.M. *Vstrechi s Aleksandrom Blokom [Encounters with Alexander Blok]*. Moscow, Detgiz Publ., 1972. 159 p. (In Russ.)

3 *Andrei Belyi i Aleksandr Blok. Peregipiska. 1903–1919 [Andrei Bely and Alexander Blok. Correspondence. 1903–1919]*. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2001. 608 p. (In Russ.)

4 “Andrei Belyi i S. Alianskii: perepiska” [“Andrei Bely and S. Alyansky: correspondence”], predisl. i publ. J. Malmstad. *Litsa: Biograficheskii al'manakh [Faces: Biographical Almanac]*, issue 9. St. Petersburg, Feniks Publ., 2002, pp. 67–115. (In Russ.)

5 “Andrei Belyi. Dnevnikovye zapisi” [“Andrei Bely. Diary Entries”], introd. and publ. by S.S. Grechishkin and A.V. Lavrov. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 92, book 2. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 788–830. (In Russ.)

6 Beketova, M.A. *Aleksandr Blok. Biograficheskii ocherk. [Alexander Blok. Biographical Essay]*. St. Petersburg, Alkonost Publ., 1922. 306 p. (In Russ.)

7 Belov, S.V. “Blok i pervye poslerevoliutsionnye izdatel'stva (‘M. i S. Sabashnikovy’, ‘Alkonost’)” [“Blok and the First Post-Revolutionary Publishing Houses (‘M. and S. Sabashnikovs’, ‘Alkonost’)”]. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 92, book 4. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 713–724. (In Russ.)

8 Belov, S.V. “K probleme: A. Blok i S.M. Alianskii” [“On the Issue: A. Blok and S.M. Alyansky”]. *Blokovskii sbornik [Blok Collection]*, issue VII. Tartu, 1986, pp. 91–98. (In Russ.)

9 Belov, S.V. *Master knigi: Ocherk zhizni i deiatel'nosti S.M. Alianskogo [The Book Master: An Essay on S.M. Alyansky's Life and Work]*. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 112 p. (In Russ.)

10 Berberova, N.N. *Kursiv moi: Avtobiografiia [Italics Are Mine: Autobiography]*. Moscow, Soglasie Publ., 1996. 734 p. (In Russ.)

11 Blok, A.A. *Zapisnye knizhki. 1901–1920 [Notebooks. 1901–1920]*. Moscow, IHL Publ., 1965. 663 p. (In Russ.)

12 Blok, A.A. *Sobranie sochinenii: v 8 t. [Collected Works: in 8 vols]*, vol. 7. *Avtobiografiia. Dnevniki. 1901–1921 [Autobiography. Diaries. 1901–1921]*. Moscow–Leningrad, GIKhL Publ., 1963. 522 p. (In Russ.)

- 13 “Blok v neizdannoï perepiske i dnevnikakh sovremennikov” [“Blok in Unpublished Correspondence and Diaries of Contemporaries”]. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 92, book 3. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 153–539. (In Russ.)
- 14 Bystrova, O.V. “Berlinskie izdatel'stva” [“Berlin Publishing Houses”]. *Literaturnaia entsiklopediia russkogo zarubezh'ia (1918–1940)* [*Literary Encyclopedia of Russian Abroad (1918–1940)*], vol. 2, part 1. Moscow, INION Publ., 1996, pp. 37–60. (In Russ.)
- 15 Galanina, Iu.G. *Liubov' Dmitrievna Blok. Sud'ba i stsena* [*Lyubov Dmitrievna Blok. Fate and Stage*]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2009. 432 p. (In Russ.)
- 16 Gessen, I.V. *Gody izgnaniia* [*Years of Exile*]. Paris, YMCA-Press Publ., 1979. 268 p. (In Russ.)
- 17 Gleizer, M.M. *Izdatel'stvo “Alkonost”. 1918–1923* [“Alkonost” Publishing House. 1918–1923]. St. Petersburg, Renome Publ., 2015. 157 p. (In Russ.)
- 18 Gracheva, A.M. “Posmertnaia zhizn' Aleksandra Bloka v tvorchestve Alekseia Remizova” [“The Posthumous Life of Alexander Blok in Alexei Remizov's Works”]. *Aleksandr Blok. Issledovaniia i materialy* [*Alexander Blok. Studies and materials*]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ., 2011, pp. 84–101. (In Russ.)
- 19 E.D. [Dinershtein, E.A.] “Lunacharskii, Blok i ‘Alkonost’.” [“Lunacharsky, Blok and ‘Alkonost’.”]. *Voprosy literatury*, no. 6, 1969, pp. 248–250. (In Russ.)
- 20 “Knigi s darstvennymi nadpisiami: iz arkhiva S.M. Alianskogo” [“Books with Dedicatory Inscriptions: from S.M. Alyansky Collection”]. *Shakhmatovskii vestnik: k 75-letiiu so dnia smerti A.A. Bloka: iz fondov muzeia-zapovednika A.A. Bloka: Katalog* [*Shakhmatovo Herald: To the 75th Anniversary of A.A. Blok's Death: From the Collections of the A.A. Blok Museum-Reserve: Catalogue*], no. 6, issue 1. Solnechnogorsk, 1996, pp. 72–97. (In Russ.)
- 21 *Konstantin Fedin i ego sovremenniki* [*Konstantin Fedin and His Contemporaries*], book 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2018. 768 p. (In Russ.)
- 22 Kukushkina, T.A. “K istorii ‘Izdatel'stva pisatelei v Leningrade’ (1927–1934): neizvestnye epizody” [“On the History of the ‘Writers Publishing House in Leningrad’ (1927–1934): Unknown Episodes”]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2020, pp. 171–182. (In Russ.)
- 23 Lavrov, A.V. “Blok i Ivanov-Razumnik” [“Blok and Ivanov-Razumnik”]. *Lavrov, A.V. Etiudy o Bloke* [*Lavrov, A.V. Studies on Blok*]. St. Petersburg, Ivan Limbah Publ., 2000, pp. 80–135. (In Russ.)
- 24 Lekmanov, O.A. “Andrei Belyi i Viacheslav Ivanov v dnevnike Georgiia Knorre 1918–1919 godov” [“Andrei Bely and Vyacheslav Ivanov in Georgy Knorre's Diary, 1918–1919”]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [*Vyacheslav Ivanov. Studies and Materials*], issue 1. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ., 2010, pp. 670–676. (In Russ.)
- 25 Orlov, Vl. “Literaturnoe nasledstvo Aleksandra Bloka” [“Literary Heritage of Alexander Blok”]. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 27–28. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie Publ., 1937, pp. 505–574. (In Russ.)
- 26 Pavlovich, N. “Vospominaniia ob Aleksandre Bloke” [“Memoirs of Alexander Blok”]. *Blokovskii sbornik* [*Blok Collection*], issue I. Tartu, 1964, pp. 449–506. (In Russ.)
- 27 “Perepiska Viacheslava Ivanova s S.M. Alianskim (1918–1923)” [“Vyacheslav Ivanov's Correspondence with S.M. Alyansky (1918–1923)”], introd., text. prep. and comm. by A.S. Aleksandrov. *Russkaia literatura*, no. 4, 2011, pp. 92–105. (In Russ.)
- 28 Remizov, A.M. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], vol. 12: Rusaliia [Rusalia]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2016. 991 p. (In Russ.)

29 Rogachevskii, A. “Boris El'kin i ego oksfordskii arkhiv” [“Boris Elkin and His Oxford Collection”]. *Evrei v kul'ture russkogo zarubezh'ia* [*Jews in the Culture of Russian Abroad*], vol. 5. Jerusalem, 1996, pp. 222–226. (In Russ.)

30 Spivak, M.L. “Izdatel'stvo “Alkonost””: k voprosu o traditsiakh simvolistskogo knigoizdaniia” [“‘Alkonost’ Publishing House: on the Issue of Traditions of the Symbolist Book Publishing”]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriia literatury i iazyka*, vol. 67, no. 5, 2008, pp. 16–28. (In Russ.)

31 Spivak, M.L. *Publitsistika Andreia Belogo v biograficheskom i istoriko-kul'turnom kontekste: 1916–1934*: dis. ... d-ra filol. nauk [*Andrei Bely's Journalism in a Biographical and Historical-Cultural Context: 1916–1934: PhD Thesis*]. Moscow, 2012. 632 p. (In Russ.)

32 Taran, E.G. *Vokrug “Alkonosta”* [*Around “Alkonost”*]. Moscow, Agraf Publ., 2011. 240 p. (In Russ.)

33 Taran, E.G. “Ot ‘Dnevnika pisatel'ia’ k ‘Zapiskam mechtatelei’: evoliutsiia simvolistskogo ‘Zhurnalna dlia svoikh’.” [“From ‘The Writer’s Diary’ to ‘Notes of Dreamers’: Evolution of the Symbolist ‘Journal for Friends’.”]. *Knigoizdatel'stvo “Musaget”: Istoriia. Mify. Rezul'taty* [*The “Musaget” Publishing House. History. Myths. Results*]. Moscow, RGGU Publ., 2014, pp. 156–165. (In Russ.)

34 Chernov, I.A. “A. Blok i knigoizdatel'stvo ‘Alkonost’.” [“A. Blok and the Publishing House ‘Alkonost’.”]. *Blokovskii sbornik* [*Blok Collection*], issue I. Tartu, 1964, pp. 530–538. (In Russ.)

35 Iunusova, A.N. “Stanovlenie pravovogo instituta optsiionnogo dogovora v Rossii: istoriko-pravovoi aspekt” [“Formation of the Legal Institution of an Option Agreement in Russia: the Historical and Legal Aspect”]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Iuridicheskie nauki*, vol. 3 (69), no. 2, 2017, pp. 179–189. (In Russ.)

36 Iatsunok, E.I. “Iz istorii prizhiznennykh izdaniĭ A.A. Bloka” [“From the History of A.A. Blok's Lifetime Publications”]. *Kniga: Issledovaniia i materialy* [*Book: Studies and Materials*], vol. 41. Moscow, Kniga Publ., 1980, pp. 73–88. (In Russ.)

The article was submitted: 25.03.2020

Approved after reviewing: 14.07.2020

Date of publication: 25.12.2020

Из писем М.А. Бекетовой к Е.Ф. Книпович (1922–1926)

© 2020, Б.Н. Романов

Москва, Россия

Аннотация: В центре писем переводчицы, детской писательницы М.А. Бекетовой, тетки А.А. Блока, к подруге поэта, литературному критику Е.Ф. Книпович — судьба наследия Блока, его публикация, сведения о вечерах и заседаниях памяти поэта, о его близких, друзьях, исследователях творчества, а также о работе М. Бекетовой над биографическими книгами о Блоке, изданием его переписки. Существенны в письмах подробности, связанные с деятельностью московской Ассоциации по изучению творчества А. Блока ГАХН, с заседаниями петроградской Вольной философской ассоциации (Вольфила), сообщения о Шахматовской усадьбе, упоминания о роли Л.Д. Блок в публикации блоковского наследия, о начале сохранения памяти поэта, музеефикации его иконографии, личных вещей, рукописей. Письма рисуют яркую картину «борьбы за Блока», которую вели в 1920-е гг. его друзья и близкие, а также писатели и критики, понимавшие истинный масштаб фигуры поэта. Письма хранятся в частном собрании (Москва).

Ключевые слова: М.А. Бекетова; А.А. Блок; Л.Д. Блок; Е.Ф. Книпович; Вольфила; Ассоциация по изучению творчества А. Блока ГАХН.

Информация об авторе: Борис Николаевич Романов — независимый исследователь, г. Москва, Россия. E-mail: bnroma@yandex.ru.

Для цитирования: Романов Б.Н. Из писем М.А. Бекетовой к Е.Ф. Книпович (1922–1926) // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 152–197.
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-152-197>

Евгения Федоровна Книпович (1898–1988) останется в истории русской литературы преимущественно тем, что в 1918–1921 гг. была близка к А.А. Блоку и его семье. Но ее отношения с Л.Д. Блок и с Марией Андреевной Бекетовой (1862–1938), переводчицей, детской писательницей, теткой и биографом поэта, продолжались и позднее. Особенно тесными они были в первые месяцы после смерти Блока, когда Е.Ф.К. (так Блок именовал Книпович в «Записных книжках»)

оставалась в Петрограде. Затем предполагалась даже ее совместная с М.А. Бекетовой работа над биографией поэта. По крайней мере, М.П. Иванова писала Е.Ф.К. (8 марта 1922): «Всей душой желаю Вам и Марии Андреевне успешно и легко писать биографию, она должна у Вас выйти хорошо, проникнутая любовью и строгим обсуждением...» [23, с. 152].

В январе 1922 г. Е.Ф.К. переехала в Москву к матери и сестре. Вскоре началась ее переписка и с Л.Д. Блок. Е.Ф.К. упоминает о ее письмах «еще на бумаге с траурной каймой» [11, с. 70]. Но, рассказывает она в воспоминаниях, «еще чаще писала мне о ней (больше, чем о себе) Мария Андреевна — “тетя Маня”, слуга и жертва большого родственного клана, человек “без судьбы”, без личной судьбы и своей семьи, человек, отдавший несколько лет жизни уходу за разбитым параличом отцом, и, как это бывает обычно, самопожертвование ее принималось как само собой разумеющееся. Она бывала в Москве не раз, и она, так же как и Любовь Дмитриевна, оказывала большую помощь и внимание Ассоциации памяти Александра Блока...» [11, с. 70].

В 1923–1929 гг. Е.Ф.К. руководила Ассоциацией (с 1927 г. Комиссия) по изучению творчества Александра Блока в составе Государственной академии художественных наук (ГАХН). Ее переписка с М.А. Бекетовой началась, видимо, после того, как 21 августа 1922 г. в ГАХН на заседании Литературной секции (до создания Ассоциации) Е.Ф.К. прочла «Отрывки из воспоминаний об Александре Блоке» из книги М.А. Бекетовой¹ и неизданные письма поэта² (на этом заседании также выступили М.О. Гершензон и Г.И. Чулков), о чем она сообщила Л.Д. Блок 23 августа 1922 г. [10, с. 218]. Затем, 4 января 1924 г. на заседании Ассоциации Е.Ф.К. представила рецензию на рукопись М.А. Бекетовой «Блок и его мать», а 23 января и 6 февраля 1924 г. там же читалась сама рукопись. 21 мая 1925 г. приехавшая в Москву Бекетова сделала в Ассоциации доклад «Блок и его отец (по неизданным письмам)». Это сотрудничество с Ассоциацией, обсуждение ее планов и дел продолжалось, в той или иной мере, до окончания переписки Бекетовой и Е.Ф.К.

Почти в каждом из писем Бекетовой присутствуют известия о Л.Д. Блок, переписка с которой Е.Ф.К. была менее интенсивной. Как она признавалась, имея в виду взаимоотношения с Л.Д. Блок и откровенно принимая вину на себя, «...связь между нами посте-

¹ *Бекетова М.А.* Александр Блок: Биографический очерк. П.: Алконост, 1922.

² Государственная Академия художественных наук. Отчет 1921–1925. М., 1926. С. 24.

пенно ослабела <...> я уже не видела ее в самые последние годы ее жизни, потому что в ту пору меня увлекли в совсем другие “края” другие люди, работа, отношения...» [11, с. 34]. Ослабление этой связи можно объяснить не только прекращением работы Ассоциации, с началом реорганизации ГАХН, закончившейся ее разгромом, но и тем, что Е.Ф.К. энергично занялась деланием карьеры советского критика, «перестраиваясь» и «перековываясь», сближаясь с РАППом. Сошла на нет и ее переписка с Бекетовой. Но несмотря на то что она обрывается кратким письмом Бекетовой 17 июня 1926 г., отношения их продолжались, по крайней мере, до 1929 г.³ Кроме 38 писем М.А. Бекетовой к Е.Ф.К., сохранившихся в частном собрании, несколько писем хранятся в Музее-заповеднике Д.И. Менделеева и А.А. Блока⁴.

В публикацию включены 30 писем с сокращениями, обозначенными <...>, фрагментов, впрямую не относящихся к блоковской теме. Письма публикуются по автографам из архива Е.Ф. Книпович (Москва, частное собрание), некоторые из них (1, 3, 4, 6, 9, 10, 11, 12, 17, 20, 24, 26) фрагментарно или же с купюрами, с неточностями прочтения и без комментариев цитировались: [20, с. 205–218; 222–225].

1.

23 сентября 1922

Петербург.

Дорогая Женя, раз, если Вы остались довольны моим письмом¹, я и буду писать Вам. <...> Здоровье сестры Али² понемногу идет под гору, но медленно: головокружения, припадки, ужасно слабые ноги, все жду второго удара. А между тем она все-таки ходит на кладбище, и даже одна, и на вечера.

Были два «вечера лирики», устроенные в Тенишевском училище Дегеном³. Вы помните, кто это? Он еще собирался ставить «Розу и крест» в Больш<ом> Драматич<еском>⁴. Очень пышно все задумывал и вот, чем это кончилось — ученический состав, много безвкусыя, в общем скучно. Первый вечер был хороший хор, и все хоть выучили стихи, хотя и плохо их читали. При этом выходили парами и говорили

³ 26 января 1929 г. Бекетова надписала Е.Ф.К. отдельный оттиск своей статьи «Веселость и юмор Блока» [17, с. 7–19]: «Милой Женичке на память от “тети”».

⁴ В музей в 1995 г. поступила часть архива Е.Ф. Книпович, в том числе, письма к ней Л.Д. Блок, М.А. Бекетовой, М.П. Ивановой [22, с. 157].

*Е.Ф. Книпович. С.-Петербург. 28 мая 1916.
E.F. Knipovich. Saint-Petersburg. 28 May 1916.*

попеременно. Все было чинно и благоговейно, так, что Люба сказала Дегену, что ей не хочется браниться. Но на втором уже стихи были плохо разучены, и выходили, кажется, даже пятерками, переключаясь иногда отдельными строфами. Мы с сестрой, к счастью, не пошли, а Люба быстро удрала, не высказав своего мнения. Последний вечер будет завтра. Ершов⁵ споет песню Гаэтана⁶. Мы все пойдем. Хорошо было в Пушкинском доме⁷. Прекрасная музыка Щербачева, он играл свою сюиту на стихи из «Нечаянной радости»⁸. Хорошая певица пела: Д'Арлеак⁹ — Вы знаете? Великолепно вышла песня Гаэтана, и другое хорошо: «Песня Мэри» и «Двойник»¹⁰. Верховский прочел свою «Улыбку Блока»¹¹ — трогательно и скромно. Хорошо читала 8 стихотворений Щеголева¹² — Люба чуть поворчала по этому пово-

ду, но мы с сестрой были очень довольны. Но вот спектакль в театре Пушкинского Дома вышел мучительный¹³. Начали вместо 8 1/2 около 10-и, кончили в 12 1/2. Все возились с декорациями, которые убоги до нельзя. Играли кое-кто недурно. Стахова¹⁴ — Незнакомка была красива, без фальши и не оскорбительно. И то Слава Богу. Молодой студиец Иванов¹⁵ был милый Пьеро и хороший семинарист и «Голубой». Еще кое-что удалось. Но Соловьев¹⁶ просто оказался дураком. Что он сделал! Арлекин в цилиндре и пестрой хламиде играл, «как господин в котелке», обращаясь в публику, говорил, естественно, разговорным тоном: «Здравствуй, мир!» и т. д. Бедного Звездочета заставили играть его роль в комическом тоне, причем вместо парика у него висели бумажные клочья вроде украшений на окороке. А играл-то он хорошо и сделал все, что мог, чтобы не было шаржа. Последнее видение всего хуже: сплошной, безвкуснейший шарж. Да, автор дергался и кривлялся, подражая преувеличенно самому Соловьеву. Плохо, плохо, отвратно и досадно! И даже к трамваю последнему опоздали. Пришлось нанимать извозчика. Вот! Тем временем Люба водила свою Шуру¹⁷ три раза в Эрмитаж и все ей показала и рассказала. Кроме трех учениц домашних, она еще преподает в Студии Радлова¹⁸ 4 раза в неделю по вечерам. И все это даром! Шура уже учится танцам в балетной школе Кякшт¹⁹, причем Кякшт сама сказала Любе: «Ну, честь вам и слава, мне совсем не нужно заниматься руками и корпусом, только ногами». Мы все гордимся. А еще Шура берет уроки пения у Люб<ови> Ал<ександровны>²⁰. Вот, мы как! Случайно я открыла очень интересные иллюстрации к «Театру А. Блока» изд<ание> Вологодск<ого> отдел<ения> Гос<ударственного> Изд<ательства>. Художник, кажется, Дмитровский²¹. Попробуйте поискать в Москве. Стоит. Пришла вторая партия моей книги, но получить ее еще не удалось²². К Сам<уилу> Мир<оновичу>²³ уехала жена²⁴, она уже в Берлине. Пяст²⁵ собирается в какую-то московскую санаторию, дела его вообще неважны. Насчет Андрея Белого мы кое-что слышали: про Асин m'ezalliance²⁶. Пишите, пожалуйста, еще и побольше. Я и все Вас крепко целую и хотели бы видеть.

Ваша М. Бекетова.

¹ Это письмо нам не известно.

² Кублицкая-Пиотгух (урожд. Бекетова, в 1-м браке Блок) Александра Андреевна (1860–1923), переводчица, литератор; мать А.А. Блока.

³ 23 февраля 1922 г. в помещении Тенишевского училища открылся Театр юного зрителя, но по традиции еще проходили и литературные вечера. Деген (Деген-Ковалевский) Борис Евгеньевич (1894–1941), кавказовед: археолог, этнограф; режиссер; после 1926 г. к театральной работе не возвращался.

⁴ В примеч. к письму Блока матери от 12 мая 1921 г. (Письма Александра Блока к родным. М; Л., 1932. Т. 2. / под ред. и с примеч. М.А. Бекетовой и пред. В.А. Десницкого. С. 502) Бекетова, перечисляя несостоявшиеся постановки драмы «Розы и Крест», об этом замысле не упоминает.

⁵ Ершов Иван Васильевич (1867–1943), певец, педагог; жил в одном доме с Блоками (1916–1929).

⁶ М.Ф. Гнесин «Песня Газтана. Из музыки к драме А. Блока “Роза и Крест”» (1914).

⁷ Вечер памяти А.А. Блока прошел в Пушкинском Доме 2 сентября 1922 г. Кроме упомянутых участников, на вечере присутствовали А.А. Ахматова, Ф. Сологуб и др. Организовала вечер Евлалия Павловна Казанович (1886–1942), литературовед и критик, которая была знакома с А.А. Блоком. См. ее описание вечера: [9, с. 176].

⁸ Щербачев Владимир Владимирович (1887–1952), композитор, автор сюиты для фортепьяно «Нечаянная радость» (1913), романсов на слова Блока, и других произведений, связанных с творчеством поэта.

⁹ Дорлиак Ксения Николаевна (урожд. Фелейзен; 1881/1882–1945), оперная актриса, вокальный педагог.

¹⁰ Речь идет о написанных на стихи цикла «Мэри» (1908) Блока романсах В.В. Щербачева (1921), посвященных К.Н. Дорлиак.

¹¹ Верховский Юрий Никандрович (1878–1956), поэт, переводчик, историк литературы; автор статей «Восхождение: (К поэтике Александра Блока)» (1921), «В память Александра Блока: (Отрывочные записи, припоминания, раздумья)» (1946). «Улыбка Блока» — воспоминания о поэте, вызванные его смертью; см.: *Верховский Ю.* Струны: Собрание сочинений. М.: Водолей Publishers, 2008. С. 706–716.

¹² Щеголева (урожд. Богуславская) Валентина Андреевна (1878–1931), актриса; жена историка литературы П.Е. Щеголева; адресат стихотворений Блока.

¹³ О блоковском спектакле в помещении театра Пушкинского Дома см.: *Гук Я.* Спектакль памяти А. Блока («Балаганчик», «Незнакомка») // *Последние новости (Пг.)*. 1922. 9 окт.

¹⁴ Стахова (урожд. Врасская, в замуж. Котляревская) Варвара Степановна (1884–1950), актриса; подруга Л.Д. Блок.

¹⁵ Иванов Николай Николаевич — ученик студии С.Э. Радлова.

¹⁶ Соловьев Владимир Николаевич (1887–1941), режиссер, педагог, театральный критик; Е.Ф.К. так характеризовала его: «театровед и режиссер мейерхольдовского толка, милый, артистичный, но склонный больше к разговорам, чем к конкретной работе» [11, с. 20].

¹⁷ Григорьева Александра Васильевна — ученица Театрально-исследовательской мастерской С.Э. Радлова, актриса «Молодого театра», режиссером которого в 1923 г. была Л.Д. Блок; автор воспоминаний о ней. Об отношении Л.Д. Блок к ученице говорит тот факт, что в завещании, составленном вскоре после смерти мужа, она писала: «Все пригодное для сцены прошу отдать ученице Студии Народной Комедии — Григорьевой...» [6, с. 289].

¹⁸ Радлов Сергей Эрнестович (1892–1958), режиссер, драматург, теоретик театра. Студия Радлова, или Театрально-исследовательская мастерская, организованная в январе 1922-го, существовала до весны 1924 г. За несколько дней до этого письма, 19 сентября, газета «Жизнь искусства» (№ 37. С. 8) в «Театрально-литературной хронике» сообщала: «Л.Д. Басаргина-Блок взяла на себя преподавание ряда предметов в Студии С.Э. Радлова <...> В ближайшее время Басаргина-Блок начинает работу с вновь принимаемой в Студию младшей группой учащихся»; подробнее об этой работе и ее отношениях с Радловым см.: [6, с. 294–305].

¹⁹ Какшт Лидия Григорьевна (1885–1952), артистка балета, педагог и хореограф.

²⁰ Дельмас (урожд. Тыщинская или Тишинская; сцен. псевд. Дельмас; по мужу Андреева) Любовь Александровна (1884 (по др. сведениям 1879) – 1969), певица и педагог; близкий друг А.А. Блока, адресат цикла «Кармен» (1914).

²¹ Речь идет о книге «Памяти А. Блока. Театр: Автолитографии» (Вологда: Издание Вологодского отделения Государственного изд-ва, 1922), которую составила серия иллюстраций к драмам А.А. Блока художника-графика Николая Павловича Дмитриевского (1890–1938, расстрелян).

²² 30 августа 1922 газета «Жизнь искусства» (№ 34) сообщала: «Алконост закончил печатание биографии А. Блока, написанной М.А. Бекетовой». Книга М.А. Бекетовой «Александр Блок: Биографический очерк» (Пг.: Алконост, 1922) печаталась в Берлине, и получение ее тиража осложнялось тем, что с 23 июня 1922 стало действовать положение о Главлите, по которому напечатанные за рубежом книги для распространения в Советской России должны были получать разрешение Главлита.

²³ Алянский Самуил Миронович (1891–1974), издатель и редактор, владелец и руководитель издательства «Алконост» (1918–1923). В 1922–1923 гг. издательство продолжило деятельность в Берлине.

²⁴ Алянская (урожд. Гинзбург) Надежда Львовна (1899–1942).

²⁵ Пяст (наст. фам. Пястовский) Владимир Алексеевич (1886–1940), поэт, прозаик, переводчик, стиховед; друг А.А. Блока.

²⁶ Тургенева Анна (Ася) Алексеевна (1890–1960), художница; первая жена А. Белого. Андрей Белый расстался с ней в августе 1916 г., уехав из Дорнаха в Москву, а в Берлине в конце 1921 г. узнал, что она стала спутницей поэта-имажиниста А.Б. Кусикова. Слухи об этом быстро распространились среди московских знакомых Белого.

2.

26 сентября <1922>.

Вчера Люба получила Ваше письмо, в котором Вы так занятно изобразили религиозное собеседование у Чулкова¹ с американцами. Читали его зашедшему к нам Разумн<ику> Вас<ильевичу>². Он забавлялся очень, как и мы. Все оценил. Сам он совсем больной, наконец, взял отпуск на месяц и собрался «отлежаться» и не заниматься Вольфилой³ весь октябрь. «Третий вечер лирики»⁴ был гораздо лучше. Ершов спел песню Гаэтана с потрясающей силой и всех восхитил и увлек, студийцы были менее приличные, «Двенадцать» недурны, «Скифы» тоже, а главное совсем хорошо, по-настоящему читал Чернявский⁵. Это настоящее преображение. Подготавливается итальянский вечер Блока в Общ<естве> люб<ителей> ит<альянской> куль<туры>. Вероятно будет читать «Молнии искусства» и итальянские стихи Чернявский. <...>

Все три⁶ Вас крепко целуем, любим и благодарим за письмо. Пишите побольше!!!

Ваша М. Бекетова.

Е.Ф. Книпович. Стрельна. Лето 1920.

E.F. Knipovich. Strel'na. Summer 1920.

*(По словам племянницы Е.Ф.К., Н.К. Книпович,
это фото сделано А.А. Блоком на пляже в Стрельне)*

¹ Чулков Георгий Иванович (1879–1939), поэт, прозаик, критик и переводчик. Очевидно в 1922 г. Е.Ф.К. познакомилась с Чулковым и встречалась с ним в связи с организацией «Блоковского кружка» и с деятельностью Ассоциации ГАХН, где 30 октября 1924 г. он прочел доклад «А. Блок и его время». О их встречах свидетельствует инскрипт на книге Чулкова «Наши спутники: Литературные очерки» (М.: Изд. Н.К. Васильева, 1922): «Евгении Федоровне Книпович на добрую память о встречах и беседах весной 1922 года. Георгий Чулков. 1922» (частное собр.); см. также письмо Чулкова к ней от 19 декабря 1922 г., хранящееся в Музее-заповеднике Д.И. Менделеева и А.А. Блока.

² Разумник Васильевич Иванов-Разумник (наст. фам. Иванов; 1878–1946), литературовед, критик, историк литературы, социолог.

³ Вольная Философская ассоциация, членом-учредителем которой были А. Блок и А. Белый, организована в 1919 г.; А. Белый был председателем Совета ассоциации (1919–1921) и принимал активное участие в ее работе.

⁴ См. п. 1.

⁵ Чернявский Владимир Степанович (1889–1948), поэт, критик, актер, чтец; знакомый А.А. Блока, играл в театре Народной комедии (1919–1920) в ряде спектаклей с Л.Д. Блок; затем в театре Новой драмы (1921–1924); в 1920–1930-е часто выступал с чтением стихотворений Блока. Е.Л. Шварц, вспоминая о театре Новой драмы, писал о нем: «...худой, стройный, с лицом поэта, вскормленного, точнее, истомленного временем между двумя революциями <...> настоящий артист...» (*Шварц Е. Живу беспокойно...: Из дневников. Л.: Сов. писатель, 1990. С. 371*).

⁶ Кроме Л.Д. Блок, имеется в виду Шелгунова Анна Ивановна (Аннушка), давняя прислуга Бекетовых.

3.

15 октября 1922

Петербург.

Дорогая Женя,

еще за одно письмо от всех нас спасибо, спасибо. Чтобы не забыть, начинаю с просьбы. Если Вы соберетесь вскоре к Наде Павлович, или ей напишите (я ее адреса точного не знаю¹), спросите ее от моего имени, куда девалась книга О. Шпенглера² моего племянника Фероля (Феликс Адамович Кублицкий³. Трубниковский пер., 30, кв. 12), которую она взялась перевести ему, когда уехала из Петербурга и была у нас в последний раз⁴.

<...> На днях был еще один Блоковский вечер в Общ<естве> любит<елей> итальянской культ<уры>⁵, в доме Зубова⁶. Было хорошо. Читал по Любиной рекомендации Чернявский: «Молнии искусства» и итал<ьянские> стихи почти все. Вступительное слово — хорошее и по-новому сказал Гизетти⁷. <...> Чернявский великолепно читал прозу и хорошо стихи, не все одинаково, но иные — прекрасно.

<...> О книге Княжнина⁸ мы думаем, что она искупает своим тоном и вообще отношением к Блоку, но в ней полное несоответствие частей: большая голова и маленькое туловище с ножками. Много ненужных документальных подробностей об учителях и профессорах. Попался Княжнин с Грибовской⁹: просто ведь ужасно лживой, поверил ее вранью и выписал цитату из ее воспоминаний (все абсолют<ная> чепуха). Пяст в какой-то газетке остроумно поддел документальность Княжнина¹⁰, и потому совсем разобидел. Книга его никому не нравится. Мы находим, что в общем она недурна, местами есть ценное. А читали Вы статьи Троцкого о Белом и Блоке¹¹? Мне уже прислал ее Фероль. Что скажете? В ругани об Андрее Белом много верного, хотя конечно очень односторонне, а что же до Блока (мы

с сестрой нашли) прямо очень хорошая. Конечно, лирика немножко ускользает¹², но «Двенадцать» и отношение к революции все верно, верно. И тон хороший. И вообще много верного и нового. Жаль, что нельзя с Вами об этом поговорить. Портрет — совсем не позорный, безобидный¹³. Конечно Саша «засахарен», как сказала Люба, но это лучше Сомовского портрета¹⁴. Кто знал Сашу в те времена не оскорбятся. Пусть молодые покупают, что недурно. Действительно похожи только лоб и волосы, они такие и были. <...>

¹ С июля 1922 г. по апрель 1923 г. Н.А. Павлович находилась в Оптиной Пустыни, куда приехала по приглашению художника Л.А. Бруни, жившего с семьей в деревне Стенино под Козельском.

² О каком издании первого тома книги О. Шпенглера «Der Untergang des Abendlandes» («Падение Запада»; в русском пер. «Закат Европы»), выдержавшей с 1918 г. по 1920 г. 32 издания, идет речь, неизвестно. О возможном знакомстве Блока с книгой Шпенглера сведений нет (ср.: [15]), но есть вероятность того, что Ф.А. Кублицкий-Пиоттх мог познакомить с ней Блока; см., например, замечание В. Гольцева о том, что «идеи Блока интересно было бы сопоставить с “Закатом Европы” Освальда Шпенглера» (Гольцев В. Проблема музыки у Блока [17, с. 273–274]), и сделавшего позднее некоторые сопоставления Д.П. Мирского (Мирский Д. О прозе Блока // Блок А. Собр. соч.: <в 12 т.>. Л.: Сов. писатель, 1936. Т. 8. С. XXV–XXVI).

³ Кублицкий-Пиоттх Ф.А. (1884–1970), юрист; двоюродный брат А.А. Блока, сын Софьи Андреевны (урожд. Бекетовой) Кублицкой-Пиоттх.

⁴ Н.А. Павлович перестала бывать у Блоков с марта 1921 г. («...в начале кронштадтских дней я порвал с ней отношения...», — отметил Блок 25 мая; см.: [5, с. 347]), и вскоре уехала в Бежецк; в Москву из Петрограда она уехала уже после похорон А.А. Блока.

⁵ Отчет о вечере в Обществе изучения итальянской культуры см.: Я.Г. <Гик Я.М.> // Последние новости (Пг.). 1922. 15 окт.

⁶ Дом Зубова — дом № 5 на Исаакиевской площади, с 1869 г. принадлежал семейству Зубовых, в 1912 г. здесь графом Валентином Платоновичем Зубовым (1884–1969) был открыт Институт истории искусств, после революции, когда дом был уже конфискован, переданный Наркомпросу и до 1920 г. носивший его имя.

⁷ Гизетти Александр Алексеевич (1888–1938), критик, публицист, историк общественной мысли; активный участник Вольфилов; неоднократно арестовывался и умер в тюрьме; в архиве Е.Ф.К. сохранилось его письмо к ней.

⁸ *Княжнин В.Н.* Александр Александрович Блок. Петербург: «Колос», 1922. В Пушкинском Доме хранится экземпляр с дарственной надписью: «Всем Блокам, Бекетовым, Кублицким-Пиоттх и Менделеевым, живущим на Офицерской. Сочинитель. 8/21 VIII. 1922» (см.: Наше наследие. 2013. № 105. С. 100).

⁹ Речь идет о цитируемых Княжниним «Воспоминаниях об Александре Блоке» М. Грибовской, см. *Княжнин В.Н.* Указ соч. С. 24–25. Грибовская (урожд. Теплова) Мария Александровна (1880 – после 1926), жена профессора В.М. Грибовского, в студенческие годы готовившего А. Блока к поступлению в гимназию.

¹⁰ Пяст, в частности, писал: «Испанский драматург XVII столетия Тирсо де Молина к сожалению всех буквоедов стал знаменитым лишь в XIX веке. Филологи ринулись разузнать что-нибудь о жизни монаха Габриэля Тельеса, писавшего под этим псевдонимом. <...> Но по странной иронии судьбы, главные монастырские книги оказались разодранными <...> В своем филологическом рвении В.Н. Княжнин отнесся к умершему год назад А.А. Блоку не иначе, чем к Тирсо де Молина относятся

историки испанской литературы. Совершил паломничество в университетский архив, разрыл его до основания <...>» Несмотря на насмешки над разысканиями автора, вывод рецензента снисходителен: «...книжка Вл. Княжнина читается с интересом, легко и неприятного осадка в душе не оставляет» (Жизнь искусства. 1922. № 35. 5 сент.).

¹¹ *Троцкий Л.* Вне-октябрьская литература. А. Белый. А. Блок // Правда. 1922. № 221, 1 окт. С. 2, 3; статьи вошли в книгу Троцкого «Литература и революция» (М.: Красная новь, 1923), где статья «А. Белый» (с. 34–40) включает раздел «I. Вне-октябрьская литература», а статья о Блоке выделена в самостоятельный третий раздел (с. 84–90).

¹² Троцкий писал: «Звездно-метельная, бесформенная лирика Блока отражает определенную среду и эпоху, ее склад, ее уклад, ритм и вне этой эпохи повисает облачным пятном. Эта лирика не переживет своего времени и своего творца» (*Троцкий Л.Д.* Литература и революция. С. 84).

¹³ Очевидно, имеется в виду портрет А.А. Блока (1922) М. Дмитриевского, открывавший цикл «Памяти А. Блока. Театр: Автолитографии», о котором идет речь в п. 1 (см. примеч. 21).

¹⁴ Портрет А.А. Блока (1907) работы Константина Андреевича Сомова (1869–1939) после публикации (Золотое Руно. 1908. № 1) стал широко известен и вызвал самые противоречивые суждения [7, с. 257–264], отрицательно отнеслись к нему и близкие поэта; см.: [3, с. 79].

4.

6 марта 1923

Петербург.

Дорогая Женя, пишу Вам даже охотно: мне приятно говорить о моей дорогой с теми, кто ее любил и понимал¹. Очень плохо ей было зимой и заметно она клонилась к концу. Радовалась этому, надеялась, что уже недолго ей мучиться. Но так скоро не ждала она смерти, также как и мы. Когда мы с ней были одни, она чаще всего говорила две фразы: «Как холодно» и «Когда же я умру?». Умерла она от закупорки околосердечной вены. Перед тем две ночи провела в платье на диване, сидя, иначе не могла спать: задыхалась и т. д. Обедала все больше у себя в комнате. Припадок отчаянных болей случился как раз за обедом. Услыхав ее стоны, мы бросились к ней и нашли ее на диване: она металась и кричала в страшных муках. Позвали докторшу из нашего дома (она ее лечила не раз), перенесли на кровать. Было сделано в этот день два впрыскивания морфием, но мало подействовало это — она только перестала кричать и метаться, но все говорила: «Больно, больно, ужасно больно, впрысните еще раз, убейте меня». Промучилась так целые сутки. На другой день сделали третье впрыскивание, после которого она заснула крепко, на несколько часов, ночью ненадолго просыпалась, что-то

мне говорила, по большей части невпопа. Умерла во сне — совсем тихо: раза три всхлипнула как-то, вздохнула, удивленно взглянула и стихла. Это было около 3-х часов — когда у Вас был Сам<уил> Мир<онович> и Вы про нее говорили. Я сидела около нее и следила за ней. Позвала Любу. Еще слабо билось сердце. Утром приходила докторша, сказала нам, что жизнь ее можно продлить на несколько часов, но стоит ли ее мучить? Мы конечно сказали, что не стоит, тем более, что докторша предсказывала очень спокойную смерть. Душенька моя была в полузабытьи, но на вопрос докторши: «Чего вы хотите, А<лександра> А<ндреевна>?» сказала ясно: «На кладбище». Спрашивала также меня — «Скоро ли я умру?» Я сказала: «Теперь уже скоро». Она забылась с легкой улыбкой. Так и лежала она в гробу, спокойная, тихая, с легкой улыбкой; помолодела и похорошела: лицо стало бледное, похудело. Казалось, что она спит. Мне все чудилось, что она дышит. Положили мы ее в столовой на стол, засветили зеленую лампадку. Люба отправилась в Вольфилу (ведь было воскресное заседание)², там всех оповестили и поручили послать телеграмму Кублицким и известить Анну Ивановну, сама заходила к Люб<ови> Ал<ександровне>. Разумник Вас<ильевич> лежит в инфлюэнце. В первый день не успели отслужить панихиду. Их было всего две — по вечерам. Первым пришел Карп Лабутин³, которому Люба написала записку, думая поручить ему всех известить, но не застала его дома — он пришел тотчас после нее. И из Вольфилы пришли Пинес⁴ и Женя Иванов, Гизетти. Кажется была и Люб<овь> Ал<ександровна>. На панихиду собралось человек 15. Люба насчитала, что на второй панихиде было 11 евреев! Пришел Билецкий⁵ с женой и свояченицами... Ольга Дм<итриевна> Форш пришла больная, с плевритом, не была только на выносе, поехала прямо на кладбище к обедне вместе с Шагинян⁶. Люб<овь> Ал<ександровна>, тоже сильно простуженная, была также и на выносе и всю дорогу шла за гробом рядом с Любой. Анне Ивановне нездоровилось: головокружение. Она была на минутку днем два раза, даже не заходила к покойнице. Лежит в постели. Оно и хорошо, что она не была. Бог с ней.

Очень огорчены наши друзья евреи: Алянский и Пинес. Они очень, очень любили сестру. Пинес все заходил к ней один и подолгу там оставался. Хорошо поговорили мы с Ольгой Дм<итриевной>. Она меня очень к себе звала. Теперь нам есть о чем с ней поговорить. Моя душенька лежала такая красивая в глазетовом гробу, и друзья ее разукрасили. Белый венок от Вольфилы и от Пинеса, от него же како-е-то красивое зеленое растение и зеленые ветви. С<амуил> Мир<и-

ронович> принес белую сирень, Карп Лаб<утин> белый цикламен. Люба все это удивительно красиво расставила и разбросала. Служил панихиды От<ец> Александр из русско-эстонской церкви⁷, он служил последнюю панихиду по Саше. Прекрасный священник. Отпевали ее в маленькой церкви под Троицей, потому что там только и топят. Могила пришлась совсем рядом с маминой вплотную, прямо против Сашиной. В маленькой записочке, лежавшей в письменном столе, нам было завещано похоронить ее там и на кресте написать — «по первому мужу Блок», и потом уже «Кублицкая-Пиотух». Написали просто «Блок-Кубл<ицкая>-Пиот<ух>». Вчера был девятый день. Мы дали знать, что будем служить панихиду на могиле, очень немногим. Люба была занята. На кладбище пришел один Пинес. Мы с ним и служили панихиду. День был удивительный: небо синее, солнце сияло, начало таять. После всех этих подробностей скажу Вам, Женя, я отдыхаю от ее страданий, я радуюсь за нее и чувствую бесконечное успокоение. Исполнилось ее страстное желание, «Бог ее простил», как она говорила. Хотелось ей умереть весной, чтобы было тепло ее хоронить. Ну этого не случилось, но все же мороз был небольшой в день похорон. Теперь я буду работать: Сам<уил> Мир<онович> заказал мне ко второй Сашиной годовщине другую книгу: в ней будут все портреты с пояснениями и по возможности много нового текста⁸. Все это надо зрело обдумать. Буду стараться. <...>

Ваша М. Бекетова.

¹ Мать Блока А.А. Кублицкая-Пиотух умерла 25 февраля 1923 г.

² В воскресенье 25 февраля 1923 г., как следует из плана Вольфицы, прошло заседание, посвященное А.Н. Скрябину; см.: [4, с. 380].

³ Лабутин Карп Сергеевич (1895 – после 1941), библиофил, сосед А.А. Блока, автор воспоминаний о нем; см.: [14, с. 95–97].

⁴ Пинес Дмитрий Михайлович (Мейер Мейлахович; 1891–1937, расстрелян), историк литературы, библиограф, секретарь Вольфицы. Вместе с Ивановым-Разумником занимался подготовкой Собр. соч. А.А. Блока в 12 т. Письма М.А. Бекетовой к Пинесу (1922–1931) см.: РГАЛИ. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 108.

⁵ Белицкий (Билицкий) Ефим Яковлевич (1895–1940, расстрелян), в 1921 г. заведующий отделом управления Петроградского Совета (1917–1922), руководитель петроградского и представитель берлинского отделения издательства «Эпоха» (1921–1925), заместитель заведующего Петроградского (Ленинградского) отделения Госиздата (1922–1926).

⁶ Шагинян Мариэтта Сергеевна (1988–1982), поэтесса, прозаик, журналист.

⁷ Пацлар Александр Викентьевич (1873–1938, расстрелян), протоиерей православного эстонского храма свмч Исидора Юрьевского (1918–1935).

⁸ Посетивший 9 мая 1923 г. М.А. Бекетову Чуковский отметил, что она «пишет новую книгу о Блоке — текст к фотокарточкам, которые хочет издать к годовщине смерти Блока Алянский» [21, с. 94].

5.

12 августа 1923

Петербург.

Дорогая Женя, буду писать по порядку: в день Вашего отъезда вечером были у нас Белицкий с Алянским, дождались Любу часам к 10-и, и письма отданы Белицкому¹, который надеется, если разрешит печатание цензура, напечатать их к сентябрю. Люба получила 10 миллиард<ов> авансу, которые уже профершпилила. Последние дни провели на мои скромные миллионы. 7-го августа была заупокойная обедня в церкви Воскресения на Смоленском и конечно панихида у могил. Народу собралось человек 25, 30, т. к. Люба не объявляла в газетах. С 6-го начались вольфильские понедельники на Фонтанке². Началось довольно плачевно, но конец, венчавший дело, был блестящий. Публика начала собираться с 7 1/2-ой, и ее собралось полный зал, но Евг<ений> Павл<ович>, слегка запоздавший, забыл взять с собой самое главное — Сашины письма, привез только дневник, из которого все более смущаясь, путаясь и понижая голос до слабого бормотанья прочел многое о себе и очень мало о Блоке. Но судьба сжалилась над несчастным, а также и над публикой, которая держала себя образцово, даже не переглядывалась. Оказывается, что Раз<умник> Вас<ильевич> привез с собой из Царского только что переданные ему Пинесом письма к С.М. Соловьеву³. Когда Женя совсем уже скукислся, было предложено их прочесть, что и было сделано ко всеобщему удовольствию. В следующий понедельник⁴ Евг<ений> Павл<ович> будет читать только письма — свои и Блока. <...> 27-го авг<уста> будет вечер памяти Блока в «Союзе писателей»⁵. Ко мне приезжала Султанова⁶, просит меня прочесть что-нибудь из своей новой книги. Я согласилась, так как зала совсем маленькая. Кроме меня будет читать свои воспоминания (новые) Чуковский⁷, просит неизданных Сашиних стихов, но Люба конечно не дала. Будут, значит, читать старые, если хотят. Я посоветовала позвать для этого Чернявского. <...>

¹ Очевидно речь идет о письмах А. Блока к Андрею Белому, первоначально планировавшихся к публикации в № 1 журнала «Эпоха» (Белицкий принимал в нем участие как представитель издательства), затем в № 1 (где также намечалось поместить воспоминания о Блоке Е.Ф. Книпович) и № 2 журнала «Основы», но оба издания не осуществились; см.: [12, с. 568–573].

² Газета «Последние новости» (Пг.) (1923. № 33. 6 авг.) сообщала: «...Памяти покойного будут посвящены четыре понедельника Вольной Философской

Ассоциации. Первый из них сегодня в 7 ч. 30 м. вечера <...>». Понедельники в Вольфиле (Фонтанка 50, кв. 25) прошли 6 («Е.П. Иванов. Воспоминания о Блоке»), 13 («Е. Иванов. Переписка с Блоком»), 20 («Неизданные произведения Блока») и 27 августа («М. Бекетова. Мать поэта Блока»). См. также: [4, с. 396–397].

³ См.: Письма Александра Блока: Со вступительными статьями и примеч. С.М. Соловьева, Г.И. Чулкова, А.Д. Скалдина и В.Н. Княжнина. Л.: Колос, 1925. С. 49–82.

⁴ 13 августа 1923 г.

⁵ Конкретных сведений о вечере памяти Блока в Союзе писателей 27 августа 1923 г. разыскать не удалось, но в «Хронике» журнала «Жизнь искусства» (1923. № 34. 28 авг. С. 26) сообщалось: «В связи с годовщиной смерти поэта состоялся вечер, посвященный его памяти, на котором с речами и воспоминаниями о Блоке выступили: А.Л. Волинский и М.А. Бекетова. К.И. Чуковский прочитал отрывки из своей новой книги о поэте». Перед тем «Последние новости» (Пг.) (1923. № 37. 27 авг.) поместили объявление о заседании в Вольфиле «... по случаю полугодовщины со дня смерти матери Блока <...> Сестра покойной М. Бекетова прочитает из своей ненапечатанной книги “Александр Блок и его мать” главы, посвященные жизни матери и его влиянию на сына».

⁶ Султанова (Леткова-Султанова) Екатерина Павловна (1856–1937), прозаик, переводчица, мемуаристка.

⁷ «Книга об Александре Блоке» К. Чуковского (Пб.: «Эпоха», 1922) была переиздана в дополненном виде: Александр Блок как человек и поэт. (Введение в поэзию Блока). Л.: Изд-во «А.Ф. Маркс», 1924 (Б-ка для самообразования). Отрывок из нее под заглавием «Возмездие», возможно, и читавшийся на вечере, поместил журнал «Жизнь искусства» (1923. № 47. 27 нояб., № 48. 4 дек.).

6.

14 августа 1923.

Вчера было в Вольфиле нечто удивительное: прекрасное и высокое до умиления. Женя Иванов читал свои и Сашины письма, кончая 1906 год <ом> и днем, когда Саша принес ему в подарок только что вышедшую «Нечаянную радость» с такой надписью¹, что после всего того, что читалось весь вечер, я расцеловала Женю всенародно и расплакалась. Евг<ений> П<авлович> в своих письмах² — великолепных по искренности, смирению и силе чувства — выворачивал свою душу до самого дна и не побоялся все это показать людям и читал с великой простотой и сердечностью. Сашины письма к нему это самое бесценное сокровище, которое Женя и заслужил своим отношением к нему и всеми качествами своей прекрасной души. Бывают же такие люди на свете! Ну, Саша-то был уж слишком хорош, потому и ушел от нас так рано, а Женя-то еще с нами, слава Богу. <...>

¹ См.: [14, с. 74]

² См. новейшее научное издание: [1].

7.

13 октября 1923

Петербург.

Дорогая Женя, я очень виновата перед Вами. Вот наконец собралась писать. <...>

Раза три в неделю приходит по утрам Медведев¹ (автор книжки о Блоке², милый, ласковый провинциал), он описывает библиотеку Блока. Есть проект печатать сборники, посвященные литературным матерьялам и исследованиям о Блоке, ведутся переговоры с издательством «Атеней»³. Редактор предполагаемый — Модзалевский⁴, ближайший сотрудник Медведев. 16 октября на выставке Русск<ая> худ<ожественная> литер<атура> за револю<ионные> годы⁵ в Пушкинском Доме в театральном зале будет Блоковский вечер⁶. Люба читает «Двенадцать», ее ученики Шура⁷, Лебедев⁸ и Жерве⁹ — лирические стихи. Медведев — отрывки из дневника Ал<ександра> Ал<ександровича> 18-го года о «Двенадцати». Д'Орлиак поет романсы на стихи Блока. Все Вам расскажу, обещаю клятвенно — после вечера. Я теперь совсем здорова. У меня много неудач. Моя 1-я книга все еще между небом и землей. Посылаю Вам заявление¹⁰, только сейчас узнала, что оно так и не послано. Вторая книга¹¹ не печатается, даже не одобрена. <...>

Ваша тетя.

¹ Медведев Павел Николаевич (1891–1938, расстрелян), теоретик и историк литературы, критик; автор многих работ о Блоке, публикатор его наследия.

² Имеется в виду книга: Памяти Блока / сб. материалов под редакцией П.Н. Медведева. Пг.: Полярная звезда, 1922 (2-е, доп. издание — 1923).

³ «Атеней» — петербургское издательство (1921–1925).

⁴ Модзалевский Борис Львович (1874–1928), литературовед, историк литературы, библиограф и генеалог; один из создателей Пушкинского Дома; основатель издательства «Атеней».

⁵ Выставка работала с 16 сентября по 1 ноября 1923 г.; о ней см.: [16, с. 157–158].

⁶ На вечере памяти А.А. Блока присутствовало около 500 человек; вступительное слово произнес И.А. Кубасов, следом Л.Д. Блок прочла стихотворение «Пушкинскому Дому» и с докладом «Дневник Александра Блока за три месяца 1918 г.» выступил П.Н. Медведев. Затем Л.Д. Блок читала «Двенадцать», а ее ученики, О.А. Лебедев, К.Н. де Жерве и А.В. Григорьева, стихи поэта. В заключение вечера К.Н. Дорлиак и М.В. Юдина исполнили романсы на стихи поэта (программу вечера см.: РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. № 20. Л. 8).

⁷ А.В. Григорьева.

⁸ Лебедев Олег Алексеевич (1900–1972), в 1923 г. актер «Молодого театра», где тогда же работала Л.Д. Блок.

⁹ Жерве Константин Николаевич (1899–1941), актер; погиб в блокаду.

¹⁰ К письму приложен следующий текст:

В Главлит
Гражданки М.А. Бекетовой

Заявление

Прошу выдать разрешение на ввоз из-за границы в Россию моей книги «М.А. Бекетова: Александр Блок» на основании разговора с Л.Дм. Блок о пересмотре этой книги. Марку «Петроград» обязуюсь переделать на «Берлин».

гражданка М.А. Бекетова
Петроград. Офицерская, 57, кв. 23.
14 октября 1923.

¹¹ Имеется в виду книга М.А. Бекетовой «Ал. Блок и его мать: Воспоминания и заметки» (М.; Л.: Петроград, 1925).

8.

1 декабря 1923
Петербург.

Дорогая Женя, милая Кисанька, ничего особенного не случилось, просто я медлила Вам писать по разным причинам. <...>

Разве я Вам не писала про Блоковские сборники?¹ Был план издавать неизданные матерьялы и исследования о Блоке по разным отделам сборниками под редакцией 3-ех лиц. За это дело взялся было в проекте «Атеней», но съездив в Москву, издатель отказался печатать, верно не дали денег. Теперь идут переговоры с Госиздатом, т. е. с — Ионовым, но он согласен издавать только Блока, а не его комментаторов. Люба готовит (очень медленно торопясь) дневники, а я переписку домашних, т. е. семейную, с моими примечаниями, тоже не спешу, т. к. это откладывается в долгий ящик². Переписывает все тот же мой приятель Лабутин (помните?) <...> 16 ноября (29-го) в Вольфиле было Блоковское поминание — читали Вашу статью и отрывки из его дневника 18 года³. Никаких прений, конечно, не было. Я была рада прослушать еще раз Вашу статью, и она мне опять понравилась. Народу было много, и многие невинные барышни, конечно, были ошеломлены дневником Блока — не ожидали верно услышать, как он ругается. Вели себя скромно, но вид имели недоумевающий. Женя Иванов который в этот день перетаскал с женой 30 вязанок чужих дров, совсем расстроился и говорил, что в дневнике Блок больной человек, и все это очень тяжело. <...>

¹ См. п. 7.

² Имеются в виду «Письма Александра Блока к родным», позднее вышедшие в издательстве «Academia» в 2 т. (1928, 1932).

³Заседание, посвященное памяти А.А. Блока, к годовщине его рождения прошло в Вольфиле (Фонтанка 50, кв. 25) 28 ноября 1923 г., на нем была зачитана статья Е.Ф. Книпович (по всей видимости, «Дело Блока», см.: Современная литература: Сб. статей. Л.: Мысль, 1925. С. 23–30).

9.

12 декабря 1923

Петербург.

Дорогая Женя, посылаю Вам письмо вольно-экономическим путем через моего племянника Андрея Кублицкого¹. Видите как скоро я отвечаю? За избрание мы с Любой благодарим, она просит посылать ей что придется от учреждения, т. е. от кружка официально, чтобы все это приобщать к музею. Говорит, что если ее попросят, даст матерьялы — конечно с разбором, прибавляю я от себя. К бюсту отнеслась очень скептически, т. е. думает, что он не удался², и советует приехать сюда, и хоть маску посмотреть, а я думаю хоть бюст Кустодиева, хоть он и не удался, и не окончен³. Как же это можно без оригинала, только по портретам? Спасибо Вам за сведения о кружке и об Андрее Белом. Думаю, однако, что ритмикой своей он Вас качает⁴. Это очень специально. Разве в его собственном изложении оно будет вразумительно и интересно. На Вас я, конечно, очень надеюсь. Слышала я, что Вы написали статью о «Возмездии» и о «Розе и Кресте» пишете⁵. В каком роде? Конкретно или умозрительно? С кем же, как не с Вами обсуждать дела кружка Андрею Белому? Ведь Вы же его душа. Ведь очень знаменательно, что и «бабушка»⁶ Ваша и Люба обе считают, что Вы понимаете Блока так, как никто из посторонних. Сначала это знали только они, с другими Вы все молчали, да покуривали, иные даже на Вас косились и недоумевали, но теперь все друзья Блока, с которыми я имею дело, желают, чтобы Вы были в Петербурге, и относятся к Вам совсем особенно и многого от Вас ждут. Я думаю, что Ваши мысли созрели и вполне оформились, и Вы можете сказать то, что другие не могут знать, Вы знаете самую сущность Блока, знаете и чувствуете, а при этом ведь Вы очень умны и интеллигентны, да еще и образованны. Конечно, Андрею Белому говорил про Вас и Сережа⁷. У меня все еще ничего нового. Много досад и докук, но я здорова и мало унываю. Занимаюсь письмами Блока — семейными, ходит ко мне переписчик (Лабутин), а я составляю примечания. Нашла целую пачку нечитанных мною очень интересных писем к Ал<ександру> Львовичу, начиная с 1898-го

года, после поступления в Университет. В них как нигде выясняется его отношение к Университету, профессорам и т. д. Их много, я еще даже не все прочла. <...>

¹ Кублицкий-Пиоттух Андрей Адамович (1886–1960), двоюродный брат А.А. Блока.

² О каком бюсте идет речь неясно. М.З. Долинский сообщал, что «...(предположительно) в десятые годы брат Любовь Дмитриевны И.Д. Менделеев вырезал из дерева голову поэта. Эта работа хранится у Е.Ф. Книпович» [7, с. 309]. Ныне этот бюст, датируемый 1930-ми гг., хранится в музее А.А. Блока в Шахматове, переданный в него комиссией по наследию Е.Ф. Книпович [22, с. 122].

³ Над бюстом Блока Б.М. Кустодиев работал, судя по записям поэта, в феврале–мае 1914 г. М.А. Бекетова в примеч. к письму Блока матери от 17 мая 1914 г., где упоминался Кустодиев, отметила: «Начатый им бюст Блока он потерял» (Письма Александра Блока к родным. Т. 2. С. 464). По свидетельству сына художника, «...после смерти поэта он отдал бюст отлить в бронзе, но отливка не была осуществлена, а оригинал из пластилина погиб» (*Кустодиев Б.М.* Письма. Статьи, заметки, интервью. Встречи и беседы с Кустодиевым (Из дневников Вс. Войнова). Воспоминания о художнике. Л.: Художник РСФСР, 1967. С. 301). См. также: [7, с. 22].

⁴ 17 декабря 1923 г. А. Белый, сообщая Иванову-Разумнику над чем он работал «последние недели», в первую очередь называет работу «над трехдольниками поэтов (в частности Блока ...）」 [2, с. 270], выше в том же письме упомянута Книпович, с которой, очевидно, он мог ее обсуждать.

⁵ В архиве С.Д. Мстиславского сохранилась машинопись статьи Е.Ф.К. «Роза и Крест. Статья к годовщине смерти А.А. Блока», датированная 1922 г. (РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 1. Ед. хр. 324); о поэме «Возмездие» и драматической поэме «Роза и Крест» см. также в статье Е.Ф.К. «О литературном наследии Блока» (Книга о книгах. 1924. № 7–8. С. 23–26).

⁶ Как вспоминала Е.Ф.К., мать Блока «попросила, чтобы я не звала ее по имени-отчеству, а называла бабушкой» [11, с. 20].

⁷ С.М. Соловьев.

10.

14 января 1924

Петербург.

Дорогая Женя, наконец-то я добилась от Любы ответов на Ваши вопросы. Она уверяет, что вопросов тьма, так что я принесла целый лист, чтобы их, т. е. ответы записывать. И что же? Ну вот: Соболеву¹ придти можно, она его знает. Копии с дневников получите не так-то скоро. Это значит Бог знает когда. Она еще и для себя-то их не сделала. Все запустила — мысли направлены на одно... А маска у нее². Сегодня опять вечер Блока, т. е. «Двенадцать» и ученики с лирическими стихами. <...> Читала я у Маруси Шкапской на днях³ по черновику две главы свои: одну о маленьком Саше, другую об его матери и первом браке⁴. Не знаю уж, было ли интересно молодым

(их много было), старшим-то было. А что же моя рукопись? Где она? Послана ли? Как это все глупо и досадно вышло. 17-го я обещала опять читать у Маруси продолжение, надеясь на рукопись, а кроме того она может как раз после 15-го понадобится издателю. Все это меня очень беспокоит. Скоро, Бог даст, выяснится.

А не знаете ли, получил Сережа Соловьев мое письмо? Я ему писала на днях и просила Пяста надписать адрес (я его не знала) и послать письмо. Послал ли? Тем временем Лившиц⁵ («Петроград») все не собрался издать «Двенадцать»⁶, Бог его знает или вернее черт его знает, почему. Давно срок уходит. А в Госиздате будут дневники, неизданные стихи и письма. Стихи у нас переписывает по Любиным указаниям Медведев. Дело, кажется, подвигается, хотя и медленно. Тоже и с перепиской писем. <...> 7 томов Блока⁷ наконец пришли и лежат на таможне. С<амуил> Мир<онович> скоро их получит и тогда, Бог даст, выкарабкаемся из своих дебрей и ям. Ждите в Москве его маленьких книжек с автографом Блока. Если увидите, всех оповещайте. Целую и обнимаю крепко. Поправляйтесь, не хандрите.

Тетя.

¹ Соболев Юрий Васильевич (1887–1940), театровед, литературовед, критик; автор публикаций, посвященных А.А. Блоку.

² Речь идет о посмертной маске А.А. Блока.

³ Очевидно, 10 января 1924 г., поскольку литературные собрания у М.М. Шкапской на Петроградской стороне проходили по четвергам.

⁴ См. две первых главы книги М.А. Бекетовой «Ал. Блок и его мать».

⁵ Лившиц Яков Борисович (1881–1942), журналист, глава издательства «Полярная звезда», заведующий издательства «Петроград».

⁶ См.: *Блок А. Двенадцать*. Скифы / издание 6-е. Пг.; М.: Изд-во «Петроград», 1924.

⁷ *Блок А. Собрание сочинений*. Т. 1–7. Берлин: Эпоха, 1923.

11.

23 января 1924

Петербург.

Дорогая Женя, получила вчера Ваше письмо, отправляясь к Лившицу в «Петроград», заключать условие о моей второй книге¹ (рукопись получена). Ура! все сделано, и я уже получила аванс. Уверяет Лившиц, что цензура не задержит и вскоре все будет напечатано. Увидим. Условия выгодные, и я еще разбогатела. Люба что-то не хочет посылать в Москву «Без божества, без вдохновенья»². А пока

просила Вам написать, что она написала, очевидно пропавшее письмо Викт<ору> Викторовичу³ (я сама его посылала заказным), в котором предлагала устроить в Москве Блоковский вечер в Благородном Собрании — наподобие тому, который был здесь в Пушкинском Доме, т. е. «Двенадцать» в ее исполнении, лирика — ее ученики или Чернявский, Медведев — дневник и пение романсов Д'Орлиак и Щербачев. Находите ли Вы это желательным и возможным, думаете ли, что можно собрать зал Благородного собрания и пр.? Напишите скорее. Я спрашивала сейчас об условиях Любиного предложения. Вот они: часть дохода, если Вы беретесь оплатить издержки, поступит в вашу пользу. Это должно заменить предполагаемый Вами вечер. Если Вы не будете браться за устройство Любиного вечера, напишите. Тогда будем говорить о Вашем предложении⁴. У нас атмосфера несколько прояснилась и напряжение ослабело. Боюсь сплзнуть и потому не пишу подробностей. Сегодня получила письмо от Сережи — Слава Богу! Скажите ему, пока я не отвечала, что я его очень благодарю, и спросите, на время или совсем приехала П.С. Соловьева⁵, собирается ли она в Петербург и т. д. Да не забудьте сообщить мне его адрес. Он не сообщает, а я как спрошу его у кого-нибудь, так и забуду. Ах, если бы Вы приехали! Как бы хорошо было! У нас наступили крещенские морозы по старому стилю. Снегу намело бездна, везде на улицах наметены высокие белые горы, а на окнах листья, сады за забором и прочие узоры. А в те сутки, когда умирал Ленин, была отчаянная метель и погода, описанная в «Двенадцати». <...>

¹ Рукопись книги «Александр Блок и его мать».

² Текст статьи, очевидно, все же был послан и прочитан 19 марта 1924 г. на публичном заседании Ассоциации по изучению творчества А. Блока в ГАХН.

³ Гольцев Виктор Викторович (1901–1955), критик, литературовед; заместитель председателя Ассоциации по изучению творчества А. Блока.

⁴ Видимо, речь идет о подготовке первого публичного заседания Блоковской ассоциации, состоявшегося 19 и повторенного 27 марта 1924 г.

⁵ Соловьева Поликсена Сергеевна (1867–1924) в декабре 1923 г. вернулась из Коктебеля в Москву, где умерла 16 августа 1924 г. после операции.

12.

31 января 1924
Петербург.

Дорогая Женя, очень приятно было увидеться с Викт<ором> Викт<оровичем>. Его статья всем понравилась¹. Я просто поражена тем, как он понял и как хорошо изложил то, что понял. И нужные

темы затронул молодой мальчик. <...> Люба готовит для Госиздата дневники², переписывая их с подлинника, Медведев собирает неизданные стихи³. Моя рукопись в цензуре. <...>

¹ Вероятно, идет речь о статье «Проблема реализма в творчестве Блока» (Печать и революция. 1926. № 4. С. 24–39), первоначально прочитанной как доклад 26 ноября 1925 г. в Ассоциации; сообщая об этом в примеч. к статье, Гольцев выразил свою благодарность Л.Д. Блок и М.А. Бекетовой, которых посетил еще раз в сентябре 1925 г., «за сделанные <...> указания и за разрешение пользоваться неопубликованными материалами», добавил: «Рядом ценных советов я обязан Е.Ф. Книпович» (Там же. С. 24).

² «Дневник» А.А. Блока в двух томах вышел под редакцией П. Медведева в «Издательстве писателей в Ленинграде» (1928).

³ См.: Блок А. Незданные стихотворения: 1897–1919 / ред. и примеч. П.Н. Медведева. Л.: Жизнь искусства, 1926.

13.

3 марта 1924
Петербург.

Дорогая Женя, что Вы не пишете? Или больны после петербургских трудов? Мы живем все также. Слава Богу, Люба совсем прежняя. Работает усердно. Сдала все дневники раньше 1-го марта. Медведев кончает с неизданными стихами. Из записных книжек извлечено много неведомых сокровищ, целые стихи, а иногда четверостишия и даже двустишия, поразительные по силе. В этот том войдут и детские, которые переписывает мой Карп. 25-е¹ мы провели так: утром была панихида на могиле. Нас было очень мало, даже Люба не могла быть, но зато погода райская: полная тишина, солнце, голубое небо, тепло. Вечером в Вольфиле² была и Люба, народу довольно много. Разумник опять заболел и не был. Пинес прочел Ваше письмо в виде вступления. Целую Вас за него крепко, Вы так хорошо сказали то, что чувствовали, и так хорошо все поняли и почувствовали. Потом я читала с перерывом и пропусками довольно много из моей книги, потом Евг<ений> П<авлович> читал письма сестры к М<арии> Павл<овне>³, очень искренние, и его объяснения были хорошие, особенно начало. Под конец Надя Павлович прочла свои воспоминания, несколько измененные к лучшему⁴. Я читала также отрывки из писем. Все это вышло хорошо — и публика, и вольфильцы были довольны, ведь они только и держатся литературными вечерами, да поминками Блока. <...>

Была я на лекциях А. Белого⁵. Мне понравились обе, но вторая гораздо лучше. Я должна сказать, что самый вид и присутствие

А. Белого уже меня как-то особенно волнует и умиляет. Он один у нас остался, он так близок к Саше, и такие у него мысли, и так он их выражает, что я готова слушать его без конца. Ужасно его люблю. Были ли Вы на его лекциях? Мне даже трудно выразить, что именно во мне происходит, когда я слушаю А. Белого. Вы может быть это и так понимаете. <...>

¹ Годовщина смерти А.А. Кублицкой-Пиоттух.

² См. объявление о заседании памяти А.А. Кублицкой-Пиоттух в Вольфиле: Ленинградская правда. 1924. 24 фев. № 45. С. 8.

³ Иванова Мария Павловна (1873–1941), врач; сестра Е.П. Иванова, подруга матери А.А. Блока, о письмах которой идет речь. Выдержки из писем А.А. Кублицкой-Пиоттух к М.П. Ивановой см.: [14]. Переписывалась она и с Е.Ф.К.; см.: [23, с. 150–155].

⁴ См.: Павлович Н. Мать Блока // Россия. 1923. № 7. С. 25–26.

⁵ А. Белый в Ленинграде прочел две лекции: 14 февраля 1924 г. — «Одна из обителей теней» и 18 февраля — «Поэзия Блока».

14.

20 мая 1924
Петербург.

Дорогая Женя, вчера было последнее заседание Вольфилы, ее существование кончено¹. Читался дневник Блока 19-го года, имеющий отношение к открытию Вольфилы и к «Крушению гуманизма». Были скучные прения, сказал несколько слов Пинес и Разумник. Эту неделю была речь о том, чтобы в помещении Вольфилы устроить Блоковский кружок, подобрав новых людей, т. к. прежние не могут быть учредителями. Люба не захотела быть одной из учредительниц, как ей предлагали, нашла, что не нужно кружка, неприлично притягивать за волосы, что было только потому, что у Вольфилы есть 70 стульев и помещение, и т. д. Посылали Евг<ения> Павл<овича> к Медведеву для переговоров, он тоже не сочувствует. Так что мысль о кружке оставлена. Мне очень жаль, что Вольфила окончилась, я люблю ее дух, ее благородство, бесконечно благодарна за отношение к Блоку, единственное в своем роде, но вчера увидела, что она отжила свое и в ней появились нежелательные элементы, нарушающие ее дух. Не надо больше Вольфилы. <...>

¹ 30 апреля 1924 г. датирована резолюция об отказе перерегистрировать Вольфилу как научное общество, а 7 мая уведомление об отказе; см.: [4, с. 406, 413].

15.

29 июля 1924

Покашбор. С. 3. ж. д.

Станция Струги-Красные

Ольге Ник. Федорович – перед<ать> мне.

Милая Женичка, Вы одна из немногих ответили на мое письмо. <...> Как это хорошо, что найдены книги из Шахматовск<ой> библиотеки¹. Если бы можно было их выцарапать! Следовало бы все это делать Любе. Но я не жду этого. Она только торопится все издавать – ради денег. Дневники рано она выставила на позорище² — не следовало этого делать. Напишите мне, какие сделали снимки с Шахматова³? Андрей Кублицкий писал мне, что большая часть сада цела, а уже начали рубить липы. Ведь ни дома, ни флигеля нет. Может быть сняли двор с цветущим шиповником? Или вид налево (юго-восток) из сада на дорогу и дали. Срублена между прочим большая и привычная ель на гумне, уж очень жаль. <...>

¹ «Шахматовская библиотека, или, вернее, то, что от нее осталось при длительном уничтожении и расхищении внутреннего убранства дома, была вывезена в 1918–20 гг. Вертлинским Волисполкомом в село Новое, в 10 км от Шахматова. <...> Я нашел бывшую библиотеку уже в селе Мерзлом, в пяти верстах от Нового, где она временно была сложена в сельской школе, в 1924 г., в конце мая – начале июня», — вспоминал член Ассоциации по изучению творчества А. Блока П.А. Журов, разыскавший и описавший сохранившуюся часть Шахматовской библиотеки (Шахматовская библиотека Бекетовых – Блока / публ. З.Г. Минц и С.С. Лесневского; вступ. ст. З.Г. Минц. // Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 358. Труды по русской и славянской филологии, XXIV. Тарту, 1975. С. 401). В Отчете Ассоциации по изучению творчества Александра Блока за 1924 г. говорилось: «Так как в результате поездки в б. им. Бекетовых “Шахматово”, организованной с научными целями, было установлено, что значительная часть усадебной библиотеки Блока находится в ведении Вертлинского ВИК'а (Клинского уезда), Ассоциацией принимаются меры к доставлению сохранившихся книг в Москву» (Бюллетени Г.А.Х.Н. / под редакцией Ученого Секретаря Академии проф. А.А. Сидорова. 1. М., 1925. С. 52).

² См.: Блок А. Из дневника 1918 г. // Звезда. 1924. № 2. С. 89–98.

³ Речь идет о поездке группы членов Ассоциации по изучению творчества А. Блока в Шахматово; в протоколе заседания ассоциации 27 июня 1924 г. записано: «...была предпринята поездка в Шахматово с целью фотофиксации и разъяснения жителям о необходимости беречь деревья на усадьбе, которые они начали вырубать» [10, с. 216]. Судя по письму М.П. Ивановой 15 июля 1924 г. [23, с. 153], Е.Ф.К. в поездке в Шахматово участия не принимала.

16.

21 сентября 1924
Петербург.
Офицерская 57. Кв. 3.

Дорогая Женя, вот я и переехала. <...> Надеюсь на Дм<итрия> Мих<айловича>: он мне подробно расскажет обо всех находках «кружка». Как Вы находите, стоит мне делать подробное описание Шахматовского дома и сада с приложением фотографий и рисунков? Есть ведь снимки старого дома и обновленного. Между прочим Люба очень огорчила меня, продав не только письменный стол, который служил вначале моей матери, потом Саше, а затем его матери и мне, что еще понятно, он им дорожил, но и его большой портрет, нарисованный Гиппиус¹, и два снимка Шахматовских, особенно я любила тот, где Саша в белом стоит в профиль и удит рыбу². Вы может быть думаете, что она права и следует теперь же приобщить все к музею³? А ведь дневники-то не будут печататься. <...>

¹ Гиппиус Татьяна Николаевна (1877–1957), художница, сестра З.Н. Гиппиус; написанный ею портрет А.А. Блока (1906) хранится в Музее ИРЛИ (Пушкинский Дом).

² Фотография 1894 г.

³ Речь идет о вещах и документах, приобретенных у Л.Д. Блок Пушкинским Домом.

17.

21 ноября 1924
Петербург.

Дорогая Женя, только сейчас получила для Вас ответ от Любы¹. Стихов у нее нет, они в Госиздате, и никак их оттуда не выцарапать. А с дневниками много работы, их нельзя дать в сыром виде. <...> Говорила мне Люба, что живет только тем, что продает. Ждет из Москвы деньги за «Основы химии», а за «Избранные стихотворения»² уже все получены. Есть ли они у Вас? Теперь печатается в «Петрограде» том стихов, не вошедших в полное собрание³. Моя книга печатается! Прислали пока 5 листов корректуры. Насчет описания дома скажу вот что: я буду его описывать, хотя сейчас занята другой статьей: «Ал<ександр> Блок по письмам к отцу»⁴. Но ведь для того,

Российская Академия Художественных Наук.
Ул. Кропоткина (бывш. Пречистенка) 32.

Московская Ассоциация по изучению творчества

АЛЕКСАНДРА БЛОКА

В СРЕДУ 19-го МАРТА 1924

—=— СОСТОИТСЯ —=—

Первое публичное заседание
под председательством Л. П. ГРОССМАНА

- 1) В. В. ГОЛЬЦЕВ-Задачи Ассоциации
- 2) Е. Ф. КНИПОВИЧ-„Путь и Возмездие“
- 3) АЛЕКСАНДР БЛОК-„Без божества, без вдохновенья“ (чтение вступительной статьи со вступит. словом М. И. БАБЕНЧИКОВА)
- 4) ДНЕВНИК АЛЕКСАНДРА БЛОКА за 1918 г. (чтение со вступит. словом В. В. ГОЛЬЦЕВА)

НАЧАЛО В 8 ЧАС. ВЕЧЕРА

Билеты продаются в Академии Художественных Наук от 2х до 6 часов ежедневно.

Гудок № 520. Телефонный адрес: Российская Академия Художественных Наук, Ул. Кропоткина, 32. Табло 100.

Афиша первого публичного заседания Московской ассоциации по изучению творчества Александра Блока (Российская Академия художественных наук, 19 марта 1924).

Poster of the first public meeting of Moscow Association for the Study of Aleksandr Blok's Heritage. (Russian Academy of Artistic Sciences).

чтобы описание мое было понятно, нужно б иметь фотографии мои, а посылать их в Москву иначе, как с оказией, я не стану. Их ведь довольно много, и рисунки есть Сашины. Не помню, писала ли я Вам, что в «Русском Современнике», редактируемом Тихоновым, Замятиным и Чуковским⁵ был Блоковский номер с отрывками из Блока (разными) и статьей Георг<ия> Блока «Герои “Возмездия”»⁶. В этих «героях» фигурируют только одни Блоки, считая бабушку и дедушку. Написано хорошо, но есть разные неприятные черточки по части лягания Бекетовых. А между прочим сказано, что отец в «Возмездии» описан «жесткими чертами». Достаньте этот номер. Он, кажется, третий. А нельзя ли получить вышедшую в печати Вашу статью⁷ и доклад В. Гольцева⁸? Многим то и другое интересно. <...>

¹ Е.Ф.К. писала Л.Д. Блок 10 ноября 1924 г.: «Если можно при<шлите> дневники — в том виде, как они давались в Госиздат (верно, есть лишние экземпляры), а также гранки неизданных стихов. Мне и нам — это было бы очень, очень нужно...» [10, с. 219].

² Блок А. Избранные стихотворения: посмерт. изд. подготовл. автором. Л.; М.: Петроград, 1924.

³ Блок А. Стихи: (1898–1921): Не вошедшие в собрание сочинений. Л.: Петроград, 1925. Рецензия в «Красной газете» констатировала: «Все эти стихи, собранные Л.Д. Блок, при включении их в полное собрание сочинений А. Блока — значительно пополняют его...» (Б.п. Неизданные стихи А. Блока // Красная газета. Веч. вып. 1925. 26 мая. № 127).

⁴ Статья осталась неопубликованной; 21 мая 1925 г. в ГАХН на заседании Блоковской ассоциации М.А. Бекетовой был прочитан доклад «Блок и его отец (по неизданным письмам)». См. отзыв Д.С. Усова об этом докладе в письме к Е.Я. Архипову 25 мая 1925 г., в частности: «М.А. — маленькая старомодная белая старушка; в разрезе глаз острое сходство с племянником. Из доклада мало что запомнилось: он не был ни нов, ни интересен <...>» (Усов Д. «Мы сведены почти на нет...» / сост., вступ. ст., подготовка текста, коммент. Т.Ф. Нешумовой. М.: Эллис Лак, 2011. Т. 2. Письма. С. 315–316).

⁵ Литературно-художественный журнал «Русский современник», выходил в 1924 г. в частном издательстве Н.И. Марагам (№ 1–4) под редакцией М. Горького, Е.И. Замятина, А.Н. Тихонова, К.И. Чуковского, А.М. Эфроса и был закрыт после резкой критики и ареста отв. редактора А.Н. Тихонова 28 января 1925 г. Тихонов (псевдоним Серебров) Александр Николаевич (1880–1956), писатель, литературный деятель.

⁶ В № 3 «Русского современника» появились «Исторические картины» А.А. Блока с предисл. и примеч. П.Н. Медведева, «Сцена из исторической

картины Всемирная литература» с предисл. К. Чуковского (с. 143–171), воспоминания Г.П. Блока «Герои “Возмездия”» (с. 172–186) и «Воспоминания о Блоке» Е. Замятина (с. 187–194).

⁷ См.: *Книпович Е.* О литературном наследии Блока // Книга о книгах. 1924. № 7–8. С. 23–26.

⁸ 19 марта 1924 г. на первом публичном заседании Блоковской ассоциации Гольцев сделал доклад «Задачи Ассоциации» и произнес вступительное слово к чтению дневника А. Блока за 1918 г., затем, очевидно, повторил тот же доклад на повторном публичном заседании 27 марта 1924 г.

18.

22 декабря 1924

Птб. Оф<ицерская> 56, кв. 24.

Дорогая Женя, на случай, что Вы не приедете: Дм<итрий> Мих<айлович> передал мне, что «Академия» издает сборник Блоковской секции¹. Я кончила свою статью «Ал<ександр> Блок по письмам к отцу», но она обещана в «Русский Современник». Если бы я знала, что у Вас готовится такой сборник, я бы и не ходила в «Р<усский> С<овременник>» и разговаривать бы не стала с Замятиным и Чуковским. Но там уже заинтересовались моей статьей, я обещала ее принести, как только она будет переписана — конечно К.С. Лабутиным. Статья всем интересная, в ней 2/3 Блока, несколько писем Ал<ександра> Львовича и около трети моих пояснений и комментариев. Дм<итрий> Мих<айлович> доволен и заинтригован, но я не могу вам ее дать. Что же мне для вас писать. И сумею ли? Вам нужных у меня нет тем, т. е. подходящих. Ведь нужно письма приводить, мало моих воспоминаний. А у меня темы вроде следующих: «юмор Блока»² не с литературной точки зрения. Или «щедрость его духа и обычные разговоры с жаждущими его советов и мнений» (это конечно не название, а содержание). Ну словом разные стороны его духа, его характера. Как он работал и т. д. Что же из этого для вас годится? Я думаю ничего кроме той статьи, которую я дам в «Р<усский> Совр<еменник>». Напишите скорее. И срок напишите, если мне нужно писать. Описание дома в Ш<ахматов>е конечно тоже не подходит. <...>

¹ Это издание не состоялось.

² *Бекетова М.* Веселость и юмор Блока [17, с. 5–19].

19.

31 января 1925
Петербург.

Милая Кисанька, это не беда, что Вы мне давно не писали. Я напишу Вам про все и кстати отвечу за Любу. Она просила сказать Вам, что очевидно Вик<тор> Вик<торович> не вполне понял ее слова. <...> Я ей читала свою новую статейку «Веселость и юмор Блока», которую предназначала для «Ассоциации». Читала ее кроме Любы Пинесу и Лабутину. Все сказали, что интересно. Надо еще немного подправить и переписать и тогда посылать ее в Москву Вам? Статья вышла короткая, меньше печат<ного> листа. Очень жаль, что нельзя присоединить к ней те карикатуры, которые я описала. Их три: два Андрея Белых и «Люба у Мережковских»¹. Вы их конечно помните. Хочу сообщить Вам еще, что моя книга «Ал. Блок и его мать» напечатана, т. е. уже сверстана, и я сейчас отмечала, куда поместить портреты и группы. Будто бы к 25-му февраля выйдет в свет. <...>

¹ Описание этих шаржей А. Блока см. в статье Бекетовой «Веселость и юмор Блока» [17, с. 10–11].

20.

4 марта 1925
Петербург–Ленинград.

Дорогая Женичка, пишу Вам отчасти по делу. Все думаю, как бы выволить мою конфискованную книгу. Вчера Алянский мне посоветовал вот что: нужно, чтобы Вы или кто-либо от Блоковской Ассоциации пошли в Главлит к Лебедеву Полилову¹ (лучше всего, конечно, Вы) и поговорили бы от имени Ассоциации о том, нельзя ли пересмотреть эту книгу, имеющую документальное значение для всех работ, касающихся Блока, — разрешить ее ввоз в Россию. Скажите, что Люб<ови> Дм<итриевне> было обещано ее пересмотреть и что я в прошлом году посылала в Главлит заявление о том же. Объясните красноречиво, насколько она нужна и невинна. Отношение Лебед<е-ва> Полилова² к Блоку, как Вы знаете, очень хорошее. Может быть что-нибудь и выйдет. Непременно попробуйте. В Москву едет или уже уехал Д<митрий> Мих<айлович> Пинес. Когда Вы его увидите, скажите ему, согласны ли сделать то, что я прошу, а также, что дума-

ете о моей статье, когда выйдет первый сборник о Блоке и думаете ли печатать мою статью и вообще второй сборник. У нас все то же. Любу вижу редко и мало. Ее здоровье сносно, но не совсем хорошо. Знаю от Сам<уила> Мир<оновича>, что она получила в феврале за берлинск<ое> издание (всего) собр<ания> <сочинений>³, от нее, что она получала в марте еженедельно рублей 20 и все-таки она жалуется на безденежье, занимает деньги под большие проценты и продает что-то татарам. <...> 25-го служила панихиду на могиле с Женей Ивановым. Дм<итрий> М<ихайлович> был накануне, в тот день не мог, а вечером 25-го был у меня с Разумником Вас<ильевичем>. Я очень была им рада. Еще начала писать «Записки старой тетки», т. к. Фероль усиленно просит меня записывать старину. К сожалению, я очень мало знаю о предках. Далее дедов мои сведения не идут. Если увидите Серг<ея> Мих<айловича>, спросите его от моего имени, не осталось ли каких-нибудь писем или бумаг, дневников и т.д., найденных им в Трубицыне⁴, которое принадлежало ему некоторое время. <...>

¹ Лебедев-Полянский Павел Иванович (наст. фам. Лебедев; 1882–1948), литературовед, критик; начальник Главлита в 1921–1931. Автор воспоминаний «Из встреч с А. Блоком» (1922).

² М.б. я перепутала фамилию, но Вы ее знаете. (Примеч. М.А. Бекетовой).

³ Блок А. Собрание сочинений. Т. 1–7. Берлин: Эпоха, 1923.

⁴ Сергей — С.М. Соловьев, в 1917 г. унаследовавший от С.Г. Карелиной Трубицыно, усадьбу Карелиных, где А.Н. и Е.Г. Бекетовы жили с 1854 по 1859, где бывал и А.А. Блок.

21.

9 апреля 1925
Петербург–Ленинград.

Дорогая Женя, давно Вам не писала, мешали какие-то случайные дела. У меня есть одна и даже две хороших новости. Я получила наконец пенсию — только вчера — благодаря настойчивым хлопотам Фероля в Москве. Вследствие этого я собираюсь в Москву примерно на Фоминой неделе. Значит, и с Вами увидимся. Тогда привезу и статью свою, безвременно утерянную, и ту, которая не попала в «Русский современник»¹, прекративший свое существование. Эту постараюсь поместить в «Россию»². Остановлюсь я конечно у своих. Видела Надю Павлович, она у меня была. Поговорили хорошо,

но вот я узнала от нее одну очень для меня неприятную вещь, по поводу которой Вам главным образом и пишу. В один прекрасный вечер месяца два тому назад ко мне явился Гинцбург³, маленький поэт, который был сначала у Любы и выпросил у меня то, чего она умница ему не дала, а именно, «Снежную Маску» с надписью «Маме»⁴ и «Ночные Часы». Ссылался на Блоковскую ассоциацию, на В. Гольцева и т. д., уверял, что книги ему необходимы для работы и т. д. <...>

Ваша тетя.

<Приписка:> Другая хорошая новость та, что Люба получила работу — литературную, не Бог весть какую, но все же работу⁵. <...>

¹ Речь идет о статьях «Веселость и юмор Блока» и «Александр Блок в письмах к отцу».

² Журнал «Россия» продолжил издание журнала «Новая Россия» (два номера вышли в марте–мае 1926 г. в Ленинграде); закрыт в 1926 г.

³ Очевидно, речь идет о Михаиле Ильиче Гинцбурге (ум. после 1930), авторе книг стихов «Сонеты о сплине» (М., 1923) и «На восток» (Л.: Изд. автора, 1926). Л.В. Горнунг в дневнике (26 февраля 1926) писал: «Вдруг зашел библиофил Гинцбург, неприятнейший субъект — начал с просьбы показать ему все о Гумилеве. <...> он начал ошеломлять меня сперва предложением “К синей звезде”, затем “Отравленной туникой”, правленной самим Гумилевым, которую он наверное спер у А.Н. Гумилевой. Я остался равнодушен к тому и другому, а тем более к рукописям Блока “из архива Измайлова” <...>» (*Горнунг Л.* «Свидетель терпеливый...»: дневники, мемуары / подг. текста, предисл., коммент. Т.Ф. Нешумовой. М.: АСТ, 2019. С. 212–213).

⁴ Эта книга с инскриптом А.А. Кублицкой-Пиотгух не упоминается в публикации «Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях», см.: [14, с. 88–91, 150].

⁵ В апреле 1925 г. Л.Д. Блок стала сотрудничать с «Новой вечерней газетой», издававшейся газ. «Ленинградская правда» (историк Н.П. Полетика, чей брат Ю.П. Полетика работал в этой газете, вспоминал, что в ее театральном отделе, которым заведовал А.И. Пиотровский, он познакомился с Л.Д. Блок и М.А. Бекетовой; см.: *Полетика Н.П.* Виденное и пережитое (Из воспоминаний). Tel-Aviv: Библиотека-Алия, 1982. С. 243); в частности, за ее подписью — «Л.Б.» — с апреля 1925 г. стали появляться краткие рецензии на зарубежные кинофильмы.

22.

21 июня 1925

Ленинград–Петербург.

Дорогая Женичка, посылаю Вам для передачи Гроссману¹, имя и отчество которого я конечно забыла, безымянное письмо со сведениями относительно первого тома писем. Я только что отослала срочную работу в Моск<овский> Госиздат (детская статейка для народной хрестоматии), которую было страшно трудно писать. Те-

перь принялась за письма Блока к родным. Надо добавить кое-какие примечания и имена. Спросите, надо ли приложить список имен? Я думаю не мешает. Передайте Гроссману мой привет и поговорите с ним о деловой части. Когда покончу с примечаниями и пр., отдам переписывать на машинке и пошлю в Москву. <...>

¹ Гроссман Леонид Петрович (1888–1965), литературовед, критик, прозаик; сотрудник ГАХН.

23.

3 июля 1925

Петербург–Ленинград.

Дорогая Женя, отчего Вы не пишете и не шлете мне денег? <...> Вышла моя книга «Ал<ександр> Блок и его мать», но еще не продается, у меня единственный экземпляр. Издано хорошо, обложка изящная и красивая, но пожалуй, как говорит Пинес, слишком нарядная. Во всяком случае «Петроград» действительно постарался и не даром тянул почти два года. Я обдумываю свою будущую книгу о Шахматове¹, это ведь будет целая книга с описанием всей жизни в Шахматове с первого приезда туда семьи Бекетовых, со всеми лицами и их обстановкой. Буду писать, не стесняясь местом — как умею и с удовольствием, но как сумею? И доведу ли до конца? <...>

¹ Книга М.А. Бекетовой «Шахматове. Семейная хроника», законченная в 1930 г., была впервые опубликована: [14, с. 635–787].

24.

22 июля 1925

Петербург–Ленинград.

Душенька моя Женя, подвигается работа над письмами Блока, но не довольно скоро. Зато книга моя вышла. <...> Дм<итрий> Мих<айлович> разыскивает в Публичн<ой> Библ<иотеке> недостающие сведения для примечаний и многое уже нашел. Так что мои помогают со всех сторон. И все-таки я еще не начинала писать про Шахматове. Между прочим никак не могу установить точного года его покупки и переселения в Ректорский дом¹. То и другое конечно необходимо. От Любы теперь окончательно не добьешься тех сведе-

ний, что Вам нужны. А мне нужна еще одна Шахматовская группа с Алекс<андром> Львовичем на ступеньках, она у нее. <...>

¹ Усадьба Шахматово была куплена А.Н. Бекетовым осенью 1874 г., а в 1876 г. он стал ректором Петербургского университета и поселился в «Ректорском доме» на Васильевском острове.

25.

11 августа 1925
Петербург–Ленинград.

Дорогая Женя, книгу мою пришло Вам скоро с оказией. Если Вы имели неосторожность ее купить, продайте или подарите ее кому-нибудь другому. 7-го, конечно, была панихида на могиле. Люба-то не служила. Была раньше всех, разукрасила всю могилу цветами, а также положила венки всем близким: матери, дедушке, бабушке и Фр<анцу> Феликсовичу, и цветов немного. Я тоже принесла сноп цветов. Могилы все ими была покрыта: флоксы, левкой, душистые горошки, астры, хмелевые плети, и очень эффектные оранжевые ноготки. Жаль было думать, что все это к вечеру украдут. Пришли только Евг<ений> Павл<ович>, Пинес, Разумник, Медведев, и какие-то незнакомые двое или трое¹. Часам к 3-ем собрались у Любы все те же, кроме незнакомых, плюс Шура Григорьева <...>. На другой день было в Союзе писат<елей> заседание, посвященное памяти Блока². Конечно, литераторы опростоволосились: хотели, чтобы Люба читала, а сами даже письма ей не послали с просьбой, только в газетах пропечатали заранее ее имя. Она, конечно, не была, но я, все же конечно, была. Пяст не соблаговолил явиться (его звали), Кузмин тоже, Эйхенбаум, слава Богу, тоже не был. Сологуб сказал речь, в которой было много умного и кое-что трогательное, но были и нехорошие вещи. Нелепо слишком много говорилось о высокомерии и надменности Блока, хотя прибавлялось, что и это было в нем обаятельно, сказано было, что он «ничего не понимал в жизни и в России», что у него нечему учиться современной молодежи. Но хорошо говорилось о сладостной лирике Блока, о его обаянии и вообще были трогательные слова и чувства³. Потом Медведев сообщил о литературном наследии Блока. Факты, конечно, все интересные, но сильно проштрафился Пав<ел> Ник<олаевич>, упростив до нельзя мистику Блока и назвав ее только пророческой; не религиозной⁴. Коротко и ясно объявил Аксёнов⁵, что все кроме «Двенадцати» будет

забыто и уже потеряло всякий смысл. За это Сологуб остроумно и мило язвил его раза три при аплодисментах очень многочисленной публики, которая буквально ломилась в двери и частью сидела на полу. Читались стихи Блока. Сологуб очень недурно прочел «Клеопатру» и много хуже другие стихи. Читал и Медведев, читал хорошие свои переводы на немецкий язык какой-то Гельмерсен⁶ и очень плохие на французский язык — два, кажется, Шапиро⁷. Меня «зарисовал» какой-то художник из «Вечерней Красной»⁸. Вышла старая развалина и морда. Аннушка говорит, что совсем непохожа. И права, кажется. Пяст, негодяй, написал на мою книгу пренеприятную статью⁹, которую я долго не могла переварить. Вторая часть по его мнению больше всего напоминает книжки для детей Сысоевой и Луизы Олькот¹⁰. О первой части тоже очень неприятно¹¹. В статье Тинякова о письмах¹², которые, наконец, вышли¹³ (к С. Соловьеву, Княжнину и др.) есть возмутительные вещи. Говоря о влиянии христианства на Блока, он пишет, что «наследственность испортила, а среда доконала его прекрасный талант»¹⁴. Как Вам это нравится? А? <...> Начала писать «Шахматово и его обитатели». Что-то не то выходит... Для того, что я задумала нужен талант, мало моего пиетета и литературности. Но я пишу храбро <...>

¹ В письме А. Белому (20 сентября 1925) Иванов-Разумник перечислил пришедших на могилу А.А. Блока: «Евгений Павлович, Дмитрий Михайлович, я; из родных — Мария Андреевна (Л<юбови> Д<митриевны> не было), из посторонних — три старых вольфильца и две вольфилки, фамилий не знаю. ... Был и десятый, Медведев...» [2, с. 328–329].

² Накануне вечера сообщалось: «В субботу, 8 августа, в помещении Союза писателей состоится объединенное собрание Ленинградского союза писателей и поэтов, посвященное 4-летней годовщине со дня смерти А.А. Блока. П.Н. Медведев прочтет доклад “Литературное наследие Блока”, после чего будет сделано сообщение о Блоке проф. Б.М. Эйхенбаума и прочтет свои воспоминания М.А. Кузмин. В литературном отделении участвуют Всеволод Рождественский, В.А. Зоргенфрей и В. Пяст. П.В. Гельмерсен прочтет переводы стихов Блока на немецкий язык. В заключение вдова поэта Л.Д. Басаргина-Блок исполнит ряд стихотворений покойного поэта. Начало в 8 часов вечера» (*Б.л. Вечер памяти Блока // Новая вечерняя газета. 1925. 7 авг. № 120. С. 4*).

³ См.: *Селиванов Арк.* 4-я годовщина смерти Александра Блока (Вечер в Союзе писателей) // Красная газета. Веч. вып. № 195. 1925. 10 авг. Селиванов так изложил выступление Сологуба: «Вчерашняя тризна, собравшая много молодежи, героически простоявшей до конца в душном, тесном и убогом помещении союза, открылась вступительным словом председателя союза Ф.К. Сологуба. Три великих имени сблизил он, поставил рядом: Пушкина, Мопассана и Блока. Пушкин, как и Блок, не оставил школы, Мопассан смотрел на жизнь глазами мертвого человека и в нем отразился распад буржуазного общества, и для Блока мир был картиной туманной, он ничего не понимал ни в жизни, ни в России, он только любил ее по заветам Достоевского. Путь Александра Блока пройден до конца, но из болотных отрав, которыми дышала Россия, он умел извлекать сладостные, очаровательные яви, и одну из них, стихи о Клеопатре — Ф.К. Сологуб вспоминает и читает, когда

ему случается быть на Смоленском кладбище и отдыхать на могиле поэта. И ему кажется, что “А.А. слушает меня с надменной и холодной улыбкой и прощает мне мое неумение”». См. также фрагмент записи П.Н. Медведевым тогдашних (1925) высказываний Сологуба о Блоке [18, с. 365].

⁴ «Касаясь вопроса о мистике Блока, П.Н. Медведев на основании изученных им неизданных материалов приходит к заключению, что пора уже оставить тривиальное и неправильное уверение, будто Блок вышел из Владимира Соловьева, и многое в архиве Блока указывает на то, что его мистика обусловлена не религиозно, а эротически, в лучшем и чистом смысле этого слова» (*Селиванов Арк.* 4-я годовщина смерти Александра Блока). В тогда же опубликованной статье «Литературное наследие Блока» П.Н. Медведев, говоря о неопубликованных стихотворениях поэта, утверждал, что «они вносят значительные коррективы в пресловутый мистицизм Блока» (Новая вечерняя газета. 1925. 7 авг. № 120. С. 4).

⁵ На вечере выступил Иннокентий Александрович Оксенов (1884–1935), поэт, критик и переводчик, который «...отпел и похоронил Блока в своем коротеньком и безапелляционном приговоре. По его авторитетному мнению — многое у Блока уже звучит для нас пережитком, он не был никогда ни вождем, ни учителем, ибо “слишком хаотично было его мирозерцание”» (*Селиванов Арк.* 4-я годовщина смерти Александра Блока).

⁶ В объявлении о вечере (Новая вечерняя газета. 1925. 7 авг. № 120. С. 4; см. примеч. 2) переводчиком назван П.В. Гельмерсен (Гельмерсен Павел Васильевич (1880–1953), морской офицер, историк русского военно-морского флота, переводчик; в 1919–1924 гг. преподаватель Военно-морской академии РККА; позднее арестован, после заключения в лагере находился в ссылке; умер в Ленинграде); в то же время, в отчете о вечере Арк. Селиванов (см. выше) называет его брата: «Наиболее удачны переводы В.В. Гельмерсена, передающие и силу, и “сладкую отраву” блоковских стихов» (Гельмерсен Василий Васильевич (1873–1937), литератор, переводчик, художник-силуэтист; расстрелян в Сандармохе), что более вероятно. Так, А.П. Чапыгин писал А.М. Горькому (17 авг. 1926) о В.В. Гельмерсене: «Он, например, прекрасно переводил на немецкий язык Клюева, чего другие переводчики делать почти не могут» [13, с. 649].

⁷ Шапиро — других свидетельств о его выступлении и переводах разыскать не удалось; есть вероятность, что это был Бернард Маркович Шапиро (1859– после 1939), врач-фармаколог; участник Вольфилы; его письма к А.И. Менделеевой см.: Архив РАН (СПб.).

⁸ Рисунки В.С. Сварога, изображавшие М.А. Бекетову и Ф. Сологуба, иллюстрировали отчет Арк. Селиванова о вечере в Союзе писателей (см.: Красная газета. Веч. вып. 1925. 10 авг. № 195).

⁹ *Пяст В.* Семейная хроника поэта // Красная газета. Веч. вып. 1925. 7 авг. № 193. Статья преимущественно посвящена книге Бекетовой «Ал. Блок и его мать», но касается и ее биографического очерка «Александр Блок». Несмотря на то, что книга в статье названа «интересной» и «прекрасной», а завершается словами: «спасибо автору этой милой, хорошей книги», в ней преобладают критические, иногда язвительные замечания.

¹⁰ Пяст писал: «Вторая часть книги, посвященная собственно матери Блока, в некоторых своих страницах напоминает старинную книжку для детей старшего возраста, преимущественно для девочек...», и кроме Сысоевой и Олькот, назвал книги А. Анненской и Е. Тур. Сысоева (урожд. Альмендинген) Екатерина Алексеевна (1829–1893) писательница для детей, переводчица. Олькот Луиза Мэй (1832–1888), американская писательница, известная романом «Маленькие женщины» (1868).

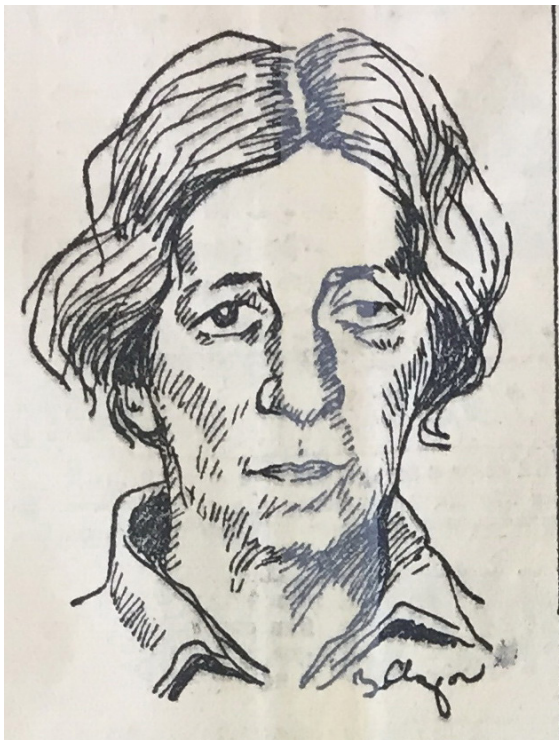
¹¹ Очевидно, речь идет о следующем пассаже статьи: «Мрачнейший из русских писателей — Ф. Сологуб, “бунтарь” К. Эрберг, и весь “трагический” Георгий Чулков, когда они (в 1908 г.) составляли компанию — одновременно “серафического” и “порочного” — А.А. Блока, могли ли эти четыре лица “проводить время очень

весело»? <...> А между тем счастливая в своем “семейном” миросозерцании писательница ничтоже сумняшеся и в “биографии” и в книге “Блок и его мать” в одних и тех же выражениях повествует об этой поре жизни своего племянника: “Время проводили очень весело... Приятельские беседы сопровождалась обыкновенно изрядной выпивкой” (!)».

¹² Тиняков Александр Иванович (1886–1934), поэт, критик; см.: *Т-ов Ал. Письма Александра Блока // Красная газета. Веч. вып. 1925. 7 авг. № 193.*

¹³ Письма Александра Блока: со вступ. ст. и примеч. С.М. Соловьева, Г.И. Чулкова, А.Д. Скалдина и В.Н. Княжнина. Л.: Колос, 1925.

¹⁴ Эти слова заключительной фразы статьи звучат иначе: «наследственность отравила, а христианство доконало этот прекрасный и светлый талант». Тиняков, процитировав слова из книги Бекетовой «Ал. Блок и его мать» о том, что мать Блока разделяла взгляды сына и ждала «пришествие антихриста и второго пришествия Христа», выше писал: «О той же самой чепухе твердили и Мережковские, и А. Белый, и их общий учитель Владимир Соловьев. <...> Жаль не то, что Блок был мистиком, жаль то, что он погрязал в такой доморощенной, узкой, бескрылой и, в сущности, невежественной мистике, каковой должен быть признан христианский эсхатологизм. Ни ему, ни его друзьям, очевидно, не приходило в голову, что в той же области, но за пределами христианства, есть такие колоссальные явления, как монистическая философия Индии, персидский суфизм и учение Лао-Цзы...» (*Т-ов Ал. Письма Александра Блока*).

*М.А. Бекетова. Рисунок В.С. Сварога (Красная газета. Вечерний вып. 1925, 10 авг.)
M.A. Beketova. Drawing by V.S. Svarog. Krasnaia Gazeta, evening edition. 10 August 1925.*

26.

26 сентября 1925

Петербург–Ленинград

Офиц<ерская> 57, кв. 24.

Милая Женичка, где уж там сердиться на такую бедную кисаньку, которая выбилась из сил и болеет! Целую Вас крепко и очень хотела бы приласкать не только в письмах. С письмами ни с места. Это все оттого, что уезжал на 2 месяца в деревню мой верный Карп <Лабутин>, и дело это ушло из его рук в другие. Мне все говорят, что вот-вот кончат, а между тем не кончают работу, а ведь мне еще придется все проверить и отдать потом в переписку. Сегодня поговорю об этом у Л<юбови> Дм<итриевны>, если там буду, с Викт<ором> Викт<оровичем> наисерьезнейше и надеюсь добиться толку. Сама я пишу¹. Написана первая глава о семье Бекетовых, довольно большая. А как Вы думаете: нельзя ли поместить «Веселость и юмор Блока» в какой-нибудь журнал, Вы лучше знаете какой? Признаться, нужно бы денег на прибавку к моим сорока рублям. Хотелось бы теплые калоши купить. Ведь первая-то статья еще не скоро будет напечатана. <...>

¹ Речь идет о книге «Шахматово. Семейная хроника», см. примеч. к п. 23.

27.

8 января 1926

Петербург–Ленинград.

Милая Женичка, пользуюсь свободной минутой, чтобы написать Вам о деле, но сначала целую Вас крепко и поздравляю с Новым годом. <...> Усиленно занимаюсь письмами Блока к родным. Они в переписке у прекрасной переписчицы, которая когда-то переписывала «Песню Судьбы», считая за честь и т. д. В воскресенье 10-го их повезет в Москву брат Д.М. Пинеса и доставит Вам, а Вы конечно в Академию. Все проверила. Примечания и оглавление пришлю погодя, тоже конечно проверенное. Напоминаю Вам насчет четверостишия в письме 187-ом (26. X. 1908)¹.

Так лет мимотекущих бремя
Несем бестрепетнее мы,
Когда железным зубом время
Нам взрежет бархат вечной тьмы².

Мы здесь не помним, чьи стихи. Узнайте в Москве. Спросите Сережу Соловьева, и себя и других. Когда узнаете, отметьте в примечании соответствующего номера. Еще надо сказать, чтоб цифры примечаний печатались не в строку, а наверху, как обыкновенно. Все это пишу для Вас и для Викт<ора> Викт<оровича>, которому поклон, привет и «С Новым годом!» Люба — ничего себе. Ее утвердили в Госиздате³ или как это теперь называется (Ленингр<адское> Отдел<ение> Гос<издат>а). Сшила себе платье — простое, для службы, к празднику купила: дров, гуся, коньяку, сладкого. Настроение — среднее. Вид довольно свежий и вместе бодрый. Письмо В<иктора> В<икторовича> не получала. О чем оно? Сереже отвечу не скоро. Много дела сейчас. <...> Вижусь с Дм<итрием> Мих<айловичем> и Женей, жена которого получила место. Сережу Есенина жаль до смерти. Провожали его гроб на вокзал⁴. Читала его стихи Аннушке, обе мы плакали. <...>

P.S. Прошу Вас Женичка, поговорите также с Академией насчет того, что я сделала долг для того, чтобы уплатить переписчице, и прошу выслать мне эти деньги. Ведь полагается, что за переписку платит издательство? Когда все будет переписано, я напишу, какая в точности сумма, вероятно рублей 30 или около того.

Само собой разумеется, что я не пишу о Шахматове, остановилась на дворе и саде. Слыхала от Сережи Соловьева (т. е. он мне написал), что Вы окончательно разошлись с А. Белым. Писать об этом конечно нельзя, надо поговорить, но мне это жаль. Я все-таки считаю, что его отношение к Блоку не холодное и не теплое и несравненно лучше отношения, например, Серг<ея> Мих<айловича>. Я начинаю понимать, за что сердилась на него мать Блока, хотя сама его, т. е. Серг<ея> Мих<айловича> очень люблю. Его католицизма, преувелич<ивания> семейственности и равнодушия во многих важных случаях я не понимаю. Но человек он замечательный и очень милый. А Вас, не равнодушную я еще раз крепко целую.

Сейчас получила письмо от Л.Л.⁵ Очень ему благодарна.

¹ См.: Письма Александра Блока к родным. <Т. 1> / С пред. и примеч. М.А. Бекетовой. Л., 1927. С. 225–226.

² Неточная цитата из стихотворения А. Белого «Время» (1907); вторая строка правильно: «Несем безропотнее мы».

³ 7 марта 1926 г. Чуковский записал: «...третьего дня на лестнице Госиздата встретил “Прекрасную Даму” Любовь Дмитриевну Блок. Служит в Госиздате корректоршей, большая, рыхлая 45-летняя женщина. Вышла на площадку покурить. <...>

– Любовь Дмитриевна, давно ли вы тут?

– Очень давно.
– Кто вас устроил? Белицкий?
– Нет, Рыков. Рыков написал Луначарскому. Луначарский Гефту, и теперь я свободна от всяких хлопот. Летом случалось зарабатывать до 200 р. в месяц...» [21, с. 278–279].

⁴ 29 декабря 1925 г. в Союзе писателей (Фонтанка, 50) прошла панихида, затем собравшиеся проводили гроб с телом С.А. Есенина на вокзал.

⁵ Возможно, описка, и речь идет о Л.П. Гроссмане.

28.

8 марта 1926

Петербург–Ленинград
Офиц<ерская> 57, кв. 24.

Милая Женичка, спасибо Вам за то письмишко, которое Вы прислали мне с Серг<еем> Мих<айловичем>. Ценю и с радостью прочла Ваши строчки. Много Вам возни и походов (столь утомительных) с письмами Блока. Но если их все-таки напечатают до 30-го года, стоит потрудиться. Будут еще новые поправки в примечаниях, но это успеется. Сообщаю Вам свою радость. «Снежная Маска» у меня! <...> Прочла я книгу Волкова¹, которую он прислал Любе. Она мне понравилась. Не совсем я согласна, особенно в первом театральном романе (о Гамлете)², но все вообще умно, основательно, серьезно и очень доброжелательно. Интересно мне было до бесконечности. Мы с Карпом уже принялись за второй том³. Два года переписаны. Примечаний будет гораздо меньше конечно. Карп мой был одно время в невозможно скверном виде, и потому мы с ним еще гораздо больше подружились. Теперь он немного повеселел, но заработка у него по-прежнему никакого. Будто бы что-то напечатают в Красн<ой> газете. «Если не врут, так правда...» У Пяста умерла дочь⁴. Встретила его сейчас после этого на улице до того худого и жалкого, что чуть не заплакала. Вчера девочку похоронили. Чуковскому лучше. Вижу его иногда в Союзе Писателей. Глаза опять стали веселые. Пишет книгу, которая обещает быть очень интересной: о детском фольклоре, о фантастике, о сказке⁵. Собирал матерьял словечек у матерей и деток. Я сообщила ему о «пауке с паутинкой и с паутятками». Была у меня Люб<овь> Алекс<андровна>⁶. Вернулась из концертной поездки по Украине, теперь собирается в Туркестан. Блоковский кружок оказался даже в Житомире⁷. В разных городах к ней приходили, расспрашивали ее о Блоке, задавали ей обеды и пр. Она все такая же милая и молодая, и с ней очень хорошо мы поговорили о Блоке. Обещала она мне, когда

будет время, показать то, что она записывала. Она уверяет, что все разговоры с Ал<ександром> Ал<ександровичем> она записала⁸ — хочет оставить это все для потомков и чтобы я все это составила и привела в порядок. Это бы очень хорошо было. Только успею ли. Я все еще не пишу свою книгу: ленюсь и лечусь адонисом. Стало как будто лучше. Скоро авось запишу опять. 25-го служила панихиду на могиле. Пришли Евг<ений> П<авлович>, Дм<итрий> Мих<айлович>, Разумник Вас<ильевич>. День был морозный, но мягкий, несколько градусов. Снегу было на кладбище бездна. Дм< итрий > Мих<айлович> милый к моему с Карпом приходу все устроил: три могилы были расчищены, убраны елкой и на двух висели одинаковые венки на крестах. Вечером были у меня все, кроме Жени. Он очень уж устает и редко у меня бывает. Ведь пишет еще объяснение к Евангелиям⁹ и читает их разным людям, а дома-то, хоть и служит Ал<ександра> Фад<еевна>, не особенно легкая атмосфера. <...>

<Приписка на первой странице сбоку:> В «Сн<ежной> М<аске>», кроме подписи «Маме» с датой следует целая строфа, написанная его рукой¹⁰.

¹ Волков Н.Д. Александр Блок и театр. М., 1926.

² См. главу «Гамлет и Офелия» (Волков Н.Д. Указ соч. С. 11–18).

³ Речь идет о втором томе «Письма Александра Блока к родным».

⁴ Дочь Пяста умерла от туберкулезного менингита.

⁵ См. запись Чуковского 26 февраля 1926 г.: «...собирал матерьялы о детях, детской сказке и пр.» [21, с. 272].

⁶ Л.А. Дельмас.

⁷ В Житомире Л.Д. Блок жила в ноябре–декабре 1912 г. и в феврале–мае 1913 г.

⁸ Эта рукопись, видимо, не сохранилась.

⁹ Имеются в виду работы Е.П. Иванова над толкованием Евангелия; см. об этом: [19].

¹⁰ Эта книга с инскриптом А.А. Кублицкой-Пиоттух не упоминается в публикации «Дарственные надписи Блока на книгах и photographиях», см.: [14, с. 88–91, 150].

29.

9 июня 1926

Пет.б.–Ленинград

Ул. Декабристов 57, кв. 24.

Милая Женичка, мы с Вами совсем раззнакомились. Не смею сетовать на то, что Вы мне не пишете, хотя и страдаю от этого. <...> У меня только неудачи. Теперь я стараюсь пристроить свою первую

книгу о Блоке. Из Госиздата здесь нет ответа, Лившиц («Петроград») арестован за подделку векселей. Здесь вообще никто не берется. Я написала в Москву в «Землю и Фабрику», где орудует Нарбут¹. Надежды мало. Остается Сабашников. Поручаю Дм<итрию> Мих<айловичу>, который едет завтра в Москву, побывать у Нарбута и у Сабашникова. Написала еще раз Гроссману недавно, прося ответить, будут ли вообще печатать «Письма Ал<ександра> Блока к родным» и т. д. Жду ответа, упомянула и об авансе (безнадежно, конечно). Получили ли Вы мое письмо? Пробовали или нет снести мою статью «Веселость и юмор Блока» в «Новый Мир»? Я давно Вам об этом писала, так с месяц или больше тому назад. Я конечно не унываю, но надоело жить в долг. У Любы нового ничего. Настроение недурное. Все мечтает скопить на поездку в Крым на две недели, но что-то оно не выходит. «Et pouq cause»², — как говорят французы. <...> Пишу очень мало: не пишется. Застряла на описании Шахм<атовского> двора³. Не могу помириться с тем, что пропали некоторые акварели сестры Ек<атерины> Анд<еевны>⁴. Там были между прочим стоящие. Это все погибло в Шахматове. <...>

¹ Нарбут Владимир Иванович (1888–1938), поэт, прозаик; возглавлял издательство «Земля и Фабрика» (1922–1928).

² И поделом (*франц.*).

³ См. главу «Шахматовский двор и сад» в книге «Шахматово: Семейная хроника» [3, с. 418–421].

⁴ Краснова (урожд. Бекетова) Екатерина Андреевна (1855–1892), поэтесса, прозаик, переводчица. «Екатерина Андреевна Бекетова, как и ее отец, была очень способной художницей. Среди ее бумаг у Кублицких сохранилось несколько шахматовских этюдов, выполненных акварелью и цветными карандашами. На одном из них — проглядывающий из зелени и кустов сирени небольшой, со вкусом построенный бекетовский дом...» [8, с. 52]. Эти работы поступили в Литературный музей, и среди них две акварели, изображающих дом в Шахматове в 1882 г.

30.

16 июня 1926

Петербург–Ленинград.

Дорогая Женичка, целое письмо от Вас получила! <...> Мою статью конечно дайте в «Блоковский сборник»¹. Я здесь пробую время от времени написать какой-нибудь фельетончик, имеющий отношение к Блоку, для «Красной газеты». Это единственный мой ресурс. Один напечатали², другой взяли, да уж не знаю, напечатают ли. Это хорошо, что Вы работаете над бретонскими легендами³. Торопитесь. Имейте в виду, что Медведев очень милый, но не

весьма даже верный и крайне поверхностный дилетант даже без талантливости уже «проработал» по всем признакам, имеющимся у Любы, «Соловьиный сад» и кажется как раз намерен приняться за «Розу и Крест»⁴. А уж он сумеет найти место, где это все напечатается. Он довольно таки пронырлив и его не без остроумия называют в нашем Госиздате Пав<ел> Ив<анович> Чичиков. Он Пав<ел> Ник<олаевич>. Немножко в нем есть и от Хлестакова. К Любе он так подбехал, что это один из немногих людей, с которым она охотно видится⁵. А она мне еще на днях сказала, что ей лучше всего одной. Его недолюбливают все старые наши друзья, а с ними и Дм<итрий> Мих<аил> Пинес, удачно вошедший в эту дружескую ассоциацию. Евг<ений> П<авлович> после одного его доклада объявил, что ему хочется его убить. Каково? Убьют его не за это, но жаль, что он так часто в разных местах говорит о Блоке, редактирует его стихи и пр. Что касается Академии, то дело это почти безнадежное, но Гроссман тут очевидно не при чем. Все стараюсь пристроить первую свою книгу. Безуспешно. Везде отказы, а Госиздат здешний ничего не отвечает. Надо бы самой туда слазить (я поручила это дело другому), да трудно мне лазить по его хорам⁶. Я последнее время очень ослабела, верно на травку надо. Вчера долго пробыла на кладбище с Аннушкой. Хоть и устала, а легче стало от чистого воздуха. Убоги наши могилки и ни у кого нет денег, чтобы их огородить и хорошенько подчистить хотя бы окрестности. Поблизости от них есть такие широкие, чистые дорожки и вообще гораздо цивилизованнее. Наше место сильно запущено. Почему-то я вдруг начала опять работать: писать про Шахматово. Какая причина, не знаю. Надо бы дописать эту книгу, а то умрешь, и некому ее написать. <...>

¹ Имеется в виду сборник [17], вышедший в 1929 г.

² Бекетова М. Письма А. Блока к родным // Красная газета. Веч. вып. 1926. 2 апр. № 78.

³ Очевидно, имеется в виду интерес к бретонским легендам, как к одному из источников драмы А.А. Блока «Роза и крест».

⁴ См.: Медведев П.И. Драмы и поэмы Ал. Блока: (Из истории их создания). Л.: Ленинградское изд-во писателей, 1928.

⁵ Ср. запись в дневнике Лукницкого: «У П.Н. Медведева был (и есть?) роман с Л.Д. Блок. Рассказывают, что Л.Д. старательно вычеркивает в работах Медведева все, что может бросить на нее тень». (Лукницкий П.Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. I: 1924–25 гг. Paris: YMCA-PRESS, 1991. С. 318).

⁶ Детский отдел Госиздата размещался в Доме Зингера (Невский пр., 28) на пятом этаже.

Список литературы

1. Александр Блок и Евгений Иванов: в 2 кн. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. Кн. 1: А.А. Блок и Е.П. Иванов: Переписка (1904–1920) / сост., предисл., подгот. текста В.Н. Быстрова; коммент. В.Н. Быстрова, при участии О.Л. Фетисенко. 280 с.
2. Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. / публ., вступ. статья и коммент. А.В. Лаврова и Джона Мальмстада; подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Джона Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. 736 с.
3. *Бекетова М.А.* Воспоминания об Александре Блоке / сост. В.П. Енишерлов и С.С. Лесневский; вступ. ст. С.С. Лесневского; посл. А.В. Лаврова; примеч. Н.А. Богомолова. М.: Правда, 1990. 672 с.
4. *Белоус В.* Вольфила: (Петроградская Вольная философская ассоциация): 1919–1924. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2005. Кн. 2. 800 с.
5. *Блок А.* Дневник / под ред. А.Л. Гришунина. М.: Советская Россия, 1989. 512 с.
6. *Галанина Ю.Е.* Любовь Дмитриевна Блок: Судьба и сцена. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. 432 с.
7. *Долинский М.З.* Искусство и Александр Блок. М.: Советский художник, 1985. 336 с.
8. *Енишерлов В.П.* Как в годы золотые // Наше наследие. 2010. № 96. С. 48–58.
9. Из дневников Е.П. Казанович / публ. В.Н. Сажина // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л.: Наука, 1982. С. 160–180.
10. *Ильюнина Л.И.* Московская ассоциация по изучению творчества А. Блока // Александр Блок: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. С. 213–220.
11. *Книпович Е.* Об Александре Блоке: Воспоминания. Дневники. Комментарии. М.: Сов. писатель, 1987. 144 с.
12. *Лавров А.В.* Неосуществленные издательские проекты Иванова-Разумника (1922–1923) // Лавров А.В. Русские символисты: Этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. С. 568–573.
13. Литературное наследство. М.: Наука, 1963. Т. 70: Горький и советские писатели: Неизданная переписка. 736 с.
14. Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3. 864 с.
15. *Магомедова Д.М.* «Крушение гуманизма» А.А. Блока и «Закат Европы» О. Шпенглера: источники и параллели // Новый филологический вестник. 2017. № 2 (41). С. 139–152.
16. *Модзалевский Б.Л.* Из записных книжек 1920–1928 гг. / публ. Т.И. Краснотородко и Л.К. Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 7–191.
17. О Блоке: Сборник литературно-исследовательской ассоциации Ц.Д.Р.П. / под ред. Е.Ф. Никитиной. М.: Кооперативное издательство писателей «Никитинские субботники», 1929. 383 с.
18. *Павлова М.* Проект антологии русской поэзии Федора Сологуба // От Кибирова до Пушкина (Сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова). М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 359–372.
19. *Фетисенко О.Л.* Проповедник Нагорной радости («Петербургский мистик» Евгений Иванов) // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2006. Сб. 5. С. 323–390.

20. *Чепик-Юренева И.* Моя любовь. Мои напечатленье: 1941–2013. М.: Кругъ, 2013. 319 с.
21. *Чуковский К.* Дневник. 1922–1935 / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской. М.: ПРОЗАиК, 2011. 656 с.
22. Шахматовский вестник. 1996. № 6: Каталог. Вып. 1. 160 с.
23. *Шелест О.В.* Четыре письма М.П. Ивановой Е.Ф. Книпович // Шахматовский вестник. 1997. № 7. С. 150–155.

Статья поступила в редакцию: 21.07.2020

Одобрена после рецензирования: 05.09.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Scientific Publication of Archival Materials

From M.A. Beketova's Letters to E.F. Knipovich (1922–1926)

© 2020. Boris N. Romanov

Moscow, Russia

Abstract: The main theme in the letters of the translator and children's author M.A. Beketova, A.A. Blok's aunt, to the poet's friend, the literary critic E.F. Knipovich, is the fate of Blok's legacy, its publication, information about evenings and meetings in the poet's memory, about his relatives, friends, researchers of his works, as well as about M. Beketova's work on biographical books about Blok and the publication of his correspondence. In the letters there are significant details related to the activities of the Moscow Association for the Study of A. Blok's Works of the GAKhN, with meetings of the Petrograd Free Philosophical Association (Volfila), reports about the Shakhmatovo estate, references on L.D. Blok's role in the publication of Blok's heritage, on the beginning of preserving the memory of the poet, museumification of his iconography, personal belongings, manuscripts. The letters give a vivid picture of the "struggle for Blok" in the 1920s waged by his friends and relatives, as well as writers and critics who understood the true scale of the poet's figure. The letters are preserved in a private collection (Moscow).

Keywords: M.A. Beketova; A.A. Blok; L.D. Blok; E.F. Knipovich; Volfila; Association for the Study of A. Blok's Works of the GAKhN.

Information about the author: Boris N. Romanov, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: bnroma@yandex.ru.

For citation: Romanov, B.N. "From M.A. Beketova's Letters to E.F. Knipovich (1922–1926)." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 152–197. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-152-197>

References

1. *Aleksandr Blok i Evgenii Ivanov: v 2 kn.* [Alexander Blok and Yevgeny Ivanov: in 2 books], book 1, comp., introd., ed by V.N. Bystrov, comm. by V.N. Bystrov, with contrib. from O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2017. 280 p. (In Russ.)
2. *Andrei Belyi i Ivanov-Razumnik. Perepiska* [Andrei Bely and Ivanov-Razumnik. Correspondence], publ., introd. and comm. by A.V. Lavrov and John Malmstad; ed. by T.V. Pavlova, A.V. Lavrov and John Malmstad. St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1998. 736 p. (In Russ.)
3. Beketova, M.A. *Vospominaniia ob Aleksandre Bloke* [Memoirs of Alexander Blok], comp. V.P. Enisherlov and S.S. Lesnevsky; introd. by S.S. Lesnevsky; afterword by A.V. Lavrov, ref. by N.A. Bogomolov. Moscow, Pravda Publ., 1990. 672 p. (In Russ.)
4. Belous, V. *Vol'fila: (Petrogradskaia Vol'naia filosofskaia assotsiatsiia): 1919–1924* [Vol'fila: (Petrograd Free Philosophical Association): 1919–1924], book 2. Moscow, Modest Kolerov i "Tri kvadrata" Publ., 2005. 800 p. (In Russ.)
5. Blok, A. *Dnevnik* [Diary], ed. by A.L. Grishunin. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1989. 512 p. (In Russ.)
6. Galanina, Iu.E. *Liubov' Dmitrievna Blok: Sud'ba i stsena* [Lyubov Dmitrievna Blok: Fate and Stage]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2009. 432 p. (In Russ.)
7. Dolinskii, M.Z. *Iskusstvo i Aleksandr Blok* [Art and Alexander Blok]. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1985. 336 p. (In Russ.)
8. Enisherlov V.P. "Kak v gody zolotyie" ["As in the Golden Years"]. *Nashe nasledie*, no. 96, 2010, pp. 48–58. (In Russ.)
9. "Iz dnevnikov E.P. Kazanovich" ["From E.P. Kazanovich's Diaries"], publ. by V.N. Sazhin. *Pushkinskii Dom: Stat'i. Dokumenty. Bibliografiia* [Pushkin House: Essays. Documents. Bibliography]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 160–180. (In Russ.)
10. Il'iunina, L.I. "Moskovskaia assotsiatsiia po izucheniiu tvorchestva A. Bloka" ["Moscow Association for the Study of A. Blok's Works"]. *Aleksandr Blok: Issledovaniia i materialy* [Alexander Blok: Studies and Materials]. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 213–220. (In Russ.)
11. Knipovich, E. *Ob Aleksandre Bloke: Vospominaniia. Dnevnik. Kommentarii* [About Alexander Blok: Memoirs. Diaries. Comments]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987. 144 p. (In Russ.)
12. Lavrov A.V. "Neosushchestvlennye izdatel'skie proekty Ivanova-Razumnika (1922–1923)" ["Ivanov-Razumnik's Unrealized Publishing Projects (1922–1923)"]. *Lavrov A.V. Russkie simvolisty: Etiudy i razyskaniia* [Russian Symbolists: Studies and Discoveries]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2007, pp. 568–573. (In Russ.)
13. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 70: Gor'kii i sovetskie pisateli: Neizdannaiia perepiska [Gorky and Soviet Authors: Unpublished Correspondence]. Moscow, Nauka Publ., 1963. 736 p. (In Russ.)
14. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 92: Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniia [Alexander Blok: New Materials and Studies], book 3. Moscow, Nauka Publ., 1982. 864 p. (In Russ.)
15. Magomedova, D.M. "Krushenie gumanizma' A.A. Bloka i 'Zakat Evropy' O. Shpenglera: istochniki i paralleli" ["The Collapse of Humanism' by A.A. Blok and 'The Decline of Europe' by O. Spengler: Sources and Parallels"]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 2 (41), 2017, pp. 139–152. (In Russ.)

16. Modzalevskii, B.L. “Iz zapisnykh knizhek 1920–1928 gg.” [“From Notebooks of 1920–1928”], publ. by T.I. Krasnoborodko and L.K. Khitrovo. *Pushkinskii Dom: Materialy k istorii. 1905–2005* [*Pushkin House: Materials on the History. 1905–2005*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005, pp. 7–191. (In Russ.)

17. *O Bloke: Sbornik literaturno-issledovatel'skoi assotsiatsii Ts.D.R.P.* [*About Blok: A Collection of the Literary Research Association Ts.D.R.P.*], ed. E.F. Nikitina. Moscow, Kooperativnoe izdatel'stvo pisatelei “Nikitinskie subbotniki” Publ., 1929. 383 p. (In Russ)

18. Pavlova, M. “Proekt antologii russkoi poezii Fedora Sologuba” [“Fyodor Sologub’s Project of the Anthology of Russian Poetry”], *Ot Kibirova do Pushkina (Sbornik v chest' 60-letii N.A. Bogomolova)* [*From Kibirov to Pushkin (A Collection to the 60th Anniversary of N.A. Bogomolov)*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, pp. 359–372. (In Russ.)

19. Fetisenko, O.L. “Propovednik Nagornoj radosti (‘Peterburgskii mistik’ Evgenii Ivanov)” [“Preacher of the Joy on the Mount (‘Petersburg mystic’ Evgeny Ivanov)”]. *Khristianstvo i russkaia literatura* [*Christianity and Russian Literature*], issue 5. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, pp. 323–390. (In Russ.)

20. Chepik-Iureneva, I. *Moia liubov'. Moi napechatlen'ia: 1941–2013* [*My Love. My Imprints: 1941–2013*]. Moscow, Krug" Publ., 2013. 319 p. (In Russ.)

21. Chukovskii, K. *Dnevnik. 1922–1935* [*Diary. 1922–1935*], comp., ed. and comm. by E. Chukovskaia. Moscow, PROZAiK Publ., 2011. 656 p. (In Russ.)

22. *Shakhmatovskii vestnik* [*Shakhmatovo Herald*], no. 6: catalogue, issue 1. 1996. 160 p. (In Russ.)

23. Shelest, O.V. “Chetyre pis'ma M.P. Ivanovoi E.F. Knipovich” [“Four Letters from M.P. Ivanova to E.F. Knipovich”]. *Shakhmatovskii vestnik*, no. 7, 1997, pp. 150–155. (In Russ.)

The article was submitted: 21.07.2020

Approved after reviewing: 05.09.2020

Date of publication: 25.12.2020

ПИСАТЕЛИ, ИЗДАТЕЛИ, ЧИТАТЕЛИ

Литературный факт.
2020. № 4 (18)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (18), 2020

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-198-234>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

И.А. Бунин и «Книгоиздательство писателей в Москве». Материалы к теме и комментарии

© 2020, М.А. Фролов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Статья представляет собой попытку хроникально осветить эпизоды сотрудничества И.А. Бунина и «Книгоиздательства писателей в Москве» (1912–1923), взглянуть на которые с возможной долей объективности помогают сохранившиеся архивные материалы, как уже введенные в научный оборот, так и те, которые печатаются впервые. Хронологически ее центром будет 1912 год, а также первые несколько лет существования «Книгоиздательства». Тема, которой посвящена статья, начиная с 1963 года, затрагивалась в целом ряде статей и публикаций, но не в качестве отдельного самостоятельного сюжета, а в контексте изучения деятельности «Книгоиздательства» в целом. И.А. Бунин был одним из самых активных и авторитетных сотрудников и авторов издательства. За семь лет из печати вышли восемнадцать книжных изданий (включая переиздания), в том числе этапные и важные для становления литературной репутации Бунина книги. В статье публикуются по последней авторской машинописи (с дополнениями по публикации 1992 года в журнале «Вопросы литературы») «Воспоминания» Н.С. Ангарского-Клестова, а по автографам — письма С.Н. Сергеева-Ценского, В.В. Вересаева, М.В. Аверьянова, В.В. Муйжеля к Ангарскому-Клестову, письма Ангарского-Клестова Сергееву-Ценскому и Бунину, фрагменты переписки Бунина и Вересаева, письмо Вересаева С.Д. Махалову, а также договор между Буниным и «Книгоиздательством» на выпуск пятого издания книги «Перевал. Рассказы 1892–1902» (1913).

Ключевые слова: И.А. Бунин; Н.С. Ангарский-Клестов; С.Н. Сергеев-Ценский; В.В. Вересаев; М.В. Аверьянов; В.В. Муйжель; Книгоиздательство писателей в Москве.

Информация об авторе: Максим Андреевич Фролов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: AAE-1270-2019. E-mail: m.a.frolov@gmail.com.

Для цитирования: *Фролов М.А.* И.А. Бунин и «Книгоиздательство писателей в Москве». Материалы к теме и комментарии // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 198–234. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-198-234>

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17–18–01410–П «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»).

Выражаем благодарность С.Н. Морозову за уточнения и замечания, высказанные в процессе работы над статьей, а также за сообщенные библиографические сведения.

Тема взаимоотношений И.А. Бунина с «Книгоиздательством писателей в Москве» затрагивалась в целом ряде статей и публикаций [3; 4; 2; 8; 9; 10], но не в качестве самостоятельного сюжета, а в контексте изучения деятельности этого литературного кооператива. В числе его организаторов и активных сотрудников были В.В. Вересаев (долгое время — председатель правления и главный редактор), С.Н. Сергеев-Ценский, Н.Д. Телешов, И.С. Шмелев, Л.Н. Андреев, А.И. Куприн, А.С. Серафимович, С.Д. Махалов, другие писатели и общественные деятели и, наконец, инициатор создания товарищества, его бессменный секретарь и заведующий в 1912–1919 гг. Н.С. Клестов-Ангарский [12, с. 73–74]). У истоков этого кооперативного предприятия стоял и И.А. Бунин, библиография которого подтверждает, что писатель был одним из самых активных сотрудников и авторов издательства. Бунин был знаком с Клестовым еще с 1906 г. — их связывало сотрудничество в «Московском книгоиздательстве» Г.А. Блюменберга, Бунин имел опыт редактирования сборников «Земля», выпуск которых был инициирован Клестовым. Наконец, писатель был одним из первых корреспондентов, которому Клестов сообщил о своем замысле объединения писателей для самоиздательства [5, с. 14]. За семь лет, с 1912 по 1919 г., из печати вышли 18 книжных изданий (включая переиздания)¹, в том числе такие этапные и важные для становления литературной репутации Бунина книги, как «Суходол: Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (1912; первая книга Бунина, выпущенная «Книгоиздательством

¹ В их число следует включить и изданные в «Московском книгоиздательстве» Г.А. Блюменберга следующие книги Бунина: первое издание «Деревни» (1910), 4-е издание сборника рассказов «Перевал» (1912), 2-е издание сборника «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.» (1912) и книги «Стихотворения 1903–1906 гг.» В остатках тиража этих четырех книг после создания «Книгоиздательства писателей в Москве» прежние титульные листы были заменены на новые, и под маркой нового издательства они вновь поступили в продажу.

писателей в Москве)), а также «Иоанн Рыдалец: Рассказы и стихи 1912–1913 гг.» (1914), «Чаша жизни: Рассказы 1913–1914 гг.» (1915), «Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг.» (1916), и целый ряд книг, увидевших свет в 1917–1919 гг. в выпускавшихся «Книгоиздательством» сериях «Народно-школьная библиотека» и «Дешевая библиотека». Отдельного упоминания заслуживают работа Бунина как редактора и сотрудничество в качестве автора в выпускавшихся «Книгоиздательством» сборниках «Слово».

Поскольку в процессе своего формирования «Книгоиздательство писателей в Москве» претерпело немало организационных и юридических трансформаций, сделаем специальную оговорку: предметом нашей статьи является сотрудничество Бунина именно с этой организацией, в том виде, структуре и составе, в котором оно возникло фактически и юридически весной 1912 г. и просуществовало, меняя названия и организационное подчинение, до 1923 г. Сотрудничество писателя с «Московским книгоиздательством» Блюменберга и «Издательским Товариществом Писателей в Петербурге» (1911–1914) мы оставляем за пределами нашей статьи, несмотря на то, что и первая, и вторая организация находились в тесном контакте и взаимодействии (как положительном, так и отрицательном), а зачастую в положении «родства — преемничества» с основанным Клестовым и Вересаевым книгоиздательством². Тем более что, как верно заметила Л.М. Иванова, автор обзора архива Клестова, именно «Книгоиздательство писателей в Москве» в полной мере решило главную задачу — «объединить писателей для самоиздательства и защиты авторских прав» [5, с. 7]. В задачу настоящей статьи не входит всесторонний, последовательный исторический очерк сотрудничества писателя и «Книгоиздательства». Мы намерены осветить лишь некоторые эпизоды этого сотрудничества, взглянуть на которые с возможной долей объективности помогают сохранившиеся архивные материалы, как уже введенные в научный оборот, так и те, на которые мы хотели бы обратить внимание читателей.

² О.Д. Голубева указывает: «Основное писательское ядро [Петербургского] товарищества — С. Сергеев-Ценский, А. Толстой, И. Бунин, И. Шмелев — убежденные Н. Клестовым в большей перспективности нового издательства — “Книгоиздательства писателей в Москве”, ушли из товарищества, вступив членами в московское издательство. Ушел в это же издательство и Н. Клестов» [3, с. 428]. Ср. замечания М.К. Свиценой: «...деятельность одного из них [Петербургского товарищества] представляет собой негативный, а другого — позитивный опыт реализации одной и той же идеи — идеи писательского “самоиздательства”» [9, с. 288]; «В деятельности “Книгоиздательства писателей в Москве”, наряду с товариществом “Задруга”, была наиболее полно и последовательно реализована идея защиты авторских интересов» [10, с. 294].

Хронологически ее центром будет 1912 г., а также первые несколько лет существования «Книгоиздательства».

И. И.А. Бунин и «Книгоиздательство писателей в Москве» в пору его организации

Предыстория возникновения «Книгоиздательства писателей в Москве» была изложена Клестовым в воспоминаниях, написанных им в конце 1938 — начале 1939 г. Мы будем приводить фрагменты этих воспоминаний, дополняя их рядом архивных и печатных материалов³. Даже в том случае, если в публикуемых письмах и воспоминаниях речь напрямую о Бунине не идет, все они — документальные свидетельства становления организации, с которой Бунин был связан напрямую и очень тесно.

Обратимся к воспоминаниям Клестова в той их части, которая касается переходного периода сосуществования петербургского и московского книгоиздательств:

Книгоиздательство писателей в Москве было организовано мной при активном содействии В. Вересаева, который идейно руководил издательством, нередко вызывая недовольство литературных обывателей — Телешова, Юлия Бунина, Белоусова, Ивана Бунина, Сергея Глаголь (Голоушев), Грузинского и др. «москвичей», у которых литература и литературная жизнь как-то ассоциировались с обедами, банкетами, телешовскими ужинами и капустниками и белоусовскими блинами <...> В редакцию сборников входили Н. Олигер, В. Муйжель, Евг. Чириков, Сергеев-Ценский и я в качестве ответственного секретаря редакции с правом решающего голоса. Фактически составлять сборники, т.е. собирать материал, пришлось мне одному, поскольку редакторы ограничивали свое участие в редакции лишь чтением предложенных рукописей. Я считал необходимым удерживать в Товариществе Сергеева-Ценского, Ал. Толстого, Ив. Шмелева — поскольку всех их роднило отношение к жизни и к искусству. И не случайно, что все они высказались за

³ Известные воспоминания В. Вересаева (очерк «Книгоиздательство писателей в Москве», 1935), в которых с ревнивой недоброжелательностью много говорится об участии Бунина в работах «Книгоиздательства», еще ждут детального фактографического комментария и должны осмысляться в контексте реконструкции отношений двух писателей и репутации Бунина в советской печати 1930-х годов. При этом надо учитывать определенное влияние оценок Вересаева и на воспоминания Н. Клестова.

Вересаева, как редактора, а не за Бунина, которого, как художника, все они, за исключением м.б. Ценского, очень ценили. Замечу кстати, что Вересаев, считая Бунина большим художником, был, как и Ценский, очень невысокого мнения о «Ночном разговоре» и других деревенских рассказах Бунина⁴.

Не все, однако, складывалось благополучно в отношениях Бунина с Клецовым еще в пору его работы в «Товариществе». Комментируя одно из полученных писем Бунина, Клецов вспоминал:

Бунин обещал примкнуть к делу, буде оно разовьется в формах для него приемлемых. Это значит, что я должен сначала развить дело, организовать его, достать средства, а затем Бунин обещает «примкнуть», да и то, если — «формы будут приемлемы». Практически Бунин соглашался на участие в товарищеском деле при условии уплаты вперед всего гонорара не только за рассказ для сборника, но и за отдельные книги. Не шел Бунин на уступки и в части установления гонорара за вещи для сборника. Мы не могли равняться по альманахам и полагали, что авторы согласятся получить журнальный гонорар, т. е. тот гонорар, который они получают в ежемесячных журналах. Бунин отклонил это предложение и назначил нам за рассказ тот гонорар, который он получал в газетах, где, как известно, всегда платят дороже <...> Издательство Писателей с каждым годом крепло и развивалось. Почему? Да потому, что оно собрало

⁴ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 1. Ед. хр. 2/1. Л. 45–47. Здесь и далее архивные материалы приводятся с сохранением орфографии и пунктуации источника.

Ср.: «Я очень высоко ценил Бунина как писателя. Совершенно не был согласен с Вересаевым, который считал рассказ Бунина “Ночной разговор” слабым. Я утверждал, что он лучший в сборнике (имеется в виду “Сборник первый” Издательского Товарищества Писателей, вышедший в 1912 году. — *прим. публ.*). Точно так же очень высокого мнения был о бунинской повести “Деревня”» [6, с. 357]. Цитируя или ссылаясь на воспоминания, напечатанные в «Вопросах литературы», мы за основу берем авторскую машинопись (последняя наиболее полная авторская редакция), без учета редактуры, внесенной М.Н. Ангарской в текст журнальной публикации. Для полноты картины мнений и оценок, имевших место в окружении Бунина тех лет, процитируем еще один документ. В период подготовки первого сборника «Издательского Товарищества Писателей» Муйжель в письме Клецову, предположительно датированном началом декабря 1911 г., также отрицательно высказывался о «Деревне» Бунина: «Важен состав первого сборника, этого платья, по которому встречают. Намеченное Вами я мог бы вполне одобрить, ежели бы Бунин не написал “Деревни” (между прочим — вряд ли Короленко после этой вещи пойдет с ним по крайней мере в одном сборнике. Считаю долгом оговориться, что это мое, и только мое личное мнение, с Короленкой я по этому поводу не говорил, как кажется и вообще о “Деревне” не говорил, и возможно в данном случае я ошибаюсь)...» (РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 20 об.). Известно, что Короленко впоследствии действительно отказался от участия в «Книгоиздательстве писателей в Москве» (как в качестве члена-пайщика, так и автора), но по совершенно другим причинам.

и объединило всех тех писателей, которым дороги были интересы литературы и искусства и потому еще, что во главе издательства стоял Вересаев, моральный авторитет которого и общественное направление были бесспорны. Вскоре пришел к нам и Горький, предложив издание своих «Сказок»⁵. Пришел и еще целый ряд писателей (Тренев, Новиков-Прибой, Серафимович, Никандров, Борис Зайцев, Илья Сургучев, Пришвин, Коцюбинский, Короленко) и «Книгоиздательство Писателей в Москве» стало единственным центром художественной литературы реалистического направления <...> Находясь в Москве я принимал все меры к тому, чтобы не дать погибнуть возникшему в Петербурге Товарищескому Издательству Писателей. Я пытался перевести все дело в Москву и продолжать его под единоличной редакцией Вересаева⁶. Опыт показал, что коллективная редакция не жизнenna. Москвичи пытались выдвинуть Ив. Бунина, но он вряд ли собрал бы достаточное число голосов. Вересаев, с которым я вел переговоры, решительно высказался против «Сборников», считая это дело абсолютно убыточным, и что мы не сможем рассчитаться с авторами; он предполагал ограничиться только изданием отдельных книг, не предъявляя столь повышенных требований, как к вещам, предназначенным для Сборников. Однако, эта мысль Вересаева не встретила одобрения ни в Москве, ни в Петербурге. В Москве решительно стояли за издание Сборников Ив. Бунин, Шмелев, в Петербурге — Сергеев-Ценский. Я также полагал, что без Сборников — Издательство не будет иметь лица <...> В это трудное время, когда все попытки организации единого издательского Т<оварищес>тва писателей рушились, а Аверьянов, опасаясь, что все дело издательства может перейти в Москву — заключил в мое отсутствие договор с редакторами товарищества — Чириковым,

⁵ Именно Бунин, несмотря на негативное отношение Горького к Клеостову, приглашал его стать пайщиком «Книгоиздательства», инициировал издание «Сказок» (убедил доверить их выпуск именно московскому, а не петербургскому издательству), а также просил принять участие во втором и пятом сборниках «Слова». Главной причиной того, что Горький не успел принять участие в первом сборнике, Бунин убежденно считал «слишком медленную организацию» Вересаевым издания этого сборника [4, с. 197, 204]. См. письмо Бунина Горькому от 6 июля 1912 года: [1, с. 232]. Горький стал пайщиком «Книгоиздательства» в декабре 1914 г., но собраний не посещал, а право голоса передал первой жене, Е.П. Пешковой [2, с. 149].

⁶ Ср. в письме Вересаева Клеостову от 22 февраля 1912: «Когда выяснится вопрос о моем редакторстве, я очень хотел бы основательно переговорить с Вами об организации и материальной стороне Вашего предприятия» (РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 4).

Муйжелем, Олигером. Права Аверьянова⁷ этими договорами сильно расширились, и он из складчика превратился в издателя, а я в подчиненное ему лицо. Более того, заключив договор сроком на один год (до утверждения устава), он этим самым до крайности затруднил перевод издательства в Москву и как бы предрешил существование в Петербурге обычного литературного издательства под редакцией Муйжеля, Олигера и Чирикова, т.е. как раз тех писателей, произведения коих не были приняты в первый сборник и на печатании коих настаивал Аверьянов <...> Переговоры о переводе издательства в Москву подвигались медленно, но возвращаться в Петербург для совместной работы с Аверьяновым я считал невозможным. Я остался в Москве. <...> Несмотря на сопротивление Аверьянова⁸,

⁷ М.В. Аверьянов был для «Издательского Товарищества Писателей в Петербурге» практически единственной материальной опорой как надежный кредитор и распространитель изданий. Надо сказать, что финансовое положение «Товарищества» с момента его возникновения и до ликвидации никогда не было стабильным, что стало, в частности, причиной ухода Сергеева-Ценского. Свою роль играла и разобщенность (в том числе географическая) основных его участников [9, с. 290, 291]. Вскоре после выхода первого «Сборника» «Товарищества» (февраль 1912) дела в Петербурге пошли на спад, и Клестов считал, что в лучшем случае петербургское издательство имело риск со временем превратиться в издательство Аверьянова, оценивая такую перспективу крайне отрицательно [6, с. 345, 351–352]. Именно тогда окончательно сформировался у Клестова замысел, положивший начало нелегкому процессу организации и выработки правовых форм существования «Книгоиздательства писателей в Москве». См. в воспоминаниях Клестова: «Единственный выход из создавшегося положения — это привлечение хорошего редактора, такого, как Вересаев, но для этого надо было перевести все дела в Москву, оставив в Петербурге лишь книжный склад Аверьянова. Однако члены Правления Муйжель, Чириков и вместе с ними Аверьянов противились переводу издательства в Москву; не соглашась с теми требованиями, которых придерживался Вересаев, они отстаивали коллективную редакцию. Москвичи в свою очередь не желали объединяться с питерцами» [6, с. 352]. Петербургское товарищество, как следует из воспоминаний Клестова, практически прекратило свое существование уже в начале 1913 г. [6, с. 353]. Ср. справедливое замечание в статье О.Д. Голубевой: «Пример Вересаева, который после отказа работать в “Знании”, издавал свои книги на договорных началах с типографиями, свидетельствовал о возможности существования самоиздательства, при котором весь доход после покрытия расходов по изданию книги поступал бы в пользу автора» [3, с. 413]. Упоминаемый Клестовым договор, заключенный Аверьяновым с Муйжелем, Чириковым и Олигером, был отнюдь не следствием интриги или сговора, а попыткой «придать деятельности товарищества сколько-нибудь законный характер и в какой-то степени гарантировать возврат вложенных средств» [8, с. 67–68].

⁸ У Аверьянова были очень серьезные и веские основания для «сопротивления». В письме С.Д. Махалову и Д.Я. Голубеву от 12 августа 1912 г. он пояснял: «Прежде всего, Н.С. Клестов не был уполномочен Товариществом вести переговоры о перенесении дела в Москву, слиянии двух Товариществ в одно и пр. Он исполнял только секретарские обязанности и в настоящее время не является ни членом Товарищества, ни секретарем его, ни каким-либо должностным лицом. Таким образом, предложения исходящие от его имени, являются в представлении С.–Петербургского Товарищества Писателей несостоятельными <...> Передать актив-пассив дела, как пишете Вы в своем письме, — это значит передать все дело,

мысль о переводе издательского товарищества Писателей в Москву встречена была всеми учредителями Т-оварищества>ва весьма сочувственно⁹.

15 марта 1912 г. А.Н. Толстой писал Клестову: «...я настаиваю... перевести контору и редакцию в Москву, выбрать платным редактором В.В. Вересаева, выбрать заведующим Издательством Вас, оставить М.В. Аверьянова председателем Издательства в Петербурге и всем членам Т-ва объединиться с Московской литературной группой и скрепить это объединение и все дела юридическим договором Товарищества на вере»¹⁰ [3, с. 427]. Это решение тем более устроило всех москвичей, что оно не имело ничего общего с формальным слиянием: в этом случае москвичи — члены Товарищества опасались, что на организацию, делающую первые шаги и не имеющую надежного бюджета, ляжет ответственность за долги петербургского издательства [4, с. 193; 10, с. 292].

Организационное собрание будущих учредителей и пайщиков «Книгоиздательства» состоялось 22 марта 1912 г. в Москве в помещении Литературно-художественного кружка при участии В.В. Вересаева, Н.Д. Телешова, И.С. Шмелева, И.А. Белоусова¹¹, Ю.А. Бунина, С.С. Мамонтова, С.Д. Махалова (Разумовского), А.К. Энгельмейера и Н.С. Клестова, который принял на себя роль полномочного представителя петербургского «Издательского Товарищества Писателей» и сделал доклад о юридической и финансовой стороне нового пред-

отказавшись от него совершенно» (НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 130. Л. 2, 2 об.). По сути дела, Клестов безосновательно упрекал Аверьянова в том, в чем можно было бы с полным основанием упрекнуть его самого в пору его работы в «Издательском Товариществе Писателей» — в превышении полномочий, в попытках «подменить собой всю деятельность правления», в приеме рукописей к печати и единоличном формировании первого сборника «Товарищества» [9, с. 289; 8, с. 64].

⁹ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 1. Ед. хр. 2/1. Л. 49; Ед. хр. 2/2. Л. 19–20, 23–24, 30–31, 52, 53.

¹⁰ Такая форма была выбрана еще и потому, что она была наиболее легкой с точки зрения взаимоотношений с государственными и частными структурами. Ср.: «Для юридического оформления такой организации достаточно было регистрации в купеческой управе. При организации “Торгового дома на вере” одно или несколько лиц должны быть полными товарищами, т.е. людьми, несущими ответственность за все дело, а остальные вкладчиками, отвечающими только своими вкладами» [4, с. 192]. Такими «полными товарищами», то есть учредителями, стали С.Д. Махалов (Разумовский) и Д.Я. Голубев [10, с. 293].

¹¹ См. его небольшую мемуарную заметку: *Белоусов И.* Литературная среда. Воспоминания, 1880–1928. М., 1928. С. 231–233.

приятия¹². К этому времени он уже вел активные переговоры с рядом ключевых фигур, обсуждая детали кооперации. 19 марта 1912 г. Бунин, который не смог присутствовать на организационном собрании, писал брату Юлию, у которого была доверенность выступать и от его имени: «Клестов упорно писал мне, что денег я могу не вносить сейчас, — что, если я дам кн<игу> нов<ых> рассказов т<оварищест>ву писателей, то эти 200 р., т. е. мой пай, можно взять осенью из гонорара за эти рассказы. Нельзя ли так и сделать?» [1, с. 221]. А в день собрания он сообщал брату: «Клестов пишет — намечают в редакторы т<оварищест>ва писателей Муйжеля, Аничкова и — Чуковского!!! Если не будет хорошего редактора, я не иду ни в пайщики, ни в сотрудники. Я стою за редактора такого: Телешов, или ты, или Вересаев» [1, с. 223]. Таким образом, предстояло согласовать еще много непростых вопросов, тем более что М. Аверьянов и другие «петербуржцы» не были готовы поступиться своими правами при реорганизации предприятия.

Надо сказать, что и в письмах, и особенно в поздних воспоминаниях Клестов был склонен создавать намеренно негативный портрет Аверьянова. Характерным примером может служить публикуемое нами далее письмо Клестова Сергееву-Ценскому от 22 апреля 1912 г. Между тем, еще 26 марта Аверьянов отправил Клестову обстоятельное и подробное письмо, которое свидетельствует о том, что позиция Аверьянова была связана отнюдь не с личной неприязнью к Клестову, о которой и речи нет в его письмах, а с разногласиями в сфере деловых отношений:

Вы требуете от меня отчетные данные для представления собранию новых товарищей на обсуждение, найдут ли они возможным вместе с фирмой Издательского Т<оварищест>ва Писателей, принять обязательства Т<оварищест>ва и, по выбору, некоторых из его членов; я же считаю необходимым сначала дать отчет именно этому Т<оварищест>ву, в лице гг. Чирикова, Муйжеля и Олигера, а затем уже предпринимать какие-либо ответственные действия по «реорганизации» с ведома и согласия не некоторых, а всех лиц, заинтересованных в судьбе Т<оварищест>ва. Никаких шагов по реорганизации без ведома и согласия тех, кто собирается реорганизовывать, я бы себе не позволил и в них участвовать и содействовать не могу <...> Вы

¹² См.: [11, с. 289]. Председателем правления и редактором стал, как мы уже упоминали, Вересаев, заведующим, выполнявшим организационную часть работы — Клестов. Первый исполнял свои обязанности на общественных началах, Клестову следовало жалование сто рублей в месяц [6, с. 354].

много раз и вполне категорически заявляли, что не признаете и даже считаете несуществующим договор Т<оварищест>ва и предлагали мне уничтожить его. Вы совершенно не хотите считаться с лицами, так или иначе участвовавшими в призвании к жизни существующего Т<оварищест>ва и тем как бы игнорируете существующее Т<оварищест>во, тем не менее все Ваши подписи на письмах и на счетах имеют титул Заведующего Издательством Т<оварищест>ва Писателей и по доверенности того же Издательского Т<оварищест>ва Писателей. Такое двойственное отношение вынуждает меня прямо поставить вопрос, с кем же я имею дело в Вашем лице, от имени какого Т<оварищест>ва Вы ко мне обращаетесь и какие полномочия Вы считаете себе принадлежащими?¹³

14 апреля 1912 г. В.В. Муйжель, откликаясь на ставшие ему известными от Аверьянова планы Клестова, потребовал документальных отчетов о его деятельности в «Издательском Товариществе Писателей». Это письмо, как и процитированные нами выше воспоминания Клестова, передают ту крайне напряженную атмосферу, которая сложилась в отношениях всех участников тогдашних событий. Это было время принятия окончательных решений, и на первый план между недавними товарищами по работе, теперь приблизившимися вплотную к тому, чтобы стать конкурентами, вышли отношения юридические и материальные.

Не входя в оценку по существу Ваших с Михаилом Семеновичем Аверьяновым личных отношений, мы — Евгений Николаевич Чириков и я, — ответственные перед ближайшим общим собранием, для выяснения общего положения дел Издательского Товарищества Писателей, сочли необходимым обратиться как к Михаилу Васильевичу Аверьянову, так и к Вам, Николай Семенович, с покорнейшей просьбой предоставить нам, как членам правления, полные и подробные отчеты, снабженные оправдательными документами, в части, касающейся деятельности каждого из Вас отдельно — как-то: в выдаче и получении и расходовании разных сумм, выдаче обязательств, представлении заключенных договоров с разными лицами и пр. При этом считаем долгом сообщить, что правлению необходимо знать все условия, на каких сданы книгопродавцам и складам полученные от Товарищества книги¹⁴.

¹³ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 1. Ед. хр. 14. Л. 24–24 об.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 18а–18а об. К моменту написания письма отношения Муйжеля и Клестова были окончательно испорчены без всякой возможности восстановления [8, с. 65].

Доведенный до отчаяния непримиримостью своих коллег, чему он и сам во многом был причиной, 22 апреля 1912 г. Клестов писал Сергееву-Ценскому:

Аверьянов не признает меня заведующим издат<ельст>вом, отказался дать мне отчет, не дает комисс<ионных> квитанций, словом всецело стоит на почве того договора, который он тайно от меня и отчасти от Вас заключил с «Правлением». Мало того: Аверьянов категорически воспретил мне распоряжаться деньгами москов<ского> склада, того склада, который является для нас главной базой <...> Но это все еще пустяки, а грустно то, что пишущий о народе Муйжель обратился ко мне с <...> глупейшим письмом и требованием от меня отчета Правлению <...> Неужели так трудно понять, что я должен составить полный отчет Т<оварищест>ву, я, а не Аверьянов с Муйжелем, ибо *только* мне и может быть все известно. Вот что значит заключить гнусный, позорный договор <...> Что я для Аверьянова создавал дело? Этот мерзавец даже гроша не уплатил из продажи авторам и всего только 500 рублей отдал типографии. Что-нибудь одно: или я заведующий и тогда пусть «Правление» потребует от Аверьянова отчет, либо меня устраниют и я отдам свой (частичный ст<ало> б<ыть>) отчет и уйду из этой гнусной и мерзкой истории¹⁵.

Непроясненность дел по петербургскому Товариществу не помешала, однако, провести 27 апреля 1912 г. учредительное собрание московского Книгоиздательства и подписать договор о создании паевого «товарищества на вере». Его подписали участники мартовского организационного собрания, а также И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, позже присоединились и другие пайщики. Договор был зарегистрирован нотариусом 12 мая 1912 г. Официально издательство называлось «Торговый дом Книгоиздательства писателей в Москве. Д. Голубев, С. Махалов и Ко» (однако с таким грифом не вышла в свет ни одна книга [4, с. 193]). На первых порах оно в большей степени и занималось не новыми изданиями, а реализацией книг своих пайщиков и авторов, выкупленных у других издательств («Московского книгоиздательства», «Издательского Товарищества писателей», «Шиповника»). Лишь в 1914 г. оно перерегистрировалось под первоначально задуманным названием [6, с. 354–355]. И.А. Бунин вошел в наблюдательный комитет предприятия, избранный в сентябре 1912 г. (его членами также стали Клестов, Вересаев, Телешов и Шмелев).

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 1. Ед. хр. 7. Л. 3, 3 об.–4. Год установлен по связи с цитируемым нами письмом Муйжеля.

14 мая 1912 г. в «Московской газете» И.А. Белоусов приводил слова Бунина: «Я несколько лет <...> высказывался против вредной кабалы частных предпринимателей и только теперь удалось собрать товарищей на почве этой идеи» [7, с. 206]. Эти его слова полностью соответствовали выраженному тогда в проспекте «Книгоиздательства» стремлению «прийти на помощь авторам в издании их книг и избавить их от необходимости значительную часть дохода с издания отдавать издателям» [4, с. 193].

II. «Книгоиздательство писателей в Москве» и И.А. Бунин в письмах С.Н. Сергеева-Ценского Н.С. Клестову

По этим письмам становится возможным проследить и почувствовать не только отношение их авторов к организуемому в это время предприятию, но и узнать, как именно формировались решения, впоследствии принятые Клестовым, что конкретно влияло на их характер и суть. Тем более, что Сергеев-Ценский оказался одним из самых постоянных сотрудников и авторов издательства («Книгоиздательство» в 1913–1916 гг. выпустило, в частности, несколько томов собраний сочинений Сергеева-Ценского [5, с. 18]). В одном из писем, написанном 4 января 1914 г., то есть относящемся ко времени, когда «Книгоиздательство» относительно прочно укрепилось в сфере отечественного издательского дела, а до начала Первой мировой войны оставалось более полугода, Сергеев-Ценский в емком, почти афористичном и, как всегда, наполненном иронией утверждении высказал свои соображения о репутации «Книгоиздательства», как она представлялась ему на тот момент: «“Книгоиздательство Писателей” — это звучит, мож<ет> б<ыть> и не очень гордо, но внушительно, и во всяком случае вызывает доверие в робкой душе обманутого читателя. Это не какой-то Скирмунт, не “Шиповник”, не Блюменберг, а то, во что провинциал привык верить — этим нужно заниматься»¹⁶.

Но возвратимся к началу переписки, времени интенсивного общения и сотрудничества Сергеева-Ценского и Клестова. Первые месяцы 1912 г. были отмечены тревогой будущих участников московского «Книгоиздательства» и членов петербургского «Това-

¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 88. Л. 2 об.; впервые: [4, с. 206–207]. Значительно позднее, в письме от 26 июня 1915 г., написанном уже в тяжелое военное время, Сергеев-Ценский удивлялся: «Каким это образом “Книг<оиздательство> Писателей” издает книги, когда от этой скверной привычки война отучила уже все изд<ательств>ва?» (НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 89. Л. 16; впервые: [4, с. 207]).

рищества» за дальнейшее сосуществование двух конкурирующих организаций, возникших, по сути дела, из среды одного и того же литературного сообщества. 2 февраля 1912 г. Сергеев-Ценский писал: «Вопрос о редакторе, по моему мнению, — дело последнее <...> Вересаева приглашать, как редактора, Вы пока погодите, — время до осени терпит. А основная группа для наших сборников должна быть такова: Шмелев, Толстой и я»¹⁷. В это же время активно продолжало осуществлять свою деятельность «Московское книгоиздательство» Блюменберга, с 1908 г. выпускавшее сборники «Земля». Вот строки из письма Сергеева-Ценского Клецову от 6 февраля 1912 г., подтверждающие, что упомянутые вопросы находились в центре внимания обоих корреспондентов: «Ол<иге>ра не страшитесь, а вот совпадения в днях выпуска нашего сборника с “Землею” обязательно надо избежать: если не предупредим, то лучше задержать на неделю, на две, а если уж идти напролом, то хорошенько обмозговать»¹⁸.

В письме от 20 февраля 1912 г., не впервые в переписке Клецова, встречается фигура Аверьянова, который на этот раз предстает перед нами в несколько другом ракурсе, глазами Сергеева-Ценского: «Аверьянов для издат<ельст>ва необходим, как воздух. Окончательно формировать издат<ельст>во как *деловое* предприятие (ибо сейчас оно бабски-любительское), я Вам советую осенью. Сделать его нужно *наевым*, с равными *вносами*, и потому с равной ответственностью: кто внесет деньги, тот, из боязни их потерять, будет действовать более осмотрительно, чем напр<имер> действуете теперь Вы. Сейчас пока фактически никакого “тов<арищест>ва”, мне так кажется, — не существует, а издателями являетесь Вы с Аверьяновым. Это не мешает ему быть впоследствии, напр<имер> с осени, действительно “Товар<иществом> писателей” <...> Центр тяжести затеянной Вами работы лежит конечно в сборнике»¹⁹.

Спустя три дня, 23 февраля 1912 г., Сергеев-Ценский указывал на главную ошибку, допущенную Клецовым, и его письмо следует воспринимать как некоторую попытку сформулировать принципы работы организации и принципы взаимовыгодного и плодотворного

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 5.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 85. Л. 1 об. Призыв «не страшиться» связан с тем, что Клецов, по совету Сергеева-Ценского, да и по собственному убеждению, исключил из первого сборника «Товарищества» рассказ Н.Ф. Олигера (что стало причиной его выхода из «Товарищества») и не пригласил его работать в организуемом издательстве. Это привело, вместе с другими, более серьезными причинами, к разрыву их отношений (см., в частности, письмо Сергеева-Ценского к Клецову от 2 февраля 1912 г.: РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 4; см. также: [8, с. 66]).

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 7 об., 8 об.

взаимодействия всех его участников: «Вы повинны прежде всего в том, что у Вас не было никакой *идеи*, а платформа, на которой Вы хотели установить разномастных писателей, оказалась до того гнилой, что расплзлась при одном прикосновении <...> Как манифест в читающую публику должен падать каждый сборник наш; все живое и именно идейно-живое должны мы объединить, и тенденциозны даже должны мы быть (в лучшем значении этого слова) <...> Что Вы хотите сделать местом печатания сборников Москву, — с этим я более чем согласен; если Вы привлечете Вер<есае>ва в качестве члена учредителя со взносом пая (конечно, не 100 р., а напр. 500 или более, как и все члены учредители) — это я бы только приветствовал, но насчет выбора редактора советую подождать: дайте столкнуться. Когда собираются писатели en masse, они сидят бараны-баранами, и ничего путного от них не добьешься, а мы, члены учредители должны столкнуться в идейном смысле, без этого нельзя. Пока понимаем друг друга, или если не понимаем, то “чуем” только мы со Шмелевым. Что же касается Вас лично, то Вам придется или ассимилироваться, или отойти в чисто деловую область <...> Общий вывод: пока я не увижу общества окончательно сформированным, я ни за какого “редактора” высказываться не желаю, — ибо это абсурд»²⁰. В этом же письме содержится резкий отзыв Сергеева-Ценского о Бунине (неприязнь двух писателей, как человеческая, так и творческая, судя по известным материалам, была обоюдной): «Вы считаете его художником? Это сапожник в беллетристике и земский начальник в общерусских вопросах. Изложение его “Ночного разговора” я читал в “Бюллетенях” и вот что скажу я Вам: мне стыдно, что я участвую в сборнике <...> Работать с этим господином в будущем я не хочу и не буду, так и знайте»²¹.

Клестов отвечал Сергееву-Ценскому, защищая Бунина: «С Вашей оценкой Бунина согласиться не могу. Бунин знает народ как никто из ныне пишущих о народе. Он добросовестно работает и пишет на хорошем русском языке — это факт. В наше время, когда Дымов, Киппен и им подобные пришли в храм русской литературы, где

²⁰ РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 11 об., 12, 13 об., 14 об. Цитируемое письмо можно в равной мере отнести к деятельности как «Издательского Товарищества писателей», так и «Книгоиздательства писателей в Москве» [8, с. 63]. Отсутствие единой идейной платформы, в том числе четких принципов отбора материалов, стало одной из причин закрытия «Товарищества» в 1914 г. [3, с. 414, 419].

²¹ РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 12 об. В своих воспоминаниях Клестов вкладывает эту фразу в уста Сергеева-Ценского, относя разговор (с Г.А. Яблочковым и Н.Ф. Олигером) к более раннему времени — периоду организации «Издательского Товарищества писателей» в Петербурге [6, с. 343–344].

молились великие писатели, отдыхать можно при чтении очень многих авторов и в их числе Бунин»²².

Наконец, буквально за две недели до получения цитируемого нами выше ультимативного письма от Муйжеля, 29 марта 1912 г. Сергеев-Ценский, будто предчувствуя реакцию Аверьянова и Муйжеля, высказывался в таком роде: «Разделаться с Аверьяновым — это, в сущности, не вопрос. У Муйжеля что может выйти путного? Запретить ему редактировать и издавать Вы ведь не можете. Пусть себе издает, что ему будет угодно и даже под “фирмой” (подумаешь, какая “старинная” фирма!). Тем более, что привилегий на этикет от правительства Вы не взяли, и самое это сочетание слов “Изд<ательс>кое т<оварищест>во писателей” неужели Вы считаете единственным и удачным?»²³

Разрыв с Аверьяновым внес в переписку Клестова тех лет еще одну насущную тему: необходимость собственного или арендуемого книжного склада. Но мысли и ожидания участников книгоиздательства, в том числе и Сергеева-Ценского, подсказавшего Клестову немало полезных решений, направлены были к иному, а именно — к началу активной издательской деятельности. Это проявилось в его письме от 10 сентября 1912 г., проникнутом иронией относительно происходящего внутри издательства противостояния двух редакторских начал — Бунинского и Вересаевского (о чем мы подробнее скажем далее): «Если будет склад при Бунинско–Вересаевском издательстве, м.б. пойдет дело гуще и шире. Попробуйте провести идею издания участников. Это — золотое дно»²⁴.

В письме от 24 сентября 1912 г. Сергеев-Ценский вновь возвращается к эпизоду разрыва отношений Аверьянова и Клестова. Вместе с тем, это письмо, даже по интонации, отражает уже окончательно сформировавшееся отношение Сергеева-Ценского к завершившемуся этапу в предыстории нового издательства, равно как и ожидание активных действий в ближайшем будущем: «Относительно инцидента “Аверьянов — Клестов” я думаю, что Вами сделано все, чтобы его уладить. Теперь нужно ждать инициативы со стороны противоположной. А я лично совершенно перестал интересоваться этим делом.

²² НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 1. Ед. хр. 2/2. Л. 30 (письмо без точной даты; цитируем по авторской машинописи воспоминаний Клестова).

²³ РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 27–27 об. Ср. с письмом Сергеева-Ценского от 9 июля 1912 г.: «Несомненно, что петербуржцы с удовольствием развязались бы с издательством, лишь бы удалось расплатиться с Аверьяновым» (НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 85. Л. 3).

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 85. Л. 4 об.

Хотя я и состою пайщиком, но никаких писем и вообще сведений от Аверьянова, Муйжеля или кого там еще, — не получал»²⁵.

Сходными темами наполнены и письма 1913–1914 гг. Сергеев-Ценский был убежден в том, что не расширение состава пайщиков будет способствовать укреплению положения «Книгоиздательства», а дальнейшее развитие собственной книгоиздательской деятельности — то есть осуществление основной его задачи. Хотя нельзя сказать, что выраженные им в письмах этих лет взгляды на дальнейшую судьбу «Книгоиздательства» отличались особой последовательностью (в своих письмах он то убеждает Клестова в необходимости скорейшего и периодичного выпуска сборников, то призывает повременить с подготовкой очередного из них и более тщательно подойти к отбору включаемых в него вещей). Вот строки из письма от 8 февраля 1913 г.: «Насчет пая. — Зачем “Изд<ательст>ву” новые пайщики? Ведь ему денег не надо, а оборотный капитал дают книги. Наконец, меня не стоит брать пайщиком потому еще, что я пассивным быть не умею»²⁶. В июле 1913 г. Сергеев-Ценский стал смотреть на вещи несколько иначе. По-видимому, трезво оценив, что решение проблем с реализацией «наследства» петербургского «Издательского Товарищества Писателей» усугубляет твердое намерение Клестова сделать издание сборников с произведениями авторов первого ряда (тем более, в отсутствии такого издателя и книготорговца, как Аверьянов) явлением периодическим, он обратился к нему с предупреждением: «Что касается Вашего плана действий, то есть хлопот о переводе (вернее, перевозе) священных гробниц с прахом 1-го, петербургского самоиздательства — это я, знамо дело, одобряю. А вот сборники с вещами Бунина, Вересаева, Зайцева и т.д. <...> это, конечно, утопия (в чисто русском смысле слова), ибо одни гонорары обойдутся тысяч в 8–9»²⁷. Менее, чем год спустя, Сергеев-Ценский резко меняет свое мнение, и вернется к прежнему своему пониманию сборников как инструмента формирования мнения не только читательской общественности, но литературно-критического сообщества: «Вот вопрос необычайной важности: изыскание средств для сборников. <...> Сборники — это не только роскошь, как некогда еретически говорили Вы, а самая первейшая необходимость — это,

²⁵ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 85. Л. 6–7.

²⁶ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 86. Л. 7 об. Тем не менее, 7 апреля 1913 г. Сергеев-Ценский не без усмешки сообщал: «Осенью думаю внести пай, если Бунин ничего не будет иметь против этого» (НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 86. Л. 27 об.).

²⁷ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 87. Л. 9, письмо от 24 июля 1913 г.

прежде всего, могучая реклама для всех изданий наших, а затем вечный интерес для критиков, для прессы вообще»²⁸.

В течение 1914 г. «Книгоиздательство» успело дважды претерпеть перемену в составе редакции: Вересаева сменил Бунин, а его в свою очередь, образовав коллективную редакцию, сменили Ю. Бунин, Вересаев и Шмелев. Но в редактировании сборников «Слово» в дальнейшем принимали участие как Бунин, так, скажем, и Телешов. К этому периоду относится письмо Сергеева-Ценского Клестову, написанное 10 декабря 1914 г.: «Воюете с Буниным? Это похвально. С этого нужно было начать. Позволю себе предсказать, что без братцев дела пойдут лучше, и, когда кончится война, — я — к Вашим услугам. Конечно, давно нужно было упразднить редактора, как отдельное лицо: не “мальчиков принимаете”»²⁹.

III. Из переписки В.В. Вересаева и И.А. Бунина 1912–1913 гг.

Переписка В.В. Вересаева и И.А. Бунина, особенно в контексте других приводимых нами писем, представляет собой огромный диапазон восприятий, отношений и оценок. Читая переписку писателей, следует учитывать, что Бунин и Вересаев придерживались диаметрально противоположных подходов к делу, к целям и принципам редакторства. Вересаев настаивал на предъявлении «максимальных требований», Бунин придерживался иной точки зрения: «Редактор, говорил Ив. Бунин, должен попытаться найти такую среднюю, “извилистую” линию, которая при постоянной тенденции к максимуму требований, предъявляемых к книге давала бы возможность делать некоторые отступления от этого максимума, ибо наряду с безусловно хорошими вещами, у многих вполне заслуженных писателей могут появиться вещи относительно слабые. Как, например, быть, спрашивает Бунин, с изданием собрания сочинений? Вряд ли было бы возможно предъявить ко всем собранным вещам один критерий мак-

²⁸ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 88. Л. 10, письмо от 18 марта 1914 г.

²⁹ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 88. Л. 24 об.–25. Ср. в письме Бунина Горькому от 2 декабря 1914 г.: «...спешу известить Вас, что я убедился в полной невозможности работать в “Книгоиздательстве писателей” и снял с себя обязанности редактора его изданий, а вместе с тем и члена наблюдательного комитета. Причин тому множество: и нищета, не позволяющая делать дело маломальски сносно, и полнейшее равнодушие к делу многих “товарищей”, и шальная, но все более возвышающийся Клестов, и вечный сумбур заседаний, и все растущие контры, дошедшие на последнем собрании до форменной демонстрации против нас с братом, и вечные перерешения постановлений, и т.д., и т.д.» [1, с. 314].

симула требований»³⁰. О.Д. Голубева в этой связи писала: «...фактически возникла не комиссия контора, а книгоиздательство <...> Несмотря на попытки В. Вересаева предъявлять к публикуемым произведениям “максимум положительных требований”, в деятельности издательства все же преобладала “извилистая линия”» [4, с. 194]. Верно и другое наблюдение Голубевой: «...не только финансовые дела влияли на развитие деятельности “Книгоиздательства”. В нем происходили столкновения двух группировок — вересаевской и бунинской <...> Вересаев обращал главное внимание на социальное звучание произведений, Бунин предъявлял большие требования к их художественной отделке» [4, с. 203]. В июле 1912 г. Бунин, Вересаев, Клестов и Шмелев приступили к сбору материалов и предварительной подготовке литературных сборников «Слово» (в 1913–1918 гг. вышло в свет восемь книг) [4, с. 196]. В сентябре все они, вместе с Телешовым, вошли в Наблюдательный комитет (созданный как раз по причине постоянных споров Вересаева с другими членами «Книгоиздательства»).

Письмо Вересаева, начатое 31 июля, а законченное 4 августа 1912 г.³¹, посвящено подготовке книги «Суходол: Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (1912). Бунин был крайне недоволен обстоятельствами, в которых проходила ее подготовка, а главное — писателя не устраивало качество бумаги, на которой предполагалось печатать книгу, возмущала работа корректоров. Об этом он писал 14 июля Махалову: «Корректур плоха — нельзя читать — так мерзка бумага и бледна краска, — правят плохо (делают *новые* ошибки!), слова опять то сидят друг на друге, то убегают друг от друга, разбивки между главами не одинаковы и т. д. Ради Бога, дорогой, распеки типографию» [1, с. 234]. Ближе к концу июля Бунин был готов остановить публикацию книги, о чем он сообщал 28 июля Клестову и в тот же

³⁰ Мы цитируем зафиксированное в воспоминаниях Клестова выступление Бунина на втором собрании учредителей «Книгоиздательства», состоявшемся 23 апреля 1912 г.: НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 1. Ед. хр. 2/2. Л. 59. Бунин полагал, что предъявляемые Вересаевым слишком высокие требования ко всем авторам отнюдь не могли бы способствовать привлечению новых авторов, особенно молодых, начинающих свой путь в литературе. Ср.: «Их противостояние расценивалось многими, как противоборство “идейного” и “эстетического”, художественного начал. Однако, представляется, что основная причина этого противостояния заключалась в столкновении личных амбиций писателей и накапливавшимся с годами взаимном раздражении» [8, с. 72].

³¹ 4 июля Бунин писал Вересаеву по пути в имение А.С. Черемнова Клеевку Витебской губернии: «...виделся с Клестовым, с Махаловым, читал корректуру начала своей книги, отдал и конец ее в набор — рассказ “Игнат” (прежде — “Любовь”), который будьте добры прочесть в корректуре» (РГАЛИ. Ф. 1041. Оп. 4. Ед. хр. 205. Л. 1–1 об.; цит. по: [7, с. 230]).

день — Вересаеву: «Вот кусочек отпечатанного листа моей книги, который прислал мне нынче Клестов. Более убогой бумаги представить себе нельзя, текст обит по краям, мазанный — шлю Вам лучший листок, а на прочие смотреть страшно. Пишу Махалову, Клестову, посылаю в типографию телеграмму — приостановить печатание. В таком виде я книгу не могу выпустить. Что делать? Необходимо перепечатывать. А это позор для всех нас»³².

Вересаев как бы заочно отвечает и на все эти упреки: «Получил Ваше второе заказное письмо, и одновременно приехал из Москвы очень взволнованный Клестов по поводу того же дела, о котором пишете Вы. Дело чрезвычайно неприятное. Оно находится вне моей компетенции, как редактора; “правлению” нашего издательства предстоит разрешить задачу, как удовлетворить Ваши требования с возможно меньшими потерями для нашего конкретного предприятия. Несомненно, вина лежит на нем и специально на Клестове, что он Вам предварительно не послал бумаги, заказанной правлением для наших изданий. Беда, что пришлось начинать дело летом, когда все в разъезде, и когда по поводу каждой мелочи приходится столкновываться путем переписки. Разумеется, каждый из уважаемых нами авторов, а Вы тем паче, вправе требовать, чтобы внешний вид книги соответствовал его желаниям. Я только не могу согласиться с Вами, что вообще выбранная правлением бумага убога, и что для нас было бы позором выпускать издания в том виде, как Ваша книга. Не говорю уже о шрифте: он несомненно более нов и четок, чем, например, в “Перевале”; но и бумага, на мой взгляд, вполне и вполне прилична. Однако должен оговориться, что я, по-видимому, вообще придаю внешнему виду книги меньше значения, чем Вы, и поэтому, как мне непонятна Ваша строгость в этом отношении, так Вам, вероятно, покажется непонятною моя снисходительность. Специально же относительно Вашей книги, разумеется, все так или иначе будет сделано по Вашему желанию. Не найдете ли Вы более удобным отложить печатание “Моисей” до времени, когда Вы будете в Москве и сами сможете присмотреть за тем, чтобы издание соответствовало Вашему вкусу? А то ведь с “роскошным” изданием может случиться сугубая беда».

Кроме того, цитируемое письмо Вересаева Бунину еще раз подтверждает, что в целом ряде случаев именно мнение Сергеева-Ценского относительно решения тех или иных проблем оказывалось в итоге наиболее правильным: «Сборники мы откладываем

³² РГАЛИ. Ф. 1041. Оп. 4. Ед. хр. 205. Л. 5; цит. по: [7, с. 240]. См. также: [1, с. 237]. Книга вышла в свет в конце сентября 1912 г.

до осени, несмотря на настояния Клестова. Мне кажется, что дело это нужно обдумать основательно. Во 1-х, — система гонорара. Ну да, — Вы, Шмелев согласны издать, но многих с такою системою не соберешь, многих ценных сотрудников мы из-за этого упустим. Во 2-х — и это главное, — бесцельно, по-моему, выпускать просто сборники произведений хороших авторов; даже вредно, — потому что это убивает или ослабляет журналы, которые, конечно нужны. Значение и смысл имели бы сборники, если бы они были объединены одною определенной идеей, били бы в определенную точку витий своим ансамблем. Имею в виду не какую-либо общественную идею или идеи, а извечный тонус отношения к жизни, извечный тип художественного восприятия жизни. Мне казалось бы, что об этом следовало бы предварительно сговориться, а, сговорившись, обратиться к намеченным авторам не просто с предложением присылать свои вещи, а присылать вещи соответственные»³³.

Рубеж 1912 и 1913 г. был отмечен в жизни Бунина и в судьбе «Книгоиздательства» одним эпизодом, каких немало случилось между Вересаевым и Буниным в их противостоянии друг другу. Эпизод, характерным и показательным отголоском которого служит цитируемое нами письмо Вересаева, берет свое начало в декабре 1912 г. и связан с задержками в подготовке и выходе первого сборника «Слово» и с тем, что Вересаев и Бунин не в первый раз неверно поняли друг друга. Но если для Вересаева это не было достаточным основанием для выяснения отношений, то Буниным этот эпизод был истолкован как проявление неприязни лично к нему и к Горькому,

³³ Письмо неоднократно цитировались исследователями: [4, с. 195; 8, с. 72; 7, с. 240–241]. Мы цитируем два наиболее значительных его фрагмента по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 2–4. Комментируя письмо, заметим, что Вересаев, в частности, отвечал еще на один вопрос Бунина, не связанный непосредственно с изданием книги «Перевал» и заданный в письме от 25 июля: «Что Вы скажете, если я предложу издать мою “Смерть Моисея” (будет просто — “Смерть”) отдельной очень роскошной (в смысле бумаги) брошюрой? Количество экз. — тысячи 2, цена экз. — 25 к. Я эту вещь очень люблю, очень хотел бы издать» (РГАЛИ. Ф. 1041. Оп. 4. Ед. хр. 205. Л. 3 об; цит. по: [7, с. 238]). Ср. в связи с рассуждениями Вересаева о принципах подготовки сборников значительно более позднее письмо Сергеева-Ценского Клестову от 20 мая 1913 г., в котором речь идет о выборе названия сборников «Книгоиздательства», а также о реальных сроках выпуска первого из них: «Сборник назвать “Недра”. Некрасивое слово, да и Бунин не позволит, — скажет: почему не “Ночной разговор” или не “Сто восемь”? Подумать нужно только чтобы слово было неизбитое <...> Что горячку порете? Все равно раньше 1-го октября сборника выпускать не следует: сентябрь месяц малочитабельный» (НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 87. Л. 1 об.). В отношении даты выхода первого сборника «Слово», в котором появился рассказ Бунина «При дороге», прогноз Сергеева-Ценского оказался верен [7, с. 480]. Примечательно, что сборникам «Книгоиздательства» Клестов намеревался дать название, которое впоследствии дал основанному им в 1924 г. кооперативному издательству «Недра» и сборникам, выпускаемым этим издательством.

отношения которого с «Книгоиздательством» и без того нельзя было назвать доверительными. 29 (16) декабря 1912 г. Бунин писал брату с Капри: «Опять протянули <...> 1 ½ месяца! И как я предрекал, так и вышло: Толстой, Шмелев, Зайцев пораздали свои вещи. А все эта бесполезная, подлая и тупая тварь — Вересаев! Теперь Махалов и Клестов снова поднимают толк о сборнике, просят просить Горького. Я было не хотел — опять в лужу меня посадят. Да жалко дела» [1, с. 254]³⁴. Ближе к концу января 1913 г., когда стало ясно, что выход сборника вновь откладывается на неопределенный срок и когда недовольство Бунина встретило ответную реакцию его коллег, Ю.А. Бунин поинтересовался деталями складывающейся ситуации, на что получил 29 (16) января ответ от брата: «“Книгоиздательству” я не грозил, а предупреждал его. Когда я уезжал, меня *категорически* просили о повести. Шмелев яро стоял за сборник и давал — просрали, Зайчик тоже. Сюда я получил от Клестова и Махалова *категорически* просьбы — и к Горькому сходить, просить его, и чтобы я сам готовил. И самому Горькому Махалов писал. И Горький все отложив, сел писать. А я потерял из-за вас “Современный мир”» [1, с. 259].

Несколько дней спустя, когда эпизод окончательно перешел из области частной переписки и подвергся общественному обсуждению, Бунин в письме брату отправил копию своего письма Вересаеву с датой «22 янв./4 февр. 1913 г.» (копия была отправлена также Махалову). Очевидно, что публикуемое нами письмо Вересаева является по отношению к письму Бунина ответным, поэтому мы позволим себе, чтобы не нарушать целостности эпистолярного диалога, процитировать послание Бунина в значительной его части: «Вчера, Викентий Викентьевич, мне прочитал Алексей Максимович Ваше письмо к нему, где говорится о сборниках и обо мне. Вы пишете: “Бунин прислал телеграмму, что мы Вас заставили писать и отклонить другие предложения... Бунина никто не уполномочивал просить Вас, он принял свое собственное желание издать сборник за желание книгоиздательства”... Все это весьма и весьма неточно. Моя телеграмма была такова: “Нельзя отлагать сборник, заставив меня просить Горького, заставив его и меня писать, отклонить другие предложения”. Как видите, я, прежде всего, телеграфировал не об одном Горьком, но и о себе, хотя своей просьбой я, конечно, мог нарушить интересы и Горького, ибо ведь он, как Вам известно, постоянно работает и печатается. А что до меня, так я действительно немало потерял из-за надежды на сборник и предложения

³⁴ См. также письмо Бунина брату от 19 (6) января 1913 г.: «Горький пишет и день, и ночь для нас — помните это, теперь уже отступать поздно» [1, с. 256].

отклонял. Но суть-то, конечно, в главном: имел ли я право просить Алексея Максимовича? Вы решительно заявляете: “Бунин принял свое собственное желание... Бунина никто не уполномочивал”... Ошибаетесь. Книгоиздательство это — мы, а из нас, помимо меня, выражали это желание — и твердо — Шмелев, Зайцев, Юшкевич, брат Юлий, да, кажется, буквально и все прочие, за исключением Вас. Некоторые только боялись — выйдет ли? Эта боязнь и Ваши доводы много раз обсуждались. Обсуждались и на том последнем собрании, на котором я был и на котором даже Вы слегка сдались, хотя и заявили нерешительно: “Что ж, ведь я могу и уклониться от редактирования сборника”... А что до полномочий, то напоминаю Вам, что С.Д. Махалов, после нашего прощального обеда в Б<ольшом> Московском, категорически говорил со мною о сборнике, как о деле решенном, настолько категорически, что точно, точно условился со мной о цене моей, о размере приблизительном моей вещи и твердо просил меня просить Горького. Кто же дал Вам право говорить, что меня “никто не уполномочивал”? <...> То, что сборник отлагается ровно на год, для меня было полнейшей неожиданностью. Неожиданностью — и прстранной! — является для меня и письмо Ваше к А<лексею> М<аксимовичу>, — те места, где Вы говорите обо мне» [1, с. 259–260]³⁵.

В письме от 3/16 февраля³⁶ Вересаев сообщал Бунину: «В письме моем к Горькому я писал о телеграмме, в которой Вы обвиняли нас в том, что мы заставили писать и отклонить другие предложения — его (и Вас). У меня не осталось копии моего письма к Горькому, но я твердо помню, что упомянул в скобках и Вас. Поэтому мне непонятны Ваши слова: “Как видите, я, прежде всего, телеграфировал не об одном Горьком, но и о себе” <...> Эта телеграмма Ваша обсуждалась в наблюдательном комитете. На основании обмена мнений и рассмотрения протоколов прежних заседаний было выяснено с полной несомненностью, что постановления издать сборник *в этом книжном сезоне* не было. Было только постановление *выяснить вопрос о возможности* его издания теперь же. При таком постановлении можно было только *запрашивать* писателей об их

³⁵ Бунин, отправляя письмо брату, сопроводил его таким комментарием: «И что бы Вересаев ни возразил мне, одно знаю: так, в таком тоне нельзя было писать обо мне от лица книгоиздательства, которому я положил основание, всадив в него на первом же шагу его все свое имя и 5 томов. Горький тоже возмущен. Вересаев вообще охладил его совершенно» [1, с. 259]. Автограф письма см.: РГАЛИ. Ф. 1041. Оп. 4. Ед. хр. 205. Лл. 7–8 об.

³⁶ Вересаев указал дату по старому стилю «3/II 913 г.», не добавив, по примеру Бунина, дату по новому стилю.

согласии на участие, о согласии с проектируемой программой, об условиях, о том, могут ли они сейчас дать рассказ и т.п. Но нельзя было “заставлять их писать”, — т<ак> сказать, абонировать их и связывать себя какими-либо обязательствами. Это можно было бы сделать только тогда, как уже выяснилась бы возможность издания сборника. Вот это-то, установленное наблюдательным комитетом обстоятельство и дало мне право написать Горькому, что не мы виноваты в том, что связали свободу его действий. Вы указываете на Ваш разговор с С.Д. Махаловым, на его письмо от 8 декабря и письмо Клестова от 7 дек<абря>, — которые внушили Вам убеждение, что вопрос о сборниках категорически решен. Махалов пишет Вам сам. Что касается Клестова, то ведь Вам хорошо же известна его роль в книгоиздательстве, и, когда я писал: “никто не поручал”, — разумеется, я не мог иметь в виду Клестова, как не мог бы иметь в виду, скажем, метранпажа типографии, которому, может быть, тоже вздумалось бы предложить от себя кому-нибудь третьему устраивать литературную сторону наших сборников. Однако, и Клестов утверждает, что, в общем, письма его никак нельзя было понять в том смысле, что вопрос о сборниках категорически решен <...> Единственное в чем я мог бы признать себя неправым, — это в той форме, в которой было выражено мое сообщение. Я мог все это выразить в форме более мягкой и для Вас не обидной. Но во 1-х, — я не предполагал, что это будет Вами прочитано, а во 2-х, — трудно все время оставаться хладнокровным при том невероятном тоне, который Вами усвоен по отношению к книгоиздательству: грозные запросы, постоянные ультиматумы и угрозы уходом, стремление направлять решения издательства не путем товарищеского убеждения, а путем тех же ультиматумов и угроз уходом. Дело и без того трудное, — гораздо более трудное, чем Вам может казаться со стороны; никакой выгоды, — могу Вас уверить, — ни я, ни другие работающие не имеем от этого дела и иметь не рассчитываем. Если бы можно было уйти без ущерба для дела, я ушел бы с величайшим наслаждением. И единственное, что меня удерживает, — это желание не губить дела, полезного и нужного для товарищей-писателей. И при этом встречать отношение, которое едва ли допустимо даже по отношению к какому-нибудь Коппельману или Блюменбергу, — да, простите! Не всегда хватает спокойствия и силы духа, чтобы стать выше этого» [7, с. 411–412]³⁷.

³⁷ Автограф письма см.: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 6–8 об.

IV. И.А. Бунин в письмах В.В. Вересаева Н.С. Клестову

В течение 1912–1914 гг. в письмах Вересаева Клестову³⁸ Бунин упоминается не раз и в достаточно своеобразном контексте. Это вполне объяснимо, поскольку, как вспоминал впоследствии Клестов, «часто затевались споры, распри между группой “Среда”, возглавляемой Телешовым и братьями Буниными с одной стороны, и Вересаевым с другой. Телешовско-бунинская группа, хотя формально и поддерживала Вересаева, но пыталась его всячески ограничить, создать ему затруднения <...> Вересаев же, очень самолюбивый, принципиальный, много раз хотел отойти от редакторских дел. Каждый раз напрягая все свои силы, приводя аргументированные доводы, я уговаривал Вересаева не снимать с себя обязанности редактора» [6, с. 356]. При этом Вересаев, обещая, что будет исполнять свои обязанности вплоть до того времени, когда издательство окончательно упрочит свои позиции, говорил: «А потом пусть Бунин берется за это неблагодарное дело. Пусть испытает на себе, что значит быть в редакторской шкуре»³⁹ [6, с. 357]. Именно так вскоре и произошло: «В первой половине 1914 года правление издательства избрало редактором Ив. Бунина. Но его редакторство было непродолжительным. К 1 декабря 1914 года Бунин уже отказался от него <...> За краткое время своего редакторства Бунин составил четвертый сборник “Слова” и выпустил несколько книг» [6, с. 359]. Мы бы хотели обратить внимание на некоторые из писем, которые, помимо отражения «трудов и дней» книгоиздательства, связаны с конкретными эпизодами личных и деловых взаимоотношений⁴⁰.

³⁸ В фонде Вересаева в РГАЛИ (ф. 1041) сохранилось лишь несколько писем Клестова к нему за 1929–1932 гг.

³⁹ Письмо Вересаева Клестову от 5 июля 1914 г. позволяет уточнить фактологию воспоминаний Клестова: «Следовало бы исподволь выяснить вопрос, не возьмет ли на себя И.А. Бунин и редактирование сборников. К осени, как я Вам писал, я слагаю с себя все обязанности по Книго<издательств>ву» (НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 1. Ед. хр. 34. Л. 15–15 об.). Заметим, что одной из причин ухода Вересаева с поста редактора стал его конфликт с А.С. Серафимовичем, связанный с резкой критикой Вересаевым произведений коллеги по «Книгоиздательству» [8, с. 72].

⁴⁰ Нередко случались ситуации, не лишённые доли комизма. Ср. с опубликованной редакцией воспоминаний Клестова, подтверждающих, что Бунин «требовал, чтобы на обложке сборника фамилии авторов печатались не в том порядке, в каком их произведения расположены в самом сборнике, а по алфавиту. Тогда Бунин оказывался первым. Викентий Викентьевич категорически это не выполнял» [6, с. 357]. Правдивость воспоминаний подтверждает письмо Вересаева Клестову от 28 августа 1913 г., в котором речь идет о рассказе Бунина «Братья», опубликованном в следующем году в третьем сборнике «Слово»: «Куда поместить рассказ Бунина? Он хочет стоять неизменно впереди? Пускай! Не все <ли> равно!

Письмо от 31 мая 1912 г. демонстрирует щепетильность Вересаева в том деле, которое было ему поручено, и еще раз подтверждает, что в противостоянии «Бунин — Вересаев» правда в подавляющем большинстве случаев была на стороне Вересаева: «Очень мы допустили досадный недосмотр в перечне именно пайщиков, — не поместили Крашенинникова и И.И. Попова. Ведь они точно помню, были выбраны на последнем собрании⁴¹. И Бунин при последнем свидании в Москве упрекал меня, что я против Крашенинникова, — я же только говорил, что не знаю его, а потому не могу за него высказаться. Получилось впечатление, будто я не поместил его, хотя он и был выбран, <потому> <что> он мне не люб»⁴².

Из публикуемых и цитируемых нами материалов становится ясно, что камнем преткновения в отношении между участниками описываемых событий часто становились обстоятельства подготовки сборников «Слово» и связанные с их выпуском препятствия. Надо сказать, что и во взглядах на идейную направленность, содержание сборников и программу их выпуска не было согласия.

При знакомстве с письмом Вересаева Клестову от 22 июля 1912 г. вспоминаются строки из февральского письма Сергеева-Ценского: «...тенденциозны даже должны мы быть (в лучшем значении этого слова)». Кроме того, в этом письме Вересаев развивает мысли, высказанные им в письме Бунину 31 июня — 4 августа, поэтому оно особенно ценно в том отношении, что является по сути дела последовательным призывом к тому, что во всех отношениях превратить «Книгоиздательство» в самостоятельную, независимую организацию, со своей программой. Не забывает Вересаев при этом, как и на учредительном собрании, затронуть финансовую сторону дела:

«Не могу сказать, что меня особенно обрадовало решение Вашего собрания приступить к изданию сборника. Весною, сколько мне помнится, большинство склонялось к тому, что с изданием сборников не следует спешить, что сначала нужно наладить дело и испробовать свои силы на деле более легком, — издании книг, и лишь потом, окрепнув и опытом и капиталом, приступить к сборникам. Ваше существеннейшее возражение, что обидно остановиться на одном первом (петербургском) сборнике, обратившем уже на себя внима-

Думаю, для остальных будет совершенно безразлично, где их поместят» (НИОР РГБ. Ф. 9. Карг. 1. Ед. хр. 34. Л. 11 об.).

⁴¹ Н.А. Крашенинников стал в марте 1912 г. членом-вкладчиком «Книгоиздательства». Имя И.И. Попова, насколько нам известно, в документирующих историю «Книгоиздательства» материалах не встречается.

⁴² НИОР РГБ. Ф. 9. Карг. 1. Ед. хр. 33. Л. 1 об.—2.

ние читателя, — отпадает, так как наши сборники никоим образом не могут быть продолжением сборника петербургского: как Вы же пишете, сами петербуржцы думают продолжать их издание (с месяц назад я получил от Муйжеля письмо⁴³, где он просит меня дать что-нибудь во второй их сборник, — ответил, что ничего подходящего не имею, что удивляюсь, что они издают сборники под фирмой “товарищества писателей”, когда никакого такого товарищества не существует, и вводят этим публику в заблуждение).

Я бы считал нужным предварительно выработать сообща идейную сторону сборников, программу, и уже с этой программой обратиться к авторам, предложив им присылать то, что к этой программе подойдет. Но тогда, может быть, и Бунин пришлет нам не каждую свою вещь (“Ночного разговора” я бы не принял), не каждую вещь пришлет и Бор. Зайцев, и Толстой, и Брюсов, и другие.

Не ясно мне еще вот что: как будет распределяться 50 % чистой прибыли между авторами: пропорционально ли только количеству материала, или еще и размерам первоначального гонорара? Если, скажем, Бунин и Шмелев дадут по листу и на их долю <отчислится> 300 р., — то получают ли оба по 150 р. или Бунин в 2 ½ раза больше Шмелева? Я бы считал более справедливым первое⁴⁴.

Письмо Вересаева Клестову от 1 октября 1912 г. вносит известные коррективы в историю взаимоотношений петербургского «Издательского Товарищества Писателей» и «Книгоиздательства писателей в Москве». Инцидент «Аверьянов — Клестов», как определил Сергеев-Ценский описанный нами выше эпизод, поставил точку в отношениях Клестова и Муйжеля. Но в отношении Муйжеля с бывшими соратниками и потенциальными сотрудниками и авторами, как становится понятно из публикуемого ниже письма, не все было так однозначно. Он предпринимал попытки привлечь некоторых из них на свою сторону. Но кандидатура Вересаева в данном случае была наименее подходящей, тем более, что он счел своим

⁴³ Ср. с письмом Сергеева-Ценского Клестову от 7 августа 1912 г., в котором также идет речь о том, что Муйжель приглашал Вересаева участвовать во втором сборнике петербургского «Товарищества»: «...если Муйжель просит Вересаева участвовать в сборнике, значит, что-то он готовит на страх врагам. Но один Муйжель все же не Товарищество» (НИОР РГБ. Ф. 9. Карг. 2. Ед. хр. 87. Л. 13 об.). Второй сборник «Товарищества» не был подготовлен и в свет не вышел. Муйжель как раз в это время отчаянно пытался продолжить издания «Сборников» и тем самым удержать на плаву «Товарищество». Ср. с его письмом Г.А. Яблочкову от 16 сентября 1912 г.: «...идею сборника поддерживайте во что бы то ни стало, ибо я, зная положение, в котором мы все сидим, в этом вижу единственный выход с честью и с наименьшим уроном» (цит. по: [3, с. 429]).

⁴⁴ НИОР РГБ. Ф. 9. Карг. 1. Ед. хр. 33. Л. 6–6 об., 8–8 об. Впервые: [2, с. 149–150].

долгом сразу сообщить о письме Муйжеля Клестову. Удивляет и упоминание о слиянии, которому «всеми силами противится» Муйжель. К октябрю 1912 г. это был вопрос решенный — слияние в равной мере не устроило бы как москвичей, так и петербуржцев: «На днях получил от Муйжеля очень длинное и весьма нелепое письмо, где он пишет о высоких целях петербургского издательства и о “купонном” характере нашего “торгового дома Махалов и Голубев”, говорит, что всеми силами будет противиться слиянию издательств. Из письма его вынес я впечатление, что это — человек, прежде всего, чрезвычайно неумный. С такими людьми трудно столкнуться. Но все-таки попробовать, — подробно объяснить ему характер и цели нашего издательства, объяснить также, почему нам пришлось наше дело назвать “торговым домом”»⁴⁵.

С финансовыми отношениями между Буниным и «Книгоиздательством» был связан еще один эпизод, имевший место весной 1913 г. 13 мая Бунин писал Клестову: «...не отказался бы я от аванса под повесть для сборника. Можно надеяться?» [1, с. 272]. Спустя несколько дней, в письме от 18 мая, Бунин возвращается к этой теме: «Если даст Бог благополучие, не нынче завтра засяду за вещь для сборника» [1, с. 275]. Но речь в нем идет, как становится ясным из дальнейших писем, уже не о повести, а о будущем рассказе «При дороге», вошедшем в первый сборник «Слово». Наконец, в письме Бунина Клестову от 28 мая место повести, которая, очевидно, так и не была написана, окончательно занимает «рассказ»: «Аванс под рассказ для сборника мне уже выдали по Вашему переводу. Удивляюсь размеру его — уж очень он мал, — но, конечно, нисколько не в претензии. Удивляюсь и тому, что Вы напомнили мне, что авансы Вы даете “только по представлению рукописи”. Все формалистика и формалистика! Но если уж формалистика, так зачем нарушать ее? Зачем дали аванс Зайцеву, который, кажется, и не думал представлять никакой рукописи? Зачем мне послали? Разве я молил, настаивал?» [1, с. 277].

Письмо Вересаева Клестову от 30 мая 1913 г. может служить хорошим комментарием к этому эпизоду, более того — прецедент с Буниным заставляет Вересаева задуматься о финансовой стороне дела и еще раз обсудить некоторые детали с Клестовым: «Очень недоумеваю по поводу аванса, взятого Буниным под повесть, еще не представленную, — наблюдательный комитет постановил в последнем своем собрании совершенно определенно выдавать деньги лишь

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 7.

по представлении рукописи. Относительно Бунина меня это крайне изумило еще потому, что в “Праге” он говорил мне и Д.Я. Голубеву, что просит не стеснять его размерами повести, а он за то будет ждать с гонораром, когда сборник окупится. Да и вообще он все время заявляет, что согласен ждать с гонораром. А чуть дошло до дела... Помяните мое слово: этот человек погубит книгоиздательство. В жизнь мою не встречал такого противообщественного, мелко-эгоистического человека. Вот связались на мою погибель! <...> Да, относительно нового тома Бунина. Говорили мы только — или постановили изменить пункт, по к<отор>ому издавались Суходол и т. III Шмелева, в том смысле, чтобы автор, до того времени, как окупятся расходы по изданию, получал только половину следующих ему % ?»⁴⁶. Судя по другим письмам Вересаева, авансы Бунина еще не раз становились важной статьей расходов «Книгоиздательства», хотя на общую финансовую ситуацию коренным образом, конечно, не могли повлиять. 28 августа 1914 г. Вересаев, подводя итоги расходов по подготовке третьего сборника «Слово», писал Клестову: «Наши затраты на сборник пока — в авансе Бунину, к<отор>ый он, конечно, не откажется возвратить, и в авансе Сургучеву за “Осенние скрипки”»⁴⁷.

V. Эпизод печатной судьбы рассказа И.А. Бунина «Игнат»

Публикуемое письмо связано с работой над книгой «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (1912), завершившейся рассказом Бунина «Игнат». 14 июля 1912 г. В.В. Вересаев написал С.Д. Махалову письмо, разделяя тревогу своего корреспондента о потенциальных трудностях, с которыми могла бы столкнуться в цензуре рукопись книги. Но эпизод этот имеет любопытную предысторию. Написанный еще в феврале 1912 г., рассказ «Игнат» тогда же был предложен автором редакции газеты «Русское слово», но не был сразу принят редакцией по соображениям объема, а после того, как Бунин прислал сокращенный вариант, в мае редактор газеты Ф.И. Благоев, вновь высказав ряд замечаний и предложив внести некоторые исправления, указал писателю еще на одну важ-

⁴⁶ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 1. Ед. хр. 34. Л. 1 об.–2, 2–2 об. Впервые: [2, с. 150].

⁴⁷ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 1. Ед. хр. 34. Л. 20. Речь идет о работе над третьим сборником «Слово» и включенным в него рассказом Бунина «Братья» (сборник был издан, рассказ в нем был напечатан, очевидно, Бунину не пришлось возвращать аванс). Пьеса И.Д. Сургучева «Осенние скрипки» была выпущена в 1915 г. в третьем томе собрания сочинений под названием «Осенние скрипки и рассказы».

ную причину, а именно — на «некоторую раскованность положений и описаний». Вересаев в письме к Махалову называет вещи своими именами, более того — с конкретными примерами, не прибегая к фигуре умолчания. В сокращенном виде (с учетом исправлений), текст рассказа появился в печати в нескольких номерах газеты «Русское слово». Примечательно, что первый номер из пяти (№№ 14, 17–20), начавший публикацию рассказа, вышел в свет в тот же день, каким датировано публикуемое нами письмо⁴⁸. В письме от 18 июня Бунин сообщал Клестову о сокращенной, но не исправленной с точки зрения цензуры, редакции рассказа: «Я нынче шлю его для печатания в “Русское слово”, а другого экз. — исправленного — у меня нет» [1, с. 231]. Махалов, надо полагать, получил от Вересаева полный, еще не включавший каких бы то ни было исправлений, вариант. 25 июля Бунин сообщал о принятом им решении Вересаеву: «Дорогой Викентий Викентьевич, Вы меня напугали: буду держать ухо востро, ибо вовсе не хочу ответственность ни такой неприличной статье, как 1001... хотя ужели за 2–3 строки можно погибнуть»⁴⁹.

Ст. Средняя Сызр. Вяз. жел. дор.
14.VII.912.

Многоуважаемый Сергей Дмитриевич!

Вчера отослал Н.С. Клестову бунинского «Игната» и бывшие у меня рассказы Ив. Новикова. Остальные он должен Вам выслать сам.

В «Игнате» мне тоже показалось несколько мест сомнительными в смысле 1001 ст., — я их отчеркнул на полях красным карандашом. Это, во 1-х, — Игнат с сукою в риге; во-2х — нищенка, раздвигающая колени и в 3-х — бык, к<отор>ый, перебирая задними копытцами, сидит на корове. Если судебная ответственность целиком ложится только на Ив<ана> Ал<ексееви>ча, то, разумеется, это его дело. Если же отвечать приходится издательству, то, по-моему, следовало бы первое место совсем выбросить, а вторые два несколько смягчить. Если уж подлежать ответственности, то обиднее всего было бы по 1001 ст.

Выяснен ли вопрос об ответственности нашего издательства? Если мы ей подлежим, то нужно будет написать Ив<ану> Ал<ексееви>чу насчет указанных мест. Могу я. Если нужно торопиться

⁴⁸ См. письмо Бунина к Благову от 18 июня 1912 г. и комментарий С.Н. Морозова к этому письму: [1, с. 231, 618–619].

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 1041. Оп. 4. Ед. хр. 205. Л. 3; цит. по: [7, с. 230].

с печатанием, то напишите Вы, либо перешлите Ив<ану> Ал<ексееви>чу это мое письмо.

Ваш В. Смидович⁵⁰.

VI. К истории издания книги «Перевал. Рассказы 1892–1902» (1913)

Следующим после договора на издание книги «Суходол: Повести и рассказы 1911–1912 гг.», заключенного 16 мая 1912 г. [7, с. 207], юридическим соглашением Бунина с «Торговым домом Книгоиздательства писателей в Москве. Д. Голубев, С. Махалов и Ко» стал договор на 5-е издание сборника рассказов «Перевал»⁵¹. Его текст, насколько нам известно, в печати еще не появлялся. Договор демонстрирует, как юридические отношения между «Книгоиздательством» и авторами, закрепленные в уставе, проспекте и других установочных документах, реализовывались на практике. В этой связи уместным будет привести фрагмент из воспоминаний Клестова, где речь идет о выступлении Вересаева на организационном собрании участников «Книгоиздательства» 22 марта 1912 г., посвященном, в частности, материально-юридической стороне дела:

Я доложил о тех материальных основах, на коих предполагается организовать издательство и тех условиях, которые Издательство намерено предложить авторам. <...>

С авторов, которые пожелают издать при посредстве Т<овариществ>ва свои книги, предполагается удерживать за риск по изданию, публикации и другие расходы от 10 до 15% с номинальной стоимо-

⁵⁰ НИОР РГБ. Ф. 429. Карг. 3. Ед. хр. 5. Л. 1–1 об. Письмо было переслано Клестовым Бунину, поэтому и отложилось в его фонде. Ср. с письмом Бунина Клестову от 25 июля: «Об “Игнате” при корректуре очень подумаю. Статья постыдная — и я не хочу отвечать по ней. Но думаю, что Вы запуганы. Что же там о собаке? Иной читатель и не поймет, в чем дело. Текст “Р<усского> слова” С.Д. Махалов находит безопасным» [1, с. 236]. Таким образом, в сборник писателя текст рассказа «Игнат» вошел в том виде, в котором появился в «Русском слове». Выясняя положение дел с публикацией «Игната», Вересаев спрашивал Клестова в письме от 16 августа 1912: «Дело с Буниным, по-видимому, уладилось?» (НИОР РГБ. Ф. 9. Карг. 1. Ед. хр. 33. Л. 9 об.).

⁵¹ «Суходол» был новой книгой, и поэтому тираж ее был определен в 4000 экземпляров, а «Перевал», в виду того, что это было переиздание книги, выпущенной в 1912 г. «Московским книгоиздательством», был издан тиражом в 2000 экз. Цена и первой, и второй книги была установлена в 1 р. 50 коп.

сти — все остальное, за вычетом 35% складочных и 20% расходов по изданию, выплачивается автору <...>

Вересаев устанавливает три разряда издания книг:

1) Издательство берет в свою пользу с номинальной стоимости книг 15%, публикации относятся на счет автора. Из вырученной от продажи книг суммы $\frac{1}{2}$ уплачивает автору — половина удерживается на покрытие стоимости издания. Риск издательство принимает на свой счет,

2) Т<оварищест>во берет на себя риски по изданию, отчисляет в свою пользу только 5% с номинальной стоимости и 5% со счета издания,

3) Т<оварищест>во берет на себя риски и не дает своей фирмы книге, но исполняя поручение, берет только 5% со счета.

Против этих предложений Вересаева решительно выступил Шмелев. <...>

Я также возражал против предложенных Вересаевым правил издания. Условия эти действительно были тяжелы и они не были приняты. Из огромного количества книг, изданных Книгоиздательством Писателей в Москве, авторы получали от 25 до 40% с номинальной стоимости, в зависимости от тиража, причем покрытие стоимости издания шло одновременно с выплатой авторского гонорара.

Только Вересаев издавал свои книги по 2-му разряду, сам оплачивая стоимость издания.

По 3-му разряду (без фирмы Изд<ательст>ва) была издана книга Энгельмейера. Автор был очень огорчен и жаловался: зачем же издавать, если Вы даже фирмы мне не даете — мне пайщику Издательства?

Возражал против вересаевских «разрядов» и Юлий Бунин. <...>

В результате положительного обсуждения вопроса в особой комиссии, было решено отвергнуть т.н. третий пункт выработанных Вересаевым условий.

Комиссия полагала, что не давая своей фирмы, Т<оварищест>во естественно не станет предъявлять к принятой книге строгих требований и таким образом может оказать невольное содействие к появлению на свет если не вредной в точном смысле слова книги, то во всяком случае ненужной⁵².

Правила, вынесенные на обсуждение в марте, были утверждены в апреле, но спустя полгода, в октябре 1912-го, были дополнительно

⁵² НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 1. Ед. хр. 2/2. Л. 54–56.

скорректированы Наблюдательным комитетом⁵³. Эти поправки нашли отражение в публикуемом нами договоре, который фиксирует общие принципы, на которых и строились юридические отношения между «Книгоиздательством» и его авторами (разумеется, что обстоятельства могли требовать в ряде случаев индивидуального подхода).

1912 года Ноября 1-го дня мы нижеподписавшиеся Торговый Дом Книгоиздательства Писателей С. Махалов и Ко с одной стороны и Иван Алексеевич Бунин с другой — заключили настоящий договор в следующем:

⁵³ Ср. в проспекте «Книгоиздательства» за 1912 год:

«§ 1. Издательство берет на себя весь риск по изданию. Поступающий с издания доход в первую очередь идет целиком на погашение расходов по напечатанию книги и по бумаге. В свою пользу издательство берет 15% с номинальной цены каждого проданного экземпляра, остальной доход идет в пользу автора. Расход по печатанию книги и по бумаге, ложающийся за каждый экземпляр, составляет от 15 до 20 % номинальной цены книги, в зависимости от количества печатаемых экземпляров и качества бумаги. Комиссионная скидка складу — 35 %. Таким образом автор получает по 30–35% с номинальной цены каждого экземпляра книги. Расчет производится следующим образом: доходом с издания сначала покрываются целиком все расходы по печатанию и бумаге; дальнейшие доходы, по мере их поступления, делятся между автором и издательством в пропорции 30–35:15. Примечание 1. В отдельных случаях издательство, если найдет для себя возможным, обязуется выплачивать автору причитающийся ему % непосредственно с каждого экземпляра книги по мере ее продажи, не обращая всего дохода в первую очередь на покрытие издержек по изданию книги. Но на таких условиях выпускается только первое издание книги; во всех последующих ее изданиях в первую очередь покрываются расходы по печатанию и бумаге. Примечание 2. Если издательство не считает возможным брать на себя риска по изданию книги, но согласно дать ей свою фирму, включить ее в свои объявления и каталоги, то автор перед напечатанием книги вносит товариществу полностью всю сметную сумму по изданию книги (или, по желанию, входит в соглашение с типографией и бумажным складом по оказанию ему кредита). В этом случае товарищество удерживает в свою пользу 10% с номинальной цены каждого проданного экземпляра, остальной доход идет автору. Примечание 3. Если издательство, не беря на себя риска по изданию, не считает также возможным дать книге свою фирму и поместить ее в свои каталоги, то оно может по поручению автора, взяв на себя заведывание печатанием его книги и сдачу на склад, указанный автором (либо, по желанию автора, на собственный книжный склад при издательстве). В этом случае автор, перед напечатанием книги, вносит товариществу полностью всю сметную сумму по напечатанию книги с прибавкою 10% со сметной суммы в пользу товарищества за комиссию <...> § 5. Если автор пожелает выкупить у издательства свою книгу, то он уплачивает товариществу стоимость расходов по изданию книги (если расходы еще не окупилась) и следуемые издательству 15% с номинальной цены всех возвращаемых экземпляров. Книги, изданные на условиях, изложенных в примеч. 2 к § 1, возвращаются автору без удержания следуемых товариществу процентов на непроданные экземпляры. <...> Члены товарищества никакими преимуществами по изданию своих книг не пользуются. Права их в этом отношении ничем не отличаются от прав посторонних лиц» (НИОР РГБ. Ф. 9. Карг. 3. Ед. хр. 172. Л. 1–1 об.). В июле 1912 г. был «высочайше» утвержден устав «Книгоиздательства», а очередное общее собрание пайщиков постановило приступить к подготовке сборников «Слово».

1) Я, И.А. Бунин, предоставляю Торговому Дому Книгоиздательства Писателей право на одно издание сборника моих рассказов в количестве 2000 экземпляров под общим названием «Перевал», рассказы 1892–1902 г. по цене 1 р. 50 к. за экземпляр.

2) Мы, Торговый Дом Махалов и Ко, издаем книгу И.А. Бунина на условиях, изложенных в пункте втором «правил» Книгоиздательства Писателей, утвержденных общим собранием учредителей и вкладчиков Торгового Дома в Москве 23-го апреля 1912 года, измененных Наблюдательным Комитетом Книгоиздательства 22-го октября 1912 г. Пункт сей гласит:

«Издательство берет на себя весь риск по изданию. Поступающий доход в первую очередь идет целиком на погашение расходов по напечатанию книги и по бумаге. В этом случае издательство удерживает в свою пользу 15% с номинальной цены каждого экземпляра. Остальной доход идет автору. Таким образом, по этому пункту автор, в конечном счете, получает по 30–35% с номинальной цены каждого экземпляра книги. — Расчет производится следующим образом: доходом с издания сначала покрываются целиком все расходы по печатанию и бумаге, дальнейшие доходы, по мере их поступления, делятся между автором и издательством в пропорции 30-35:15.

Примечание. Все последующие издания книги, изданной по пункту первому, производятся обязательно на основаниях, изложенных в этом пункте, т. е. доходом с них в первую очередь покрываются расходы по напечатанию книги и по бумаге».

3) Если изданная книга разоидется без остатка в течение одного года, Торговый Дом обязуется вернуть И.А. Бунину 5% с номинальной стоимости проданных книг.

4) Торговый Дом Книгоиздательства Писателей С. Махалов и Ко обязуется издать книгу не позднее 20-го декабря 1912 г.

5) В случае, если И.А. Бунин пожелает выкупить вышеуказанную в пункте 1-м сего договора, изданную Торговым Домом Книгоиздательства Писателей книгу, — он уплачивает в пользу Издательства 15% с номинальной стоимости всех возвращаемых ему экземпляров книги и всю ту сумму, которая по расчету будет причитаться с него по изданию книги.

6) Подлинному надлежит храниться в Книгоиздательстве, а копию с сего иметь Ивану Алексеевичу Бунину. Учредитель Торгового Дома Книгоиздательства Писателей «С. Махалов и Ко» Потомственный почетный гражданин Сергей Дмитриевич Махалов Иван Алексеевич Бунин⁵⁴.

⁵⁴ НИОР РГБ. Ф. 82. Карт. 4. Ед. хр. 35. Л. 1–1 об.

Скажем несколько слов о том, как складывалась судьба «Книгоиздательства» после 1914 г. Начавшаяся война не могла не затронуть отечественного издательского дела, но следует признать, что «Книгоиздательство» с честью пережило эти испытания: не были приостановлены подготовка и выпуск сборников «Слово», хотя вероятность этого была очень велика. Более того, начался выпуск разнообразных литературно-критических материалов, таких, как «Архив В.А. Гольцева», благотворительных изданий (например, сборник в помощь жертвам войны «Клич», опубликованный в 1915 г.), задумывались новые серии — кроме упомянутых в начале статьи, назовем «Библиотеку польских писателей».

В середине 1916 г. «Книгоиздательство» было преобразовано в Товарищество. Среди его учредителей остались Бунин, И.А. Белоусов и Н.Д. Телешов. Редакция с декабря 1914 г. была коллективной (Ю. Бунин, Вересаев, Шмелев). Однако Вересаев, Клестов и Сергеев-Ценский последовательно настаивали на том, что помимо коллектива «Книгоиздательству» необходим авторитетный редактор [4, с. 206]. В итоге споров и внутренних трений коллегиальность удалось отстоять.

Дальнейшие перемены были связаны, главным образом, с революционными преобразованиями в стране, но активной работы «Книгоиздательства» они сначала не нарушили: в 1917 г. начался выход в свет книг серии «Культурно-просветительская библиотека». В этом же году «Книгоиздательству» удалось, наконец, заполучить в число своих авторов В.Г. Короленко. Бунин еще успел принять участие в последнем, восьмом сборнике «Слово», вышедшем в 1918 г. (его брат Юлий продолжал участвовать в работе «Книгоиздательства» до 1920 г.). В мае 1919 г. Клестов покинул издательство и перешел на работу в Моссовет. Несколько раз он возвращался в число руководящих сотрудников (в роли которых вновь побывали Вересаев и Телешов), у издательства возникали новые планы, возрождались старые серии, делались попытки открыть новые. В 1920 г. отмечены последние вспышки активности, как организационной, так и деловой, в жизни «Книгоиздательства». В феврале этого года оно стало кооперативным. Впоследствии его работа неуклонно шла на спад, хотя сотрудники использовали все доступные им ресурсы, в том числе переговоры с представителями государственных структур, для поддержания деятельности (в частности, была предпринята попытка войти в систему Госиздата). 29 ноября 1923 г. на общем собрании пайщиков было принято решение о ликвидации «Книгоиздательства писателей в Москве»⁵⁵.

⁵⁵ См. об этом: [4, с. 208–220; 2, с. 150–153; 8, с. 75–79].

Список литературы

1. Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 832 с.
2. Воронин С.Д. К истории «Книгоиздательства писателей в Москве» // Археографический ежегодник за 1997 год. М.: Наука, 1997. С. 144–153.
3. Голубева О.Д. Издательское товарищество писателей (1911–1914) // Книга: Исследования и материалы. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1963. Сб. 8. С. 410–430.
4. Голубева О.Д. Книгоиздательство писателей в Москве (1912–1923) // Книга: Исследования и материалы. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1965. Сб. 10. С. 192–220.
5. Иванова Л.М. Архив Н.С. Ангарского // Записки Отдела рукописей ГБЛ им. В.И. Ленина. М.: Книга, 1966. Вып. 28 (1965). С. 4–32.
6. Клестов-Ангарский Н.С. Литературные воспоминания / публ. М. Ангарской // Вопросы литературы. 1992. № 2. С. 329–360.
7. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2. (1910–1919). 1184 с.
8. Свиченская М.К. Издательские товарищества писателей // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века. СПб.: Российская национальная библиотека, 2003. Вып. 11. С. 61–86.
9. Свиченская М.К. Издательское товарищество писателей // Книга в России, 1895–1917. СПб.: Российская национальная библиотека, 2008. С. 288–292.
10. Свиченская М.К. Книгоиздательство писателей в Москве // Книга в России, 1895–1917. СПб.: Российская национальная библиотека, 2008. С. 292–298.
11. Шиняк Г.И. Первое самоиздательство писателей в России: по материалам воспоминаний Н.С. Клестова (Ангарского) // Румянцевские чтения. 2005: материалы международной конференции (5–7 апреля 2005 г.). М.: Пашков дом, 2005. С. 286–290.
12. Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 448 с.

Статья поступила в редакцию: 10.08.2020

Одобрена после рецензирования: 01.10.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Research Article

I.A. Bunin and “Book Publishing of Writers in Moscow”. Materials and Comments

© 2020. Maksim A. Frolov

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article presents an attempt to chronically highlight the episodes of collaboration between I. A. Bunin and the “Book Publishing of Writers in Moscow” (1912–1923) based on the preserved archival materials, both those that have already been introduced into scientific circulation and those that are published for the first time, help to look at them with a possible degree of objectivity. Chronologically, its center will be 1912, as well as the first few years of the existence of “Book Publishing”. Since 1963, the topic of the article has been covered in a number of articles and publications, but not as a separate independent story, but in the context of studying the activities of “Book Publishing” as a whole. I.A. Bunin was one of the most active and authoritative employees and authors of the publishing house. For seven years, eighteen books (including reprints) were published, including milestone books that were important for the development of Bunin’s literary reputation. “Memoirs” of N.S. Angarsky-Klestov are published according to the latest authorized typescript (with additions from the 1992 publication in the journal “Voprosy literatury”); letters of S.N. Sergeyev-Tsensky, V.V. Veresayev, M.V. Averyanov, V. V. Muylzhel to Angarsky-Klestov, letters of the Angarsky-Klestov to Sergeyev-Tsensky and Bunin, fragments of correspondence between Bunin and Veresayev, Veresaev’s letter to S.D. Makhhalov, as well as the agreement between Bunin and “Book Publishing” concerning the fifth edition of the book “Mountain Pass. Short Stories 1892–1902” (1913) are published according to manuscripts.

Keywords: I.A. Bunin; N.S. Angarsky-Klestov; S.N. Sergeyev-Tsensky; V.V. Veresayev; M.V. Averyanov; V. V. Muyljel; “Book Publishing of Writers in Moscow”.

Information about the author: Maksim A. Frolov, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: AAE-1270-2019. E-mail: m.a.frolov@gmail.com.

For citation: Frolov, M.A. “I.A. Bunin and ‘Book Publishing of Writers in Moscow’. Materials and Comments.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 198–234. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-198-234>

Acknowledgements: The publication was financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no 17–18–01410–II “Academic Bunin. Source studies, textual criticism, methodology”.

References

1. Bunin, I.A. *Pis'ma 1905–1919 godov* [*Letters of 1905–1919*], ed. O.N. Mikhailov, text prep., comm. S.N. Morozov, R.D. Davis, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarova. Moscow, IWL RAS Publ., 2007. 832 p. (In Russ.)
2. Voronin, S.D. “K istorii ‘Knigoizdatel'stva pisatelei v Moskve’.” [“On the History of ‘Book Publishing House of Writers in Moscow’.”]. *Arkhograficheskiĭ ezhegodnik za 1997 god* [*Archaeographic Annual for 1997*]. Moscow, Nauka Publ., 1997, pp. 144–153. (In Russ.)
3. Golubeva, O.D. “Izdatel'skoe tovarishhestvo pisatelei (1911–1914)” [“Publishing Association of Writers (1911–1914)”]. *Kniga: issledovaniia i materialy* [*Book: Studies and Materials*], vol. 8. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoiuznoi knizhnoi palaty Publ., 1963, pp. 410–430. (In Russ.)
4. Golubeva, O.D. “Knigoizdatel'stvo pisatelei v Moskve (1912–1923)” [“Book Publishing of Writers in Moscow (1912–1923)”]. *Kniga: issledovaniia i materialy* [*Book: Studies and Materials*], vol. 10. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoiuznoi knizhnoi palaty Publ., 1965, pp. 192–220. (In Russ.)
5. Ivanova, L.M. “Arhiv N.S. Angarskogo” [“N.S. Angarsky Collection”]. *Zapiski Otdela rukopisei GBL im. V.I. Lenina* [*Lenin State Library Manuscripts Department Proceedings*], vol. 28 (1965). Moscow, Kniga Publ., 1966, pp. 4–32. (In Russ.)
6. Klestov-Angarskii, N.S. “Literaturnye vospominaniia” [“Literary Memoirs”], ed. M. Angarskaya. *Voprosy literatury*, no. 2, 1992, pp. 329–360. (In Russ.)
7. *Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [*Chronicle of Ivan Bunin's Life and Work*], vol. 2 (1910–1919), comp. S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 1184 p. (In Russ.)
8. Svichenskaia, M.K. “Izdatel'skie tovarishchestva pisatelei” [“Publishing Associations of Writers”]. *Knizhnoe delo v Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka* [*Book Business in Russia in the Second Half of the 19th and Early 20th Century*], issue 11. St. Petersburg, Rossiiskaia natsional'naia biblioteka Publ., 2003, pp. 61–86. (In Russ.)
9. Svichenskaia, M.K. “Izdatel'skoe tovarishchestvo pisatelei” [“Publishing Association of Writers”]. *Kniga v Rossii, 1895–1917* [*Book in Russia, 1895–1917*]. St. Petersburg, Rossiiskaia natsional'naia biblioteka Publ., 2008, pp. 288–292. (In Russ.)
10. Svichenskaia, M.K. “Knigoizdatel'stvo pisatelei v Moskve” [“Book Publishing of Writers in Moscow”]. *Kniga v Rossii, 1895–1917* [*Book in Russia, 1895–1917*]. St. Petersburg, Rossiiskaia natsional'naia biblioteka Publ., 2008, pp. 292–298. (In Russ.)
11. Shiniak, G.I. “Pervoe samoizdatel'stvo pisatelei v Rossii: po materialam vospominanii N.S. Klestova (Angarskogo)” [“The First Self-Publishing of Writers in Russia: Based on the Memoirs of N.S. Klestov (Angarsky)”]. *Rumiantsevskie chteniia. 2005: materialy mezhdunarodnoi konferentsii (5–7 aprelia 2005 g.)* [*Rumyantsev Proceedings. 2005: Materials of the International Conference (April 5–7, 2005)*]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2005, pp. 286–290. (In Russ.)
12. Shrubina, M. *Literaturnye ob'edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'* [*Literary Associations of Moscow and St. Petersburg 1890–1917: Dictionary*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 440 p. (In Russ.)

The article was submitted: 10.08.2020

Approved after reviewing: 01.10.2020

Date of publication: 25.12.2020

И.А. Бунин, В.Н. Бунина и «Издательство имени Чехова»

© 2020, М.М. Аболина

Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья представляет реконструкцию истории сотрудничества И.А. Бунина, В.Н. Буниной и нью-йоркского «Издательства имени Чехова», где за период 1952–1955 гг. вышли последние прижизненные бунинские книги: роман «Жизнь Арсеньева» (первое полное издание), сборники «Весной, в Иудее. Роза Иерихона» и «Митина любовь. Солнечный удар», а также сборник «Петлистые уши» и незаконченное эссе «О Чехове» — два последних издания были опубликованы В.Н. Буниной уже после смерти писателя.

Ключевые слова: Иван Бунин; Вера Бунина; «Издательство имени Чехова»; Русское зарубежье; издательская деятельность; архив писателя.

Информация об авторе: Маргарита Михайловна Аболина — выпускник аспирантуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Дворцовая наб., д. 2, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: amarguerite@mail.ru

Для цитирования: Аболина М.М. И.А. Бунин, В.Н. Бунина и «Издательство имени Чехова» // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 235–259. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-235-259>

Тексты И.А. Бунина © The Ivan Bunin Estate (University of Leeds, Great Britain), 2020.

Автор статьи выражает благодарность Бахметьевскому архиву русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета Нью-Йорка, США, и Е.Р. Пономареву, а также Русскому архиву в Лидсе и Ричарду Дэвису за доступ к материалам.

В рамках настоящей статьи все архивные тексты и документы приводятся в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации.

Последним издательством, выпустившим книги Бунина при его жизни, стало нью-йоркское «Издательство имени Чехова». Оно было основано в 1951 г. в условиях «холодной войны», при финансовой поддержке фонда Генри Форда и негласном участии ЦРУ. Директором издательства стал Николай Романович Вреден (1901–1955), пост главного редактора заняла Вера Александровна Александрова (урожденная Мордвинова, по мужу — Шварц; 1895–1966), заместителем Александровой была Татьяна Георгиевна Терентьева (1908–1986)¹.

Основной целью «Издательства им. Чехова», как и многих других довоенных и послевоенных эмигрантских издательств, являлся выпуск произведений русских эмигрантов — от Бунина до Набокова, а также «ди-пи»; печатались у «чеховцев» и те авторы из Советского Союза, которые не вписывались в советскую политику книгоиздания. Такую «программу» Н.Р. Вредену предложил М.А. Алданов — и за четыре года существования издательства «программа» была до известной степени выполнена: вышло 178 книг 129 авторов, среди которых значительное место занимают представители первой «волны» [1, с. 279–284].

Изначально получавшее финансирование из Фордовского фонда, издательство тем не менее «каждый год боролось за гранты и предрекало авторам последний год работы» и закрылось в итоге по традиционной для эмигрантского предприятия причине — из-за систематической нехватки средств [1, с. 277–278, 285–286]. Книжный фонд «чеховцев» достался магазину «ИМКА-Пресс»², и там до сих пор можно купить книги с узнаваемой маркой — статуей Свободы, стоящей на раскрытой книге [1, с. 286]. О возможном крахе издательства с горечью писал М.А. Алданов еще в 1954 г.: «Его закрытие было бы большой общественной и литературной бедой, тем более что других русских издательств в эмиграции теперь нет...», — выражая мнение многих эмигрантских литераторов [11, с. 324]. Звучали, однако, и ревниво-недоброжелательные голоса. Это видно, например, из статьи С. Мельгунова в парижском журнале «Возрождение» 1953 г., где автор прозрачно намекает, что «чеховцы», во-первых, незаслуженно хвалят себя и свою продукцию, а во-вторых, еще и требуют хвалебных отзывов, грозя в противном случае не выслать экземпляры, которые иначе будет трудно достать³. Последнее обви-

¹ Об истории издательства см. подробнее: [1; 7; 8; 9].

² Об участии УМСА в ликвидации «Издательства имени Чехова» см. подробнее: [8].

³ Мельгунов С. Издательство имени А.П. Чехова // Возрождение. 1953. № 25. С.178–180.

нение противоречит тому, что пишет П.Н. Базанов: «Большое внимание редакция Издательства им. Чехова уделяла распространению своей продукции» [1, с. 285]. Для этого печатались рекламные листы о новинках издательства с подробными аннотациями, издавался книготорговый бюллетень; дважды вышли книготорговые каталоги за 1952–1954 гг. и 1952–1956 гг. Издательство также предоставляло скидки: 25 % — библиотекам, университетам, преподавателям и студентам; 40 % — книготорговцам, книжным магазинам и агентствам издательства, которые к 1953 г. уже были почти во всех странах мира, кроме СССР и его союзников [1, с. 285].

Таким образом, репутация издательства в эмигрантской среде все же была противоречивой — отчасти в этом, возможно, была первая причина того, что Бунин не жаловал американское предприятие и к возможному сотрудничеству относился с опаской. Вторая причина бунинского предубеждения касалась, конечно, вопросов орфографии — по этому поводу между редакцией и писателем разгорится настоящий конфликт; третья — издательской политики «чеховцев»: Бунин считал, что она «позорит имя Чехова» [6, с. 488]. Однако, отчаянно нуждаясь в средствах и желая успеть проконтролировать последнее издание своих произведений, писатель вынужден был договариваться с Вреденом и Александровой — и напрямую, и через Алданова.

Взаимоотношениям «чеховцев» и И.А. Бунина, которого П.Н. Базанов называет «самым любимым автором издательства» [1, с. 279], до сих пор была посвящена только часть статьи И.А. Шомраковой, в работе которой дается краткий обзор истории сотрудничества Бунина (а также В.Н. Буниной после смерти супруга) с издательством, приводятся выдержки из переписки писателя с редакторами и делается общий вывод: «творческое содружество в системе автор-издатель в данном случае представляет значительное явление в истории русского книжного дела» [11, с. 327]. Вывод этот бесспорен в части, называющей сотрудничество «Издательства им. Чехова» с Буниными «значительным событием в истории русского книжного дела», но позитивная коннотация определения «содружество» представляет описываемое сотрудничество в несколько не соответствующем действительности радужном свете.

Привлекая к настоящему исследованию как использованные И.А. Шомраковой материалы из Бахметьевского архива⁴, так и ма-

⁴ Все относящиеся к «Издательству им. Чехова» документы, хранящиеся в Бахметьевском архиве, не пронумерованы и имеют единый шифр хранения: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

териалы из эмигрантского архива Буниных, хранящиеся в РАЛ (включая неопубликованные договоры на каждую книгу)⁵, а также обращаясь к опубликованной переписке И.А. и В.Н. Буниных за начало — середину 1950-х гг., мы можем реконструировать историю «содружества» Буниных с «чеховцами» более полно и подробно.

История сотрудничества И.А. Бунина с «Издательством им. Чехова» началась в середине 1951 г., и имя Бунина числилось в рядах будущих сотрудников сразу, благодаря хлопотам М.А. Алданова: это видно из переписки писателей за июнь — июль 1951 г. [5, с. 133–135].

В письме от 14 июня Алданов кратко намечает Бунину издательские планы: «...издательство должно издать сразу не менее двух Ваших книг: 1) “Жизнь Арсеньева”, 2) том новых рассказов, а желательно еще том избранных ваших сочинений» [5, с. 133], — полностью в итоге реализованные, а в письме от 16 июля сообщает детали сотрудничества: «Николай Романович Вреден <...> подтвердил, что принимает все три Ваши книги и будет выпускать по одной в год. Условия — лучше желать нельзя. Платить будет 1500 долларов за книгу в три приема: 500 при заключении условия, 500 в момент выхода книги, 500 через три месяца после ее выхода...» [5, с. 135].

Но в конце июля приходит письмо В.А. Александровой, внушившее Бунину серьезные опасения относительно легкости будущего сотрудничества: «Здесь, в Америке, задумана организация обширного издательства книг на русском языке. В ближайшие дни вопрос будет решен. Более подробно об этом начинании Вам расскажет М.А. Алданов. Одним из руководителей этого дела является Н.Р. Вреден. В числе первых авторов, книги которых предполагается издать, намечены Вы. Н.Р. Вреден и просил меня запросить Вас о Вашем согласии. Пока предполагается издать сборник Ваших новейших рассказов, объемом напоминающий Парижское издание “Темных аллей”. К Вам просьба: сообщить, какие из Ваших вещей, опубликованных или неопубликованных, Вы хотели бы включить в этот сборник и под каким заглавием?

Лично, — если Вы позволите мне высказать мое мнение, — мне кажется, что очень многие рассказы из Парижского издания “Темных аллей” должны попасть в сборник и первым рассказом, может быть, поместить “Поздний Час”, используя его заглавие и для сборника. В сборник хорошо бы включить и некоторые вещи из “Божьего древа”, как например, “Петухи”, “Бродяга”, “Подснежник”, “Марья”,

⁵ Полный корпус переписки И.А. и В.Н. Буниных с представителями «Издательства им. Чехова» в настоящее время готовится к публикации П.А. Трибунским.

“Первый класс”. Хотелось бы взять и два рассказа из “Возрождения”: “Полуденный жар” и “Ночлег”. Было бы совсем хорошо, если бы нашлись у Вас и неопубликованные рассказы...»⁶.

Письмо это взволновало и, как пишет И.А. Шомракова, «даже рассердило» [11, с. 326] Бунина: во-первых, писатель мог увидеть в предложении Александровой попытку навязать ему структуру гипотетического издания⁷, во-вторых, из письма следовало незнание редактором совместных планов Вредена и Алданова, что означало еще и несогласованность внутри редакции.

Очевидно, Бунин сначала ответил Александровой — довольно холодно, предложением «избрать нечто достойное меня для фордовского издательства»⁸ из Собрания сочинений, изданного «Петрополисом» (письмо от 1 августа; приводится без указания даты: [11, с. 326]). При этом он в тот же день поделился своими опасениями с Алдановым: «...шлю Вам подлинник письма Веры Александровой <...> предлагающего <sic> мне издание какого-то жалкого сборничка, начинающегося “Поздним Часом”, который я очень ценю, но затем состоящего из душеспасительных *кусочков*, взятых только из моей книги “Божье древо”... <...> Я на это, конечно, никак не согласен. Сообщить ли ей то, что предположительно наметили Вы с Вреденом издать из моих произведений? Или не следует? Очевидно, все мои надежды на издание моих книг и на средства существования пошли прахом. <...> Жаль дела ужасно, — ведь *что* бы это могло быть! Да еще при таких деньгах! Но, повторяю, теперь уж ничего не поделаешь. Вреден, очевидно, ровно ничего не смыслит в таких делах...» [5, с. 135].

На следующий же день (2 августа) Бунину пришло письмо Алданова, где по поводу Александровой было сказано следующее: «Скажу Вам правду, меня ее письмо прежде всего обрадовало тем, что, очевидно, Вреден взял *ее* себе в помощницы. Он мог взять ведь и людей, *гораздо* менее нам приятных. Она очень милая и хорошая женщина» [5, с. 136]. И Бунин написал Александровой — уже мягче, по совету Алданова, — в дополнение к предыдущему свое-

⁶ BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1. См. также: [5, с. 136].

⁷ Александрова скорее просто предложила один из обсуждавшихся в издательстве вариантов, опираясь, вероятно, на экземпляр «Темных аллей», который ей по ее же просьбе прислал сам Бунин в мае того же года, см. письмо Александровой Бунину от 8 мая 1951 г.: PAJ MS 1066/1478.

⁸ BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1. Интересен также рукописный P.S. к этому письму: Бунин ссылается на доступные ему примеры изданных в США книг: «...такая толстая глянцеви́тая бумага и такие тяжелые скрепы (брошюровка), что надо раздирать книгу, чтобы ее читать», — беспокоясь, не будут ли такими же и «чеховские» издания.

му письму: «Позавчера я послал Вам ответ на Ваше предложение издать сборник... <...> ответ отрицательный... <...> Н.Р. Вреден и Марк Александрович <Алданов> уже сговорились (с моего согласия) выпустить в свет в течение трех лет (начиная с конца нынешнего года) три моих книги: полное (впервые) издание “Жизни Арсеньева”, небольшую книгу моих рассказов, недавних, еще не издававшихся отдельной книгой, и том моих избранных (избранных, конечно, мною) произведений из давно, еще до войны изданных и распроданных — из тех одиннадцати книг, что были напечатаны берлинским “Петрополисом”⁹. 9 августа Бунин уведомил Алданова: «Александровой я написал (уже дней 5 т<ому> н<азад>) в заказном авионе все, что Вы, Марк Александрович, советовали (и, конечно, очень ласково)» [5, с. 137]. В этом же письме Бунин сообщает, что отправил в редакцию «Издательства им. Чехова» свою «Жизнь Арсеньева» — «много, много потрудившись над ней и соединив ее с “Ликой”», — но продолжает сомневаться в успехе дела: «Все это (говоря между нами) — “на всякий случай”: уже очень мало верю, что попаду в это фордовское издательство и довольно невесел, мягко выражаясь» [5, с. 137].

Сомнения Бунина были напрасны: вскоре пришло письмо от В.А. Александровой с заверениями в приоритете бунинского мнения относительно характера будущих изданий¹⁰, а чуть позже — письмо от Н.Р. Вредена с информацией о том, что издательство предположительно начинает работу в середине сентября; Вреден также явно выражал надежду не только на успешное сотрудничество с Буниным вообще, но и на выход бунинской книги в числе первых трех изданий предприятия¹¹. Копию этого письма Бунин прикладывает к письму Алданову от 11 или 12 августа (письмо не датировано, но содержание позволяет установить дату примерно), где пишет следующее: «Вот <...> копия письма, полученного нынче мною. Нынче же я послал Вредену заказной авион — изложил, что именно, какие именно три книги мои я предлагаю издать, и сообщил, что “Жизнь Арсеньева” уже послана мною для передачи в издательство <...> эта “Жизнь” мною *весьма* “проработана”, как говорят в Москве, и соеди-

⁹ Письмо Бунина от 4 августа 1951 г.: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1. К этому же письму прилагается рукописное дополнение на отдельном листе, где Бунин просит Александрову по возможности привлечь к работе над его книгами Г.Н. Кузнецову. См. также: [11, с. 326].

¹⁰ См. письмо Александровой от 8 августа 1951 г.: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

¹¹ Письмо от 11 августа 1951 г.: [5, с. 138].

нена с “Ликой”, каковое название уничтожено, так что получится том страниц в 350, на обложке которого значится:

Жизнь Арсеньева

Роман

Первое полное издание

Написал и о *старом* правописании, о нелепости нового, и о том, что я непременно должен прочесть *вторую* корректуру набора, которую не могу сделать, если будет новая орфография, мне неизвестная [5, с. 138]¹².

В ответ на требования Бунина пришло письмо В.А. Александровой от 23 августа — с уверениями, что все пожелания писателя будут учтены: «Будьте спокойны, глубокоуважаемый Иван Алексеевич, что издательство сделает со своей стороны все, чтобы удовлетворить Вас»¹³. Казалось, американское издательство настроено к Бунину исключительно благожелательно и совместная работа вот-вот начнется. Однако в начале сентября между Буниным и «Издательством им. Чехова» разгорелся конфликт, который И.А. Шомракова называет «необычной и непредвиденной сложностью» [11, с. 326], но который не представляет собой ничего удивительного и непредсказуемого при знании отношения писателя к «новой» орфографии.

Началом конфликта послужило письмо Александровой от 6 сентября 1951 г., и экземпляр этого письма, хранящийся в РАЛ, испещрен возмущенными бунинскими рукописными пометами с обеих сторон листа. Возмущение писателя вызвал абзац, в котором Александрова сообщает: «...должна Вас огорчить и прямо дух — что называется — замирает: на первом же собрании издательства, т. е. позавчера, Н.Р. Вреден сообщил нам, что Совет попечителей <...> постановил, что все книги без исключения должны печататься по новой орфографии. Мотивы, продиктовавшие это решение, серьезны: в результате предварительного обследования выяснилось, что в Нью-Йорке нет наборщиков, знающих старое правописание; кроме того, новое правописание чуть не на четверть сокращает объем книги; решающим, однако, является третье соображение: нынешние читатели, особенно из младшего поколения, старого правописания совсем не знают...»¹⁴.

Гнев «последнего классика» был тем сильнее, что практически накануне Бунин писал Алданову (письмо от 23 августа, т. е. сразу

¹² См. также письмо Бунина Александровой от 18 августа: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

¹³ РАЛ MS 1066/1479.

¹⁴ РАЛ MS 1066/1480 (1). См. также «бахметьевскую» копию этого же письма: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

после получения приведенного выше письма Александровой с уверениями в исключительном расположении издательства): «Я уже написал ей (В.А. Александровой. — М.А.), между прочим, что на “новое” правописание *ни за что* не пойду. Да на это есть и такая причина: мне важен каждый звук в моих писаниях; без *авторской* корректуры я не могу выпустить книгу, а как же я могу корректировать, не зная этого похабного (и бестолкового!) правописания? А угождать этим Ди-Пи, *снижаться* до них вообще позор. И читать по-старому они прекрасно умеют. Откажет мне издательство? Пусть! Буду продавать все свое добришко — вплоть до Нобелевской медали — и как-нибудь доживу до смерти, уже близкой» [5, с. 142].

После известия о том, что «угождать этим Ди-Пи» все же придется, Бунин написал Алданову (письмо от 9 сентября): «Вот <...> чем кончилось мое дело с “Издательством имени Чехова”! Бедный Чехов! При чем он тут! Не думаю, чтобы это издательство пересмотрело свое постыдное решение. Ну и чорт с ним»¹⁵, — а в редакцию отправил две копии (Н.Р. Вредену и В.А. Александровой) большого письма-манифеста, черновик которого приложил к письму Алданову.

И.А. Шомракова в своей статье приводит выдержки из этого письма, но в рамках нашей темы целесообразно процитировать текст полнее: «...Ваше сообщение, что те три книги мои, которые хочет издать Фордовское “Издательство имени Чехова”, могут быть изданы только при том условии, если я соглашусь печатать их по так называемой “новой” орфографии. *Но я согласиться на это ни в коем случае не могу* — как не согласился бы сам Чехов, если бы ему предложили издаваться по этой орфографии, — я хорошо знал Чехова и поэтому смею Вас уверить в этом». Далее Бунин дословно, с сохранением новой орфографии письма Александровой, цитирует причины, по которым издательство решило также пользоваться новой орфографией, и последовательно их опровергает. Довод об отсутствии наборщика: «Не может быть того, чтобы не нашелся в Нью-Йорке наборщик, который мог бы набрать мою книгу *по старой* орфографии: всего четыре года тому назад был напечатан в “Новом Журнале” мой рассказ “Ловчий” *по старой* орфографии; куда же девался этот наборщик, неужели он умер и его совершенно нечем заменить?»; довод об объеме книги: «Вы ошибаетесь, что новое правописание “чуть не на четверть” сокращает объем книги: на четверть не сокращает, но, конечно, сокращает, если *всюду* ставить, как это делалось прежде, твердый знак; *но я на твердом знаке*

¹⁵ BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1. См. также: [11, с. 326; 5, с. 145].

не настаиваю, — вполне согласен обойтись без него (но, конечно, *не в середине* слова, где Вы ставите *нечто просто страшное для русского языка*, а именно: *апостроф!!*); довод о читателях: «Затем Вы говорите, что Ди-Пи, особенно из младшего поколения, старого правописания совсем не знают. Что значит “не знают”? Не смогут прочесть слова, если в нем стоит *i* или *ять*? Этого не может быть! А как же даже не Ди-Пи, а молодые люди *в России* читают книги, изданные до революции и в сотнях экземпляров собранные, например, в Румянцевском музее в Москве или в Публичной библиотеке в Петербурге? Нет, они *прекрасно читают эти книги*, знаю, что читают и мои книги, изданные до революции и находящиеся в подобных огромных книгохранилищах. *И неужели “Издательство имени Чехова” имеет в виду только Ди-Пи и совершенно отказывается помогать печататься нам, эмигрантам?* Во всяком случае я никак не могу *в угоду Ди-Пи писать, например, слово Бог с маленькой буквы или писать в своем рассказе или в своей статье Ленинград вместо Петербурга*» [5, с. 145].

Объясняет Бунин и исключительные ситуации, когда приходилось давать согласие на «новую» орфографию, а также напоминает историю с парижским изданием «Темных аллей», когда такое согласие не было получено издателем: «Я соглашался печататься по новой орфографии *только в периодических изданиях*, но свои книги по новой орфографии еще никогда не издавал, за исключением моей книги “Темные аллеи”, *которую Зелюк всю набрал без моего спроса по этой новой орфографии и таким образом поставил меня “перед совершившимся фактом”*» [5, с. 145].

Финал письма выглядит трагично, но достойно: «Мой *невольный* отказ печататься в “Издательстве имени Чехова” есть, конечно, *для меня нечто катастрофическое* и в материальном отношении. Но что же делать! Надо терпеть, *доживать свои последние дни стойко, в нищете*» [5, с. 145]. Бунин, как можно предположить, готов был подкрепить свои слова делом.

Однако чуть позже, в результате долгих уговоров «со всех сторон», писатель вынужден был все же согласиться сотрудничать с «чеховцами» на условиях издательства: в бунинских письмах конца сентября еще продолжают попытки настоять на некоторых соблюдениях норм старой орфографии¹⁶, но следом уже звучат

¹⁶ См. также размышления П.М. Бицилли насчет орфографии в письме Бунину от 8 сентября 1948 г., вошедшем в публикацию Т.М. Двинятиной и Р. Дэвиса «Переписка И.А. Бунина и П.М. Бицилли (1931–1951)»: [2, с. 165].

вопросы относительно деталей контракта¹⁷; из письма Н.Р. Вредену от 23 сентября 1951 г.: «...спешу прекратить мой спор с издательством им. Чехова: набирайте “Жизнь Арсеньева” по этой ужасной “новой” орфографии. Надеюсь, что издательство позаботится хотя бы о том, чтобы в типографии было всё и все... и мои выписки из “Слова о Полку Игореве” не были бы опозорены, искажены “новой” орфографией...»¹⁸. Последние бунинские просьбы В.А. Александрова обещала удовлетворить¹⁹. Бунину удалось настоять также на том, чтобы корректуру его книг отдали переехавшим в 1949 г. в США Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун: прямое отношение хотя бы к части издательского процесса знакомых, близких людей позволяло немного примириться с неприятной ситуацией.

И.А. Шомракова справедливо замечает: «Немаловажную роль в согласии И.А. Бунина сыграл и тот факт, что гонорар писателю был выплачен еще до официального открытия издательства» [11, с. 327]. Это подтверждает упомянутое письмо Александровой от 28 сентября 1951 г.: «...ни с кем из авторов мы не сможем заключать договоров до середины ноября. Но в отношении Вашей первой книги, т. е. в отношении “Жизни Арсеньева” Н.Р. <Вредену> удалось *в виде исключения* получить разрешение выдать Вам первый аванс, буде Вы согласитесь с условиями, которые он излагает Вам в своем письме (они для Вас приемлемы — так мне кажется). Как только от Вас придет ответ на это письмо, Н.Р. сможет Вам выслать 500 д<олларов>»²⁰. Кроме того, очевидно, у писателя действительно не было выбора; из письма Алданову от 19 сентября 1951 г.: «С каким восторгом я проклял бы его (издательство. — М.А.), если бы кто-нибудь другой спас мои последние дни!» [6, с. 487].

Судя по письму В.А. Александровой Бунину от 26 ноября 1951 г., работа над «Жизнью Арсеньева» началась к декабрю — тогда же Бунин получил договор на книгу (а не единый контракт на все три издания, как просил писатель летом²¹); Александрова пишет: «...с минуты на минуту ждем нашего юридического оформления <...> чтобы начать подписывать контракты и посылать рукописи в типографии»²².

¹⁷ BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

¹⁸ BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

¹⁹ См. письмо Александровой от 28 сентября 1951 г.: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1; PAJ MS 1066/1481.

²⁰ PAJ MS 1066/1481.

²¹ См.: PAJ MS 1066/1477.

²² PAJ MS 1066/1482.

Договор на книгу датирован 17 декабря 1951 г. Подписан и отправлен Буниным он был, как явствует из бунинской приписки на копии документа, 28 декабря²³. Согласно пункту № 6 договора, за первые 2000 экземпляров Бунину причиталось 1500 долларов — в эту сумму входили уже полученные 500 долларов аванса²⁴. Еще по 400 долларов мог бы получить Бунин за третью, четвертую и пятую тысячи экземпляров дополнительного тиража, а еще 300 долларов — в случае, если бы количество дополнительных экземпляров перевалило за 5000²⁵.

Выпущенное издание²⁶ выглядело очень просто: обложка, украшенная только коричневой рамкой; на титульном листе — надпись, о которой Бунин писал Алданову в августе 1951 г.: «Первое полное издание». Формат книги — «crown octavo» (12,5 x 19,5 см), бумага использована, по словам Александровой, «легкая, светло-палевого оттенка»²⁷.

Некоторые детали издательского процесса можно выяснить из писем Александровой Бунину за конец декабря 1951 — февраль 1952 г.

Из письма Александровой от 26 декабря можно сделать вывод, что сначала Бунин желал придать изданию какой-то особый вид, но позже пошел навстречу Н.Р. Вредену, согласившись оформить роман так же, как и другие книги издательства²⁸. Эта же тема продолжается в письме от 1 февраля 1952 г., когда Бунин уже получил для ознакомления сверстанный экземпляр и отправил его обратно с претензиями по формату, шрифту, орфографии цитат и т. д. На неудовольствие писателя относительно оформления Александрова отвечает: идея начинать каждую главу романа с новой страницы принадлежит Г.Н. Кузнецовой, такое оформление соответствует оформлению глав в берлинском (т. е. «Петрополиса») издании, а за переверстку издательство вправе вычестить из авторского гонорара «от 200 до 300 долларов», согласно пункту 4 договора²⁹; согласились в издатель-

²³ РАЛ MS 1066/2212.

²⁴ РАЛ MS 1066/2212.

²⁵ РАЛ MS 1066/2212.

²⁶ *Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность. Первое полное издание.* Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. 387 с.

²⁷ РАЛ MS. 1066/1485.

²⁸ РАЛ MS. 1066/1483.

²⁹ РАЛ MS. 1066/2212.

стве только исправить орфографию цитат из летописей и добавить «е» с ударениями и «ё» там, где это требовалось³⁰.

Судя по письму от 12 февраля, книга вышла во второй половине месяца — на тот момент Бунин только прислал последние замечания по тексту³¹. В том же письме Александрова объясняет малое количество бесплатных авторских экземпляров (по пункту 8 договора Бунину полагалось 6 штук³²) тем, что всю заботу распространения книги издательство берет на себя; следующая фраза: «Если <...> Вам понадобятся еще дополнительные экземпляры, Вы сможете их приобрести у Издательства с обычной скидкой в сорок процентов» — на копии письма подчеркнута рукой Бунина³³. Следует заметить, что дополнительные экземпляры действительно понадобились писателю: Бунин попросил отправить несколько экземпляров романа рецензентам³⁴, что и было сделано издательством, но не так уж охотно и быстро, как пишет И.А. Шомракова [11, с. 327], а порой — после настойчивых бунинских напоминаний³⁵.

Отзывы критиков на книгу появились в основном в американской прессе³⁶, но успех издания был несомненным. Как пишет И.А. Шомракова, «понятно, что почти сразу же начались переговоры об издании еще двух книг» [11, с. 327].

Переговоры действительно начались, но отнюдь не сразу и далеко не с мажорной ноты. Запросив «Издательство им. Чехова» насчет следующих по «плану Алданова» книг³⁷, Бунин получил письмо Александровой от 3 апреля 1952 г. с сообщением, что вопрос еще не обсуждался, но рукопись уже можно отправлять³⁸. Писатель от-

³⁰ РАЛ MS. 1066/1485.

³¹ Из письма В.А. Александровой от 18 января 1952 г. следует, что 21 января Бунину только собирались отправить сверстаный экземпляр — «с просьбой посмотреть его и выслать поскорее обратно»: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

³² РАЛ MS. 1066/2212.

³³ РАЛ MS. 1066/1486.

³⁴ См. недатированное (предположительно, ноябрь — декабрь 1951 г.) письмо Бунина Александровой: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

³⁵ См., например, письмо от 19 сентября 1952 г.: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

³⁶ См.: *Сазонова Ю.* Жизнь Арсеньева // Новое русское слово. 1952. 28 сентября (№ 14764). С. 8; *Сазонова Ю.* [Рец. на кн.: Бунин И. Жизнь Арсеньева. Юность. Нью-Йорк, 1952] // Новый журнал. 1952. № 30. С. 287–290; *Ржевский Л.* Творческие университеты // Грани. 1952. № 15. С. 113–114; *Адамович Г.* «Жизнь Арсеньева» // Новое русское слово. 1952. 12 октября (№ 14778). С. 8.

³⁷ См. письмо Бунина Александровой от 27 марта 1952 г.: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

³⁸ РАЛ MS. 1066/1487.

ветил возмущенным письмом от 11 апреля: «...больше месяца назад я просил Вас и Н.Р. Вредена сообщить мне, когда приблизительно выпустит в свет мою следующую книгу Ваше издательство: ведь мне нужно знать, какие средства существования буду я иметь к концу текущего года? Вы оба не написали мне в ответ ни слова за этот месяц. Но вот наконец Ваше письмо <...> Простите: читаю — и глазам не верю! Какой тон, какой милый ответ! “Подайте, г. Бунин, Ваши рукописи — и станьте в очередь, ожидайте...”»³⁹.

Писем Александровой за период с начала апреля по конец мая 1952 г. не содержится ни в Бахметьевском архиве, ни в РАЛ⁴⁰, но можно предположить, что конфликт был погашен максимально быстро и Бунину было дано обещание вплотную приступить к его следующим книгам.

Детали издательского процесса выясняются из переписки Бунина с сотрудниками издательства за период май — декабрь 1952 г. Первое письмо Бунина заместительнице В.А. Александровой, редактору Т.Г. Терентьевой, от 23 мая 1952 г., находящееся в РАЛ, написано от руки, неполное и больше похоже на черновик: Бунин уточняет судьбу первого тиража «Жизни Арсеньева»⁴¹ и поднимает тему новой книги — речь пока идет об одном сборнике «новых рассказов»⁴². Ответа Терентьевой в нашем распоряжении нет, но в следующем письме (уже напечатанном на машинке) от 1 августа Бунин ссылается на свою июньскую договоренность с Н.Р. Вреденом⁴³, предлагает название сборника («Весной, в Иудее») и сообщает, что послал рукопись с рассказами в Нью-Йорк с доверенным лицом⁴⁴.

В переписке Бунина и Терентьевой с середины августа, во-первых, определяется окончательная структура сборника «Весной, в Иудее»; во-вторых — развивается идея издательства дополнить присланные Буниным тексты другими рассказами и издать свое-

³⁹ РАЛ MS. 1066/1472.

⁴⁰ Очевидно, ввиду болезни Александровой, о которой Бунину пишет Терентьева 23 июля (см.: РАЛ MS. 1066/5521). В Бахметьевском архиве сохранилось письмо Александровой от 26 мая, где коротко сообщается, что, согласно правилам издательства, Бунину будет возвращена рукопись «Жизни Арсеньева» (BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1).

⁴¹ Тираж романа был допечатан, и в середине августа того же года Бунину были начислены обещанные проценты.

⁴² РАЛ MS. 1066/5512.

⁴³ См. письмо Бунина Вредену от 24 июня 1952 г., включенное в публикацию К. Триббла, О. Коростелева и Р. Дэвиса «“Драгоценная скупость слов”: Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Ю.Л. Сазиновой (Слонимской) (1952–1954)»: [2, с. 292].

⁴⁴ РАЛ MS. 1066/5513.

образный двухтомник⁴⁵; идея эта была поддержана писателем: как обещали «чеховцы» Бунину, выбор материала и его расположение в книгах, «конечно, целиком Ваши»⁴⁶. В письме от 2 сентября Терентьева просит Бунина прислать «еще страниц 70–75», в письме от 5 сентября Бунин соглашается⁴⁷.

Большой интерес с точки зрения изучения творческой «кухни» представляет листок с рукописными пометами Бунина⁴⁸, хранящийся в РАЛ: писателя волновала каждая мелочь, начиная от внешнего вида будущего издания («обложку из той же самой белой бумаги, что на “Жизни Арсеньева”», «цвет букв на обложке взять ярко-зеленый»), особенностей оформления текста (Бунин требовал сохранить все авторские знаки препинания и поставленные ударения), верстки («каждая даже самая маленькая вещичка должна быть одна на странице») и т. д. Листок этот не датирован, но очевидно относится к августу 1952 г.; возможно, это черновик бунинского письма к Терентьевой.

Договор на новые издания (в этот раз — один на обе книги) был прислан Бунину вместе с письмом от управляющей «Издательства им. Чехова» Лириан Диллон Планта (Lilian Dillon Plante) от 26 августа⁴⁹.

Большинство пунктов этого договора совпадают с пунктами предыдущего соглашения Бунина с «чеховцами» — за исключением пункта 6, касающегося причитающейся автору суммы. Согласно этому пункту, 2250 долларов получал писатель за первые 3000 экземпляров обеих книг (750 авансом, 750 — после публикации, 750 — через 90 дней со дня публикации); за четвертую и пятую тысячу дополнительных экземпляров обоих «томов» издательство обязалось платить по 600 долларов⁵⁰; 450 долларов получал Бунин за каждую тысячу, напечатанную сверх 5000 экземпляров обеих книг⁵¹.

Договор был подписан 13 сентября⁵², и, казалось бы, никаких препятствий на пути выхода книг в свет более не было. Однако

⁴⁵ РАЛ MS. 1066/5515; РАЛ MS. 1066/5522.

⁴⁶ См. письмо Терентьевой от 14 августа: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1. См. там же письма Бунина от 23 августа и 13 сентября.

⁴⁷ BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

⁴⁸ РАЛ MS. 1066/5514. См. также рукописные листы из Бахметьевского архива, которые были отправлены, судя по приписке Бунина, 23 августа: писатель частично наметил для издательства макет будущей книги — обложку, авантитул и т. д. (BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1).

⁴⁹ РАЛ MS. 1066/2215.

⁵⁰ Эту сумму Бунин получил через год, см. письмо Л. Диллон Планта от 20 июля 1953 г.: РАЛ MS. 1066/2218.

⁵¹ РАЛ MS. 1066/2216.

⁵² См. письмо Бунина от 13 сентября 1952 г.: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

через месяц в отношениях Бунина и «Издательства им. Чехова» вспыхнул новый конфликт. Суть его можно выяснить из письма Бунина Терентьевой от 27 сентября: «...получил Ваше письмо от 24 сен<тября>⁵³... <...> Я совершенно вне себя от изумления, что Ваше издательство решило издать меня на этот раз с предисловием, а не просто, *не спрося на это моего согласия*. Мне восемьдесят два года, я, Бунин, известный в литературе по всему миру, истинно до глубины души оскорблен, прочитав Ваше письмо: ужели я нуждаюсь чьей-нибудь рекомендации! Ваше издательство должно было предупредить меня об этом вашем “новом правиле”, на которое я, разумеется, ни за что бы не согласился. Предлагаю такой выход из создавшегося положения: напечатайте в конце моих двух новых книг (после оглавления) *от имени издательства* отзывы критиков о “Митиной любви” о моих маленьких рассказах...»⁵⁴.

История с предисловием разрешилась благополучно: Бунин предлагал Терентьевой вариант с послесловием от имени издательства⁵⁵, но в итоге в первом сборнике были даны «от автора» отрывки из бунинских «Автобиографических заметок»⁵⁶, а в сборнике «Митина любовь. Солнечный удар» обошлись без предисловий и послесловий.

В набор оба «тома», как следует из письма Терентьевой Бунину, отправились в октябре⁵⁷, но в свет вышли только в феврале 1953 г.⁵⁸ — из-за долгого обмена корректурами между писателем и издательством⁵⁹. Накануне выхода изданий Терентьева успокаивала Бунина, переживавшего⁶⁰ из-за растянувшегося издательского процесса и выпуска изданий в неудачное для начала продаж время: «Мы не согласны, что февраль и март плохие месяцы для продажи — наоборот это разгар сезона, публика возвращается с юга, для

⁵³ См.: РАЛ MS. 1066/5526.

⁵⁴ BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1. Это письмо также цитирует в своей статье И.А. Шомракова [11, с. 327].

⁵⁵ См. письмо от 7 октября 1952 г.: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

⁵⁶ *Бунин И.А.* Весной, в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 7–9.

⁵⁷ Письмо от 9 октября: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1; РАЛ MS. 1066/5527.

⁵⁸ См. письмо Терентьевой от 22 декабря: РАЛ MS. 1066/5530.

⁵⁹ См. переписку Бунина и Терентьевой за октябрь — декабрь 1952 г.: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

⁶⁰ См. письма Бунина за январь 1953 г.: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

разъезда же на лето еще рано. Так что не тревожьте себя понапрасну, все будет хорошо»⁶¹.

Сборники «Весной, в Иудее. Роза Иерихона» (в договоре — «Весной, в Иудее и Другие рассказы») и «Митина любовь. Солнечный удар» (в договоре — «Митина любовь и Другие рассказы») по оформлению очень похожи на «Жизнь Арсеньева»: издатели выполнили все требования Бунина относительно бумаги, цвета шрифта и рамы на обложке и т. д. Формат обоих изданий — «in octavo», на обложках сзади указана продажная цена — 2 доллара. В первом сборнике было напечатано 55 коротких рассказов, во втором — повесть и 11 рассказов⁶². Аудитория, судя по всему, и восприняла оба сборника как «двухтомник» лучших эмигрантских рассказов Бунина — большинство рецензий было написано на оба издания сразу⁶³.

Практически одновременно с выходом «двухтомника» Бунин забеспокоился насчет следующей книги, предполагая, что это будет биография А.П. Чехова. В письме от 27 января 1953 г. Терентьева называет гипотетическое издание «очень интересной и ценной книгой»⁶⁴, но, подтверждая, с одной стороны, договоренность о ежегодном выходе в издательстве бунинских книг, тут же сообщает, что по распоряжению Фонда издательство не может заключать новые контракты до лета 1953 г.

Переписка с Т.Г. Терентьевой заканчивается в июле 1953 г., и судьба будущей книги Бунина из этих писем неясна. Зато с мая того же года возобновляется переписка писателя с В.А. Александровой, вернувшейся после длительной болезни.

В майских письмах Александрова подтверждает информацию, ранее полученную Буниным от Терентьевой: «...раз Николай Романович <Вреден> обещал выпустить в 54 г. еще одну Вашу книгу, он это обещание выполнит»⁶⁵, — и объясняет, почему в очередной раз сдвигаются сроки: «...дело в том, что у нас до сих пор не утверждены новые ассигновки от Фордовского Фонда. <...> будут утверждены

⁶¹ Письмо от 21 января: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1; PAJ MS. 1066/5533.

⁶² Перечень опубликованных рассказов см.: [4, с. 98–100].

⁶³ См., например: *Сазонова Ю.* Две книги Бунина // Новое русское слово. 1953. 19 апреля (№ 14967). С. 8; *Сазонова Ю.Л.* [Рец. на кн.: Бунин И. Весной, в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк, 1953; Бунин И. Митина любовь. Солнечный удар. Нью-Йорк, 1953] // Новый журнал. 1953. № 33. С. 298–299; *Адамович Г.* Читая Бунина // Новое русское слово. 1953. 31 мая (№ 15009). С. 8; *Ржевский Л.* Новые издания И.А. Бунина // Грани. 1953. № 18. С. 133–137.

⁶⁴ BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

⁶⁵ PAJ MS. 1066/1488.

только осенью, а, может быть, и того позже. <...> мы не можем, впредь до утверждения этих ассигновок, заключать какие бы то ни было контракты»⁶⁶. В письме от 28 мая, помимо обсуждения бунинской книги о Чехове, возникает и тема нового сборника рассказов — и Александра опять ссылается на ситуативную невозможность установить время подписания договора⁶⁷.

Несмотря на это, Бунин продолжил работу над обеими книгами; из письма М. Алданову от 15 июля 1953 г.: «Если “Чеховское издательство” получит новую ассигновку, то я буду просить его исполнить то, что обещал мне Вреден в августе 1951 года, то есть издать *третий* сборник моих рассказов, в который должны войти мои, может быть, наилучшие рассказы: “Петлистые уши” и другие весьма жестокие рассказы с одной стороны, а с другой “Аглая” и ряд рассказов весьма благостных. Что до книги о Чехове, то, я думаю, что она должна выйти летом 1954 года к пятидесятилетию со дня смерти Чехова» [6, с. 491].

Ситуация с ассигновками не исправилась и осенью, судя по письму Александровой Бунину от 4 ноября, где редактор сообщает, что заседание Совета Издательства снова отложено: «Но <...> все мы верим в то, что ассигновки будут утверждены и задержка выйдет только с подписями новых контрактов, которые будут отложены, вероятно, до начала будущего года»⁶⁸. Из того же письма можно выяснить, что рукопись сборника рассказов, получившего заглавие «Петлистые уши», уже находилась в издательстве и редакция «с нетерпением» ждала рукописи книги о Чехове; Александра также обещала Бунину, что корректуры его книг продолжат читать Г.Н. Кузнецова и М.А. Степун⁶⁹.

По-видимому, это письмо — последний личный контакт И.А. Бунина с «Издательством им. Чехова»: 8 ноября 1953 г. писатель скончался.

Вере Николаевне Буниной пришлось не только завершать работу над изданием последних книг супруга, но и столкнуться с пренебрежительным обращением издательства.

Подробности взаимоотношений В.Н. Буниной и «Издательства им. Чехова» в ходе подготовки последних книг мужа к публикации можно выяснить из материалов Бахметьевского архива и РАЛ,

⁶⁶ РАЛ MS. 1066/1489.

⁶⁷ РАЛ MS. 1066/1489.

⁶⁸ РАЛ MS. 1066/1492.

⁶⁹ РАЛ MS. 1066/1492.

а также переписки Буниной с Г.Н. Кузнецовой за 1953–1956 гг., опубликованной Е.Р. Пономаревым и Р. Дэвисом [3]. Приведенные, в нужных случаях, публикаторами цитаты из неизданных писем В.А. Александровой к Буниной дают достаточное представление о ходе сотрудничества.

Бунина занялась книгами мужа не тотчас же после его смерти — много времени ушло на заботы о похоронах и поминках, перенесение гроба с телом И. А. Бунина из временного склепа в постоянный и другие хлопоты⁷⁰.

Вопрос об издании сборника «Петлистые уши» возникает в переписке Буниной и Кузнецовой только в феврале 1954 г. В письме от 8–9 февраля Бунина пишет: «Я думаю написать о следующей книге Яна не раньше, как выяснится судьба “Петлистых ушей”», — из чего следует, что издательство тоже не торопилось закончить эту работу; на руках у вдовы в тот момент не было даже договора: «Мучает и то, что до сих пор не прислан контракт, хоть бы знать, когда я могу рассчитывать получить деньги за книгу» [3, с. 209–211]. Договор, подписанный представителем издательства, был получен Буниной только 23 марта⁷¹ — вместе с письмом от Л. Диллон Планта⁷². Пункты о начальном тираже издания (3000 экземпляров) и гонораре (1500 долларов и разбитая на три этапа оплата) совпадают с договорами, прежде отправленными И.А. Бунину. Но были и серьезные отличия в пунктах, касавшихся издательских нюансов, за соблюдением которых Бунин всегда пристально следил.

Отличия эти в полной мере выявились, когда В.Н. Бунина попыталась, выполняя волю мужа⁷³, настоять на передаче обещанных корректур Кузнецовой и Степун — и издательство отказало. Не стремились «чеховцы» и вообще информировать вдову писателя о ходе работы над изданием: к началу лета 1954 г. Бунина ничего не знает о состоянии сборника и спрашивает 1 июня Кузнецову: «Начали ли печатать “Петлистые уши”»? Я писала раз Александровой, чтобы она Вам дала держать корректуру, и тогда не нужно мне посылать... <...> Она ничего не ответила» [3, с. 232]. В письмах от 16 и 27 июня Бунина продолжает жаловаться Кузнецовой на свое неведение относительно судьбы книги [3, с. 236–238]. 17 августа наконец пришел ответ Александровой: «Вашу просьбу дать почитать

⁷⁰ См. подробнее письмо В.Н. Буниной к Г.Н. Кузнецовой от 8–9 февраля 1954 г. и примечания к нему: [3, с. 209–211].

⁷¹ См. письмо Буниной к Кузнецовой от 23 марта 1954 г.: [3, с. 218].

⁷² РАЛ MS. 1067/1955-1956.

⁷³ См. письма Буниной к Кузнецовой от 18 и 23 марта 1954 г.: [3, с. 217–219].

гранки Галине Николаевне нельзя было исполнить, так как к этому времени книжка Ивана Алексеевича уже была сверстана»⁷⁴ — т. е. Бунину просто поставили перед фактом. Таким образом, у нас нет возможности детально проследить процесс подготовки сборника «Петлистые уши»: книга, очевидно, набиралась под руководством редактора и корректировалась им (ею) же.

Книга вышла 31 августа 1954 г. [8, с. 686], имела дублированное заглавие на английском языке: «The knotted ears and other stories» — и подзаголовок: «Последняя книга рассказов, отобранных рукою И.А. Бунина»⁷⁵. Издание оформлено так же, как и предыдущие книги Бунина, вышедшие в «Издательстве имени Чехова»: простая обложка с красной рамкой⁷⁶; бумага использована более тонкая, чем в других бунинских книгах; формат — «in octavo». В начале книги дано предисловие «От издательства» — чему Бунин, разумеется, воспротивился бы, а в качестве послесловия был использован отзыв А.П. Чехова (из письма А.В. Амфитеатрову от 13 апреля 1904 г.) о рассказе «Сны», найденный писателем и заранее отправленный в издательство.

Показательно, что за конец 1954 г. вышло всего две рецензии на этот сборник⁷⁷: подавляющее большинство «бунинских» статей того периода были посвящены годовщине со дня смерти писателя.

Последняя книга Бунина — литературная биография А.П. Чехова — стоила В.Н. Буниной многих трудов. Структура книги сложилась не сразу: Бунин оставил только материалы и наработки, не успев ни составить, ни утвердить план издания — помешала болезнь; показательна запись в дневнике В.Н. Буниной от 2 августа 1953 г.: «Приходится манкировать Чеховым» [10, с. 406]. Оставленные писателем разрозненные рукописные материалы могли бы так и не стать последней книгой «последнего классика».

Весь 1954 г., пока тянулась история с изданием «Петлистых ушей», В.Н. Бунина работала с архивом мужа — некоторые этапы этой работы отразились в ее письмах к Кузнецовой и Степун [3, с. 216, 219, 230, 233, 236, 237–239, 243, 247–249, 253, 256, 258].

⁷⁴ РАЛ MS. 1067/1007.

⁷⁵ Бунин И.А. Петлистые уши и другие рассказы [The knotted ears and other stories]. Нью-Йорк, Изд-во им. Чехова, 1954. 382 с. В сборник вошло 27 рассказов, см.: [4, с. 100–101]. Формат издания такой же, как у «Жизни Арсеньева», — 12,5 x 19,5 см.

⁷⁶ В письме от 23 марта В. Бунина советуется по этому поводу с Кузнецовой, предлагая синюю рамку: [3, с. 219].

⁷⁷ Адамович Г. «Петлистые уши». (Новый сборник рассказов Бунина) // Новое русское слово. 1954. 31 октября (№ 15527). С. 8; Сазонова Ю. Встреча со смертью: По поводу новой книги рассказов Бунина // Новое русское слово. 1954. 14 ноября (№ 15541). С. 8.

В начале октября 1954 г. Бунина еще думала, что последней книгой мужа, изданной «чеховцами», станет «Освобождение Толстого»⁷⁸ или «Деревня», и писала об этом Кузнецовой, ссылаясь на свою договоренность с Александровой [3, с. 257, 258]. Но после совещания редколлегии в октябре планы издательства изменились⁷⁹; Бунина недоумевала в письме к Кузнецовой от 12 ноября: «...я еще понимаю, что они отказались от “Толстого”, но почему их испугала “Деревня”, изданная ровно 32 года тому назад? Ведь в 1934 году книг этой самой “Деревни”, денег за которую я не получаю, было больше, <что> не помешало “Петрополису” издать полное собрание сочинений Бунина, и как раз “Деревня с Суходолом” — библиографическая редкость в этом издании» [3, с. 267]⁸⁰.

Структура будущей книги, как пишет Бунина, на тот момент все еще не была определена; Александрова предложила новый состав издания: «Часть портретов из его “Воспоминаний” и еще кой-кого, затем из “Окаянных дней” и других дневников и записей из дореволюционного периода. О Чехове много из недоконченной книги» [3, с. 267]⁸¹. К февралю 1955 г. из этого перечня осталась только биография Чехова, которую Бунина подготовила за три месяца.

Работа над материалами о Чехове далась Буниной очень нелегко — тому есть многочисленные свидетельства в письмах к Кузнецовой за июнь 1954 — февраль 1955 г. [3, с. 239–284]. Вначале В.Н. Бунина просто пыталась привести в порядок оставшиеся наработки супруга, еще не зная, что будет с ними делать⁸². К июлю относится просьба Буниной выслать ей литературную биографию Чехова авторства Б. Зайцева⁸³: «Мне она *необходима*», — и запись Буниной в дневнике, процитированная

⁷⁸ См. письмо Буниной к Александровой от 5 сентября 1954 г., и письмо Александровой к Буниной от 22 сентября 1954 г.: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

⁷⁹ См. письмо Александровой к Буниной от 5 ноября 1954 г.: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

⁸⁰ См. также примечание 8 к этому письму: [3, с. 269–270].

⁸¹ См. также письмо В.Н. Буниной редактору от 12 ноября 1954 г.: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1. В издательстве долго не могли решить, какие именно материалы включать в книгу, заставляя В.Н. Бунину делать лишнюю, по сути, работу, см. письмо от 25–26 января 1955 г.: [3, с. 281].

⁸² См. письмо к Кузнецовой от 27 июня 1954 г.: [3, с. 239].

⁸³ *Зайцев Б.К.* Чехов: Литературная биография. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. Следует отметить, что И.А. Бунин и вслед за ним В.Н. Бунина считали эту книгу поверхностной и ложной. Однако при работе над незаконченной книгой мужа о Чехове В.Н. Бунина попыталась учесть все доступные ей чеховские биографии.

публикаторами переписки в примечании: «Надо писать о Чехове, дать, что написано Яном»⁸⁴.

Дальнейшая работа велась при помощи Л.Ф. Зурова⁸⁵, но, как признавалась Кузнецовой Бунина, она «очень мучилась с Чеховым»: «Если бы Вы знали, как трудно мне “подать на блюде” то, что Ян готовил для книги о Чехове... <...> Подумайте, какая ответственность! А ведь многое было на клочках, отмечено в книгах...» [3, с. 256].

Ситуацию осложняло само издательство: получив в конце декабря 1954 г.⁸⁶ рукопись книги, редакторы продолжили вносить изменения в ее структуру. Так, материалы, не относящиеся к Чехову прямо, решено было исключить, но взамен добавить «какие-нибудь неиспользованные заметки об А.П. Чехове»⁸⁷ из записных книжек Бунина. Следует полагать, что двухчастная форма итоговой книги сложилась именно на этом этапе⁸⁸.

К марту 1955 г. переработанная рукопись была отправлена и принята — с несколькими очень неприятными для вдовы писателя условиями. Во-первых, книга должна была выйти только в декабре — что, по договору, отодвигало выплату части гонорара на долгий срок, в течение которого Бунина оставалась практически без средств. Во-вторых, сам гонорар для «наследницы» был понижен до 750 долларов; как горько писала Бунина Кузнецовой 13 апреля: «Если бы я знала, что я окажусь в нищенском положении <...> мне, по глупости, не приходило в голову, что его (И.А. Бунина. — М.А.) последний труд, действительно, местами начертанный умирающей рукой, будет так низко оценен, вот что значит вдовье дело...» [3, с. 290]. Позже издательство согласилось выплатить сразу 500 долларов в качестве аванса, но существенно это положения вдовы не изменило, тем более что выплату задержали⁸⁹. В-третьих, в редакции потребовали изменить предложенный В.Н. Буниной подзаголовок

⁸⁴ РАЛ MS 1067/431.

⁸⁵ Об участии Зурова в работе над последней бунинской книгой В.Н. Бунина пишет Г. Кузнецовой начиная с 12 ноября 1954 г., прося это не афишировать: [3, с. 267].

⁸⁶ См. письмо Буниной к Кузнецовой от 23 декабря, а также примечание 8 к письму от 12 ноября: [3, с. 275, 270]. См. также письмо Буниной к Александровой от 18 декабря 1954 г.: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

⁸⁷ См. письма Александровой от 11 и 27 января 1955 г.: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

⁸⁸ См. примечание 8 к письму от 24–26 января 1955 г.: [3, с. 283]. См. также письма Буниной к Александровой за январь — февраль 1955 г.: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

⁸⁹ См. письма от 5 и 13 мая 1955 г.: [3, с. 298, 301].

«Неоконченный, прерванный смертью труд»⁹⁰, а также снова решили дать в книгу предисловие — написать его попросили М.А. Алданова. Подзаголовок был изменен на «Незаконченная рукопись», а Алданов, узнав об истории с гонораром, тут же выразил готовность отдать Буниной свой гонорар за предисловие (Бунина отказалась)⁹¹. В-четвертых, просьба Буниной дать корректуры Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун снова была проигнорирована; не послали гранки и самой Буниной: «...гранки для просмотра мы посылаем только авторам и то не всегда — если автор живет далеко, мы даже ему не посылаем. В свое время Вы подписали с Издательством контракт, в котором не было пункта о том, что Вам посылают гранки для просмотра»⁹².

Книга «О Чехове: Незаконченная рукопись» вышла в конце ноября 1955 г. [8, с. 690], тиражом в 2000 экземпляров⁹³. Оформлено издание в стиле предыдущих бунинских книг «Издательства им. Чехова»: белая обложка, цветная рамка, бумага использована белая, плотная. На задней обложке проставлена продажная цена — 3 доллара. В книге два вступительных текста — М.А. Алданова и В.Н. Буниной, а также послесловие «От издательства», где сказано, что явные ошибки в тексте при наборе исправили, но значительные изменения в последнюю книгу великого классика вносить «не посмели»⁹⁴.

До конца 1955 г. из эмигрантских критиков на книгу успел откликнуться только Ю.К. Терапиано⁹⁵ — прочие рецензии были опубликованы уже в 1956 г.

Сборник рассказов «Петлистые уши» и «О Чехове» были последними бунинскими книгами, выпущенными «Издательством им. Чехова» перед закрытием дела в 1956 г.

⁹⁰ См. примечание 8 к письму от 24–26 января и примечание 1 к письму от 13 апреля: [3, с. 283, 290]. См. также письмо Александровой к Буниной от 2 марта и 6 апреля 1955 г. и письмо Буниной к Александровой от 9 марта 1955 г.: BAR Ms Coll/ Chekhov Publishing House. Box 1.

⁹¹ См. примечание 18 к письму от 27 апреля: [3, с. 297].

⁹² См. письмо В. Александровой от 13 декабря 1955 г.: РАЛ MS 1066/1021.

⁹³ Бунин И.А. О Чехове: Незаконченная рукопись. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 412 с. Формат книги ближе к «demi octavo» — 14 x 21,5 см.

⁹⁴ Там же. С. 412.

⁹⁵ Терапиано Ю.К. Бунин о Чехове // Русская мысль. 1955. 31 декабря.

Список литературы

1. *Базанов П.Н.* Издательство имени Чехова // Новый журнал. 2014. № 276. С. 276–287.
2. И.А. Бунин: Новые материалы / сост., ред. О. Коростелева, Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2010. Вып. II. 534 с.
3. И.А. Бунин. Новые материалы / сост., подгот. текста, науч. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса, сопроводит. статьи Е.Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. Вып. III: «... Когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961. 714 с.
4. Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий (1891–1990) / сост. Й. Кржесалкова. Прага: Национальная библиотека Чешской Республики, Славянская библиотека. 2007. 503 с.
5. Переписка И.А. Бунина с М.А. Алдановым / publ., вступит. ст. А. Зверса // Новый журнал. 1984. № 155. С. 131–146.
6. Письма Ивана Бунина Марку Алданову: II. 1948–1953 = Lettres d'Ivan Bunin à Mark Aldanov: II. 1948–1953 / publ., вступит. ст. Р. Федуловой // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1982. Vol. XXIII. No 3–4. P. 469–500.
7. *Трибунский П.А.* «Издательство имени Чехова» Восточно-Европейского фонда // Про книги: журнал библиофила. 2013. № 1 (25). С. 46–52.
8. *Трибунский П.А.* Ликвидация «Издательства имени Чехова», Христианский союз молодых людей и «Товарищество объединенных издателей» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014/2015. М., 2015. С. 646–715.
9. *Трибунский П.А.* Фонд Форда, фонд «Свободная Россия» / Восточно-европейский фонд и создание «Издательства имени Чехова» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. М., 2014. С. 577–599.
10. Устами Буниных. Дневники: в 2 т. / сост. М.Э. Грин; предисл. Ю.В. Мальцева. М.: Посев, 2005. Т. 2: 1920–1953. 431 с.
11. *Шомакова И.А.* И. Бунин, Г. Иванов и Издательство им. Чехова. По материалам Coll. Chekhov Publishing House в Columbia University Libraries Bakhmeteff Archive (Box № 1) // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.: сб. статей. СПб.: Европейский Дом, 2000. Кн. 1. С. 324–328.

Статья поступила в редакцию: 03.09.2020

Одобрена после рецензирования: 15.10.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Research Article

I.A. Bunin, V.N. Bunina and the Chekhov Publishing House

© 2020. Margarita M. Abolina

Saint-Petersburg State University of Culture,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article presents a reconstruction of the history of cooperation between I.A. Bunin, V.N. Bunina and the Chekhov Publishing House in New York, where in 1952–1955 the last lifetime Bunin’s books were published: the novel “Life of Arseniev” (first full edition), collections of stories “Spring in Judea. Rose of Jericho” and “Mitya’s Love. Sunstroke”, as well as the collection of stories “The Loopy Ears” and the unfinished essay “On Chekhov”. The last two books were published by V.N. Bunina after the author’s death.

Keywords: Ivan Bunin; Vera Bunina; Chekhov Publishing House; Russian Diaspora; book publishing; writer’s archive.

Information about the author: Margarita M. Abolina, Postgraduate Alumnus, St. Petersburg State University of Culture, Dvortsovaya emb. 2, 191186 St. Petersburg, Russia. E-mail: amarguerite@mail.ru.

For citation: Abolina, M.M. “I.A. Bunin, V.N. Bunina and the Chekhov Publishing House”. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 235–259. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-235-259>

References

1. Bazanov, P.N. “Izdatel'stvo imeni Chekhova” [“Chekhov Publishing House”]. *Novyi Zhurnal*, no. 276, 2014, pp. 276–287. (In Russ.)
2. *I.A. Bunin: Novye materialy [I.A. Bunin: New Materials]*, issue II, comp., ed. by O. Korostelev, R. Davis. Moscow, Russkii Put' Publ., 2010. 534 p. (In Russ.)
3. *I.A. Bunin. Novye materialy [I.A. Bunin: New Materials]*, issue III, comp., text prep., scholarly apparatus by E.R. Ponomarev and R. Davis, accomp. articles by E.R. Ponomarev. Moscow, Russkii Put' Publ., 2014. 714 p. (In Russ.)
4. *Ivan Alekseevich Bunin: bibliografiia original'nykh knizhnykh izdaniĭ (1891–1990) [Ivan Alexeevich Bunin: Bibliography of Original Book Editions (1891–1990)]*, comp. I. Krzhesalkova. Praga, Natsional'naia Biblioteka Cheshskoi Respubliki, Slovianskaia Biblioteka Publ., 2007. 503 p. (In Russ.)
5. “Perepiska I.A. Bunina s M.A. Aldanovym” [“Correspondence of I.A. Bunin and M.A. Aldanov”], publ., introd. by A. Zveers. *Novyi Zhurnal*, no. 155, 1984, pp. 131–146. (In Russ.)
6. “Pis'ma Ivana Bunina Marku Aldanovu: II. 1948–1953” [“Letters from Ivan Bunin to Mark Aldanov: II. 1948–1953”] = “Lettres d’Ivan Bunin à Mark Aldanov: II. 1948–1953”,

publ., introd. by R. Fedulova. *Cahiers du Monde russe et soviétique*, vol. XXIII, no. 3–4, 1982, pp. 469–500. (In French; In Russ.)

7. Tribunskii, P.A. “‘Izdatel'stvo imeni Chekhova’ Vostochno-Evropeiskogo fonda” [“Chekhov Publishing House of the East European Foundation”]. *Pro knigi: zhurnal bibliofila*, no. 1 (25), 2013, pp. 46–52. (In Russ.)

8. Tribunskii, P.A. “Likvidatsiia ‘Izdatel'stva imeni Chekhova’, Khristianskii soiuz molodykh liudei i ‘Tovarishchestvo ob"edinennykh izdatelei’.” [“Liquidation of the Chekhov Publishing House, Young Men’s Christian Association and the Fellowship of United Publishers”]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna, 2014/2015* [*Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Annual, 2014/2015*]. Moscow, 2015, pp. 646–715. (In Russ.)

9. Tribunskii, P.A. “Fond Forda, fond ‘Svobodnaia Rossiia’ / Vostochno-evropeiskii fond i sozdanie ‘Izdatel'stva imeni Chekhova’.” [“Ford Foundation, ‘Free Russia’ Foundation / East European Foundation and the Creation of the Chekhov Publishing House”]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna, 2013* [*Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Annual, 2013*]. Moscow, 2014, pp. 577–599. (In Russ.)

10. *Ustami Buninykh. Dnevnik: v 2 t.* [As Spoken by the Bunins. Diaries: in 2 vols.], vol. 2, comp. M.E. Grin, introd. by Yu.V. Maltsev. Moscow, Posev Publ., 2005. 431 p. (In Russ.)

11. Shomrakova, I.A. I. Bunin, G. Ivanov i Izdatel'stvo im. Chekhova. Po materialam Coll. Chekhov Publishing House v Columbia University Libraries Bakhmeteff Archive (Box № 1) [I. Bunin, G. Ivanov and the Chekhov Publishing House. Based on materials from Coll. Chekhov Publishing House in Columbia University Libraries Bakhmeteff Archive (Box No. 1)]. *Zarubezhnaia Rossiia. 1917–1939 gg.: sbornik statei* [*Russia Abroad. 1917–1939. Collection of Essays*], book 1. St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 2000, pp. 324–328. (In Russ.)

The article was submitted: 03.09.2020

Approved after reviewing: 15.10.2020

Date of publication: 25.12.2020

Литературный факт.

2020. № 4 (18)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (18), 2020Научная статья
УДК 821.161.1.0<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-260-299>This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)**HERR PANZERBITTER****Из истории русской коллективной поэзии
конца XVIII – первой трети XIX века**

© 2020, И.Ю. Виноцкий

Принстонский университет, Принстон, США

Аннотация: В предлагаемой статье анализируются шуточные коллективные стихи П.А. Вяземского, А.С. Пушкина, И.П. Мятлева «Поминание» («Надо помянуть, непременно помянуть надо...», 1833), адресованные их другу и одному из родоначальников «галиматийной» поэзии В.А. Жуковскому. В центре нашего внимания — открывающее это игровое послание имя «бывшего поэта Панцербитера, нашего прихода честного пресвитера», которое мы считаем интерпретационным ключом к тексту. Кем был этот обойденный вниманием составитель словарей писателей автор? Был ли он вообще? Что означает его имя и почему именно с него авторы послания начинают свою игру с адресатом? В статье реконструируется «корпус произведений Панцербитера», включающий текст до сих пор не известной комедии «Пять тысяч рублей», приписываемой этому автору, и анализируется кружковая семантика и прагматика коллективного стихотворения 1833 года (шуточно-галиматийное утешение Жуковского, «поминки» по европейскому ультра-роялизму), рассматриваемого в контексте русской непристойной «подпольной» поэзии конца XVIII — начала XIX веков.

Ключевые слова: коллективная поэзия; фривольная поэзия XVIII в.; литературная игра и мистификация; П.А. Вяземский; А.С. Пушкин; И.П. Мятлев; В.А. Жуковский; литературная полемика; архивные материалы.

Информация об авторе: Илья Юрьевич Виноцкий — доктор филологических наук, профессор, Принстонский университет, Принстон, США. Email: vinsky@princeton.edu.

Для цитирования: Виноцкий И.Ю. HERR PANZERBITTER. Из истории русской коллективной поэзии конца XVIII – первой трети XIX века // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 260–299.

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-260-299>

Много еще неизвестного и темного
остается в литературе нашей.

Кн. П.А. Вяземский

К почтмейстеру, которого звали Иван Андреевич,
всегда прибавляли:

«Шпрехен зи дейч, Иван Андрейч?» —
словом, все было очень семейственно.

Н.В. Гоголь

1. Дружеская скоморошина

26 марта 1833 года по старому стилю, в Вербное воскресенье сразу после поминальной Лазаревой субботы, три веселых поэта, князь П.А. Вяземский, А.С. Пушкин и И.П. Мятлев, отправили своему другу В.А. Жуковскому написанные общими усилиями шуточные рашные стихи, строящиеся как список никак не связанных между собой рифмованных экзотических фамилий. Стихи эти были опубликованы сыном князя Вяземского Павлом в 1880 году¹ и вошли в четвертый том собрания сочинений поэта под отсутствовавшим в автографе названием «Поминание»²:

Надо помянуть, непременно помянуть надо:

Трех Матрен

Да Луку с Петром;

Помянуть надо и тех, которые, например:

Бывшего поэта Панцербитера,

Нашего прихода честного пресвитера,

Купца Риттера,

¹ Александр Сергеевич Пушкин. 1826–1837. По документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям Кн. Павла Петровича Вяземского. СПб.: Типография П. Цитовича, 1880. С. 58–61. Письмо и стихотворное послание были написаны рукою Петра Вяземского, за исключением 25 стихов, начинающихся с «Г. Шафонского» до «Да англичанина Варнтта», написанных Пушкиным. Сам 12-летний П.П. Вяземский также принимал участие в этой антропонимической игре. Публикация стихотворения (статья П.П. Вяземского печаталась также в газете «Берег», а автографы Пушкина были литографированы к церемонии открытия памятника поэту в Москве) была замечена, и в прессе необычную фамилию сразу стали проверять, например, «Банцербитер» (*Ф.Б. Юбилейная литература о Пушкине // Исторический вестник. 1880. № 8. С. 784*).

² Для удобства мы в дальнейшем иногда будем пользоваться этим названием.

Резанова, славного русского кондитера,
 Всех православных христиан города Санкт-Питера
 Да покойника Юпитера.
 Надо помянуть, непременно надо:
 Московского поэта Вельяшева,
 Его превосходительство генерала Ивашева,
 И двоюродного брата нашего и вашего. И т. д. [4, т. 4, с. 169].

В этом напоминающем скоморошину тексте³, сочинявшемся, по воспоминаниям П.П. Вяземского, в течение как минимум двух недель, фамилии «выстреливаются» целыми фонетическими очередями (в одном случае краегласный «кластер» достигает девяти единиц):

Кикина, Боборыкина, Аникина;
 Петрищева, Радищева, Татищева, Ртищева, Станищева,
 Пушкина-Бобрищева, Канищева, Павлищева, Кутузова-Голенищева;
 короля Десвитского⁴, Левицкого, Хвитского;
 Приклонского, Шафонского, Волконского, Александра Македонского;
 Винценгероде, Люцероде, Нессельроде, Роде;
 Эме, Дюме, Бартоломе;
 Жилия, Пиля, Киля;
 Чулкова, Носкова, Башмакова, Сапожкова⁵.

Социальный и географический охват этих являющихся на мгновение, как пузыри земли, исторических лиц удивителен — от августейших особ, генералов, губернатора и полицмейстера до скрипача, циркача, пресвитера, кондитера, парикмахера, литератора и ресторатора; от Лиссабона, Парижа и Петербурга до Костромы, Оренбурга и Василисурска⁶. Покойники здесь «благополучно соседствуют»

³ Ср. шутивный «подбор имен» в распространявшейся в XVIII веке в списках знаменитой «Калязинской челобитной»: «А подлинную челобитную писали и складывали Лука Мозгов да Антон Дроздов, Кирила мельник да Роман Бердник да Фома Веретенник» [23, с. 199]. Рифмованные списки фамилий встречаются в русской литературе не только в комических жанрах, но и в серьезных — например, в одах XVIII века или наследующей им поэме Пушкина «Полтава».

⁴ Т. е. покойного Людовика Восемнадцатого. Как указал в примечании к этому стихотворению П.И. Бартнев, русские «солдаты стоя во Франции говорили про Людовика XVIII-го наш Дизвитов: они слышали, как французы называли его dix huit».

⁵ Последняя цепочка явно объединена тематически.

⁶ А.О. Смирнова-Россет вспоминала, что сложнее всего авторам этого текста было найти рифму на «Юсупова». Ее якобы нашел Мятлев, вспомнив какого-то «полковника Арапупова». Эта фамилия явно вымышленная и пародийная. На самом

с живыми, родные и близкие «с людьми совершенно незнакомыми» [11, с. 182]. Используя терминологию Ю.Н. Тынянова, конструктивным приемом этого стихотворения можно назвать комическое сопряжение перекликающихся «далековатых фамилий», обрушивающее все возможные генерализации и иерархии и создающее новые неожиданные и мимолетные ритмико-смысловые «блоки»⁷. Другим приемом, объединяющим этот бесконтрольный саморасширяющийся каталог имен, является «питийная» мотивировка словесного потока, отраженная в самом тексте (сочинители не только поминуют краткими «тостами» живых и мертвых, но и особо отмечают «всех тех, которые напиваются рано»).

Это коллективное стихотворение традиционно помещается в собрания сочинений каждого из соавторов. Немногочисленные комментаторы этой шутки обычно указывают на ее фольклорно-календарную основу, связь с пушкинским фрагментом того же 1833 года «Сват Иван, как пить мы станем...» («монолог пьяного мужика») и относят к традиции «домашней» галиматийной поэзии. По общему мнению, никакой смысловой нагрузки зарифмованные в ней фамилии не несут, хотя, как замечает Н.Г. Охотин, автор статьи об этом стихотворении в «Пушкинской энциклопедии», она не исключает диалог с адресатом, упоминаемым в самом тексте («Надобно помянуть: Жуковского балладника») [22, с. 276–278]. Действительно, в обрамлявшем это послание письме к поэту Вяземский назвал приносимые вирши «вольным подражанием» «Певцу во стане русских воинов» (стихотворению Жуковского, строящемуся как череда заздравных тостов героям) и пригласил своего друга к участию в коллективном «поминальном» «буриме».

В предлагаемой статье мы постараемся показать, что эти безусловно шуточные стихи представляют собой не просто свободный поток мастерских экзотических «фамильных» рифм, но содержательную «кружковую» импровизацию на историко-литературную

деле не так уж и трудно было найти подходящие по звучанию реальные фамилии XVIII — первой трети XIX века: Егупова, Тупова, Чупова. В XVIII веке был даже один помещик Фирс Залупов (не это ли имя, найденное Мятлевым, камуфлирует Смирнова?) [29, с. 71–72]. Она сообщала, что саму эту игру придумал Н.В. Гоголь, якобы «научивший Пушкина и Мятлева вычитывать» в «Русском инвалиде» публикуемые списком имена приезжающих и отъезжающих. О комических «вещных» именах-масках у Гоголя см. статью Юрия Тынянова «Достоевский и Гоголь. К теории пародии» [33].

⁷ Так, по замечанию В.А. Кошелева, ряд «Чулков, Носков, Башмаков, Сапожков» замыкается примкнувшим к ним по ассоциации с обувью «генералом Пяткиным» [11, с. 190].

тему. Более того, мы полагаем, что это галиматийное послание имеет свою прагматику, понятную участникам кружка, и интерпретационный ключ, открывающий для исследователя дверцу в «запретную» и до сих пор мало изученную литературную традицию.

2. БЫВШИЙ ПОЭТ

Как мы видели, первым после традиционного фольклорного зачина авторы «образцовых поминок» называют «бывшего поэта Панцербитера, нашего прихода честного пресвитера»⁸. Почему длинный список фамилий начинается именно с поэта? Почему «бывшего»? Кто он такой? Почему он назван «пресвитером»? Какой «приход» имеется в виду? Комментарии к стихотворению в авторитетных изданиях трех поэтов недалеко ушли от краткой и, как кажется, малоинформативной, сноски, данной к этому имени П.И. Бартевым при переиздании работы Вяземского-сына в 1885 году: «Скромный стихотворец конца XVIII века»⁹.

Сам Вяземский дважды вспоминает об этом поэте в своей «Старой записной книжке», причем оба раза в связи с «большой рукописью» статс-секретаря Екатерины Великой А.С. Храповицкого, «в которой собраны были многие любопытные и неудобопечатаемые, по крайней мере в то время, случайные и карманные более или менее сатирические стихотворения». Здесь, наряду с ломоносовской «одой к бороде или о бороде», сатирами и куплетами «почетного арзамасца» князя Д.П. Горчакова, «довольно скоромными» сказками А.С. Хвостова и переводчика вольтеровской «Альзиры» П.М. Карбанова, «являлся со стихами своими и какой-то Панцербитер — имя, кажется, не поддельное, а настоящее». «Кто теперь знает, что был у нас поэт Панцербитер? — продолжал Вяземский. — Где эта рукопись? Вероятно сгорела она в Московском пожаре 12 года» [4, т. 8, с. 507]¹⁰.

⁸ Мы исходим из того, что стих о пресвитере относится именно к поэту, а не к купцу в следующей строке. Дело в том, что в этом рифмованном списке собственное имя обычно сопровождается препозитивным нарицательным, выступающим как дополнительная характеристика, более уместная в постпозиции.

⁹ К биографии А.С. Пушкина. Вып. 2. М.: Университетская типография, 1885. С. 55.

¹⁰ Показательно, что Вяземский в «Старой записной книжке» представляет эту «подпольную» (термин Г.А. Гуковского и В.Н. Орлова) традицию как утраченную, «допожарную». Попытки Вяземского в публикациях и частных беседах реконструировать утраченный сборник Храповицкого свидетельствуют о том, что к этой традиции он относился как к погибшей в 1812 году старой московской культуре,

В другой версии своих воспоминаний Вяземский указывает, что среди сатирических и фривольных произведений в составе этого утраченного сборника были непристойные «стихотворения Карина и за подписью какого-то Панцербитора» (через «о»). «Вымышленное это имя или настоящее, — рассуждает он, — не знаю; но в печати оно, кажется, не известно. Много еще неизвестного и темного остается в литературе нашей» [4, т. 8, с. 41].

Об этом загадочном Панцербитере, отсутствующем в словарях русских литераторов XVIII века, вспоминают в своих мемуарах и братья Сергей и Федор Глинки, причем приводят сведения, вроде бы подтверждающие версию, что такой автор действительно существовал. Так, С. Глинка вспоминает о нем как о своем задушевном приятеле, закончившем шляхетский корпус за три года до драматурга В.А. Озерова, талантливом авторе, полиглоте, прекрасно писавшем по-французски и «умно» по-русски. Этот Панценбитер (Глинка пишет его имя через «н») сочинил по-французски трагедию «Крапс» и послание к сибариту (к самому себе), оставшиеся неопубликованными. Ему же принадлежит и комедия «Пять тысяч рублей», которая, как пишет Глинка, в свое время очень нравилась Н.М. Карамзину, любившему слушать ее в исполнении автора, покуривая трубку. Из этой комедии, проданной при содействии Карамзина начальнику московских театров «за пятьдесят целковых», мемуарист привел по памяти две пространные цитаты. Увы, сетовал Глинка, комедия этого сочинителя вместе с «подрядными» операми самого мемуариста давным-давно канула в Лету, а «богатые познания» ее создателя не доставили ему «никакой службы». Умер Панценбитер незадолго до отставки Глинки, то есть около 1800 года¹¹.

В свою очередь, Федор Глинка в воспоминаниях о «незабвенном» Николае Михайловиче Карамзине сообщал, что Панцербитеру (через «р») принадлежала «пьеса» «Была девица Катерина», «которая долго бегала по рукам в рукописи». Мемуарист также указал на то, что в конце XVIII века Панцербитер был частым гостем Карамзина, который всякий раз, когда он входил, приветствовал его словами:

возрождаемой им в своих воспоминаниях, подобно Фениксу, из исторического пепла. Он также указывает на то, что Жуковский в своем «Вестнике Европы» напечатал «несколько эпиграмм, взятых из этого сборника и, разумеется, позволительных и целомудренных». Скорее всего, речь идет об опубликованных в четвертом номере журнала за 1809 г. семи эпиграммах с шутливыми подписями. Г. Зыкова предлагает рассматривать эту публикацию как цикл, принадлежащий Вяземскому [7].

¹¹ Глинка С.Н. Записки. СПб.: Русская старина, 1895. С. 185.

«”Was macht man auf dem Parnasus, Herr Panzerbitter?” и продолжал с ним *веселый* разговор»¹².

Наконец, П.И. Бартенев привел в примечании к одному из писем Н.М. Лонгинова свидетельство Вяземского о том, что ему в старых рукописных сборниках случалось «находить стихотворения какого-то Панцербиттера (через два “т”. — *И.В.*), и в числе их одно про Екатерину Великую, неприличного содержания. (Горюет вдовушка, горюет день и ночь и горюю своему не знает, как помочь. Такого горя ей и с роду не бывало)»¹³.

Упомянутые выше русскоязычные произведения, приписываемые мемуаристами Панцербиттеру (Панценбиттеру, Панцербиттеру, Панцербитору), нам удалось идентифицировать¹⁴.

3. Тень Закарючкина

Как установил еще в начале XX века В.Н. Рогожин, комедия «Пять тысяч рублей» в конце 1797 года подавалась в московскую цензуру неким *Антоном* Панцербиттером, но напечатана не была. Ее поставили в Петровском театре в следующем году, но никаких откликов она не имела¹⁵. Рукопись этой одноактной комедии в стихах с именами актеров-исполнителей хранится в Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеке (отд. 1, шкаф XVII, полка 2, место 28; №13823).

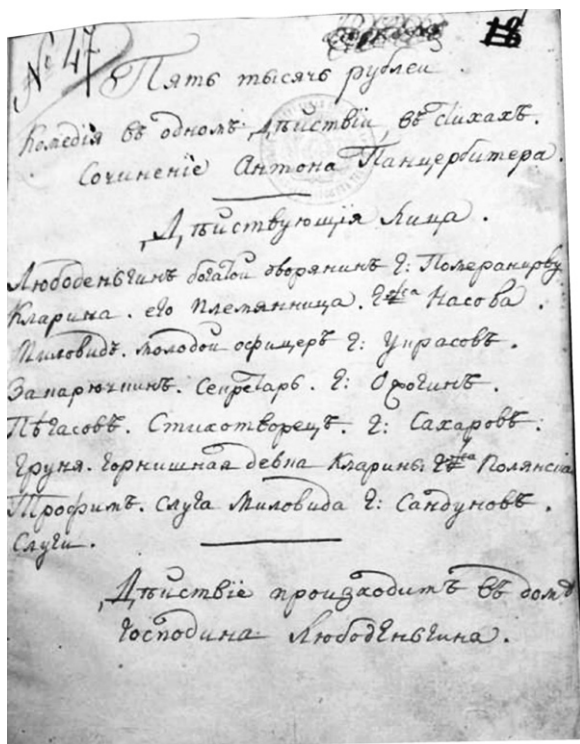
Сюжет этой пьески прост и традиционен (неудачное сватовство старого крючкотвора к юной племяннице скряги), но легкая афористичная речь персонажей и умелая разработка характеров (прежде всего Кларины, издевающейся над старым женихом, бывшим

¹² Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1903. Т. 8. Кн. 2. С. 86 (публ. К.Я. Грога).

¹³ Русский архив. 1912. № 6. С. 196.

¹⁴ К сожалению, французские произведения Панцербиттера — эпистолу к сибириту, начальный стих которой цитирует С. Глинка, и трагедию «Крапс» — обнаружить не удалось. Возможно, что первая была переделкой стихотворения Берни, включавшего похожую сентенцию (C. de Bernis, “Epître Sur l’Ambition”). Название трагедии, как мы полагаем, отсылает не к игре крапс (кости), а является искаженным именем одного из героев римской истории Флавия Юлия Криспа, сына Константина I и Минервины (сюжет, популярный в западной трагедии). Впрочем, это мог быть и другой римский герой, полководец Красс, неудачно воевавший с парфянами (в таком случае трагедия могла быть связана с бесславным походом молодого Зубова против персов). Но все это только догадки.

¹⁵ *Рогожин В.Н.* Дела «Московской цензуры» в царствование Павла I. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1902. С. 71.

«бонбандиром», а ныне судейским чиновником, Закарючкиным, и остроумной и самоотверженной горничной Груни, бросающей вызов своему барину¹⁶) свидетельствуют о несомненном профессионализме автора.

Приведем два примера из этой канувшей в Лету, по словам Глинки, комедии. Оба относятся к ухаживаниям Закарючкина. В порыве страсти старик бросается к ногам красавицы (явл. 24-е):

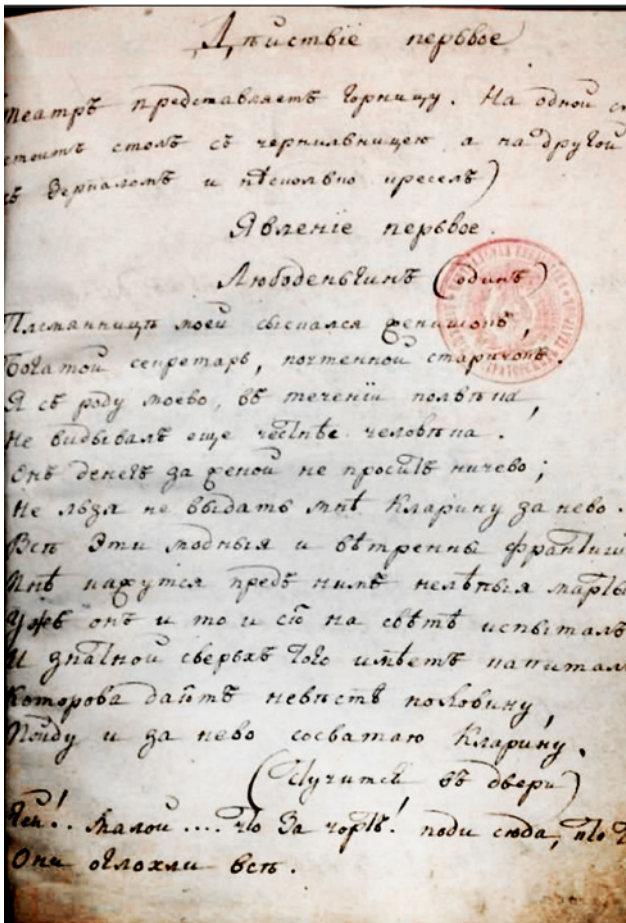
Глядите, вот я весь и спереди и сзади.
 Ужель не нравлюсь вам? Скажите, чего ради?
 Ласкали давиче постельну вы сабачку.
 Я видя ласки те едва не слег в горячку;
 Но к щастию слуга мне подал скоро льду...

¹⁶ «Любоденъгин: Я право наглости такой не понимаю. // Севодни Груня ты никак с ума сошла. Груня: Севодни блажь на вас действительно нашла... [...] В пустых сударь словах теряете вы время. // Угрозы ваши нас не могут ужасать // По вашей дудочке не станем мы плясать» (явл. 5-е).

Вот он мечтает о будущих брачных отношениях:

Как будет весело, когда зачнет она
Бородку мне лизать и мною любоваться.

В «Записках» Сергей Глинка цитирует по памяти комическое кредо Любоденьгина, составленное из начальных стихов его первого монолога и апофегмы из реплики, обращенной к племяннице Кларине (у Глинки «Клариссе»¹⁷) в другом явлении:

¹⁷ Очевидно, Глинка связывает это имя с героиней знаменитого романа С. Ричардсона «Кларисса, или История молодой леди» (“Clarissa, or the History of a Young Lady”), родственники которой пытаются насильно выдать ее замуж за старика.

Племяннице моей сыскался женишек,
 Богатый секретарь почтенный старичек.
 Я с рода моего в течение полвека,
 Не видываль еще честнее человека.
 Он денег за женой не просит ничего;
 Нельзя не выдать мне Клариссы за него.
 Пусть качествами он с Клариссою несходен:
 Не качествами муж, количествами годен.

Глинка также по памяти цитирует фрагмент из любовной челобитной секретаря Закарючкина, которая, по воспоминаниям мемуариста, особенно забавляла Карамзина. Эта цитата почти дословно воспроизводит текст из «Доношения» «Вселюбезнейшей племяннице господина Любоденьгина от секретаря Закарючкина»:

«Записки» С. Глинки

Я, именованный Васнлий Закарючкин,
 В теченье двадцати и девяти годов,
 Лишился двух супруг н днесь остался вдов:
 Супругу третью мне потребно того ради.
 А поелику вы зависите от дяди,
 Который обещал поставить мне жену...
 Жениться я на вас никак не премину.

«Пять тысяч рублей»

Я именованный Василий Закарючкин,
 В теченье двадцати и девяти годов,
 Лишился двух супруг н днесь остался вдов.
 Хозяйку третью мне потребно того ради;
 А поелику вы зависите от дяди,
 Который обещал поставить мне жену
 Жениться я на вас никак не премину.
 Извольте учинить, сударыня, решенье,
 Прошу, приняв сие покорно доношенье,
 Сблаговолить меня в супруги воспритья.

Иными словами, память Глинки спасла от полного забвения это остроумное сочинение и его таинственного автора.

4. Соловей в руке

Другое произведение, приписывавшееся Панцербитору, «Была девица Катерина», также существует. Этот приведенный Федором Глинкой стих является зачином известной эротической поэмы «Соловей», традиционно атрибутируемой князю Д.П. Горчакову, автору сатирических «Святок», сатир и эпиграмм, распространявшихся в списках. Эта поэма включалась в рукописные сборники неподцензурной поэзии конца XVIII — начала XIX века и была опубликована В. Каллашем с пропусками целых строф в 1903 г., а затем полностью

И.Ф. Мартыновым в 1981 г.¹⁸ Она представляет собой перевод приписывавшейся в XVIII веке Лафонтену гривуазной сказки (conte) «Le Rossignol» (“Pour garder certaine Toison”), в свою очередь, написанной на сюжет известной четвертой новеллы из пятого дня «Декамерона» Боккаччо¹⁹. Юная (у «Лафонтена» — четырнадцатилетняя) героиня поэмы уговорила родителей разрешить ей спать на галерее, чтобы лучше слышать пение соловья. Утром батюшка нашел ее в постели с «соловьем» в руке (обладатель последнего, ловкий детина по имени Пролаз²⁰ (Ришар у «Лафонтена»), лежал рядышком):

¹⁸ Текст поэмы В. Каллаш опубликовал по редакции рукописного сборника самого начала XIX века, принадлежавшего императорской Публичной библиотеке. В конце поэмы приписано «из Москвы» («так часто обозначал свои печатные произведения кн. Горчаков»), «из Ланфонтеновых сказок» (Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1903. Т. 8. С. 365). Полностью текст горчаковского «Соловья» напечатан И.Ф. Мартыновым по копии из рукописного сборника 1801–1802 гг., в состав которого входили материалы о коронации императора Александра, стихотворения Державина и цикл сатирических стихов, в частности, поэма «Солдатская жизнь» гренадера И. Макарова (то есть, скорее всего, поэма в трех песнях лейб-гвардии Измайловского полка рядового Василия Макарова об истязаниях в армии), «Любовное изъяснение пехотинца» С. Марина и «грубая сатира в барковском духе “Блошка”» (видимо, стихи «Про блоху и кузена») [16]. В.П. Степанов в словарной статье о Горчакове указывает, что это произведение, «некоторое время считавшееся одним из ранних пушкинских сочинений», «с достаточной убедительностью» может быть приписано сатирику [28, с. 226].

¹⁹ Contes et nouvelles en vers par Monsieur de La Fontaine. A Amsterdam chez Pierre Brunel, sur le Dam à la bible d'or, 1709. См.: Stewart, Philip, Barron William M. Engraven Desire: Eros, Image & Text in the French Eighteenth Century. Duke University Press, 1992. P. 320. О русских переложениях этой сказки см.: [16, с. 158–163].

²⁰ В комментарии к «Евгению Онегину» В.В. Набоков указывает, что имя Пролаз, часто встречающееся в русских комедиях и народных картинках XVIII века, было образовано «от слов “пролаз” или “пролаза” (и то, и другое мужского рода)» и означало «карьерист» и «низкий доносчик» [18, с. 564]. Более точное значение этого имени дают словари XVIII–XIX веков: «проныра» («прошлый человек, ползун, пройдоха, льстец», по В. Далю; также «человек, любящий пронохивать, что делается в других домах»). Это имя встречается в комедиях Я.Б. Княжнина (сметливый слуга Пролаз) и шутливой сатире И.И. Дмитриева «Модная жена» (так зовут старого мужа ловкой жены). На французский это слово переводилось “le furet” — так назывался французский еженедельник в Петербурге рубежа 1820–1830-х годов. В 1829 г. А.Ф. Воейков применил название этого издания к Ф.В. Булгарину, «недвусмысленно разъяснив, что le furet обозначает не только хорька, но и проныру, сыщика» [3, с. 475]. В этом значении использует имя «Пролаз» А.С. Пушкин в своих выпадах против Булгарина начала 1830-х («Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», 1831). Но автор «Соловья», похоже, задействует другое значение этого имени, характерное для конца XVIII — начала XIX вв.: так тогда переводили на русский язык слово “galant” — «любовник-волокита, пролаза, пройдоха, провор, живой вертлявый молодчик. C’est homme est en galant banal, он за всеми женщинами волочится» (Полной французской и российской лексикон, с последнего издания Лексикона Французской Академии на Российской язык переведенный собранием ученых людей: Т. 1: А–К. СПб.: Императорская типография, 1787. С. 545).

Она с любовником лежала
 Без простыни и одеяла.
 (Затем, друзья, что в той поре
 Великий жар был на дворе.)
 В руках своих она держала,
 И не стесняясь тем нимало,
Ту вещь, какая у мужчин
Для важных спрятана причин.
Ту вещь (ах, как бы перед вами
Назвать достойными словами
Ту вещь, что Катей взята в плен).
Вещь эта — есть тот самый член,
Который пособил Адаму
Из девы Евы сделать даму [16, с. 171]²¹.

Попутно заметим, что стихи о восходящей Авроре из этой поэмы с упоением читает в романе Юрия Тынянова маленький Пушкин (часть «Детство»), и это прочитанное на самой заре жизни поэта произведение служит ему своего рода инициацией и откровением настоящей, то есть запретной, поэзии. Неслучайно именно этой цитатой заключает Тынянов описание чтения Пушкиным «заветных тетрадей» отца²². Примечательно, что далее в тыняновском романе лицеист Пушкин, напуганный однокашником Горчаковым (дальним родственником предполагаемого автора «Соловья»), сулившим ему страшные кары за кощунственные поэмы «Тень Баркова»

²¹ По мнению В. Каллаша, отдельные строфы и стихи этой поэмы «довольно близко напоминают шуточные строфы, “болтовню” Пушкина в “Евгении Онегине” и “Домике в Коломне”, даже внешние особенности его стиха» (Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1903. Т. 8. С. 365). Не только эти произведения. Выделенное курсивом игривое эвфемистическое описание «того члена, который пособил Адаму», можно назвать источником известного эпизода в «Гавриилиаде» Пушкина: «По счастью проворный Гавриил // Впился ему в то место роковое // (Излишнее почти во всяком бое), // В надменный член, которым бес грешил. // Лукавый пал, пощады запросил // И в темный ад едва нашел дорогу. // На дивный бой, на страшную тревогу // Красавица глядела чуть дыша». Это еще одна вероятная связь между творчеством Горчакова (если эта гривуазная поэма действительно принадлежит ему, а не какому-то Панцербиттеру) и «Гавриилиадой», которую Пушкин (и некоторые его современники) приписывали князю-сатирику. О возможном влиянии «птичьей метафорики» «Соловья» на сказку Пушкина о дочерях царя Никиты см.: [14].

²² «Он не чувствовал холода в нетопленной отцовской комнате, глаза его горели, сердце билось. Русская поэзия была тайной, ее хранили под спудом, в стихах писали о царях, о любви, то, чего не говорили, не договаривали в журналах. Она была тайной, которую он открыл» [34, с. 82].

и «Монах», успокаивается за чтением тайком принесенной ему Антоном Дельвигом «нехитрой» французской книжки под названием «*Пролаз литературный*, сборник самых забавных случаев, исторических событий и стихов». Как нам удалось установить, Тынянов «подсовывает» здесь юному поэту вышедший в 1802 году в Париже сборник «*Le furet littéraire: recueil contenant ce qu'il y a de plus agréable en anecdotes, faits historiques et contes*»²³. В состав этой веселой антологии, разогнавшей, по Тынянову, страхи лицеиста, входили галантные фривольные сказки Лафонтена из той же коллекции «Историй и новелл в стихах» (“*Contes et nouvelles en vers*”), в которую включался и «Соловей». Здесь следует также добавить, что в близкой этому жанру барковской традиции «счастливый мой пролаз» (“*le furet*”, «хорек») означал мужской половой орган (то же самое значение это слово имеет и во французской непристойной традиции [43, p. 275]).

В известном смысле Тынянов, реконструируя круг чтения и влияний юного Пушкина, реализует в своем романе пикантную мораль приписывавшейся Горчакову поэмы по отношению к будущему «соловью русской поэзии»: «Теперь не унывайте дети: // Уж соловей попался в сети» [16, с. 174]²⁴.

5. Женское горе

Существовало и третье приписываемое Панцербитеру стихотворение, о «вдовушке» Екатерине. Это не что иное, как «историоризированная» «эпиграмма» из «Девичьей игрушки» Ивана Баркова, не связывавшаяся до сих пор с российской императрицей:

Горюет девушка, горюет день и ночь,
Не знает, чем помочь,

²³ Перепечатка антологии скабрезной поэзии, составленной известным либертином Клодом Мерсье (С.-Ф.-Х. Mercier de Compiègne) «*Le furet littéraire, ou les fleurs du Parnasse*» (Paris, 1800). Возможно, Тынянову был известен какой-то рукописный перевод сборника 1802 года под приведенным им названием (нам его не удалось найти). Связь этой книжки с Дельвигом в романе может объясняться историко-литературной ассоциацией с полемикой пушкинского друга с Булгариним и близким «Северной пчеле» французским еженедельником «*Le Furet*».

²⁴ Цитата из «Соловья», как отмечает Г.А. Левинтон, предвосхищает некоторые мотивы пушкинского творчества (пародия на стих Ломоносова о заре в «Евгении Онегине») и таким образом может претендовать «на статус подлинного подтекста, т. е. научного объяснения, а не сугубо “беллетристической” конструкции» [13, с. 532]. Литературно-исследовательская игра Тынянова с этой цитатой представляется нам более сложной и изысканной.

Такова горя с ней и сроду не бывало —
 Два вдруг не лезут, а одного <...> мало!²⁵

О популярности этой эпиграммы в конце XVIII века свидетельствует лубок («забавный листок») гравера Ахметьевской фабрики Петра Чуваева с сопровождающими скабрёзную картинку стихами:

NYPL Digital Library

<https://digitalcollections.nypl.org/>

items/510d47de-0b56-a3d9-e040-e00a18064a99

²⁵ Цит. по: [10, с. 13]. Включающий эту эпиграмму рукописный сборник конца XVIII века «Девичья игрушка, или Полное собрание эротических, приапических и цинических стихотворений Ивана Семеновича Баркова, знаменитого русского песнопевца в сих родах пиитических произведений и бывшего переводчика при императорской Академии Наук» хранится в ИРЛИ РАН (см. его описание в: Барков И.С. Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова. М.: Ладомир, 1992). Обращает на себя внимание переключка этой эпиграммы со стихотворением «Вдова» И.И. Хемницера — переложением еще одной пикантной сказки Лафонтена, восходящей к роману Петрония: «Вдова моя горюет // И над могилою и день и ночь, // Не отходя ни на минуту прочь, // Тоскует // И, зляя что еще, нарочно голодует, // Чтобы из нежности к супругу своему // Последовать скоряй на тот же свет к нему».

Горюет девушка: горюет день і ночь
 таково горя сней: і сроду небывало!
 два друга кней неидут а [вариант: «вдруг не лезут ей»]
 одново так мало.
 не горюи свет мои подна,
 одним будеш доволна.
 Утешал ее молодец.
 [Подпись]: «переведено с французского языка.
 Петр Николаев (Чуваев)»²⁶.

Как заметил М.И. Шапир, в одном из писем 1813 г. к А.И. Тургеневу Вяземский «спиритуализировал» пуант этой «эпиграммы», отнеся его к сверхчувствительному князю Петру Шаликову: «... госпожа душа, как и все госпожи, прихотлива, своенравна и ненасытна с ног до головы и со всех сторон. Она, как госпожа, *comme qui dirait* Шаликов, всегда плачется и говорит: Два счастья вдруг нейдут, а одного так мало» [39, р. 80]²⁷.

Примечательна дальнейшая судьба этих обценных и, как мы теперь знаем, крамольных стихов. В 1863 г. их процитировал А.А. Фет в написанной совместно с В.П. Боткиным издевательской рецензии на роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Пересказ сна Веры Павловны, в котором Бозио «ясно показывает ей, что она не любит своего миленького — Лопухова, — а любит кого-то другого», сопровождался текстом, зачеркнутым впоследствии автором (и понятно почему):

Короче сказать, Верочка переживает пафос лакейской песни:

Плачет девчоночка, всю ночь она не спит,
 И не знает, как своему горю пособить,

²⁶ Эта картинка награвирована на медной доске с лубочной иллюстрацией «Муж спрашивал жену», изображающей девушку в компании мужа (*Ровинский Д.* Русские народные картинки. Кн. 1. Сказки и забавные листы. СПб.: Типография имп. Академии наук, 1881. С. 382–383). О французских источниках «эпиграмм» из «Девичьей игрушки» см.: [41; 44; 45]. Хотя М. Шрубе не удалось установить источник «Девичьего горя», французское происхождение этой эпиграммы не вызывает у него сомнения (см. ниже версию М. Шапира о фольклорном происхождении этой эпиграммы). О барковском переосмыслении образа Екатерины в карикатурах см.: [48, р. 567–568].

²⁷ Исследователь указывает, что описание этого «девичьего горя» встречается в русских «Заветных сказках» А.Н. Афанасьева: «Вот тут девушка гадала да гадала: одного-то х. мало, а два не влезут; лучше их вместе свить да оба вбить» (прибаутка из сказки «Семейные разговоры»). Возможно, что эта прибаутка заимствована из барковской «эпиграммы», а не наоборот.

С ней такого горя сроду не бывало:
 Двух мужей ей нету, а одного мало²⁸ [19, с. 510].

Отнесение этой «лакейской песни» к образу эмансипированной женщины (зд. чуть ли не нимфоманки) симптоматично для патриархальной консервативной риторики 1860-х годов. Возможно, что мотив этого «девичьего горя» преломляется и в случае с толстовской Элен Безуховой, стремящейся (при живом муже) сохранить двух своих любовников и не знающей, кого из них выбрать в качестве нового мужа: в Петербурге «прямо распространился слух о том, что несчастная, интересная Элен находится в недоуменье о том, за кого из двух ей выйти замуж». Вспомним резкое словечко, адресованное «несчастной» Элен прямолинейной Марьей Дмитриевной Ахросимовой, повстречавшей ее на столичном бале.

В наше время, после публикаций «Девичьей игрушки» в 1990-е, эта эпиграмма превратилась в мизогинистский порнографический анекдот в стихах, кочующий по чатам и сетевым сборникам скабрзных текстов.

Это приписанное Панцербитеру Вяземским непристойное и крамольное стихотворение (впоследствии «лакейская песня»), как нам представляется, может быть датировано началом 1785 года — временем, когда скорбь Екатерины по умершему «мужу» Ланскому утихла и на смену покойнику пришли по очереди два новых фаворита — А.П. Ермолов и А.М. Дмитриев-Мамонов. Очень похоже, что именно эта «эпиграмма», наряду с «Соловьем», и была представлена, в числе прочих, в сборнике сатирических и пикантных произведений Храповицкого, о котором вспоминал Вяземский.

Но кто был на самом деле ее автором? Не мистификация ли этот «бывший поэт» Панцербитер / Панценбитер / Панценбитор?

6. Одного мало

В самом конце XVIII века в России служили как минимум четыре Панцербитера²⁹.

Первого звали Василием Ивановичем. О нем известно, что в конце века он был майором, а в 1810-е участвовал в работах одной из масонских лож И.А. Розенштрауха [26, с. 625, 962]. Второго звали

²⁸ Бес толкает включить в ряд отголосков «Девичьего горя» и песню Булата Окуджавы «Голубой шарик» («Девочка плачет» и т. д.).

²⁹ В словарях есть также Карл и Патрикей Панцербитеры, но они начали воинскую службу еще в 1740-е гг.

Людвигом (Логином) Карловичем, и он был городничим в Гродно в 1798–1809 гг. Эти две кандидатуры надо сразу отвести, потому что они никак не вписываются в «справку» о Панценбитере Сергея Глинки.

Третьего звали Карлом Кирилловичем (Carl Friedrich von Panzerbieter), и он действительно учился в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе за три года до В.А. Озерова (из этого учебного заведения вышли и братья Глинки). Впрочем, о том, что Карл фон Панцербитер (р. 1765) был писателем или хотя бы просто интересовался словесностью, не говорится ни в одном источнике. Почти всю свою жизнь этот Панцербитер провел в походах и, хотя и продвигался по службе медленно, каким-то особенным неудачником (Глинка вспоминал, что поэт Панценбитер не имел «никакой службы») никак не был. При Екатерине он получал награды за кампании против шведов и поляков, при Александре геройски сражался под Смоленском и при Бородине, участвовал во взятии Парижа, командовал образцовым полком, был кавалером орденов Св. Анны 2-й ст. с алмазами, Св. Георгия 4-го кл., Св. Владимира 3-й ст. и золотой шпаги «за храбрость», в 1815 г. произведен на смотре в Вертю в чин генерал-майора³⁰. С 1789 по 1799 г. он командовал Великолуцким мушкетерским полком, так что едва ли мог быть частым посетителем Карамзина в Москве в 1796–1798 гг. Умер же он не накануне первой отставки Сергея Глинки (конец 1800 г.), а через 19 лет после нее.

Четвертый Панцербиттер (через два «т») звался Егором и был капитаном. Он геройски погиб в бою у Бассиньяно 1 мая 1799 г. во время итальянского похода Суворова³¹. Скудные данные о нем также не совпадают с информацией, приведенной Глинкой.

Ни один из этих исторических Панцербитеров не носил, как мы видели, имя Антон (или его немецкий эквивалент «Отто»). Хотя полностью исключить возможность существования стертого из исторической памяти Антона Парцербитера нельзя, мы склоняемся к тому, что на самом деле такого писателя не было и предположение Г.В. Ермаковой-Битнер о том, что, скорее всего, это был чей-то псевдоним [21, с. 9], вполне правдоподобно.

Только чей? Для ответа на этот вопрос прежде всего следует обратить внимание на то, что подписанная этим именем комедия

³⁰ Краткий биографический очерк о нем составил для «Русского биографического словаря» Б.Л. Модзалевский (Т. 18. С. 286). См. также: Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. [Т.] VII. М.: Студия ТРИТЭ, 1996. С. 507 (справка А. Горшмана).

³¹ *Соседко Ф.Д.* История 72-го пехотного Тульского полка. 1769–1901. Варшава: Земледельческая газета, 1901. С. 88.

(единственная фактическая зацепка, которую мы имеем) была подана в цензуру почти одновременно с произведениями писателей одного и того же московского литературного кружка, в который входили Ф.Г. Карин, Н.П. Николев, кн. Горчаков, Д.И. Хвостов, Н.М. Шатров и к которому примыкал в конце века молодой поручик Сергей Глинка. Примечательно, что в процитированном выше фрагменте из «Старой записной книжки» Вяземский упоминает неприличные стихи «какого-то» Панцербиттера в непосредственной связке с Кариным.

Федор Григорьевич Карин был последователем Сумарокова, идеологом позднего классицизма, автором новаторского «Письма к Н.П. Николеву о преобразителях российского языка», переводчиком с французского комедии «Фанелия, или Заблуждение от любви», «Ифигении» Расина и сочинителем поданных в 1797–1798 гг. в цензуру сборников «разных песен» (последние не сохранились)³². Карин, армейский поручик в отставке, имел репутацию вольнодумца, «роскошного сибарита того времени и страстного любителя словесности» (ср. свидетельство С. Глинки о том, что Панценбиттеру принадлежит послание к сибариту, то есть к самому себе)³³. По мнению ряда исследователей, именно он скрывался под псевдонимом (точнее, литературной маской) Алексея Дружерукова (был такой сообщник у знаменитого Ваньки Каина [1, с. 238]), именем которого подписан стихотворный «Разговор в царстве мертвых Ломоносова с Сумароковым» (1777, переизд. 1787 и 1789)³⁴. Карин умер как раз в том самом 1800 году, которым Глинка датировал смерть своего друга-поэта. Воспоминания о нем в «Записках» Глинки предшествуют рассказу о Панценбиттере. В то же время он не учился в кадетском корпусе и не был (если верить его биографу В.И. Саитову [24, с. 6]) знаком с Карамзиным.

³² Через московскую цензуру в эти годы прошли сочинения Ф.Г. Карина «Песня. Люблю», «Разные песни» и «Три песни». Тогда же вышло и «Продолжение разных песен, сочинение поручиков Ф. Карина, С. Глинки и титулярного советника Н. Шатрова». Возможно, что музыку к этим песням написал друг Глинки и Карина композитор П. Кашин (последний был автором музыки к нескольким либретто комических опер Глинки начала 1800-х).

³³ Глинка С. Письмо к издателю Современника // Современник. 1843. Т. 30. С. 215.

³⁴ В 1777 г. в Москве вышли «Песни» Алексея Дружерукова (Опись библиотеки Д. Н. Шереметева. СПб., 1883, № 3586). Это издание до сих пор не обнаружено. По другой версии, восходящей к гр. Д.И. Хвостову, Алексей Дружеруков был реальным историческим лицом, чиновником канцелярии московского генерал-губернатора П.М. Волконского. См.: [9], а также словарную статью Н.П. Морозовой [28, с. 287–288].

Этим Панцен/рбитером (= автором комедии «Пять тысяч рублей») мог быть и сам Сергей Глинка, цитировавший по памяти в конце жизни пространные фрагменты из этого произведения, написавший для театра ряд комических опер и напечатавший в конце XVIII века совместно с Кариним и Шатовым сборник песен, следы которого затерялись.

Наконец, под этим именем мог выступать и князь Горчаков, которому, как говорилось выше, приписывался «Соловей», равно как и множество других «презревших печать» произведений. В конце века Горчаков напечатал в карамзинских «Аонидах» небольшой цикл любовных стихотворений о Хлоюшке. Вероятно, он присутствовал и на торжественном обеде у Карамзина, посвященном выходу в свет этого альманаха³⁵. Сохранились сведения, что в середине 1780-х Горчаков написал какую-то трагедию об Америке³⁶, но в печати она не появилась. Известно, что сатирик любил прятаться под литературными псевдонимами и масками. Так, от имени одного из выдуманных им в комической опере «Щастливая тоня» одописцев, лирического стихотворца Ивана Чертополоха («всему известного миру» «нового Ломоносова»), он сочинил и напечатал пародийную оду на победу над Швецией, в которой, как мы полагаем, высмеял недавнюю «простонародную» сатиру одописца Василия Петрова «Приключение Густава III, короля шведского, 1788 года, июля 6-го дня»³⁷. В финале этой оды Горчаков комически обыгрывал стих из

³⁵ На этом обеде, по воспоминаниям С.Н. Глинки, произошел обмен колкостями между хозяином и другом Горчакова поэтом Н.П. Никольвым.

³⁶ Не состязавшийся ли с Фонвизиним и Карабанным перевод вольтеровской «Альзирь»?

³⁷ *Иван Доброхотов Ч...* Велико-российская победоносная ода над шведами. [Б. м.] (Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1961. Т. 2. С. 250). Мы не можем согласиться с мнением Д.М. Шарыпкина о том, что «это не пародия, а скорее шутивная застольная песнь, в которой автор обращается с тостами по очереди к русским героям шведской кампании» [37, с. 80]. Странная для изысканного и страстного Горчакова простонародная (безграмотная и чуть ли не графоманская) манера (при сохранении характерных для него выпадов против «попов»: «Попы устроены молится, // Как можно им в Звездах уж с пушкой возится?») вышучивает длинное стихотворение официального одописца Екатерины, воспевашее победу над шведским королем басенным стихом («Густав // В покое жить устав...»). В свою очередь, на сатирическую поэму Петрова (одно из первых русских оригинальных произведений в жанре «Разговора в царстве мертвых») оказала влияние бурлескная «простонародная» опера Екатерины «Горобогатырь Косометович», направленная против честолюбивого Густава [12, с. 82]. Заметим также, что свою «гудошную» (несомненно, пародийную) оду на взятие Очакова написал в это время и друг Горчакова Николев, скрывшийся под литературной маской отставного солдата Моисея Слепцова (Две оды на взятие победоносным российским воинством города Очакова 1788 года, декабря 6 дня, сочиненные первая Т...М в царстве мертвых, вторая отставным солдатом Моисеем Слепцовым. М., 1788).

«Послания к слугам моим» Дениса Фонвизина — литературного соперника своего ближайшего друга Николева:³⁸

Иван Доброхотов Ч...

Д.И. Фонвизин

Не часто ль от того родится всем беда,
Чем тешиться хотят большие господа,
Которы нашими играют господами
Так точно, как они играть изволят нами?

А ты наш Пушкин Граф! греми в сем острову,
Да Шведов нам пусти, как кукол по столу.

Создатель твари всей, себе на похвалу,
По свету нас пустил, как кукол по столу.

Придуманные сатириком имена бездарных стихоплетов (Чертополоха и Доброхотова), метившие в конкретных литературных противников, стали общим достоянием каринского литературного кружка³⁹. Этих воображаемых авторов Горчаков упоминает в послании к Д.И. Хвостову (в выделенных курсивом стихах, похоже, содержится намек на его пародийную оду на поражение короля Густава):

Куда все разошлись, ну ежели врасплох
Пожалует сюда теперь Чертополох!
Он может завладеть нечаянно Парнасом
И будет нас глушить своим нескладным гласом.
*Уж Доброхотова велел он оседлать
И седиши на него воздвигнуть хочет рать,
Своими воужась прескучными стихами,
Надеясь ими нас сразить, как трюхами.*

Примечательно, что в комедии Панцербитера «Пять тысяч рублей», поставленной в Петровском театре летом 1798 года, также выведен комический стихотворец, пародирующий, по всей видимости, поэзию Петрова. Этого стихотворца зовут Пегасов (играл его актер Сахаров)⁴⁰. Он является к скряге Любоденьгину (его роль исполнил

³⁸ Об антифонвизинских выпадах Горчакова см.: [31, с. 224–229].

³⁹ Чертополох упоминается в эпиграммах Горчакова. Его бестолковые стихи вспоминает Николев в «Рассуждении о стихотворстве». Возможно, что именно этот герой популярной комической оперы князя Горчакова «породил» впоследствии другую «пародическую личность» — сентиментального поэта князя Эраста Лиодоровича Чертополохова, придуманного П.Л. Яковлевым. Под этим именем писали пародии и другие авторы («Клюйте, галки! // Я не сержусь»).

⁴⁰ Имя Пегасов как маска дурного стихотворца впервые было использовано П.Ф. Мальтицем в переводе комедии А. Пирона «Страсть к стихотворству» (М., 1787). Персонаж с этим именем представлен и в комедии Н.Ф. Эмина «Знатоки»

известный актер В.П. Померанцев) с предложением воспеть грядущую свадьбу 18-летней племянницы последнего Кларины (г-жа Носова) со старым (пятидесятилетним) секретарем Закарючкиным (последнего играл Александр Ожогин, славившийся «неистошим буффонством»; он, кстати сказать, был исполнителем роли Бабы-Яги в одноименной комической опере Горчакова⁴¹). Бывший «глава ученой шайки на Парнасе», Пегасов безуспешно пытается сочинить эпиталаму, в которой, как мы полагаем, не только высмеивается традиционная для жанра аллегория «грядущих» Венеры и Вулкана⁴², но и намекается на сюжет из относительно недавнего перевода «Энеиды» Петровым («Еней, Героическая поэма Публия Вергилия Марона»):

И се грядет Вулкан с Венерой в Пафос
Начало кажется довольно громогласною.
Другой бы стих такой так было бы прекрасно.
И се грядет Вулкан с Венерою в Пафос.
В дороге у него озяб и лоб и нос.
Нет, плоской будет стих и низкая идея.
Вот! Рифма иногда замучит рифмодея.
И се грядет Вулкан с Венерою в Пафос.
Седую бородой ко свадьбе он оброс.
И это кажется не очень будет складно.
Придумать не могу. Все плохо и не ладно.
Зачем я на конце поставил тут Пафос,
Провал возми все то что кончится на ос.
Бывало рифмы пек я точно как и сайки
И на Парнасе слыл главой ученой шайки.
И се грядет Вулкан с Венерою в Пафос.
(Подумав несколько)
Нет, черт меня сюда и с рифмами занес.
(Впадает в глубокую задумчивость).

(СПб., 1788). Чертополох в опере Горчакова угрожает своему критику, что напишет на него кучу сатир и припишет это собрание Пегасу.

⁴¹ По сведениям М. Пыляева, «этот актер был необходим для райка. Он был большого роста, с комическою физиономиею и удивительно развязный на сцене» (Пыляев М.И. Старая Москва. СПб.: Издательство А.С. Суворина, 1891. С. 127–128).

⁴² Стих, дальше которого Пегасову никак не удается пойти, восходит к эпиталамическим аллегориям, использовавшимся еще в петровской драме. Ср. в «Акте о Калеандре и Неониде»: «Грядет Купидо, Венера выезжает на львах в колеснице, за ними Вулкан идет. Венера садитца на трон присудствующу Волкану и Купиде подле» [20, с. 361].

Заметим, что выражение «ученая шайка», восходящее к названию комедии Федора Эмина (1768), высмеивающей А.П. Сумарокова [27], преломляется в начале «Оды похвальной автору Мельника» (1781), приписываемой князю Д.П. Горчакову [30, с. 116–117]:

Подай мне, муза, балалайку,
Хочу я оду отодрать
И в стихотворческую шайку
Себя намерен записать.

Та же рифма «балалайка — шайка» использована и в «гудошной песне» Моисея Слепцова (то есть Николева) «На вятие Очакова», пародировавшей «залихватский псевдорусский стиль» придворного поэта Петрова и самой сочинительницы «Горобогатыря»:

Пой, трещи хоть в балалайку,
Лишь не суйся в подлу шайку,
Лишь не будь, пиита, льстец!⁴³

В то же время рифмующееся со словом «шайка» слово «сайка» в эпиталаме Пегасова («рифмы пек, как сайки») может намекать и на осмеянного Горчаковым в оде на «Мельника» драматурга А.О. Аблесимова.

Вообще остроумная комедия «Пять тысяч рублей», поданная в московскую цензуру, как уже говорилось, почти одновременно с другими сочинениями поэтов каринского (николевского) кружка, хорошо вписывается в эстетическую и идеологическую программу Горчакова, которого соблазнительно считать ее настоящим автором. Между тем этот сатирик на многие годы «пережил» глинковского приятеля-стихотворца (умер в 1824 г.).

Кто же конкретно скрывался под именем Панцербитера? Мы полагаем, что оно было не чьим-то «индивидуальным» псевдонимом, но «общей собственностью» этого литературного кружка, то есть литературной, «цеховой» маской вымышленного сочинителя веселых произведений, имевшего свою биографическую легенду и «почившего» со смертью лидера кружка Федора Карина и отставкой Сергея Глинки. «Родственниками» этого Панцербитера являются не лифляндские бароны, а вышедшие из [...] Ивана Семеновича Баркова пародийные личности, вроде созданного А.В. Олсуфьевым

⁴³ О барковианских коннотациях рифмы «балалайка — шайка» см.: [40, с. 143].

и его приятелями старообрядца Ивана Данилыча Осипова⁴⁴. От этих мнимых авторов-проказников «происходит» и благонамеренный Козьма Петрович Прутков А.К. Толстого и братьев Жемчужниковых.

Почему была выбрана для такой маски (если допустить, что это была маска) именно эта реальная немецкая фамилия? Выскажем две догадки. Возможно, что в сознании друзей-литераторов, любивших прятаться под комическими псевдонимами, вторая часть фамилии -bitter, то есть «горький», намекала на имевшего репутацию сочинителя фривольных и крамольных стихотворений Горчакова. Но более интересной и, главное, соответствующей каламбурной стихии «подпольной поэзии» представляется нам другая версия.

Обратимся еще раз к словам Глинки об отношении Карамзина к гостю-поэту: «“Was macht man auf dem Parnasus, Herr Panzerbitter?” и продолжал с ним *веселый* разговор». Похоже, что Карамзин просит своего посетителя поделиться свежими шутивными неподцензурными сочинениями, гуляющими по Москве (отсюда, видимо, и курсив в слове «веселый»). Если допустить здесь фонетическую (макароническую) игру с реальной балтийской немецкой фамилией, то в подходящем для случая барковианском контексте семантическому переосмыслению могла подвергнуться заключающая ее половинка — «битер» => «битка» (по-французски — la bitte, фаллос), то есть «Herr Panzerbitter» можно перевести как «хер бронированная битка» (или «хер, пробивающий панцирь»)⁴⁵. Сравним в рамках подобной игры более поздние стихи из барковианской трагедии в нескольких действиях «Король Бардак Пятый»:

Мечу подобный правосудья,
 Стоял мой член как генерал —
 Легко, не только что кольчугу,
 Он даже *панцирь* пробивал [32, с. 94]⁴⁶.

В этой связи слово «скромный», употребленное Бартеневым по отношению к «бывшему поэту Панцербиттеру», упоминающемуся

⁴⁴ См. об этом персонаже: [5; 42; 47].

⁴⁵ Что касается имени Панцербиттера Антон, то здесь почему-то (и совершенно анахронически) вспоминается рассказанная сыном писателя Н.С. Лескова правдивая история о художнике из крестьян по имени Антон Елдаков, который потом переименовал себя в Анатолия Ледакова. О простонародной коннотации имени Антон см.: [35, с. 186].

⁴⁶ К.Н. Красухин называет эту трагедию «шедевром абсурда» [15, с. 26]. Другое значение слова «панцирь» используется в барковской басне «Подъяческая жена и поп»: «И еть без панциря давалась».

в «поминальном» стихотворении Пушкина, Мятлева и Вяземского, можно воспринимать как шутку-намеки — покойник был, скорее, «скоромный» стихотворец.

6. Упокой во здравие

Вернемся к «Поминанию» 1833 года, написанному тремя друзьями-поэтами и адресованному четвертому. Думается, что Вяземский — хранитель предания о русской тайной поэзии, переписанной в заветный сборник Храповицкого, — неслучайно называет в зачине этого послания к Жуковскому Панцербитера «прихода нашего честным пресвитером». Это можно интерпретировать как указание на тайного, символического «родоначальника» определенной коллективной традиции, наследниками которой теперь являются поэты новой эпохи⁴⁷. Нслучайно в сопровождавшем это послание письме Вяземский пишет, что при коллективном сочинении стихов Мятлев выступил «notre chef de l'école» (главой школы) подобного рода поэзии.

Как вообще связаны эти шуточные стихи с Жуковским — признанным мастером поэтической галиматии [8; 36, с. 101–112]? Ответ на этот вопрос следует искать в самом тексте и в литературно-биографическом контексте этого послания.

Начнем с сопровождающего это стихотворение письма. В начале его Вяземский отчитывает своего друга за лень и просит, чтобы тот, «хоть бы ради великого поста», сделал «богоугодное дело» и написал ему подробно о себе: «не даром Булгарин говорит, что ты безбожник и вольнодумец, все что хочешь, но не вольнописец». Речь, скорее всего, здесь идет о жалобах Булгарина на Жуковского в III Отделение в начале 1830-х годов. Но в этих жалобах (или доносах) нет прямых обвинений поэта и воспитателя Наследника в неверии и вольнодумстве [25]. Такие обвинения, между тем, содержатся во французской записке, составленной для Николая I управляющим III Отделением М.Я. фон Фоком. В этой записке Жуковский был представлен одним из лидеров антиправительственной партии. Другим ее руководителем назван здесь Вяземский: «Литераторы, замеченные в антимонархическом направлении и в духе отрицания, сплотились в союз под руководством Жуковского и князя Вяземского. <...> Не подлежит <...>

⁴⁷ О существовании каких-то нескромных стихов Панцербитера Жуковский, очевидно, знал. Напомним, что в составе сборника Храповицкого, включавшего какие-то панцербитерские творения, было, по воспоминаниям Вяземского, и несколько эпиграмм, «разумеется, позволительных и целомудренных», которые Жуковский напечатал в «Вестнике Европы» (см. примеч. 10).

сомнению, что существует большая партия недовольных, мечтающих о перемене образа правления в России, но единомышленники распространяют свое влияние различным образом <...> однако без организационного ядра» [17, с. 488–489]⁴⁸. Еще раньше на подобные обвинения Жуковскому пришлось отвечать в неприятном разговоре с императором Николаем I (дневниковая запись 1 апреля 1830 г. о «голомойке», устроенной поэту царем)⁴⁹.

Мы полагаем, что шуточное письмо Вяземского к Жуковскому от 26 марта 1833 г. (когда конфликт с царем уже разрешился) пародирует это политическое обвинение, представляя «партию» Жуковского-Вяземского-Пушкина «школой» домашне-галиматийной коллективной поэзии под управлением Ивана Мятлева (или, как говорилось выше, «приходом» «пресвитера Панцербитера»). Невинным (на вид) манифестом такой «партийной» поэзии и является «поминальное» послание друзей-поэтов лидеру их, говоря словами Горчакова, «стихотворной шайки».

В финале письма Вяземский переводит политическую тему вольномыслия в чисто литературную сферу. Он сообщает адресату (причем, в рифму), что соавторы послания часто поминают «Василия Андреевича Жуковского и кума его Михаила Трофимовича Каченовского» (литературно-бытовая шутка: Жуковский был крестным отцом сына Каченовского — недруга Пушкина и Вяземского), и выражает надежду, что отправленный Жуковскому стихотворный «образец» воспламенит вдохновение последнего и тот не преминет «по части швейцарской составить значительное пополнение». Ссылка на «Певца» представляла главу «оппозиционной партии» (в воображении фон Фока) Жуковского своего рода отцом строящегося как «списочное» [22, с. 277] перечисление «живых и мертвых героев» жанра. В свою очередь, само стихотворение — добавили бы мы — можно назвать коллективным дружеским пасхальным посланием в Швейцарию на тему абсолютной свободы поэтического слова (вольномыслие в тех обстоятельствах трансформируется в частное — мотивированное возлияниями — галиматийное фоне-

⁴⁸ Н. Самовер не без оснований предполагает, что «консультантом» фон Фока был Булгарин [25, с. 115–116].

⁴⁹ Линия защиты поэта заключалась в том, чтобы представить себя и свой круг частным дружеским сообществом, а не политической оппозицией. Николай: «Тебя называют главою партии, защитником всех тех, кто только худ с правительством». Жуковский: «Да кто называет? Я никого не знаю! И знать не хочу; живу у себя, делаю свое дело и ни о чем постороннем не забочусь! Моя забота в том, чтобы Вы имели обо мне хорошее мнение, и Вы должны его почерпать из моей жизни, а не из того, что другие говорят обо мне» [6, с. 312–313].

тическое «вольнописание», не знающее иерархий, границ и какого бы то ни было единого смысла).

Перейдем к тексту самого послания. В нем Жуковский упоминается дважды, — не только, как отметил Н.Г. Охотин, в стихе о балладнике, но и в записанном рукою Пушкина обращении к адресату: «Надобно помянуть (особенно тебе) Арндта». Последнее имя по отношению к Жуковскому является особенно значимым.

Дело в том, что весной Жуковский находился в Швейцарии, где ему должна была быть сделана, по предписанию лейб-медика Н.Ф. Арндта, операция по излечению от острого геморроидального заболевания. Свою болезнь Жуковский считал серьезной, постоянно думал о смерти и оставил как минимум два завещания. В то же время его заболевание было объектом многочисленных шуток и каламбуров его друзей, пытавшихся и его развеселить, и себя потешить⁵⁰.

В дневнике Жуковский писал, что решение об операции, принятое им еще 22 декабря (3 января) 1832 г., наваяло на него «странное меланхолическое и приятное чувство» [6, с. 342]. Состояние его здоровья и подготовка (прежде всего психологическая) к операции, занявшая несколько месяцев, обсуждались с ближайшими друзьями⁵¹. 14 (26) марта 1833 г. Жуковский пишет Тургеневу печальное (10-летняя годовщина смерти Марии Протасовой-Мойер, воспоминания о скончавшейся в феврале 1829 г. Александре Воейковой) письмо, в котором говорит, что время поэзии для него «миновалось», оттого что его жизнь «сама по себе бесцветна и что лета уже взяли свое, то есть застудили то, что не было никогда обращено в живое пламя». В этом же письме он упрекает своего болтливую адресата за то, что тот успел уже «возблаговестить в Петербурге», что он пишет поэму, с чем Вяземский его уже и поздравляет: «Этого одного

⁵⁰ В письме к Вяземскому от 2 (14) июля 1833 г. Тургенев жаловался на Жуковского, втайне от него сделавшего опасную операцию: «Ему нож в ж., а нам в сердце от его кровавого равнодушия к этим операциям» (Архив братьев Тургеневых. Петроград, 1921. Вып. 6. Т. 1. С. 240). См. подробнее о медицинской истории Жуковского: [2].

⁵¹ Сразу после операции, состоявшейся 13 (25) июня 1833 г. и продолжавшейся всего четыре минуты, Жуковский с воодушевлением писал цесаревичу Александру Николаевичу, что «важный решительный акт» его излечения завершился удачно, и просил Наследника уведомить лейб-медиков Арндта и Крейтона об этом «хирургическом событии», ибо «действовал по их совету, и им будет приятно узнать, что все кончилось счастливо». «Теперь весело думать, — заключал Жуковский, — что еще, может быть, буду годен для того, чтобы своею жизнью принести вам хотя малую пользу» (Русский архив. 1883. №1. С. XXVI). В июле 1833 г., после повторной операции, Жуковский пишет Наследнику о том, что, по уверению его доктора, «болезнь зарезана; вечная ей память, лишь бы только не воскресла» (С. XXVII).

уже достаточно, чтоб убить мою поэму в зародыше, а до сих пор и зародыша ея».

В начале апреля Жуковский отправился с А.И. Тургеневым в короткое путешествие по Италии и вернулся летом в Веве, где ему были сделаны две успешные операции. Вообще пребыванию в Швейцарии он придавал большое значение, считая этот период «решительным» в своей судьбе. Друг и будущий зять поэта художник Герхардт фон Рейтерн написал портрет Жуковского, стоящего с сигарой (сидеть ему было трудно) у окна, выходящего на Женевское озеро.

Г. фон Рейтерн. В.А. Жуковский на берегу Женевского озера (1832)
G. von Reutern. V.A. Zhukovskii on the Banks of Lake Geneva. 1832.

Примечательно, что об этом портрете Вяземский говорит в письме, включавшем дружеское «Поминание»: «Мердер дал мне копию с портрета твоего стоячего у окна. Ради Бога, напиши. Что здоровье твое? Христос Воскресе, а пока верба хлест, бей до слез». Портрет-

ная тема представлена и в самом послании, но по отношению к изображению одного из авторов — его «курносого сиятельства» Вяземского: «И Петра Андреевича, князя Вяземского Курносого, // Оленина Стереотипа...» (имеется ввиду, по всей видимости, гравюра К. Афанасьева портрета князя Петра Андреевича, над которой он смеялся в стихотворном «Послании к А.А. Башилову при посылке портрета» (1828): «Но в свой черед мы скажем ныне: // Литографирован весь мир. // Теперь кто только нос имеет // Посередине лица, тот сплошь // Его прославить не робеет, // Хотя будь нос и нехорош. // Не мудрено тут вывести справку: // Взойти в кондитерскую лавку // Иль в лавку к Сленину — кругом // Висят бессмертья кандидаты...»).

В этом контексте пасхальное послание к Жуковскому можно считать не просто галиматийным (в духе самого адресата) «домашним», «пост-арзамасским» текстом, но своего рода призывом впавшего в меланхолию друга к творческому воскресению (и завершению долгожданной швейцарской поэмы), поэтическим утешением и развлечением, имплицитно включающим в себя «авторизованную» тему телесного низа (вообще юмор издавна считался эффективным средством борьбы с геморроидальной тоской) и ассоциацию с «вольнописной» неподцензурной традицией дедовских времен. Можно сказать, что открывающее послание имя *нескромного* поэта-пресвитера Панцербитера, рифмующееся с немецким купцом Риттером, славным российским кондитером Резановым, всеми православными христианами города Санкт-Петербурга и «покойником» Юпитером (интересно, богом или каким-нибудь реальным лицом с этим латинским именем?), оказывается своеобразным музыкальным ключом к этой разворачивающейся *crescendo* антропонимической глоссалалии с неожиданными проблесками игривого смысла.

7. «Седьмая часть»

Под таким (подмигивающим) углом зрения в тексте коллективного «Поминания» раскрываются некоторые⁵² прячущиеся за фамилиями упомянутых в нем лиц игривые аллюзии. Обратим внимание лишь на две из них. Вяземский в записанной им части стихотворения поминает:

⁵² Подчеркнем, что мы вовсе не стремимся к «сплошной» семантизации этого абсурдистского текста, подчиняющегося прежде всего ритмико-фонетической «логике». В то же время внутри этого звукового потока (используя выражение поэта, «праздника носоглотки») особенно выпукло проявляются неожиданные смысловые «вкрапления» — аллюзии и шутки.

Всех членов старшего и младшего дома Бурбонова,
И супруга Беррийского неизвестного, оного,
Камер-юнкера Загряжского,
Уездного заседателя города Рязского...

П.И. Бартенев в комментарии ко второму стиху указал, что он содержит намек на скандал с вдовой герцога Беррийского, объявившей о своей беременности от некоего итальянца. Это наблюдение следует расширить, вписав его в общий политический контекст шуток Вяземского, поминающего здесь всех членов старшего и младшего домов Бурбонов. Речь идет о крупном политическом кризисе Июльской монархии — роялистском восстании, поднятом Марией Каролиной Неаполитанской (Бурбон-Сицилийской), герцогиней Беррийской (1798–1870), попытавшейся поставить на французский престол своего сына, короля «Генриха V».

Восстание легитимистов в Марселе, начавшееся 30 апреля 1832 г. при известии о прибытии герцогини с сыном во Францию, было быстро подавлено. Герцогиня бежала в Вандею, где объявила себя регентшей (среди участников восстания был камер-паж герцогини Жорж Дантес — фиаско переворота в итоге и привело этого «шуана» в Россию). Осенью того же года герцогиня была арестована, и в январе 1833 г. стало известно, что она ждет ребенка (отсюда в послании «неизвестного, оного»). Через месяц она назвала отцом итальянского маркиза Луккези Палли, с которым тайно обвенчалась в Италии. Репутация «регентши» в глазах легитимистов была уничтожена. Над горем этой вдовушки стала смеяться вся Европа, ибо из претендентки на французский престол она сразу превратилась в «обычную» итальянскую маркизу-авантюристку.

Этот сексуально-исторический скандал Вяземский вплетает в аллюзионную ткань послания (чуть раньше он поминает «бывшего французского короля Десвитского», то есть покойного Людовика XVIII⁵³, рифмующегося с бывшим, но еще живым, варшавским комендантом М.И. Левицким, и незадачливого сторонника абсолютизма, короля-регента дона Мигуэля португальского, попадающего в комическую рифменную обойму с «русским Вальтером Скоттом» писателем Масальским и городничим губернского города Мосальска).

⁵³ В своих «Записках» Ф.Ф. Вигель приводил слова русского солдата о «Лудовике XVIII»: «Ну, что твой Дизвитов (так называли они Короля), хорош гусь! ну на что он похож? <...> Ведь наш государь посадил его на престол, да и велел Французам его слушаться, а без того они бы на него и глядеть не захотели. То ли дело Бонапарт». Имя Вигеля также включено в «Поминание».

Более того, с легкостью необыкновенной сочинители этого раешного «памятования» перескакивают от несвоевременно забеременевшей герцогини Беррийской к какому-то камер-юнкеру Загряжскому. Речь, как мы думаем, идет о камер-юнкере Борисе Михайловиче Загряжском, женатом на Анастасии Ивановне Бибитинской и скончавшемся в 1825 году. Он не был лицом историческим, но, по словечку Гоголя, попал в одну пикантную историю, хорошо известную «арзамасскому братству». В одном из писем к А. Бестужеву по поводу «Полярной звезды» Вяземский сообщал, что этому Загряжскому «отрезали шесть седьмых благороднейшего <...> и Неелов говорит, что жене его оставлена часть седьмая». Эту операцию князь сравнивает с вмешательством цензуры в его собственные творения: «И я также вышел из рук цензоров с одною законною частью. Но вы поступили со мною незаконно, выпустив меня на позор несчастным скопцом»⁵⁴.

Видимо, в этом коллективном послании были и другие «кружковые» антропонимические аллюзии, среди которых мы можем распознать лишь малую толику (хорошо, если *седьмую часть*). Так, Пушкин, буквально накануне начавший работу над будущей «Историей Пугачевского бунта», в «своей» части стихотворения поминает «карманный грош князя Григория Волконского // И уж Александра Македонского», которого «не обойдешь, не объедешь». Мы затрудняемся точно установить, в чем именно соль этой шутки (уж не уд ли прячется здесь под ужом и грошом?), но подозреваем, что Пушкин прежде всего отсылает адресата к анекдотическому образу бывшего оренбургского губернатора князя Григория Сергеевича Волконского (отца декабриста), который славился эксцентричными поступками, ходил в худом рубище, в изодранных сапогах, желтых портках и белой байковой фуфайке:

Иногда в таком странном наряде надевает и ордена. В полдни, за городом, ложится между навозными кучами спать, а ночью начлег имеет на валу и всегда сопровождаем бывает мужиками, ребятами и нищими,

⁵⁴ Русская старина. 1888. № 11. С. 323–324. Скабрзная шутка «истинного поэта в своем роде» Неелова здесь оказывается еще и кощунственной. Ср., например: «Бог дал человеку шесть дней времени для исполнения дел настоящей жизни и для удовлетворения нуждам житейским, и оставил Себе только одну седьмую часть» (Поучительныя слова на катихизис православной церкви, говоренныя Архиепископом Иринархом. В 4 ч. Ч. 1. Москва: Университетская типография, 1868. С. 43).

из коих иным дает деньги, а иным, поднимая с земли камня, нередко вынимает из кармана образ.

«При всей своей таковой набожности», Волконский был превеликим охотником «до кумызу» и волочился за женщинами, «хотя с лишком семьдесят ему уже лет». Странности богомольного Волконского объясняли стремлением подражать А.В. Суворову или просто контузией в голову, полученной в одном из сражений⁵⁵. Наконец, рифмующийся с Волконским «вездесущий» Македонский, скорее всего, отсылал не только к великому полководцу древности, но и к скромному российскому чиновнику Алексею Петровичу Македонскому (потом оренбургскому вице-губернатору).

Замечательно, что коллективное «Поминание» завершается (по крайней мере, в известной редакции) не просто обращением к адресату, но ироническим пуантом — характерным для «арзамасского братства» дружеским подтруниванием над автором «ужасных» баллад, венцом деятельности которого в этом роде стал выход двухчастных «Баллад и повестей» в 1831 году:

Надобно помянуть
Жуковского балладника
И Марса, питерского помадника.

Марс здесь, конечно же, не античный бог, а владелец славившегося своими духами и помадами косметического магазина в доме Сутгофа на Невском проспекте в Петербурге⁵⁶. Примечательно, что слово «помада» ранее использовалось Вяземским для критики искусственно-приукрашенной поэзии его друга (ср.: «Как ни сказано пиитически, а все-таки помада!»).

Таким образом, текст квази-фольклорного антропонимического послания к классику галиматийного жанра Жуковскому вбирает

⁵⁵ Заметим, что оренбургская традиция связывала с Волконским происхождение известной «татарской» присказки «старам стала плохам». Как вспоминал И.С. Листовский (со слов Г.Г. Благушиной, муж которой служил при князе), в 1820-е престарелый военный губернатор объявил на смотре башкиро-мещерякскому войску о том, что собирается на покой: «"Прощайте ребята! Я послужил с вами довольно: теперь меня Царь к себе требует". "Ну, прощай, бачка, ваше сиятельство!" Добродушно отвечают башкирцы. "Ну, что же, пора! пора! Стара стала, глупа стала, ум кончал"» (Русский архив. 1882. № 1. С. 180). Эту присказку любили использовать Вяземский (несколько раз в поэзии) и Пушкин. Правда, Вяземский считал, что ее происхождение связано с князем Мещерским, а не Волконским.

⁵⁶ *Пушкарев Иван*. Описание Санктпетербурга и уездных городов С. Петербургской губернии. СПб., 1840. Т. 3. С. 96. О «помаде и духах Марса» — с. 10.

в себя характерные для русской традиции шутовской коллективной поэзии политические (поминки по европейскому ультра-роялизму), эротические, литературные и бытовые аллюзии и «цеховые» намеки, направленные на то, чтобы рассмешить, приободрить и «пробудить» приунывшего вожда арзамасской дружины.

Иначе говоря, с историко-литературной точки зрения (та самая «память жанра», о которой писал Бахтин), шуточный призыв авторов послания «Надо помянуть...» к Жуковскому можно сформулировать не как *memento mori*, но как *memento Panzerbitter*.

* * *

В заключение заметим, что Вяземский, говоря о «вдохновительной» силе этого образцового поминального послания, глядел как в воду. Испытанная в стихотворении, впервые опубликованном в 1880 г., «упоминательная клавиатура» (выражение О.Э. Мандельштама) оказалась пригодной для дальнейшего пользования. Уже в 1888 г. появляется шуточная имитация этого послания, озаглавленная «Архитектурное поминание»:

Надо будет помянуть —
 Помянуть нам зодчих нужно:
 – Князя Дмитрия Ухтомского,
 Древне зодчего московского
 При Сенатской Экспедиции —
 Надо, надо будет помянуть.
 Академика болонского,
 Переводчика Витрувия и т. д.

А в годы первой русской революции по рукам рабочих фабрики бывших Карзинкиных ходили стихи:

Товарищи, надо помянуть, непременно помянуть надо:
 Директора Грязнова,
 О себе много нящего
 и в нужды наши не входящего;
 Никифорова брюхатого,
 Муравьева плутоватого
 И хромого Бабаева.
 Надо помянуть, товарищи, нельзя не помянуть:
 Помощника управляющего Соколова,

Бухгалтера Швырева
 И грызлу Лихачева.
 И всех наших угнетателей
 Помяни, господи, во царствии твоём⁵⁷.

По иронии судьбы, бывший «мнимый поэт» XVIII века Панцербитер, намекавший Жуковскому о *веселой* (фривольной и крамольной) литературной традиции, трансформировался в сатирической «подпольной» поэзии начала XX века в образ реального директора-эксплуататора⁵⁸, а жанр дружеского утешения и развлечения — в политический агитационный раек в духе Демьяна Бедного (Придворова).

Пользуясь случаем, мы хотим поблагодарить за консультации Альтшуллера Марка Григорьевича, Проскурина Олега Анатольевича, его жену Веру за помощь личную, еще одну Веру Аркадьевну Мильчину, библиографа Харламову из СПТБ, С.В. Корицунову (спасибо тебе!), Кирилла Юрьевича Зубкова, Андрея Ивановича Серкова, Сергея Игоревича Панова, И.И. Федюкина, автора «Е <.....>ы» Кукина, друзей наших Люстрова и Балакина, коллег Майкла Вахтеля и Сергея Ушакина, французского филолога Строева Александра, американского историка Мартина тоже Александра, Игоря Владимировича Немировского, тени Баркова, Орлова, Гуковского, Наталью Николаевну Мазур любезную, Екатерину Эдуардовну Лямину не менее любезную и полезную, а также русской скоромной поэзии Пимена – ну, вы сами знаете, кого именно.

Список литературы

1. *Акельев Е.В.* Городская преступна среда и опыт борьбы с ней в России и Франции первой половины XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2009. 366 с.
2. *Виницкий И.Ю.* Жуковский и Гоголь. (Из истории одного места) // Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel / ed. by Lazar Fleishman, David M. Bethea and Ilya Vinitisky. Berlin: Peter Lang, 2020. С. 171–183.

⁵⁷ Ярославская колотушка. 1906. №7.

⁵⁸ Речь идет об управляющем Ярославской большой мануфактурой Алексее Флегонтовиче Грязнове, предпринявшем в период революционных событий 1905 г. попытку предотвратить забастовки с помощью некоторых уступок рабочим. Его деятельность осуждалась большевиками как «забота надсмотрщика о здоровом скоте» и «фактор, тормозивший выступления рабочих на одном из крупнейших ярославских предприятий» [38, с. 57].

3. *Виноградов В.В.* Неизвестные заметки Пушкина в «Литературной газете» 1830 г. // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Вып. 4–5. С. 453–476.
4. *Вяземский П.А.* Полное собрание сочинений / издание гр. С.Д. Шереметева. СПб., 1878–1896.
5. *Гардзонио Ст.* «Цикл об Иване Даниловиче» в исследовании М.М. Никитина: (Замечания к предварительной публикации сочинений А.В. Олсуфьева) // Study Group on Eighteenth Century Russia. Newsletter. 1992. No 20. P. 44–60.
6. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 13: Дневники. 1804–1833 / сост. и ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. 608 с.
7. *Зыкова Г.В.* Атрибуция некоторых текстов И.И. Дмитриева, В.А. Жуковского, П.А. Вяземского и М.Т. Каченовского в «Вестнике Европы» 1800–1810-х гг. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1994. № 2. С. 42–47.
8. *Иезуитова Р.В.* Шутливые жанры в поэзии Жуковского и Пушкина 1810-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982. Т. 10. С. 22–47.
9. *Илизаров С.С.* Московская интеллигенция XVIII века. М.: Янус-К, 1999. 369 с.
10. *Илюшин А.А.* Ярость праведных. Заметки о непристойной русской поэзии XVIII–XIX вв. // Литературное обозрение 1991. №11. С. 7–14.
11. *Кошелев В.А.* Пушкин: история и предание. Очерки. СПб.: Академический проект, 2000. 359 с.
12. *Кукушкина Е.Д.* Густав III в русской литературе XVIII века // XVIII век. СПб.: Наука, 2008. Сб. 25. С. 64–94.
13. *Левинтон Г.* Заметки о «Пушкине» // И время и место. Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Ошвата. М.: Новое издательство, 2008. С. 523–553.
14. *Левинтон Г.А., Охотин Н.Г.* «Что за дело им — хочу...»: О литературных и фольклорных источниках сказки А.С. Пушкина «Царь Никита и 40 его дочерей» // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 28–35.
15. «Летите, грусти и печали...» Неподцензурная русская поэзия XVIII–XIX вв. / сост. К.Г. Красухин. М.: Littera, 1992. 224 с.
16. *Мартынов И.Ф.* У истоков русской фривольной поэзии: «Декамерон» Дж. Боккаччо в России XVIII века // Ricerche slavistiche. 1982/1984. Vol. 29/31. P. 153–175.
17. *Медведев М.М.* Грибоедов под следствием и надзором // Литературное наследство. М., 1956. Т. 60: Декабристы-литераторы. Ч. II. Кн. 1. С. 475–496.
18. *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / пер. с английского. СПб.: Искусство–СПБ, Набоковский фонд, 1998. 928 с.
19. Неизданная статья А.А. Фета о романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» / публ. и комм. Г. Волкова. // Литературное наследство. М., 1936. Т. 25–26. С. 477–544.
20. *Перетц В.Н.* Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. СПб.: Имп. АН, 1903. 24 с. + 570 с.
21. Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX века / изд. подготовила Г.В. Ермакова-Битнер. Л.: Советский писатель, 1959. 754 с. (Библиотека поэта).
22. Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб.: Нестор-История, 2017. Вып. 3: Л–О. 640 с.

23. Русская демократическая сатира XVII века / мзд. подготовила В.П. Адриано-нова-Перетц. Изд. 2-е. М.: Наука, 1977. 254 с. (Лит. памятники).
24. *Саитов В.И.* Федор Григорьевич Карин, один из малоизвестных писателей второй половины XVIII в. СПб.: Типография Штейна, 1893. 23 с.
25. *Самовер Н.В.* «Не могу покорить себя ни Булгариним, ни даже Бенкендорфу...» Диалог В.А. Жуковского с Николаем I в 1830 году // Лица. Биографический альманах. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1995. С. 87–119.
26. *Серков А.И.* Русское мasonicство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1224 с.
27. *Серман И.З.* Из истории литературной борьбы 60-х годов XVIII века (Неизданная комедия Федора Эмина «Ученая шайка») // XVIII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Сб. 3. С. 207–225.
28. Словарь русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1988. Вып. 1: А–И. 358 с.
29. *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания / изд. подготовила С.В. Житомирская. М.: Наука, 1989. 790 с.
30. *Степанов В.П.* Неизданные произведения Д.П. Горчакова // XVIII век. Л.: Наука, 1989. Сб. 16. С. 110–129.
31. *Степанов В.П.* Полемика вокруг Д.И. Фонвизина в период создания «Недоросля» // XVIII век. Л.: Наука, 1986. Сб. 15. С. 204–229.
32. Три века поэзии русского Эроса: публикации и исследования / сост. А. Щуплов, А. Илюшин. М.: Пять вечеров, 1992. 160 с.
33. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
34. *Тынянов Ю.Н.* Пушкин. М.: Книга, 1984. 430 с.
35. *Успенский Б.А.* Избранные труды. М.: Гнозис, 1994. Т. II: Язык и культура. 688 с.
36. *Фрайман Т.* Творческая стратегия и поэтика В.А. Жуковского (1800-е – начало 1820-х годов). Тарту, 2002. (Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis. 10). URL: <https://www.ruthenia.ru/document/532393.html> (дата обращения 03.05.2020).
37. *Шарыпкин Д.М.* Скандинавская литература в России. Л.: Наука, 1980. 322 с.
38. *Шильникова И.В.* «Как фабриками нужно управлять»: деятельность управляющего Ярославской Большой Мануфактурой А.Ф. Грязнова (1898–1917 гг.) // Экономическая история. Обзорение. М.: МГУ, 2006. Вып. 12. С. 56–70.
39. *Шанир М.И.* Из истории русского «балладного стиха»: Пером владеет как елкой // Russian Linguistics. 1993. Vol. 17. No. 1. P. 57–84.
40. *Шруба М.* Барков и Майков // Новое литературное обозрение. 1996. № 14. С. 139–144.
41. *Шруба М.* «Девичья игрушка» и французские сборники фривольной поэзии XVIII века // Новое литературное обозрение. 2003. № 60 (2). С. 407–424.
42. *De Michelis C.G.* La satira ai Vecchio-credenti nel ciclo di Olsufev // Le minoranze come oggetto di satira. Padova, 2001. Vol. 1. P. 94–105.
43. *Morin N.* Bestiaire poitevin: expression traditionnelle, expression contemporaine. Praheq: Edition U.P.C.P., Geste paysanne, [1984]. 352 p.
44. *Schruba M.* К специфике барковианы на фоне французской порнографии // Eros and Pornography in Russian Culture. Эрос и порнография в русской культуре / под ред. М. Левитта и А. Топоркова. М.: Ладомир, 1999. С. 200–218.
45. *Schruba M.* Русская obscene эпиграмма XVIII века (переводы с французского) // Russian Literature. 2002. Vol. 52. No1–3. P. 161–180.

46. *Stewart P., Barron William M.* Engraven Desire: Eros, Image & Text in the French Eighteenth Century. Duke University Press, 1992. 380 p.

47. *Sulpasso B.* Una “confessione di Fede” nella letteratura libertina russa: la satira ai vecchi credenti nel ciclo di Olsufev. Roma, 2005. 340 p.

48. *Zitser Ernest A.* A Full-Frontal History of the Romanov Dynasty // *The Russian Review*. 2011. Vol. 70. No 4. P. 557–583.

Статья поступила в редакцию: 14.07.2020

Одобрена после рецензирования: 08.10.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Research Article

Herr Panzerbitter: An Episode From the History of Russian Collaborative Poetry From the Late 18th Through the First Third of the 19th Century

© 2020. Ilya Iu. Vinitzky

Princeton University, Princeton, USA

Abstract: The present article analyzes a playful collective poem “Commemoration” (“We have to commemorate certainly and for sure..”, 1833) which was co-authored by Petr Vyazemsky, Alexander Pushkin and Ivan Myatlev and addressed to their friend, one of the founders of Russian nonsense poetry, Vasily Zhukovsky. The article focuses on the name of “the former poet Panzerbitter, the venerable elder of our parish,” which opens the epistle, and argues that it serves as the interpretative key to the entire text. Who was this poet who has been left unnoticed by all compilers of dictionaries of Russian writers of the 18th century? Was he a real person? What does his name signify and why did the authors of the playful epistle start their commemorative missive to Zhukovsky with the reference to this “Herr”? The author reconstructs the “corpus of literary works” attributed to Panzerbitter, including the text of the unpublished play *Five Thousand Roubles*, and analyzes the allusive semantics and the pragmatics (a mischievous poetic consolation of Zhukovsky and parodic “wake” for ultra-royalism) of the “Commemoration,” considering the latter in the context of Russian frivolous “underground” poetry of the late 18th and early 19th centuries.

Keywords: collective poetry; 18th century frivolous (“underground”) poetry; literary mystifications; Petr Viazemskii; Alexander Pushkin; Ivan Miatlev; Vasily Zhukovsky; Nikolai Karamzin; Fedor Glinka; Dmitry Gorchakov.

Information about the author: Ilya Iu. Vinitzky, DSc in Philology, Professor, Princeton University, Princeton, USA. E-mail: vinitzky@princeton.edu.

For citation: Vinitsky, I. Yu. “Herr Panzerbitter: An Episode From the History of Russian Collaborative Poetry From the Late 18th Through the First Third of the 19th Century.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 260–298. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-4-260-298>

References

1. Akel'ev, E.V. *Gorodskaya prestupnaya sreda i opyt bor'by s nei v Rossii i Frantsii pervoi poloviny XVIII veka: dis. ... kand. ist. nauk.* [The Urban Criminal Environment and the Attempt of Fighting Against It in Russia and France in the First Half of the 18th Century: PhD Thesis]. Moscow, RGGU Publ., 2009. 366 p. (In Russ.)
2. Vinitsky, I.Iu. “Zhukovskii i Gogol'. (Iz istorii odnogo mesta)” [“Zhukovsky and Gogol. (From the History of a Place)”]. *Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*, ed. by Lazar Fleishman, David M. Bethea and Ilya Vinitsky. Berlin, Peter Lang Publ., 2020, pp. 171–183. (In Russ.)
3. Vinogradov, V.V. “Neizvestnye zametki Pushkina v ‘Literaturnoi gazete’ 1830 g.” [“Unknown Notes by Pushkin in the ‘Literaturnaya Gazeta’ of 1830”]. *Pushkin. Vremennik Pushkinskoi komissii* [Pushkin. Chronicle of the Pushkin Commission], issue 4–5. Moscow, Leningrad, 1939, pp. 453–476. (In Russ.)
4. Viazemskii, P.A. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], published by Count S.D. Sheremetev. St. Petersburg, 1878–1896.. (In Russ.)
5. Gardzonio, St. “‘Tsikl ob Ivane Daniloviche’ v issledovanii M.M. Nikitina: (Zamechaniia k predvaritel'noi publikatsii sochinenii A.V. Olsuf'eva)” [“Cycle About Ivan Danilovich’ in of M.M. Nikitin’s Study: (Notes on the Preliminary Publication of A.V. Olsufiev’s works)”]. *Study Group on Eighteenth Century Russia. Newsletter*, no. 20, 1992, pp. 44–60. (In Russ.)
6. Zhukovskii, V.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols.], vol. 13, comp. and ed. by O.B. Lebedeva, A.S. Yanushkevich. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 608 p. (In Russ.)
7. Zykova, G.V. “Atributsiia nekotorykh tekstov I.I. Dmitrieva, V.A. Zhukovskogo, P.A. Viazemskogo i M.T. Kachenovskogo v ‘Vestnike Evropy’ 1800–1810-kh gg.” [“Attribution of Some Texts by I.I. Dmitriev, V.A. Zhukovsky, P.A. Vyazemsky and M.T. Kachenovsky from the ‘Vestnik Evropy’ of 1800–1810s”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, no. 2, 1994, pp. 42–47. (In Russ.)
8. Iezuitova, R.V. “Shutlivye zhanry v poezii Zhukovskogo i Pushkina 1810-kh godov” [“Joking Genres in the Poetry of Zhukovsky and Pushkin of the 1810s”]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy* [Pushkin: Studies and Materials], vol. 10. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 22–47. (In Russ.)
9. Ilizarov, S.S. *Moskovskaya intelligentsiia XVIII veka* [Moscow Intelligentsia of the 18th Century]. Moscow, Ianus-K Publ., 1999. 369 p. (In Russ.)
10. Iliushin, A.A. “‘Iarost’ pravednykh. Zametki o nepristoinoi russkoi poezii XVIII–XIX vv.” [“The Wrath of the Righteous. Notes on Obscene Russian Poetry of the 18th–19th centuries”]. *Literaturnoe obozrenie*, no. 11, 1991, p. 7–14. (In Russ.)
11. Koshelev, V.A. *Pushkin: istoriia i predanie. Ocherki* [Pushkin: History and Legend. Essays]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000. 359 p. (In Russ.)

12. Kukushkina, E.D. "Gustav III v russkoi literature XVIII veka" ["Gustav III in Russian Literature of the 18th Century"]. *XVIII vek [18th Century]*, vol. 25. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 64–94. (In Russ.)
13. Levinton, G. "Zametki o 'Pushkine'." ["Notes on 'Pushkin'."]. *I vremia i mesto. Istoriko-filologicheskii sbornik k shestidesiatiletiu Aleksandra L'vovicha Ospovata [The Right Time, the Right Place. Historical and Philological Collection for the 60th Anniversary of Alexander Lvovich Ospovata]*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2008, pp. 523–553. (In Russ.)
14. Levinton, G.A., Okhotin, N.G. "‘Chto za delo im — khochu...’: O literaturnykh i fol'klornykh istochnikakh skazki A.S. Pushkina ‘Tsar’ Nikita i 40 ego docherei’." ["What is it to them? — I want to...’: On Literary and Folklore Sources of A.S. Pushkin’s Fairy Tale ‘Tsar Nikita and his 40 daughters’"]. *Literaturnoe obozrenie*, no. 11, 1991, pp. 28–35. (In Russ.)
15. "Letite, grusti i pechali..." *Nepodsensurnaia russkaia poeziia XVIII–XIX vv.* ["Fly Away, Sadness and Sorrow..."] *Uncensored Russian Poetry of the 18th–19th Centuries*, comp. K.G. Krasukhin. Moscow, Littera Publ., 1992. 224 p. (In Russ.)
16. Martynov, I.F. "U istokov russkoi frivol'noi poezii: ‘Dekameron’ Dzh. Bokkachcho v Rossii XVIII veka" ["On the Origins of Russian Frivolous Poetry: ‘The Decameron’ by G. Boccaccio in Russia of the 18th Century"]. *Ricerche slavistiche*, vol. 29/31, 1982/1984, pp. 153–175. (In Russ.)
17. Medvedev, M.M. "Griboedov pod sledstviem i nadzorom" ["Griboyedov Under Investigation and Supervision"]. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 60: Dekabristy-literatory [Decembrists-Writers], part II, book 1. Moscow, 1956, pp. 475–496. (In Russ.)
18. Nabokov, V.V. *Kommentarii k romanu A.S. Pushkina ‘Evgenii Onegin’ [Commentary on the novel by A.S. Pushkin ‘Eugene Onegin’]*, trans. from English. St. Petersburg, Iskusstvo–SPB Publ., Nabokovskii fond Publ., 1998. 928 p. (In Russ.)
19. "Neizdannaiia stat'ia A.A. Feta o romane N.G. Chernyshevskogo ‘Chto delat?’." ["Unpublished Article by A.A. Fet About N.G. Chernyshevsky’s Novel ‘What Is to Be Done?’."], published and comm. by G. Volkov. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 25–26. Moscow, 1936, pp. 477–544. (In Russ.)
20. Peretts, V.N. *Pamiatniki russkoi dramy epokhi Petra Velikogo [Monuments of Russian Drama From the Era of Peter the Great]*. St. Petersburg, Imp. AN Publ., 1903. 24 p. + 570 p. (In Russ.)
21. *Poety-satiriki kontsa XVIII — nachala XIX veka (Biblioteka poeta) [Poets-Satirists of the Late 18th — Early 19th Century]*, prep. by G.V. Ermakova-Bitner. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1959. 754 p. (In Russ.)
22. *Pushkinskaia entsiklopediia: Proizvedeniia [Pushkin Encyclopedia: Works]*, issue 3. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017. 640 p. (In Russ.)
23. *Russkaia demokraticheskaia satira XVII veka [Russian Democratic Satire of the 17th Century]*, 2nd ed., prep. by V.P. Adrianova-Peretts. Moscow, Nauka Publ., 1977. 254 p. (In Russ.)
24. Saitov, V.I. *Fedor Grigor'evich Karin, odin iz maloizvestnykh pisatelei vtoroi poloviny XVIII v. [Fyodor Grigorievich Karin, One of the Little-Known Writers of the Second Half of the 18th Century]*. St. Petersburg, Tipografia Shteina Publ., 1893. 23 p. (In Russ.)
25. Samover, N.V. "‘Ne mogu pokorit' sebia ni Bulgarinym, ni dazhe Benkendorfu...’ Dialog V.A. Zhukovskogo s Nikolaem I v 1830 godu" ["‘I Cannot Conquer Myself Neither by Bulgarin, Nor Even by Benckendorff...’ V.A. Zhukovsky’ Dialogue with Nicholas I in 1830"]. *Litsa. Biograficheskii al'manakh [Faces. Biographical Almanac]*. Moscow, St. Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1995, pp. 87–119. (In Russ.)

26. Serkov, A.I. *Russkoe masonstvo. 1731–2000: Entsiklopedicheskii slovar'* [*Russian Freemasonry. 1731–2000: Encyclopedic Dictionary*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 1224 p. (In Russ.)
27. Serman, I.Z. "Iz istorii literaturnoi bor'by 60-kh godov XVIII veka (Neizdannaiia komediia Fedora Emina 'Ucheniia shaika')" ["From the History of Literary Struggle of the 1760s (Fyodor Emin's Unpublished Comedy 'The Scientific Gang')"]. *XVIII vek [18th Century]*, vol. 3. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958, pp. 207–225. (In Russ.)
28. *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka* [*Dictionary of Russian Authors of the 18th Century*], issue 1. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 358 p. (In Russ.)
29. Smirnova-Rosset, A.O. *Dnevnik. Vospominaniia* [*Diary. Memoirs*], prep. by S.V. Zhitomirskaya. Moscow, Nauka Publ., 1989. 790 p. (In Russ.)
30. Stepanov, V.P. "Neizdannye proizvedeniia D.P. Gorchakova" ["D.P. Gorchakov's Unpublished Works"]. *XVIII vek [18th Century]*, vol. 16. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 110–129. (In Russ.)
31. Stepanov, V.P. "Polemika vokrug D.I. Fonvizina v period sozdaniia 'Nedoroslia.'" ["The Controversy Around D.I. Fonvizin During the Creation of 'The Minor'"]. *XVIII vek [18th Century]*, vol. 15. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 204–229. (In Russ.)
32. *Tri veka poezii russkogo Erosa: publikatsii i issledovaniia* [*Three Centuries of Russian Erotic Poetry: Publications and Studies*], comp. A. Shchuplov, A. Iliushin. Moscow, Piat' vecherov Publ., 1992. 160 p. (In Russ.)
33. Tynianov, Iu.N. *Poetika. Istoriia literatury. Kino* [*Poetics. Literary History. Cinema*]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 574 p. (In Russ.)
34. Tynianov, Iu.N. *Pushkin*. Moscow, Kniga Publ., 1984. 430 p. (In Russ.)
35. Uspenskii, B.A. *Izbrannye trudy* [*Selected Works*], vol. II. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 688 p. (In Russ.)
36. Fraiman, T. *Tvorcheskaia strategii i poetika V.A. Zhukovskogo (1800-e – nachalo 1820-kh godov)* [*Creative Strategy and Poetics of V.A. Zhukovsky (1800s – early 1820s)*]. Tartu, 2002. Available at: <https://www.ruthenia.ru/document/532393.html> (Accessed 03 May 2020). (In Russ.)
37. Sharypkin, D.M. *Skandinavskaiia literatura v Rossii* [*Scandinavian Literature in Russia*]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 322 p. (In Russ.)
38. Shil'nikova, I.V. "Kak fabrikami nuzhno upravliat': deiatel'nost' upravliaiushchego Iaroslavskoi Bol'shoi Manufakturoi A.F. Griaznova (1898–1917 gg.)" ["How Factories Need to Be Managed': the Activities of the Manager of the Yaroslavl Big Manufactory A.F. Gryaznov (1898–1917)"]. *Ekonomicheskaiia istoriia. Obozrenie* [*Economic History. Review*], issue 12. Moscow, MGU Publ., 2006, pp. 56–70. (In Russ.)
39. Shapir, M.I. "Iz istorii russkogo 'balladnogo stikha': Perom vladeet kak eldoi" ["From the History of Russian 'Ballad Verse': He Wields the Pen As Good As His Prick"]. *Russian Linguistics*, vol. 17, no. 1, 1993, pp. 57–84. (In Russ.)
40. Shrubina, M. "Barkov i Maikov" ["Barkov and Maykov"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 14, 1996, pp. 139–144. (In Russ.)
41. Shrubina, M. "'Devich'ia igrushka' i frantsuzskie sborniki frivol'noi poezii XVIII veka" ["'Girl's Toy; and French Collections of Frivolous Poetry of the 18th Century"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 60 (2), 2003, pp. 407–424. (In Russ.)
42. De Michelis, C.G. La satira ai Vecchio-credenti nel ciclo di Olsufev. *Le minoranze come oggetto di satira*, vol. 1. Padova, 2001, pp. 94–105. (In Italian)
43. Morin, N. *Bestiaire poitevin: expression traditionnelle, expression contemporaine. Praheq: Edition U.P.C.P. Geste paysanne*, 1984. 352 p. (In French)

44. Schrubba, M. “K spetsifike barkoviany na fone frantsuzskoi pornografii” [“On the Specifics of Barcovianism Against the Background of French Pornography”]. *Eros and Pornography in Russian Culture. Eros i pornografiia v russkoi kul'ture*, ed. by M. Levitt and A. Toporkov. Moscow, Ladomir Publ., 1999, pp. 200–218. (In Russ.)

45. Schrubba, M. “Russkaia obstsennaia epigramma XVIII veka (perevody s frantsuzskogo)” [“Russian Obscene Epigram of the 18th century (Translations from French)”]. *Russian Literature*, vol. 52, no. 1–3, 2002, pp. 161–180. (In Russ.)

46. Stewart P., Barron William, M. *Engraven Desire: Eros, Image & Text in the French Eighteenth Century*. Duke University Press Publ., 1992. 380 p. (In English)

47. Sulpasso, B. *Una “confessione di Fede” nella letteratura libertina russa: la satira ai vecchi credenti nel ciclo di Olsufev*. Roma, 2005. 340 p. (In Italian)

48. Zitser, Ernest A. A Full-Frontal History of the Romanov Dynasty. *The Russian Review*, vol. 70, no. 4, 2011, pp. 557–583. (In English)

The article was submitted: 14.07.2020

Approved after reviewing: 08.10.2020

Date of publication: 25.12.2020

«Злодей Алаев» (Из комментариев к переписке И.А. Гончарова)

© 2020, А.Ю. Балакин

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются письма И.А. Гончарова к его сестре Анне Александровне (в замужестве Музалевской) и разбирается эпизод банкротства ее семьи в результате того, что Музалевские передали большую часть своих денег в руки земляка, «некоего Алаева», который оказался мошенником. Ранее этого человека знали только по фамилии, а сам эпизод банкротства не был раскрыт. Автор статьи привлекает материал Адрес-календарей, Памятных книг Симбирской губернии и других справочных изданий, архивные документы, на основании которых восстанавливает биографию Семена Алаева и подробно излагает историю его мошеннических действий. Впервые вводимые в научный оборот факты несомненно будут востребованы комментаторами как переписки Гончарова, так и мемуарных свидетельств о нем.

Ключевые слова: И.А. Гончаров; переписка писателя; научный комментарий; семейные имущественные отношения; биографии русских писателей 19 века.

Информация об авторе: Алексей Юрьевич Балакин — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: balakin@inbox.ru.

Для цитирования: Балакин А.Ю. «Злодей Алаев» (Из комментариев к переписке И.А. Гончарова) // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 300–311. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-300-311>

Писем И.А. Гончарова к своим сестрам Александре Александровне (в замужестве Кирмаловой, 1815–1896) и Анне Александровне (в замужестве Музалевской, 1818–1902) сохранилось немного. Конечно, часть переписки была утрачена, но и сохранившиеся письма свидетельствуют, что она едва ли была глубокой и интенсивной. Ни своего старшего брата, ни сестер Гончаров никогда не считал

духовно близкими себе людьми. Хотя до определенного времени он поддерживал переписку с ними, хлопотал за племянников и давал им советы, но очевидно с возрастом эти родственные отношения стали его все больше и больше тяготить: в поздних письмах в его отзывах о родственниках, и особенно племянниках, все чаще и чаще звучат ироничные, а то и прямо раздраженные ноты.

Всего к настоящему моменту известно около двадцати писем автора «Обломова» к Александре и около десяти к Анне. Только самое небольшое количество этих писем удостоилось научных публикаций. Более того, значительная часть из них известна читателям лишь в отрывках¹, другие остаются неопубликованными до сих пор. Печатая в 1994 г. три письма к сестрам из фондов Ульяновского дома-музея И.А. Гончарова, Ю.М. Алексеева так объясняла сложившуюся ситуацию: «К сожалению, ученые до сих пор не заинтересовались письмами Гончарова к сестрам. Возможно, это происходит по причине трудности их комментирования. А между тем они <...> необычайно интересны. Они открывают новые грани личности писателя и страницы его биографии, рассказывают много нового о людях из его окружения» [1, с. 213].

Большинство дошедших до нас писем к Александре Александровне относятся к первой половине 1860-х гг.; почти все они посвящены судьбе ее сына, племянника Гончарова Виктора Михайловича Кирмалова. Письма к бездетной Анне Александровне по большей части лапидарны; в них также обсуждаются семейные дела. Настоящая заметка посвящена одному сюжету, возникающему в двух письмах Гончарова к младшей сестре. Это история финансового краха ее семьи.

Анна Александровна была замужем за доктором Петром Авксентьевичем Музалевским (1801–1877), который служил в Симбирске врачом в различных государственных учреждениях, а кроме того вел частную практику². Они имели собственный дом в городе и довольно большое количество земли в губернии. Своих детей у них не было, и они взяли на воспитание девочку. Впоследствии их воспитанница, Евдокия Петровна (в замужестве Левенштейн), оставит краткие, но чрезвычайно выразительные воспоминания о Гончарове.

История разорения семьи Музалевских впервые была рассказана в воспоминаниях старшего племянника Гончарова Александра

¹ Наиболее значительная публикация: *Суперанский М.Ф.* Ив. Ал. Гончаров и новые материалы для его биографии. II. Письма И.А. Гончарова к Кирмаловым и Музалевской // Вестник Европы. 1908. №12. С. 417–444.

² Подробнее о его карьере см.: [1, с. 232–234].

Николаевича, сына его брата, написанных им в середине 1900-х по просьбе биографа писателя М.Ф. Суперанского и впервые опубликованных в 1908 г., уже после смерти их автора³. Эти воспоминания были негативно восприняты первыми их читателями; пользуются они дурной славой и у современных гончароведов. Здесь не место оценивать достоверность воспоминаний племянника о своем дяде и справедливость данных ему характеристик, поэтому послушаем, что он вспоминает о печальной судьбе семьи младшей сестры Гончарова:

Музалевские имели очень хорошие по тому времени средства: Трегубов⁴ оставил Анне Александровне около десяти-двенадцати тысяч рублей ассигнациями и до двухсот десятин земли вблизи Симбирска. Муж ее зарабатывал по десяти-пятнадцати тысяч рублей в год; люди они были скромные и отложили до ста двадцати пяти тысяч рублей серебром. Деньги эти они отдали какому-то Алаеву на железнодорожное предприятие. Тот обещал им золотые горы, но, получив деньги, скрылся. Вслед за тем случился знаменитый пожар 1864 года, уничтоживший почти весь Симбирск, и Музалевские, разорившись, переселились в Москву, где старшая их приемная дочь, Евдокия Петровна, вышла замуж за доктора-психиатра Левенштейна...⁵

Напомним, что эти воспоминания создавались спустя более четверти века после описанных событий, поэтому будем снисходительны к ошибкам памяти и неточностям. Сопоставим этот рассказ Александра Николаевича с другим, гораздо более ранним и детальным — из его же большого письма к М.М. Стасюлевичу от 26 октября – 4 ноября 1891 г.:

...Музалевские после того, как весь Симбирск сгорел, подарили каким-то дальним родственникам остатки сгоревшего дома, отдали деньги, что-то около 100 тысяч, «верному человеку» и отправились на житье в Москву. Детей у них не было, и они в 50-<->х годах взяли

³ См.: *Суперанский М.Ф.* Ив. Ал. Гончаров и новые материалы для его биографии. I. Воспоминания А.Н. Гончарова и Е.Н. Гончаровой // Вестник Европы. 1908. №11. С. 13–48; перепечатаны: [3, с. 89–110].

⁴ Николай Николаевич Трегубов (ум. 1849), отставной моряк, снимавший флигель в усадьбе родителей Гончарова, его крестный отец и фактический воспитатель; под именем Якубова выведен в очерке «На родине» (1888).

⁵ Цит. по: *Суперанский М.Ф.* Ив. Ал. Гончаров и новые материалы для его биографии. I // Вестник Европы. 1908. №11. С. 20–21.

на воспитание 2<->х девочек, которых любили и воспитывали, как родных дочерей⁶. Устроились в Москве они хорошо, первое время жили в доме, кажется, Писемского, с которым они очень подружились. <...>

Кажется, в 1870 году, «верный человек» Алаев, которому Музалевские доверили все свои деньги, что-то около 100 т<ысяч> руб<лей> или немного более, заручившись еще кое-какими клиентами вроде Музалевских, бежал в Америку, или Австралию. Музалевские переехали на маленькую квартиру, продали лошадей, лишнюю мебель и стали жить его маленькой пенсией и кое-какой грошевой практикой [5, с. 153–154].

Имя упомянутого мемуаристом Алаева встречается в двух письмах его дяди к сестре Анне Александровне. Впервые оно возникает в до сих пор не опубликованном письме от 25 сентября 1865 г. В нем Гончаров отвечает на вопрос, можно ли навести справки в банке о том, вложены ли туда деньги, переданные ею и ее мужем Алаеву; по характеру ответа уже видно, что Музалевские, вероятно, засомневались в честности своего делового партнера и хотели бы вернуть деньги назад⁷. Второй раз Алаев упоминается в опубликованном Ю.М. Алексеевой письме от 26 июня 1877 г., которое написано уже после окончательного разорения Музалевских и смерти Петра Авксеньевича:

Религия говорит, что мы все терпим за свои грехи или ошибки: это совершенно справедливо: но если ты и Петр Авкс<ентьевич> и были наказаны так больно, так уж, конечно, за что-нибудь важное, *нежели* за то, что Вы доверили слепо все Ваше состояние в одне руки *злодея*, как ты трагически называешь Алаева! <...>

Может быть, и Ваш *злодей*, когда брал деньги, то надеялся разбогатеть и возратить. А когда пустился в рискованные обстоятельства, и ему не повезло, он поспешил сам на берег, а других утопил! На то он и *злодей*!

Честный человек сам разорился бы, но отдал бы чужое: такие редки, а Алаевы встречаются на каждом шагу: т. е.: при хороших обстоятельствах — честные, а при дурных — нет. Есть бесчестные и при тех, и при других обстоятельствах, но я Алаева не знаю — и Бог с ним! [1, с. 219].

⁶ Сведений о второй приемной дочери Музалевских не имеется.

⁷ См.: РГАЛИ. Ф. 135. Ед. хр. 25. Л. 10–11 об.

Кто такой был этот Алаев и как именно он обманул семью сестры Гончарова, публикаторы ранее не сообщали. Даже имя его никто не знал, и в научной литературе он фигурирует лишь как «некий Алаев» [5, с. 146] или «знакомый А.А. Музалевской»⁸. Пришла пора познакомиться с этим человеком поближе.

Фамилия Алаевых была известна в Симбирске: здесь жили четыре брата — Семен, Василий, Михаил и Сергей Васильевичи⁹. Три младших брата закончили Казанский университет и вернулись в родной город. Василий служил в Симбирской гимназии учителем русского законовещения, Сергей — учителем русского языка в Симбирском уездном училище. Они были учениками старшего брата автора «Обломова» Николая Александровича, который преподавал в гимназии русский язык [6, с. 65, 66], а потом стали его коллегами. С ним был знаком и Михаил Алаев, служивший в Симбирском губернском правлении¹⁰ и неоднократно выступавший со статьями на страницах неофициальной части «Симбирских губернских ведомостей», которые редактировал Н.А. Гончаров. Михаил и Сергей, несомненно, были знакомы и с Музалевскими, поскольку жили по соседству с ними [1, с. 234; 6, с. 242–243]. Но нас в первую очередь будет интересовать старший Алаев — Семен¹¹.

Судя по сохранившимся документам, он был одним из тех финансовых авантюристов, которых в изобилии породили «святые шестидесятые». Почувствовав в себе коммерческую жилку, бывшие чиновники покидали службу и организовывали торговые предприятия, брали откупа и концессии, основывали банки и ссудные кассы. Нет сомнения, что Семен Алаев принадлежал именно к этой породе людей.

Его биография полна темных мест. Известно, что в 1830 г. Алаев закончил симбирскую гимназию [6, с. 238] и с 1851 по 1853 г. служил правителем канцелярии гражданского губернатора в чине титулярно-

⁸ [4, с. 717]; указатель имен, сост. М.И. Трепалина.

⁹ Сведения про них почерпнуты из: [6, с. 235–244].

¹⁰ См.: Памятная книжка Симбирской губернии на 1860 год. Симбирск, 1860. С. 50.

¹¹ О том, что именно он упомянут в переписке Гончарова с сестрой, предположил ульяновский краевед Жорес Трофимов («Не исключено, что этот новый русский буржуа через какое-то время соблазнит и старого симбирского знакомого доктора Музалевского на покупку высокодоходных акций каких-то столичных компаний» [6, с. 244]), однако при отсутствии документальных тому свидетельств он проявил мудрую осторожность и не стал утверждать это наверняка.

го советника¹². Где он служил до этого, каким образом получил чин и попал на такую высокую должность — неизвестно: ни до 1851 г., ни после 1853 г. его имя в «Адрес-календарях» не встречается. Известно только, что в 1865 г. он уже был «надворным советником и кавалером»¹³. На какой службе он продвинулся еще на два чина и какие получил ордена, пока остается загадкой. В «Памятных книжках Симбирской губернии» начала 1860-х гг. С.В. Алаев также не упоминается; возможно, к этому времени он уже покинул службу, став известным в Симбирске откупщиком, владельцем винного и пивоваренного заводов [1, с. 234; 6, с. 238]. Не удалось также установить его возраст: в справочнике московского купечества на 1869 год указано, что ему 40 лет¹⁴, в том же справочнике следующего года — 47 лет¹⁵, а еще через год — 45 лет¹⁶. Наиболее правдивой кажется версия 1870 года, но и тогда получается, что Алаев закончил гимназию в 13 лет.

Так или иначе, в 1865 г. он переезжает в Москву, где записывается в купцы первой гильдии. В это же время за ним последовали Музалевские, которые какое-то время жили в его доме¹⁷. Уже одно это говорит о том, что семьи Алаевых и Музалевских были очень близки, и то, что Музалевский выделил Алаеву деньги для вложения в какое-то дело, не кажется безоглядной авантюрой. Кроме того, Музалевский и ранее давал деньги в долг. Примерно в те же годы он ссужает по закладной то одному, то другому своему знакомому: коллежскому советнику Ф.П. Колчину — 10 000 рублей

¹² См.: Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1851. СПб., [б. г.]. Ч. 2. С. 141; То же, 1853. Ч. 2. С. 145.

¹³ См.: Справочная книга о лицах, получивших на 1869 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1869. С. 8.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Справочная книга о лицах, получивших на 1870 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1870. С. 7.

¹⁶ Справочная книга о лицах, получивших на 1871 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1871. С. 7.

¹⁷ Как установлено Ю.М. Алексеевой, адрес Музалевских в Москве в 1865 г. был «Пречистенская часть, 3 кв-л, на Смоленском бульваре, в доме Алаева» [1, с. 224]. Адрес жительства С.А. Алаева в 1871 г.: «Пречист<енской> ч<асти> 3 кв<артал>, в Мертвом пер., в соб<ственном> д<оме>» (см.: Справочная книга о лицах, получивших на 1871 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1871. С. 7; тот же справочник за предыдущий год фиксирует наличие дома и у его жены, также в Пречистенской части). Документальных свидетельств того, что Музалевские жили у Писемского (как сообщает А.Н. Гончаров), не нашлось, хотя с ним они были знакомы: 2 февраля 1874 г. Гончаров сообщил Музалевской, что «Писемский в прошлом году был здесь, сказывал, что встретил где-то Петра Авксент<ьевича> бодрым и здоровым, и очень меня обрадовал» (РГАЛИ. Ф. 488. Оп. 1. Ед. хр. 41).

(которые, заметим в скобках, тот ему вернуть не смог и отдал долг землей) [1, с. 224], а титулярному советнику П.П. Мещеринову «3 000 рублей серебром за указанные проценты» [6, с. 243–244].

В столице Алаев не стал менять свою специализацию: из упомянутого выше московского купеческого справочника 1869 года можно узнать, что он торговал спиртом, склад которого находился на казенном винном дворе в Якиманской части¹⁸, в следующем году его склад переехал в Пятницкую часть¹⁹, а еще через год купец уже значился владельцем винных заводов в Клину и Пензе²⁰. В аналогичном справочнике на 1872 год имя Алаева уже не упоминается — ниже мы увидим, почему.

Сохранилось мемуарное свидетельство о его участии в учреждении московского Коммерческого ссудного банка. Этот банк был основан в 1870 г. и поначалу считался одним из самых надежных кредитных учреждений. Однако авантюрная финансовая политика правления привела к тому, что осенью 1875 г. он обанкротился, вызвав кризис банковской системы всей страны. Основной причиной краха стала выдача необеспеченных кредитов «железнодорожному королю» Бетелю Генри Струсбергу²¹. Отсюда, по всей видимости, и происходит информация А.Н. Гончарова, что Алаев получил от Музалевских деньги «на железнодорожное предприятие», хотя сам он к моменту банкротства уже отношения к банку не имел, поскольку ранее продал свое учредительное право — причем одновременно двум разным людям²².

Не менее впечатляющими были действия Алаева и при учреждении Коммерческого ссудного банка. Вот как про это вспоминает историк московского купечества Н.А. Найденов:

¹⁸ Справочная книга о лицах, получивших на 1869 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1869. С. 8.

¹⁹ Справочная книга о лицах, получивших на 1870 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1870. С. 7.

²⁰ Справочная книга о лицах, получивших на 1871 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1871. С. 7.

²¹ См. подробнее: *Жирнов Е.* Банкротство с царским размахом // *Коммерсантъ Деньги.* 2010. № 29. 26 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1473539> (дата обращения 07.10.2020).

²² *Носенко Д.* Сборник решений 4 департамента общих собраний Правительствующего сената по делам коммерческих судов империи с 1872 по 1 июля 1877 г. СПб., 1878. Т. 2. Вып. 1: Судопроизводство в коммерческих судах. С. 526–527; далее информация о финансовых махинациях Алаева приводится по этому источнику (с. 257–259, 523–528).

...в Москве собралась дворянская компания, задумавшая также учредить банк; половина ее принадлежала к числу лиц состоятельных или занимавших известное положение, а другая — к заурядному чиновничеству; но так как эти лица хорошо понимали, что в глазах публики они значения иметь не могут, да и министерство к затее их едва ли отнесется сочувственно, а затем и в среде торгового люда были не попавшие в число участников в открывшиеся уже банки, имевшие между тем на то желание, то в число учредителей были сверх того приглашены 15 лиц из торгового мира; исходатайствование разрешения принял на себя некий Алаев, состоявший в числе учредителей; его я не знал и деятельность его мне неизвестна; помню, что он взял с учредителей около 30 тыс. руб. под предлогом, что эта сумма необходима для уплаты за проведение устава, и когда это было сообщено министру, то Алаев был вызван для объяснения, кому были заплачены эти деньги; он должен был сознаться, что он-де взял их себе за труды; вот какие экземпляры являлись учредителями того банка...²³

Трудно сказать, насколько Алаев обладал коммерческим чутьем и способностью вести дела. Однако одно можно утверждать точно: в какой-то момент жулик в нем победил предпринимателя, и он стал занимать деньги в поражающих воображение масштабах. В 1867 г. его долги оценивались в сумму около 4 000 рублей, в 1869 г. — до 5600 рублей, но уже через год он был должен свои кредиторам 142 158 рублей, в 1870 г. — 317 959 рублей, а в 1871 г. эта сумма дошла до миллиона²⁴. При этом он не вел торговых книг и после своего банкротства в 1871 г. не представил «никаких обстоятельных объяснений о причинах упадка дел его». Впрочем, многое можно было бы объяснить тем, что «сын Алаева одновременно с открытием несостоятельности отца приобрел два недвижимых имения», однако в суде кредиторы не смогли предъявить этому доказательств. 13 октября 1871 г. Семен Алаев был объявлен «несостоятельным должником по укрывательству» и заключен под стражу. Любопытно, что мнения его кредиторов о характере наказания разделились: одни ратовали за содержание его под стражей и даже внесли кормовые деньги, другие ходатайствовали «об оставлении его на свободе». Не будем вникать во все юридические тонкости (это нас уведет слишком далеко от основной темы), скажем только, что предметом споров и судебных

²³ *Найденов Н. А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1905. Вып. 2. С. 117.

²⁴ *Носенко Д.* Сборник решений 4 департамента... С. 526.

разбирательств явилось то, каким банкротом его признать: «злостным» (за это, в частности, ратовал и П.А. Музалевский) или «по неосторожности» — в зависимости от этого определялся характер наказания. Спустя восемь месяцев Алаев вышел на свободу, но через короткое время снова попал за решетку, где отсидел с июня 1874 г. по январь 1875 г. и был окончательно отпущен по решению суда, который также утвердил его мировую сделку с кредиторами: сын Алаева предложил выплатить 588 943 р. 88 к. из долгов отца, хотя общая сумма всех признанных исков составила 1 405 282 р. Из материалов дела видно, что кроме денег, переданных Алаеву в 1865 г. или ранее, 1 июля 1870 г. Музалевский предоставил ему банковские билеты на сумму 55 920 р.

Вряд ли после своего освобождения Алаев, как сообщал А.Н. Гончаров, «бежал в Америку или Австралию». Косвенным свидетельством тому можно считать письмо А.А. Музалевской к Е.А. Гончаровой от 6 июня 1894(?) г., где она говорит об Алаеве как уже умершем [1, с. 234]: можно не сомневаться, что ни из Америки, ни тем более из Австралии подобная весть до нее бы не дошла.

Также можно не сомневаться, что Музалевские не были им полностью разорены. Наличие мирового соглашения говорит о том, что сколько-то копеек с каждого данного ему рубля они получили. В упомянутом выше письме Музалевская сообщает, что ей «внуки и внучки в глаза глядят, любят не из интереса, ведь знают, что у бабушки немного капитала...» [1, с. 235]²⁵. Конечно, сохранившиеся деньги были во что-то вложены, но и после смерти мужа Анна Александровна не жила в нищете, хотя и осталась «без всяких средств к существованию» и была «не в состоянии себе что-нибудь зарабатывать для пропитания»²⁶. Узнав о смерти брата, она 1 ноября 1891 г. спрашивала А.Н. Гончарова, нельзя ли получить хоть небольшую часть наследства, при этом сообщая о себе:

...взойдя в мою квартиру только по обстановке в ней можно судить, что тут живет старуха из числа очень недостаточных, а квартира недурна, благодаря тому, что два сына Левенштейна живут со мной, и они мне нанимают квартиру. Конечно я любезный Александр Николаевич, руку не протягиваю щеп по улицам, где строятся дома не собираю, стараюсь скрыть свои недостатки, но надеяться мне

²⁵ А.Н. Гончаров писал про тетушку, что «от прежнего состояния у нее осталось что-то вроде 2 <тысяч> руб<лей>...» [5, с. 148].

²⁶ Формулировки из ее письма в Литературный фонд от 7 января 1892 г. с просьбой о вспомоществовании [5, с. 159].

ненакого, Левенштейн незнаю долго ли продержится, столько конкуренции в Москве настроили казенных больниц психиатрических, да ктому же и болен старик, не может выезжать, а дети еще молоды. <...> Теперь я живу с внуками, мне платят за стол их, им очень далеко и неудобно за заставой жить, студент занимается в клиниках, это недалеко от меня, а другой кончает гимназию [5, с. 147].

Как известно, Гончаров ничего не оставил своим родственникам, завещав основной капитал вдове своего бывшего слуги и ее детям и небольшую часть — сестрам Никитенко. Но в письме к душеприказчикам М.Н. Любощинскому и М.М. Стасюлевичу от 22 мая 1883 г., приложенном к завещанию, он вспомнил о родственниках, мотивировав отказ оставлять им даже небольшую часть накопленного им так:

Я не упоминаю о <...> детях моей старшей сестры, также о младшей моей сестре, бездетной вдове; все они находятся, сколько я слышал, в незавидном материальном положении; но чтобы облегчить всем им тягость жизни — понадобились бы не такие средства, какие останутся после меня, если только они останутся, в чем можно сомневаться, судя по ограниченности их [2, с. 481].

Завершим наш рассказ следующими словами А.Н. Гончарова:

Нужно быть слишком жестким, бессердечным человеком, чтобы не помочь сестре, которая в продолжении 20<->ти лет, на глазах довольно обеспеченного брата, живет почти в нищете и, говоря откровенно, часто не обедает. Гончаров только по временам справлялся, как-то брюзгливо, как будто говорил о чем-то неприличном: «а что сестра Анна Александровна все живет в Москве, кажется, у какой-то поповны?» [5, с. 156].

Хотя, как говорилось выше, достоверность воспоминаний племянника автора «Обломова» и ставится под сомнение, а все выпады в сторону дяди объясняются личной неприязнью, но здесь, думается, он не слишком далеко отходит от истины.

Список литературы

1. *Алексеева Ю.М.* Три письма И.А. Гончарова к сестрам // И.А. Гончаров: Материалы международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск: Стрежень, 1994. С. 213–237.
2. *Гончаров И.А.* Собр. соч. М.: Правда, 1952. Т. 8. 542 с. (Б-ка «Огонек»).
3. И.А. Гончаров в воспоминаниях современников / сост. О.А. Демиховская, Е.К. Демиховская; изд. 2-е, расшир. и доп. Ульяновск: Регион-Инвест, 2012. 416 с.
4. Литературное наследство. М.: Наука, 2000. Т. 102: И.А. Гончаров. 735 с.
5. Материалы к биографии И.А. Гончарова / вступ. статья, подгот. текста и коммент. А.В. Романовой // Русская литература. 2008. № 3. С. 140–163.
6. *Трофимов Ж.А.* Наш Гончаров: Поиски. Находки. Исследования. Ульяновск: Ульяновский дом печати, 2007. 399 с.

Статья поступила в редакцию: 28.05.2020

Одобрена после рецензирования: 17.08.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Research Article

“Villain Alayev” (From Comments to I.A. Goncharov’s Correspondence)

© 2020, Alexei Yu. Balakin

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article examines I.A. Goncharov’s letters to his sister Anna Alexandrovna (married name Muzalevskaya) and investigates the episode of her family’s bankruptcy as a result of the Muzalevskys’ transferring most of their money to their fellow countryman, “a certain Alayev,” who turned out to be a swindler. Previously, this person was known only by his last name, and the bankruptcy episode was not covered. The author draws on Address-calendars, Commemorative Books of the Simbirsk Governorate and other reference publications, archival documents, on the basis of which he reconstructs the biography of Semyon Alayev and details the history of his fraudulent actions. The facts introduced into scientific circulation will undoubtedly be in demand by commentators of both Goncharov’s correspondence and memoirs about him.

Keywords: I.A. Goncharov; the writer’s correspondence; academic commentary; family property relations; biographies of Russian writers of the 19th century.

Information about the author: Alexei Yu. Balakin, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of Russian Academy of Sciences, Makarova emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia. E-mail: balakin@inbox.ru.

For citation: Balakin, A.Yu. “‘Villain Alayev’ (From Comments to I.A. Goncharov’s Correspondence).” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 300–311. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-300-311>

References

1. Alekseeva, Iu.M. “Tri pis'ma I.A. Goncharova k sestram.” [“Three Letters of I.A. Goncharov to His Sisters.”]. *I.A. Goncharov: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 180-letiiu so dnia rozhdeniia I.A. Goncharova* [I.A. Goncharov: Materials of the International Conference Dedicated to the 180th anniversary of I.A. Goncharov]. Ul'ianovsk, Strezhen' Publ., 1994, pp. 213–237. (In Russ.)
2. Goncharov, I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 8. Moscow, Pravda Publ., 1952. 542 p. (In Russ.)
3. *I.A. Goncharov v vospominaniakh sovremennikov* [I.A. Goncharov in Memoirs of His Contemporaries], comp. O.A. Demikhovskaya, E.K. Demikhovskaya; 2nd ed., rev. and edd. Ul'ianovsk, Region-Invest Publ., 2012. 416 p. (In Russ.)
4. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 102: I.A. Goncharov. Moscow, Nauka Publ., 2000. 735 p. (In Russ.)
5. “Materialy k biografii I.A. Goncharova.” [“Materials for the Biography of I.A. Goncharov.”], introd., text prep. and comm. by A.V. Romanova. *Russkaia literatura*, no. 3, 2008, pp. 140–163. (In Russ.)
6. Trofimov, Zh.A. *Nash Goncharov: Poiski. Nakhodki. Issledovaniia* [Our Goncharov: Research. Discoveries. Studies]. Ul'ianovsk, Ul'ianovskii dom pečhati Publ., 2007. 399 p. (In Russ.)

The article was submitted: 28.05.2020

Approved after reviewing: 17.08.2020

Date of publication: 25.12.2020

Памяти Герцена. На полях журнала «Русское богатство»

© 2020, М.В. Строганов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается история словосочетания *памяти Герцена*, которое стало названием целого ряда произведений: публицистических статей и стихотворных сочинений. Выясняется происхождение этой формулы, причины ее переноса с дней памяти (годовщин смерти) на дни рождения А.И. Герцена. Изучение этой истории позволяет определить историческое значение статьи зачинателя этой традиции А.Г. Горнфельда, наследие которого не получило еще адекватной оценки в истории литературы. В ходе исследования выясняются и уточняются литературные биографии других авторов, которые также использовали эту формулу: практически не известного «народнического» поэта С.А. Иванова-Райкова и «социал-демократического» публициста Н.Н. Кузьмина. Реконструкция этой истории позволяет увидеть и реальное место в ней статьи В.И. Ульянова-Ленина «Памяти Герцена», значение которой в 1940–1970-е гг. было неправомерно гиперболизировано, в результате чего искажалась историческая перспектива в изучении многих собственно литературных явлений и в первую очередь оценка деятельности самого А.И. Герцена. Все это приводит нас к адекватной интерпретации стихотворения Н. Коржавина, посвященного данной теме и бывшего для многих поколений идеологическим ключом к описанию места А.И. Герцена в общественно-литературном движении XIX в. В конце статьи делается вывод о том, что историческое, культурное, литературное наследие приобретает значение только в контексте современности.

Ключевые слова: несвязанное словосочетание; цитата; А.И. Герцен; «Русское богатство»; А.Г. Горнфельд; С.А. Иванов-Райков; Наум Коржавин.

Информация об авторе: Михаил Викторович Строганов — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: 0000-0002-7618-7436. E-mail: mvstroganov@gmail.com.

Для цитирования: *Строганов М.В.* Памяти Герцена. На полях журнала «Русское богатство» // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 312–325. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-312-325>

Как написать два слова, вынесенные в заглавие этой заметки: в кавычках или без них? Если в кавычках, то они будут восприняты как цитата, если без кавычек, — как несвязанное словосочетание. В качестве несвязанного словосочетания конструкция *памяти кого-то* используется очень часто и применительно к разным людям и разным ситуациям. Но в качестве устойчивого и общеупотребительного оборота *Памяти Герцена* однозначно связано в нашем сознании с заглавием статьи В.И. Ульянова (Н. Ленина).

Выяснить историю этого словосочетания было бы весьма полезно не только для комментирования материалов журнала «Русское богатство», но и вообще для истории русской культуры. Конструкция *памяти кого-то* в XIX в. имела некрологические коннотации и была близка к конструкции *на смерть такого-то*. Она использовалась обычно при первых поминовениях умершего. У А.Н. Плещеева три стихотворения имеют аналогичные заглавия: «Памяти К.С. Аксакова» (1861, умер в декабре 1860), «Памяти Е.А. Плещеевой» (1865, умерла в декабре 1864), «Памяти Н.А. Некрасова» (опубликовано в 1882, умер в декабре 1877) [5, с. 150, 194–196, 245–246]. Это как бы надгробная речь. У самого Н.А. Некрасова такие стихотворения дистанцированы от события смерти: «Памяти Белинского» (между 1851 и 1853, умер в 1848), «Памяти <Асенков>ой» (1855, умерла в 1841; не случаен вариант «Воспоминание. (Памяти А-ой)») [3, т. 1, с. 121, 146–148], «Памяти Добролюбова» (1864, умер в 1861) [3, т. 2, с. 173]. Это уже не *на смерть* Асенковой, Белинского и Добролюбова, это именно *память — воспоминание*. Возможно, стихотворения Некрасова связаны с годовщинами смерти, так как днем памяти, согласно и церковной, и бытовой традиции, считается день смерти. Но во времена Некрасова непременно надо было, чтобы у автора было свое, личное воспоминание о покойном. Без личных воспоминаний *памяти такого-то* состояться не могло.

Впрочем, к концу века эта некрологическая традиция стала смещаться, и у того же Плещеева появляется стихотворение с ана-

логичным заглавием, но написанное не на смерть поминаемого лица — «Памяти Пушкина» (1880) [5, с. 252–253]. Данное стихотворение, как совершенно очевидно, связано с установкой памятника Пушкину, торжества вокруг которого происходили в майские дни, когда родился А.С. Пушкин, и в этом смысле традиция на самом деле нарушалась. Но Пушкин уже в 1880 г. воспринимался как «всегда живой», поэтому и помянуть его можно было тоже всегда. Не случайно в 1899 г., в 100-летний юбилей рождения поэта, появилось стихотворение В. Гиляровского «Памяти А.С. Пушкина»:

Поклон тебе, поэт! А было время, гнали
 Тебя за речи смелые твои,
 За песни, полные тревоги и печали,
 За проповедь свободы и любви.
 Прошли года. Спокойным, ясным взором
 История, взглянув в былые времена,
 Ниц пала пред тобой, покрыв навек позором
 Гонителей суровых имена...
 А ты пред нами здесь один царишь над тронном,
 Тебе весь этот блеск восторженных очей.
 Один ты окружен бессмертным ореолом
 Неугасающих лучей!¹

В этом стихотворении нет ничего конкретного, это какая-то мифологема поэта. Знать такого Пушкина вовсе не обязательно, достаточно упоминать общеупотребительные штампы.

1. Народническая «памяти Герцена»

И вот на этом фоне в 1900 г. появляются две статьи, посвященные 30-тилетней годовщине со дня смерти Александра Ивановича Герцена и озаглавленные совершенно одинаково: «Памяти Герцена». Именно так называли свои статьи А.Г. Горнфельд в январском номере журнала «Русское богатство»² и П.Н. Милюков в февральском номере журнала «Мир Божий»³. Горнфельд и Милюков, разумеется, не стоваривались, но сами эти журналы были очень близки друг другу

¹ *Гиляровский В.* Памяти А.С. Пушкина // Курьер. 1899. № 146.

² *Горнфельд А.Г.* Памяти Герцена // Русское богатство. 1900. № 1. Отд. 2. С. 182–188.

³ *Милюков П.* Памяти Герцена // Мир Божий. 1900. № 2. Кн. 2. С. 17–21.

в разных отношениях. В частности (и прежде всего), лидер «Мира Божьего» А.И. Богданович был мужем Татьяны Криль, которая за смертью матери воспитывалась в семье своей тетки А.Н. Анненской, жены одного из членов редакции «Русского богатства» Н.Ф. Анненского. Обе семьи тесно общались, хотя их журналы, сходные в резко критическом отношении к государственному устройству тогдашней России, постоянно полемизировали о путях государственного переустройства. На этом фоне такой повтор названия, если бы обе стороны знали о планах друг друга, был бы явно не в пользу опоздавшего. Поэтому объяснять совпадение в названиях статей следует тем, что обе статьи были написаны к годовщине смерти Герцена, и название их отвечало традиции церковного поминовения. Но никаких личных воспоминаний о Герцене, подобных тем, какие были у Плещеева о К. Аксакове, Е. Плещеевой и Некрасове, или тем, какие были у Некрасова о Белинском, Асенковой и Добролюбове, — никаких личных воспоминаний о Герцене у Милокова и Горнфельда не было. Так актуализируется другая коннотация формулы, восходящая к церковной «вечной памяти» и связанная с представлением о «вечно живом» в памяти, что мы видели у позднего Плещеева и Гиляровского о Пушкине.

Формула *памяти такого-то* была достаточно употребительна. За четыре месяца до появления статьи Горнфельда именно так озаглавил первый раздел своей постоянно рубрики «Литература и жизнь» Н.К. Михайловский: «Памяти Салтыкова»⁴. И вот первый абзац этого раздела: «28 апреля минуло десять лет со смерти Щедрина. Мы не могли своевременно помянуть покойника, но и вообще литература не расщедрилась на поминки. То ли ее внимание сосредоточивали на себе текущие дела, — хоть в нашей современной жизни едва ли найдется хотя бы одно текущее дело, которое не давало бы повода для воспоминаний о Щедрине, — то ли у нас вообще коротка память. Последнее вернее». Михайловский не входил в число людей, душевно близких к Салтыкову, однако он сам был лично и близко знаком с Салтыковым, поэтому он мог говорить о памяти Салтыкова в том традиционном смысле, который мы видели у Некрасова. Но у Михайловского оборот «памяти Салтыкова» означает именно «вечную память», и именно этой вечной памяти он не находит в современном обществе. И именно с это-

⁴ Михайловский Н.К. Литература и жизнь. Памяти Салтыкова. — О лживых словах, их многообразии и разнообразии. — Г. Величко и «гражданские мотивы» // Русское богатство. 1899. № 6 (9). Отд. 2. С. 150–176.

го мотива вечной памяти и начинает свою статью Горнфельд: «Тридцать лет со дня смерти Герцена: как много для смертных и как мало для бессмертных — точно вчера написаны его последние строки...»

Впрочем, параллельно с этим оставались актуальными и иные коннотации нашей формулы. В том же самом номере «Русского богатства», вслед за статьей Горнфельда о Герцене, Михайловский печатает некрологическую статью «Памяти Д.В. Григоровича», которую начинает следующими словами: «22-го декабря прошлого года скончался Дмитрий Васильевич Григорович»⁵. И здесь эта формула *памяти кого-то* означает фактически «на смерть», это надгробная речь. И эта разница оформляется в заглавии статьи. Надгробная речь, некролог посвящается недавно жившему человеку, поэтому он назван с инициалами. Покойный, который остался в памяти потомков, именуется только по фамилии: Пушкин, Герцен, Салтыков, — одного этого уже достаточно. То же самое мы видим в других некрологиях: «Памяти А.А. Давыдовой» Михайловского (в составе его сериальной статьи «Литература и жизнь»)⁶, «Памяти А.И. Богдановича»⁷ и «Памяти Н.Г. Михайловского (Гарина)»⁸ А.И. Куприна. На этом фоне совершенно выделяется название «Памяти Чехова» того же Куприна: Чехов сразу входил в число небожителей, и имя-отчество для его именованья было не нужно⁹.

Современники сразу запомнили формулу «Памяти Герцена». Через год (в 1901 г.) с таким же названием появилась еще одна статья о Герцене¹⁰, потом еще два стихотворения: в 1906 и 1907 гг.¹¹ Это единообразие можно назвать однообразием и считать его следствием скудости воображения, приводящей к механическому воспроизведению штампов. Но можно толковать его и как сознательно используемый прием.

Несомненно осознанным приемом была публикация одного из упомянутых выше стихотворений, которое принадлежало практически

⁵ Михайловский Н.К. Памяти Д.В. Григоровича // Русское богатство. 1900. № 1. Отд. 2. С. 188–194.

⁶ Михайловский Н.К. Литература и жизнь: Материалы для биографии Г.И. Успенского. — Памяти А.А. Давыдовой. — О том, как г. А. Острогорский превратил рассказ Костомарова в рассказ Л.Н. Толстого // Русское богатство. 1902. № 3. Отд. 2. С. 48–51.

⁷ Куприн А. Памяти А.И. Богдановича // Современный мир. 1907. № 4.

⁸ Куприн А. Памяти Н.Г. Михайловского (Гарина) // Современный мир. 1908. № 3.

⁹ Куприн А. Памяти Чехова // Наша жизнь. 1905. № 140, 2 июля.

¹⁰ Повчинский. Памяти А.И. Герцена // Казбек. 1901. № 942.

¹¹ Одно из них: Горянский В. Звонарь. Памяти Герцена // Слово. 1907. № 194. Валентин Горянский — псевдоним Валентина Ивановича Иванова (1888–1944).

неизвестному поэту Сергею Афанасьевичу Иванову-Райкову (1869 – после 1918)¹². Сведения об этом писателе очень скудны, хотя он очень важен для нашего сюжета. Известно только, что он учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества с 10 апреля 1891 по 19 октября 1900 г.¹³, но в списках выпускников не значится¹⁴. А в 1918 г. он преподавал в Строгановском центральном художественно-промышленном училище¹⁵. Сведения о дальнейшей его судьбе неизвестны.

В 1905–1909 гг. Иванов-Райков сотрудничал в «Русском богатстве»¹⁶ и, видимо, только в этом журнале, так как нигде более его публикации не выявлены. Стихи его всегда были аллегориями. Водоворот и прилив — это, конечно, водовороты и приливы общественных движений; темная ночь — это современная общественная ситуация. Такими же аллегориями являются и исторические персонажи, которым посвящены многие стихотворения: Самсон, Разин, Юдифь. Именно в этом русле следует толковать и стихотворение «Памяти Герцена», опубликованное в этом журнале, который, впрочем, назывался из-за временного запрещения «Русского богатства» иначе — «Современность»¹⁷, но это никого не обманывало, так как «Современность» выпускала та же редакция. Иванов-Райков продолжал тему, начатую пять лет назад Горнфельдом.

¹² Большая биографическая энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/biography_encyclopedia/Иванов-Райков,_Сергей_Афан (дата обращения 17.04.2020).

¹³ РГАЛИ. Ф. 680 (Училище живописи, ваяния и зодчества). Оп. 2 (Личные дела учащихся). Ед. хр. 1238. Личное дело Сергея Афанасьевича Иванова (Райкова).

¹⁴ Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Выпускники училища. URL: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Категория:Выпускники_Московского_училища_живописи,_ваяния_и_зодчества&pageuntil=Моравов%2C+Александр+Викторович#mw-pages (дата обращения 17.04.2020).

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 677 (Строгановское центральное художественно-промышленное училище). Оп. 1 (Личные дела учащихся, преподавателей и служащих). Ед. хр. 3535. Личное дело Сергея Афанасьевича Иванова, 1918.

¹⁶ *Иванов-Райков С. 1)* В руднике // Русское богатство. 1905. № 11–12. 2-я паг. С. 335; 2) Допрос // Русское богатство. 1906. № 5. С. 124; 3) Темной ночью // Русское богатство. 1906. № 12. С. 34; 4) На Новый год // Русское богатство. 1906. № 12. 2 паг. С. 108; 5) Сказка («Призывает король Аладдин...») // Русское богатство. 1907. № 1. С. 85; 6) Самсон // Русское богатство. 1907. № 6. С. 208; 7) Засуха // Русское богатство. 1907. № 7. С. 200; 8) Водоворот // Русское богатство. 1907. № 8. С. 184; 9) Прилив // Русское богатство. 1908. № 4. С. 117 (в оглавлении: Иванов-Райский); 10) Разин // Русское богатство. 1908. № 9. С. 183–184; 11) Юдифь // Русское богатство. 1909. № 2. С. 227–228; 12) Илия // Русское богатство. 1910. № 1. С. 95–96. См. также: *Иванов-Райков С.А.* Муций Сцевола. — Допрос — Сказка // Сочинения Толстого, Тургенева, Чехова, Горького, Андреева, Куприна, Чирикова, Короленко, Золя, Мопассана и др., сброшюрованные в одну книгу. СПб.: Электронпечатня К.А. Четверикова, 1914. Бесплатное приложение к журналу «Источник света и знания». С. 529–530.

¹⁷ *Иванов-Райков С.* Памяти Герцена. Сонет // Современность. 1906. Кн. 1, март. С. 7.

Как поэт Иванов-Райков ни на что другое и не годился: он мог только добросовестно репродуцировать те аллегии, которые уже сложились в общественном сознании: водовороты, приливы, Самсоны, Разины...

И точно так же вполне сознательно (и вместе с тем в духе массового сознания) была названа статья В.Е. Чешихина (Ч. Ветринского), опубликованная в январе 1908 г.¹⁸, даром что в этом году не исполнялось никакого «юбилея» Герцена.

Но как бы ни толковать это повторение одного и того же названия, оно со всей неизбежностью свидетельствует о том, что статьи Горнфельда и Милюкова настолько зацепили общественное сознание, что в результате начала складываться определенная традиция: разговор о Герцене мог получить только одно название: *памяти Герцена*.

2. Социал-демократическая «памяти Герцена»

Обильные и совершенно неожиданные плоды эта традиция принесла в 1912 г., к 100-летию со дня рождения Герцена. «Русское богатство» обошлось в этот раз без программных статей: всё программное Горнфельд сказал десять лет назад. «Русское богатство» в марте и апреле (Герцен родился 25 марта по Юлианскому календарю и 6 апреля по Григорианскому) напечатало впервые на русском языке большую работу Герцена «Новая фаза в русской литературе»¹⁹. Публикация сопровождалась следующим примечанием «От редакции “Русского богатства”»:

Предлагаемая вниманию читателей статья А.И. Герцена появилась во французском издании «Колокола» в 1864 году. Затем она была издана отдельной брошюрой, тоже на французском языке, с следующим примечанием:

Этот ряд очерков А.И. Герцена (Искандера), напечатанных впервые в «Колоколе» (франц. издание), появится позже по-русски. Рекомендуем их вниманию особенно тех, кто хочет составить себе понятие о нравственном уровне современной прессы, находящейся в услужении петербургского правительства.

Впоследствии, однако, на русском языке эта статья не появилась и не вошла ни в одно собрание сочинений Герцена. Таким образом

¹⁸ *Ветринский Ч. (Чешихин)*. Памяти Герцена. Неизданное посвящение к второй главе «С того берега» и речь Вырубова на могиле Герцена // Час. 1908. № 88, 8 января.

¹⁹ *Герцен А. (Искандер)*. Новая фаза русской литературы / перевод Вал. Яковенко // Русское богатство. 1912. № 3. С. 22–43; № 4. С. 198–217.

для русского читателя она является новостью. Ее «боевая сторона», то, для чего автор «особенно рекомендовал» ее современным ему читателям, отошла в область истории. Кто теперь пожелал бы «составить себе понятие о нравственном уровне прессы, находящейся в услужении петербургского правительства», — найдет, пожалуй, материал и побогаче, и посвежее. Но сторона чисто литературная, но те лучи, посредством которых так уверенно и метко Герцен устанавливает историко-литературные перспективы, — сохраняют и до сих пор интерес.

В годовщину рождения знаменитого русского писателя-изгнанника (25 марта 1812 г.) мы рады случаю дать читателям эту интересную «старую новинку», хотя бы только в «переводе с французского»²⁰.

Переводчиком и отчасти автором этой заметки был земский статистик Валентин Иванович Яковенко (1859–1915). Он был редактором собрания сочинений Шевченко, редактором энциклопедического словаря Ф.Ф. Павленкова, душеприказчиком и руководителем издательства Павленкова после его смерти, опубликовал семь книг в серии Павленкова «Жизнь замечательных людей». Не принимая непосредственного участия в народническом движении, он постоянно проявлял социальную активность. И судьба его была тесно связана с судьбами членов редакции «Русского богатства». В апреле 1891 г. за участие в демонстрации на похоронах Н.В. Шелгунова Яковенко был выслан из Петербурга (как и Н.К. Михайловский) с запрещением жить в течение трех лет в столицах и ряде других мест. После демонстрации 4 марта 1901 г. у Казанского собора в Петербурге он составил сочувственный адрес Н.Ф. Анненскому, пострадавшему на демонстрации, и 6 марта предложил подписать его служащим статистического бюро Петербургского земства, за что был арестован и вновь выслан из столицы. Яковенко редактировал первое собрание сочинений Герцена, выпущенное в России (1905), куда «Новая фаза в русской литературе» не вошла. Эта первая публикация статьи не учтена в академическом Собрании сочинений Герцена [1, т. 18, с. 570–574].

Но все же главная мысль заметки принадлежала редакции журнала, которая ценит в Герцене «сторону чисто литературную», «те лучи, посредством которых так уверенно и метко Герцен устанавливает историко-литературные перспективы» и которые до сих пор не утра-

²⁰ Русское богатство. 1912. № 3. С. 22–23.

чивают свое значение. Речь идет о любимой мысли Герцена, согласно которой «нераздельное представляет нам литература и политический быт» (февраль 1834) [1, т. 1, с. 59]. И к этой мысли мы еще вернемся.

Итак, «Русское богатство» ограничилось публикацией неизвестного произведения самого Герцена и очень важной, но сугубо историко-литературной статьей Иванова-Разумника²¹. И — никакой «памяти Герцена». Зато в других изданиях в апреле 1912 г. появилось четыре статьи с одним и тем же названием «Памяти Герцена» (иногда при фамилии стояли инициалы): А.В. Амфитеатрова²², Н.Н. Кузьмина²³, В.И. Ульянова-Ленина²⁴ и А.В. Луначарского²⁵.

В этом ряду наименее известным автором является Н.Н. Кузьмин. Как можно судить, это был Николай Николаевич Кузьмин (1883–1938), позже советский военный и партийный деятель. В 1906–1909 гг. он был членом военной организации большевиков, членом литературной группы Петербургского комитета большевиков, сотрудником газет «Голос металлистов», «Голос кожевника», «Голос приказчика» и студенческого большевистского журнала «Молодая Россия» (правда, его собственная журналистская деятельность неизвестна и не изучена). После разгрома Петербургского комитета большевиков весной 1909 г. Кузьмин жил в эмиграции на острове Капри, в Женеве и Париже общался с В.И. Лениным. В 1914 г. он вернулся в Россию и преподавал физику в Петроградском коммерческом училище. Переехал в Смоленск, где вел работу в социал-демократических кружках. После 1917 г. и до своего ареста в 1938 г. занимал разные руководящие должности.

Если автором одной из статей был именно он, то совершенно очевидно, что инициативу «памяти Герцена» в 1912 г. перехватили большевики, и возможно даже, что это ходячее название неоднократно проговаривалось между ними. Об этом же, в числе прочего, свидетельствует и Луначарский, который при перепечатке своей статьи под заглавием «Александр Иванович Герцен» указал в подстрочном примечании: «Эта статья написана была за границей в дни

²¹ *Иванов-Разумник*. Драммы Герцена // Русское богатство. 1912. № 3. С. 225–248.

²² *Амфитеатров А.В.* Памяти А.И. Герцена // Амфитеатров А.В. Собрание сочинений. Т. XXXV: Свет и сила. Пг.: Типо-лит. Акц. о-ва «Самообразование», 1915. С. 28–44. В собрании сочинений статья помечена 1912 г., но место ее первой публикации установить не удалось.

²³ *Кузьмин Н.Н.* Памяти Герцена // Современный мир. 1912. № 1.

²⁴ *Ленин Н.* Памяти Герцена // Социал-демократ. 1912. № 26, 25 апреля (8 мая).

²⁵ *Луначарский А.В.* Памяти А.И. Герцена // Новая жизнь. 1912. № 4. С. 166–191.

чествования Герцена по поводу 40-летия со дня его смерти в 1910 г. в Париже»²⁶. И если это верно, то у Луначарского такое название было отголоском поминального текста, а у русских социал-демократов само словосочетание было тем более на слуху. И в таком случае в этом же ряду оказывается и статья Амфитеатрова, который в 1912 г. жил в Италии и тесно общался с А.М. Пешковым, хотя и отошел от журнала «Современник».

Говорить о поминовении в юбилей рождения вообще-то совершенно неуместно: днем памяти, как мы уже говорили, считается день смерти. Но «памяти Герцена» — это произнеслось в 1912 г. легко. Ленин именно так и писал: «Чествует его вся либеральная Россия <...>. Поминает Герцена и правая печать <...>. Рабочая партия должна помнить Герцена не ради обывательского славословия, а для уяснения своих задач...»²⁷ И теперь нам ясно, почему: формула восходила не к церковной традиции, а к традиции светской журналистики.

3. Диссидентская «памяти Герцена»

Завершая наш небольшой комментарий, нельзя не вспомнить, что в те годы, когда в России торжествовало единомыслие, формула *памяти Герцена* в обязательном порядке повторялась и даже заучивалась в школе, так что у многих поколений это словосочетание вызывало отторжение как однопартийное и даже одnogолосое слово. Между тем мы вскрываем сейчас многоголосицу внутри этого слова, разные обертона его звучания. И это позволяет нам сделать еще одно уточнение.

Достаточно хорошо известно стихотворение Наума Коржавина «Памяти Герцена. Баллада об историческом недосыпе (Жестокий романс по одноименному произведению В.И. Ленина)» (1972, хотя есть указания и на 1969), ставшее песней с музыкой Александра Дулова. Стихотворение это основано на ходячем для того времени представлении, что выразительная метафора «декабристы разбудили Герцена», равно как и название «Памяти Герцена», принадлежит именно Ульянову-Ленину:

²⁶ Луначарский А.В. Литературные силуэты. М.; Л.: Гиз, 1925. С. 8.

²⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд. политической литературы, 1968. Т. 21: Декабрь 1911 – июль 1912. С. 255.

Любовь к Добру разбередила сердце им.
 А Герцен спал, не ведая про зло...
 Но декабристы разбудили Герцена.
 Он недоспал. Отсюда всё пошло.

<.....>

Мы спать хотим... И никуда не деться нам
 От жажды сна и жажды всех судить...
 Ах, декабристы!.. Не будите Герцена!..
 Нельзя в России никого будить.

[2, с. 180–182]

Однако, как нам теперь ясно, не Ульянов-Ленин придумал это название, и не Ульянов-Ленин придумал метафору со словом *разбудили*, потому что уже в 1907 г. В. Горянский назвал свое стихотворение «памяти Герцена» «Звонарь». Впрочем, значительно раньше эти «колокольные» ассоциации имели иной характер, как в воспоминаниях И.И. Панаева о Герцене: «Всегда заливался и звонил, как колокольчик. В этом серебряном звоне было столько силы, блеска, ума, иронии, знаний, что он никогда не мог надоесть» [4, с. 101].

Историческое значение статьи Горнфельда не только в том, что она помогает разобраться в ситуации 1912 г. и выяснить корни этой формулы, но еще и в том, что она делает возможным установить значение Герцена для тех поколений, которые уже не переживают сиюминутное политическое содержание прозы Герцена²⁸.

Горнфельд писал, что «по натуре Герцен не был ни политиком, ни агитатором, ни партийным деятелем. А между тем литература — иногда с чрезмерной настойчивостью и преувеличениями — указывала на это со дня смерти Герцена. Уже в начале семидесятых годов взгляд этот был высказан Страховым, затем подтвержден анонимным автором предисловия к заграничному собранию сочинений Герцена. И тогда же чуткий И.С. Тургенев наметил первую причину этого. “Что за умница, — писал он, — был этот человек, и как он глубоко проникал в суть нашей дребедени! Но именно от этой причины он менее всего был политический деятель”. Далее Горнфельд продолжал: «Кто глубоко проникает в суть, тот не природный деятель... А широта Герцена была его господствующей чертой, отметит которую не забывал никто из писавших о нем,

²⁸ О «знаковом» характере имени Герцена «в истории русской интеллигенции» см.: [6, с. 22].

и которую так умело формулировал покойный Шелгунов <:> ...“Такие люди могут по очереди пережить двадцатые, сороковые, шестидесятые и даже сотые годы, лишь бы Бог дал веку, и не останутся на каком-либо предыдущем периоде, чтобы сделаться врагами последующего”. Свои первые опыты он недаром собрал под именем “Раздумья” — чего-то прямо противоположного деятельности, борьбе. Он и был всегда только “художественной натурой на политической основе”²⁹. Писатель не может быть не художественной натурой, но не каждый будет «художественной натурой на политической основе». Станным и пронизательным для современного человека выглядит тот факт, что эти слова о Герцене сказал Н.В. Шелгунов.

Наконец, историческое значение статьи Горфельда в том, что, отвлекаясь от актуального восприятия Герцена, он обнаруживает восходящую к нему традицию литературы non-fiction: «Кто читал Герцена, тот знает, в какой степени это характерно для него: о чем бы он ни писал, он писал о себе — и это самое ценное и дорогое в его книгах. Идеи стареют и обновляются, возрождаются, пошлеют и умирают; пред ними можно преклоняться, можно умирать за них, можно их ненавидеть всю силой души. Но невозможно любить их той любовью, которая связывает нас с живой индивидуальностью, вечно новой, всегда деятельной, никогда не повторяющейся и согревающей нас своею кровью»³⁰.

*

Историческое, культурное, литературное наследие приобретает значение только в контексте современности. Но политика и публицистика стремятся развернуть наследие прошлого в своих конкретных прагматических интересах. И даже история стремится увидеть в прошлом урок, хотя адресует его не одной какой-то группе людей, а всей современности в целом. У литературы даже таких прагматических интересов нет. Но литература привлекает современника обаянием личности человека прошлых веков, и в этом ее ничем не заменимое значение.

²⁹ Горнфельд А.Г. Памяти Герцена // Русское богатство. 1900. № 1. Отд. 2. С. 185.

³⁰ Там же. С. 186.

Список литературы

1. *Герцен А.И.* Собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1965.
2. *Коржавин Н.* Время дано: Стихи и поэмы. М.: Худож. лит., 1992. 319 с.
3. *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981–2000.
4. *Панаев И.И.* Литературные воспоминания // Герцен в воспоминаниях современников / сост., вступит. статья и коммент. В.А. Путинцева. М.: Гослитиздат, 1956. С. 95–112.
5. *Плещеев А.Н.* Полное собрание стихотворений / вступит. ст., подгот. текста и примеч. М.Я. Полякова. М.; Л.: Советский писатель, 1964. (Библиотека поэта. Большая серия). 430 с.
6. *Родигина Н.Н., Сабурова Т.А.* «Вперед к Герцену»: Репрезентация А.И. Герцена в мемуарах русских интеллектуалов XIX в. // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 5–22.

Статья поступила в редакцию: 13.05.2020

Одобрена после рецензирования: 08.08.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Research Article

In Memory of Herzen. On the Margins of the Magazine “Russkoye Bogatstvo”

© 2020. Mikhail V. Stroganov

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The paper examines the history of the phrase “in memory of Herzen”, which became the title of a number of journalistic and poetic works. The origin of this formula and the reasons for its transfer from the days of memory (anniversaries of death) to the birthdays of A.I. Herzen are found out. The study of this story allows determining the historical significance of the article by the founder of this tradition, A.G. Gornfeld, whose legacy has not yet received an adequate assessment in the literary history. In the course of the study, the author clarifies and refines the literary biographies of other authors who also used this formula: the practically unknown “populist” poet S. Ivanov-Raikov and the “social democratic” publicist N.N. Kuzmin. The reconstruction allows seeing the real role of the article “In Memory of Herzen” by V.I. Ulyanov-Lenin, the value of which in the 1940–1970s was unlawfully exaggerated, as a result of which the historical perspective in the study of many literary phenomena and, first of all, the assessment of A.I. Herzen’s activities were distorted. All this leads to an adequate interpretation of N. Korzhavin’s poem dedicated to the topic, which for

many generations has been the ideological key to describing the place of A.I. Herzen in the social and literary movement of the 19th century. At the end of the paper, it is concluded that the historical, cultural and literary heritage acquires significance only in the context of modernity, but politics and journalism seek to unfold the legacy of the past in their specific pragmatic interests, and even history seeks to see a lesson in the past, although addressing it not to a particular group of people, but to the modernity as a whole. Literature does not have such pragmatic interests, but it attracts modern human with the charm of the personality of past centuries, and that's what makes its irreplaceable significance.

Keywords: unrelated phrase; quote; A.I. Herzen; “Russkoye Bogatstvo”; A.G. Gornfeld; S.A. Ivanov-Raikov; Naum Korzhavin.

Information about the author: Mikhail V. Stroganov, PhD in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: 0000-0002-7618-7436. E-mail: mvstroganov@gmail.com.

For citation: Stroganov, M.V. “In Memory of Herzen. On the Margins of the Magazine ‘Russkoye Bogatstvo’.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 312–325. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-312-325>

References

1. Gertsen, A.I. *Sobranie sochinenii: v 30 t. [Collected Works: in 30 vols.]*. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1954–1965. (In Russ.)
2. Korzhavin, N. *Vremia dano: Stikhi i poemy [Time is Given: Poems]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1992. 319 p. (In Russ.)
3. Nekrasov, N.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 15 t. [Complete Works: in 15 vols.]*. Leningrad, Nauka Publ., 1981–2000. (In Russ.)
4. Panaev, I.I. “Literaturnye vospominaniia” [“Literary Memoirs”]. *Gertsen v vospominaniakh sovremennikov [Herzen in the Memoirs of Contemporaries]*, comp., introd. and comm. by V.A. Putintsev. Moscow, Goslitizdat Publ., 1956, pp. 95–112. (In Russ.)
5. Pleshcheev, A.N. *Polnoe sobranie stikhotvorenii [Complete Poems]*, introd., ed. and ref. by M.Ia. Poliakov. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1964. 430 p. (In Russ.)
6. Rodigina, N.N., Saburova, T.A. “Vpered k Gertsenu”: Rezentatsiia A.I. Gertsena v memuarakh russkikh intellektualov XIX v.” [“Forward to Herzen”: Representation of A.I. Herzen in the Memoirs of Russian Intellectuals of the 19th Century”]. *Dialog so vremenem*, issue 38, 2012, pp. 5–22. (In Russ.)

The article was submitted: 13.05.2020

Approved after reviewing: 08.08.2020

Date of publication: 25.12.2020

Владимир Гиппиус о Мандельштаме, Ахматовой и литературных поколениях

© 2020, Ю.А. Рыкунина

Москва, Россия

Аннотация: В статье вводится в научный оборот фрагмент из рукописи Владимира Гиппиуса начала 1930-х гг., в котором он дает оценку своим младшим литературным современникам: Мандельштаму, Ахматовой, Маяковскому. Эта оценка соотносится с мнением, высказанным Гиппиусом еще в 1910-е гг. Гиппиус резко негативно воспринял свой портрет, данный ему Мандельштамом, его учеником по Тенишевскому училищу, в автобиографической книге «Шум времени» (1925). Данный фрагмент знакомит нас с непосредственной реакцией Гиппиуса на соответствующую главу из книги. Автор приводит мемуарные свидетельства о Гиппиусе, его отклики на творчество современников, затрагивает вопрос его репутации и приходит к выводу, что причины неприятия Гиппиусом воспоминаний Мандельштама носили характер этический, эстетический, идейный и социокультурный.

Ключевые слова: Владимир Гиппиус; Осип Мандельштам; Анна Ахматова; Владимир Маяковский; воспоминания; литературные поколения; архивы.

Информация об авторе: Юлия Абдуллаевна Рыкунина — кандидат филологических наук, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: rykuninay@mail.ru.

Для цитирования: *Рыкунина Ю.А.* Владимир Гиппиус о Мандельштаме, Ахматовой и литературных поколениях // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 326–340. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-326-340>

В личном фонде Владимира Васильевича Гиппиуса в Пушкинском Доме хранится его 470-страничная рукопись «Судьба или сорок восемь лет (саможизнеописание в трех шестнадцатилетиях). Шестнадцатилетие первое (1879–1894). Жизнеописание нетленных из моих друзей». Воспоминания. 1930–1932». Примечательно, что орфография рукописи дореволюционная. В этом документе, с трудом

поддающемуся прочтению (сложный почерк, своеобразный синтаксис, необычное построение фраз и абзацев, причудливая пунктуация), нами был обнаружен небольшой фрагмент, перекликающийся с рефлексиями Гиппиуса 1910-х гг. Текст здесь приобретает пафос, свойственный дореволюционным критическим статьям Гиппиуса. Первоначально же отрывок привлек наше внимание явными выпадами — с привкусом антисемитизма — в сторону О. Мандельштама, в 1907 г. окончившего Тенишевское училище, где Гиппиус преподавал ему словесность. Как уже отмечалось, Владимир Гиппиус негативно воспринял генерацию поэтов, пришедшую на смену ранним модернистам. Критике подвергались символисты — в автобиографической заметке [8, с. 121–126] — и акмеистические манифесты (см.: [29]). Комментаторы известного «парижского» письма Мандельштама к Гиппиусу от 14 (27) апреля 1908 г., в котором он пишет, что для него «связь религии с общественностью» «порвалась еще в детстве»¹ [22, с. 204], отметили, что эта проблема была затронута под воздействием Гиппиуса [22, с. 342]. В 1908 г. — «в разгар “вячеславов-ивановых”», по его выражению, — Гиппиус пытается после семилетнего перерыва вернуться в литературу и снова сблизиться с Мережковскими, но их кружок на этот раз его оттолкнул [8, с. 122]. Тем не менее «религиозно-общественные» взгляды Гиппиуса в значительной мере совпадали с декларациями Мережковских²: именно они были в это время захвачены идеей религиозной революции, а «анти-общественность» и «религиозный индивидуализм», о которых пишет Мандельштам, так же как исповедуемый им в этом письме «эстетизм», были для них едва ли не самыми страшными грехами. О том, как важна была для Гиппиуса-преподавателя общественность³, свидетельствует эпизод, который приводит биограф В.В. Набокова Б. Бойд: «Чтобы пробудить в юноше политическую сознательность, он (Владимир Гиппиус. — Ю.Р.) задал ему в качестве наказания дополнительную работу — сочинение о восстании декабристов, вдохновившем революцию 1905 года, а затем, вместе с ней, и Февральскую революцию 1917 года. Прочитав его работу, Гиппиус прошипел, едва скрывая ярость: “Вы не тенишевец”» [3, с. 156–157]. Как пишет О.А. Лекманов, мысли Мандельштама пе-

¹ Мы не касаемся здесь дальнейшей идейной эволюции Мандельштама; неизвестно также, была ли она предметом рефлексии Гиппиуса. Вероятно, Мандельштам остается для него «эстетом» начала 1910-х гг.

² Об отношении З.Н. Гиппиус к Мандельштаму см.: [10].

³ О Гиппиусе как о «Грановском средней школы», преподававшем уроки общественности, писал С.А. Венгеров (см.: [5, с. 163]).

рекликаются с мироощущением Гиппиуса «декадентского» периода: «В религии я стал атеист, эстетика побеждала религиозность. Политическое безразличие было полное. Мораль отрицалась вся вполне, без уступок» [18, с. 31–32]. Но здесь стоит отметить, что и декадентство, и собственная роль в нем интерпретировались Гиппиусом по-разному: в статье об Александре Добролюбове Гиппиус пишет, что уже тогда, в «декадентские» годы, он, в отличие от Добролюбова, был «скорее символистом» и «искал Бога» [5, с. 166], а в той же автобиографической заметке и само декадентство связывает с жадой Бога и «порывом к церкви» [8, с. 129–130], которые отсутствуют у символистов.

Как пишет А.Г. Мец, комментируя речь Гиппиуса, произнесенную на годовичном акте Тенишевского училища в 1907 г., взгляды Гиппиуса на прогресс — не только как на приобретение, но и как на потерю — оказали влияние на Мандельштама и отозвались в статье 1922 г. «О природе слова» [24, с. 65]. История литературных отношений Мандельштама и Гиппиуса с указанием на сходство их взглядов описана в статье Е.Л. Куранды (см.: [17])⁴.

12 апреля 1913 г. Мандельштам сделал дарственную надпись на «Камне»: «Дорогому Владимиру Васильевичу на память о прошедшем и в залог будущего. Автор. 12 апр. 1913 г.» [19, с. 59]. Сведениями об их дальнейших контактах мы не располагаем.

О литературных предпочтениях Гиппиуса ярко свидетельствует пассаж из неопубликованной статьи декабря 1913 г., посвященной лекции В. Пяста «Поэзия вне групп»: «Зато были прочитаны стихи Ахматовой и Мандельштама. И те, и другие были сопоставлены с поэзией Блока, и Пяст серьезно уверял, читая [преlestно живые и] трепетные стихи Блока рядом со скучнейшими стихами талантливой [в своей скуке] Ахматовой и мертвенными стихами Мандельштама, что они превзошли своего учителя, и что Мандельштам — ясновидящий. Но среди этого монотонного чтения неярких и вялых стихов только старая “Незнакомка” Блока прозвучала как единственное живое место во всей лекции» [6, с. 430]⁵. Из публикуемого фрагмента следует, что Гиппиус в целом остался верен своим оценкам и спустя два десятилетия. Отметим здесь важное и принципиальное для Гиппиуса замечание о ясновидении Мандельштама (конечно, мнимом, с точки зрения Гиппиуса).

⁴ Так, по мнению исследовательницы, осознав свой разрыв с веком, оба обращаются в 1920-е гг. «к формам, автобиографическим в своей основе» [17, с. 186].

⁵ Ср. замечание о стихах Мандельштама из неопубликованной статьи 1913 г. «Тоска по жизни»: «стилизация в манере Брюсова» [6, с. 430].

В предлагаемом отрывке фигурируют Ахматова, Маяковский (как знаковые фигуры) и оставшийся неназванным Мандельштам. Гиппиус отреагировал на главу из книги Мандельштама «Шум времени» (1925; переиздана в 1928 г. в составе книги «Египетская марка») под названием «В не по чину барственной шубе», в которой бывший тенишевец дал столь яркий и выразительный портрет своего учителя. Гиппиус с присущей ему — и подмеченной учеником — желчностью обрушивается на Мандельштама, обвиняя его в слепоте и «непрозорливости» и привычно перенося эти черты на все поколение, к которому Мандельштам принадлежал. Характеристика, данная Мандельштамом Гиппиусу, показалась ему обидной: ее «неправдивость» он соотнес с уже сложившимся у него мнением о младших современниках.

Можно предположить, что Гиппиуса задело изображение его места в литературе и литературных вкусов («отравленный Сологубом, уязвленный Брюсовым и во сне помнящий дикие стихи Случевского»), особенно то, что он был назван лишь «свидетелем литературы», ее понятый.

Здесь надо сказать несколько слов о литературном поведении Гиппиуса, востребованности его поэзии и своеобразной установке на бесславие. Поэма «Лик человеческий» (1922), по-видимому, стала его последним выступлением в печати, хотя стихи и прозу он продолжал писать до конца жизни (см.: [1, с. 124]). Но и до революции Гиппиус печатался довольно скупой; Е. Биневиц объясняет это тем, что ему довлело призвание Учителя [1, с. 125]. Служба преподавателем давала некоторые средства к существованию, при этом попытки заработать литературным трудом (газетными статьями) не были удачными⁶. Успех, который знали Ахматова, Мандельштам и Маяковский, ему не сопутствовал. Немногие книги и публикации выходили под псевдонимами — именно в связи с этим Р.В. Иванов-Разумник, рецензируя поэму «Лик человеческий», задается риторическим вопросом: «Что знает о поэте Владимире Гиппиусе широкая читающая публика?»⁷ После возвращения в литературу в 1912 г. он стремится печататься, но не находит понимания, в том числе у бывших сподвижников (см.: [31, с. 319–320, 328]). Его выпущенный «Цехом поэтов» сборник «Возвращение» (1912) — второй после книги «Песни» (1897), не получившей широкого хождения, —

⁶ См. реплику З. Гиппиус из письма Б. Савинкову от 4 марта 1914 г.: «Владимир Гиппиус невращению нажил, а ста рублей не может в “Речи” добиться» [27, с. 281].

⁷ *Иванов-Разумник Р.В.* Три богатыря // *Летопись Дома литераторов.* 1922. № 7. С. 5.

имел тираж 300 экземпляров [32, с. 186]; такими тиражами выходили книги стихов дебютантов: «Вечер» Ахматовой в 1912 г. и «Камень» Мандельштама в 1913 г. «Чётки» в 1914-м вышли тиражом уже в 1000 экземпляров [32, с. 57], и такой же тираж был у второго издания «Камня» в 1915-м [32, с. 412]. Третья поэтическая книга Гиппиуса «Ночь в звездах» (1915) также имела скромный тираж — 500 экземпляров [32, с. 186]. Характерно, что в заметке для собрания биографий русских писателей С.А. Венгерова он не называет свои книги и публикации. В стихотворении «Слава» из книги «Томление духа» (1916) Гиппиус, с опорой на предшественников, сформулировал отношение к славе и самоощущение продолжателя классической традиции:

Я не гонюсь за славой своенравной:
Мне Пушкиным уж было внушено,
Что слава — дым, что лишь стезей бесславной
Достигнуть нам величья суждено⁸.

По воспоминаниям Н.Ф. Крамовой, учившейся в гимназии М.Н. Стоюниной, Гиппиус тщательно скрывал от учениц, что пишет стихи, но они знали об этом и переписывали их в тетрадку [16, с. 10].

Поэт, педагог, литературовед и критик, Гиппиус совмещал несколько основных социальных ролей (см.: [26, с. 14–15]). В качестве критика в своих статьях он стремился структурировать литературное поле, противопоставляя одних его участников другим, концептуализируя литературные события и апеллируя к общественному мнению⁹. Не будучи активным деятелем литературных объединений, он, по-видимому, мыслил свою роль как «институциональную»; после революции осуществлять ее — писателю его склада — стало практически невозможно.

Произведения Мандельштама (как известно, в начале 1930-х после долгого поэтического молчания он вернулся к стихам)

⁸ Ср. также в стихотворении из книги «Ночь в звездах» (1915): «Нет, я не знал признаний шумных, / На площадях любви не знал, — / Я убежал — в тенях и думах — / В леса, под сень недвижных скал».

⁹ Помимо статей в «Речи» см. публикацию: В. Бестужев <В.В. Гиппиус> Литературно-общественная смена // Голос жизни. 1915. № 9. С. 15–18. В статье речь идет о Д.С. Мережковском и его роли как «нового Белинского». Характерно, что еще в 1900 г. Д.В. Философов прочил Гиппиусу большое будущее именно как критику: «Очень был бы рад, если бы Вы постепенно втянулись в литературную критику. По всему вижу, что это Ваше дело. И тон верный, и по поверхности не скользите. Ну, да об этом при свидании» (письмо от 1 апреля 1900 // ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 225. Л. 7; указано А.Л. Соболевым).

в 1920-х — начале 1930-х гг., хоть и редко, но появлялись на страницах периодики; в 1928 г. вышли: книга «Стихотворения», в которую вошли «Камень», «Tristia» и раздел «Стихи 1921–1925 гг.»; повесть «Египетская марка»; сборник статей «О поэзии». Возможно, Гиппиусом это относительное писательское благополучие (см.: [28])¹⁰ было воспринято как лишнее свидетельство конформизма его ученика и повлияло на его размышления о нем.

Таким образом, резкий отклик был обусловлен этическими, эстетическими, идейными («эстетизм» раннего Мандельштама Гиппиус понимал как «реакцию») и социокультурными (отношение к успеху) причинами.

В мемуарной литературе утвердилось представление о Мандельштаме как о благодарном ученике своего неистового учителя словесности, которому поэт многим обязан, о чем он написал сам: «Власть оценок В.В. длится надо мной и посейчас». Н.Я. Мандельштам во «Второй книге» пишет: «Благодаря В.В. Гиппиусу Мандельштам еще в школьные годы научился горячо и пристально относиться к русской литературе и особенно к поэзии. Не будь этого, ему было бы гораздо труднее определить свое место, найти единомышленников и, следовательно, себя». По мнению Н.Я. Мандельштам, творчество «забытых» поэтов Коневского и Добролюбова, с которым Мандельштам познакомился благодаря Гиппиусу, позволило ему легко перейти к И. Анненскому и «выбрать его себе в учителя» [21, с. 54]. А вот свидетельство брата поэта, Евгения Мандельштама: «Осип, несомненно, ученик Гиппиуса. Причем принадлежит к тем из них, кто на годы сохранил внутреннюю связь с учителем. <...> Как к педагогу Осип относился к Гиппиусу с величайшим почтением. Твердо уверенный в незаурядности таланта и личности самого Владимира Васильевича, брат называл его “формовщиком душ и учителем для замечательных людей”» [20, с. 132]¹¹. «Письма (Рудакова к Мандельштаму. — Ю.Р.) заставляют вспомнить В.В. Гиппиуса — учителя словесности, с такой любовью описанного О. Мандельштамом в “Шуме времени”», — писала Э.Г. Герштейн [4, с. 300]¹².

Теперь мы располагаем мнением самого «учителя словесности» о своем портрете. Отрывок несомненно интересен своеобразным подходом к важной для Гиппиуса проблеме литературных поколе-

¹⁰ О политическом контексте периода конца 1920-х — начала 1930-х гг. в жизни Мандельштама см. также: [13].

¹¹ Приведена цитата из главы «Эрфуртская программа» книги «Шум времени».

¹² В именном указателе ошибка: Василий Васильевич Гиппиус.

ний, которая в 1920-е гг. была актуализирована представителями формальной школы¹³.

Фрагмент воспоминаний из главы третьей «Общие места» печатается по черновой рукописи (РО ИРЛИ. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 47–49 об.), с сохранением особенностей авторской пунктуации. Отрывки из него уже вводились в научный оборот (см.: [18, с. 32]), теперь мы предлагаем более полный текст. Приношу благодарность сотрудникам Рукописного отдела Пушкинского Дома, а также О.В. Репиной и П.М. Нерлеру за помощь в чтении рукописи.

Приложение

Ощущал ли разницу — поколений?¹

Отвечаю пространно обиняками. Йорик² — ее ровесн годом ее³ моложе. Мой младший брат⁴ — двумя — годами старше. Йорик — вынуждал меня — если <не?> к страданию — и до операции то к — отталкиванию еще и до операции⁵ — иной, чем я, душой. Той самой — которой — в конце концов оттолкнул меня от себя — младший из моих братьев. Недалеко, чем в прошлом году. Как ее определить? Литературно — всего легче. Не так давно было в ходу — противопоставление Маяковского и Ахматовой⁶. Сужу — беспристрастно. Последний русский поэт, кого я чувствовал — после Чехова⁷ наиболее — да и единственно, (не исключая и Сологуба⁸ сказать — откровенно), своим — был Блок⁹.

О Добролюбов и Ортеус особая речь¹⁰. На вкусе к Ахматовой сошлось то поколение — душа которого мне чужда. Маяковского не мне любить. Но вчуже — душу тех, кто принимает его поэзию, я понимаю¹¹. Прибегая к затасканным — словам. Я революционер. Был в реакции¹² — и довольно долго. Преодолею ее в себе — революцией.

Деятелей революции, как бы они «не растрчивали мне нервов» своим гвалт криком, да и гвалтом, принимаю, — последышей реакции — никак. Что такое — революция — и что такое — реакция? Прежде всего: затасканные слова. Но в конце концов — нечто и другое. Реакция — не порывает до последней ниточки с Пошлостью, да и не до последней. Революция — если она есть она сама — а не ее подделка — и есть крайняя противоположность¹³.

Один из моих учеников — того же возраста — и уж пусть себе сам и решает, какого поколения — возраста Йорика, моего младшего

¹³ Заметим, что тема поколений продолжала быть предметом рефлексии З.Н. Гиппиус: см. ее статьи «Новь» (1925), «Мальчики и девочки» (1926).

брата и Надежды Михайловны — оказал мне дурную честь — поместив меня частично <1 слово вставлено> в свои мемуары, возмущившие меня — вообще своим — соблазнительным — по формальной <1 слово вставлено> талантливости, но — отнюдь — не прочему пошлым тоном.

Таких людей, как он к сожалению — не именуют потому только пошлыми, что они именно соблазнительны своей талантливостью. И — разительно только — сколь мелкой. Основа моей когда его знал характеристики: литературный <1 слово вставлено> неудачник — его — завистник¹⁴ — прикрывающийся — важностью или надутый собственник <3 слова вставлены сверху>¹⁵. Выражаюсь как можно неталантливее, чтобы быть как можно точнее. Этот мой частичный Плутарх¹⁶ — поэт. Кто за Ахматову — тот заглянул и за его поэзию. Хотя разница велика. Она — чистосердечна и в своем кокетстве, он — словоблуд.

Мне его стихи — чужды. — Не русских — а еврейских что ли звучаний¹⁷. †Еврей†¹⁸ и чем-то в наружности очень напоминает Добролюбова, Ал. Мих., за что одно я должен был бы его любить. И — не скажу, чтобы ~~ненавие~~ терпеть не мог. Как многие. Скорее — мог бы и полюбить. Сказать строго <1 слово вставлено> педагогически: «Если бы исправился...»

Начинаю углублять — его портрет зря. Не хочу о нем говорить подробно. Раз у него не достало — правдивости — сказать обо мне правду, — а еще того проще — не говорить обо мне ничего, по крайней мере без спросу. Дело его совести. А моей — сказать, что: если все те, кто читал без отвращения его — вольготное — обращение с правдой — обо мне ли — о — ком-либо — другом — все одно — перед правдой мнимой <?>. Составляют некое — поколение — они мне — ~~противо~~ чужая толпа. Если та же — душа. ~~Но я думаю~~¹⁹

Моя суть в обращении с правдой? Это конечно только — вежливость, но кто соблюдает ~~эту~~ такую — в отношении к правде, может — тому ~~открове~~ бывают и откровения.

Другими словами: слеп ты — или зряч?

Поколение моих сверстников было пусть и не восхитительно, но оно хотело — видеть. Меньше — или больше, чем наши — отцы²⁰, но хотело. Мой ученик — и вместе с тем — мой частичный мемуарист — не хотел видеть. Он хотел ослепнуть²¹. И — откровений ему — как и всем его сторонникам — долго не было. В этой — непрозорливости — Ахматова, Маяковский — и только что помянутый — аноним (~~и если~~ раз не заслуживает на страницах моих воспоминаний — и псевдонима) — сходятся²².

¹ Гиппиус здесь говорит о разнице в возрасте со своей второй женой, бывшей ученицей, Надеждой Михайловной Гиппиус, урожденной Томилиной, которая была моложе его на 16 лет (родилась в 1892 г.); ее фамилия была ранее ошибочно указана нами как Татлина (см.: [30, с. 208]). Вероятно, деление воспоминаний на шестнадцатилетия продиктовано именно разницей в возрасте. Здесь Гиппиус предельно внимателен к возрасту, однако в статье 1915 г. «Спор поколений» — полемическом отклике на «Зеленое кольцо» З.Н. Гиппиус — он писал: «Разделения совершаются в действительности не в соответствии с возрастами, а в соответствии со вкусом к движению и со вкусом к неподвижности — во-первых; и во вторых, — в зависимости от тяги в “любовь великую” — т. е. к людям, или в любовь малую, т. е. к самому себе» (День. 1915. 22 февраля. № 51. С. 3).

² Вероятно, речь идет о В.Б. Шкловском. Его автобиографическая книга «Сентиментальное путешествие» отсылает к одноименному роману Стерна, главный герой которого носит имя Йорик. Ср. также ««Тристрам Шенди» Стерна и теория романа» (1921) и главу о Стерне в «О теории прозы» (1929) Столовского. В начале 1920-х гг. Гиппиус мог встречаться со Шкловским в том числе в Вольфиле и Государственном институте истории искусств (ГИИИ).

³ Т. е. Надежды Михайловны, жены Гиппиуса.

⁴ Василий Васильевич Гиппиус (1890–1942).

⁵ Что имеется в виду, неясно.

⁶ Знаменитая статья К. Чуковского «Ахматова и Маяковский» была опубликована в № 1 журнала «Дом искусств» за 1921 г. Ей предшествовала прочитанная в Доме искусств лекция «Две России. Ахматова и Маяковский». Противопоставив две враждебные фигуры двух враждебных эпох, Чуковский, однако, писал: «Для меня эти две стихии не исключают, а дополняют одна другую, они обе необходимы равно. Мне кажется, настало время синтеза этих обеих стихий» (с. 42). Об отношении Гиппиуса к стихам Ахматовой см. вступительную статью. Здесь необходимо сказать, что когда Гиппиус писал эти строки, стихи Ахматовой не печатались, это был период вынужденного «молчания». Как пишет Р.Д. Тименчик, «в последний раз до введения негласного цензурного запрета ее новые стихи печатались в 1924-м — стихотворение “Хорошо здесь: и шелест, и хруст...” в альманахе “Поэты наших дней” (М., 1924)» [33, с. 21].

⁷ Ср. посвященный Чехову сонет LXVI (*Гиппиус Вл.В.* Томление духа: Вольные сонеты Вл. Нелединского. Пг., 1916. Без пагинации):

А. Белый и Чехов

Но я не знал порывистых туманов,
В которые нас Белый завлекал!
Но ближе был мне Чеховский Иванов,
Как скучный путник средь недвижных скал:

Там ночевала тучка золотая,
Когда угрюмо стыло их чело,
Там кто-то звал так явственно из рая,
Куда ее навеки унесло...

Она над степью одиноко мчалась,
Когда трава в тоске к земле склонялась,
И птицы звали вещего певца;

Мы в степь ушли, мы жили средь туманов, —
 Но кротко ночью в темные сердца —
 Стучались дядя Ваня и Иванов.

⁸ Сологуб и Гиппиус познакомились в начале 1895 г., письма Гиппиуса к Сологубу хранятся в личном фонде последнего (РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 185). Гиппиус всегда любил стихи Сологуба, проявлял интерес к его творчеству: так, 7 августа 1900 г. он писал ему: «Вы единственный поэт. Мережк<овский> и Минский — наши отличные литераторы, а Фофанов вдохновенный пропойца. Вы — Фетова рода, но я Вас люблю больше, чем Фета. Все это правда» (РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 185. Л. 8). Отношения Гиппиуса и Сологуба затрагиваются в книге: [25, с. 11, 151, 181, 352]; см. также статью Гиппиуса «Литературная суета» (Речь. 1913. 1 апреля. № 89).

⁹ См. вступительную статью. Поэтическая переписка Гиппиуса и Блока была опубликована во втором, ноябрьском номере журнала «Гиперборей» за 1912 г. В книге «Томление духа» Блоку был посвящен сонет LXX: «Еще один! который вслед за нами...» (см.: [2, с. 542–543, 553, 559]). Об отношениях Гиппиуса с Блоком см.: [7]. См. также: [9, с. 316–324]. Ср. замечание Гиппиуса о Блоке в автобиографической заметке: «Куда позвали, куда двинули женственные вдохновения Блока?» [8, с. 129].

¹⁰ Об отношениях Гиппиуса с Добролюбовым см.: [5]. Об отношениях с Иваном Коневским (Ореусом) см.: [11].

¹¹ Неизвестно, писал ли Гиппиус эти строки до самоубийства Маяковского или после. Об отношении Гиппиуса к футуристам см. его публикацию «Ничтожные слова о ничтожных делах» [6] («у футуристов можно было бы видеть то преимущество, что они чувствуют другую сторону художественно-словесной правды: мысль изреченная ложь... Да, ложь! если мысль, будучи живым огнем мира, самого Бога, не прожигает этим огнем — слово» [6, с. 432]). См. также: [15]. В 1913 г. Гиппиус откликнулся на самоубийство футуриста А. Игнатъева статьей «Отчаявшиеся и очарованные». Как пишет А. Кобринский, «трагическая смерть И. Игнатъева как бы дала шанс футуризму в глазах Вл. Гиппиуса» [15, с. 551].

¹² Здесь Гиппиус, очевидно, имеет в виду правые взгляды, привитые ему отцом, и службу в департаменте духовных дел (1902–1905). В автобиографической заметке он писал: «Мог бы сделаться чиновником, — если бы победил наследственный политический консерватизм... Победил — декадентский бунт» [8, с. 127].

¹³ См. статьи Гиппиуса 1913 г.: «Душа реакции» (Речь. 3 марта. № 60), «Литературная суета» (Речь. 1 апреля. № 89), «Разлив благодушия» (Речь. 7 апреля. № 95), «Святое беспокойство» (Речь. 15 мая. № 130). См. также важную статью «Спор поколений» (День. 1915. 22 февраля. № 51), в которой Гиппиус, в частности, писал: «Последнее десятилетие — на наших глазах — дало молодую реакцию, — в далькрозистах, акменстах, аполонистах, тангистах и пр. и пр. Ту кривляющуюся, едва лепечущую человеческие слова, коснеющую во всех кабачках и “миниатюрах” — душу реакции, которую я отметил года два тому...» (с. 3). В автобиографической заметке Гиппиус писал, что после 1905 г. он был «вне всяких партий, — и все левее» [8, с. 122].

¹⁴ Ср.: «Но настоящий его разговор был простым перебиранием литературных имен и книг, с звериной жадностью, с бешеной, но благородной завистью» [23, с. 218]; «Начиная от Радищева и Новикова, у В. В. устанавливалась уже личная связь с русскими писателями, желчное и любовное знакомство, с благородной завистью, ревностью, с шутивным неуваженьем, кровной несправедливостью, как водится в семье» [23, с. 219]. Ср. также: «уязвленный Брюсовым» [23, с. 217].

¹⁵ Возможно прочтение: «...или надутый собственник, прикрывающийся важностью».

¹⁶ Плутарх здесь упомянут как автор «Сравнительных жизнеописаний».

¹⁷ Подробно о еврейских темах и мотивах в стихах и прозе Мандельштама см.: [12].

¹⁸ Т. е. крещеный еврей. О крещении Мандельштама по методистскому обряду в Выборге см.: [18, с. 58]. См. также: [14].

¹⁹ Далее строка вымарана и не читается.

²⁰ Ср. в статье «Душа реакции» об «отцах» новых «эстетов»: «Но столкновение отцов с детьми сейчас тягостно для сознания отцов не тем, что дети куда-то лихорадочно рвутся, напротив, — отцам нечего волноваться за их стремительную неосмотрительность. Они никуда не рвутся. Отцы — в тоске и ужасе должны остановиться перед тем, что дети, если они только остаются жить на свете... забыли... веселятся и танцуют, и, если ничему не рукоплещут, то потому, что им, вообще, ни до чего нет дела, кроме самих себя» (Речь. 1913. 3 марта. № 60. С. 3).

²¹ Ср. во вступительной статье о «ясновидении» Мандельштама.

²² Далее идет речь о Р.В. Иванове-Разумнике и его «восхитительной» рецензии на поэму Гиппиуса «Лик человеческий» (Три богатыря // Летопись Дома литераторов. 1922. № 7). Гиппиус пишет, что называет Иванова-Разумника «не псевдонимно и тем менее анонимно» (Л. 49 об.).

Список литературы

1. *Биневиц Е.* «...Тайный автор замечательных стихов» // Новый журнал. 1993. № 3. С. 121–131.
2. Блок в поэзии его современников / вступ. ст. и публ. Ю.М. Гельперина // Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 540–597.
3. *Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы: биография / авториз. пер. с англ. Г. Лапиной. СПб.: Симпозиум, 2010. 695 с.
4. *Герштейн Э.Г.* Вблизи поэтов. Мемуары: Ахматова, Мандельштам, Пастернак, Лев Гумилев. М.: Изд-во АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2019. 877 с.
5. *Гиппиус Вл.* Александр Добролюбов // Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. С.А. Венгерова; послесл., подгот. текста А.Н. Николукина. М.: Республика, 2004. С. 163–172.
6. *Гиппиус Вл.В.* Ничтожные слова о ничтожных делах / предисл., подг. текста и прим. А. Меца // На рубеже двух столетий: сб. в честь 60-летия А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 422–433.
7. *Гиппиус Вл.В.* О Блоке, что помню / предисл., публ. и коммент. А.М. Грачевой и О.А. Линдеберг // Писатели символистского круга: Новые материалы / ред. В.Н. Быстров и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 44–76.
8. *Гиппиус Вл.* О самом себе / публ. Е. Биневица // Петрополь 96. Литературная панорама. 1993–1996. СПб., 1996. С. 119–132.
9. *Грачева А.М.* Диалоги Януса. Беллетристика и классика в русской литературе начала XX века. Портреты. Этюды. Разыскания. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. 368 с.
10. *Драницин В.* Осип Мандельштам и петербургский Парнас начала XX века // Toronto Slavic Quarterly. Fall 2019. № 70. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/70/index_70.shtml (дата обращения 01.05.2020).
11. Иван Коневской. Письма к Вл.В. Гиппиусу / публ. И.Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л.: Наука, 1979. С. 79–98.
12. *Кацис Л.Ф.* Осип Мандельштам: мускус иудейства. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2002. 598 с.
13. *Кацис Л.Ф.* Проблема выявления политической реальности в документах О.Э. и Н.Я. Мандельштамов о М.Б. Вольфсоне, В.И. Нарбуте, Н.И. Бухарине // Литературный факт. 2020. № 15. С. 310–341.

14. *Кацис Л.* Протестантское крещение евреев в Финляндии в 1911–1913 гг. и судьба Осипа Мандельштама // Русская почта. Белград, 2008. № 1. С. 55–76.
15. *Кобринский А.А.* Вл. Гиппиус: правда и поза // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. Вып. 1. С. 549–561.
16. *Крамцова Н.Ф.* Пока нас помнят... Рассказы. Tenaflu (N.J.): Эрмитаж, 1989. 175 с.
17. *Куранда Е.Л.* Гиппиус Владимир Васильевич // Мандельштамовская энциклопедия: в 2 т. М.: Политическая энциклопедия, 2017. Т. 1. С. 185–186.
18. *Лекманов О.А.* Осип Мандельштам: ворованный воздух. Биография. М.: Изд-во АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2016. 464 с.
19. Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. 3-е изд., испр. и доп. / [сост. А.Г. Мец]. СПб., 2019. 509 с. URL: https://imwerden.de/pdf/mandelshamt_letopis_zhizni_i_tvorchestva_3_izd_2019.pdf (дата обращения 01.05.2020).
20. *Мандельштам Е.Э.* Воспоминания / публ. Е.П. Зенкевич, предисл. А.Г. Меца // Новый мир. 1995. № 10. С. 119–178.
21. *Мандельштам Н.* Собрание сочинений: в 2 т. / ред.-сост. С. Василенко, П. Нерлер и Ю. Фрейдин; вступ. ст. Ю. Фрейдина. Екатеринбург: Гонзо, 2014. Т. 2: «Вторая книга» и другие произведения (1967–1979). 1008 с.
22. *Мандельштам О.* Камень / изд. подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. Л.: Наука, 1990. 398 с.
23. *Мандельштам О.Э.* Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. 2-е изд., испр. и доп. / сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. СПб.: Гиперион, 2017. Т. 2: Проза. 671 с.
24. *Мец Г.А.* Тенишевское училище и другие работы об Осипе Мандельштаме и его времени. СПб.: Гиперион, 2020. 354 с.
25. *Павлова М.* Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф.К. Тетерников. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 512 с.
26. *Рейтблат А.И.* Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 415 с.
27. «Революционное христовство». Письма Мережковских к Борису Савинкову / вступ. ст., сост., подг. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. 448 с.
28. *Ронен О.* Слава // Звезда. 2006. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/7/ro16.html> (дата обращения 01.05.2020).
29. *Рыкунина Ю.А.* Владимир Гиппиус об акмеистах: «Учителя и ученики» // Литературный факт. 2017. № 5. С. 207–224.
30. *Рыкунина Ю.А.* К биографии Владимира Гиппиуса // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 193–212.
31. *Рыкунина Ю.А.* «Книга дело — личное и, конечно, в России совершенно бескорыстное»: Письма Владимира Гиппиуса Брюсову (1897–1912) // «Тихие песни»: историко-литературный сборник к 80-летию Л.М. Турчинского. М.: Трутень, 2014. С. 308–329.
32. *Тарасенков А.К., Турчинский Л.М.* Русские поэты XX века. 1900–1955: материалы для библиографии. М.: Языки славянской культуры, 2004. 880 с.
33. *Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы. 2-е изд., испр. и расшир. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2014. Т. 2. 632 с.

Статья поступила в редакцию: 02.06.2020

Одобрена после рецензирования: 09.09.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Research Article

Vladimir Gippius on Mandelstam, Akhmatova and Literary Generations

© 2020, Yulia A. Rykunina

Moscow, Russia

Abstract: The paper presents a fragment from Vladimir Gippius's manuscript of the early 1930s, in which he evaluates his junior literary contemporaries: Osip Mandelstam, Anna Akhmatova, Vladimir Mayakovsky. This evaluation corresponds with the opinion Gippius expressed in the 1910s: Acmeists for him are indifferent esthetes that lack strong qualities of their predecessors. Gippius evaluates negatively his literary portrait by Mandelstam, his pupil in the Tenishev School, in the autobiographic book "Shum vremeni" ("The Noise of the Time", 1925). This fragment presents Gippius's reaction on the correspondent chapter of Mandelstam's book. The author cites memoirs about Gippius and his responses to works of his contemporaries, touches the issue of his literary behavior and concludes, that the reasons for Gippius's rejection of Mandelstam's memoirs were ethic, esthetic, ideological and sociocultural.

Keywords: Vladimir Gippius; Osip Mandelstam; Anna Akhmatova; Vladimir Mayakovsky; memoirs; literary generations; archives.

Information about the author: Yulia A. Rykunina, PhD in Philology, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: rykuninay@mail.ru.

For citation: Rykunina, Yu.A. "Vladimir Gippius on Mandelstam, Akhmatova and Literary Generations." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 326–340. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-326-340>

References

1. Binevich, E. "...Tainyi avtor zamechatel'nykh stikhov'." ["...The Secret Author of Amazing Poems'."]. *Novyi Zhurnal*, no. 3, 1993, pp. 121–131. (In Russ.)
2. "Blok v poezii ego sovremennikov" ["Blok in the Poetry of His Contemporaries"], introd. and publ. by Yu.M. Gelperin. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 92: Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniia [Alexander Blok: New Materials and Studies], book 3. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 540–597. (In Russ.)
3. Boid, B. *Vladimir Nabokov. Russkie gody: biografiiia [Vladimir Nabokov. Russian Years: Biography]*, authorized transl. from English by G. Lapina. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2010. 695 p. (In Russ.)
4. Gershtein, E.G. *Vblizi poetov. Memuary: Akhmatova, Mandel'shtam, Pasternak, Lev Gumilev [Close to Poets. Memoirs: Anna Akhmatova, Mandelstam, Pasternak, Lev Gumilyov]*. Moscow, Izdatel'stvo AST, Redaktsiia Eleny Shubinoi Publ., 2019. 877 p. (In Russ.)
5. Gippius, Vl. "Aleksandr Dobroliubov" ["Alexander Dobrolyubov"]. *Russkaia literatura XX veka. 1890–1910 [Russian Literature of 20th Century. 1890–1910]*, ed. by S.A. Vengerov; afterword, text prep. by A.N. Nikoliukin. Moscow, Respublika Publ., 2004, pp. 163–172. (In Russ.)

6. Gippius, VI.V. “Nichtozhnye slova o nichtozhnykh delakh” [“Trivial Words About Trivial Deeds”], introd., text prep. and comm. by A. Mets. *Na rubezhe dvukh stoletii: sbornik v chest' 60-letii A.V. Lavrova* [At the Turn of Two Centuries: Collection of Essays to the 60th Anniversary of A.V. Lavrov]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2009, pp. 422–433. (In Russ.)

7. Gippius, VI.V. “O Bloke, chto pomniu” [“About Blok, Things I Remember”], introd., publ. and comm. by A.M. Gracheva and O.A. Lindeberg. *Pisateli simvolistskogo kruga: Novye materialy* [Writers of the Symbolist Circle: New Materials], ed. V.N. Bystrov, et al. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, pp. 44–76. (In Russ.)

8. Gippius, VI. “O samom sebe” [“About Myself”], publ. by E. Binevich. *Petropol' 96. Literaturnaia panorama. 1993–1996* [Petropol' 96. Literary Panorama. 1993–1996]. St. Petersburg, 1996, pp. 119–132. (In Russ.)

9. Gracheva, A.M. *Dialogi Ianusa. Belletristika i klassika v russkoi literature nachala XX veka. Portrety. Etiudy. Razyskaniia* [Janus Dialogues. Fiction and Classics in Russian Literature of the Early 20th Century. Portraits. Studies. Discoveries]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2011. 368 p. (In Russ.)

10. Dranitsin, V. “Osip Mandel'shtam i peterburgskii Parnas nachala XX veka” [“Osip Mandelstam and Petersburg Parnassus of the Early 20th Century”]. *Toronto Slavic Quarterly*, no. 70, Fall 2019. Available at: http://sites.utoronto.ca/tsq/70/index_70.shtml (Accessed 01 May 2020). (In Russ.)

11. “Ivan Konevskoi. Pis'ma k VI.V. Gippiusu” [“Ivan Konevskoy. Letters to VI. Gippius”], publ. by I.G. Yampolsky. *Ezhгодnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1977 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1977]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 79–98. (In Russ.)

12. Katsis, L.F. *Osip Mandel'shtam: muskus iudeistva* [Osip Mandelstam: The Musk of Judaism]. Moscow–Jerusalem, Gesharim Publ., Mosty Kul'tury Publ., 2002. 598 p. (In Russ.)

13. Katsis, L.F. “Problema vyavleniia politicheskoi real'nosti v dokumentakh O.E. i N.Ia. Mandel'shtamov o M.B. Vol'fson, V.I. Narbut, N.I. Bukharine” [“The Problem of Revealing Political Reality in Osip and Nadezhda Mandelstam's Documents Concerning M. Volfson, V. Narbut, N. Bukharin”]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (15), 2020, pp. 310–341. (In Russ.)

14. Katsis, L. “Protestantskoe kreshchenie evreev v Finliandii v 1911–1913 gg. i sud'ba Osipa Mandel'shtama” [Protestant Baptism of Jews in Finland in 1911–1913 and Osip Mandelstam's Fate]. *Russkaia pochta*, Belgrad, no. 1, 2008, pp. 55–76. (In Russ.)

15. Kobrinskii, A.A. “VI. Gippius: pravda i poza” [“VI. Gippius: Truth and Pose”]. *Vlacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vlacheslav Ivanov. Studies and Materials], issue 1, ex. ed. K.Iu. Lappo-Danilevsky, A.B. Shishkin. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ., 2010, pp. 549–561. (In Russ.)

16. Kramova, N.F. *Poka nas pomniat... Rasskazy* [While We Are Remembered... Short Stories]. Tenafly (N.J.), Ermitazh Publ., 1989. 175 p. (In Russ.)

17. Kuranda, E.L. “Gippius Vladimir Vasil'evich” [“Gippius Vladimir Vasilyevich”]. *Mandel'shtamovskaia entsiklopediia: v 2 t.* [Mandelstam Encyclopedia: in 2 vols.], vol. 1. Moscow, Politicheskaiia Entsiklopediia Publ., 2017, pp. 185–186. (In Russ.)

18. Lekmanov, O.A. *Osip Mandel'shtam: vorovannyi vozdukh. Biografiia* [Osip Mandelstam: The Stolen Air. Biography]. Moscow, Izdatel'stvo AST, Redaktsiia Eleny Shubinoi Publ., 2016. 464 p. (In Russ.)

19. *Letopis' zhizni i tvorchestva O.E. Mandel'shtama* [Chronicle O.E. Mandelstam's Life and Work], 3rd ed., rev. and edd., comp. A.G. Mets. St. Petersburg, 2019. 509 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/mandelstam_letopis_zhizni_i_tvorchestva_3_izd_2019.pdf (Accessed 01 May 2020) (In Russ.)

20. Mandel'shtam, E.E. "Vospominaniia" ["Memoirs"], publ. by E.P. Zenkevich, introd. by A.G. Mets. *Novyi mir*, no. 10, 1995, pp. 119–178. (In Russ.)
21. Mandel'shtam, N. *Sobranie sochinenii: v 2 t.* [Collected Works: in 2 vols.], vol. 2, ed. and comp. S. Vasilenko, P. Nerler and Yu. Freidin, introd. by Yu. Freidin. Ekaterinburg, Gonzo Publ., 2014. 1008 p. (In Russ.)
22. Mandel'shtam, O. *Kamen' [The Stone]*, prep. by L.Ya. Ginzburg, A.G. Mets, S.V. Vasilenko, Yu.L. Freidin. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 398 p. (In Russ.)
23. Mandel'shtam, O.E. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 3 t.* [Complete Works and Letters: in 3 vols.], vol. 2, 2nd ed., rev. and edd., comp., text prep. and comm. by A.G. Mets. St. Petersburg, Giperion Publ., 2017. 671 p. (In Russ.)
24. Mets, G.A. *Tenishevskoe uchilishche i drugie raboty ob Osipe Mandel'shtame i ego vremeni [Tenishev School and Other Works on Osip Mandel'shtam and His Time]*. St. Petersburg, Giperion Publ., 2020. 354 p. (In Russ.)
25. Pavlova, M. *Pisatel'-inspektor: Fedor Sologub i F.K. Teternikov [The Writer-Inspector: Fyodor Sologub and F.K. Teternikov]*. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2007. 512 p. (In Russ.)
26. Reitblat, A.I. *Pisat' poperek: stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury [Writing Across: Articles on Biography Studies, Sociology and History of Literature]*. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2014. 415 p. (In Russ.)
27. "Revoliutsionnoe khristovstvo". *Pis'ma Merezhkovskikh k Borisu Savinkovu* ["Revolutionary Christianity": The Merezhkovskys' Letters to Boris Savinkov], introd., comp., text prep. and comm. by E.I. Goncharova. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2009. 448 p. (In Russ.)
28. Ronen, O. "Slava" ["Glory"]. *Zvezda*, no. 7, 2006. Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/7/ro16.html> (Accessed 01 May 2020). (In Russ.)
29. Rykunina, Yu.A. "Vladimir Gippius ob akmeistakh: 'Uchitelia i ucheniki'." ["Vladimir Gippius on Acmeists: 'Masters and Disciples'."]. *Literaturnyi fakt*, no. 5, 2017, pp. 207–224. (In Russ.)
30. Rykunina, Yu.A. "K biografii Vladimira Gippiusa" ["On the Biography of Vladimir Gippius"]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (15), 2020, pp. 193–212. (In Russ.)
31. Rykunina, Yu.A. "Kniga delo — lichnoe i, konechno, v Rossii sovershenno beskorystnoe": Pis'ma Vladimira Gippiusa Briusovu (1897–1912) ["The Matter of a Book Is Personal and, of Course, Completely Self-Denying in Russia": Vladimir Gippius's Letters to Bryusov (1897–1912)"]. "Tikhie pesni": istoriko-literaturnyi sbornik k 80-letiiu L.M. Turchinskogo ["Quiet Songs": Historic and Literary Collection to the 80th Anniversary of L.M. Turchinsky]. Moscow, Truten' Publ., 2014, pp. 308–329. (In Russ.)
32. Tarasenkov, A.K., Turchinskii, L.M. *Russkie poety XX veka. 1900–1955: materialy dlia bibliografii [Russian Poets of the 20th Century. 1900–1955: Materials for Bibliography]*. Moscow, Iazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2004. 880 p. (In Russ.)
33. Timenchik, R. *Poslednii poet. Anna Akhmatova v 60-e gody [The Last Poet. Anna Akhmatova in the 1960s]*, vol. 2, 2nd ed., rev. and edd. Moscow–Jerusalem, Mosty Kul'tury Publ., Gesharim Publ., 2014. 632 p. (In Russ.)

The article was submitted: 02.06.2020

Approved after reviewing: 09.09.2020

Date of publication: 25.12.2020

С.Н. Дурылин о Валерии Брюсове

© 2020, И.В. Мотеюнайте

Псковский государственный университет,
Псков, Россия

Аннотация: В статье рассматривается восприятие В.Я. Брюсова С. Дурылиным. Материалом является книга «В своем углу», газетная статья «Силуэты. Валерий Брюсов» и письма Дурылина. В частных записях «В своем углу» С. Дурылин обычно различал «авторскую» и «человеческую» ипостаси писателей, что связано со спецификой его эстетической программы. Автор показывает, что стихи Брюсова сначала очаровали Дурылина остротой революционного духа, а затем увлекли своей страстностью и открытостью «бездне», характерными для символизма в целом. Дурылин высоко ценил всю деятельность Брюсова-символиста. Однако его биографическая личность вызывала противоречивые чувства и не поддавалась однозначным характеристикам. Наиболее точным выражением сложной личности Брюсова для Дурылина стал его портрет работы М.А. Врубеля. Мистические рассказы о художниках, работавших над портретами Брюсова, записаны Дурылиным и обосновывают его невысказанное прямое отношение к нему: связь демонического начала с литературной биографией. Кроме того, в статье показывается устойчивость литературной репутации Брюсова, которая существенно повлияла на Дурылина в ранней юности.

Ключевые слова: С.Н. Дурылин; В.Я. Брюсов; М.А. Врубель; литературная репутация; русский символизм; литература и живопись; газета «Понедельник».

Информация об авторе: Илона Витаутосовна Мотеюнайте — доктор филологических наук, профессор, Псковский государственный университет, пл. Ленина, д. 2, 180000 г. Псков, Россия. ORCID ID: 0000-0001-6117-4555. E-mail: ilona_motya@mail.ru.

Для цитирования: *Мотеюнайте И.В.* С.Н. Дурылин о Валерии Брюсове // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 341–354.
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-341-354>

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект «С.Н. Дурылин — историк литературы», № 18-012-00746).

Отношение С.Н. Дурылина, поэта и писателя, литературного критика и публициста, историка литературы и педагога-просветителя, к писателям прошлого и авторам-современникам проясняет и его эстетические вкусы, и механизмы литературного процесса в целом. В дополнение к нашему циклу работ о восприятии Дурылиным ряда русских литераторов [3; 4; 5; 6] хотели бы привести его газетный очерк 1918 г. о Валерии Брюсове.

Сначала скажем о восприятии Брюсова Дурылиным, основываясь, прежде всего, на книге «В своем углу» — наиболее достоверном источнике для реконструкции авторского сознания Дурылина. Он в отношении к современникам и несовременникам тесно переплетал личностную и авторскую ипостаси, в русле модернистского жизнестроительства. Сложные соотношения этих ипостасей в его сознании сказываются на восприятии им многих литераторов: Пушкина и Фета, Лермонтова и Толстого, Случевского и Писемского, Аксаковых и Герцена и др. Отношение к Валерию Брюсову — один пример из этого ряда, однако выделяющийся самобытностью. Личность автора для Дурылина обычно была важнейшим мерилем его творчества, но в данном случае все несколько сложнее.

Самый ранний из описанных в книге эпизодов, связанных с Брюсовым, свидетельствует об отношении к нему Дурылина как младшего к старшему: молодой Дурылин в 1910 г. не пошел с горячо любимой матерью на «Вишневый сад», поскольку время спектакля совпало с поэтическим вечером, на котором он должен был в присутствии Брюсова читать свои стихи. Этот вскользь вспомненный через 17 лет эпизод обнаруживает писательские амбиции молодого Дурылина и устойчивость литературной репутации Брюсова в его сознании.

В последующих заметках книги «В своем углу» автор отмечает прекрасные организаторские способности Брюсова и высокую ценность его исследовательских работ о Пушкине, Тютчеве, Гоголе. В 1929 г. из томской ссылки Дурылин вступил в эпистолярную полемику с И.Н. Розановым по поводу оценки поэтов-символистов в розановском «Путеводителе по современной русской литературе» (1929) и как важное достижение символистов отмечал возобновление ими высоких традиций русской классики XIX в. В заслугу Брюсову он поставил «воскрешение» Боратынского и Тютчева и назвал его в числе тех, кто «вновь призвали в недра русской культуры и поэзии

тени Эллады и Рима, изгнанные оттуда в семинаристскую эпоху (Мережковский, В. Иванов, Брюсов, И. Анненский, Минский)»¹.

Однако из всех граней литературной деятельности Брюсова наиболее ценной для Дурылина является собственно поэтическая.

Первое впечатление от брюсовских стихов описано в X тетради «В своем углу», создававшейся в конце 1927 – начале 1928 г. в Томске. Рассказ о знакомстве с ними — самостоятельный фрагмент текста, со своим сюжетом. Дурылин называет место и время (осень 1905 г., редакция издательства «Посредник»), в пространной экспозиции знакомит с «пролетарским поэтом» Ф.Е. Поступаевым, прочитавшим «Каменщика» и «Habet illa in alvo» автору мемуаров. Настоящим «героем» эпизода и становится впечатление от брюсовских стихов: «я был поражен, умилен, просветлен» [1, с. 512]. На двух последующих страницах рассказывается о том, как они покорили Н.Н. Гусева, а затем и самого Толстого, похвалившего их. Достоинство стихов Брюсова — прежде всего, из сборника «Urbi et orbi» — несомненно для Дурылина всю последующую жизнь. Он часто цитирует Брюсова по разным поводам, его строчки ставит эпиграфом ко всей книге «В своем углу»; дает выразительные характеристики его поэтики. В 1915 г. Дурылин включил в составленный им сборник «Поэты Бельгии» (М.: Изд-во «Польза») несколько брюсовских переводов; впоследствии в разных своих работах он так или иначе упоминает Брюсова как одного из главных деятелей эпохи. Отношение же к личности Брюсова не так однозначно.

Собственная жизненная неустроенность 1920-х годов заставляла Дурылина, трудно адаптировавшегося к современности, вглядываться в поведение людей, принадлежащих к ушедшей культуре. Брюсов был одной из ее крупнейших фигур, поэтому его поведение в начале 1920-х привлекало пристальное внимание; в частности, к поступкам, обнаруживавшим возможность следования сформированным в молодости принципам.

Брюсов для Дурылина — один из ярких русских символистов, которым был ведом широкий спектр человеческих страстей и взлетов. Упоминания Брюсова показывают, что он был для Дурылина из противоположного христианству лагеря: в переписке с близким ему Эллисом Дурылин говорит о сильном влиянии Брюсова в молодости как влиянии индивидуализма, имя Брюсова стоит в одном ряду с Ницше, Ибсенем, Штирнером, Уайльдом:

¹ НИОР РГБ. Ф. 653. Карт. 37. Ед. хр. 20. Л. 1–7 об.

В середине 1906 года я увлекся крайними индивидуалистическими учениями; я изучал Штирнера, Теккера; я узнал в это время Брюсова — он поразил меня своим утверждением в себе; это был для меня революционнейший поэт. Он вытравил из меня общеинтеллигентскую закваску. Цель существования, весь смысл моего прохождения по земле для меня был в смене ощущений, проходящих через уединенную, замкнутую в себе, самоутвержденную личность. Казалось, что не только нет Бога, но нет и людей, вообще ничего нет. Есть одно «я» — мое «я»; другие «я» — тоже не существуют [7, с. 149].

О близком ему символизме Брюсова Дурылин писал и в работе «Рихард Вагнер и Россия» (1913), и в статье «Бодлер в русском символизме» (которую доделывал летом 1926 г. в Коктебеле, слушая воспоминания о Брюсове). На этом фоне выделяется финал записи № 92 в VI тетради «В своем углу»:

На чествовании своем, по случаю 50-летия, в Академии на речи Сакулина — что он символист, и Шервинского — что он защитник и знаток латинской культуры, он <Брюсов> отвечал, что никогда не был символистом и был всегда не со старой культурой, а с молодежью. В его институте, тогда же, на речь Рачинского, что он продолжает классическую линию русской поэзии и связан с Баратынским, Брюсов отвечал, что в юности он любил и читал больше всего одного писателя — *Писарева*. <...> Но в то же время, в Ученом совете Наркомпроса, по словам Сидорова, он шел против всех, а в Доме печати — отважился прочесть доклад в защиту мистики [1, с. 321–322].

В последнем замечании чувствуется стремление если не найти оправдание, то быть объективным. «Объемность» Брюсова как культурного явления была очевидна Дурылину, не случайно он ставит его в один ряд с Толстым, юродивыми и монастырем [1, с. 263]. Однако фиксируя фактическую сторону поведения Брюсова в книге «В своем углу», Дурылин как будто не может сложить его полный образ, постоянно словно ускользающий. Несколько раз, осенью 1924 г., в августе 1926 и осенью 1930 г., он иронически рассказывает о брюсовской «смене вех»:

Десятка полтора лет на все лады из всего Брюсова (а были уже все лучшие книги — «Urbi et orbi») цитировали одно только стихотворение:

О, закрой свои бледные ноги!

А теперь сразу оказалось, что это был поэт-гражданин и «всегда так думал» [1, с. 126];

Брюсов легко сменял выцветшую ткань на дешевый шеврет российского Манчестера [1, с. 797].

Однако изначально самого Дурылина, близкого народничеству в ранней юности, привлек именно «Каменщик» с его гражданственностью и протестным пафосом. Кроме того, Дурылин знал о том, что и до революции Брюсов демонстрировал некоторую условную двойственность поведения: например, он записал рассказ С. Соловьева о том, что «все “страшные вещи”, все “ереси”, все “непристойные стихи” Брюсов говорил только в редакции “Весов”. Дома он блюл, как добрый буржуа, святость домашнего очага и преклонялся пред Жанной Матвеевной» [1, с. 299].

Важным для него был и вопрос о «большевизме» Брюсова. Дурылин записывает пересказ М. Волошина разговора с Брюсовым 1924 г.:

Макс спросил Брюсова:

— Отчего вы коммунист?

Брюсов отвечал кратко и тихо:

— Вы знаете, вероятно, что я всегда любил Рим за то, что он знал, что такое власть, и хотел и умел властвовать. После Февральской революции, кто же это умел, кроме коммунистов? После Октября я продолжал работать там же, где работал, в Книжной палате, считая, что эта работа необходима при всякой власти. Луначарский спросил меня однажды, признаю ли я Маркса. Я сказал, что так же, как Дарвина, признаю, но с оговорками.

— Вам надо вступить в партию, — сказал он и сделал так, что мне, правда, не сразу, выдали билет. Сам я не делал для этого ничего. У меня то отнимали билет, то возвращали. Теперь у меня его нет.

(Это было за 3 недели до смерти Брюсова, в Коктебеле) [1, с. 290].

Это свойство брюсовской природы Дурылин нигде не определяет (в отличие, например, от «предательства» Белого) и не дает ему прямой оценки, хотя оно, кажется, занимает его. Оценочность проглядывает лишь в том, что речь Брюсова обозначается неологизмом «лайнул» [1, с. 299], образованным от «лаять».

В случае Брюсова Дурылину, с художественным складом его природы, приходит на помощь образ, позволяющий через наглядность

характеристик выразить неуловимую суть личности. Повторяющейся деталью облика Брюсова, зафиксированной и многими мемуаристами, был наглухо застегнутый сюртук. Его отмечает и Дурылин, когда рассказывает в 1927 г. о полемике Белого с Брюсовым на одном из заседаний московского Религиозно-философского общества: «<...> встал холодный, в черном сюртуке, весь застегнутый Брюсов» [1, с. 519]. Этот черный сюртук привлекает его и на врубелевском портрете Брюсова 1906 года, который описан Дурылиным в заметке, опубликованной в оппозиционной московской газете «Понедельник» от 24 (11) июня 1918 г. Прямых указаний на какую-нибудь событийно-информационную привязку в ней нет, однако с большой долей вероятности можно предположить, что это было издание книги Брюсова «Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам. (Стихи 1912–1918 г.)» (М.: Геликон, 1918). Она появилась в июне того года. Античные аллюзии образа Брюсова, определившие композицию заметки Дурылина, поддерживались и оформлением обложки этого издания; оно, видимо, стимулировало единственное, насколько известно, развернутое публичное высказывание Дурылина о Брюсове.

Воплощение личности, по Дурылину, особенно сложной личности, человечно «нечестной» и провидящей [1, с. 864, 632], страстной и замкнутой, лучше всего дается живописи. Самый большой фрагмент брюсовской темы в книге «В своем углу» относится к лету 1926 г., когда Дурылин в Коктебеле записывает рассказы о Брюсове, гостившем у Волошина в сентябре 1924 г. В итоге главным сюжетом рассказов становятся мистические истории о несостоявшихся портретах. Упоминается разрушение того самого врубелевского портрета; передается рассказ А.П. Остроумовой-Лебедевой о ее мучительных попытках написать Брюсова и в итоге отказе от замысла; говорится о незавершенном из-за смерти художника портрете Н.Н. Сапунова; а также о посмертном брюсовском барельефе Н.А. Андреева, о котором известно, что он «не мог, сколько ни бился, вылепить позднего Брюсова 20-х гг. XX ст., которого знал, и удачно вылепил молодого Брюсова по портретам» [1, с. 319–321]. Способ характеристики личности через ее изображение прекрасно описан в работах Дурылина об иконе; как раз летом 1918 года, когда и писалась упомянутая газетная заметка, он читал лекции об иконописи на Богословских курсах; понятно, что изображение человеческих лиц его особенно занимает в этот период. О своем портрете, написанном Врубелем, Брюсов оставил воспоминания; в них описан процесс работы художника и, в частности, подробно рассказано, как появились «зеленые

штрихи в глазах портрета»; упоминание их Дурылиным позволяет предположить его знакомство с этими воспоминаниями. Ср.:

Знаменитые зеленые блики, так неожиданно посаженные Врубелем на глаза Брюсова, выцвели [1, с. 320].

Рука начала изменять ему, дрожала. Но что было хуже всего: ему начало изменять и зрение. Он стал путать краски. Желая что-то поправить в глазах портрета, он брался за карандаши не того цвета, как следовало. Таким образом, в глазах портрета оказалось несколько зеленых штрихов. Мне тоже приходилось потом слышать похвалы этим зеленым пятнам. Но я убежден, что они были сделаны только под влиянием расстроенного зрения (В. Брюсов, «Последняя работа Врубеля»).

Что касается вербального воплощения образа Брюсова, то главная его характеристика у Дурылина — «холодный». В его словоупотреблении «холодный» и «громкий» противостоит «теплому» и «тихому», как безжизненное — божественно наполненному. Эстетика Дурылина предполагала обязательной составляющей искусства мифическую, иррациональную силу, которая обозначается в русской традиции словом «вдохновение», с учетом его этимологии: «дыхание» — «дух». Отличительная черта всего облика и творчества Брюсова — упор на человеческую волю, рациональное усилие, а не на Божественное вдохновение. Формальное совершенство брюсовских стихов в разные периоды вызывало то восхищение Дурылина, то отторжение.

А замечали вы, какой изумительной стройностью построений отличны его строфы, как точен, верен и ясен слог его прозы, какой острой непререкаемостью формы отмечены все его суждения, мысли, фразы? Математика нужна была поэту Брюсову (статья 1918 г.);

«Вдохновение нужно и в геометрии, как в поэзии», — говорил Пушкин. Брюсов переменял это: «Вдохновение не нужно и в поэзии, как в геометрии».

Геометрический поэт, как есть геометрический орнамент (запись 1926 г.) [1, с. 147].

Формулировки и образы своей газетной заметки 1918 г. Дурылин в 1937 г. использует в статье «Чтецы Пушкина», применяя брюсов-

скую «геометричность» к чтению им стихов Пушкина и положительно ее оценивая:

Из всех поэтов, читавших Пушкина в 1900–1910-х годах, наиболее значительными и показательными мне представляются опыты Валерия Брюсова и Андрея Белого.

Нужно вспомнить Брюсова-математика, чтобы представить себе, как читал стихи поэт-Брюсов. Читал он их просто, четко, отрывисто, замыкая строфы. И был при этом обычно замкнут, холоден, даже сух, прислонившись у стены в своей обычной позе — в той самой, в которой написал его Врубель.

Это был строгий, точный, ясный чертеж стихотворения. Ни красок, ни музыки не было. Были одни строгие, точные геометрические линии, но они были вычерчены с такой силой, с такой остротой, с такой верностью руки, что чертёж превосходно давал возможность судить о величии и красоте здания, воздвигнутого Пушкиным².

Искусство Врубеля помогло Дурылину оценить в личности Брюсова страстность, столь свойственную ему самому в юности; возможно, благодаря врубелевскому портрету, он наделил Брюсова демонической составляющей, притягательной и устрашающей одновременно. Во всяком случае, привлекательной в произведении искусства, хоть и сомнительной в человеческом общении.

Пристальное рассмотрение оценок Брюсова Дурылиным показывает, что они, хоть и корректировались биографическими и историческими обстоятельствами, но, в целом, как правило, оставались неизменными на протяжении жизни. Сформированное в юности отношение к «мэтру» поддерживало его высокую литературную репутацию неизменной, даже при противоречивом влиянии жизненных впечатлений и собственного опыта. Общая же расположенность к символизму, позволявшему совмещать противоположности бытия в едином образе, обусловила особое отношение к Брюсову, в котором Дурылин, возможно ошибочно, видел совмещение строгости и страсти.

Обнаруженное в заметке внимание Дурылина к портрету М.А. Врубеля имело продолжение, вплоть до работы 1948 года «Врубель и Лермонтов» [2], в которой различимы следы обаяния брюсовского стихотворения «М.А. Врубелю», открывавшему в 1906 г. первый номер журнала «Золотое руно», для которого Н.П. Рябушинский и заказал уже глубоко больному художнику портрет Брюсова.

² Красная новь. 1937. № 1. С. 219.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сергей Дурылин

Силуэты. Валерий Брюсов

Брюсов, вероятно, единственный поэт, который дерзнул обратиться к музе своей с таким призывом:

Вперед, мечта, мой верный вол,
Неволей, если не охотой¹.

Но если б с таким, только таким призывом он не обратился к музе, она не ответила б ему признанием, Валерий Брюсов не был бы поэтом. В Брюсове прежде, больше и исключительнее всего поражает его воля к поэзии. То, что другим дается как дар, то, что другие находят как случайное сокровище, то дано ему за труд, за взыскательство поэтического строя, за волю к поэзии. И он прав, и муза знает это, когда ей клянется:

Я изменял и многому, и многим,
Я покидал в час битвы знамена,
Но лишь тебе, твоим веленьям строгим
Душа была верна².

Он выбрал свой жребий поэта сознательно, твердо и навсегда. Никаких других не давал он клятв, кроме как быть поэтом.

Пусть разнообразны и многосложны его умственные и жизненные интересы: пусть он — блистательный исследователь Рима и латинской культуры, пусть пушкинисты числят его едва ли не первым в своих рядах, пусть он — талантливый математик, пусть некоторые эпохи всемирной истории и культуры знакомы ему, как ученому специалисту, — все это нужно ему на жертву той, одной, которую он избрал себе в земном пути, — музе.

Он — прекрасный математик. А замечали вы, какой изумительной стройностью построений отличны его строфы, как точен,

верен и ясен слог его прозы, какой острой непререкаемостью формы отмечены все его суждения, мысли, фразы? Математика нужна была поэту Брюсову.

Трудом всей его жизни является еще не изданный перевод «Энеиды»³. Рим и латинство — его святыни. Если Вячеслав Иванов — эллин русской поэзии, то вот — ея римлянин. Валерий Брюсов! Его переводы латинских поэтов прекрасны. Если б русский поэт Валерий Брюсов перевел на латинский язык свою повесть из жизни древней Галлии «Алтарь победы»⁴, это было бы, вероятно, новым, прекрасным созданием римской литературы серебряного века. Но и это — эта любовь к Риму — нужна ему, поэту и дилетанту. Он поэт воли и страстного волевого напряжения. Как поэт, он страстен и холоден, он не знает страсти, не спаянной волей. Он поэт — легионер, даже в страдании и смерти не снимающий лат. Где ж всему этому было научиться в наш томительный век, как не в древнем Риме.

Вы слышали, как Брюсов читает стихи? Он тогда не певец, не погруженный в раздумья философ, не трагический актер, не из слова извлекающий чистый звук музыкант — он суровый воин, раненный страстью.

Я помню, как много лет назад он читал впервые в кружке поэтов своего «Демона самоубийства»⁵. Читалось много перед этим стихов и читали их прекрасные поэты. Но вот он прочел только одно стихотворение, и поняли, что после него не стоит, не нужно больше читать. Стремительной силой, волей к гибели веяло от него, от его стихов. Читал он просто, четко, отрывисто замыкая строфы, — и каждым стихом пронзал слушателя, как острием, очевидно, сам пронзаемый им изнутри. И был при этом обычно-замкнут, даже сух, прислонившись у стены в своей обычной позе, — в той самой, в которой написал его Врубелъ.

Брюсов похож на этом портрете. Не всегда похож — не тогда, когда он читает лекцию или изысканно-любезно разговаривает в Литературно-художественном кружке, но он изумительно, до жути похож, когда он предан единственному делу, которого он искал в жизни — поэзии. Это портрет не Брюсова вообще: это портрет Брюсова-поэта. Четкий, точный, крепкий язык его прозы — это не более как его черный длинный сюртук на портрете, едва намеченный Врубелем. Не надо на него смотреть. Смотрите на лицо, на руки, сжатые в какой-то сдержанной боли, на глаза, исполненные страсти и воли. Вот Брюсов. Он весь тут — тот самый, что сумел в холодную замкнутость кристалльных строф влить подлинную жуткую страсть

и волю. Не случайно ему — благоговейному читателю Пушкина — захотелось, на соблазн многим, окончить «Египетские ночи»⁶: нельзя представить себе более брюсовского сюжета, чем этот, с его трагическим борением сильных волей, с его страстью до предела и с волей, возносящейся до страсти, до красоты, до безумия. Это-то и есть Брюсов.

Когда-то он — к удовольствию критиков из «Русского богатства», — делал признание:

Я жить устал среди людей и в днях
Устал от смены дум, желаний, вкусов,
От смены истин, смены рифм в стихах.
Желал бы я не быть «Валерий Брюсов»⁷.

С тех пор прошло много дней и лет, а он по-прежнему в «смене дум и рифм», и он тот же, весь целиком, весь исполненный воли и страсти, и даже жалуется на это:

Что же мне делать, когда не пресыщен
Я этой жизнью земной!⁸

Не только русская поэзия, но и русская жизнь, столь бедная творческой волей и творящей страстью, вправе желать, чтобы по крайней мере один русский человек, один русской поэт оставался до конца «не пресыщен этой жизнью земной».

Пусть он, проходя по древней и вечно новой ниве жизни, вновь и вновь, как много лет назад, возглашает:

Вперед, мечта, мой верный вол,
Неволей, если не охотой.

Понедельник. 1918. №17, 24 (11) июня. С. 3.

¹ Из стихотворения «В ответ» (1902; вошло в сб. «Urbi et orbi»).

² Начало стихотворения «Поэт — Музе» (1911; вошло в сб. «Зеркало теней»); цитируется с разночтением в 3-й строке.

³ К переводам (и комментированию) «Энеиды» Вергилия Брюсов многожды обращался с 1890-х гг., в 1910-е публиковал фрагменты и статьи о русской «Энеиде». Частично его пер., объединенные с пер. С.М. Соловьева, опубл. отдельным изд.: Вергилий. Энеида. М.; Л.: Academia, 1933.

⁴ «Алтарь победы. Повесть IV века» печаталась главами в журнале «Русская мысль» в 1911–1912 гг.; вошла в полное собрание сочинений Брюсова (СПб.: Сирин, 1913. Т. 12–13).

⁵ Впервые: Северные цветы. Альманах пятый книгоиздательства «Скорпион». М., 1911.

⁶ Впервые: Египетские ночи. Поэма в 6 главах. (Обработка и окончание поэмы А.С. Пушкина) // Стремнины. Альманах. М., 1916. С. 3–27. Ранее Брюсов комментировал повесть Пушкина в собрании сочинений под ред. С.А. Венгерова (СПб., 1910. Т. IV. С. 444–449).

⁷ Начало стихотворения «L'ennui de vivre» (1902; вошло в сб. «Urbi et orbi»). Народнический журнал «Русское богатство», в том числе его главный критик Н. Михайловский, не раз писал о Брюсове как «упадническом» декаденте, не обходя особым вниманием и «знаковые» строки (П. Якубович про «О, закрой свои бледные ноги» — 1897. № 9. С. 7–9; отклик на публикацию комментируемого стихотворения в третьей книге альманаха «Северные цветы» — 1903, № 6, ст. II, с. 1–6) и т. д.

⁸ Начало стихотворения «Sed non satiatus...» (1912); в оригинале вторая строка: «Я — этой жизнью хмельной!».

Список литературы

1. *Дурылин С.Н.* В своем углу / сост. и примеч. В.Н. Тороповой, предисл. Г.Е. Померанцевой. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с. (Библиотека мемуаров: Близкое прошлое; Вып. 21).
2. *Дурылин С.* Врубель и Лермонтов // Литературное наследство. Т. 45-46: М.Ю. Лермонтов. Кн. II. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 541–622.
3. *Мотеюнайте И.В.* Лермонтов в творческом наследии С.Н. Дурылина // Лермонтов и история. Сб. научных статей. / отв. редактор В.А. Кошелев. Великий Новгород; Тверь, 2014. С. 378–388.
4. *Мотеюнайте И.В.* Поэты «Арзамаса» в осмыслении С.Н. Дурылина: В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский как литераторы // Литературное общество «Арзамас»: история и современность: Сб. научных статей / отв. редактор С.Н. Пяткин. Арзамас; Нижний Новгород: Растр, 2015. С. 368–376.
5. *Мотеюнайте И.В.* С.Н. Дурылин о Пушкине: между «наше» и «мое» // VIII Майминские чтения. Псков, 2016. С. 106–113.
6. *Мотеюнайте И.В.* С.Н. Дурылин о «Шерамуре» Н.С. Лескова // Литературный факт. 2018. № 4. С. 305–317.
7. *Нефедьев Г.В.* «Моя душа раскрылась для всего чудесного...» Приложение: Переписка С.Н. Дурылина и Эллиса (1909–1910 гг.) // Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. М.: Модест Колеров, 2010. Кн. I: Исследования / сост., ред. А. Резниченко. С. 113–158. (Исследования по истории русской мысли. Т. 14).

Статья поступила в редакцию: 18.07.2020

Одобрена после рецензирования: 13.10.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Sergey Durylin on Valery Bryusov

© 2020. Ilona V. Moteyunaite

Pskov State University,
Pskov, Russia

Abstract: The report considers the perception of V.Ya. Bryusov by S.N. Durylin. The report is based on the book “In One’s Own Corner”, a newspaper article “Silhouettes. Valery Bryusov” and Durylin’s letters to Ellis and I.N. Rozanov. In private recordings “In One’s Own Corner” Durylin, concerning the writers, usually distinguished their “author” and “human” hypostases due to the specifics of his aesthetic program. The author shows that Bryusov’s poems first enchanted Durylin with the sharpness of their revolutionary spirit, and then attracted him with their passion and openness to the “abyss” characteristic of Symbolism as a whole. Durylin highly valued Bryusov’s Symbolist activity. However, his personality evoked conflicting feelings and did not yield to unambiguous characteristics. The most accurate expression of Bryusov’s complex personality for Durylin was his portrait by Vrubel. Mystical stories about the artists who worked on the portraits of Bryusov were recorded by Durylin and substantiate his unspoken direct attitude towards him: the connection of the demonic principle with a literary biography. The report also shows the stability of Bryusov’s literary reputation, which significantly influenced Durylin in his early youth.

Keywords: S.N. Durylin; V.Ya. Bryusov; literary reputation; Russian Symbolism; literature and painting.

Information about the author: Ilona V. Moteyunaite, DSc in Philology, Professor, Pskov State University, Lenin Square 2, 180000 Pskov, Russia. ORCID ID: 0000-0001-6117-4555. E-mail: ilona_motya@mail.ru.

For citation: Moteyunaite, I.V. “Sergey Durylin on Valery Bryusov.” *Literaturnyĭ fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 341–354. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-341-354>

Acknowledgements: The publication was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant no 18-012-00746, “Sergei Nikolaevich Durylin — a historian of literature» .

References

1. Durylin, S.N. *V svoem uglu [In One's Own Corner]*, comp. and ref. by V.N. Toropova, introd. by G.E. Pomerantseva. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2006. 879 p. (In Russ.)
2. Durylin, S. "Vrubel' i Lermontov" ["Vrubel and Lermontov"]. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 45–46: M.Iu. Lermontov, book II. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1948, pp. 541–622. (In Russ.)
3. Moteiunaite, I.V. "Lermontov v tvorcheskom nasledii S.N. Durylina" ["Lermontov in S.N. Durylin's Creative Heritage"]. *Lermontov i istoriia. Sbornik nauchnykh statei [Lermontov and History. A Collection of Scholarly Articles]*, ex. ed. V.A. Koshelev. Veliky Novgorod, Tver, 2014, pp. 378–388. (In Russ.)
4. Moteiunaite, I.V. "Poety 'Arzamas' v osmyslenii S.N. Durylina: V.A. Zhukovskii, K.N. Batiushkov, P.A. Viazemskii kak literaty" ["The Poets of 'Arzama' as Interpreted by S.N. Durylin: V.A. Zhukovsky, K.N. Batiushkov, P.A. Vyazemsky as Men of Letters"]. *Literaturnoe obshchestvo "Arzamas": istoriia i sovremennost': Sbornik nauchnykh statei [The Arzamas Literary Society: History and Modernity: A Collection of Scholarly Articles]*, ex. ed. S.N. Piatkin. Arzamas, Nizhny Novgorod, Rastr Publ., 2015, pp. 368–376. (In Russ.)
5. Moteiunaite, I.V. "S.N. Durylin o Pushkine: mezhdu 'nashe' i 'moe'." ["S.N. Durylin on Pushkin: Between 'Ours' and 'Mine'."]. *VIII Maiminskie chteniia [8th Maymin Proceedings]*. Pskov, 2016, pp. 106–113. (In Russ.)
6. Moteiunaite, I.V. "S.N. Durylin o 'Sheramure' N.S. Leskova" ["Sergey Durylin on Nikolay Leskov's 'Sheramur'."]. *Literaturnyi fakt*, no. 4, 2018, pp. 305–317. (In Russ.)
7. Nefed'ev, G.V. "'Moia duha raskrylas' dlia vsego chudesnogo...' Prilozhenie: Perepiska S.N. Durylina i Ellisa (1909–1910 gg.)" ["'My Soul Has Opened to All the Wonderful...' Appendix: Correspondence Between S.N. Durylin and Ellis (1909–1910)"]. *Sergei Durylin i ego vremia: Issledovaniia. Teksty. Bibliografiia [Sergey Durylin and His Time: Studies. Texts. Bibliography]*, book I, comp., ed. A. Reznichenko. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2010, pp. 113–158. (In Russ.)

The article was submitted: 18.07.2020

Approved after reviewing: 13.10.2020

Date of publication: 25.12.2020

Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Г. Ягода

© 2020, Р.Д. Тименчик

Еврейский университет, Иерусалим, Израиль

Аннотация: Статья из авторского цикла «Из Именного указателя к “Записным книжкам” Ахматовой» (публикуется в различных повременных изданиях) демонстрирует опыт экстенсивного комментария к ахматовским рабочим записям, организованного вокруг имен персонажей, занесенных на страницы ее блокнотов, своеобразной вольной ахматовской энциклопедии, где в ономастике совмещены разные времена ее долгой жизни. Комментарий такого рода выхватывает репрезентативные фрагменты эпохи Ахматовой, но степень присутствия разных персон в именнике, а то и их отсутствие, не всегда отражают их вес в ахматовской биографии. Данная статья посвящена нарком внутренних дел, генеральному комиссару госбезопасности Генриху Ягоде, помянутому не только в «Записных книжках», но и в «Листках из дневника» Ахматовой.

Ключевые слова: Анна Ахматова; Генрих Ягода; комментарий; записные книжки; биография.

Информация об авторе: Роман Давидович Тименчик — кандидат филологических наук, профессор, Еврейский университет, НУИ, Иерусалим 91904, Израиль. E-mail: suzirom@gmail.com.

Для цитирования: Тименчик Р.Д. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Г. Ягода // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 355–364. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-255-264>

Ягода Генрих (Генах) Григорьевич (Гершенович) (1891–1938), нарком внутренних дел в 1934–1936 гг., генеральный комиссар государственной безопасности с 1935 г.¹, «старательный, нещепетильный и угодливый приспешник» Сталина [18, р. 206], «фигура — сентиментального злодея, кровавого любовника, влюбленного палача» [8, с. 52].

¹ См. о нем: [4] и рецензию Д. Л. [В. Нехотина] на это издание: Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 440–444.

В записной книжке Ахматовой:

В письме Бориса: «Смирив души неукротимый ропот» по тексту должно быть моим стихотворением. Но я не могу вспомнить. М. б., найдут у него хоть эти четыре строки, о кот<орых> Бор<ис> пишет.

(Из забытого)

Ах! — где те острова,
Где растет трын-трава
Густо

.....

Где Ягода-злодей
Не гоняет людей
К стенке,
И Алешка Толстой
Не снимает густой
Пенки

[9, с. 392].

Приведа загадочную и до сих пор фразу из письма Б.Л. Пастернака от 1 ноября 1940 г., написанного после августовского двухдневного приезда Ахматовой в Переделкино в видах хлопот за осужденного сына: «“Смирив души неукротимый ропот” и т. д. — в общей сложности 4 строки у меня записаны, но Вы не договорили тогда, — нас позвали к Фадееву» [15, с. 194], она зафиксировала и также невоспомненные целиком свои куплеты 1934 г. (ошибочно написав «1920-е годы»).

Как рассказывала Э.Г. Герштейн о зимней московской прогулке 1934 г. по улице Правды: «... Анна Андреевна спрашивает меня: “Вы помните агитки Рылеева?” По правде сказать, я не помнила этих стихов поэта-декабриста. Она процитировала:

Ах, где те острова,
Где растет трын-трава,
Братцы?..

Так вот, *некто* написал продолжение:

Где Ягода-злодей
Не гонял бы людей
К стенке,
Где Алешка Толстой
Не снимал бы густой
Пенки.

Об этих стихах я впервые напомнила Анне Андреевне в шестидесятых годах, приступая к своим воспоминаниям. Она спокойно поправила допущенные мною неточности и добавила: “Таких куплетов было еще много”. Тут моя догадка, что “некто” была сама Ахматова, подтвердилась. Но остальных стрóf я никогда не слышала» [3, с. 255]. Эту же строфу Ахматова читала Анатолию Найману [14, с. 195]. Написаны куплеты размером сатирической песни К. Рылеева и А. Бестужева, использованном Пушкиным в экспромте 1828 г., впоследствии взятом в эпитафию к «Пиковой даме», что иногда приводило к гипотезам об участии Пушкина в составлении декабристского самиздата [12]. На этот мотив была написана и песенка о «Бродячей собаке» ее завсегдатаями [16, с. 170].

Ахматова ошибочно полагала, что при аресте Мандельштама «ордер на арест был подписан самим Ягодой» («Листки из дневника») — на самом деле Я.С. Аграновым; но «т. Ягода» был адресатом резолюции Сталина на письме Ахматовой в ноябре 1935 г.: «Освободить из-под ареста и Пунина, и Гумилева и сообщить об исполнении».

Ягода, входивший в пантеон советских вождей, был воспет стихами официальных одописцев —

Я дозорный...
 На меня Ягода
 Строго
 Смотрит со стены.
 Есть, нарком!
 Сегодня я в наряде²

и перековывающихся заключенных:

Я знаю, теперь не растрочу я годы.
 Страна, принимай меня в строй сыновей!
 Я счастлив, — с портрета нарком Ягода
 ласкает суровой улыбкой своей³

[7, с. 178].

Как писала з/к поэтесса Анна Баркова в частном письме 7 мая 1940 г.: «Почтенный Генрих Григ<орьевич>Ягода (как жаль, что лет за пять до моего ареста его не ликвидировали) приучил меня к со-

² *Жаров А.* На манчжурской границе // *Жаров А.* Мужество. М., 1936. С. 7.

³ Стихи з/к Александра Михайловича Часовникова (1912–1979).

вершенно хладнокровному взгляду на расстрел» [2, с. 55]. Бабелю приписывалась эпиграмма:

Ягода и ягодица:
Смотреть туда не годится.

Художник В.Н. Яковлев сообщил ее Ивану Розанову в 1952 г.⁴
На арест Ягоды откликнулся в Париже А.Ф. Керенский:

И если сожмется над нами в кольцо
Свирепая вражья порода,
Мы встанем, как армия смелых бойцов,
И в бой поведет нас Ягода.

Так еще только в 1936 году обращались к «дорогому Генриху Григорьевичу» члены Болшевской имени Ягоды трудкоммуны НКВД (ГПУ); обращались «семь тысяч коммунаров», переделанных первым после Дзержинского «инженером душ» (слова Максима Горького) беспризорников и всякого рода уголовников. Теперь, по-видимому, придется в срочном порядке уничтожить прекрасно изданный том «Болшевы», где и в прозе, и в иллюстрациях восхваляется вернейший ученик и исполнитель намерений и планов Сталина, ныне брошенный сам в чекистскую камеру жесточайший палач Ягода. Серьезнейшие иностранные газеты — «Тан», «Таймс», «Дэйли Телеграф» и т. д. придают аресту и преданию суду человека, который сначала фактически, а потом и формально в течение 15 лет стоял во главе всей жандармско-сысской и пытательной деятельности Сталина, чрезвычайное значение и в особенности подчеркивают тот нескрываемый восторг, с которым Москва и вся страна встретили весть о готовящейся расправе с «самым ненавистным» всем слоям населения человеком во всем СССР.

Был ли Ягода самой ненавистной фигурой среди диктаторщиков, это еще вопрос спорный. Нельзя же думать, что крестьяне, рабочие, интеллигенты, священники, «бывшие люди», партийные оппозиционеры, «охвостья эсеров и меньшевиков» — вся Россия, десятилетиями неустанно подвергаемая самым жестоким опытам большевизмского террора, до сих пор не догадалась, что источник ее страданий не в «злоупотреблениях и преступлениях» Ягод и Аграновых, а во всей системе диктатуры, за которую во всяком случае наиболее ответ-

⁴ *Розанов И.Н.* Дневник. 1952 // НИОР РГБ. Ф. 653. Карт. 6. Ед. хр. 2. Л. 12.

ственен человек, ее возглавляющий. Как раз, предавая суду Ягоду, Сталин в своей нашумевшей в последнее время речи на пленуме ЦК ВКП (3 и 5 марта) очень резко подчеркнул неизбежность террора, как основы самой демократической конституции в мире, требуя неукоснительного применения методов «выкорчевывания и разгрома».

Поэтому арест Ягоды и будущая расправа с вчерашним временщиком из красных жандармов не дает никаких оснований к надеждам на действительное смягчение сталинского режима, на возможность некоей политической весны, вроде случившейся в 1904 году, после убийства В.К. Плеве. Все осталось по-старому. И даже стало еще хуже⁵.

«...шеф НКВД Ягода, по его же признанию, за два месяца до суда над Зиновьевым и Каменевым отравил Горького, а чтобы замести следы, убил и его сына Максима Пешкова. Сталин же поступил с исполнителями своего задания в обычной его манере: он уничтожил всех исполнителей и свидетелей убийства Горького — самого Ягоду и всех сотрудников Горького, в том числе и секретаря Горького Крючкова, который был агентом НКВД...» [1, с. 151].

По воспоминаниям Эммы Герштейн, в Литературном музее «образованные дамы с таким же простодушием отнеслись к сообщению, что Ягода “изменил Родине”. “И чего ему не хватало? Ведь у него все было”, — удивлялись они, впервые почувствовав свое моральное превосходство над этим страшным человеком. Гораздо непосредственнее откликнулся на суд над Ягодой милиционер, стоявший у входа в рукописный отдел. В те времена устав службы выполнялся неукоснительно. Часовой проверял пропуска, но ни одним живым словом не позволял себе обмениваться с мелькающими в вестибюле читателями. Однако тут он не выдержал: “Подумайте только — сам Ягода!! Даже слово “Лубянка” было страшно произнести, а вот он какой оказался. Фашист. А как он жил... Я дежурил у него на даче: какие пруды, какую рыбу туда напустили — зеркальный карп, караси...”. В Литературном музее старая большевичка, пригретая Бонч-Бруевичем, кое-как писавшая карточки на литературные рукописи, валилась в сердечных припадках, вскрикивая: “А Ягодка-то, Ягодка!...”» [5, с. 234]. На суде фигурировал вопрос об обстоятельствах умерщвления Максима Пешкова.

«Вышинский. Это убийство было совершено на почве личных интересов или общественных?»

⁵ Керенский А. Голос издалека // Новая Россия. 1937. № 25, 11 апреля. С. 1. О резонансе ареста Ягоды см.: [10, с. 17–18].

всего Вам хорошего. Ваша Ахматова» [13, с. 391]⁷. «Однажды в присутствии Ахматовой зашел разговор о чудесах только что вошедшего в употребление пенициллина. И Тимоша горестно воскликнула: “Подумать только, если бы тогда был пенициллин, Максима можно было бы спасти, и он был бы жив!” Тогда Анна Андреевна сказала: “А как же в газетах писали, что его погубили враги народа?” Вдова вспыхнула, растерялась и быстро перевела разговор на другую тему. Она забыла, что Ягода эту смерть сделал предлогом для очередной волны политических репрессий» [11, с. 182]. Ср. разговор с Ахматовой 1963 г.: «Упоминает о том, как подействовала смерть сына на Горького. Спрашиваю по поводу официальной версии, верно ли, что сын Горького был злодейски умерщвлен.

Ответ Анны Андреевны:

— Мне говорила Надежда Алексеевна Пешкова, жена Максима, что если бы тогда было какое-то новое лекарство от туберкулеза — сейчас оно есть, — то его бы удалось спасти. О том, что его отравили, она не говорила» [6, с. 250].

См. слова Ахматовой в разговоре 1956 г. после сообщения о самоубийстве Фадеева: «“Наше время даст изобилие заголовков для будущих трагедий. Я так и вижу одно женское имя аршинными буквами на афише”. И Анна Андреевна пальцем крупно вывела в воздухе: “ТИМОША”» [17, т. 2, с. 211].

Список литературы

1. *Авторханов А.* Мемуары // Грани. 1983. № 127. С. 117–154.
2. *Баркова А.* Письма к П.А. и М.Н. Кузько (1940–1947) / публ. О.К. Переверзева // De visu. 1994. № 5/6. С. 49–62.
3. Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В.Я. Виленкин, В.А. Черных. М.: Советский писатель, 1991. 720 с.
4. Генрих Ягода: Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности: Сборник документов / сост. В.К. Виноградов и др.; науч. ред. А.Л. Литвин. Казань, 1997. 542 с.
5. *Герштейн Э.* Мемуары. СПб.: Инапресс, 1998. 528 с.
6. *Готхарт Н.* Двенадцать встреч с Анной Ахматовой // Время и мы. Нью-Йорк, 1989. № 106. С. 229–283.
7. *Еланцева О.П.* БАМлаг в контексте истории и литературы: Из фондов дальневосточных библиотек. Владивосток: Дальневосточный университет, 2000. 232 с.

⁷ Софья Юлиановна Радзинская (ур. Казакова; 1900 ? –1981) — следователь МВД, жена и мать драматургов.

8. Ефим Эткинд: Переписка за четверть века / сост. П. Вахтина, И. Комарова, М. Эткинд, М. Яснов. СПб.: Европейский университет, 2012. 416 с.
9. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой; вступ. ст. Э.Г. Герштейн; науч. консульт., вводные заметки к записным книжкам, указатели В.А. Черных. М.; Torino: Einaudi, 1996. 849 с.
10. *Золотоносов М.Н.* Охота на Берггольд. Ленинград 1937. СПб.: Мирь, 2015. 464 с.
11. *Козловская Г.* Шахерезада. Тысяча и одно воспоминание. М.: АСТ, 2015. 560 с.
12. *Лернер Н.О.* Заметки о Пушкине: II. «Баллада» об игроках // Пушкин и его современники. Вып. XVI. СПб., 1913. С. 20–23.
13. *Матевосян Е.Р.* Анна Ахматова и Осип Мандельштам в восприятии Максима Горького: попытка реконструкции // Некалендарный XX век. Мусатовские чтения-2009. М.: Азбуковник, 2011. С. 387–395.
14. *Найман А.Г.* Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Худож. лит., 1989. 302 с.
15. *Пастернак Б.* Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. М.: Слово, 2005. Т. IX: Письма 1935–1953 / сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и М.А.Рашковской. 782 с.
16. *Тименчик Р.* Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим–М.: Мосты культуры, 2008. 686 с.
17. *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М.: Согласие, 1997.
18. *Rayfield Donald.* Stalin and His Hangmen: The Tyrant and Those Who Killed for Him. New York: Random House, 2005. xxviii + 541 p.

Статья поступила в редакцию: 24.08.2020

Одобрена после рецензирования: 08.11.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Research Article

From the Index to Akhmatova's Notebooks: Genrikh Yagoda

© 2020. Roman D. Timenchik

The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel

Abstract: The article from the author's cycle "From the Index to Akhmatova's Notebooks" (published in various periodicals) demonstrates the attempt of an extensive commentary on Akhmatova's working notes, organized around the characters present on the pages of her notebooks, a kind of free Akhmatova encyclopedia, where different periods of her long life are combined in the onomasticon. A comment of this kind snatches out representative fragments of Akhmatova's epoch, but the degree of presence of different persons in the list, or even their absence, does not always reflect

their weight in Akhmatova's biography. The present article is devoted to the People's Commissar of Internal Affairs, the General Commissar of State Security Genrikh Yagoda, mentioned not only in the Notebooks, but also in the Diary Pages and in Akhmatova's satirical couplets of the 1930s.

Keywords: Anna Akhmatova; Genrikh Yagoda; comment; notebooks; biography studies.

Information about the author: Roman D. Timenchik, PhD in Philology, Professor, The Hebrew University of Jerusalem, HUJI, Jerusalem 91904, Israel. E-mail: suzirom@gmail.com.

For citation: Timanchik, R.D. "From the Index to Akhmatova's Notebooks: Genrikh Yagoda." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 355–364. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-355-364>.

References

1. Avtorkhanov, A. "Memuary" ["Memoirs"]. *Grani*, no. 127, 1983, pp. 117–154. (In Russ.)
2. Barkova, A. "Pis'ma k P.A. i M.N. Kuz'ko (1940–1947)" ["Letters to P.A. and M.N. Kuzko (1940–1947)"], publ. by O.K. Pereverzev. *De visu*, no. 5/6, 1994, pp. 49–62. (In Russ.)
3. *Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi* [*Memoirs of Anna Akhmatova*], comp. V.Ia. Vilenkin, V.A. Chernykh. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991. 720 p. (In Russ.)
4. *Genrikh Iagoda: Narkom vnutrennikh del SSSR, General'nyi komissar gosudarstvennoi bezopasnosti: Sbornik dokumentov* [*Genrikh Yagoda: People's Commissar of Internal Affairs, General Commissar of State Security: A Collection of Documents*], comp. V.K. Vinogradov; sci. ed. A.L. Litvin. Kazan', 1997. 542 p. (In Russ.)
5. Gershtein, E. *Memuary* [*Memoirs*]. St. Petersburg, Inapress Publ., 1998. 528 p. (In Russ.)
6. Gotkhart, N. "Dvenadsat' vstrech s Annoi Akhmatovoi" ["Twelve Encounters with Anna Akhmatova"]. *Vremia i my*, no. 106, 1989, pp. 229–283. (In Russ.)
7. Elantseva, O.P. *BAMlag v kontekste istorii i literatury: Iz fondov dal'nevostochnykh bibliotek* [*BAMlag in the Context of History and Literature: From the Collections of Far Eastern Libraries*]. Vladivostok, Dal'nevostochnyi universitet Publ., 2000. 232 p. (In Russ.)
8. *Efim Etkind: Perepiska za chetvert' veka* [*Yefim Etkind: Correspondence for a Quarter of a Century*], comp. P. Vakhtina, I. Komarova, M. Etkind, M. Iasnov. St. Petersburg, Evropeiskii universitet Publ., 2012. 416 p. (In Russ.)
9. *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966)* [*Anna Akhmatova's Notebooks (1958–1966)*], comp., ed. by K.N. Suvorova; introd. by E.G. Gershtein; sci. consult., introd. notes to notebooks, indexes by V.A. Chernykh. Moscow; Torino, Einaudi Publ., 1996. 849 p. (In Russ.)
10. Zolotonosov, M.N. "Okhota na Berggol'ts" ["Hunting for Bergholz"]. *Leninograd 1937*. St. Petersburg, Mir" Publ., 2015. 464 p. (In Russ.)
11. Kozlovskaiia, G. *Shkherezada. Tysiacha i odno vospominanie* [*Scheherazade. A thousand and one memories*]. Moscow, AST Publ., 2015. 560 p. (In Russ.)

12. Lerner, N.O. "Zametki o Pushkine: II. 'Ballada' ob igrokakh" ["Notes About Pushkin: II. 'Ballad' About the Players"]. *Pushkin i ego sovremenniki [Pushkin and His Contemporaries]*, issue XVI. St. Petersburg, 1913, pp. 20–23. (In Russ.)
13. Matevosian, E.R. "Anna Akhmatova i Osip Mandel'shtam v vospriiatii Maksima Gor'kogo: popytka rekonstruktsii" ["Anna Akhmatova and Osip Mandelstam as Perceived by Maxim Gorky: an Attempt of reconstruction"]. *Nekalendarnyi XX vek. Musatovskie chteniia-2009 [Non-Calendar 20th century. Musatov Proceedings-2009]*. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011, pp. 387–395. (In Russ.)
14. Naiman, A.G. *Rasskazy o Anne Akhmatovoi [Stories About Anna Akhmatova]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1989. 302 p. (In Russ.)
15. Pasternak, B. *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniiami: v 11 t. [Complete Works with Supplements: in 11 vols.]*, vol. IX, comp. and comm. by E.B. Pasternak and M.A. Rashkovskaya. Moscow, Slovo Publ., 2005. 782 p. (In Russ.)
16. Timenchik, R. *Chto vdrug: Stat'i o russkoi literature proshlogo veka [What's All About: Essays on Russian Literature of the Past Century]*. Jerusalem; Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2008. 686 p. (In Russ.)
17. Chukovskaia, L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi: v 3 t. [Notes on Anna Akhmatova: in 3 vols.]*. Moscow, Soglasie Publ., 1997. (In Russ.)
18. Rayfield, Donald. *Stalin and His Hangmen: The Tyrant and Those Who Killed for Him*. New York, Random House Publ., 2005. xxviii + 541 p. (In English)

The article was submitted: 24.08.2020

Approved after reviewing: 08.11.2020

Date of publication: 25.12.2020

Сергей Дурылин и «Литературное наследство»

© 2020, С.И. Панов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается история сотрудничества писателя, ученого, историка культуры С.Н. Дурылина (1886–1954) с академической серией «Литературное наследство», для которой он подготовил ряд крупных публикаций, в том числе исследование объемом 30 а.л. «Русские писатели у Гёте в Веймаре» (1932). Процесс редакционной работы, принципы сотрудничества «Литературного наследства» с авторами и подготовки материалов раскрываются в переписке Дурылина с редакцией, прежде всего с И.С. Зильберштейном. Приводятся сведения о неосуществленных их совместных проектах, в том числе серии пропагандистских научно-популярных изданий периода Великой отечественной войны, для которой Дурылин написал цикл работ о русских писателях XIX века, в частности, о славянофилах. На примере сотрудничества Дурылина с «Литературным наследством» обращается внимание на сложности адаптации деятелей дореволюционной культуры к условиям советской реальности 1930–1950-х годов.

Ключевые слова: С.Н. Дурылин; «Литературное наследство»; И.С. Зильберштейн; история советской науки; изучение культурного наследия; славянофилы; архивные материалы; переписка.

Информация об авторе: Сергей Игоревич Панов — кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Россия. ORCIDID: 0000-0002-7240-7219. E-mail: sergeipanov@mail.ru.

Для цитирования: Панов С.И. Сергей Дурылин и «Литературное наследство» // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 365–383. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-365-383>

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект «С.Н. Дурылин — историк литературы», № 18-012-00746).

Благодарю А.В. Геворкяна и М.А. Фролова за предоставление снимков ряда цитируемых писем.

Сотрудничество с «Литературным наследством» (далее: ЛН) и тесные дружественные отношения с вдохновителем издания и секретарем его редакции И.С. Зильберштейном — имели большое значение в судьбе С.Н. Дурылина, и в плане его эволюции в 1930-е годы в сторону «академической» историко-литературной науки, и для полноценной социализации в рядах советской творческой интеллигенции. Значимым было авторское участие Дурылина в ранних томах ЛН и для самой серии, особенно в годы ее становления.

В 1931 г. в Москве учреждаются две серии историко-литературных архивных изданий — журнал ЛН, сначала как орган РАПП и Коммунистической академии, и сборники «Звенья» под редакцией хлопотавшего об основании всесоюзного Литературного музея В.Д. Бонч-Бруевича. Обе серии были нацелены на документальные публикации из прошлого русской литературы, в обе редакции С.Н. Дурылин, переведенный осенью 1930 г. из томской ссылки на поселение под надзором ОГПУ в Киржач и вынужденный жить исключительно литературным трудом, отправил предложения своих материалов по русским писателям XIX века — Тютчеву, Гоголю, Гаршину, Вяземскому, которым недавно увлекся и еще в Томске написал большое исследование «Декабрист без декабря» (о занятиях Дурылина Вяземским и его окружением см.: [5]). В преддверии широко анонсированного в СССР векового «юбилея» смерти Гёте Дурылин в число своих возможных работ для ЛН и «Звеньев» включил и материалы по русским отношениям немецкого классика. Неповоротливая редакция «Звеньев»¹ не нашла возможности поместить его статью «Тютчев и Гёте»² в уже спланированный юбилейный сборник (т. II, 1933), а чуткий молодой редактор ЛН И.С. Зильберштейн отреагировал молниеносно и сделал главную ставку в тематическом «гётевском» томе (ЛН, т. 4-6) на обзорное исследование Дурылина.

¹ Ср. в письме Бонч-Бруевича к Дурылину уже в 1933 г.: «...не надо у меня справляться по поводу Ваших рукописей и корректур, потому что, как неоднократно я писал Вам, у нас в “Звеньях” установлен совершенно точный и строгий порядок, от которого мы никуда не отклоняемся. Работаем мы в определенном плане и потому читаем рукописи для ближайших книг <...> Я очень прошу Вас и Вашу супругу твердо знать, что за нашим аппаратом задержки не бывает» (РГБ. Ф. 369. Карт. 145. Ед. хр. 54. Л. 9). Здесь же в письмах 1931–1932 гг. об «опоздании» работы Дурылина о Гёте.

² Сам Дурылин так характеризовал эту до сих пор остающуюся неизданной работу: «Она заново пересматривает вопросы о литературном и жизненном знакомстве Тютчева с Гете. Первый решает положительно, второй, увы, отрицательно! В статье фундамент — для последнего решения — весь из неизданного материала. Немцы и русские исследователи доселе продолжают пересказывать легенду о личном знакомстве Тютчева с Гете. В моей статье легенде этой пришел конец» (РГБ. Ф. 369. Карт. 267. Ед. хр. 42. Л. 5).

На год напряженной работы по подготовке «гётевского» тома ЛН пришлось первая важная смена вех в истории этой серии — с крушением РАПП не только ослабло влияние редколлегии (Ипполит Ситковский, Л. Авербах, Ф. Раскольников) на дела издания и руководство им фактически полностью перешло в руки молодой редакции (к Зильберштейну вскоре присоединились как редакторы И.В. Сергиевский и С.А. Макашин), но и смягчились первоначальные боевые установки, а отвечавшие за их проведение в жизнь литературоведы из Комакадемии (С.С. Динамов, И.И. Анисимов, М.Б. Храпченко), выполнявшие роль внутренних рецензентов³ и менторов, отошли на второй план. Одновременно эволюционировали и представления о желательном типе издания самого Зильберштейна. Если в течение 1931 г. он настойчиво повторял всем потенциальным авторам, что ЛН «журнал публикаций материалов, а не просто историко-литературный журнал. Поэтому мы даем в основном материалы, а уж в качестве приложения к ним идут вступительные статьи (обычно политически-заостренного характера) и послесловие-комментарий, трактующие обычно о судьбе литературного наследия данного автора»; и уверял, например, П.Н. Беркова, что предисловие к текстам Козьмы Пруткова вместо него — напишут Н. Бухарин и М. Кольцов⁴, то спустя год отношение к жанру научных статей изменилось. Политическая «заостренность» стала лишь желательным дополнением историко-культурной информативности. «Беспартийные спецы» из ленинградского Пушкинского Дома, московской ГАХН стали основными авторами ЛН, и даже самокритичные признания бывшего сенатора Я.Л. Барскова, что в комментариях к письмам Екатерины II Григорию Потемкину он вряд ли верно раскроет детали общественно-экономической формации России XVIII века, встречали снисходительное понимание Зильберштейна, хотя он в переписке с Гр. Гуковским и позволял себе доверительно аттестовать Барскова «старой калошей».

³ Роль идеологических комиссаров при «беспартийных спецах» хорошо видна, например, в отзывах И. Анисимова на материалы по французской литературе для ЛН, т. 2: о публикации В. Дынник «Неизвестные страницы Анатоля Франса»: «Статья вообще скверная. <...> Вообще же дать автору указание — ограничиться информацией, на большее он не годится». Об обзоре М. Эйхенгольца (в начале 1920-х Анисимов учился у него в МГУ): «...надо воздержаться от “обобщений” <...> Я бы просто сократил их, автор не справится с переделкой — дать ему установку на “информационность” (что поделаешь, это лучше его “обобщений”). <...> Эйхенголец дает мешанскую, антиленинскую трактовку <...>. Это надо выправить во всей статье. Последнюю главку снять! Материал общается ужасно интересный! Указать надо автору, что Золя — художник, переходящий и в эпоху империализма!» (РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 6).

⁴ РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 4.

В такой ситуации с конца 1931 г. за девять месяцев собирается «строенная» книга ЛН (т. 4-6), посвященная Гёте, — огромный том открывают «заостренные» статьи А. Луначарского, Л. Авербаха, С. Динамова, в целом занявшие 75 страниц, а следующая тысяча отведена под обзоры, хроники, библиографические реестры, и лишь две публикации текстов из наследия сопровождаются краткими предисловиями Ипполита Ситковского, один обзор — введением Л. Каменева; основные авторы — формалисты и младоформалисты из Ленинграда и ГАХН. Почти половину тома (с. 81–504) занимает исследование ссыльно-поселенца С. Дурылина «Русские писатели у Гёте в Веймаре».

Если в Томске Дурылин пользовался хотя бы богатой университетской библиотекой (где и проштудировал тома переписки друзей Вяземского — В. Жуковского и А. Тургенева, комплекты «Русского архива» и проч.), то в Киржаче необходимыми книгами, выписками нужных документов, справками из старых журналов его снабжали друзья и коллеги (в том числе, ученики К. Пигарев, А. Сабуров), в основном — по почте, изредка приезжая из Москвы. Приезжал в Киржач с чемоданами книг и Зильберштейн, но главное — он смог организовать бесперебойные консультации столичных библиографов, заказывал из Германии, запрашивал у ленинградцев отсутствовавшие в Ленинской библиотеке издания, усаживал машинистку за перепечатку нужных цитат — все это отправлялось в Киржач. В предисловии к своему исследованию Дурылин с благодарностью называет имена 22 человек, помогавших ему в работе.

В такой организации дела ярче всего проявился принципиальный подход Зильберштейна к работе, сформулированный им уже в сентябре 1931 г. в письме В. Бушу: «Я считал и считаю, что на литературоведческом фронте необходима консолидация распыленных до сих пор сил и что необходим самый тесный контакт среди исследователей, работающих в одной и той же области»⁵. Дурылин не был исключением, так же коллективно наводились справки и копировались тексты для работы В.М. Жирмунского «Гёте в русской поэзии», отдельные находки одного исследователя передавались в тематически более подходящую публикацию другого. Нередко это вызывало споры и возмущение, но Зильберштейн упорно гнул свою линию, убеждая, прося, порой и грозя разрывом отношений и даже судом (ЛН он позиционировал как дело государственной важности). Возмущение П.Н. Беркова: «Я слишком ценю себя, как научного

⁵ РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 10.

работника, чтобы позволять трактовать себя в качестве поставщика материалов для Дурылиных, Жирмунских и пр.» — ничуть не смутило Зильберштейна: «Удивила меня, по правде говоря, Ваша открытка. Человек Вы все-таки злопамятный...»⁶, и совместная работа продолжилась. При этом следует подчеркнуть, что основную помощь авторам оказывала сама редакция ЛН. Так, основу следующей большой работы Дурылина в ЛН («Г-жа де Сталь и ее русские отношения»; т. 33-34, 1939) составили десятки писем, фрагменты документов и дневников, выявленные в архивах Зильберштейном и Макашиным и скопированные редакцией.

В процессе работы по Гёте между Дурылиным и Зильберштейном установились и очень теплые человеческие отношения, даже несколько удивительные при всей культурной, социальной разнице этих людей. В сентябре 1932 г. Дурылин делает важное признание:

...хочу написать два слова не о делах. А вот о чем: не помню, сказал ли я Вам при свидании или в письме самое главное, что хотел сказать? — Что для меня письменное общение с Вами и работа на расстоянии имели особое значение. Я сам не могу еще определить его точно, но это было какое-то переучение, перевооружение, сделанное на ходу, но вместе с тем — в самое время, тогда, когда нужно было сделать. Для меня это — целый сдвиг, высокая веха моей работы и жизни.

Я сам спрашиваю себя: почему я мог легко понимать Вас, не зная ранее, не видев никогда? И отвечаю теперь себе: оттого, что во мне самом давным-давно назрела способность по-новому видеть, по-иному понимать, иного хотеть, чем до сих пор виделось мне, понималось, хотелось. Вы очень устали, дорогой Илья Самойлович, и не надобно Вас ничем отрывать от Вашего отдыха, но мне захотелось сказать Вам, что та доля — большая доля, — большая доля Вашей усталости, которая падает на возню с моей работой и на заботу обо мне, — не пропала даром: я говорю не о своем «Гёте», а о себе. Вы помогли мне многое усвоить из того, что давно было мне близко и нужно, но чего я не усваивал еще себе, потому что ни от кого не получал нужной для этого подмоги, дружеского вмешательства, критического толчка — и помогающей заботы. Все это дали мне Вы — и за это я Ваш всегдашний должник⁷.

⁶ РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 37, 38.

⁷ РГАЛИ. Фонд И.С. Зильберштейна (в обработке). Переписка Дурылина с Зильберштейном и другими редакторами ЛН частично не сохранилась, но все же в фондах РГАЛИ (прежде всего: Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 323, 633, 634, 650, 598 и др.)

Работа с ЛН и общение с Зильберштейном были важной ступенью на пути обретения Дурылиным нового социального статуса — «советского научного работника», с сопутствующей этому психологической перестройкой. Высокий культурный уровень ЛН стал в этом процессе своеобразным ободрением и «оправданием» для Дурылина, позволив ему избежать чувства полной «капитуляции» перед действительностью. Конечно, в сотрудничестве с ЛН, как и со «Звеньями» и другими редакциями, была для Дурылина и важная практическая сторона — не только жизненно необходимые гонорары, но и помощь в реабилитации. Зильберштейн хлопотал через Авербаха и Кольцова о разрешениях на краткие поездки Дурылина в Москву, а затем на право поселиться в столице, Бонч-Бруевич обращался по тем же вопросам к М. Калинину и Г. Ягоде; редакции снабжали Дурылина различными справками и удостоверениями, призванными облегчить его отношения с властями. Показательно, что как важное свидетельство благонадежности Дурылин осенью 1932 г. принес уполномоченному ОГПУ, у которого он обязан был регулярно отмечаться в Киржаче, гранки своей работы о Гёте в ЛН (столичное «советское» издание!). Но даже важнее для него во встрече с Зильберштейном было обретение твердой почвы для серьезной историко-культурной работы, причем, самого высокого уровня. Об этом он писал своему редактору в конце 1932 г.:

Дорогой Илья Самойлович!

Ваше письмо меня тронуло, не постыжусь сказать, до слез. В нем та *нужная, мужественная* сердечность, которая не имеет ничего общего с чувствительной слабостью, которую обычно принимают за сердечность. А без «сердца» — в жизни, в работе, в труде не проживешь. Нельзя иначе сказать о деле дорогом — как о деле любимом, а где любовь, там и сердце. У сердца же — только у него одного — есть дар: внимания, — и есть творческое внимание к человеку. Этим мы бедны в жизни; если б были мы им богаты, то, при нашей *воле*, при темпе жизни нашей, мы бы луну завоевали, трех шекспиров в год открыли в нашей молодежи!

Вы богаты этим творческим вниманием; это — дар; когда я вдумываюсь в деятельность таких прославленных «редакторов», каким был Карамзин в «Москов[ском] журнале» и «Вестнике Евро-

есть до 150 писем, в основном — 1930-х. Для довоенной истории ЛН это второй по объему из известных нам эпистоляриев (после переписки ЛН с Г.А. Гуковским). Далее письма цитируются по подлинникам РГАЛИ; основной корпус переписки готовится нами к публикации.

пы», Некрасов в «Современнике», я думаю, что они потому создали издания, делающие эпоху, что в высокой степени обладали этим даром. Чернышевский был бурсак, попovich, бука, — и увидеть в нем *Чернышевского* в нашем знании этой фамилии, можно было только при исключительном даре творческого внимания.

Я не люблю лести и не унижу ни Вас, ни себя ею, но скажу прямо, что, конечно, Вы вызвали меня к новой работе, к «Гете», к Пушкину, ко многим другим темам, — и как-то так охватили меня Вашим творческим вниманием, что я не только чувствую в себе живую потребность работать, но еще, по отношению к старым своим работам, вот что чувствую:

Я прежний пепел не тревожу, —
Здесь был огонь, и вот остыл.
Как змей, на сброшенную кожу
Смотрю на то, чем прежде был⁸.

Я давно привык в Ваших работах видеть труд человека, любящего литературу, внимательного к ее тонким линиям, артериям и мускулам ее организма, — но в Вашей редакторской деятельности я с изумлением увидел нечто мною не виданное: какого-то садовника, садовода — страстного любителя, который растит чужие цветы, как свои, и захудавшее без внимания растение оживляет своей заботой, акклиматизирует для новой почвы, для которой, быть может, и создано было это растение, да само про это не знало.

Я понял разницу, какая есть между гербаризатором и садовником: те люди в редакциях, с к[оторы]ми мне приходилось работать, были гербаризаторы: отлично умели сушить приносимые им живые растения. Вы — садовник, Вы умеете растить, а не сушить! В этом величайшая разница.

И нет ничего удивительного, что я всем сердцем Вас полюбил — за эту способность любить, растить, холить, акклиматизировать. Ведь Магомет обещал пустить в рай каждого правоверного, кто вырастит хоть одно дерево на своем веку.

А Вы одно такое дерево — почти совсем засохшее — заставили расти и, худо ли, хорошо ли, принести даже плод.

Наши отношения сразу стали прямые, искренние и все на чистоту. Такими они и будут всегда.

Я ни на минуту не могу забыть Вашей помощи и доверия ко мне, которого Вы вовсе не знали, или, еще хуже того, могли знать не

⁸ По памяти цитируется стихотворение В. Брюсова «У себя» (1901).

с настоящей стороны. Ведь биография моя путана и нелепа, но путал я себя, а не других; это единственное мое оправдание.

Я знаю, как Вам трудно.

Но труд Ваш прекрасен: достаточно просмотреть отпечатанные листы «Гете», чтобы увидеть, что это — событие: *такой* книги не было еще в русском литературоведении. Книга эта — останется навсегда; ее не минует — сочувствием или враждой, признанием или нападением — мировое, а не только русское гетеведение. Ее главное достоинство — в том, что это труд, плод труда: длительного, культурного, сложного, нового, поднимающего целину. Можно привести простое и бесспорное доказательство этому: не читая текста, посмотреть только а) рисунки и отдельно б) автографы. Я — не новичок в литературоведении, я многое множество раз обзирал наши лучшие музеи, знакомился с частными собраниями, сам собирал портреты русских писателей и *realia* их жизни и деятельности, — но должен сознаться, что — после просмотра первых листов Гете своих версток — я обогатил свое зрительное знакомство с русскими писателями: я не знал, не видал *таких* Карамзина, Жуковского, А. Тургенева, Вьельгорского, Перовского, каких увидал в *Вашей* галерее, — и *никто* их не видал. Просматривая же автографы, всякий заметит, что, если б даже в тексте книги всё было написано на ноль с минусом, все равно — она незаменима: она открывает такую *уйму* нового документального материала в области, исследованной вдоль и поперек, и вглубь на 100 сажений, какова область гетеаны, — такую *уйму* неизвестных дает текстов, что все это — не может не поражать. А ведь все эти выделенные мною 2 пункта — сплошь дело и заслуга *редактора*: авторы тут «с боку припёку». — Но я берегу все Ваши письма и записочки — и из них можно бы видеть, сколько «редакторского» сидит в «авторском», — и как хорошо сидит: без насилия, без малейшей нарочитости, — как усилия садовника цветут вместе с цветком, им выращенным. Книга — событие, это несомненно.

Нужно ли говорить, после всего сказанного, что Вы мне дороги и я искренно и навсегда привязан к Вам? А работать с Вами — моя мечта.

Сейчас иду пить чай; затем — с листами отпечатанными — иду туда, куда приходится ходить — раз в месяц. Авось, с Вашей легкой руки все будет хорошо, авось, мы увидимся в Москве...

Давайте руку на счастье! <...>

В предвоенные годы заметное участие Дурылин принял еще в «русско-французском» и лермонтовском томах ЛН, а также угово-

рил Зильберштейна напечатать автобиографические записки К. Леонтьева «Моя литературная судьба», которые получил у наследников автора и откомментировал (т. 22-24, 1935; в ходе подготовки этот том на редакционном жаргоне ЛН носил название «реакционный»). Однако целый ряд предложенных Дурылиным материалов (в частности, уже принятых и частично оплаченных для пушкинского тома 1934 г.) в печать не пошли. При этом его сотрудничество с Зильберштейном не ограничивалось проектами ЛН. Их обоюдный интерес к русской живописи, к изобразительному искусству чуть не привел к соавторству по крупной работе — Зильберштейн с Дурылиным заключили договор с издательством «Academia» на подготовку большого тома «Рисунки русских писателей», в котором должны были быть представлены 80 авторов XIX — начала XX вв. Но этот задуманный Зильберштейном проект не осуществился, как и его масштабные предприятия военного времени.

Буквально накануне войны в ЛН завершалась работа над лермонтовскими томами. Т. 43-44 прошел корректуры и 24 мая 1941 г. был подписан в печать. Уже набирались гранки т. 45-46, в том числе большой работы Дурылина «Врубель и Лермонтов» (сдана под расписку в ЛН 3 марта 1941). Зильберштейн в марте-апреле обсуждает с автором вставки в статью и качество иллюстраций, которые почти все тоже подобраны и отрегулированы. Война на семь лет задержала выход этого тома. Зильберштейн сразу же энергично включился в редакционно-издательские работы по подготовке агитационно-патриотической литературы, осваивая нишу «наследие русских классиков — фронту». И привлек к своим проектам Дурылина. Забегая вперед, скажем, что в итоге тематически актуальная книга Дурылина «Русские писатели в Отечественной войне 1812 года» (он работал над ней зимой 1942–1943 г.) вышла вне масштабных планов Зильберштейна⁹, который уже через неделю после начала войны составлял серию патриотических брошюр. В числе первых выпусков планировались и работы Дурылина, в частности, о Гоголе. О характере задуманного проекта говорит их переписка в первых числах июля 1941 г.

Дорогой Илья Самойлович!

Я прочел всё у Гоголя, что может приблизительно относиться к теме, — оказалось, что основная тема — украинская: статьи, по-

⁹ Была издана в 1943 г. в «Советском писателе»; две книжечки Дурылина появились в серии «Великие русские люди» издательства «Молодая гвардия» — о М. Щепкине (1943) и М. Лермонтове (1944).

вести, письма дают материал для очерка об украинском казачестве и его оборонительных войнах, об его патриотизме, о сознании идеи родины и долга перед нею — сознании, выраженном в песнях; затем, небольшой материал есть о 1812 годе, — очень небольшой; затем, обширный материал о достоинстве, силах и возможностях русского народа. Но нужно помнить, что весь без исключения материал этот связан у Гоголя с его религиозным мировоззрением, и — борьбу военную он соединяет у украинцев с борьбой за веру. Вспомните «Тараса Бульбу».

Напишите или сообщите, на чем же остановиться? «Гоголь о народном героизме»? Это было бы точнее всего. Или: «Народ на защите родины» — по Гоголю?

Что касается добровольцев, то я просмотрел Гаршинские материалы (в частности, 3 том переписки). Можно бы дать на их основании очерк: «Писатель-доброволец». Описать побуждения идти на войну: ненавижу милитаризм, но иду на войну *вместе* со всем народом; описать поход; дружбу с солдатами; бесстрашие, героизм без позы и т.д. Это был бы любопытный очерк. В нем, кажется, есть много ценного вот с какой стороны: поведение мирного человека на войне, героизм текущего дня.

Я думаю, на это не потребовалось бы больше 1-1 ½ листов. Решайте, что нужнее.

Зильберштейн отвечал 7 июля 1941 г.:

Дорогой Сергей Николаевич!

Заголовок «Гоголь о народном героизме» безусловно удачен. В брошюре, которую мы надеемся получить от Вас обязательно на этой неделе, надо как-то объединить весь материал, о котором Вы говорите в своем письме. Брошюра должна иметь преимущественно цитатный характер; цитатный материал должен скрепляться публицистическим цементом. Главное, она должна носить максимально боевой, политически заостренный характер, должна быть агитационно-массовой в самом точном смысле этого слова. Что основная тема у Гоголя — украинская, не имеет, на мой взгляд, большого значения, т.е. не является никаким препятствием. Здесь надо сказать о братском родстве русского и украинского народов и о том, что борьба их была борьбой с общим врагом. Связанность этого материала с религиозным мирозерцанием Гоголя еще менее существенна. Если в «Тарасе Бульбе» он говорит о борьбе за веру, то надо показать здесь (конечно, в популярной форме), что вера

во многих национально-освободительных войнах выступала как категория политическая, как знак национального единства, основа национальной жизни народа. Вот и все принципиальные установки, которые могут наметить перед Вами. Что касается технической стороны дела, то, во-первых, не выходите за пределы 2-2,5 листов, а во-вторых, мобилизуйте весь свой писательский опыт и напишите брошюру действительно в молниеносном порядке, — промедления это дело не терпит. <...>

Однако оперативно запустить серию небольших книг и брошюр в печать не удалось, а осенью Зильберштейн уехал в эвакуацию (по линии Совета министров оформив вывоз своей личной художественной коллекции из Москвы вместе с ценностями госмузеев), 1942 год провёл в Ташкенте. Но он успел соблазнить Дурылина темами еще нескольких работ, в том числе — о славянофилах.

Статус славянофилов как «махровых реакционеров» в конце 1930-х начал понемногу подвергаться пересмотру — на волне общего культурно-идеологического поворота и реабилитации категории «национального» («великорусского»), закрепленной в годы войны. В 1940 г. в Институте истории прошла широкая дискуссия по докладу С.С. Дмитриева «Славянофилы и славянофильство. (Из истории русской общественной мысли середины XIX века)» (был напечатан в журнале «Историк-марксист». 1941. № 1), которая «выявила не только существовавшие среди ученых разногласия в понимании славянофильства, но и то, что такие крупные советские историки, как Н. Дружинин, М. Нечкина, Е. Мороховец, А. Шестаков, вместе с основным докладчиком, видели в ранних славянофилах не просто реакционеров, и только, а признавали наличие и весомую значительность в предреформенном славянофильстве прогрессивных для своего времени начал. Докладчик и большинство ораторов твердо отделяли раннее славянофильство от реакционной, господствовавшей в то время идеологии официальной народности» [1, с. 74].

Возможность заняться любимыми славянофилами¹⁰ не могла не вдохновить Дурылина, и он продолжал работать над этой темой даже после краха «брошюрного» проекта и отъезда Зильберштейна. Когда же тот в начале 1943 г. вернулся и попытался на базе Гослитмузея реанимировать прежнюю идею в еще более широких формах, поручив Дурылину собирать материалы, писать статьи и редактировать

¹⁰ О трактовке славянофилов в книге записей Дурылина «В своем углу» см., в частности: [4].

тексты чуть ли не по дюжине русских писателей, то именно цикл о славянофилах был подготовлен им к изданию в первую очередь. 14 октября 1943 г. Дурылин подвел промежуточный итог:

Дорогой Илья Самойлович!

Я не покладая рук работал, по Вашему желанию, над «Русскими писателями о немцах» и исполнил всю работу. Мною сданы Вам полностью — тексты и статьи — 1) Фонвизин, 2) Хомяков, 3) И. Киреевский, 4) К. Аксаков, 5) И. Аксаков, 6) Ю. Самарин, 7) Я. Полонский и 8) Лесков.

Я убедительно Вас прошу:

1) Дать мне расписку в получении от меня всей работы и о том, что она исполнена, как надо, и принята музеем.

2) Выписать 60% гонорара — и помочь их получить.

За эту утомительную работу я не получил доселе ни копейки.

Всю эту работу я предпринял исключительно по Вашей просьбе и ради этой просьбы ее сделал. Поэтому выручайте меня — оформляйте сдачу работы и получение денег.

Равно прошу об оплате машинистки. <...>

К концу октября 1943 г. Дурылин отредактировал и дополнил также материалы и по другим авторам. Но предприятие вновь замерло, хотя собранные рукописи Зильберштейн уже передал на окончательную редактуру своему коллеге по ЛН И.В. Сергиевскому, отозванному с фронта в Москву для научно-литературной работы. В отличие от Зильберштейна, Сергиевский не благоволил Дурылину, еще с тех пор, как работал с его публикациями для «гётевского» и «пушкинского» томов ЛН в 1932–1932 гг.; и на этот раз отзыв его был строгим:

Илья, возвращаю Лескова, Киреевского и Константина Аксакова. Лесков любопытен (как видите, я вовсе не «свожу счетов» с Дурылиным, и когда у него получается интересно, не отрицаю этого), но несколько выпадает из общего плана сборника: смахивает скорее на журнальную статью. В частности — по размерам. Очень много места занимает рассказ о судебном «деле» Лескова. В то же время, сокращать — обидно: эпизод никому неизвестный, цветистый. Если все же решите снимать этот материал, можно будет сделать это за 5 минут, совершенно механически. <...> Отрывки о Суворове <...> я бы не стал давать: не играют. Да и еще есть причины, по которым лучше снять их.

Из Киреевского — хорошие тексты; в вступительной заметке много лишнего, я ее сократил; в таком виде — пойдет.

Константин Аксаков совсем слаб. Специфически антинемецкого у него *ничего* нет, а «патриотика» его слишком уж в густо-славянофильские тона окрашена, чтобы давать ее. Я начал было купировать, но бросил, увидев, что если так снимать, то не останется ничего: все на одном уровне. Право, снимем его: это ведь не Пушкин, отсутствие которого в сборнике было бы неприлично, и которого по необходимости приходится, поэтому, строить на боковом (общепатриотическом, а не специально-антинемецком) материале из-за отсутствия иного.

В понедельник сдам Ивана Аксакова и, надеюсь, Брюсова. Это будет все. Не худо было бы, если бы ГЛМ учинил какой-то расчет со мной, хотя бы частичный. Получил я за это дело (не считая полученного за *авторскую* работу) всего 300 рублей <...>, а дело — грязное и мешкотное.

Выпуск сводного большого «патриотического» тома (по выражению Дурылина, «наше литературное предприятие против немцев»), объединявшего пару десятков русских писателей XIX — начала XX вв., тоже сорвался. Очерки Дурылина о славянофилах так и остались не напечатанными (их тексты, к сожалению, в его архивном фонде в РГАЛИ сохранились не полностью), а в них он — при всем необходимом упрощении трактовок и «советизации» — старался сместить акцент с социальных аспектов (демократизм народолюбия, антикрепостничество и т.п.) на нравственные и духовные; в характеристике социальных и философских воззрений славянофилов показать, что у них «не только душа, но и мысль — христианка» [2, с. 735]. Например, из очерка о Хомякове:

...«правами народа», не подлежащими отчуждению со стороны государства, Хомяков и ранние славянофилы, прежде всего, признавали свободу совести и веры и свободу мысли и слова (устного и печатного).

Для Хомякова «свобода в положительном проявлении силы есть воля», а «из всемирных законов волящего разума или разумеющей воли (ибо таково определение самого духа) первым, высшим, совершеннейшим является неискаженной душе закон любви».

Этот «закон любви» — для Хомякова — являлся верховным основным законом, как в области мышления философского и богословского, так и в сфере отношений историко-социальных.

Вот почему, человек православно-верующий, Хомяков стоял за свободу вероисповеданий и подвергал такой суровой критике официальные формы православной церковности, что ни одно богословское сочинение Хомякова не могло быть, при его жизни, напечатано в России, а напечатанный за границей, уже после его смерти, том богословских его сочинений, был запрещен русской цензурой. Вот почему, сторонник и проповедник совершенно определенного общественно-политического мировоззрения, как будто бы смежного с официальной догмой «православия, самодержавия и народности», Хомяков был сторонником самой широкой свободы слова, а сам, подвергаясь постоянному преследованию цензуры и администрации, вплоть до запрещения не только печатать что-либо из своих сочинений, но даже *читать*, был последовательным и непримиримым критиком господствующих форм русской государственности, видя в них полнейшее нарушение «закона любви», который Хомяков почитал внутренним законом жизни, признаваемым русским народом и славянством¹¹.

Сразу после войны Зильберштейн загорелся продвижением новых проектов из области культурного наследия — сериальных изданий «Художественное наследие» и «Театральное наследие». Первая серия стартовал в 1948–1949 гг. двухтомником «Репин» под общей редакцией акад. И.Э. Грабаря (Зильберштейн — один из авторов, сосоставитель и редактор издания). Готовились тома по Федотову (к 1950 г. был в целом собран), Брюллову, Левитану, но проект остановился (см. материалы в статье Т.Л. Латыповой: [3, с. 137–162]). «Театральному наследие» не суждено было и стартовать — первый том планировалось посвятить теме «Балет пушкинской поры», его составителем и основным автором выступал ленинградец Ю.И. Слонимский, в оживленной переписке с которым Зильберштейн обсуждал состав, композицию тома¹². Напряженная работа в течение полутора лет (1945–1946) завершилась полным разрывом отношений: измученный все новыми и новыми требованиями сокращений, переделок, замены авторов, раздраженный отсутствием договора с четкими гарантиями и сроками, Слонимский направил Зильберштейну «письмо-приговор», в котором обвинил его в диктаторстве и самодурстве. Его,

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 16. Статьи Дурьлина о славянофилах сохранили исторический интерес и подготовлены нами к отдельной публикации.

¹² РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 6. Ед. хр. 182.

в частности, не устраивало, что уже после подробного обсуждения состава тома Зильберштейн хотел вносить существенные коррективы, апеллируя к мнению московских специалистов. Скорее всего, одним из них был и Дурылин, с которым Зильберштейн обсуждал возможное издание весной 1946 г. и 1 апреля послал развернутый план книги, прося высказать соображения и замечания. Насколько позволяют судить документы, о других предполагаемых «театральных» томах с Дурылиным переговоров не велось — вероятно, споткнувшись на балете, Зильберштейн всецело переключился на «художественную» серию, на дорогого ему Репина и гораздо более близких, чем театральный мир, живописцев.

Одновременно завершился наконец набор второй лермонтовской книги ЛН (т. 45-46), в которой печаталось еще довоенное исследование Дурылина «Врубель и Лермонтов» — последняя его публикация в ЛН и последний крупный гонорар (прося не задерживать гранки, Зильберштейн кокетливо писал: «Скажите Ирине Алексеевне <Комиссаровой, жене Дурылина>, что Вы можете получить солидную сумму денег за врубелевскую статью. Пусть она зайдет ко мне» (1 апреля 1946)).

Закончилось общение Дурылина с ЛН и Зильберштейном не на приятной ноте. Последним проектом ЛН, участие в котором Дурылин активно обсуждалось и реально планировалось, был большой «сборный» том 58 «Пушкин. Лермонтов. Гоголь» (1952). Собирался он во многом «по сусекам», после напряженной планомерной работы над томами, посвященными Некрасову и Белинскому (оба — в формате трехтомников), ради подготовки которых пришлось пропустить пушкинский юбилей 1949 года, передвинув срок к 100-летию памяти Гоголя. Складывающееся разнообразие тем и жанров давало возможность предложить в том самый разнородный материал. Зильберштейн так и писал Дурылину, не конкретизируя своих пожеланий: «Не дадите ли Вы нам что-либо для этого сборного тома? Вы хорошо знаете, как я люблю Ваши писания. Буду счастлив еще раз сотрудничать с Вами» (2 июля 1951). Дурылин откликнулся с энтузиазмом и предложил несколько своих многострадальных статей, так нигде и не напечатанных в 1930-е («Гоголь — чичероне по Риму», «Неизданное стихотворение П.А. Вяземского», «Лермонтов и декабрист Одоевский», «Современница Пушкина» — расширенная версия статьи о Е. Кульман), варианты мелких документальных публикаций, а главное — большую работу «Семья Гоголя в письмах к Аксаковым». Представляя ее на суд Зильберштейна и Макашина, он писал 19 июля 1951:

Дорогие Илья Самойлович и Сергей Александрович!

Пышляю Вам мою работу «Семья Гоголя в письмах к Аксаковым». Не знаю, кто из Вас будет читать эту мою работу, и потому пишу к Вам обоим несколько слов о характере и задачах этой работы. Она состоит из вступительной статьи, писем семьи Гоголя к Аксаковым и моих примечаний к каждому из этих писем. Моей задачей было показать старосветскую семейную и помещичью среду Гоголя и указать, с одной стороны, на родство Гоголя с этой средой, а с другой стороны, показать и его ненависть к обывателям-«существователям» из этой среды. Моя статья и мои примечания имеют целью — главную целью — так осветить предлагаемый эпистолярный материал, чтобы стало ясно: Гоголь-художник воспользовался «старосветским» материалом своей семьи и окружающих помещиков для изображения своих «Шпонек, Коробочек» и т.д. и проявил в этих изображениях свою ненависть к «существователям» и «небокоптителем». Но и сам Гоголь не мог до конца разорвать свою связь с этими «существователями», к числу которых принадлежали и его сестры. Между письмами Гоголя к сестрам, о которых постоянно идет речь в письмах его сестер к Аксаковым, и «Перепиской с друзьями» есть крепкая связь, на которую ни один исследователь еще не обратил внимания: многие реакционные рецепты морального и социального врачевания, которые возбуждали такую ненависть Белинского к «Переписке», Гоголь-моралист пытался применить к захолустной Васильевке, к своему дому и сестрам. Значительная часть писем сестер и матери написана уже после его смерти, но эти письма также существенны для биографии Гоголя: в них сестры вспоминают о брате, ярко обнаруживают свой психический склад, и социальный строй, с которым тщетно пытался бороться Гоголь, и вместе с тем эти письма обнаруживают впервые ту борьбу за литературное наследие Гоголя и за его биографию, которая возгорелась тотчас же после его смерти.

В моих глазах, моя работа представляет законченное целое, смысл которого я попытался определить в этих строках моего письма (вступительная статья раскрывает этот смысл и значение писем с большей подробностью). <...>

Впрочем, как всегда в моей давней работе с Вами, вполне полагаюсь на Ваше дружеское внимание к автору и на огромную Вашу опытность в этом деле. В 1952 году исполняется 100 лет со дня смерти Гоголя, и моя работа будет вполне своевременна.

Крепко жму Ваши руки. Искренно, дружески преданный

С.Н. ДУРЫЛИН.

Предложенные Дурылиным статьи и мелкие публикации редакции не подошли, около-декабристские материалы его попросили скопить на перспективу: к особому тематическому тому (первоначально в томе 58 планировался четвертый раздел — «Рылеев», вскоре разросшийся в трехтомник «Декабристы-литераторы»), а отказ от большой работы по письмам матери и сестер Гоголя к Аксаковым Зильберштейн объяснил именно ее самодостаточной фундаментальностью: «Вы ошибаетесь, считая, что мы делаем *специальный* том, посвященный Гоголю. Он займет у нас лишь треть тома, а другие две трети займут Пушкин и Лермонтов. Если бы у нас был специальный том, посвященный Гоголю, то мы напечатали бы Вашу работу о Гоголе и его старосветских сестрах. Но верьте мне, что в той подборке по Гоголю, которую мы печатаем, эта статья, несмотря на ее несомненный интерес, будет выглядеть случайной. Нет ли у Вас еще чего-либо по Гоголю?» (25 июля 1951). Дурылин в это время работал над двумя большими книгами о Гоголе — обобщающим исследованием о его творчестве и монографией «Гоголь и театр», начальные главы которой были уже готовы. Но он не стал предлагать их фрагменты Зильберштейну — вероятно, почувствовав, что былой симпатии со стороны ЛН к его взглядам и оценкам уже не существует. Действительно, не до конца высказанное в личных письмах отношение было прямо заявлено во вступительной заметке И. Сергиевского к подборке «Гоголь в неизданной переписке современников» (составленной Л. Ланским и в машинописи отрецензированной-проредактированной по просьбе Зильберштейна Дурылиным, что в издании никак не отмечено); тут по поводу Аксаковых заявлялось: «Буржуазно-либеральная историография прошлого сделала достаточно много для того, чтобы разукрасить светлыми, идиллическими красками историю многолетней дружбы Гоголя с этой семьей и чтобы замолчать все то вредное для Гоголя, что несли в себе эта дружба (сказанное относится, в частности, к исследованию С.Н. Дурылина “Гоголь и Аксаковы” <...>, 1934). Советской историко-литературной наукой кое-что сделано уже для пересмотра этой идиллической схемы — надо продолжить начатую работу» (ЛН, т. 58, с. 539).

Упорное, с компромиссами, в чем-то с преодолением самого себя, вхождение Дурылина в «советскую историко-литературную науку» оказалось относительным: докторская степень и орден Трудового Красного Знамени (1949) не гарантировали от того, чтобы «не оправдавший» доверия как «работник аппарата ЦК ВКП(б)» [6, с. 117] и изгнанный с вершин в Академию Наук СССР тов. Сергиевский не разоблачил его как буржуазного либерала, — на страницах ЛН, гранки которого в 1933 году Дурылин предъявлял сотруднику ОГПУ в Киржаче как свою охранныю грамоту.

Список литературы

1. *Дмитриев С.* Подход должен быть конкретно-исторический // Вопросы литературы. 1969. № 12. С. 73–84.
2. *Дурылин С.Н.* В своем углу / сост. и примеч. В.Н. Тороповой, предисл. Г.Е. Померанцевой. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с. (Библиотека мемуаров: Близкое прошлое; Вып. 21).
3. И.С. Зильберштейн. Штрихи к портрету. К 100-летию со дня рождения / сост. Н.Б. Волкова и др. М.: Наука, 2006. 518 с.
4. *Мотеюнайте И.В.* Государственная служба славянофилов и литературное служение демократов: концепция С. Н. Дурылина // Чины и музы: Сборник статей / отв. ред. С. Н. Гуськов. Санкт-Петербург; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2017. С. 41–54.
5. *Панов С.И.* Неизданная статья С.Н. Дурылина о стихотворении П.А. Вяземского «Орфографическое замечание» // Литературный факт. 2018. № 10. С. 321–354.
6. *Тименчик Роман.* Rhinoségos. Ненапечатанная статья И. Сергиевского об Ахматовой // Замечательное шестидесятилетие. Ко дню рождения Андрея Немзера. [М.:] Издательские решения, 2017. Т. 2. С. 96–119.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2020
Одобрена после рецензирования: 15.10.2020
Дата публикации: 25.12.2020

Research Article

Sergey Durylin and “Literary Heritage”

© 2020. Sergey I. Panov

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The paper considers the cooperation between S.N. Durylin (1886–1954), a scholar, writer, cultural historian, and the academic book series “Literary Heritage”. Durylin prepared several big publications for the series, among them a fundamental research “Russian Writers Visiting Goethe in Weimar” (1932; 30 academic sheets). The process of editing, as well as the principles of editorial work with authors and materials characteristic of “Literary Heritage” are uncovered in Durylin’s correspondence with the editorial staff, in particular with I.S. Zil’bershtein. The paper provides information on their joint projects that remained unrealized, for example on the series of propagandistic popular educational books that “Literary Heritage” tried to launch during the Great Patriotic (Soviet-German) war: Durylin prepared for this series several works dedicated to the XIXth century Russian writers, including Slavophiles. Durylin’s experience in “Literary Heritage” attracts attention

to the difficulties pre-revolutionary intellectuals were facing with in the process of accommodation to the Soviet reality in 1930s-1950s.

Keywords: S.N. Durylin; “Literary Heritage”; I.S. Zil'bershtein; history of Soviet scholarship; study of cultural heritage; Slavophiles; archival materials; correspondence.

Information about the author: Sergey I. Panov, PhD, senior research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25a Povarskaia street, Moscow, Russia, 121069. ORCID ID: 0000-0002-7240-7219. E-mail: sergeipanov@mail.ru.

For citation: Panov S.I. “Sergei Durylin and “Literary Heritage.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 365–383. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-365-383>

Acknowledgements: The publication was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant no 18-012-00746, “Sergei Nikolaevich Durylin — a historian of literature».

Special thanks go to A.V. Gevorkian and M.V. Frolov for supplying me with photographs of several cited letters.

References

1. Dmitriev S. Podhod dolzhen byt' konkretno-istoricheskii [The Approach Must Be Concrete and Historical]. *Voprosy Literatury*, 1969, no 12, pp. 73–84. (In Russ.)

2. Durylin S.N. *V svoem uglu* [In One's Own Corner], ed. by V.N. Toropova, introd. by G.E. Pomerantseva. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2006. 879 p. (In Russ.)

3. I.S. Zil'bershtein. *Shtrikhi k portretu. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia* [I.S. Zil'bershtein Birth Centenary. Touches to the Portrait], ed. by N.B. Volkov et al. Moscow, Nauka Publ., 2006. 518 p. (In Russ.)

4. Moteiunaite I.V. Gosudarstvennaia sluzhba slavianofilov i literaturnoe sluzhenie demokratov: kontseptsiiia S.N. Durylina [State Service of the Slavophiles and Literary Service of the Democrats: S.N. Durylin's Concept]. *Chiny i muzy: Sbornik statei* [Ranks and Muses: A Collection of Critical Essays], ed. by S.N. Gus'kov. Saint-Petersburg; Tver', Marina Batasova Publ., 2017, pp. 41–54. (In Russ.)

5. Panov S.I. Neizdannaiia stat'ia S.N. Durylina o stikhotvorenii P.A. Viazemskogo “Orfograficheskoe zamechanie” [S.N. Durylin's Unpublished Article about P.A. Vyazemsky's Poem “A Remark on Orthography”]. *Literaturnyi fakt*, 2018, no 10, pp. 321–354. (In Russ.)

6. Timenchik Roman. Rhinocéros. Nenapechatannaia stat'ia I. Sergievskogo ob Akhmatovoi [Rhinocéros. Unpublished I. Sergievskii's Article on Akhmatova]. *Zamechatel'noe shestidesiatiletie. Ko dniu rozhdeniia Andreia Nemzera* [Remarkable Sixtieth Anniversary. On the Occasion of Andrei Nemzer's Birthday]. Moscow, Izdatel'skie resheniia publ., 2017, vol. 2, pp. 96–119. (In Russ.)

The article was submitted: 18.09.2020

Approved after reviewing: 15.10.2020

Date of publication: 25.12.2020

Литературный факт.
2020. № 4 (18)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (18), 2020

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-384-392>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Дополнения о службе И.А. Гончарова в Департаменте внешней торговли

© 2020, А.В. Романова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00598 «Гончаров. Служебный круг».

Аннотация: В статье обобщены данные многолетних исследований ученых о служебной деятельности И.А. Гончарова в Департаменте внешней торговли Министерства финансов в качестве чиновника, но не переводчика и не секретаря адмирала Е.В. Путятина на фрегате «Паллада». Временной период — с мая 1835 г. по ноябрь 1838 г., с 1843 г. до октября 1852 г. и с весны 1855 г. до начала 1856 г., когда Гончаров перешел на должность цензора. Акцентируется характер службы Гончарова в 1843–1845 гг. Исследовано дело Департамента внешней торговли о постройке мебели 1846–1849 гг., в котором, кроме уже известной ученым описи документов (для сдачи в архив), составленной и подписанной Гончаровым, были выявлены его записи на отдельных листах. Документы позволяют сделать обоснованный вывод о том, что Гончаров, помимо официальных обязанностей переводчика, участвовал и в других делах департамента. Вероятно, он по просьбе начальства иногда выполнял некоторые поручения, когда сослуживцы были в отпуске. Но возможно и другое: официально не афишированное возвращение его к обязанностям канцелярского чиновника на постоянной основе. За эту службу Гончаров был отмечен несколькими ценными подарками.

Ключевые слова: Иван Гончаров; Департамент внешней торговли министерства финансов Российской империи; Российский государственный исторический архив; архивные материалы.

Информация об авторе: Александра Владимировна Романова — научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8475-4122>. E-mail: alice122@gmail.com

Для цитирования: Романова А.В. Дополнения о службе И.А. Гончарова в Департаменте внешней торговли // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 384–392. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-384-392>

Служба И.А. Гончарова в Департаменте внешней торговли (ДВТ) Министерства финансов не раз привлекала внимание исследователей¹.

Однако Гончаров, как известно, начал службу не переводчиком, а канцеляристом, т. е. переписчиком документов, а после службы в качестве переводчика был назначен столоначальником во 2-м (таможенном) отделении. На основе публикаций А. Мазона² и М.Ф. Суперанского [5], статей А.Б. Муратова [3] и А.В. Лобкаревой [1], а также архивных источников перечислим здесь основные моменты этой деятельности.

Известно, что 15 мая 1835 г. Гончаров подал прошение о принятии его на службу³. 18 мая по распоряжению директора Департамента Д.Г. Бибикова он был зачислен на службу в канцелярию Департамента чиновником со средним окладом⁴. С мая 1835 г. Гончаров служил канцелярским чиновником по канцелярии⁵, в октябре 1835 г. — по 4-му отделению⁶. 18 ноября 1838 г. Гончаров был назначен переводчиком во 2-м (таможенном) отделении. Однако 29 ноября распоряжением директора ДВТ Д.С. Языкова Гончаров был оставлен при канцелярии «с тем, чтобы переводы по Второму и Судному отделениям исполнялись незамедлительно»⁷.

В рукописных «Списках чиновников» ДВТ он числился переводчиком 2-го отделения (с 18 ноября 1838 г.), затем младшим столоначальником (с 24 июля 1851 г.) и, наконец, старшим столоначальником 2-го отделения (с 5 октября 1854 г.)⁸. В «Месяцесловах» Гончаров

¹ Основная библиография вопроса приведена нами в статье 2019 г.: [4].

² Мазон А. Материалы для биографии и характеристики И.А. Гончарова // Русская старина. 1911. Т. 148. Вып. 10. С. 42–45 (III. Поступление И.А. Гончарова в Департамент внешней торговли); см. также в отдельном издании: [2, с. 11–13]

³ РГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1388. Л. 1 («Об определении в Департамент Действительного Студента Гончарова»); Мазон А. Материалы для биографии и характеристики И.А. Гончарова // Русская старина. 1911. Т. 148. Вып. 10. С. 43.

⁴ РГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1388. Л. 5; РГИА. Ф. 1349. Оп. 5 (1848). № 627. Л. 463 об.; Мазон А. Материалы для биографии и характеристики И.А. Гончарова // Русская старина. 1911. Т. 148. Вып. 10. С. 43, 44.

⁵ РГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1388. Л. 5, 10.

⁶ Там же. Л. 15.

⁷ РГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1389. Л. 3.

⁸ РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 859. Л. 6; Д. 860. Л. 13; Д. 861. Л. 5 об.; РГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1389 («О назначении к исправлению должности переводчика Гончарова»); РГИА. Ф. 1349. Оп. 5 (1848). № 627. Л. 464 об.; Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1839 год. СПб., 1838. Ч. 1. С. 722; [5, с. 176].

значился с 1839 г. (по данным на 1838 г.) переводчиком⁹, затем (для полноты картины повторим уже упомянутые сведения из нашей предыдущей статьи) в «Адрес-календарях» — с 1840 г. и далее по 1845 г. включительно — переводчиком во 2-м (таможенном) отделении (причем в 1843–1845 гг. — исправляющим должность переводчика), в 1846–1851 гг. — не отражен. Информация о службе переводчиком обозначена в печатных «Списках чиновников» ДВТ 1846 и 1850 гг.¹⁰ Далее, согласно «Адрес-календарям», в 1852 г. Гончаров — младший столоначальник 2-го (таможенного) отделения, то же в 1853 и 1854 гг. (т. к. назначение старшим столоначальником состоялось 5 октября, после выхода тома); в 1855 г. — старший столоначальник. С 7 октября 1852 г. по конец февраля 1855 г. Гончаров путешествовал на фрегате «Паллада» и затем возвращался с Дальнего Востока сухим путем через Сибирь, поэтому его вступление в последнюю должность состоялось только 25 февраля¹¹. В середине ноября по ходатайству адмирала Е.В. Путятина Гончаров был временно (примерно на два месяца) освобожден от службы для составления отчета об экспедиции на фрегате «Паллада», и, таким образом, до начала новой службы, когда 19 февраля 1856 г. высочайшим приказом по гражданскому ведомству он был определен на должность цензора Петербургского цензурного комитета, у него уже не было необходимости заниматься делами в ДВТ.

Остановимся подробнее на том периоде, когда в «Адрес-календарях» Гончаров был обозначен как «исправляющий должность переводчика», а затем не отражен.

А.Б. Муратов обратил внимание на письмо В.А. Солоницына к Гончарову от 3 (15) сентября 1843 г. Солоницын писал: «Мне очень досадно, что Вы все еще в канцелярии...» — и предположил, что речь шла о переводе с должности канцелярского чиновника на должность переводчика 2-го (таможенного) или 3-го (судного) отделения [3]. Следовательно, Гончаров в этот момент не находился на должности переводчика? Но все документальные данные свидетельствуют об обратном, и жалование он получал как переводчик. Муратов, ссылаясь на штатное расписание 1838 г., объяснил эту фразу так: «...по штату Второго Таможенного отделения <...> полагался один

⁹ Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1839 год. СПб., 1838. Ч. 1. С. 722.

¹⁰ Список чиновников и должностных лиц Министерства финансов по ведомству Департамента внешней торговли. СПб., 1846. С. 27; СПб., 1850. С. 22.

¹¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 66. Д. 49. Л. 29–37.

переводчик» [3, с. 40]. Однако Гончаров был утвержден в должности переводчика 9 января 1840 г. [5, с. 176]. Как мы уже упоминали в предыдущей статье, по штатному расписанию 1841 г. во 2-м отделении было два переводчика [4], и ими были Гончаров и Г.Ф. Литвинов. Предположение о том, что Гончаров ожидал перевода на должность столоначальника, конечно, напрашивается, но судить об этом по нескольким словам одного письма затруднительно. Выскажем другое, очень осторожное предположение: Солоницын мог писать не о штатной должности, а о месте нахождения стола, за которым работал его друг. Для Гончарова возможность заниматься отдельно от сослуживцев имела значение — сравним его воспоминания о том, как он в департаменте, имея мало дела, занимался переводами из немецких классиков.

На данный момент существует следующий перечень записей рукой Гончарова, обнаруженных исследователями:

— 23 июля 1845 г. заверил копию сопроводительного письма Особой канцелярии по секретной части министерства финансов в ДВТ и отношения военного министра (от 19 июля) по Кавказскому комитету к министру финансов¹². Текст рукой переписчика, в конце документа, после копий всех подписей, проставлено: «С подлинным верно <рукой писаря> Титулярный Советник Гончар<ов><автограф>».

— 11 августа 1845 г. заверил копию разрешения Министерства финансов на доступ коллежского асессора Пушкарева к не являющимся секретными сведениям, для составления и издания им (с посвящением государю наследнику цесаревичу) исторического, географического и статистического описания Российской империи¹³: «С подлинным верно <рукой писаря> Титуляр<ный> Советник Гончаров <автограф>».

— 17 августа 1845 г. заверил копию распоряжения Министерства финансов о том, чтобы к переписанным проектам всеподданнейших докладных прилагались черновики¹⁴: «С подлинным верно <рукой писаря> Тит<улярный> Сов<етник> Гончаров <автограф>»¹⁵.

¹² РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 243. Л. 93, 94. Название дела: «Бумаги руководящего характера (по привозу товаров, по пограничной страже, по контрабанде, по устройству таможенного управления, по судным делам)». 1824–1860.

¹³ РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 243. Л. 96–96 об.

¹⁴ Там же. Л. 97.

¹⁵ Эти три документа выявлены сотрудниками Музея И.А. Гончарова (Ульяновск). См.: [1].

Очевидно, что сверка таких документов не входила в обязанности переводчика.

Дело «О постройке мебели для Департамента» 1846–1849 гг.¹⁶ проходило по 2-му отделению, 4-му столу. Оно содержит много пометок Гончарова — как чернилами, так и карандашом. Прежде всего его рукой написана опись содержащихся в деле бумаг (л. I–I об.–II). Опись стандартная: №№ входящих и исходящих бумаг, даты, содержание бумаг, количество листов документа. В конце подпись: «Столоначальник Гончар<ов>». Это упомянуто в статье А.В. Лобкаревой. Гончаров подписался как столоначальник, т. е. опись составлена в 1851 г. Однако в деле на разных листах есть и другие записи, не упомянутые А.В. Лобкаревой. Прежде всего это номера бумаг на нижнем поле справа, например: «4 ст № 4584». Также есть несколько пометок на разных листах: «К делу» и «Исполнено». Далее, на записке правителя канцелярии Н.С. Юферова директору ДВТ Д.С. Языкову о проделанном по приказанию последнего осмотре комнат, в которых помещался Департамент, и о совещаниях с начальниками отделений, в результате чего был составлен список необходимых предметов (1846 г., л. 1 дела), на верхнем поле справа пометка пером: «Сообразить что будет стоить (далее два или три слова нрзб.)». На документе «Об отпуске 1392 р. сер. на заготовление мебели» от 3 декабря 1846 г. (л. 9) слева на поле карандашом пояснение: «В числе 1392 р<ублей> заключается 450 р<ублей> сереб<ром> за 450 кордонок <так!>; желез<ный> сундук 28 р<ублей> и 18 корз<ин> 27 руб<лей>». На записке о поставленной для Департамента мебельным мастером Фелькером мебели (21 марта 1847 г., л. 18) слева внизу на поле карандашом очень неразборчиво: «Зачем не...Надо осм... Гру... чинить(???)». На ведомости о ценах (8 апреля 1847 г., л. 22) сверху справа карандашом: «время <взамен(?)> полу<...>вкий(?) шкапов <...> чрезвычайно много». На записке эскутера (19 июля 1847 г., л. 44) сверху на поле слева карандашом: «О своде <...>вся и донесено(?)», на нижнем поле карандашом: «предпис<ание> Г<осподину> Шудану». Также есть несколько пометок, принадлежность которых Гончарову под вопросом.

Очевидно, что пометки оставались Гончаровым по ходу дела, в 1846–1847 гг., в полном соответствии с должностной инструкцией:

¹⁶ РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 422. Л. 1–53; описано в статье А.В. Лобкаревой: [1]. Она полагала, что Гончаров готовил дело к сдаче в архив, уже будучи в должности младшего столоначальника, в 1851 г.

«Столоначальники с их Помощниками исправляют дела по поручениям и наставлениям Начальников Отделений, Правителей Канцелярий и прочих лиц, в ведении коих они состоят»¹⁷, и эта деятельность не входила в обязанности переводчика. Записи эти настолько сиюминутного характера, что не могли быть сделаны при сдаче дела в архив — в тот момент они уже были бы просто не нужны.

А.Б. Муратов подчеркнул необходимость выявить в архиве ДВТ деловые бумаги, прошедшие через руки Гончарова [3, с. 54]. Ему самому удалось найти документы, касающиеся вопроса экономического и политического статуса Царства Польского и связанного с этим вопроса о подготовке таможенного тарифа 1850 г. [3, с. 56]:

— 4 сентября 1847 г. Документ «По делу о снятии таможенной линии между Империей и Царством»;

— 20 сентября 1847 г. Документ «О введении в Царстве Польском продажи русских игральных карт»;

— 20 сентября 1847 г. Документ «По делу о снятии таможенной линии между Империей и Царством»;

— 20 сентября 1847 г. «Журнал комитета высочайше утвержденного для рассмотрения дела о снятии таможенной линии между Империей и Царством Польским № 4»;

— 30 сентября 1847 г. Документ «По делу о снятии таможенной линии между Империей и Царством»¹⁸.

В конце каждого документа (а это копии рукой переписчика) стоит автограф Гончарова, сверившего текст.

Больше сведений о периоде 1843–1851 гг. пока не обнаружено. Но и те, что есть, позволяют сделать документально обоснованный вывод, что Гончаров, помимо официальных обязанностей переводчика, исполнял и другие дела по департаменту. Выскажем опять-таки очень осторожное предположение: поскольку тематика обнаруженных документов очень разнообразна, а большинство приходится на период летних отпусков, возможно, что Гончаров (по просьбе начальства) ненадолго возвращался к обязанностям канцелярского чиновника, когда другие были в отпуске. Но возможно и иное: систематическое, но официально не афишированное возвращение к сидению на двух стульях, как это было до 9 января 1840 г. Тогда ста-

¹⁷ Свод законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1832.

¹⁸ Эти пять документов находятся в деле: РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 172. Л. 67–69, 111–147, 149. К сожалению, из-за ограничений, связанных с коронавирусной инфекцией, не удалось попасть в архив, чтобы уточнить данные.

новится понятным, почему Гончаров получал награды: 16 сентября 1844 г. за «отлично-усердную» службу он был высочайше пожалован подарком; 6 сентября 1846 г. — так же; 3 октября 1850 г. — за «отлично-усердную службу» пожалован полугодовым окладом жалования [5, с. 176].

Относительно официального перехода на должность столоначальника В.С. Лялин¹⁹ писал: «Гончаров сделан был столоначальником наименее интересного стола во всем департаменте, — того, в котором велись все формулярные списки, происходили представления к чинам, наградам и орденам, выдавались отпуска, командировки, прогоны, квартирные, суточные, производилась выдача жалования и определялись на места чиновники по всему таможенному ведомству»²⁰. В рамках этой службы 27 сентября 1855 г. Гончаров как столоначальник 1-го стола 2-го отделения вместе с начальником отделения А.П. Корневым подписал предписание Счетному отделению выдавать столовые деньги управляющему С.-Петербургской таможни статскому советнику Альфману из свободных сумм Департамента и представить в конце года отчет о выдаче этих сумм²¹. Текст — копия рукой переписчика, в конце документа подпись: «Скрепил столоначальник Гончаров» — тоже сделана переписчиком.

¹⁹ Василий Сергеевич Лялин (1854–1909). Выпускник Александровского лицея (1872). Служил в Министерстве финансов, в Департаменте таможенных податей и сборов. Литератор, сотрудник газеты «Новое время». См.: *Кислов В. Мария Андреевна Лялина (1838–1910)*. URL: <http://kraeved-gatchina.de/oчерki/vydayushchiesya-zhiteli/lyalina/> (обращение 01.09.2020).

Переписка Лялина с А.С. Сувориным находится в РГАЛИ (Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2444); статья «Нечто о жизни и смерти» (совместно с Ю.Н. Говорухой-Отроком и В.В. Розановым) — там же (Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1043); документы о пребывании в доме призрения душевнобольных — в ЦГИА СПб (Ф. 389. Оп. 1. Д. 3139).

²⁰ *Лялин В.С. Маленькая хроника / Петербуржец // Новое время. 1891. № 5596, 27 сентября (9 октября). С. 3.*

²¹ РГАИ. Ф. 19. Оп. 3. Д. 245. Л. 188. Заголовок дела: Переписка отделений департамента со счетным отделением (инструктивного характера). Ч. 1. 1850–1855. 181 л. Выявлено сотрудниками Группы по изданию ПССиП И.А. Гончарова в середине 1990-х гг.

Список литературы

1. *Лобкарева А.В.* Новые материалы о службе И.А. Гончарова в Департаменте внешней торговли // И.А. Гончаров: материалы междунар. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск: Стрежень, 1994. С. 293–296.
2. [Мазон А.А.] Материалы для биографии и характеристики И.А. Гончарова, собранные А.А. Мазоном. СПб.: Тип. т-ва п/ф «Электро-тип. Н.Я. Стойковой», 1912. 95 с.
3. *Муратов А.Б.* И.А. Гончаров в Министерстве финансов // И.А. Гончаров: Новые материалы о жизни и творчестве писателя. Ульяновск: Приволж. кн. изд-во, 1976. С. 37–57.
4. *Романова А.В.* «Работы было немного...»: И.А. Гончаров — переводчик в Департаменте внешней торговли // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 282–292.
5. *Суперанский М.Ф.* Материалы для биографии И.А. Гончарова // Огни. Петроград, 1916. Кн. 1. С. 157–229.

Статья поступила в редакцию: 09.09.2020

Одобрена после рецензирования: 10.10.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Research Article

Additions on I.A. Goncharov's Service in the Foreign Trade Department

© 2020. Aleksandra V. Romanova

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Acknowledgements: The publication was financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no 18-012-00598 “Goncharov. Service Circle”.

Abstract: The article summarizes the data of many years of research on I.A. Goncharov's service activity in the Foreign Trade Department of the Ministry of Finance as an official, but not as a translator and a secretary of Admiral E.V. Putyatin aboard the frigate Pallada. The time period is from May 1835 to November 1838, from 1843 to October 1852 and from the spring of 1855 to early 1856, when Goncharov took the post of censor. The character of Goncharov's service in 1843–1845 is emphasized. The author investigates the case of the Foreign Trade Department on the construction of furniture in 1846–1849, in which, in addition to the already known list of documents (for depositing in the archives), compiled and signed by Goncharov, his notes on separate sheets were revealed. The documents allow to make a reasonable conclusion that Goncharov, in addition to his official duties as a translator, participated in other affairs of the department. It is possible that, at the request of his superiors, he sometimes performed some errands when his colleagues were on vacation. But his

officially undisclosed return to the duties of a clerical worker on a permanent basis is also possible. For this service, Goncharov was presented with several gifts.

Keywords: Ivan Goncharov; Foreign Trade Department of the Ministry of Finance of the Russian Empire; Russian State Historical Archive; archival materials.

Information about the author: Aleksandra V. Romanova, Researcher, Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of Russian Academy of Sciences, Makarova emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8475-4122>. E-mail: alice122@gmail.com.

For citation: Romanova, A.V. “Additions on I.A. Goncharov’s Service in the Foreign Trade Department.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 384–392. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-384-392>

References

1. Lobkareva, A.V. “Novye materialy o sluzhbe I.A. Goncharova v Departamente vneshnei trgovli” [“New Materials on I.A. Goncharov’s Service in the Foreign Trade Department”]. *I.A. Goncharov: materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 180-letiiu so dnia rozhdeniia I.A. Goncharova* [I.A. Goncharov: Materials of International Conference Dedicated to the 180th Anniversary of I.A. Goncharov]. Ul’ianovsk, Strezhen’ Publ., 1994, pp. 293–296. (In Russ.)
2. [Mazon, A.A.] *Materialy dlia biografii i kharakteristiki I.A. Goncharova, sobrannye A.A. Mazonom* [Materials for I.A. Goncharov’s Biography and Characteristics Collected by A.A. Mazon]. St. Petersburg, Tipografia Tovarishchestva p/f “Elektrotipografia N.Ia. Stoikovoi” Publ., 1912. 95 p. (In Russ.)
3. Muratov, A.B. “I.A. Goncharov v Ministerstve finansov” [“I.A. Goncharov in the Ministry of Finances”]. *I.A. Goncharov: Novye materialy o zhizni i tvorchestve pisatel’ia* [I.A. Goncharov: New Materials on the Writer’s Life and Work]. Ul’ianovsk, Privolzhskoe Knizhnoe Izdatel’stvo Publ., 1976, pp. 37–57. (In Russ.)
4. Romanova, A.V. “‘Raboty bylo nemnogo...’: I.A. Goncharov — perevodchik v Departamente vneshnei trgovli” [“‘There Was Little Work to Do...’: I.A. Goncharov as a Translator at the Foreign Trade Department”]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (14), 2019, pp. 282–292. (In Russ.)
5. Superanskii, M.F. “Materialy dlia biografii I.A. Goncharova” [“Materials for I.A. Goncharov’s Biography”]. *Ogni*, Petrograd, book 1, 1916, pp. 157–229. (In Russ.)

The article was submitted: 09.09.2020

Approved after reviewing: 10.10.2020

Date of publication: 25.12.2020

Воскрешение одной ошибки (К истории изучения исчезнувшего текста Н.А. Некрасова)

© 2020, А.И. Федута

Издательство «Лимариус», Минск, Беларусь

Аннотация: В посмертных изданиях работ К.И. Чуковского, в том числе в новейшем 15-томном собрании его сочинений, вновь печатается статья «Поэт и палач» (1922), которая в существенной части посвящена стихотворению «Заздравный кубок поднимая...», обращенному к графу М.Н. Муравьеву-Вилленскому. После того как в 1930-е гг. Б.Я. Бухштабом было окончательно дезавуировано авторство Н.А. Некрасова, Чуковский не только исключил данное стихотворение из корпуса сочинений поэта, но и отказался от переиздания своей статьи. Сейчас ее републикация требует развернутых оговорок и объяснений, чему может способствовать реконструкция научной полемики прошлых десятилетий. Ее истории и посвящена данная статья.

Ключевые слова: Н.А. Некрасов; К.И. Чуковский; Б.Я. Бухштаб; текстология; атрибуция; эдиционная практика; история филологической науки.

Информация об авторе: Александр Иосифович Федута — доктор филологических наук, главный редактор издательства «Лимариус», Минск, Беларусь. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5632-8564>. E-mail: feodor1964@yandex.by.

Для цитирования: Федута А.И. Воскрешение одной ошибки. (К истории изучения исчезнувшего текста Н.А. Некрасова) // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 393–402. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-393-402>

«Муравьевская ода», ошибочно приписывавшаяся Н.А. Некрасову, давно стала популярным литературоведческим сюжетом. Между тем, история окончательной аттезы этого текста еще не вполне изучена¹.

¹Автор искренне благодарит А.Ю. Балакина и Д.О. Виноходова, чья доброжелательная помощь избавила его от необходимости подвергать свою жизнь опасности в период пандемии и поддержавших его предоставлением некоторых сканированных изданий, цитируемых в настоящем исследовании.

Напомним основные события.

В первые послереволюционные годы К.И. Чуковский начинает свою деятельность по изучению и изданию сочинений Н.А. Некрасова и авторов его круга. Анализируя дореволюционные публикации текстов Некрасова, Чуковский решает включить в канон некрасовских произведений стихотворение «Заздравный кубок поднимая...», впервые опубликованное в журнале П.И. Бартенева «Русский архив»² и републикованное В.К. Чехихиным (Ч. Ветринский)³. Начиная с 1920 года Чуковский включает «Заздравный кубок» в собрания некрасовских стихотворений, а в 1922 г. выпускает отдельной брошюрой статью «Поэт и палач», специально посвященную истории взаимоотношений Некрасова с графом М.Н. Муравьевым-Вилленским, председателем комиссии по расследованию покушения Д.В. Каракозова на жизнь императора Александра II⁴.

Сомнения в том, что «Заздравный кубок» принадлежит перу Некрасова, звучали и до появления статьи Чуковского. В частности, высказывался по этому поводу известный историк литературы и общественной жизни М.К. Лемке, о чем свидетельствует сохранившееся к нему письмо К.И. Чуковского от 4 июля 1919 г.:

Глубокоуважаемый Михаил Константинович.

Я уже слышал от Вас об этих стихах. Года два тому назад Вы говорили мне, что стихи, напечатанные в «Рус<ском>Арх<иве>» — подделка. То же самое твердит и Вл. Ев<геньев>-Максимов. Но, увы, *истинного* текста у меня нет. Когда-то покойный В.Я. Богучарский списал для меня этот текст со страниц одного эфемерного заграничного листка семидесятых годов. Текст оказался тождественным с текстом «Рус<ского> Архива». Тот же Богучарский передал мне записи Д.П. Сильчевского, среди которых находились и стихи в честь Муравьева — *почти* совпадавшие с текстом «Рус<ского>Арх<ива>». Варианты незначительны. Вместо *зри* — *се*, и т. д. Сильчевский получил свою версию от барона Дельвига, бывшего на банкете в честь Мур<авьева>.

Вот и все. С нетерпением жду дальнейших томов Герцена, где появится *истинный* текст. В изд<ание> сочин<ений> Некрасова, редактируемое мною, — (оно выйдет на днях) — я включил те

² Русский архив. 1885. № 6. С. 202–203.

³ См.: Н.А. Некрасов в воспоминаниях современников, письмах и несобранных произведениях. Сост. Ч. Ветринский. М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1911. С. 11–12.

⁴ Чуковский К.И. Поэт и палач. Пг.: Эпоха, 1922.

стихи, которые даны у Чехихина, но оговорил, что М.К. Лемке, авторитетный исследователь и проч. — утверждает, что эти стихи не настоящие [6, т. 14, с. 424].

Показательно, что сборник Некрасова, подготовленный Чуковским, вышел в 1920 году — то есть, если бы составитель хотел учесть мнение своего старшего коллеги, то мог это сделать. Однако он этого не делает, на что обращает внимание известный в будущем библиограф и литературовед Б.Я. Бухштаб, который в своей статье, получившей в последней редакции название «Об исчезнувшем тексте Некрасова», отмечает: «<...> в том же 1920 году М.К. Лемке высказал в комментарии к заметке Герцена “Стихи и проза Некрасова” мнение, что текст, опубликованный в “Русском архиве”, не тот, который был прочитан Некрасовым на обеде Муравьеву и вообще не некрасовский. <...> К.И. Чуковский в статье “Поэт и палач” повторил первый аргумент Лемке <...> с такой, однако, оговоркой: “Верны ли эти сообщения, не знаем, так как их источником послужила газета Каткова, заинтересованная в сильнейшем посрамлении Некрасова”. Кроме того, К.И. Чуковский напомнил, что сам Некрасов перед смертью говорил, что в стихотворении “было двенадцать стихов”, между тем как опубликованный текст “чуть не вдвое длиннее”. Но К.И. Чуковский не счел высказанные соображения достаточными для того, чтобы исключить спорный текст из собрания стихотворений Некрасова; он только стал в новых изданиях печатать этот текст в разделе “Стихотворения, приписываемые Некрасову”» [2, с. 177–178].

Б.Я. Бухштабу повезло: он сумел найти истинного автора стихотворения «Заздравный кубок поднимая...». Им оказался некто И.А. Никотин, чиновник по особым поручениям при М.Н. Муравьеве в бытность последнего генерал-губернатором виленским, дослужившийся позднее до должности минского вице-губернатора. Статья Бухштаба «О “муравьевской оде” Некрасова» была впервые опубликована в конце 1933 г. в журнале «Каторга и ссылка» (№ 12. С. 138–145). После этого стихотворение «Заздравный кубок поднимая...» никогда не включалось в собрания стихотворений Н.А. Некрасова⁵.

Собственно, на этом история приписывания Н.А. Некрасову стихотворения виленского чиновника может считаться исчерпанной.

⁵ См. историко-библиографическую справку А.М. Гаркави [3, с. 441] со ссылкой на статью Б.Я. Бухштаба [1].

Однако связанные с ней обстоятельства заслуживают отдельного рассказа.

Первоначально статья Б.Я. Бухштаба предназначалась для «Литературного наследства». Один из руководителей издания, И.С. Зильберштейн, познакомил Чуковского с текстом статьи. О реакции Корнея Ивановича можно судить по его записи в дневнике: «7/III 32. <...> Зильберштейн дал мне материалы о Некрасове, скопившиеся в “Лит. Наследстве”. Хорошо написанная статья Бухштаба, со скрытым недоброжелательством ко мне. Он скрывает от читателей, что я сомневался в подлинности стих[ов] Муравьеву. Молодой человек, такой вежливый, был моим секретарем, пользовался моими советами... – но это старая история» [6, т. 12, с. 460].

Нам не удалось ознакомиться с документами, свидетельствующими, когда именно Бухштаб работал секретарем у Чуковского;⁶ возможно, они просто не сохранились. В любом случае, показательно, что Корней Иванович отмечает «скрытое недоброжелательство», о чем будет помнить очень долго⁷.

Можно предположить, что же именно обидело Корнея Ивановича — заключительный абзац в статье его бывшего секретаря: «Каким <...> образом случилось, что Некрасову пятьдесят лет приписывались стихи муравьевского опричника — это уже сфера не истории, а анекдота»⁸. Фактически Чуковский оказался, таким образом, персонажем анекдота, что ему никак не льстило.

⁶ Благодарим сотрудников Российской национальной библиотеки Н.В. Николаева и М.К. Свиченскую за проведенные по нашей просьбе разыскания в фонде Б.Я. Бухштаба в ОР РНБ, а также в архиве РНБ.

⁷ Ср.: «Я видел Корнея Ивановича Чуковского единственным раз в жизни, тёплым августовским днём 1967 года, когда меня, четырнадцатилетнего подростка, мой отец, П.А. Руднев <...>, взял с собой в Переделкино, в Дом творчества, в гости к отдыхавшему там ленинградскому литературоведу С.А. Рейсеру. <...> Раскланявшись с находившимися там людьми, <Чуковский>, увидев Рейсера, с которым был знаком очень давно – по Ленинграду, с тридцатых годов, подсел к нам за стол <...>. Потом разговор происходил, по-видимому, общий – речь шла об общих знакомых ленинградцах – профессоре Б.Я. Бухштабе, который в молодости был секретарём у Чуковского, В.М. Жирмунском, И.Г. Ямпольском, о ком-то ещё. Говорили о современных некрасоведческих работах, и Чуковский заметил по поводу статей Бухштаба что-то в таком роде, что, мол, они исчерпывающим образом иногда представляют тему, что это настоящий учёный, но сказал при этом, что обижен на него за какую-то довольно резвую полемику с ним по проблемам некрасоведения. “А когда-то был такой скромный, воспитанный молодой человек”, — добавил Корней Иванович» (*Руднев А.П.* Диссидентское гнездо в Переделкине // *Литературная Россия*. 2015. № 15, 23 февраля).

⁸ Каторга и ссылка. 1933. № 12. С. 145.

Статья Бухштаба в «Литературном наследстве» не появилась. Однако вовсе не потому, что редакции издания пришлось осуществить неприятный выбор между двумя авторами. Она была снята самим Борисом Яковлевичем, о чем свидетельствует его письмо И.С. Зильберштейну:

Ленинград, 30 /IX 32 г.

Уважаемый Илья Самойлович!

<...> Пожалуйста, напишите мне, в каком положении дело со статьями о Некрасове. Статья о Муравьевской оде по существу дела должна быть напечатана до выхода очередного издания Некрасова; если в него уже не будет включено это псевдо-некрасовское стихотворение, статья в большой мере потеряет остроту. Поэтому очень прошу Вас известить меня, когда статья будет напечатана у Вас — и, если нескоро, разрешить мне располагать ею по усмотрению. <...>⁹.

Из общего содержания письма видно, что для Бухштаба было принципиально успеть опубликовать свою статью до выхода очередного редактируемого Чуковским издания стихотворений Некрасова. Таким образом, можно сделать вывод, что он знал о том, что Зильберштейн познакомил Чуковского с текстом статьи, и потому торопился опубликовать ее. При этом он никак не возражал против самого факта предоставления рукописи статьи для прочтения Чуковскому, а редакция «Литературного наследства» никоим образом не собиралась от ее публикации отказываться. Разрыва автора с редакцией не произошло.

В своем первоначальном виде статья Бухштаба была опубликована еще один раз — в сборнике «Некрасов в русской критике» (М., 1944. С. 183–189). Шла война, всем было не до уточнения деталей полемики дух литературоведов; а поскольку сборник составлял влиятельный тогда А.М. Еголин, то высказывать ему какие-либо претензии Чуковский бы, вероятно, не стал.

Но выводы Корней Иванович сделал.

В 1954 году в журнале «Новый мир» в статье «От дилетантизма к науке» Чуковский подводит своеобразный итог не только дискуссии вокруг истории мнимого текста «муравьевской оды», но и соб-

⁹ РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 12. Благодарим С.И. Панова за предоставление копии письма.

ственной роли в судьбе этого текста: «В восьмидесятих годах на страницах такого, казалось бы, авторитетного органа, как “Русский архив”, появилось другое новонайденное стихотворение Некрасова. Оно начиналось словами:

Заздравный кубок поднимая, —

и было безапелляционно объявлено тем застольным экспромтом, с которым Некрасов якобы обратился к М.Н. Муравьеву. Эта публикация долго пользовалась полным доверием исследователей. Лишь в наше время Б.Я. Бухштабу удалось обнаружить, что автор этих стихов не Некрасов, а один из приближенных к Муравьеву чиновников» [5, с. 508; 6, т. 9, с. 313–314].

То есть, Бухштаб — молодец (и никакой обиды у Чуковского на него не было), а сам Корней Иванович если в чем-то и был виновен, то лишь в «полном доверии» к «Русскому архиву».

Статья «Поэт и палач» не была включена К.И. Чуковским в его прижизненное собрание сочинений (М., 1965–1969): ее место занял полностью переработанный сюжет о «муравьевской оде», где стихотворение «Заздравный кубок поднимая...» не упоминалось вовсе [5, с. 430–466].

Б.Я. Бухштаб также подвел итог этому сюжету. Он включил новую редакцию давней статьи в свой сборник «Библиографические разыскания по русской литературе XIX века», переписав ее, убрав обидный для Чуковского пассаж про «анекдот» и добавив примечание: «После опубликования настоящей статьи в 1933 году текст стихов Никотина в собраниях стихотворений Некрасова больше, разумеется, не печатался» [1, с. 116]. В том же виде статья (но под другим названием) была опубликована в подготовленном Бухштабом сборнике его работ о Некрасове, вышедшем уже после смерти автора [2, с. 175–181]. Можно сказать, что это примечание было своеобразным признанием исправленной Чуковским ошибки, а снятие пассажа об «анекдоте» — заменой публичного извинения.

Таким образом, и эту часть сюжета о «муравьевской оде» Некрасова можно было бы считать исчерпанной, если бы не неожиданная републикация старой брошюры Чуковского в популярном издании его сочинений, вышедшем в 1990 году в приложении к журналу «Огонек» тиражом 1.700.000 экз. Републикация сопровождалась следующим комментарием:

ПОЭТ И ПАЛАЧ. Первоначальное название статьи — «Некрасов и Муравьев». В 1920 году многократно читана в виде лекции в Петрограде и Москве. В 1922 году напечатана отдельной брошюрой (Пб., «Эпоха») в серии «Некрасовская библиотека». Впоследствии дважды опубликована в сборниках К. Чуковского «Некрасов» (1926) и «Рассказы о Некрасове» (1930). В единственном шеститомном Собрании сочинений (М., «Худож. литература», 1965–1966) автор под давлением цензуры переработал статью и напечатал в искаженном виде под заглавием «Звук неверный» (т. 5).

В 1967 году Чуковский начал составлять «рукописный» седьмой том своих сочинений <...>, куда поместил критические статьи, не вошедшие в основное Собрание по причинам внелитературным. «Седьмой том», так и не опубликованный до сих пор, открывается статьей «Поэт и палач» [7, с. 619].

Издание было подготовлено внучкой автора Е.Ц. Чуковской, ей же принадлежали и комментарии.

Сама Елена Цезаревна, кандидат химических наук, в отличие от родителей и деда, не была профессиональным историком литературы. При этом ее вклад в увековечивание памяти Корнея Ивановича трудно переоценить. Именно благодаря ее усилиям вышли, в частности, полное собрание сочинений К.И. Чуковского в 15 томах, двухтомное и трехтомное издание его дневников, а также многочисленные переиздания его литературоведческих работ и воспоминаний.

Однако комментарий к изданию 1990 года свидетельствует о том, что Е.Ц. Чуковская не знала истории полемики вокруг стихотворения «Заздравный кубок поднимая...» и сочла внесенные ее дедом правки в давнюю статью результатом цензурного вмешательства. Однако суть вопроса явно знали авторы комментариев к 15-томному собранию сочинений К.И. Чуковского Е. Иванова и Б. Мельгунов, но ограничились следующим замечанием: «Впервые: Чуковский К. Поэт и палач. Пб.: Эпоха, 1922. Печатается по кн.: Чуковский К. Некрасов. Л.: Кубуч, 1926. Купюры, сделанные во 2-м изд., т. е. в “Рассказах о Некрасове”, помещены в квадратные скобки» [6, т. 8, с. 621]. При этом они экстраполировали на все исправления, внесенные Чуковским в статью, смысл записи из его дневника от 8 февраля 1967 г.: «Мы работали <...> над “Поэтом и палачом”, портя всю статью, чтобы приспособить ее к цензурным требованиям» [6, т. 13, с. 435]. Хотя очевидно, что в данном случае имели место не только «внелитературные» обстоятельства, но и обстоятельства сугубо литературные – связанные с историей, описанной нами выше.

Таким образом, сегодня мы имеем дело с двумя версиями истории псевдо-некрасовского стихотворения. Одна из них была сформулирована в 1933 году Б.Я. Бухштабом и подтверждена в 1954 году К.И. Чуковским. И вторая была сформулирована в 1885 году П.И. Бартеневым, подтверждена в 1922 году К.И. Чуковским и, несмотря на добросовестный отказ от нее последнего, реанимирована Е.Ц. Чуковской в 1990 году. Эта версия в эпоху интернета получает наибольшее распространение, поскольку электронное издание 15-томного собрания сочинений Чуковского находится в открытом доступе, а краткая оговорка в комментариях к нему про атетезу Бухштаба [6, т. 8, с. 621] не в силах переломить сложившуюся ситуацию. Ссылки на авторитет Чуковского-некрасоведа кочуют по социальным сетям, многочисленным форумам, где, руководствуясь уже действительно «внелитературными» мотивами, «зздравный кубок» поднимается во славу М.Н. Муравьева-Виленского как символа российского великодержавия.

Версия же Б.Я. Бухштаба, хотя она безоговорочно принята в современной науке, осталась уделом профессиональных литературоведов. Вероятно, не в последнюю очередь это связано с тем, что «неприметность» так же свойственна одним ученым, как яркость и эффектность — другим (собственно говоря, нормальная наука всегда “малозаметна”, а “броскость” — это вынужденная особенность революций, в том числе научных)» [4, с. 84]. Отнюдь не случайно «малозаметный» Бухштаб в общественном сознании оказался менее востребованным, чем «броский» очерк Чуковского, написанный в революционную эпоху.

Список литературы

1. *Бухштаб Б.Я.* Библиографические разыскания по русской литературе XIX века. М.: Книга, 1966. 175 с.
2. *Бухштаб Б.Я.* Н.А. Некрасов. Проблемы творчества. Л.: Советский писатель, 1989. 352 с.
3. *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981. Т. 2: Стихотворения 1855–1866 гг. 448 с.
4. *Пильщиков И.А.* [Рец. на:] Бухштаб Б.Я. Фет и другие // Новая русская книга. 2001. № 2. С. 84–86.

5. Чуковский К.И. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1967. Т. 5. 799 с.
6. Чуковский К.И. Собрание сочинений: в 15 т. 2-е изд., электронное, испр. М.: Агентство ФТМ, 2012–2013.
7. Чуковский К. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. 622 с.

Статья поступила в редакцию: 03.03.2020

Одобрена после рецензирования: 10.10.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Research Article

Resurrection of a Mistake (On the History of Studying N.A. Nekrasov's Disappeared Work)

© 2020. Alexander I. Feduta

Limarius Publishing House,
Minsk, Belarus

Abstract: In posthumous editions of K.I. Chukovsky's works, including the newest 15-volume Collected Works, his article "The Poet and the Executioner" (1922), which is essentially devoted to the poem "Raising the Grace Cup..." addressed to M.N. Muravyov-Vilensky, is re-published. In the 1930s B.Ya. Bukhshtab finally disavowed the authorship of N.A. Nekrasov, and Chukovsky not only excluded this poem from the body of the poet's works, but also refused to republish his article. Now its republishing requires detailed reservations and explanations, which can be facilitated by the reconstruction of scientific polemics of the past decades. Thy article is devoted to its history.

Keywords: N.A. Nekrasov; K.I. Chukovsky; B. Ya. Bukhshtab; textual criticism; attribution; critical edition practice; history of philological science.

Information about the author: Alexander I. Feduta, Doctor of Philology, Editor-in-Chief, Limarius Publishing House, Minsk, Belarus. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5632-8564>. E-mail: feodor1964@yandex.by

For citation: Feduta, A.I. "Resurrection of a Mistake. (On the History of Studying N.A. Nekrasov's Disappeared Work)." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 393–402. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-393-402>

References

1. Bukhshtab, B.Ia. *Bibliograficheskie razyskaniia po russkoi literature XIX veka* [*Bibliographic Research in Russian Literature of the 19th Century*]. Moscow, Kniga Publ., 1966. 175 p. (In Russ.)

2. Bukhshtab, B.Ia. *N.A. Nekrasov. Problemy tvorchestva* [*N.A. Nekrasov. Creative Issues*]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1989. 352 p. (In Russ.)
3. Nekrasov, N.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 15 t.* [*Complete Works and Letters: in 15 vols.*], vol. 2. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 448 p. (In Russ.)
4. Pil'shchikov, I.A. “[Rets. na:] Bukhshtab B.Ia. Fet i drugie.” [“Review: Bukhshtab B.Ya. Fet and Others.”]. *Novaia russkaia kniga*, no. 2, 2001, pp. 84–86. (In Russ.)
5. Chukovskii, K.I. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [*Collected Works: in 6 vols.*], vol. 5. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1967. 799 p. (In Russ.)
6. Chukovskii, K.I. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [*Collected Works: in 15 vols.*], 2nd ed., electronic, rev. Moscow, Agentstvo FTM Publ., 2012–2013.
7. Chukovskii, K. *Sochineniia: v 2 t.* [*Works: in 2 vols.*], vol. 2. Moscow, Pravda Publ., 1990. 622 p. (In Russ.)

The article was submitted: 03.03.2020

Approved after reviewing: 10.10.2020

Date of publication: 25.12.2020

Возвращаясь к напечатанному...

© 2020, А.Г. Мец

Гатчина, Россия

Аннотация: В дополнение к публикации в «Литературном факте» (2020. № 15) в статье представлены новые автографы О.Э. Мандельштама из архива писателя в Принстоне (США) — две конспективные записи (1912?) по истории европейской философии: «Гуманизм в Риме» и «Номинализм».

Ключевые слова: Осип Мандельштам; автографы писателя; архивные материалы; конспект записей.

Информация об авторе: Александр Григорьевич Мец — независимый исследователь, Гатчина, Россия. E-mail: agmets@mail.ru

Для цитирования: Мец А.Г. Возвращаясь к напечатанному... // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 403–407.

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-403-407>

В № 15 журнала «Литературный факт» была помещена наша (вместе с Р.Н. Кривко) статья «“Ода Бетховену”: Новообретенный автограф Осипа Мандельштама и конспект по истории Западной церкви» [1]. Упомянутый конспект находится в Принстонском архиве О. Мандельштама (шифр: С0539), имеет заглавие «Оправдание соборной идеи» и отражает содержание неуставленного письменного источника (или, что менее вероятно, лекции) на тему истории «великой схизмы» (XIV–XVI вв.). Оборот одного из листов конспекта был использован автором для записи названного выше стихотворения, лист находится в настоящее время в частном собрании. Конспект создавался между 1907 и 1914 гг., предположительно в 1909/1910 гг., во время учебы в Гейдельбергском университете.

К настоящему времени целенаправленное обследование материалов фонда Мандельштама в Принстонском архиве позволило обна-

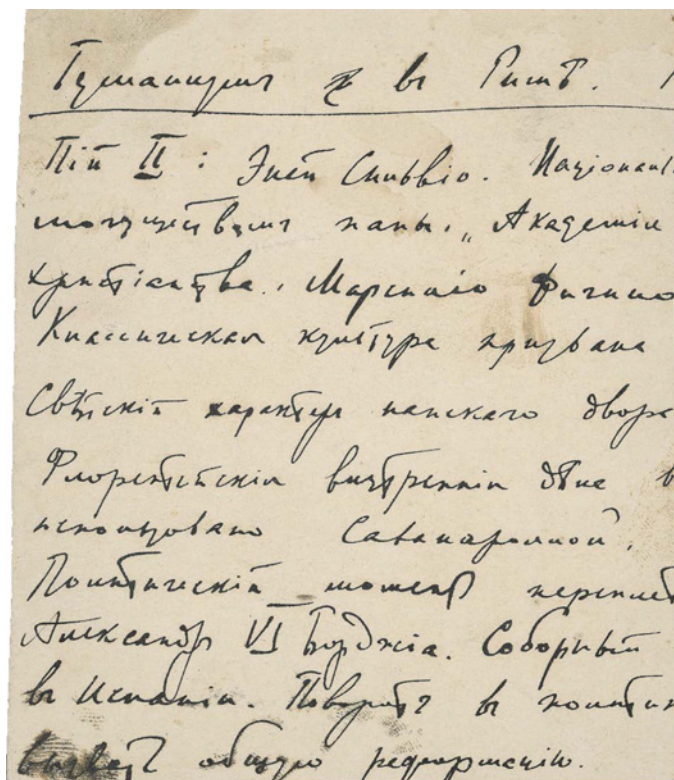
ружить еще два листа с конспектами. Их содержание показывает, что все три конспекта нацелены на один и тот же исторический период, но под разным углом зрения.

На обороте одного из двух новонайденных листов, под частично сохранившимся названием «Гуманизм в Риме», также рукой автора, записано стихотворение «Развеселился наконец...», без даты. В том же архиве имеется авторизованная копия этого стихотворения с датой: 1912. Эта дата позволяет определить время создания конспекта: не позднее 1912 г. Текст конспекта нанесен при «альбомной» ориентации листа, который после записи был обрезан приблизительно на 1/3 под площадь, занятую написанным на обороте стихотворением. Приблизительно на такую же долю утрачен текст конспекта. Формат листа, с учетом утраченной части, а также ориентация напоминают формат бумаги, использованной для конспектирования «Оправдания соборной идеи». Архивный шифр этой единицы хранения: С0539. Вох 4. Ф. 11. Лист <35> (см. илл. 1). Приводим текст.

Гуманизм в Риме. <далее обрез.>

*Пий II: Эней Сильвио. Националь<далее обрез.>
могуществом папы. «Академия<далее обрез.>
христианства. Марсилио Фичино<далее обрез.>
Классическая культура призвана <далее обрез.>
Светский характер папского двора <далее обрез.>
Флорентийские внутренние дела <далее обрез.>
использовано Савонаролой. <далее обрез.>
Политический момент переплет<далее обрез.>
Александр VI Борджиа. Соборный <далее обрез.>
в Испании. Поворот в политик<далее обрез.>
вызвать общую реформацию.*

Несмотря на утраты, безошибочно определяется, что в источнике речь идет о том же историческом периоде, что и в «Оправдании соборной идеи». Здесь это XV в. Повторяются имена тех же исторических деятелей, римских пап Пия II и Александра VI. Однако ясно, что в источнике материал рассматривается под другим углом зрения: если в «Оправдании соборной идеи» взята история Западной церкви, то здесь речь идет о становлении гуманизма (ср. определение феномена в «Оправдании соборной идеи»: *церковный гуманизм*). Приводим краткие справки о названных в конспекте персонах.

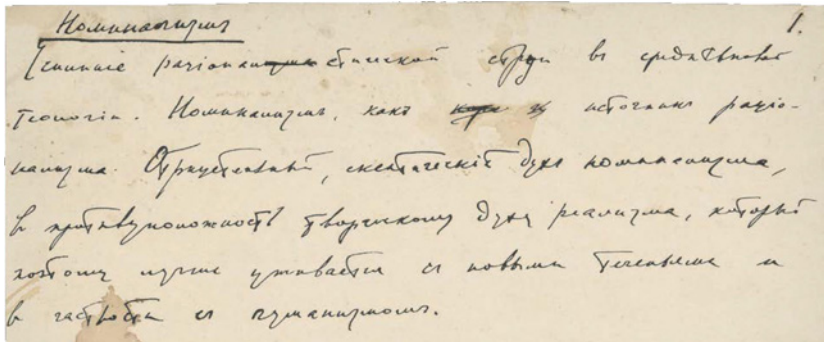

Илл. 1

Пий II: Эней Сильвио. Папа римский Пий II (на престоле 1458–1464), в миру — Энеа Сильвио Бартоломео. Будучи гуманистом, поддерживал развитие культурной жизни при папском дворе. Читал латинских поэтов в подлиннике. Пытался предпринять организацию крестового похода с целью освобождения Константинополя от турок.

Марсилио Фичино (1433–1499) — итальянский философ, гуманист, католический священник, основатель и глава флорентийской Платоновской академии (вероятно, это она названа в поврежденном месте конспекта как «Академия»). Один из ведущих мыслителей раннего Возрождения, наиболее значительный представитель флорентийского платонизма — направления, связанного с возобновлением интереса к философии Платона и направленное против схоластики, в особенности против схоластизированного учения Аристотеля.

Александр VI Борджиа (на престоле 1492–1503), до интронизации Родриго Брджиа. Политический деятель, способствовавший

Илл. 2

объединению Италии. Покровительствовал искусствам. Даровал испанским монархам титул «католических королей». Широко известна его вражда с *Савонаролой* (1452–1458), обличавшим злоупотребления высшего духовенства и отрицавшего верховную власть пап. Добился казни последнего. Вел распутный образ жизни.

Следующий лист с еще одним конспектом, под названием «Номинализм», — из того же архива, шифр: Vox 4. F. 10. Л. <29> (см. илл. 2). На обороте — стихотворение «Посох мой, моя свобода...» (1914). Запись нанесена также при «альбомной» ориентации листа, его формат, возможно, такой же, как в «Оправдании соборной идеи». Текст:

Номинализм

Усиление рационалистической струи в средневековой теологии. Номинализм как источник рационализма. Отрицательный, скептический дух номинализма, в противоположность творческому духу реализма, который поэтому лучше уживается с новыми течениями, и в частности, с гуманизмом.

Тема данного конспекта непосредственно связана с темой двух предшествующих, представляя собой взгляд на базис основных течений средневековой философии. *Номинализм* (от лат. *nomēn* — имя, название) — учение, отрицающее реальное (вне мышления) существование универсалий (общих понятий). В Средние века номинализм был одним из течений схоластики, возникшим в ходе спора с *реализмом* об универсалиях. Расцвет средневекового номинализма приходится на XIV век и связан с именем У. Оккама, опиравшегося на идеи И. Дунса Скота.

Список литературы

1. Мец А.Г., Кривко Р.Н. «Ода Бетховену»: Новообретенный автограф Осипа Мандельштама и конспект по истории Западной церкви // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 296–309.

Статья поступила в редакцию: 24.09.2020

Одобрена после рецензирования: 15.11.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Scientific Publication of Archival Materials

Revisiting the Printed...

© 2020. Alexander G. Mets

Gatchina, Russia

Abstract: In addition to the publication in the *Literaturnyi Fakt* (No. 15, 2020), the article presents O.E. Mandelstam's newly discovered manuscripts from his collection in Princeton (USA) — two synoptic notes (1912?) on the history of European philosophy: “Humanism in Rome” and “Nominalism”.

Keywords: Osip Mandelstam; autographs of the writer; archival materials; synopsis of records.

Information about the author: Alexander G. Mets, independent researcher, Gatchina, Russia. E-mail: agmets@mail.ru.

For citation: Mets, A.G. “Revisiting the Printed...” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 403–407. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-403-407>

References

1. Mets A.G., Krivko R.N. “‘Oda Betkhovenu’: Novoobretennyi avtograf Osipa Mandel'shtama i konspekt po istorii Zapadnoi tserkvi” [“Ode to Beethoven’: Osip Mandelstam’s Newly Discovered Manuscript and Abstract on the History of the Western Church”]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (15), 2020, pp. 296–309. (In Russ.)

The article was submitted: 24.09.2020

Approved after reviewing: 15.11.2020

Date of publication: 25.12.2020

«На берегах Невы» Ирины Одоевцевой: шесть комментариев к комментарию

© 2020, О.А. Лекманов

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, Москва

Аннотация: Автор предлагает дополнения к своему недавно изданному развернутому научному комментарию к классической книге литературных мемуаров Ирины Одоевцевой «На берегах Невы». Дополнения строятся на материалах публикаций в эмигрантской газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк). Приводятся как заметки авторов газеты о самой И. Одоевцевой и Г. Иванове в парижский период их жизни, а также относящиеся к конкретным деталям ее воспоминаний, так и отклики 1960-х годов на журнальные публикации и отдельное издание книги «На берегах Невы» (отзывы Григория Аронсона и Андрея Седых).

Ключевые слова: Ирина Одоевцева, литературные мемуары, биографика, литературная критика, периодика русского зарубежья, научный комментарий.

Информация об авторе: Олег Андершанович Лекманов — доктор филологических наук, профессор Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, Мясницкая ул., 20, Москва, 101000, г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0784-5930>. E-mail: lekmanov@mail.ru

Для цитирования: Лекманов О.А. «На берегах Невы» Ирины Одоевцевой: шесть комментариев к комментарию // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 408–413. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-408-413>

В 2020 году в редакции Елены Шубиной московского издательства АСТ вышла моя большая монография «”Жизнь прошла. А молодость длится...” Путеводитель по книге Ирины Одоевцевой “На берегах Невы”» [2]. Ее научным редактором был Николай Алексеевич Богомолов, давший мне несколько очень ценных советов и вычистивший из текста целый ряд ошибок и неточностей.

Тем не менее, сразу же после издания книги на меня, как водится, посыпались всевозможные дополнения, исправления и уточнения. Шесть дополнений, связанных с материалами, публиковавшимися в нью-йоркской газете «Новое русское слово» (далее — НРС) я решаюсь в память о Николае Алексеевиче предложить вниманию читателей «Литературного факта». Благодарю Александра Ульверта, без помощи которого эта заметка не была бы написана.

1. В книге я почти не касаюсь обстоятельств жизни Одоевцевой и Георгия Иванова под немцами во время Второй мировой войны. Важные сведения об этом периоде их существования содержат статьи А.Ю. Арьева (см. в: [1]). В дополнение к ним приведу здесь цитату из написанного по свежим следам очерка: «Странно вспомнить военный Биарицц, переполненный парижанами, суетливый, куда-то стремящийся. Как выдержали люди, уже тогда истомленные до предела, то, что потом надвинулось на них.

Устраивали упорно какой-то нормальный быт Георгий Иванов и Ирина Одоевцева, в военное время обосновавшиеся в Биарицце и сразу ставшие центром хлопот обо всех. Куда-то потом и они собирались уехать, но были заранее утомлены и сами не верили в возможность сдвинуться с места: не ждали ничего от себя, не ждали и от других. И прямо делали вид, что жизнь продолжается. Когда воздвиглась стена, от них почти не просочилось вестей» (*Сазонова Ю.* Оставленные // НРС. 1942. № 10824. 11 октября. С. 2).

2. В «На берегах Невы» Одоевцева благожелательно упоминает юного поэта Владимира Познера, который, как и она, в конце 1910-х годов писал стилизованные баллады на остросовременные темы. И в этих мемуарах, и, особенно, в продолжающей их книге «На берегах Сены» Одоевцева рассказывает о своих взаимоотношениях с Зинаидой Гиппиус, по обыкновению, их идеализируя. Некоторые коррективы может внести мемуарная заметка, напечатанная в то время, когда все ее герои были живы: «Однажды, не без труда, уговаривали Одоевцеву прочитать раннюю ее “Балладу об извозчике”. Очаровательно изящная, устремив к лампе свои “зеленоватые глаза”, воспетые еще Гумилевым, и чуть-чуть хрипло картавя, Одоевцева произнесла нараспев:

Извозчик лошади говорит: ну!
Лошадь подымает ногу одну!

Приговор (Зинаиды Гиппиус. — *О. Л.*) был неожиданный:

— Вы пишете, как Вова Познер.

— Почему не Познер, как я?

И, действительно, Одоевцева была права. Это она изобрела жанр полуфантастической современной баллады, и познеровская “Баллада о дезертире”, в свое время наделавшая много шума, появилась после ее “Баллады об извозчике”» (*Фельзен Юрий*. У Мережковских по воскресеньям // НРС. 1930. № 6419. 24 августа. С. 10).

3. В «На берегах Невы» Одоевцева рассказывает о своем, а также Гумилева, Сологуба и его жены Анастасии Чеботаревской посещении московской квартиры Бориса Пронина в июле 1920 года. Дополнением может послужить отрывок из очерка Г. Лугина (псевдоним Герасима Левина), позднее ставший главой его мемуарной книги. Именно по этой книге отрывок републиковал сначала Р.Д. Тименчик, а вслед за ним Е.Е. Степанов (но в их републикациях как раз имя Одоевцевой было пропущено): «Пронин обитал в небольшой комнатке, в прошлом не то ателье фотографа, не то мастерской художника. Единственное, что врезалось в память — это обилие стекол — стеклянная стена, стеклянное окно в потолке — и живопись Судейкина. Картин у Пронина больше, чем стульев. Пошли ли стулья в печь, отапливалось ли зимою это ателье мебелью, — или вообще стульев не было, — не знаю. Но Пронина это не смущало, так же как не смущал неожиданный приход гостей, появление новых лиц. Кое-как разместились вокруг самовара — Гумилев, Одоевцева, Бруни, Пронин. Позднее пришли Федор Сологуб с Ан.Н. Чеботаревской. И до утра, вкруговую, читали стихи, запивая их чаем и какой-то терпкой кислятиной. Кислятину эту гостеприимный Пронин именовал вином. И вкруговую читали стихи — Федор Сологуб, Гумилев, Одоевцева, Бруни и пишущий эти строки» (*Г.Л. Московские ночи* // НРС. 1930. № 6447. 21 сентября. С. 9).

4. Большие фрагменты будущей книги «На берегах Невы» печатались в нью-йоркском «Новом журнале». Приведу здесь три оценки этих фрагментов из рецензий на номера журнала, публиковавшихся в НРС: «Конечно, в мемуарах Одоевцевой “На берегах Невы” — много художественных достоинств, поэтичности и непосредственности. Образ Осипа Мандельштама в зиму 1920—21 г. и обстановка петроградской писательской среды, переданы с легкостью и живостью,

столь характерными для Одоевцевой» (*Аронсон Григорий*. Новый журнал. Книга 71 // НРС. 1963. № 18339. 26 мая. С. 5); «"На берегах Невы" Ирины Одоевцевой представляет собой подлинное украшение 72-ой книги. Живые сцены, образы, встречи и разговоры в Петрограде в годы гражданской войны и голода. Лица наших знаменитых поэтов встают, как живые под ее пером, — особенно Осип Манделъштам — этот очаровательный, загубленный поэт, находящийся в центре повествования» (*Аронсон Григорий*. Новый журнал. Книги 72 и 73 // НРС. 1963. № 1847. 6 октября. С. 7); «На грани между литературой и мемуарами обретается новая глава Ирины Одоевцевой "На берегах Невы", — глава на этот раз посвященная Федору Сологубу, одному из первых русских поэтов-символистов. Попытка изобразить автора "Мелкого беса", как "кирпич в сюртуке", как каменное, величавое изваяние, мне кажется, не удалась. Да, может быть, Одоевцева и не стремилась воссоздать этот канонизированный образ? В передаче разговоров с Сологубом Гумилева и Георгия Иванова, которыми пользуется Одоевцева, Федор Сологуб звучит по-иному, да и некоторые бытовые черточки и еще больше — его многие замечательные стихотворения, рисуют другого Сологуба» (*Аронсон Григорий*. «Новый журнал». Книга 75 // НРС. 1964. № 18717. 7 июня. С. 8).

5. В 1963 году Париж посетил постоянно проживавший в США писатель и литературный деятель Андрей Седых. Воспользовавшись случаем, он встретился там со многими своими русскими знакомыми, а потом рассказал об этом в специальном очерке. Среди знакомых была и Одоевцева: «Ирину Одоевцеву знал я когда-то совсем молодой, зеленоглазой поэтессой, женой поэта Георгия Иванова. Она только что закончила том замечательных литературных воспоминаний «На берегах Невы», — никто не умел так мастерски воскресить образы Николая Гумилева и Осипа Манделъштама, как сделала это Одоевцева» (*Седых Андрей*. Заметки о Франции // НРС. 1963. № 18458. 22 сентября. С. 3).

Впоследствии Седых выступил в роли одного из рецензентов мемуаров Одоевцевой. Приведу два очень коротких отрывка из его отзыва (не учтенного мною в книге). Их я выбрал, во-первых, потому что осведомленный Седых, вероятно, со слов самого автора сообщил об отсутствии у Одоевцевой предварительных мемуарных записей, а, во-вторых, потому что рецензент обратил внимание на действительно важное обстоятельство — не слишком большую роль, которую играет в «На берегах Невы» Георгий Иванов (хотя Георгий

Адамович, как известно, советовал Одоевцевой сосредоточиться именно на его фигуре): «У Одоевцевой очень точный рисунок и краски яркие, все в трех измерениях. В книге 490 страниц — ни одной нет скучной, и только время от времени у читателя возникает вопрос: как можно было без дневников и записей (все погребло — часть в России, часть в Биарице, во время бомбардировки) сохранить в памяти не только события, но и длинные разговоры с Гумилевым, Андреем Белым, Сологубом, Анной Ахматовой? <...> Очень странно, — образ Георгия Иванова в книге Одоевцевой еле намечен, как бы скрыт в тумане...» (*Седых Андрей*. На берегах Невы. Воспоминания Ирины Одоевцевой // НРС. 1968. № 20075. 25 февраля. С. 9).

6. В процитированной чуть выше заметке 1963 года Седых пишет о «На берегах Невы», как о только что законченной книге. Однако это явное преувеличение. Над основным текстом своих мемуаров Одоевцева работала до лета 1967 года (вышла книга в самом конце 1967 — начале 1968 года). Приведу здесь короткую заметку из информационной рубрики НРС: «Постоянно проживающая в Париже поэтесса и писательница Ирина Одоевцева проводит свои каникулы в Мюнхене.

Ирина Одоевцева закончила книгу воспоминаний “На берегах Невы”, которая появится в скором будущем в издательстве В.П. Камкина» (Блокнот писателя // НРС. 1967. № 19872. 6 августа. С. 8).

Список литературы

1. *Арьев А.Ю.* За медленным и золотым орлом: О петербургской поэзии. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Нестор-История, 2018. 544 с.
2. *Лекманов О.А.* «Жизнь прошла. А молодость длится...» Путеводитель по книге Ирины Одоевцевой «На берегах Невы». М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2020. 864 с.

Статья поступила в редакцию: 01.12.2020
Одобрена после рецензирования: 06.12.2020
Дата публикации: 25.12.2020

Research Article

On the Banks of the Neva by Irina Odoevtseva: Six Comments to Commentary

© 2020. Oleg A. Lekmanov

National Research University “Higher School of Economics”,
Moscow, Russia

Abstract: The paper is a supplement for the recently published detailed scholarly commentary on the classical literary memoirs *On the Banks of the Neva* by Irina Odoevtseva. The supplement is based on the materials from the Russian émigré newspaper *Novoe Russkoe Slovo* (New York): newspaper articles dedicated to I. Odoevtseva’s and G. Ivanov’s life in Paris, referring to some particular details of her memoir, and the comments made in 1960s by Grigory Aronson and Andrei Sedykh on the book edition of the memoir *On the Banks of the Neva* and its publications in the press.

Keywords: Irina Odoevtseva, literary memoirs, biography, literary criticism, Russian émigré periodicals, scholarly commentary.

Information about the author: Oleg A. Lekmanov — Doctor hab. of Philology, Professor, National research University “Higher School of Economics”, 101000, Russia, Moscow, 20 Myasnitskaia str. ORCID ID: <https://0000-0003-0784-5930>. E-mail: lekmanov@mail.ru.

For citation: Lelmanov, O.A. “*On the Banks of the Neva* by Irina Odoevtseva: Six Comments to a Commentary.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 408–413. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-408-413>

References

1. Ar’ev, A. Iu. *Za medlennym i zolotym orlom: O peterburgskoi poezii* [Following the Slow and Golden Eagle: On the Poetry of Peteresburg]. Saint-Petersburg, Izd-vo Pushkinskogo Doma Publ.; Nestor-Istoriia Publ., 2018. 544 p. (In Russ.)

2. Lekmanov, O.A. “*Zhizn’ proshla. A molodost’ dlitsia...*” *Putevoditel’ po knige Iriny Odoevisevoi “Na beregakh Nevy”* [“Life has passed. But youthfulness continues...” A Guide to the book *On the Banks of the Neva* by Irina Odoevtseva]. Moscow, AST Publ., Redaktsiia Eleny Shubinoi Publ., 2020. 864 p. (In Russ.)

The article was submitted: 01.12.2020

Approved after reviewing: 6.12.2020

Date of publication: 25.12.2020

IN MEMORIAM

Николай Алексеевич Богомоллов
(16 декабря 1950 — 20 ноября 2020)

Ушел из жизни выдающийся русский ученый, один из лучших знатоков и исследователей литературы XX века, биограф и издатель М. Кузмина, В. Ходасевича, В. Брюсова, Вяч. Иванова... Поэзия, критика и проза русского модернизма, история журналистики и издательского дела, дневники, мемуары и эпистолярный жанр, история литературного быта и отечественной науки, пушкинистика, стиховедение и авторская песня, биографика и библиография — интересы Николая Алексеевича Богомоллова были универсальны, и во всех областях он оставил важные труды. Н.А. Богомоллов был наставником не только

для журналов МГУ, но и для нескольких поколений ученых-руси-стов, был образцом и примером, научным лидером. Без его поддерж-ки и щедрой помощи наш журнал тоже вряд ли бы смог состояться.

С разрешения Натальи Александровны Богомоловой мы пу-бликуем автобиографию, написанную для персонального сайта Н.А. Богомолова на портале Российской национальной премии «Поэт» (<http://bogomolov.poet-premium.ru/>).

Меня зовут **Николай Алексеевич Богомолов**. Я родился 16 декабря 1950 года, когда мой отец был студентом первого кур-са философского факультета МГУ (а до того лейтенантом ВВС, летчиком-истребителем; уволен из армии по болезни), который впоследствии стал известным историком философии, сперва совре-менной «буржуазной», а потом и античной, профессором кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ. Мать была библиотекарем.

Детство прошло на Смоленской площади, рядом с Арбатом и Плющихой, Собачьей площадкой и Пречистенкой. В 1968 г. окончил московскую школу № 47 в 1-м Неопалимовском переулке и поступил на русское отделение филологического факультета МГУ. С благодарностью вспоминая многих, кто меня учил, все-таки глав-ными своими учителями считаю С.М. Бонди, М.В. Панова и А.П. Чу-дакова. Дипломная работа моя была посвящена акмеизму, которым я рассчитывал заниматься и далее. Однако неожиданно-негаданно я оказался аспирантом неудобозабываемого заведующего кафедрой советской литературы А.И. Метченко. Однако тема кандидатской диссертации «Взаимодействие и борьба идейно-стилевых течений в русской поэзии эпохи гражданской войны» предоставляла много возможностей для интересной работы. Защитил я ее только в 1979 г., почти через 6 лет после окончания факультета: сначала в 1974–1975 гг. служил солдатом в армии (бессмысленно потерянный год!), а потом еще год ждал, когда все позабудут, какие замечания делали на обсуж-дении работы.

После окончания аспирантуры, в 1978 г., я не был оставлен, как планировалось изначально, на своей кафедре, и пришлось искать работу. И тут мне повезло: я попал на факультет журналистики, на кафедру литературно-художественной критики и публицистики, которой тогда заведовал известнейший критик А.Г. Бочаров, а лек-ционные курсы читали Г.А. Белая, Е.М. Пульхритудова, В.Г. Воздви-женский. Их, ныне покойных, я всегда вспоминаю с благодарностью.

Конечно, кафедра не могла существовать отдельно ото всей системы, но в числе первых учеников этой зловещей школы не была никогда. Можно было чувствовать себя свободно и заниматься тем, что казалось важным и нужным. Никто не мешал сидеть в архивах, а контр-пропагандистская марка позволяла пользоваться спецхранами разных библиотек, читая запретную для подавляющего большинства литературу.

Литература начала XX века довольно рано определилась как главное поле моих штудий, но завоевать место в печати было очень непросто. Только с 1987 года, когда уже вполне сказалась перестройка, вдруг это место оказалось вакантным, и оказалось можно печатать неизвестных для широкого читателя авторов (первыми были Гумилев, Ходасевич, Георгий Иванов; потом к ним прибавились Гиппиус, Кузмин — ну и так далее). И писать о них. На рубеже 1980–1990-х годов передо мной вдруг открылись двери, прежде наглухо запертые — «Художественная литература», «Советский писатель», «Книга», практически любые журналы. Впрочем, об этом см. раздел «Библиография».

В 1992 г. я защитил докторскую диссертацию «Проблемы поэзии в русской критике 1910-х — первой половины 1920-х годов» (уже надо объяснять, что объединение до- и пореволюционной литературы выглядело бы пятью годами раньше абсолютной крамолой), потом А.Г. Бочаров передал мне кафедру, которой я с 1994 года и заведую.

Мне приятно, что мои знания оказались нужны не только в России, но и за границей. И если в 1981–1982 гг. в Алжире я преподавал русский язык и литературу более или менее по случайности, то с начала 1990-х годов меня выбирали уже сами университеты. И я был профессором-гостем в Гарварде, Беркли, Принстоне, Хельсинки, Тарту, Сан-Пауло, читал лекции в Италии, Франции, Германии, Австрии, Швеции, Польше.

Мне очень повезло в науке и в преподавании. Но, может быть, еще больше — в семье. Моя жена — известная переводчица с испанского языка и редактор («Художественная литература», журнал «Иностранная литература», издательства «Иностранка» и «Corpus»). У нас двое сыновей и трое внуков.

Вот, как говорил Хармс, и все.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2020 № 4 (18)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская

Подписано в печать 28.12.2020

Формат 60×90 1/16

Усл.-печ. л. 26,0

Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №

2020
№ 4 (18)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ